

Министерство культуры Калужской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Калужской области
«Калужский объединённый музей-заповедник»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы
XVIII Всероссийской научной конференции,
посвящённой 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина
и 220-летию образования Калужской епархии

Калуга
2021

Художник
В. М. Т и п и к и н

В 74 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья:** материалы XVIII Всероссийской научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 220-летию образования Калужской епархии. 3–5 апреля 2019 г.— Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2021.— 304 с.

ISBN 978-5-907177-45-1

Сборник включает материалы XVIII Всероссийской научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 220-летию образования Калужской епархии, проходившей 3–5 апреля 2019 г. в Калужском объединённом музее-заповеднике. Издание отражает результаты исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России.

Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А(2)

ISBN 978-5-907177-45-1

© ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник», 2021
© Авторы публикаций, 2021
© Издатель Захаров С. И. («СерНа»). Оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Суслов П. А.</i> Приветствие участникам Всероссийской научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»	6
<i>Бессонов В. А., Пелисова О. В.</i> Портретная галерея священнослужителей Земли Калужской	7
<i>Николаева Т. Н.</i> Покров преподобного Пафнутия Боровского, 1632 г. Особенности повторной реставрации текстильного памятника древнерусского искусства	18

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Чубур А. А., Грудинкин Б. В.</i> Обзор новых находок плейстоценовой фауны с территории Калужской области	25
<i>Зацаринный С. В.</i> Инвентарь землекопа из погребя XVI столетия в кремле г. Тулы (по материалам раскопок 2014 г.)	27
<i>Гурьянов В. Н.</i> Западноевропейская торговая пломба из раскопок в Брянске	34
<i>Стародубцев Г. Ю.</i> Исследование зерновой ямы на городище Жидеевка	37
<i>Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.</i> Поселение Горнево на р. Шане.	41
<i>Павлишак Е. Н.</i> Археологическое исследование Гжатского тракта	50
<i>Сабаяева И. А., Аралов А. В.</i> Изучение остеологического материала поселения Колесовка-1 в 2011 г.	53
<i>Пуцко В. Г.</i> Археологические находки средневековой металлопластики на территории Калужского края	56
<i>Хухарев В. В.</i> Мраморная плита с поэтической эпитафией из часовни-памятника близ храма Рождества Пресвятой Богородицы в селе Песоченский Завод	63

ИСТОРИЯ

<i>Савосичев А. Ю.</i> Церковная инфраструктура Орловского края в начале XVII в.	7	0
<i>Абакулов В. И.</i> Село Боришево Перемышльского уезда и его владельцы в XVII–XVIII вв.	7	3
<i>Артёмов А. А., Оленичев А. А.</i> О мемориализации исторических объектов, связанных с деятельностью промышленника и мецената С. И. Мальцова в юго-западных районах Калужской области	83	
<i>Лошкарёва Н. П.</i> Боровск после пожара 1857 г.	86	
<i>Сумская С. Е. И. Ю.</i> Страдэ. Помещик, кулак. Трудовой крестьянин?	91	
<i>Красин В. М.</i> Татарские торговцы в Калуге во второй половине XIX—первой четверти XX в.	97	
<i>Попелов В. Д.</i> Организация производства на писчебумажных фабриках Калужской губернии в конце XIX—начале XX в.	101	
<i>Ковалёв А. В.</i> Церковные пожертвования на медицинские нужды в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (На материалах Калужской губернии)	105	
<i>Кондратьев Ю. В.</i> Административно-территориальные преобразования в Калужской губернии 1920-х гг. и их политико-теоретическое обоснование	110	
<i>Лебедев А. Г., Гапонова Ю. А.</i> Охрана границы и Калужский край	112	
<i>Лебедев А. Г.</i> Из истории создания и начала деятельности органов ЧК Калужской губернии	115	
<i>Кометчиков И. В.</i> Сплошное разминирование областей Верхнего Поочья в середине—конце 1940-х гг.	118	
<i>Грин Г. Я., Чернов В. А.</i> На Полотняно-Заводском направлении 8–13 октября 1941 г.	122	

<i>Исаченко А. М.</i> Московское военное инженерное училище в боях при обороне 37-го малоярославецкого и 38-го калужского полевых укрепленных районов Можайской линии обороны в октябре 1941 г.	129
<i>Полугодин А. Д.</i> Выявление коллаборантов советскими органами безопасности и партийными структурами на примере западнорусской деревни в период с 1941 по 1944 г.	135
<i>Черников А. П.</i> Об одной из малоизвестных страниц Великой Отечественной войны: судьба генерала А. Г. Потатурчева	141

КУЛЬТУРА

<i>Пуцко В. Г.</i> Благовещенская церковь в Калуге (по описи 1800 г.)	146
<i>Пуцко В. Г.</i> Икона «Лобзание Иуды» из Благовещенской церкви в Калуге	163
<i>Метальникова Е. В.</i> Традиции православного паломничества в Калужской епархии. XIX в.	166
<i>Заложных Ю. С.</i> Творческий путь В. В. Матэ и художники-передвижники конца XIX—начала XX в. (На примере произведений из собрания Калужского музея изобразительных искусств).	170
<i>Зверева М. В.</i> Об атрибуции видовых гравюр из коллекции Александра Сергеевича Гершельмана (1893–1977)	177
<i>Корнелюк Э. А.</i> Сценографические произведения И. Я. Билибина из собрания Калужского музея изобразительных искусств	186
<i>Бауэр А. А.</i> Песоченский агитационный фаянс 1920-х гг.: новые находки и атрибуции	189
<i>Тригуובה В. А.</i> Дворянских гнёзд заветные аллеи (Из истории усадьбы Смирновых в деревне Трухино Мещовского района).	194
<i>Зубкова И. А., Фомичева Т. И.</i> Палаты Коробовых—связь веков	197
<i>Роянова Г. И.</i> Василий Иванович Извеков в истории Калужского объединённого музея-заповедника.	203
<i>Пелисова О. В.</i> Купеческий портрет в собрании Калужского объединённого музея-заповедника	207
<i>Хохлова Т. М.</i> Купеческие именные кубки XVIII в. из собрания Калужского объединённого музея-заповедника	212
<i>Бессонов В. В.</i> Характеристика коллекции знамён Российской императорской армии из фондов Калужского объединённого музея-заповедника.	215
<i>Сёмочкина О. В., Сёмочкин Н. Ю.</i> Работа А. Л. Чижевского в уголке В. Л. Дурова.	219
<i>Маркина И. В.</i> Из истории дома Коробовых (по документам Государственного архива Калужской области и работам исследователей второй половины XIX—XX в.).	226
<i>Кирпиченкова А. С.</i> Еда как медиатор культуры и природы в творчестве О. Шиловой	231
<i>Фролкина А. В.</i> Отражение реалий послевоенного времени в стихотворениях калужского поэта Вячеслава Щетинникова.	235
<i>Карачун Е. А.</i> Калужский литературный альманах «Облака».	239
<i>Устинова И. В.</i> Мотив тишины в лирике А. Трунина	243
<i>Барбашов Е. Р.</i> Следы почитания славянской богини Мары на Верхней Оке, или Необычная история об обычной козявке	246
<i>Кориунов А. С.</i> Музей села Брынь: собрание и реставрация коллекции	252
<i>Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В.</i> Морфологические особенности глиняной свистульки «Птичка», бытующей на территории Калужского края в XVI—XX вв.	257
<i>Носов О. Н., Носова О. В.</i> Антропоморфные и зооморфные образы на калужских наличниках	261
<i>Гужова И. В.</i> Картины из коллекции музея живописной культуры в собрании Калужского музея изобразительных искусств	266

ПРИРОДА

<i>Новиков В. П.</i> Троица-Екатерининские источники на реке Тече: природа и эволюция	270
<i>Черников К. В., Меленчук В. И.</i> Охранная зона вокруг каптажа родника на примере источника Пафнутьево-Боровского монастыря	276
<i>Воронкина Н. В., Лебедева Ю. А., Пахолук А. А.</i> Водоросли каменистой отмели р. Ока ниже устья р. Калужка	281
<i>Васильева О. Л., Корзиков В. А., Овсянникова Л. В.</i> Динамика численности комаров комплекса <i>Culex pipiens</i> в подвальных помещениях г. Калуги	287
<i>Рулева О. А., Алексанов В. В.</i> Морфометрические особенности наземного моллюска <i>Macrogastra plicatula</i> (clausiliidae) в городе Калуге и окрестностях	289
<i>Кирепко А. В., Швец О. В., Смирнова Е. В.</i> Опыт проведения бёрдвотчинга в Тульской области	292
<i>Попов Е. А.</i> Изменение видового состава птиц в районе аэродрома Калуга (Грабцево) в связи с прекращением деятельности полигона ТБО	295

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ»

П. А. Сулов,

министр культуры Калужской области

Уважаемые участники и гости конференции!

Вот уже более десяти веков существует русская культура, держится преемственность государственности. За эти столетия наше Отечество прошло различные испытания: братоубийственные междоусобицы между княжествами, вассальная зависимость русских земель от империи чингизидов, соперничество двух центров объединения русских земель — Московского государства и Речи Посполитой...

Калужская земля попала в эпицентр противостояния молодого Московского государства и княжества Литовского (будущей части Речи Посполитой). Пять веков назад на реке Угре решалась судьба нашего народа. Будет ли он втянут в воронку одного из самых больших государственных образований в XVI–XVII вв. на территории Европы, потеряет ли русская культура государствообразующую роль в этом котле культур? Или будет иметь самостоятельный путь духовного, культурного и государственного развития, продолжится собирание земель вокруг Москвы?

Мы выдержали экзамен на прочность как на Угре, так и во времена польской интервенции. Чужеродный порядок и власть при всей её дипломатической и политической обоснованности временщиками были органически отторгнуты носителем русской культуры — народом.

Для многих представляет предмет удивления размеры нашего государства, его богатый этнический и культурный состав. Относительно миролюбивая и успешная экспансия России состоялась только благодаря ценностям нашей культуры, основывающейся на многовековом опыте.

Современность ставит перед нами новые задачи: в эпоху глобализации, серьёзных миграционных процессов сохранить культурную и государственную идентичность, оберегая своё культурно-историческое наследие в набирающем обороты процессе «великого переселения народов».

Рост интереса современных людей к культурной и государственной отличительности, несомненно, является фактором роста интереса к краеведческой тематике.

За прошедшие годы научная конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» зарекомендовала себя как масштабная площадка для обсуждения широкого спектра научных вопросов.

Отмечу важность именно научного подхода к истории. Не секрет, что сегодня немалой популярностью пользуется различная псевдоисторическая литература, основанная на произвольной фантазии автора или его идеологических установках. Однако нам нужно адекватно представлять истинную картину прошлого, причины и последствия реальных событий, чтобы принимать эффективные решения и уверенно двигаться вперёд.

Знаменательно, что в нашем регионе, известном своим мощным инновационным потенциалом, такое большое значение придаётся изучению и сохранению историко-культурного и природного наследия. Это, бесспорно, укрепляет нашу кровную связь с родной землёй, формирует здоровую духовно-нравственную атмосферу в обществе и даёт нам силы для новых свершений.

Проведение этой конференции является важным событием в жизни Калужской области, которое, несомненно, внесёт вклад в улучшение процесса научных краеведческих исследований, создаст стимулы для дальнейшей плодотворной работы.

От души желаю всем участникам конференции плодотворного общения и новых интересных открытий!

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ

В. А. Бессонов, кандидат исторических наук;

О. В. Пелисова, искусствовед,

Калужский объединённый музей-заповедник

В фондах Калужского объединённого музея-заповедника хранится коллекция портретов священнослужителей, состоящая из 13 живописных и 3 литографированных изображений¹. Согласно документам, портреты поступили в музей из разных источников. Одни происходили из собрания музея при Калужской учёной архивной комиссии, другие попали в фонды после революционных событий в 1920-х гг. История формирования коллекции в этот период была сопряжена с ликвидацией религиозных учреждений, списанием в советский период с музейного учёта десятков холстов с изображениями царской семьи и священнослужителей. Некоторая часть портретов имела подписи на подрамнике, остальные были записаны в Книгу поступления как портреты неизвестных архиереев. Вопрос атрибуции стал особенно актуален при подготовке выставки, посвящённой 220-летию юбилею Калужской епархии, на которой вниманию посетителей была представлена большая часть хранящихся в собрании музея портретов. В ходе научно-исследовательской работы удалось провести идентификацию всех священнослужителей, изображённых на портретах музейного собрания. При атрибуции помимо методов иконографического и стилистического анализа использовались методы вспомогательных исторических дисциплин, и в первую очередь фалеристики.

Рассматривая неоднородную по составу коллекцию, можно предположить, что портреты создавались для разных галерей. Крупноформатные холсты, вероятно, происходили из семинарской коллекции или могли быть частью интерьеров архиерейского дома. Ряд портретов, поступивших из музея при Калужской учёной архивной комиссии, экспонировался в палатах Коробовых в конце XIX—начале XX в. По всей видимости, портреты духовных лиц создавались в период службы епископов на кафедре или поводом для их написания становилось награждение. Так, подобная причина могла подвигнуть паству к заказу портрета протоиерея калужского Успенского храма Михаила, награждённого в 1818 г. крестом для священнослужителей в память 1812 г.

Важную роль в учреждении в 1799 г. Калужской епархии сыграл знаменитый в истории Православной церкви митрополит Платон (Пётр Георгиевич Левшин; 1737–1812). Он был придворным проповедником, законоучителем наследника престола, членом Святейшего Синода. В 1775 г. назначен архиепископом Московским и Калужским, в 1787 г. возведён в сан митрополита, а с момента образования Калужской епархии стал именоваться митрополитом Московским и Коломенским. Митрополит Платон был автором многих духовных и исторических произведений, в том числе

Митрополит Платон (Левшин).
Неизвестный художник. Первая половина XIX в.
Холст, масло

¹ Фотографические изображения священнослужителей из фондов Калужского объединённого музея-заповедника в данной работе не рассматривались.

Митрополит Платон (Левшин).
Неизвестный художник. Первая половина XIX в.
Холст, масло (до реставрации)

Митрополит Платон (Левшин).
Неизвестный художник. Первая половина XIX в.
Холст, масло. Копия с портрета художника
Л. Гуттенбруна (Москва, 1800 г.)

«Церковной российской истории». Он сыграл значительную роль в учреждении единоверия. Был первым иерархом русской Православной церкви, вступившим в прямые сношения с Англиканской церковью. Более 24 лет Платон возглавлял Калужскую кафедру¹.

В собрании Калужского объединённого музея-заповедника хранятся три изображения митрополита Платона. На первом портрете, написанном, вероятно, с гравюры, на одеянии митрополита изображены ордена Святого апостола Андрея Первозванного и Александра Невского. Следует отметить, что священнослужители, которым государственные награды начали выдаваться лишь при Павле I, отступали от установленных регламентов. Так, существовала традиция ношения духовенством лент орденских знаков исключительно на шее, несмотря на то, что правила указывали располагать их через плечо. В рассматриваемом портрете обращает на себя внимание перенос звезды ордена Святого Александра Невского на правую, не соответствующую порядку ношения наград сторону. При этом изображения епископа Платона с подобной иконографической схемой встречаются в музейных собраниях некоторых региональных музеев. На втором портрете митрополита изображены знаки тех же орденов, но звезда ордена Святого Андрея Первозванного показана на правой стороне, в то время как она должна была носиться на левой. Третий портрет митрополита Платона восходит к живописному оригиналу, выполненному в 1800 г. в Москве австрийским художником Людвигом Гуттенбруном.

Последним епископом Крутицкой епархии, в состав которой входила значительная часть калужских церквей, был Амвросий (Андрей Иванович Подобедов; 1742–1818). Он возглавлял епархию с 1781 по 1785 г., затем она состояла под управлением Московской синодальной конторы, а в 1788 г. была упразднена. Находившиеся в её составе храмы, в том числе и расположенные на территории Калужской губернии, оказались присоединены к Московской епархии. Предметом особой заботы епископа Амвросия (с 1801 г. — митрополита) являлось духовное образование и усовершенствование

¹ Русский биографический словарь: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. Т. 14. С. 49–54.

Митрополит Амвросий (Подобедов).
Неизвестный художник. Первая половина XIX в.
Холст, масло

Митрополит Иона (Василевский).
Неизвестный художник. Середина XIX в.
Холст, масло (до реставрации)

его преподавания. В период пребывания во главе Крутицкой епархии он открыл духовные училища в Боровском и Белёвском монастырях. За успешные труды по реформированию духовного образования Амвросий первым в России был удостоен звания почётного доктора богословия¹.

Портрет митрополита Амвросия написан неизвестным художником в первой половине XIX в. Возможно, он является копией с портрета Амвросия, написанного неизвестным художником и хранящегося ныне в Государственной Третьяковской галерее. На портрете митрополит изображён в архиерейской мантии, большом омофоре, митре, с архиерейским жезлом, с вензелем на белом сулоке. На груди крест и панagia с образом Спасителя, украшенные драгоценными камнями, с алмазными знаками орденов Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест).

Одним из знаменитых духовных деятелей-калужан был митрополит Иона (Иван Семёнович Василевский; 1763–1849). Он родился в Калуге 18 февраля 1763 г.² в семье дьячка-иконописца. В 8 лет лишился родителей и жил со своей слепой собакой, собирая милостыню. На пятнадцатом году случайно был определён в училище при Лаврентиевском монастыре. Это предопределило его дальнейшую жизнь. Окончив в 1790 г. Московскую духовную академию, он вернулся в Калугу священником в Воскресенскую церковь. В 1803 г. был произведён в сан протоиерея. В городе он жил до 1807 г., затем был переведён в Санкт-Петербург законоучителем Коммерческого училища. В 1808 г. в сане архимандрита назначен ректором Калужской семинарии и настоятелем перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. В 1810 г. Иона покинул Калугу. После череды служений в Санкт-Петербурге, настоятелем Волоколамского монастыря, епископом Тамбовским, архиепископом Астраханским он в 1821 г. был назначен экзархом Грузии³.

¹ Русский биографический словарь. Алексинский — Бестужев — Рюмин. СПб., 1900. Т. 2. С. 87–89.

² Даты приводятся по старому стилю.

³ Русский биографический словарь: Ибак — Ключарев. СПб., 1897. Т. 8. С. 316.

Епископ Калужский и Боровский
Феофилакт (Русанов).
Неизвестный художник. 1800 г. (?) Холст, масло

Хранящийся в музее-заповеднике портрет митрополита Ионы создан, вероятно, по литографии А. Бурунова, выполненной по рисунку Г. Гессе. Эта литография была опубликована в Санкт-Петербурге в 1852 г. в книге М. Бельского «Сказание о жизни митрополита Ионы, бывшего экзарха Грузии». На портрете митрополита Ионы изображены орденские знаки Святого Александра Невского и Святого равноапостольного князя Владимира I степени, бронзовый крест в память Отечественной войны 1812 г., наперсный крест с Распятием и панегия, украшенная драгоценными камнями.

Первым епископом, прибывшим во вновь учреждённую 16 октября 1799 г. Калужскую епархию, был Феофилакт (Фёдор Гаврилович Русанов, 1765–1821). Происходил он из духовного звания. Воспитывался в Олонецкой семинарии, обучался в Александро-Невской главной семинарии, где и был оставлен учителем поэзии и риторики. С 1794 г. преподавал в Греческом корпусе, затем до 1797 г. в Сухопутном шляхетном и артиллерийском кадетских корпусах. В 1795 г. был возведён в сан архимандрита и назначен настоятелем Зеленого монастыря. В последующее время был

настоятелем нескольких монастырей, но всё время жил в Санкт-Петербурге. Своими познаниями и даром слова Феофилакт был хорошо известен в столице, знали его и при дворе. Именно его нарекли 23 октября 1799 г. епископом Калужским, а хиротония происходила 30 октября в Гатчине, в присутствии царской семьи. Калужскую епархию Феофилакт возглавлял до 1809 г. С 27 ноября 1812 г. Феофилакт по поручению Синода занимался приведением в порядок пострадавших в ходе Отечественной войны епархий, в том числе и Калужской. С 1817 г. он был назначен экзархом Грузии, в 1819 г. получил сан митрополита, а в 1821 г. заболел тифом и умер¹. Его место в Грузии занял митрополит Иона.

30 октября 1799 г., в день хиротонии, Феофилакт был высочайше пожалован орденом Святой Анны I степени². Именно знаки этого ордена: золотой крест с красной финифтью, широкую красную ленту с жёлтой каймой и серебряную звезду с красным крестом в центре, выделил на портрете епископа неизвестный художник. С восьмиконечной орденской звездой перекликается и панегия, выполненная так же в форме восьмиконечной звезды. В правой руке Феофилакт держит посох с медным навершием, украшенным растительным орнаментом, а в левой — чётки. Вероятно, этот портрет, написанный в первые месяцы служения, положил начало галерее калужских епископов.

В конце своего пребывания в Калужской епархии, 26 июня 1808 г., Феофилакт был награждён орденом Святого Владимира II степени³. Но в это время он уже не жил в Калуге. С 1806 г. он был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде⁴. В марте 1809 г. архиепископ Феофилакт получил назначение в Рязанскую епархию.

Рассматриваемый портрет епископа Феофилакta до последнего времени считался портретом епископа Евгения (Болховитинова) на основании сделанной в инвентарной книге 1930-х гг. записи. Однако изучение иконографии Феофилакta и Евгения, а также порядка их награждения,

¹ Русский биографический словарь: Яблоновский — Фомин. СПб., 1913. Т. 25. С. 466–468.

² Придворный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1810. СПб., [1809]. С. 362.

³ Там же. С. 196.

⁴ Русский биографический словарь: Яблоновский — Фомин. СПб., 1913. Т. 25. С. 467.

позволяет сегодня исправить сделанную в учётной документации ошибку и ввести в оборот неизвестный ранее портрет Феофилакта, созданный предположительно в 1800 г.

С 16 апреля 1809 г. Калужскую епархию возглавил епископ Евлампий (Евфимий Иванович Введенский; 1756–1813). Евлампий происходил из семьи дьякона города Юрьева Владимирской губернии. Обучение проходил в духовных заведениях Владимирской епархии и в Московской духовной академии. Отличался высокой образованностью. В 1788 г. постригся в монахи. В 1792 г. определён ректором Троицкой семинарии, в 1795 г. — Московской духовной академии. С 1798 г. был настоятелем Московского Донского монастыря. В 1801 г. стал епископом Архангельским и Холмогорским. В апреле 1809 г. был направлен в Калужскую епархию. Именно на его долю выпала вся тяжесть управления епархией в период Отечественной войны 1812 г., когда Калужская губерния оказалась местом ожесточённого противоборства и многие храмы подверглись разорению¹.

В 1812 г. Евлампий окормлял Калужскую губернию и южные уезды Смоленской губернии. Сохранил порядок в епархии, организовывал сбор пожертвований для армии, проводил крестные ходы с иконой Калужской Божьей Матери, постоянно обращался с пастырским словом к жителям, сам и через священников общал калужанам сведения о ходе военных действий, призывал к борьбе с врагом и всемерной поддержке русских войск. В начале сентября 1812 г. перед ратниками ополчения Евлампий совершил молебен с коленопреклонением и передал начальнику ополчения В. Ф. Шепелеву хоругвь с изображением Калужской иконы Божией Матери и святого Праведного Лаврентия Калужского². По окончании Отечественной войны и заграничных походов Хоругвь была возвращена в Калугу и помещена в Троицком кафедральном соборе, откуда в 1920-х гг. была передана в музей.

После завершения боевых действий Евлампий активно участвовал в восстановлении богослужения в осквернённых неприятелем храмах, организовывал помощь разорённым войной священникам и мирянам, занимался сбором средств на восстановление пострадавших от неприятеля храмов и монастырей. Война и её последствия отрицательно сказались на слабом здоровье епископа, он умер 22 мая 1813 г. Тело его было погребено в Троицком соборе у южного входа³.

На портрете епископ Евлампий изображён в тёмном облачении со знаками ордена Святой Анны I степени, который был им получен 18 ноября 1806 г.⁴ Это была единственная светская награда пожалованная епископу. Над крестом ордена помещена овальная панягия красного цвета (возможно каменная) в серебряной оправе с короной. В левой руке Евлампий держит деревянный посох с небольшим серебряным навершием, украшенным орнаментом, в правой руке — чётки. Портрет, по всей видимости, был написан в 1809 г., на начальном этапе пребывания епископа в Калужской епархии.

Епископ Калужский и Боровский
Евлампий (Введенский)
Неизвестный художник. 1809 г. (?) Холст, масло

¹ Леонид иеромонах [Кавелин Л. А.] История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876. С. 171–172.

² Зельницкий Г. К. Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. С. 60–64.

³ Леонид иеромонах [Кавелин Л. А.] Указ. соч. С. 187.

⁴ Придворный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1810 ... С. 374.

Протоиерей церкви Успения Пресвятой Богородицы
в Калуге Михаил (Михаил Егорович Любимов).
Неизвестный художник. 1818 г. Холст, масло

Размеры погрудного портрета Евлампия близки с портретом Феофилакта, что позволяет высказать предположение об использовании их в одной галерее. Однако известно о существовании ещё одного поясного портрета Евлампия, изображение которого было опубликовано в Юбилейном сборнике в память Отечественной войны 1812 г. на отдельном листе между 14 и 15 страницами текста первой пагинации¹. Несмотря на имеющиеся отличия, между двумя изображениями прослеживается определённая композиционная схожесть. Вероятно, в сборнике был опубликован портрет из галереи архиереев, находившейся в Калужской семинарии. Местонахождение этого поясного портрета неизвестно, поэтому хранящийся в фондах музея-заповедника портрет Евлампия является на сегодняшний день единственным подлинным изображением епископа, стоявшего во главе Калужской епархии в эпоху 1812 г.

Одним из сподвижников Евлампия был протоиерей церкви Успения Пресвятой Богородицы в Калуге Михаил (Михаил Егорович Любимов). По имеющимся сведениям, он родился в селе Андреевское Калужского уезда, в семье священника Благовещенской церкви Егора (Любимова).

В 1787–1790 гг. иерей Михаил служил в Воскресенской церкви села Лисино, затем был назначен настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в Калуге². В 1808 г. Михаил (Любимов) уже упоминается среди присутствующих в Калужской консистории, то есть он входил в число лиц, занимавшихся управлением Калужской епархией³. На этом посту он состоял около двух десятков лет, до 1828 г. Так, в Месяцеслове на 1828 г., содержащем сведения, собранные к концу 1827 г., протоиерей Михаил ещё значится среди присутствующих Калужской консистории, а в Месяцеслове на 1829 г. его уже нет⁴.

На живописном портрете протоиерей Михаил изображён погрудно, в камилавке, с деревянным посохом в правой руке, украшенным серебряным навершием. Наличие посоха у приходского священника противоречит сложившейся традиции. Вероятно, данный символ пастырской власти, характерный для архиереев и настоятелей монастырей, указывал на занимаемую должность присутствующего в Калужской консистории. На портрете протоиерея показано два наперсных креста. Один — золотой в виде Распятия на цепочке, выдававшийся по указу Павла I от 18 декабря 1797 г. белому духовенству за «отличные заслуги»⁵, а рядом с ним — наградной в память 1812 г. на Владимирской ленте. Этот памятный крест был учреждён высочайшим манифестом от 30 августа 1814 г. для награждения священников, служивших в период Отечественной войны и призывавших «перед Алтарём Всевышнего тёплыми молитвами своими благоволение Божие на всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия, ободрившие народ к единодушию и твёрдости»⁶. Получение креста в память 1812 г., по всей видимости, стало поводом к написанию портрета настоятеля Успенского храма.

¹ Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912.

² *Легостаев В. В.* Синодик священнослужителей: Калужский уезд. Калуга, 2004. С. 10, 34, 263.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1809. СПб., [1809]. Ч. 1. С. 125.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ ... 1828. СПб., [1828]. Ч. 1. С. 334; Месяцеслов с росписью чиновных особ ... 1829. СПб., [1829]. Ч. 1. С. 340

⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 18273. С. 822.

⁶ Там же. Т. 32. № 25671. С. 907; *Петерс Д. И.* Наградные медали Российской империи XIX–XX вв. М., 1996. С. 84.

На оборотной стороне портрета краской сделана надпись: «от роду 48 лет», и ниже другим почерком чернилами приписано: «в 1812 году». Последняя дата не соответствует действительности, так как портрет не мог быть написан в 1812 г. Указанное количество лет однозначно относится к моменту создания портрета, который мог писаться с натуры только после получения протоиереем Михаилом наградного креста.

Следует отметить, что раздача крестов в ознаменование 1812 г. началась только с 1818 г. Последовало это после указа Синода от 14 февраля 1818 г., которым определялся порядок рассылки и выдачи наградных крестов духовенству. В отношении епархий в указе говорилось, «что бы преосвященные архиереи и ставропигиальных монастырей настоятели, по получении тех крестов с актами от Святейшего Синода, следующие лично им возложили на себя, а из прочих, посылаемых ныне на первый раз, раздали и разослали при актах же за своим подписанием монастырским настоятелям, присутствующим к Консистоориях и Духовных Правлениях, соборных и градских церквей протоиереям и священникам, также благочинным, депутатам, увещателям, духовникам и монашествующим; из остальных же за сим прочему духовенству, по рассмотрению их преосвященных, с подписанием каждому по приложенной форме»¹. Таким образом, протоиерей Михаил, как присутствующий в Калужской консистории, должен был одним из первых получить крест в память 1812 г. Произошло это, вероятно, весной 1818 г., после чего и был написан рассматриваемый портрет. Следовательно, 48 лет настоятелю Успенского храма было не в 1812 г., а в 1818 г., и, исходя из этих зафиксированных на портрете данных, родиться Михаил (Любимов) мог в 1770 г.

После кончины епископа Евлампия Калужскую епархию с 19 июля 1813 г. возглавил епископ Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов; 1767–1837). Более трёх лет он оставался на этом посту. Главной задачей, которую решал Евгений, было восстановление храмов и монастырей после разорения 1812 г. и оказание помощи в восстановлении хозяйств пострадавшим священно- и церковнослужителям. 7 февраля 1816 г. он был возведён в сан архиепископа и направлен в Псковскую епархию. Много времени Евгений уделял научной деятельности, ввёл в оборот многие ранее неизвестные исторические факты. Являлся членом Российской и Петербургской Академии наук. Принимал участие в работе археографического кружка графа Н. П. Румянцева².

Портрет епископа Евгения написан после получения им в 1814 г. ордена Святого Владимира II степени. До этого, с 5 марта 1805 г., он был награждён орденом Святой Анны I степени³. Именно знаки этих двух орденов изображены на портрете, написанном неизвестным художником. Между орденскими крестами показана панagia овальной формы. В левой руке епископ Евгений держит чётки, а правой совершает благословление. Сходное по композиции изображение Евгения, с теми же орденскими знаками, выполнил в 1816 г., после назначения его в Псковскую епархию,

Епископ Калужский и Боровский
Евгений (Болховитинов).
Неизвестный художник. 1814 г. (?) Холст, масло
(до реставрации)

¹ Полное собрание законов Российской империи ... Т. 35. № 27271. С. 110–111.

² Чиркова Н. Ю., Шляпкина Е. А. Евгений Болховитинов — учёный и архиерей // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 128–134.

³ Придворный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1810 ... С. 371; Месяцеслов с росписью чиновных особ ... 1814. СПб., [1814]. Ч. 1. С. 174; Месяцеслов с росписью чиновных особ ... 1815. СПб., [1815]. Ч. 1. С. 188.

Епископ Калужский и Боровский
 Антоний (Соколов).
 Неизвестный художник. 1816 г. Холст, масло

гравёр А. Осипов. Существенным отличием этого портрета является то, что правая рука не благословляет зрителя, а опирается на книгу.

Следующим епископом Калужской епархии с 7 февраля 1816 г. стал Антоний (Алексей Фёдорович Соколов; 1767–1827)¹, который оставался на этом посту до 16 марта 1819 г. Находясь во главе Калужской епархии, Антоний дважды, в 1816 и 1817 гг., принимал в Калуге императора Александра I, а также великих князей Николая и Михаила Павловичей. Был знатоком церковного пения, занимался благоустройством Черноостровского Малоарославецкого монастыря и Доброго Покровского. Антоний оставался в Калуге до 10 апреля 1819 г. В этот день, на пасхальной неделе, он освятил Троицкий кафедральный собор, строительство которого началось ещё в 1786 г. Когда Божественная Литургия подходила к концу, Антоний, назначенный в Каменец-Подольскую епархию, произнёс слово и простился с паствой².

Живописный портрет епископа Антония выделяется в коллекции тонкостью письма, вниманием живописца к передаче фактуры тканей, драгоценностей, украшающих панагию и одеяния епископа, награды. Лицо и руки

прописаны тщательно, но сохраняют отголоски парсунности.

Епископ Антоний изображён в парадном одеянии с одетой на шею орденской лентой и знаком ордена Святой Анны I степени. По сторонам награды показаны покрытые алмазами панагия и наперсный крест. В левой руке епископ держит богослужебный жезл, навершие которого украшено повёрнутыми друг к другу змеями. На сулоке жезла читается вензель епископа Антония. Правая рука обращена ладонью к зрителю. Этот символ в иконописи обозначается как ладонь праведника, а в языке жестов означает искренность и доверие. Возможно, этим движением Антоний хотел показать свою открытость, чистоту помыслов, благорасположение и любовь к ближним.

Портрет, вероятно, был написан для галереи калужских епископов в начале служения Антония в епархии. На это косвенным образом указывает изображённый на сулоке жезла вензель епископа в виде букв «ЕАВ», который может читаться как *Антоний епископ Воронежский*. Этот пост Антоний занимал с 1810 до 1816 г. Приехав весной 1816 г. в Калугу, к месту нового назначения, он мог использовать имеющийся у него жезл для позирования. При этом на портрете, нарушая стройную композицию, между панагией и орденским знаком, показан наградной крест на Владимирской ленте в память 1812 г. Манера исполнения этого знака явно отличается от той, в которой выполнен портрет. Наградной крест епископ Антоний, как и протоиерей Успенской церкви Михаил, мог получить только весной 1818 г. Именно тогда на парадном портрете Калужского епископа появился памятный крест, который был специально приписан, чтобы обозначить награждение за участие в событиях Отечественной войны 1812 г.

С 1 июля 1819 г. в Калужскую епархию был назначен епископ Филарет (Фёдор Амфитеатров Георгиевич; 1779–1857). Особое внимание архипастырь уделял строительству, обновлению и благоустройству храмов. За период его епископства было построено 25 каменных церквей. При нём был вновь создан Покровский Добрый монастырь. В Оптиной пустыни в 1820 г. был устроен

¹ Русский биографический словарь: Алексинский—Бестужев—Рюмин. СПб., 1900. Т. 2. С. 226.

² Из Калуги, от 12 апреля // Северная почта. 1819. 26 апреля.

Епископ Калужский и Боровский
Филарет (Амфитеатров).
Неизвестный художник. 1819 г. (?) Холст, масло
(до реставрации)

Митрополит Филарет (Амфитеатров).
Литография В. Дарленга. Санкт-Петербург.
1850-е гг. Бумага

скит, с кельей для Филарета. Епископ возглавлял Калужскую епархию до 12 января 1825 г. После многих лет служения Филарет был назначен в 1837 г. митрополитом Киевским¹. В 2016 г. установлено общецерковное почитание святителя Филарета.

Портрет епископа Филарета, по всей видимости, выполнен в Калуге неизвестным художником-иконописцем для галереи калужских епископов. Филарет изображён в архиерейской мантии и клобуке. На груди нарисован крест с Распятием и панагия. Между ними знаки ордена Святого Владимира II степени и Святой Анны II степени. О том, какое внимание уделялось правильно-му определению степени наград, говорит тот факт, что для обозначения II степени ордена Святого Владимира художник показал выглядывающие из под мантии краешки трёх лучей орденской звезды (золотого и двух серебряных). Именно эти награды имел епископ Филарет в период пребывания во главе Калужской епархии. В левой руке епископ держит богослужебный жезл со змеями и сулоком, а правой рукой благословляет. Данный портрет существенно расширяет имеющуюся иконографию канонизированного церковью святителя Филарета и является одним из ранних его изображений.

В собрании музея-заповедника хранится ещё один уникальный предмет, связанный с митрополитом Филаретом. Это литографический портрет, отпечатанный в 1850-х гг. в мастерской В. Дарленга в Санкт-Петербурге, с собственноручным наставлением митрополита, обращённым, надо полагать, к пастве Калужской епархии. «Завещаю, — писал митрополит, — именем Господа нашего Иисуса Христа хранить непоколебимую верность Благочестивейшему Самодержавнейшему Великому Государю нашему. Филарет Митрополит Киевский».

Место Филарета в Калужской епархии занял епископ Григорий (Георгий Петрович Постников; 1784–1860). Во главе калужской паствы он находился с 4 января 1826 до 20 мая 1828 г. Затем, с 20 мая 1828 до 31 августа 1831 г., Калужской епархией управлял епископ Гавриил (Григорий

¹ Русский биографический словарь: Фабер — Цявловский. СПб., 1901. Т. 21. С. 77–80.

Епископ Калужский и Боровский
Николай (Соколов).
Неизвестный художник. 1834 г. (?) Холст, масло

Иванович Городков; 1785–1862). Вслед за ним в Калугу прибыл епископ Никанор (Николай Степанович Клементьевский; 1787–1856), возглавлявший Калужскую епархию с 9 сентября 1831 до 8 сентября 1834 г.¹ Портретные изображения этих епископов не сохранились в собрании музея-заповедника.

С 26 октября 1834 г. Калужскую епархию возглавил епископ Николай (Иван Поликарпович Соколов; 1780–1851). Сын священника города Медыни, обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1800 г. направлен учителем в Калужскую семинарию. В 1810 г. определён смотрителем Боровского духовного училища. Затем назначен в Тамбовскую семинарию. После многолетнего служения в 1834 г. возглавил Калужскую епархию. Епископ Николай проявлял чуткость и отзывчивость к нуждам духовенства и мирян, поддерживал сельское духовенство во время голодного 1840 г. При епископе Николае в Калуге было выстроено здание епархиальной богадельни, проводился ремонт храмов, благоустраивался Калужский Лаврентьевский монастырь². На свои средства епископ заказал большую серебряную дарохранительницу на Святой пре-

стол Троицкого кафедрального собора. Во главе Калужской епархии епископ Николай находился до своей смерти, последовавшей в ночь на 18 сентября 1851 г. Был погребён возле южных ворот Троицкого собора.

Портрет епископа Николая, как и других епископов, выполнен неизвестным художником в начальный период управления Калужской епархией. Об этом свидетельствуют изображённые на одеянии рядом с панагией знаки ордена Святой Анны I степени. В период последующего служения епископ был пожалован ещё одним орденом Святого Владимира II степени. Сам портрет схематичен по композиции и сдержан в технике исполнения, всё внимание художника сосредоточено на психологической характеристике и тщательной проработке деталей архиерейского облачения. В левой руке епископ Николай держит богослужебный жезл со змеями и сулоком, на котором нанесён вензель ЕН (епископ Николай), а правой рукой он совершает благословение.

Следующим епископом, поставленным во главе Калужской епархии, стал Григорий (Николай Васильевич Миткевич; 1807–1881). Без малого тридцать лет, с 9 декабря 1851 до 13 апреля 1881 г., он руководил епархией. В 1869 г. был возведён в сан архиепископа. При его содействии началось издание «Калужских епархиальных ведомостей», где печатались проповеди епископа. Он принимал деятельное участие в жизни Оптиной пустыни, в возрождении Тихоновой пустыни, покровительствовал старчеству. При Григории было основано Калужское отделение Православного миссионерского общества, преобразованы духовно-учебные заведения, открыто множество церковно-приходских школ, учреждено Калужское женское епархиальное училище. Григорий до конца своих дней возглавлял Калужскую епархию и был похоронен в Троицком соборе у южных ворот³.

В музее-заповеднике имеется два изображения епископа Григория: живописное и литографическое. На портрете, написанном неизвестным художником, епископ Григорий изображён сидящим в повседневном одеянии коричневого цвета, без головного убора. В правой руке он держит

¹ Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1910 г. Калуга, 1910. С. 62.

² Русский биографический словарь: Нааке—Накенский—Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. Т. 11. С. 357.

³ Земля Калужская—земля святая. Калуга, 2014. С. 13.

Епископ Калужский и Боровский
Григорий (Миткевич).
Неизвестный художник. 1853 г. (?) Холст, масло

Епископ Калужский и Боровский
Григорий (Миткевич).
Литография В. Бахмана. Москва. 1860 г. Бумага

чѣтки, а левая рука возложена на стоящий на столе клубук. На шее епископа висит серебряная панагия, с правой стороны одеяния закреплена звезда ордена Святой Анны. Орденская лента и крест на портрете отсутствуют, но наличие звезды однозначно указывает на то, что епископ награждён орденом Анны I степени. За свою службу епископ Григорий был награждён многими российскими орденами. Свой первый орден Святой Анны I степени он получил в 1853 г. Именно это награждение было обозначено орденской звездой на портрете. Других наград у епископа не показано. Это обстоятельство позволяет датировать написание портрета временем близким к получению Григорием Анненского ордена.

Второй портрет епископа Григория был напечатан в 1860 г. в Москве, в литографической мастерской В. Бахмана. Епископ представлен на нём сидящим в кресле возле стола, в рясе и чёрном клубуке, с панагией, наградным крестом в память Крымской войны, знаками орденов Святой Анны I степени с императорской короной и Святого Владимира III степени. В руках епископ держит чѣтки. Литографическое изображение оформлено в специально изготовленную в 1860-гг. рамку с паспарту, в котором сделан овальный вырез. В нижней части паспарту имеется подпись: «Григорій Епископъ Калужскій».

Живописных и графических изображений последующих епископов, возглавлявших Калужскую епархию, в собрании музея-заповедника не имеется. Исключение составляет литография епископа Макария (Макарий Трифионович Троицкий; 1830–1906). Выпускник Орловской духовной семинарии и Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия. Возглавлял Калужскую кафедру с 22 октября 1895 до 11 июля 1901 г. Несмотря на свой преклонный возраст, часто объезжал епархию, ревизуя храмы и школы, везде произнося проповеди и поучения. Перед поездками служил напутственный молебен в Троицком соборе. Оставил после себя духовные труды и проповеди, а также сборник стихотворений. Погребён в Преображенском храме Белёвского монастыря Тульской епархии¹.

¹ Земля Калужская — земля святая. Калуга, 2014. С. 14.

Епископ Калужский и Боровский
Макарий (Троицкий).
Литография М. Т. Соловьёва.
Москва. 1897 г. Бумага, лак

Хранящийся в музее-заповеднике литографированный портрет епископа Макария напечатан в типографии М. Т. Соловьёва в Москве в 1897 г. Он был выполнен, вероятно, по фотографии. Епископ представлен в тёмном облачении, клобуке, с панагией, знаками ордена Святой Анны I степени, Святого Владимира III степени и знаком почётного члена Императорского Православного Палестинского Общества.

Таким образом, в ходе проведённого исследования удалось идентифицировать всех священнослужителей, изображённых на портретах, хранящихся в собрании Калужского объединённого музея-заповедника. Оказалось, что все тринадцать живописных портретов написаны неизвестными художниками. Из них восемь, вероятнее всего, написаны непосредственно в Калуге. Остальные, судя по всему, сделаны с гравированных или иных живописных изображений. На имеющихся портретах и литографиях запечатлён один приходской священник, ректор Калужской семинарии, восемь из двадцати епископов, возглавлявших Калужскую епархию, епископ Крутицкий и митрополит Московский. Как видно, в собрании музея-заповедника отложилась представительная галерея калужских епископов начального периода

да истории Калужской епархии. Так, представлены семь уникальных, не имеющих аналогов, живописных портретов и литография практически всех (за исключением трёх) епископов, стоявших во главе епархии с 1799 до 1881 г. В последующий период, до начала XX в., Калужской епархией управляло десять епископов, в музее-заповеднике имеется лишь один литографированный портрет.

Особое место в собрании занимает литография с автографом митрополита Филарета. Написанное им духовное завещание, оставленное неисполненным, оказалось пророчеством для грядущего века и предопределило судьбу русской православной церкви и русского народа, обрещёго себя на тяжелейшие испытания и мучительный поиск утраченного пути.

ПОКРОВ ПРЕПОДОБНОГО ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО, 1632 г. ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ ТЕКСТИЛЬНОГО ПАМЯТНИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

Т. Н. Николаева,

художник-реставратор 1-й категории, ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря

Летом 2014 г. в отдел реставрации тканей ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря поступил покров преподобного Пафнутия Боровского из Калужского краеведческого музея. Покров был создан в 1632 г. в царских мастерских по обещанию князя Бориса Михайловича Лыкова Оболенского и его жены Анастасии Никитичны, о чём свидетельствует вкладная надпись. В октябре 1633 г. покров возложили на гроб святого, находящийся в храме Рождества Богородицы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. В советский период он находился в небольшом музее при монастыре, действующем и в настоящее время. В Калужский областной краеведческий музей экспонат поступил в 1954 г. Состояние сохранности его на тот момент неизвестно.

В 1965 г. покров был передан на реставрацию в Центральные научно-художественные мастерские (ГЦХНРМ). С памятником работали художники-реставраторы М. П. Рябова, А. Н. Белякова, Т. А. Горошко. Было выполнено фрагментарное дублирование шёлковой камки на тонированный газ и общее дублирование на хлопчатобумажный тюль с применением мучного клея высокой концентрации, по широко используемой в то время методике Н. Н. Семёновича. Спустя чуть больше 10 лет, в 1977 г., состоялась повторная реставрация. Согласно научному паспорту были удалены загрязнения, ослаблены пятна, выполнены многочисленные укрепления иглой тонированными шёлковыми нитями по местам прорывов шёлковой камки, а также тонирование выцветших дублировочных тканей.

После реставрации покров передала в Калужский краеведческий музей, где его представили на постоянной экспозиции, которая была открыта в 1982 г. Памятник поместили в тесную витрину в вертикальном положении с подогнутыми по четырём сторонам каймами. Автор проекта — художник В. М. Пискунов из Ленинграда. Коллектив художников выставки получил 1-ю премию за размещение экспозиции музея в интерьерах исторического здания. После этого покров непрерывно находился в экспозиции вплоть до 2013 г., это 31 год.

На свою третью реставрацию памятник поступил в тяжёлом состоянии сохранности. Вышивка и ткани покрыва, включая дублировочные, очень жёсткие, совершенно лишённые пластичности. Шёлковая ткань фона в результате пропитки мучным клеем утратила гигроскопичность, стала очень сухой и ломкой, вследствие чего образовались многочисленные сечения и разрывы. Фрагменты камки отслаивались от дублировочных тканей и льняной основы, что, в свою очередь, привело к фрагментарным утратам фона, особенно по местам сгибов кайм. Дублировочные ткани и многочисленные шёлковые нити укреплений предыдущей реставрации неравномерно выцвели и обветшали. Потемнение, разрывы, деформации, фрагментарные утраты серебряных нитей вязи.

Подлинная подкладка покрыва утрачена. В процессе предыдущих реставраций была создана реставрационная подкладка, из неотбелённой льняной ткани. При этом вышитая фигура святого: личное шитьё некручёным шёлком «в раскол», одежды святого и позём, шитые кручёным шёлком «в прикреп», а также золотой нимб шитый «по настилу» — дошли до нас в целом в удовлетворительном состоянии.

Учитывая предыдущие реставрации и особенности сохранности памятника, в ходе визуального обследования и определения задания было выделено три стадии реставрационных работ:

- I. Очистка от мучного клея и загрязнений.
- II. Укрепление серебряных нитей вязи.
- III. Реставрация шёлкового фона вышивки.

Покров в постоянной экспозиции
Калужского областного краеведческого музея
(1982–2013 гг.)

I стадия проводилась В. С. Букреевой (художник-реставратор высшей категории) и Т. Н. Николаевой (художник-реставратор первой категории). II и III стадии реставрации осуществлялись художником-реставратором Т. Н. Николаевой.

I с т а д и я. Очистка от мучного клея и загрязнений. Поверхностные пылевые загрязнения были удалены реставрационным пылесосом с мягкой щёткой через редкий газ. Поздняя реставрационная подкладка демонтирована. В процессе демонтажа подкладки и частично тюля открылся ряд отверстий по краям памятника, со следами ржавчины, указывающих на то, что покров в прошлом прибывался по периметру гвоздями. Пятна ржавчины, воска и прочие были ослаблены и по возможности удалены.

По результатам проведения ряда лабораторных исследований разработана методика очистки покрова от мучного клея с применением водного раствора метилцеллюлозы. Выведена необходимая концентрация метилцеллюлозы, достаточная для набухания клея в волокнах ткани, а также оптимальное время экспонирования раствора на очищаемой поверхности. Набухший клей вместе с загрязнениями счищался с оборотной стороны льняной основы шпателем. Удаление клея механическим способом с нитей прикрепов вязи осуществлялось с особенной осторожностью, так как это могло привести к их разрушению. После удаления клея ткани промывались водой с моющим средством, затем многократно промывались дистиллированной водой. В результате ткани покрова приобретали мягкость и пластичность, шёлковой камке возвратился мягкий блеск, проявился рисунок, льняная ткань основы стала небесно-голубого оттенка, без желтизны.

Реставрационный хлопчатобумажный тюль по возможности удалялся, так как в нём содержалось большое количество мучного клея, что заметно усложняло процесс очистки. Но в местах многочисленных пришивок удалять тюль было нельзя, поскольку вместе с ним пришлось бы удалить реставрационные шёлковые нити укреплений шёлковой камки, благодаря которым сохранялась её относительная целостность. Поэтому в местах пришивок на данной стадии реставрации тюль не демонтировался.

Очистка начиналась с кайм, по небольшим фрагментам (12×19 см). Мучной клей был нанесён неравномерно, на одних участках более сильная концентрация, на других менее сильная, но в среднем на очистку одного фрагмента требовался 1 рабочий день. Средник также очищался поэтапно по выделенным фрагментам: сначала вкладная надпись, затем фон вышивки и вышитая фигура святого. После очистки покрова от мучного клея раствором нейтрального моющего средства было очищено серебряное и золотное шитьё. Работа осуществлялась с лицевой стороны с особой осторожностью, чтобы не повредить нити прикрепов.

Далее шла общая водная очистка покрова греческой губкой водным раствором моющего средства «Аист» (Кашемир), с последующей многократной промывкой дистиллированной водой и pH-контролем промывных вод. Учитывая большой размер памятника (его длина 2 м 50 см, ширина 1 м 36 см), а также степень его деструкции, полноценная деликатная очистка водным способом была возможна только на большом вакуумном столе. При этом вакуумный стол позволял устранять деформацию тканей покрова, а также многочисленных фрагментов дублировочного шёлка. Далее покров во влажном состоянии укладывался на фильтровальную бумагу, по возможности устранялась общая деформация, выравнивалась геометрия. На углы и края экспоната, а также на вышитую фигуру святого и нимб налагались грузы и оставлялись до полного высыхания покрова.

II с т а д и я. Укрепление серебряных нитей вязи. На этой стадии реставрации первоначально было выполнено фрагментарное дублирование льняной ткани основы по местам мелких утрат от гвоздей по периметру покрова, с последующим укреплением иглой газовыми нитями. После чего проведено общее дублирование кайм и вкладной надписи на тонированный реставрационный газ с нанесённым акрилатом А-45К. Укреплены разрывы кромок камки швом «реставрационная сетка». После этого можно было приступить к укреплению серебряных нитей вязи в местах отставания, иглой, шёлковыми нитями, тонированными в цвет нитей прикрепов. В результате длительного воздействия мучного клея на основу серебряных нитей и нитей прикрепов они стали очень хрупкими.

Выведение мучного клея по возможности и увлажнение раствором глицерина лишь частично и временно решают проблему восстановления гигроскопичности, основа серебряных нитей

Фрагмент камки, пропитанной мучным клеем.
Макросъёмка

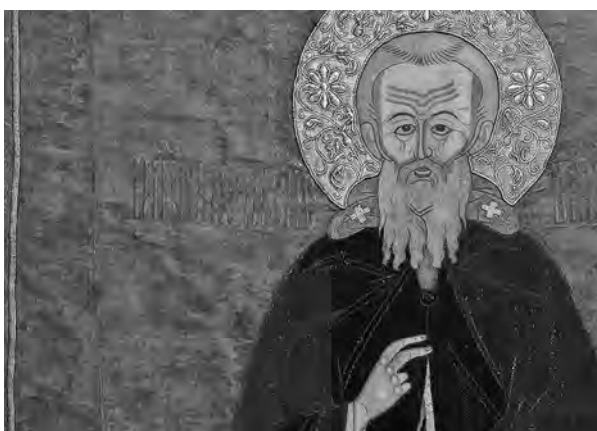
Фрагменты серебряных нитей вязи.
Макросъёмка

вышивки и прикрепы остаются очень хрупкими и ломкими. Поэтому стало ясно, что после укрепления серебряных нитей вязи иглой требуется консервация всего серебряного шитья методом перекрытия реставрационным газом с клеем А-45К. Это было возможно выполнить одновременно с консервацией шёлковой ткани фона после её укрепления.

III стадия. Реставрация шёлковой ткани фона. Это самая сложная и трудоёмкая стадия восстановления покрова. Шёлковый фон вышивки — итальянская камка XVII в., на разных участках имеет разную степень сохранности. За время бытования покрова наиболее сильно пострадала её правая сторона, поскольку именно с правой стороны подходили люди к раке с мощами преподобного Пафнутия Боровского для поклона. Поэтому при первой реставрации вся правая сторона до вкладной надписи и часть фона над нимбом святого была переложена на тонированный плотный газ и фиксирована мучным клеем. Другие участки были фрагментарно сдублированы

а)

б)

Фрагмент покрова шёлковой ткани фона: а) до реставрации, б) после реставрации

на тонированный газ, и затем полностью весь покров был сдублирован на хлопчатобумажный тюль. При повторной реставрации ввели новые фрагменты тонированного газа и укрепили все отстающие фрагменты газа и камки иглой тонированными шёлковыми нитями.

Через 31 год жёсткого экспонирования образовались новые разрывы и фрагментарные утраты, шёлковая камка выцвела, обветшала, местами распадалась на волокна и крошилась в труху. Дублировочные ткани также были в разной степени сохранности. Полностью заменить их новой реставрационной тканью было невозможно из-за ветхости и хрупкости фрагментов оригинальной шёлковой камки.

Тогда был проведён ряд исследований образцов дублировочных тканей, по возможности взятых с разных сторон покрыва, на пластичность, жёсткость, растяжимость, прокол иглой. Образцы были изучены под стереомикроскопом. В результате удалось определить степень разрушения тканей и их пригодность для дальнейшего использования в качестве дублировочного материала. Относительно хорошая сохранность у дублировочных тканей на каймах. Ткани средника и вкладной надписи частично подлежали замене. Но особенно сильно пострадала реставрационная ткань средника с правой стороны. Она была истончена, пересушена, от лёгкого механического воздействия рвалась или рассыпалась. Макросъёмка выявила по всей поверхности многочисленные разрывы волокон. Таков был результат неоднородного освещения покрыва в период длительного экспонирования. Этот фрагмент реставрационного газа полностью подлежал замене.

Реставрация шёлкового фона начиналась с кайм, затем вкладная надпись и средник. Чтобы избежать введения большого количества мелких фрагментов дублировочных тканей, восполнению подлежали заметные утраты, те, что бросались в глаза. На месте небольших фрагментарных

Правая сторона покрыва в процессе замены обветшавшего фрагмента дублировочной ткани камки

Правая сторона покрыва после замены обветшавшего фрагмента дублировочной ткани камки

Покров преподобного Пафнутия Боровского.
Общий вид до реставрации

Покров преподобного Пафнутия Боровского.
Общий вид после реставрации

утрат ослабленные и деформированные нити укладывались в прежнем порядке и укреплялись иголкой швом «реставрационная сетка». На этом этапе работы постепенно, по мере укрепления камки, по возможности удалялись выцветшие шёлковые нити предыдущей реставрации и фрагменты дублировочного тюля. При этом если швы «реставрационная сетка» удалялись практически не травмируя камку, то укрепления типа «штопки» удалялись с большим трудом, а зачастую они так «врастали» в шёлковую ткань, что удалить их, не разрушив при этом хрупкую камку, не представлялось возможным. Подобные укрепления пришлось оставить, к счастью, их было немного.

Обветшавший фрагмент дублировочного газа с правой стороны был демонтирован вместе с остатками шёлковой камки на ней. После демонтажа открылась льняная основа вышивки, которая от длительного воздействия света выгорела до светло-серого цвета, и на ней появились фрагментарные утраты. Они были восполнены неокрашенной льняной тканью с последующим укреплением иголкой.

Для корректного перекрытия такой большой утраты камки потребовалось два слоя реставрационного газа. Первый слой — из тонированной органзы, второй слой — из отваренного реставрационного газа, тонированного прямыми светостойкими красителями. Таким образом, за счёт двухслойности реставрационных тканей достигалась необходимая плотность шёлкового фона вышивки, а неоднородное окрашивание второго слоя реставрационного газа визуально приближало

его к общему неоднородному тону реставрируемой камки. Фрагменты реставрационных тканей с нанесённым на них акрилатом А-45К были фиксированы тепловым способом. На них были уложены фрагменты камки, по возможности в прежнем порядке, и зафиксированы иголкой швом «реставрационная сетка». Небольшие, сильно пересушенные и ломкие фрагменты фиксировались клеевым способом, точно, на клей Lascaux.

После укрепления и восполнения фрагментарных утрат камки шёлковая ткань фона в целом была неоднородна по цвету и фактуре. Особенно выбивались фрагменты дублировочного газа предыдущих реставраций, которые в течение времени неравномерно выцвели и негативно влияли на общее цветовое восприятие памятника. Самые большие фрагменты выцветшего газа в верхней части средника и во вкладной надписи были тонированы кистью акварельными красками в тон камки. Общее поверхностное перекрытие камки тонированным редким газом завершает сглаживание обилия разнообразных оттенков шёлкового фона вышивки. При выборе оттенка газа из выкрашенных пробников предпочтение отдано более насыщенному, яркому оттенку, наиболее близкому оригинальному брусничному цвету камки, сохранившемуся в швах. Тонированный редкий газ с нанесённым клеем А-45К фиксировался сначала тепловым способом, затем прошивался иголкой, насквозь швом «вперёд игла», тонированными газовыми нитями по периметру покрова, по фигуре, по буквам вязи, а также по среднику по местам укреплений.

После консервации фона вышивки под покров была подведена хлопчатобумажная реставрационная подложка, которая была простлана и проглажена для предотвращения возможной усадки. Затем покров вместе с подложкой прошит насквозь по периметру, среднику и контуру фигуры святого тонированными шёлковыми нитями швом «вперёд игла». Далее предстоял монтаж подкладки. По свидетельству Описи Боровского Пафнутьева монастыря 1701 г., у покрова была подкладка из зелёной тафты. Для изготовления реставрационной подкладки была подобрана шёлковая ткань, тафта зелёного цвета, 100 % шёлк. Ткань была увлажнена и пропарена утюгом, уложена на покров, свободно, без натяжения, чтобы избежать возможной последующей усадки и пришита по периметру покрова иголкой точечным швом тонированными хлопчатобумажными нитями.

После реставрации покров был представлен на юбилейной выставке ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря «Век ради вечного», по завершении передан в свой родной Калужский областной краеведческий музей. Будем надеяться, что его ждёт долгая жизнь и счастливая музейно-выставочная судьба.

ОБЗОР НОВЫХ НАХОДОК ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ФАУНЫ С ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Чубур,

*кандидат исторических наук, профессор Российской академии естествознания,
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского*

Б. В. Грудинкин,

научный сотрудник, Калужский объединённый музей-заповедник

Одним из важнейших критериев при поисках палеолитических поселений является наличие останков плейстоценовой фауны. Именно находки фауны способствовали в течение XX—начала XXI в. открытию таких известных позднепалеолитических поселений, как Супонево, Елисеевичи и Юдиново (Брянская область), Авдеево (Курская область), Зарайск (Московская область), мустьерского местонахождения Хотылево 1 (Брянская область), перевернувшего представления о времени заселения Восточной Европы олдованского местонахождения Богатыри-Синяя балка (Краснодарский край) и многих других. Важную роль играет в процессе поисков и выделение зон концентрации таких находок: так, в районе концентрации находок у с. Оболенье (Черниговская область, Украина), выделенной автором [1], киевским археологом Д. Ступаком была обнаружена новая палеолитическая стоянка охотников на мамонта [2]. Стратифицированные находки фауны важны и для геологов: часто это позволяет уточнить датировки геологических тел и горизонтов. В этой связи важно создание и регулярное дополнение кадастров находок плейстоценовой фауны.

Первый такой кадастр для верхнего и части среднего Поочья был создан авторами и рязанским археологом В. М. Буланкиным в середине 90-х гг. прошлого столетия [3]. К территории Калужской области в нём относится 19 находок — немного. Это может быть связано с тем, что значительную часть плейстоцена территория Калужской области была покрыта ледниковым щитом (Окский и Московский/Днепровский гляциалы) и водно-ледниковыми бассейнами. К сожалению, некоторые кости и зубы мамонтов из старых фондов Калужского объединённого музея-заповедника не имеют точной привязки на местности и даже к определённом району и потому в кадастр не вошли.

Между тем находки мамонтовой фауны были известны в окрестностях Калуги ещё в начале XIX столетия. Доктор Отто фон Гун, описывая своё путешествие из Москвы в Украину, между прочим сообщал: «В проезд мой через Калугу имел я удовольствие познакомиться с г. аптекарем Рудольфом, сколько честным в общежитии человеком, столько же и искусным в своём деле; от него получил я в подарок несколько слоновых костей, находимых около города» [4].

За прошедшую с момента издания первого кадастра четверть века накопилась новая информация, которую настоящей публикацией мы вводим в научный оборот, тем самым дополняя его сведения. При обработке материала учитывалось, что не все экспонаты, к примеру, в сельских школьных музеях, можно автоматически считать найденными в окрестностях, в Калужском крае. Так, в музее средней школы с. Кременское Медынского района экспонируется зуб мамонта, но найден он в Сибири, на р. Иртыш, откуда привезён в дар школе одним из бывших учеников. Такие находки нами не учитывались и в реестр не включались.

Бабынинский район

Бабынино, пос. Фрагмент бивня мамонта, найден в окрестностях посёлка. Слабо изогнутый и тонкий, он, скорее всего, принадлежал относительно молодой самке. Бивень какое-то время экспонировался на дневной поверхности (недолго, но достаточно для частичного расслаивания и растрескивания), а затем был погребён в пойменном аллювии. Место хранения: Историко-краеведческий музей п. Бабынино.

Дзержинский район

Сосновый Бор, урочище. Мостовской карьер. В размывах песчаного карьера на р. Угре краеведом К. Сальниковым в 2014 г. найдены обломки костей, фрагмент средней части бивня и зуб мамонта. По словам К. Сальникова, встречены кости и других плейстоценовых животных, в частности — лошади.

Сосновый Бор, урочище — в размывах песка на берегу р. Угры местными дачниками найден фрагмент средней части бивня мамонта. Сообщение Андрея Перепелицына.

Пятовский, пос. Пятовский известняковый карьер. При вскрышных работах в моренных отложениях найдены два бивня мамонта, впоследствии рассыпавшихся на открытом воздухе, и обломок зуба.

Село Льва Толстого пос. — находка правого бивня взрослого мамонта (вероятно самца). Сохранились основная часть и фрагмент альвеолярной части бивня, конец (примерно треть длины) обломан. Бивень происходит из аллювиальных отложений. Экспонируется в Кондровском музее.

Износковский район

Износки с. Износковский карьер. На глубине 10 м в песчано-гравийных ледниковых отложениях найден фрагмент нижней челюсти среднеплейстоценовой лошади с несколькими стёртыми зубами, плохая сохранность. Сообщение Натальи Панченко, 2017 г.

Калужский городской округ

Анненки — по сведениям А. Перепелицына, местными жителями на Анненском перекате Оки был найден крупный фрагмент бивня мамонта.

Козельский район

Дешовки. Находка бивня мамонта и плечевой кости шерстистого носорога (около 2003 г.).

Малоярославский район

Коллонтай д. Песчаный карьер на р. Лужа (правый приток Протвы). В флювиогляциальных средне- и крупнозернистых песках А. В. Фомченковым найдены и переданы в КОКМ фрагмент правой части тазовой кости молодого мамонта (правая сторона) с вертлужной впадиной и с располагавшейся в ней несиностезированной (то есть ещё не приросшей к шейке бедра и державшейся при жизни на соединительной хрящевой ткани) головкой бедренной кости. Необычная анатомическая связь фрагментов костей может косвенно свидетельствовать о том, что туша животного была разорвана действием древнего селевого потока, сходного с описанными геоморфологом В. Пазиничем для бассейна среднего Днепра [5].

Обнинский городской округ

Обнинск. В песчано-гравийном карьере на окраине города найдены фрагмент зуба мамонта, а также сильно минерализованный конец бивня хоботного [https://vk.com/kaluga_paleo?w=wall-137990064_3492%2Fall]. Хранятся в фондах Обнинского музея. Сообщение Андрея Перепелицына.

Перемышльский район

Гордиково д. на территории национального парка «Угра» в размыве берега р. Жиздры летом 2013 г. Наталией Толокновой найден верхний левый последний коренной зуб мамонта позднего типа. Эмаль тонкая, слабоскладчатая, 21 эмалевый карман, длина эмалевых карманов — 10–12 мм. Сохранившиеся фрагменты зуба хранятся в школьном музее школы п. Чкаловский Дзержинского района (информация Н. Толокновой). Важно отметить, что в этой же местности ранее был найден мустьерский остроконечник.

Ферзиковский район

Авчурино с., Криуши с. Растущий песчано-гравийный карьер на левом берегу Оки, содержащий флювиогляциальные и аллювиальные отложения с прослоями галечника. Здесь имели место

многократные находки костей, зубов и бивней мамонта, костей плейстоценовой лошади и других млекопитающий плохой сохранности. Непосредственно авторами осмотрен верхний последний коренной зуб мамонта. Стиранием затронуты 10 эмалевых карманов, эмаль складчатая, толщиной 2,1–2,3 мм, средняя длина эмалевого кармана — 12 мм, ширина коронки — 90,0 мм. Предположительно связан с средневалдайским мегаинтерстадиалом. Оттуда же происходит крестец зрелой, но ещё молодой особи мамонта.

Таким образом, за два десятилетия число известных на территории Калужской области находок плейстоценовой фауны, которые удалось зафиксировать, практически удвоилось. Список находок остатков плейстоценовой фауны в Калужской области и далее будет пополняться, охватывая различные районы. Сведения о некоторых находках, например о находке фрагмента черепа овцебыка, в данный момент находятся в стадии уточнения. Наибольшее количество находок концентрируется в окрестностях Калуги, и это лишь отчасти связано с плотностью населения в городской агломерации и с активными карьерными разработками песка, гравия и известняка. В первую очередь, на наш взгляд, эти находки отмечают сложную геоморфологическую и неотектоническую обстановку на входе в Калужско-Алексинский каньон.

Представляется первоочередной задачей целенаправленный поиск следов представителей раннеплейстоценовых фаунистических комплексов, заселявших территорию Калужского края до Окского оледенения, возможно вместе с ашельским человеком.

Список литературы

1. Чубур А. А. Система «человек-мамонт» в бассейне Десны. Культурная адаптация в верхнем палеолите. Курск: ЦДЮТ, 1993.
2. Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. М., Комар М. С. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння // Епіграфетські пам'ятки Середнього Подніпров'я. Археологічний альманах № 31. Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. С. 9–30.
3. Чубур А. А. Буланкин В. М., Грудинкин Б. В. Сведения о находках верхнеплейстоценовой фауны на территории Орловской, Калужской, Тульской и Рязанской областей России // Труды Рязанского исторического общества. Вып. 1. Рязань, 1997. С. 10–26.
4. Гун фон Оттон. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию: пер. с нем. с рисунками / сочинение Оттона фон Гуна в 3-х частях. М.: Тип. Платона Бекетова, 1806.
5. Пазинич В. Г. Геоморфологічний літопис Великого Дніпра. Київ—Ніжин: Аспект-Полиграф, 2007.

ИНВЕНТАРЬ ЗЕМЛЕКОПА ИЗ ПОГРЕБА XVI СТОЛЕТИЯ В КРЕМЛЕ г. ТУЛЫ (по материалам раскопок 2014 г.)

С. В. Зацаринный,

старший научный сотрудник отдела археологии,

ГУК Тульской области «Объединение “Историко-краеведческий и художественный музей”»

В результате масштабных археологических исследований, проведённых в Тульском кремле в 2013–14 гг.¹, была получена небольшая, но достаточно информативная серия деревянных изделий XVI–XVIII вв. (Зацаринный /в печати/). В слабо увлажнённом культурном слое на территории крепости подобные предметы встречаются при раскопках сравнительно редко, что обуславливает особую ценность каждой новой находки такого рода.

Настоящая публикация вводит в научный оборот комплекс цельнодеревянных орудий труда землекопа, обнаруженных в закрытом комплексе подпола погребца 2-й половины XVI столетия. За всю историю археологического изучения культурного слоя в кремле г. Тулы инвентарь землекопа был встречен впервые. Чрезвычайная редкость подобных находок в позднесредневековых

¹ Охранные раскопки были осуществлены археологической экспедицией ГУК Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей»» под руководством автора (Зацаринный, 2017).

слоях других городов (при том что, судя по масштабам земляных работ в Московии XVI столетия, этот инструмент являлся едва ли не самым доступным и распространённым у подавляющей части населения государства) делает настоящую публикацию действительно актуальной.

Для целостной историко-культурной атрибуции публикуемых предметов считаем необходимым дать общую характеристику конструктивных остатков строительного сооружения, в котором они были выявлены, и привести краткий анализ массового керамического материала из его заполнения, имеющего первостепенное значение для их датировки.

Рассматриваемый комплекс деревянных предметов — две лопаты и шпатель (?) — был обнаружен в 2014 г. при исследовании хозяйственной ямы № 8 в раскопе 20. Конструктивные остатки наземного строения, в котором, по-видимому, находился этот погреб, не сохранились, так как на данном участке раскопа культурный слой был уничтожен заглублённым до уровня материка крупным подклетом избы XVIII в. Конструктивно яма № 8 состояла из двух частей — основного котлована прямоугольной в плане формы и впущенной с уровня его дна овальной в плане подпольной ямы № 8А (рис. 1). Погреб был ориентирован длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Размеры основного котлована — 2,74×(1,50) м (северо-восточная его часть находилась за пределами раскопа и исследована не была), его глубина в материке — 0,84 м. Стенки котлована являлись почти отвесными, а его дно имело слабое понижение к центру. Впущенная с уровня дна подпольная яма № 8А располагалась ближе к ЮВ стенке котлована, имела подовальную в плане форму, крутые

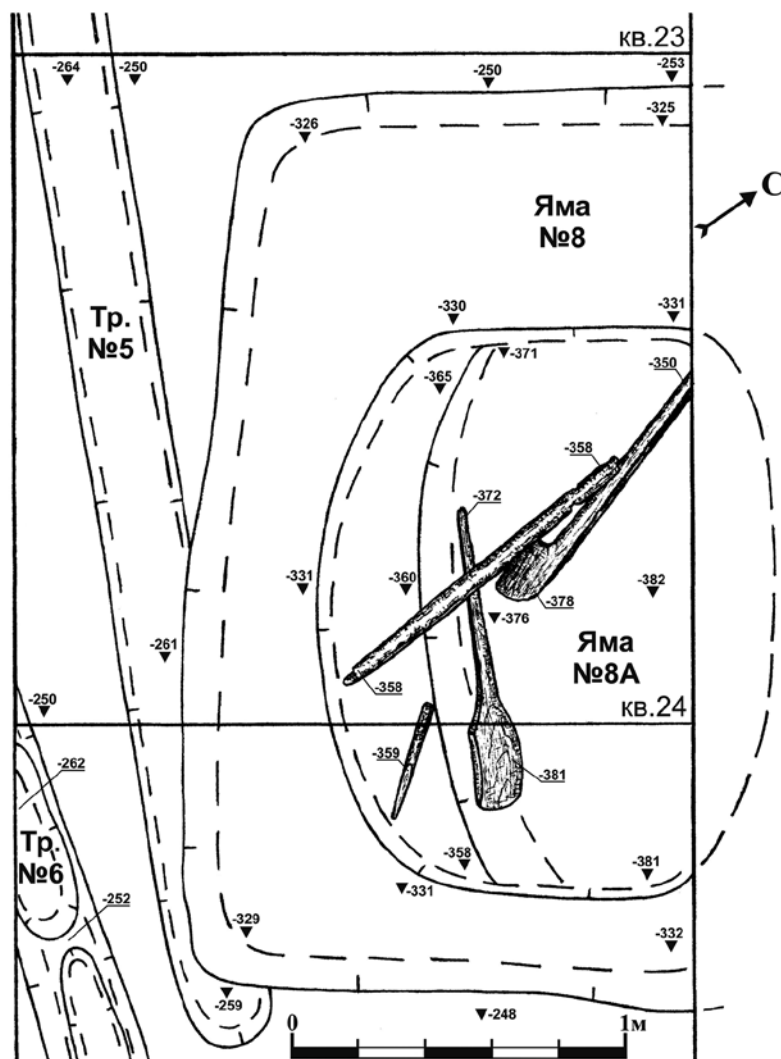

Рис. 1. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20. План котлована хозяйственной ямы № 8 после выборки заполнения с расчищенными деревянными предметами на дне подпола

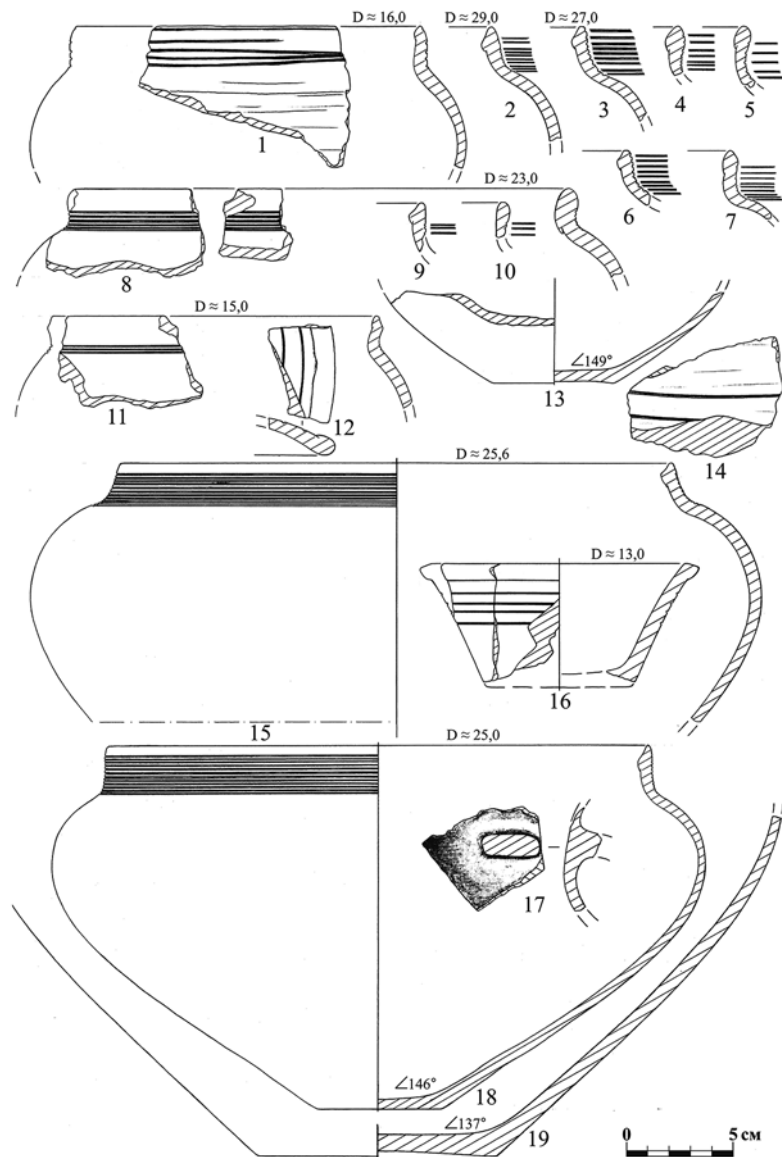

Рис. 2. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20. Хозяйственная яма № 8. Круговая посуда из верхней части заполнения котлована (пласт 1): 1–16, 18–19 — окислительный обжиг; 17 — окислительно-восстановительный обжиг, лощение; 14 — стенка верхней части тулова корчаги; 8 — импортный горшок «верхнеокского типа» с примесью в тесте среднезернистого песка

стенки и пологое дно. Вдоль её ЮЗ края находился уступ (приступка) шириной 0,20–0,26 м. Глубина подпольной ямы — около 0,50 м. Общая глубина погребка в материке — 1,34 м.

Стратиграфия заполнения котлована погребка свидетельствует о том, что оно формировалось не одновременно. Яма № 8А, заполненная слабо гумусированным суглинком с включениями древесных обрубков, была отделена от заполнения основного объёма котлована тонкой (1–2 см) горизонтальной (!) прослойкой древесного тлена, очевидно, являвшейся истлевшим полом. Горизонтальное положение древесных остатков пола над заполнением ямы № 8А указывает на то, что оно сформировалось и уплотнилось значительно раньше, чем был настелен пол в основном объёме котлована, т.е. заполнение ямы № 8А маркирует самый ранний период функционирования погребка, предшествующий его реконструкции. Заполнение котлована ямы № 8 сложено серым гумусированным суглинком с углями и печной обмазкой. В самой верхней его части было встречено несколько обломков подовых кирпичей толщиной 4,3–5,4 см и шириной 13,0 см. Верхняя часть заполнения была «запечатана» полностью истлевыми половыми досками подклета избы XVIII в.

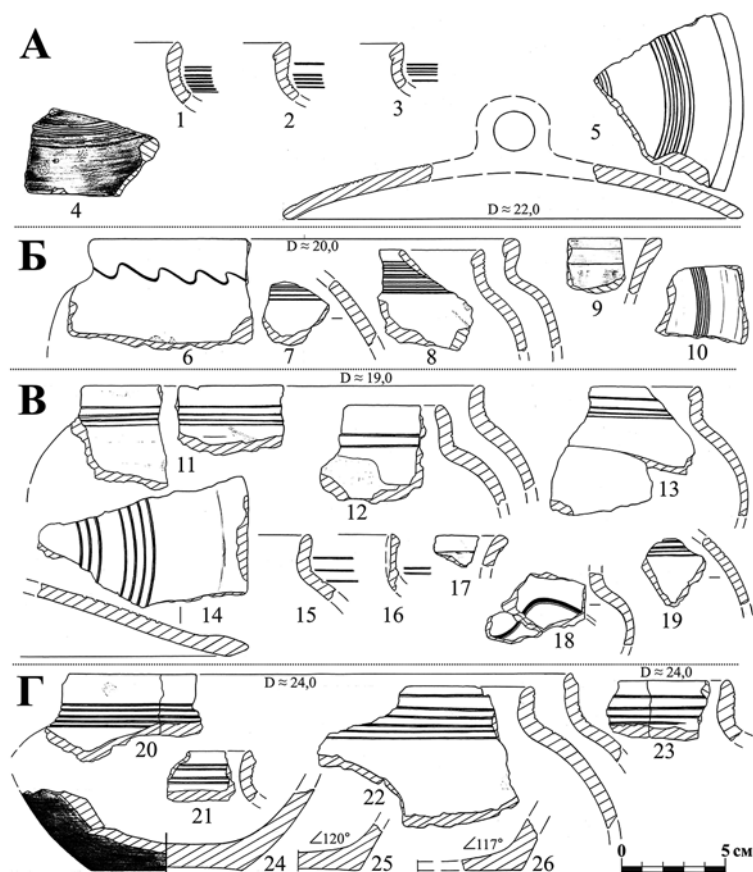

Рис. 3. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20. Круговая посуда из заполнения котлована хозяйственной ямы № 8 (А — пласт 2, Б — пласти 3–4, В — пласти 5–6) и траншеи № 5 (Г): 1–3, 5–8, 10–23, 25–26 — окислительный обжиг; 4, 9, 24 — окислительно-восстановительный обжиг, лощение; 9 — венчик миски; 7, 17, 19 — фрагменты крынок; 6, 18 — импортные горшки «верхнеокского типа» с примесью в тесте мелкозернистого песка

Уточнить стратиграфические наблюдения и определить динамику формирования заполнения котлована позволяют выборки массового керамического материала, полученные из разных его горизонтов (табл. 1, рис. 2–3)¹.

Т а б л и ц а 1

Массовый материал из заполнения хозяйственной ямы № 8²

Пласты	Круговая посуда XVI–XVII вв.									Всего в пласте	Кирпичи	Печная обмазка	Шлаки железные	Кожаные изделия
	Венчики			Стенки			Днища							
	ОБДОП	ВЛ	Всего	ОБДОП	ВЛ	Всего	ОБДОП	ВЛ	Всего					
1	21	–	21	113	6	119	10	1	11	151	11	16	–	–
2	4	–	4	38	7	45	7	–	7	56	5	3	–	–
3–4	3	1	4	40	5	45	5	–	5	54	8	5	2	–
5–6	9	–	9	23	–	23	1	–	1	33	–	–	–	3
Всего	37	1	38	214	18	232	23	1	24	294	24	24	2	3

¹ К сожалению, объём статьи не позволяет нам здесь охарактеризовать керамическую коллекцию из данного объекта на требуемом методическом уровне (Коваль, 2014). По-видимому, эта задача будет реализована в отдельном исследовании.

² Сокращения в таблице: ОБДОП — окислительный обжиг без дополнительной обработки поверхности сосуда; ВЛ — окислительно-восстановительный обжиг, поверхность сосуда обработана лощением.

Котлован ямы № 8 прорезал траншеею № 5 (рис. 1), которая, судя по совокупности признаков керамической серии, относится к начальному этапу застройки крепости /20–50-е гг. XVI в./ (рис. 3Г). Следовательно, закладка котлована ямы № 8 приходится, по-видимому, на 2-ю половину XVI в., что согласуется с материалом из заполнения её подпола — ямы № 8А /пласты 5–6/ (рис. 3В). Верхняя хронологическая граница бытования посуды этой выборки не выходит за рамки XVI в.

Керамическая серия из заполнения основного объёма котлована (вероятно, за исключением 1-го пласта) включает керамическую посуду, в большей степени характерную для 1-й половины XVII в. (рис. 3А-Б). В 1-м пласте (рис. 2), который формировался уже после прекращения функционирования погреба, присутствуют развалы крупных горшков середины — 2-й половины XVII в. (рис. 2, 15, 18). Наличие в пластах 1–4 переотложенных фрагментов посуды XVI в. никоим образом не противоречит нашим наблюдениям. В целом крайне незначительный (даже в пластах 1–4) процент посуды окислительно-восстановительного обжига (около 7,7%) косвенно свидетельствует в пользу формирования этой части заполнения ямы преимущественно в 1-й половине XVII в. Не исключено, что отдельные импортные горшки «верхнеокского» типа (или западной по отношению к Тульскому уезду керамической традиции) попали в крепость в период Смутного времени (рис. 2, 8; 3Б, 6). Профилировка днищ горшков, являющаяся одним из хроноиндикаторов посуды рассматриваемого периода (*Зацаринный, 2004*), представлена в табл. 2. Несмотря на переотложенный характер части днищ, показатели основной их выборки также подтверждают реконструируемую нами динамику формирования заполнения ямы № 8.

Т а б л и ц а 2

Профилировка днищ горшков из заполнения хозяйственной ямы № 8 и траншеи № 5

	Пласты	Количество обломков с определяемой профилировкой	Угол отгиба стенки от линии дна, в градусах
Я. 8	1	9	128, 128, 134, 135, 136, 137, 145, 146, 149
	2	6	125, 138, 138, 140, 140, 141
	3–4	5	132, 133, 134, 142, 148
	5–6	-	
Тр. 5		2	117, 120

Инвентарь землекопа был выявлен при исследовании подпольной части котлована погреба — ямы № 8А, фактически на её дне (рис. 4). Предметы залегали «in situ» в 3-ЮЗ части котлована. Землеройная лопата опиралась концом рукоятки на верхний край котлована «подпола», её рабочая лопасть была обращена к его центру. Выгребная лопата залегала почти горизонтально рядом с ней на дне погреба параллельно основанию пологой стенки приступки. В 0,12 м от её лопасти непосредственно на приступке лежал деревянный кол с полого заострённым клиновидным концом — шпатель (?). С уровня приступки, почти по линии С-Ю, поверх лопат залегал обломок жерди круглого сечения (диаметр — 6–8 см) длиной 106,0 см. Этот деревянный предмет не имел характерных следов антропогенного воздействия (сколов, срезов и т.п.). Тем не менее его нахождение в комплексе с инструментами землекопа могло иметь отношение к процессу производства земляных работ. Таким образом, компактное расположение инвентаря землекопа на дне погреба, при котором предметы были некоторым образом разложены на локальном участке (а не брошены как попало), а также полная сохранность инструментария (т.е. его пригодность для дальнейшего использования), по-видимому, указывают на то, что земляные работы на этом объекте в силу неизвестных обстоятельств были внезапно приостановлены на финальном этапе, после чего больше не возобновлялись. Возможно, для «оптимизации» внутреннего пространства погреба предполагалось ещё, как минимум, срыть приступку в яме № 8А, а как максимум — расширить её до размеров основного объёма котлована с последующим сооружением внутренней деревянной пристенной облицовки. Как бы то ни было деревянный инвентарь в данном заглоблённом объекте был оставлен явно случайно, а не хранился постоянно в сыром месте, непригодном к складированию каких-либо инструментов, тем более — деревянных.

Рис. 4. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20. Инструментарий землекопа на дне подпола хозяйственной ямы № 8: фото на финальном этапе исследования /вид с юго-востока/

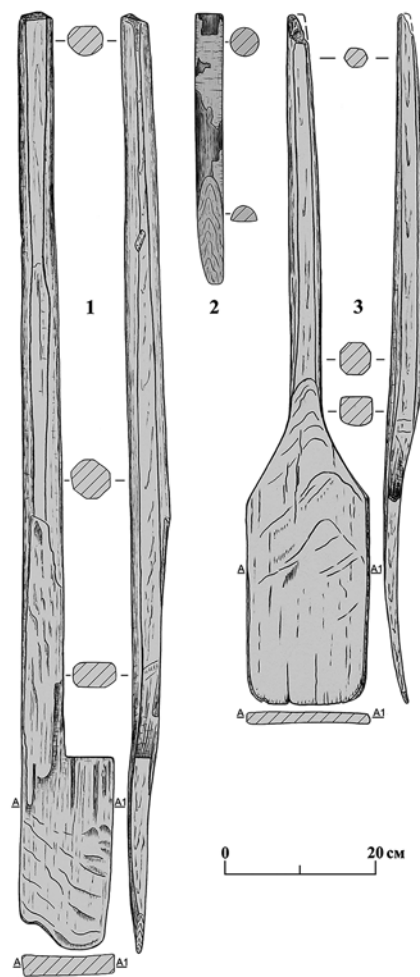

Рис. 5. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20. Инвентарь землекопа из подпола хозяйственной ямы № 8: 1, 3—лопаты, 2—шпатель (?)

Теперь приведём краткое описание каждого из обнаруженных в подполье орудий.

Лопата землеройная (рис. 5, 1). Предмет изготовлен из дуба¹. Изделие имеет характерный для лопат этого типа чётко выраженный горизонтальный верхний край лопасти с одной стороны (уступ под ногу). Общая длина орудия—124,2 см, длина рукояти—98,4 см. Поперечное сечение рукояти—восьмигранное: в верхней части—4,6×3,9 см, в нижней—5,8×3,3 см. Рабочая лопасть лопаты имеет прямоугольную в плане форму (её скруглённый с одной стороны рабочий край образовался, вероятно, в результате длительной эксплуатации инструмента). Длина лопасти—25,8 см, ширина—12,3 см. Ширина уступа под левую ногу составляет 6,4 см. Поперечное сечение рабочей лопасти—прямоугольное, её толщина в верхней части—3,1 см. Аналогичные землеройные лопаты (длина рукоятей—80–95 см, длина и ширина лопастей соответственно—25–30 см и 12–16 см) в значительном количестве встречены при раскопках в Новгороде Великом, где они происходят из слоёв X–XV вв. (Колчин, 1968. С. 17). Основным отличием тульской лопаты от новгородских является расположение уступа лопасти со стороны *левой* ноги. Характеризуя новгородские землеройные лопаты, Б. А. Колчин отмечает, что при их использовании «...на *правый* верхний край лопасти наступали ногой. Поэтому у землеройных лопат одна

¹ Реставрация обеих лопат была проведена в Лаборатории консервации и реставрации мокрого дерева ФГБУК «Новгородский государственный объединённый музей-заповедник» (рук. Л. В. Кокуца). Там же было осуществлено и определение породы их древесины, за что выражаю коллегам свою благодарность.

сторона — *правая* — всегда имела горизонтальный прямой край» /курсив автора. — С. 3./ (Колчин, 1968. Там же)¹. Возможно, ещё одной морфологической особенностью нашей лопаты является полное отсутствие у неё расширения рабочей лопасти со стороны, противоположной уступу под ногу (в этой части рукоять отвесно переходит в лопасть). По-видимому, указанная конструктивная особенность была обусловлена необходимостью максимально сократить ширину лопасти (и, как следствие, уменьшить площадь режущей кромки) с целью повышения её проникающей способности в условиях плотных и вязких материковых суглинков в Туле! Порода дерева тульской землеройной лопаты аналогична материалу новгородских лопат, которые «всегда делались из дуба и были достаточно острыми» (Колчин, 1968. Там же).

Лопата для накладывания (выгребания) рыхлого грунта (рис. 5, 3). Изделие изготовлено из дуба. Оно имеет типичную для таких лопат прямоугольную в плане и слегка выгнутую в сечении лопасть со скруглёнными углами. Её общая длина — 91,4 см, длина рукояти до перехода в лопасть — 48,4 см. Рукоять имеет восьмигранное сечение: в верхней части — 3,0×2,6 см, в основании — 4,2×4,2 см. Общая длина рабочей лопасти — 43,0 см. Длина прямоугольной её части — 27,5 см, ширина — 16,2 см, максимальная толщина в верхней части — 2,2 см. Контекст залегания этой лопаты рядом с землеройной свидетельствует о её использовании для выгребания рыхлого грунта в процессе земляных работ. Возможно, данной лопатой вскопанный грунт также загружался в ёмкости (корзины —?), в которых он выносился за пределы строящегося сооружения. Собственно, морфология и параметрические данные этой лопаты аналогичны новгородским лопатам для накладывания сыпучих тел, выделенным Б. А. Колчиным в отдельный тип. Они характеризуются прямоугольной рабочей лопастью шириной 17–27 см и высотой 25–40 см (Колчин, 1968. Там же).

Шпатель (?) (рис. 5, 2). Изделие в виде заострённого кола круглого сечения. Его длина — 36,0 см, максимальный диаметр рукояти — около 4,0 см. Заострённая часть предмета имеет клиновидную форму: её длина — 14,4 см, сечение полукруглое. Тыльная часть орудия ровно обрезана, её края скруглены. На рукояти местами уцелела кора, характерная для осины (так как данный предмет сохранить не удалось, анализ его древесины не производился). Нахождение этого инструмента в одном комплексе с лопатами вряд ли являлось случайным. Предположительно он мог использоваться при земляных работах в качестве вспомогательного орудия для периодической чистки лопастей лопат от налипавшего на них суглинка (подобный инструмент непременно должен был применяться при земляных работах во влажном и достаточно вязком суглинистом грунте).

В заключение отметим историческое значение обнаруженных при раскопках инструментов. Их очевидной ценностью является комплексность, так как они являют собой набор (возможно, неполный) орудий труда, единовременно использовавшихся для выполнения конкретной работы (в нашем случае — локальных земляных работ). Надёжная и сравнительно узкая их датировка (2-я пол. XVI в.) делает этот комплекс инструментов эталонным для данного периода и региона. Последнее обстоятельство позволяет широко использовать полученные материалы для сравнительного анализа. Нахождение цельнодеревянных лопат в недостроенном материковом котловане убедительно свидетельствует об их эффективном использовании не только при работе с лёгкими грунтами или в огородничестве, но и в условиях плотных и вязких материковых суглинков. Полное отсутствие в археологических коллекциях из раскопок разных лет в Тульском кремле железных оковок лопат (несмотря на значительную суммарную археологически исследованную площадь памятника — около 2 500 кв. м) и вместе с тем внушительное количество выявленных этими же раскопками заглублённых в грунт археологических объектов, по-видимому, косвенно указывают на широкое использование при производстве локальных земляных работ именно цельнодеревянных лопат, подобных выявленным. В этой связи уместно упомянуть следующий факт: в конце XVII в. для ремонта Смоленской каменной городской стены и сооружения рва перед ней (судя по смете Гура Вахрамеева 1692 г.) предполагалось использовать в том числе «50 лопат железных, 100 заступов, 700 лопат» /деревянных. — С. 3./ (Орловский И. И., 1902).

¹ У нас имеются сомнения в категоричности утверждения Б. А. Колчина об исключительно правостороннем расширении лопасти у новгородских землеройных лопат, так как в приведённой автором свода иллюстративной таблице наряду с «праволопастными» приведено изображение и «леволопастной» лопаты (Колчин, 1968. Табл. 1, 6).

Следовательно, даже более чем столетие спустя основным орудием труда землекопов, причём выполнявших «гособоронзаказ» на ключевом фортификационном объекте, по-прежнему продолжала оставаться цельнодеревянная лопата!

Рассматриваемые предметы относятся к эпохе масштабных инженерно-строительных работ, связанных с возведением многокилометровых оборонительных сооружений с дерево-земляными укреплениями в рамках строительства Большой засечной черты, центром которой стал город Тула. В этой связи с высокой степенью вероятности можно предположить, что при сооружении земляных фортификаций на вышеупомянутом стратегическом объекте землекопы могли использовать инвентарь, аналогичный выявленному в Тульском кремле.

Список литературы

1. *Зацаринный С. В.* К вопросу об информационных возможностях придонных частей позднесредневековых круговых горшков (Морфологический аспект) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т. 1. Природа. Археология. Музейная педагогика. Тула, 2004. С. 212–223.
2. *Зацаринный С. В.* Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль: сборник статей. Тула, 2017. С. 176–194.
3. *Зацаринный С. В.* Деревянные изделия XVI–XVIII вв. из раскопок на территории Тульского кремля // Археология Подмосковья (в печати).
4. *Коваль В. Ю.* Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 10. М., 2014. С. 489–556.
5. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е1–55. М., 1968.
6. *Орловский И. И.* Смоленская стена 1602–1902. Смоленск, 1902.

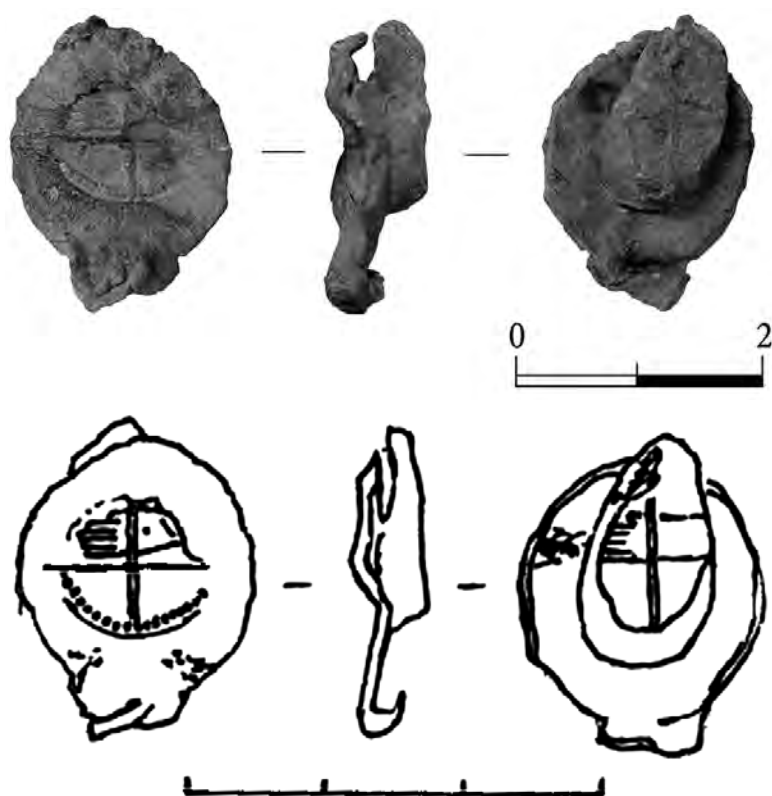
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ТОРГОВАЯ ПЛОМБА ИЗ РАСКОПОК В БРЯНСКЕ

В. Н. Гурьянов,

*начальник отдела организации научных исследований,
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского*

Западноевропейские свинцовые товарные пломбы — интересный, но недостаточно изученный источник по внешней торговле Русского государства XIV–XVII вв. На сегодняшний день на территории Восточной Европы и Западной Сибири известно более 500 находок западноевропейских пломб, большинство которых (около 300 экземпляров) происходят из Новгорода (Гайдуков, Олейников, 2017. С. 245), известны они также в Пскове, Орешке, Смоленске, Твери, Москве, на Селитренном городище — столице Золотой Орды в XIV–XV вв. и даже за Уралом — в Мангазее и на городище Искер в Тюменской области (Гайдуков, Эммерик, 2000. С. 214). Пломбами опечатывались как отдельные куски тканей, так и их обшитые сверху матерчатými чехлами рулоны, в знак подтверждения доброкачественности товара. В странах Западной Европы свинцовые текстильные пломбы (англ. «cloth seals», нем. «tuchplomb») появились в XII веке. Наибольшее распространение пломбы получили среди производителей сукна во Фландрии, больше всего пломб было произведено в XIV–XVI вв.

Пломбирование осуществлялось при помощи двух железных матриц с заглублёнными изображениями, одна из которых представляла собой цилиндрическую наковаленку, а вторая — верхний массивный цилиндр-штемпель. «Заготовки пломб отливались из свинца в специальных формах и представляли собой единую пластину с двумя круглыми расширениями, соединёнными узкой полоской. Одно расширение имело отверстие, второе — выступ. В ходе пломбирования заготовка сгибалась пополам и продевалась в прорезь на краю куска ткани, после этого выступ вставлялся

в отверстие и оба конца намертво скреплялись ударом чекана. Выступ при ударе расплющивался и закупоривал отверстие. Снимали пломбы в ходе розничной продажи сукна, когда от целого полотна отрезали отдельные куски» (Коваль, 2015. С. 212).

К сожалению, торговые пломбы недостаточно хорошо изучены даже у себя на родине, в странах Европы. Как отмечает Л. А. Беляев, в европейской литературе это направление всё ещё страдает «антикваризмом» (Беляев, 2018. С. 25). До сих пор даже нет точных данных о том, какой город какие пломбы изготавливал.

В 2017 г. в ходе спасательных раскопок на территории посада древнерусского Брянска, связанных со строительством жилого дома (на территории Петровской Горы по адресу: пр-т Ленина, 57А), была найдена западноевропейская свинцовая товарная пломба (Гурьянов, Шинаков, Чубур и др., 2017. С. 114–115. Рис. 2:15; 2018. С. 22, 24. Рис. 3). Она представляет собой лицевую часть пластины с выступом и остатками перемычки. Диаметр лицевой части — 18–19 мм. На ней нанесена часть изображения — в круге из точек диаметром около 12 мм правая перчатка с жезлом. Представлена нижняя часть изображения примерно на $\frac{2}{3}$ его размера и примерно $\frac{1}{4}$ часть круга из точек. На оборотной стороне, видимо, часть того же сюжета.

Эмблема «перчатка и посох епископа» хорошо известна по находкам в Москве, где их более десятка (Беляев, 2018. С. 24), в Великом Новгороде (Гайдуков, Олейников, 2017. С. 245), в Вильнюсе (Квизикявичус, 1998. С. 212. Рис. 1), в Сарае и других золотоордынских городах Поволжья (Клоков, Лебедев, 2000. С. 276; Лебедев, Клоков, 2002. С. 95). Эту эмблему соотносят с гербом города Поперинге в Южной Фландрии. Владельцем городка вплоть до Великой Французской революции было аббатство Святого Бертина из Сент-Омера, откуда и епископский герб.

Исследователи, обращавшиеся к анализу западноевропейских свинцовых пломб, датируют их в рамках XIV–XVII вв., однако единого мнения по поводу датировки пломб среди них нет. В. П. Лебедев и В. Б. Клоков считают, что импорт западноевропейских тканей и снятие с них пломб в золотоордынских городах Нижнего Поволжья имели место в середине — второй половине XIV в. (Лебедев, Клоков, 2002. С. 97), Р. Ван Лаере и О. В. Тростьянский достаточно уверенно датируют пломбы в золотоордынских городах второй половиной XIV в. (Ван Лаере,

Тростьянский, 2012. С. 151). В Новгороде подобные пломбы встречены в слоях середины XIII в., второй и последней четверти XIV в. и третьей четверти XV в. (Гайдуков, Олейников, 2017. С. 244. Рис. 3). По материалам Вильнюсского нижнего замка, пломбы из Поперинге датированы второй половиной XV — первой половиной XVI в. (Kvizikevičius, 1999. S.246. P. 9).

Находки пломб из Поперинге из раскопок в Гостином дворе в Москве А. Г. Векслер и В. В. Зайцев датируют временем не позднее второй трети XV в. (Векслер, Зайцев, 1999. С. 242–244). Л. А. Беляев, проанализировав данные стратиграфии раскопа № 7/2015 в Зарядье и письменных источников о производстве суконных тканей в Поперинге, отмечает, что в XV в. суконщики Поперинге сознательно ориентировались на восточноевропейский, в том числе непосредственно российский, рынок (Беляев, 2018. С. 25).

Таким образом, наиболее вероятная датировка брянской находки — конец XIV—XV в. Находка западноевропейской торговой пломбы свидетельствует о том, что Брянск, входивший в это время в состав Великого княжества Литовского, как и другие русские города, был включён в систему общеевропейской торговли.

Список литературы

1. Беляев Л. А. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. Москва—Великий Новгород—2018. СПб.: Любавич, 2018. С. 23–25.
2. Векслер А. Г., Зайцев В. В. О находках западноевропейских товарных пломб при раскопках на Гостином дворе в Москве // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. М.: [б.и.], 1999. С. 242–245.
3. Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Новые находки западноевропейских товарных свинцовых пломб в Великом Новгороде // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 242–246.
4. Гайдуков П. Г., Эммерик Х. Западноевропейская свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2000. С. 213–218.
5. Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А., Чубур А. А., Рябчевский Н. Г. Охранные раскопки на Петровской Горе в Брянске (предварительное сообщение) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2017 г. Брянск: РИО БГУ, 2017. С. 111–116.
6. Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А., Чубур А. А., Рябчевский Н. Г. Спасательные раскопки на Петровской горе в Брянске // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2018. С. 22–25.
7. Квизикявичус Л. Товарные (торговые) свинцовые пломбы // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 210–214.
8. Коваль В. Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 237. С. 211–221.
9. Клоков В. Б., Лебедев В. П. Западноевропейские торговые пломбы из развалин Сарая // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: Москва, 17–21 апреля 2000 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 275–277.
10. Лаере Р. Ван, Тростьянский О. В. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей. Вып. 2. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 144–162.
11. Лебедев В. П., Клоков В. Б. Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотоордынских городищ // Российская археология. 2002. № 1. С. 92–100.
12. Kvizikevičius L. Švininių antspaudų radiniai Vilniuje—XVI–XVII a. importinių audeklų prekybos atspindys // Lietuvos archeologija. 1999. T.18. S.243–251.
13. Van Laere R., Trostyansky O. Medieval Flemish cloth seals from Saray al-Djadid (Russia) // Revue Belge De Numismatique Et De Sigillographie. Extrait. Brussel, 2010. P. 103–128.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗЕРНОВОЙ ЯМЫ НА ГОРОДИЩЕ ЖИДЕЕВКА

Г. Ю. Стародубцев

кандидат исторических наук, директор,
Курский государственный областной музей археологии

Городище расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа) и имеет форму сегмента, примыкающего к берегу реки чуть севернее устья ручья, протекающего по дну урочища «Городище»¹ (рис. 1). С напольной восточной стороны оно укреплено подковообразным валом и рвом. Размеры площадки составляют 40×20 м, высота от уровня реки—4,5–5,0 м. Высота вала—0,5–2,0 м, глубина рва—0,3–0,4 м. С северной, северо-восточной, юго-юго-восточной и южной сторон к городищу примыкают поселения, имеющие площадь от 75×60–75 до 100×340 м. Памятник обследовался в ходе разведочных работ Ю. А. Липкинга в 1960-е гг., А. И. Пузиковой в 1972 г., П. Г. Гайдукова в 1981 г.² Стационарных раскопок на памятнике до 2010 г. не проводилось. В 2010–2012 гг. Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии была исследована площадка городища, произведён разрез вала и частично рва³ (рис. 2).

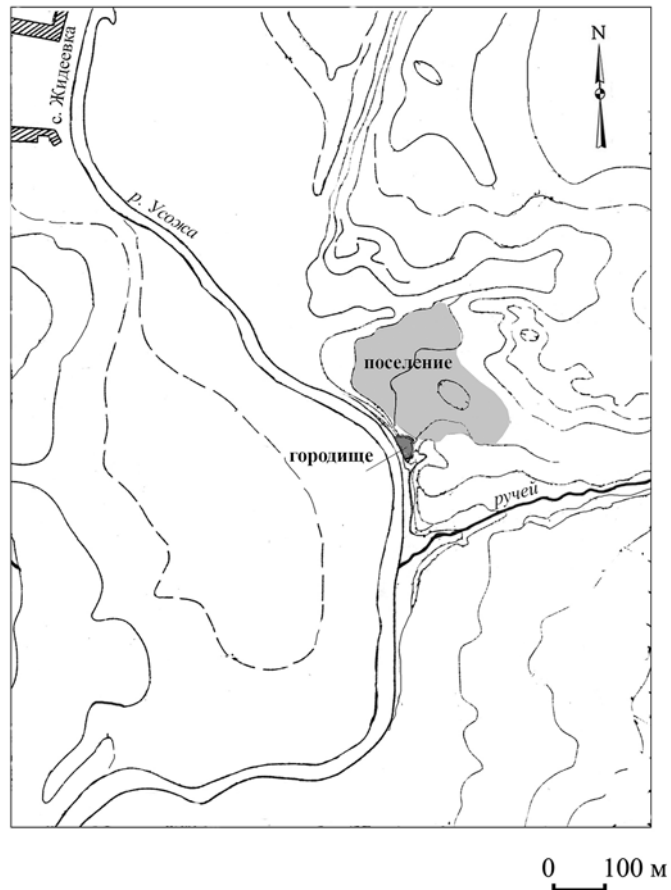

Рис. 1. Археологический комплекс около с. Жидеевка

¹ *Кашкин А. В.* Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998. С. 183–184.

² *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Учёные записки Курского государственного педагогического института. Т. 60. Курск, 1969. С. 188; *Пузикова А. И.* Отчёт о работах Курского отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 480. Л. 2, 3; *Гайдуков П. Г.* Отчёт о работе Курского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9692. Л. 19.

³ *Стародубцев Г. Ю.* Отчёт о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2010 г. // НА КГОМА. Д. I—163; *Стародубцев Г. Ю.* Отчёт о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2012 г. Т. 1 // НА КГОМА. Д. I—161; *Стародубцев Г. Ю.* Приложение к отчёту о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2012 г. Т. 2 // НА КГОМА. Д. I—162; *Стародубцев Г. Ю.* Начало исследований городища Жидеевка // История и археология восточноевропейской деревни: материалы I международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Выпуск I. Брянск, 2011. С. 48–54; *Стародубцев Г. Ю.* Археологический комплекс Жидеевка: нумизматические находки конца X — начала XI веков // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: материалы докладов и сообщений. СПб, 2014. С. 58–64; *Стародубцев Г. Ю.* Раскопки вала городища Жидеевка в 2012 г. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2015. С. 66–69; *Стародубцев Г. Ю.* Раскопки Жидеевского городища // АО 2010–2013 гг. М., 2015. С. 277–278; *Чубур А. А., Стародубцев Г. Ю., Горобец Л. В.* Археозоологические наблюдения по материалам раскопок феодальной усадьбы «Городище Жидеевка» // Междуречье Днестра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии: материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья. Сборник научных трудов. Вып. V. Курск, 2018. С. 147–158.

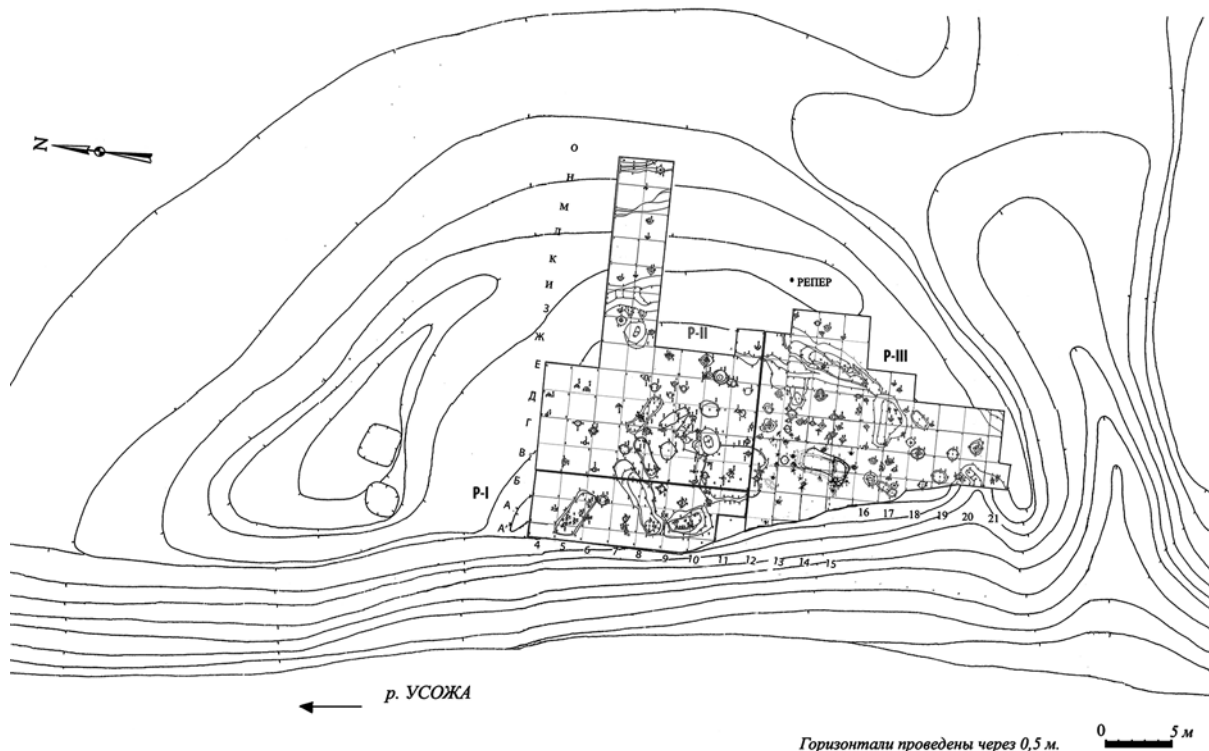

Рис. 2. Топографический план городища, раскопы I-III и объекты, выявленные на уровне материка

Очертания площадки памятника наводили исследователей на одну и ту же мысль: они предполагали, что половина городища обрушилась в реку. Однако данные картографии, подтверждённые затем и результатами археологических исследований, опровергли это предположение. Жидеевское городище являлось одной из опорных точек при составлении планов генерального межевания Дмитриевского и Фатежского уездов Курской губернии в 1785 г. и в результате оказалось отражено на данных планах¹.

В ходе работ в квадратах Г 9, Г 10, Д 10 обнаружена единственная на городище зерновая яма (яма 32) (рис. 3; 6). На уровне материка на глубине –110...–116 относительно репера в плане имела форму неправильной окружности размером 1,98×1,32 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка — 2,47–2,51 м (рис. 5). Её заполнение — тёмно-серая супесь с примесью жёлтого материкового песка в нижней части заполнения.

При выборке заполнения находки обломков посуды фиксировались только в верхних четырёх пластах (табл. 1). Ниже в заполнении находок не обнаружено. При выборке пласта 1 заполнения найдено 54 фрагмента лепной керамики, из них 49 роменской и 5 раннего железного века (в том числе 1 венчик, рис. 4, 1), и 10 круговых фрагментов. Среди круговых фрагментов обнаружено 4 обломка раннекруговой посуды. Найден 1 раннекруговой венчик, украшенный волнистым орнаментом (рис. 4, 2). В заполнении пласта 2 отмечены находки 61 фрагментов лепной керамики (в том числе 4 раннего железного века) и 15 обломков круговой посуды (в том числе 7 раннекруговой). Среди лепной керамики зафиксировано 2 венчика, украшенных «верёвочным» штампом (рис. 4, 3–4). Среди круговых фрагментов венчиков не найдено. В заполнении пласта 3 обнаружено 28 фрагментов лепной керамики (в том числе 2 раннего железного века) и 2 обломка круговой посуды. Среди лепной керамики зафиксировано фрагмента стенок с вторичным обжигом. Среди

¹ Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю. Жилая зона Жидеевского городища рубежа X–XI вв. // Междуречье Днестра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии: материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья. Сборник научных трудов. Вып. V. Курск, 2018. С. 112–146.

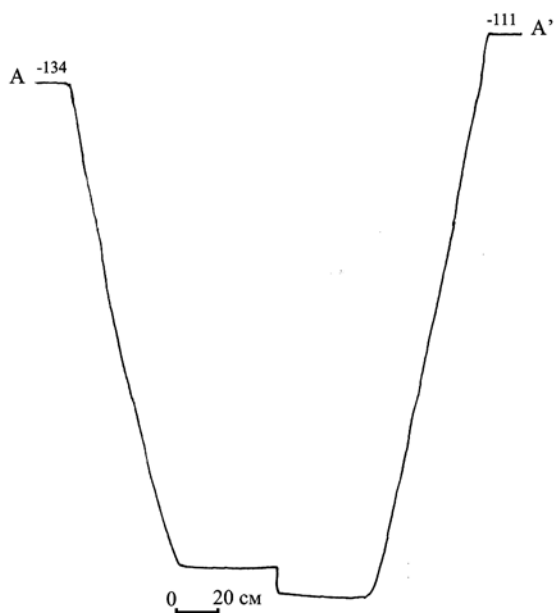

Рис. 5. Профиль ямы 32 по линии ЮЗ—СВ

Рис. 6. Яма 32 после выборки заполнения. Вид с СЗ

лепных и круговых фрагментов венчиков не найдено. В заполнении пласта 4 отмечена находка 1 фрагмента лепной керамики.

Всего в заполнении обнаружено 144 фрагмента лепной керамики (из них 2 роменских венчика), в том числе 11 относящихся к раннему железному веку (из них 1 венчик). Кроме лепной посуды зафиксированы: 13 обломков раннекруговых сосудов (в том числе 1 венчик) и 14 круговых. Помимо фрагментов керамики в заполнении отмечены обломки костей животных (в том числе кальцинированных), камней, обмазки, железной руды. Находки большого количества обломков железной руды (118 экземпляров) в заполнении ямы не должны вызывать удивления. Так как городище расположено в районе Курской магнитной аномалии, то в слое поселения постоянно встречались фрагменты руда различной величины. А склонение стрелки компаса вообще является обыкновенным явлением.

После зачистки дна ямы было обнаружено пятно ямы 32А. В восточной части дна ямы 32 зафиксирована яма 32А, имеющая в плане форму неправильной окружности размером 0,60×0,45 м (рис. 2; 5). Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка на дне ямы 32—0,13–0,14 м (рис. 4). В заполнении обнаружено 5 фрагментов стенок лепной керамики (в том числе 1 раннего железного века), а также 1 фрагмент обмазки, 5 обломков железной руды и 1 фрагмент кости животного (табл. 1).

Судя по всему, ямы 32 и 32А представляли собой зерновую яму. Её объём (в заглублённой в материк части) вычисляется по формуле $V = \frac{1}{3} \pi H (R_1^2 + R_1 R_2 + R_2^2)$ и составлял 9,40–9,55 м³.

После гибели городища и прекращения использования ямы по прямому назначению она постепенно заплыла грунтом с площадки городища.

Исследование материалов, содержащихся в культурных напластованиях и объектах городища, позволило датировать памятник концом X—началом XI в. Городище возникло на территории уже существовавшего к тому времени селища роменской культуры и спустя сравнительно недолгий отрезок времени погибло в результате пожара. Его можно определить как укреплённую усадьбу феодала, которому здешние земли были пожалованы киевским князем после покорения местного населения. О пришлому происхождении строителей и хозяев усадьбы говорит необычная для данной местности конструкция укреплений и жилого сооружения, располагавшегося на площадке городища.

Т а б л и ц а 1

Керамический комплекс заполненных ям 32 и 32А

Яма 32					
Пласты	Лепная		Круговая		Прочее
	Всего	Венчики	Всего	Венчики	
1	54 [в т.ч. 5 РЖВ]	1 РЖВ	10 [в т.ч. 4 р/к]	1 р/к	10 фр. обмазки 1 фр. калыц. кости 4 камня 50 обломков железной руды
2	61 [в т.ч. 4 РЖВ]	2	15 [в т.ч. 9 р/к]		5 фр. обмазки 5 фр. костей животных 3 камня 38 обломков железной руды
3	28 [в т.ч. 2 РЖВ, 2 с вторичным обжигом]		2		5 фр. обмазки 2 фр. костей животных 2 камня 17 обломков железной руды
4	1				8 обломков железной руды
<i>Всего</i>	144 [в т.ч. 11 РЖВ, 2 с вторичным обжигом]	3 [в т.ч. 1 РЖВ]	27 [в т.ч. 13 р/к]	1 р/к	
Яма 32А					
	5 [в т.ч. 1 РЖВ]				1 фр. обмазки 1 фр. костей животных 5 обломков железной руды
<i>Итого</i>	149 [в т.ч. 12 РЖВ, 2 с вторичным обжигом]	3 [в т.ч. 1 РЖВ]	27 [в т.ч. 13 р/к]	1 р/к	

ПОСЕЛЕНИЕ ГОРНЕВО НА р. ШАНЕ

Е. Е. Ефимова, научный сотрудник;

А. Е. Ефимов, кандидат исторических наук, научный сотрудник,

МБУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области

Памятник археологии поселение Горнево 1 выявлен в 2018 г. археологической экспедицией МБУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области. Памятник находится в Медынском районе Калужской области, в 740 м к юго-востоку от юго-восточной окраины д. Горнево Медынского района Калужской области, в 1,6 км к северо-западу от северо-западной окраины д. Никольское. Поселение находится на первой и второй надпойменной террасе левого берега р. Шаня, на мысу, образованным впадением р. Полтевка¹ в р. Шаня, т.е. на второй надпойменной террасе левого берега р. Полтевка (левый приток р. Шаня, левого притока р. Угра) и р. Шаня. Культурный слой поселения исследован через закладку 5 шурфов и сбор подъёмного материала. Памятник ограничен с северо-запада и запада склоном левого берега р. Полтевка, левого притока р. Шаня, с запада склоном левого коренного берега р. Шаня, с юго-запада — поймой р. Шаня. Расстояние до уреза воды в р. Полтевка — 60–9100 м, до уреза воды в р. Шане — 40–480 м. Превышение над уровнем воды в р. Шаня на сентябрь 2018 г. — 4–28 м.

¹ Название реки дано согласно «Атласу Калужского наместничества» 1782 г. В настоящее время это безымянный ручей.

Уклон современной дневной поверхности с северо-северо-востока к юго-юго-западу составляет 24 м. По распространению подъёмного материала и с учётом геолого-топографических характеристик площадь поселения имеет Г-образную форму, вытянутую по линии север-юг вдоль края второй и первой надпойменных террас р. Шани, с размерами 660 м по линии север-юг на 240 м по линии ССЗ-ЮЮВ. Периметр территории памятника — 2232 м, прослеженная общая площадь 226 898 м². Северо-западная оконечность мыса залесена хвойными деревьями, край террасы и склон левого берега р. Полтенки покрыты кустарником. Край и склон второй надпойменной террасы левого берега р. Шани юго-западной части памятника частично залесены смешанным лесом. Большая часть памятника распахивается, вдоль ССЗ и ЮЗЗ границ задернована. Северо-западная оконечность мыса нарушена окопами Красной армии времени Великой Отечественной войны (рис. 1).

В основном в антропогенных обнажениях (распашка, в том числе осенью 2018 г.) и 5 шурфах был выявлен культурный слой поселения, представленный:

- 1) слоем тёмно-серо-коричневой и чёрной супеси с включениями органики, мелких камней, угля, тлена и светло-коричневой-серой супеси, мощностью 0,21–0,31 м;
- 2) надматериковым слоем светло-серо-коричневой супеси, с включениями угля, тлена, органики и светло-серо-жёлтого песка, мощностью 0,04–0,13 м.

Под указанными слоями прослежен материк, представленный красно-коричневым суглинком с включениями светло-серо-жёлтого песка и светло-серо-коричневой супеси. Общая мощность надматериковых напластований, как прослежено по шурфам, составляет 0,34–0,44 м.

При визуальном обследовании указанных надматериковых напластований был собран подъёмный материал. При многовековой распашке исследуемой территории весь подъёмный материал был выявлен не *in situ*.

Для центральной и южной частей памятника отдельного внимания заслуживают прослеженные в свежевспаханном слое крупные пятна чёрной супеси с включениями органики, мелких камней, угля, тлена и тёмно-серо-коричневой супеси со скоплениями лепной керамики, печины и артефактов XIV–XVII вв. (пятно 1) или со скоплениями лепной, незначительного количества круговой керамики и печины (пятна 2–8). Общее количество указанных выявленных участков чёрной супеси — 8. Пятна располагаются на территории поселения Горнево на второй и первой надпойменной террасах левого берега р. Шани, параллельно течению реки, почти по линии в направлении север — юг с незначительными смещениями к западу или востоку (рис. 1). Пятна преимущественно подовальной или подтрапециевидной формы, вытянутые в направлении запад-восток (пятна № 2, 4, 6, 8) или в направлении северо-запад — юго-восток (пятна № 3, 7). Пятна № 1 и 5 неправильной подокруглой формы. Размеры пятен от 29×25 м (пятно № 2) до 76×27 м (пятно № 3). Пятна № 2–4 на второй надпойменной террасе со скоплениями прежде всего лепной керамики, предварительно можно интерпретировать как следы построек II в. до н.э — I в. н.э. Не следует исключать более раннюю датировку пятен № 5–8 на первой надпойменной террасе. Интерпретация пятна 1 затруднительна.

Кроме сбора подъёмного материала на поселении Горнево, прежде всего с целью выявления восточной и южной границ распространения культурного слоя, были заложены шурфы 1–5 размерами 1×1 м, глубиной от 0,30 (шурф 1) до 1 м (шурф 4). В шурфах 2 и 3, заложенных у края второй надпойменной террасы левого берега р. Шани, был прослежен культурный слой памятника, выявлены находки лепной и круговой (в том числе полная форма горшка XIV в.) керамики. В шурфах 1, 4, 5 находок и культурного слоя поселения не выявлено, соответственно, шурф 1 стал ориентиром для установления северо-восточной границы памятника, шурф 4 — южной, шурф 5 — восточной.

В выявленном при первоначальном исследовании поселения Горнево подъёмном материале особое место занимают заготовки, орудия труда и отходы кремнёвого производства — всего 17 предметов (рис. 2). Все находки из кремня были выявлены не *in situ*, но предположительно связаны с предматериковым слоем светло-серо-коричневой супеси с включениями светло-серо-жёлтого песка, серо-коричневой супеси, тлена и угля. Планиграфически в северо-восточной части поселения выявлено 2 отщепа, в северной части — отщеп и стрелчатый скребок, в центральной части со смещением к северу (пятно № 1) — 2 пластины и нуклеус, в центральной части

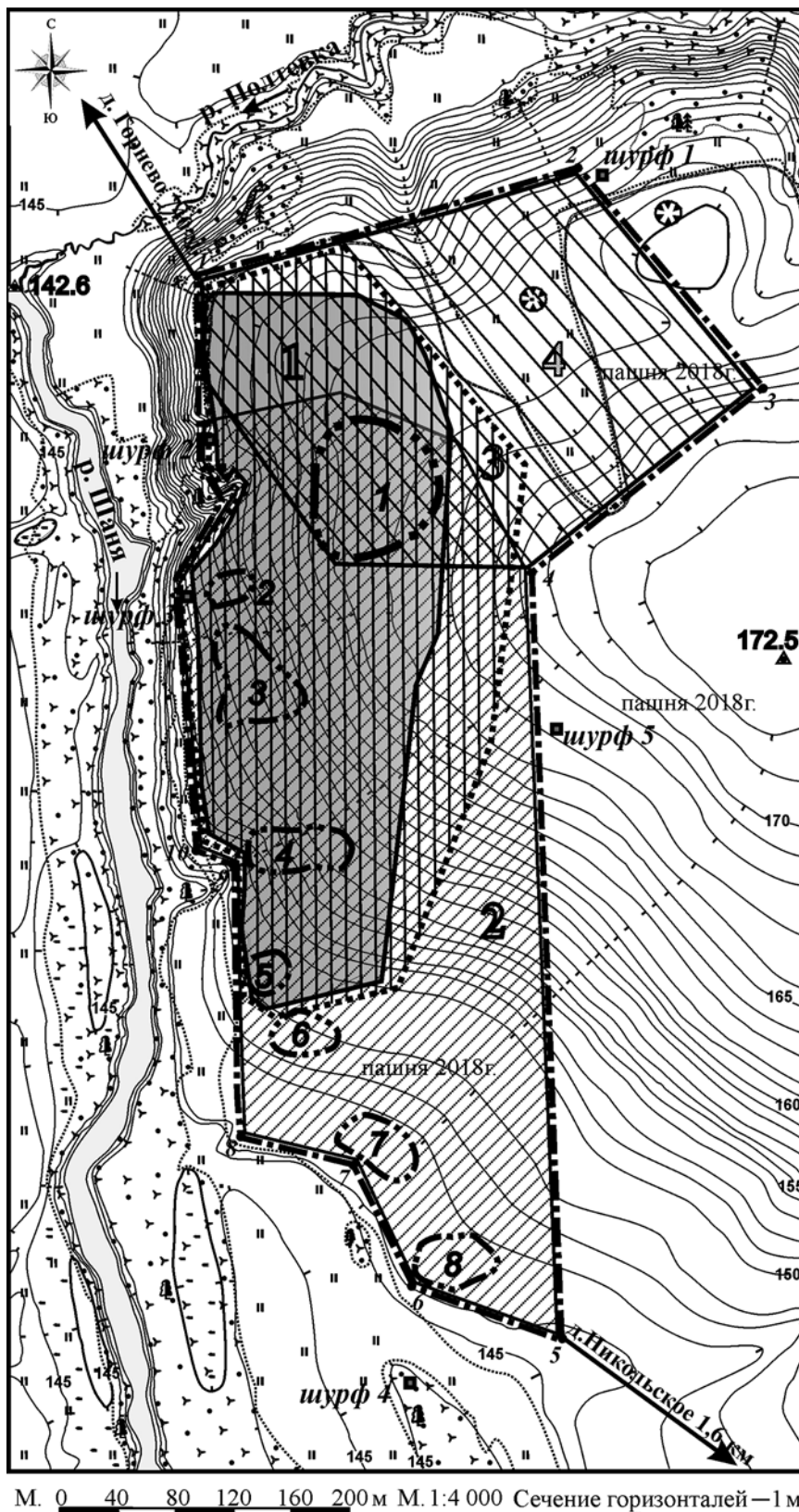

Рис. 1. Топографический план поселения Горнево с указанием участков обживания территории в отдельные исторические периоды. Шурф 4 — места закладки шурфов; 1 — территория выявления кремнёвых артефактов; 2 — территория выявления лепной керамики; 3 — территория наибольшего выявления артефактов XIV–XVII вв.; 4 — участок скопления артефактов XVIII–XX вв.; 2–8 — участки чёрной супеси со скоплениями лепной керамики; 1 — участок чёрной супеси со скоплением лепной керамики и артефактов XIV–XVII вв.

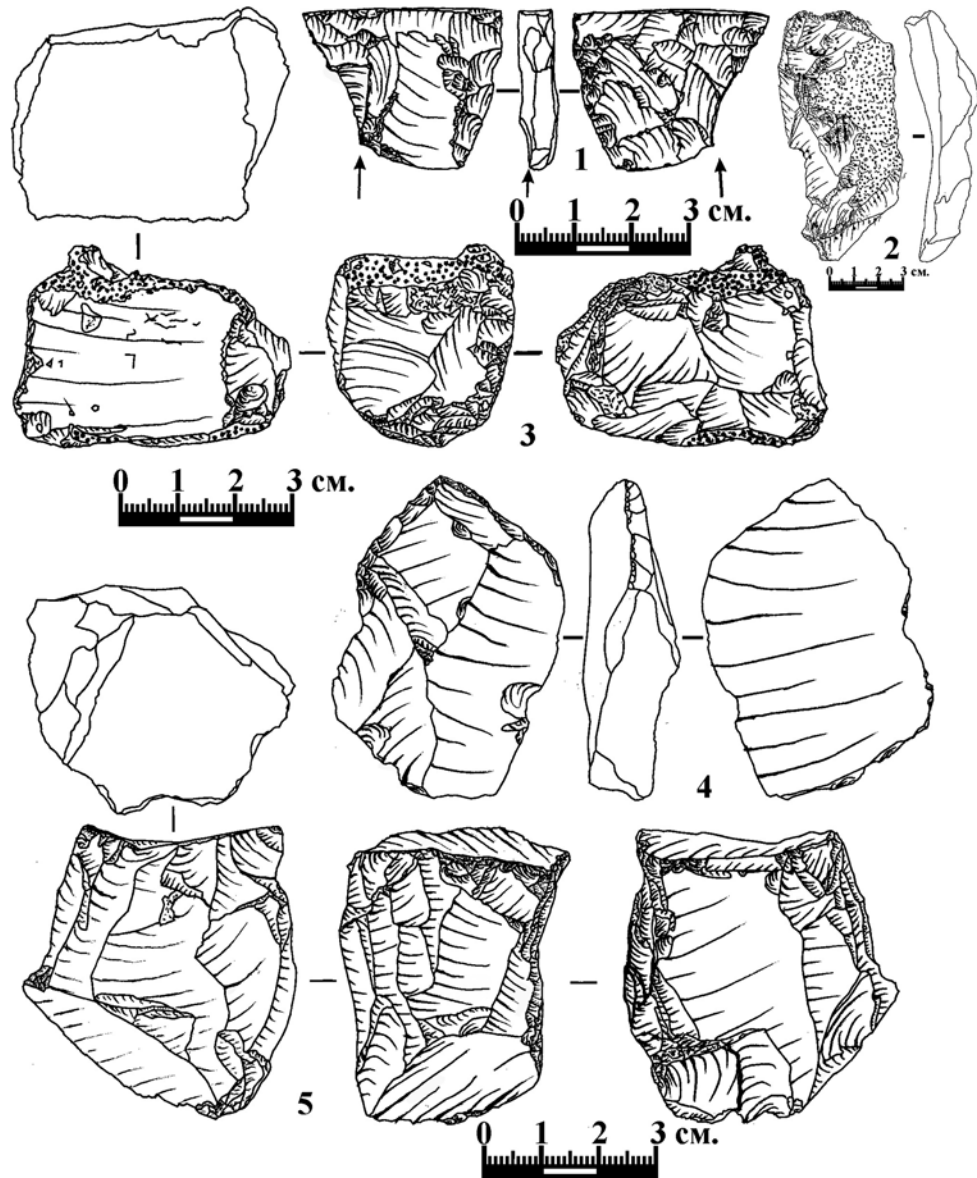

Рис. 2. Калужская область, Медынский район. Поселение Горнево. Кремнёвый подъёмный материал: 1 — пластина коричневого кремня, пятно № 1; 2 — основание ножа на пластине чёрного кремня, пятно № 5; 3 — пренуклеус чёрного кремня, пятно № 1; 4 — стрелчатый скребок на отщепе коричневого кремня, центральная часть участка; 5 — нуклеус коричневого кремня, пятно № 3

со смещением к югу — 2 отщепа и пренуклеус, в южной части — 3 отщепа, пластина и основание ножа. В итоге вся немногочисленная, но типологически полноценная рассматриваемая коллекция находок из кремня представлена нуклеидными (2), отщепами (10), пластинами (3) и 2 предметами со вторичной обработкой. В качестве сырья прослеживается преобладание использования серого кремня (7), реже встречены находки из чёрного (6), розового (2) и коричневого (2) кремня.

Нуклеидные представлены пренуклеусом чёрного кремня подпризматической формы (рис. 2.3), с горизонтальной подработанной фрагментарно по периметру ударной площадкой и четырьмя гранями скалывания для получения отщепов, с широкими поверхностями скалывания, в двух случаях незамкнутыми с сохранением корки и одноплощадочным нуклеусом коричневого кремня подпризматической формы (рис. 2.5), с горизонтально подработанной ударной площадкой и четырьмя гранями скалывания для получения отщепов, с широкими поверхностями скалывания, все замкнутые без сохранения корки, с подработанным дополнительно косым сколом основанием. Отщепы имеют размеры от 17×23×7 до 57×86×13 мм и дорсально-гладкую (3),

продольную (3) или бессистемную (3) огранку дорсальной части, реже радиальную (1). Две небольшие двухгранные плоские пластины неправильного огранения с коркой изготовлены из серого и чёрного кремня. Примечательна двухгранная высокая массивная пластиной коричневого кремня (рис. 2.2) неправильного огранения, с сохранившейся коркой, размерами 118×49×17 мм. Предметы со вторичной обработкой представлены морфологически выраженным орудием с краевой полукрутой средней и мелкофасеточной струйчатой ретушью по двум граням проксимальной части с дорсальной стороны отщепа коричневого кремня, а именно: скребком стрелчатого типа (рис. 2.4), размерами 56×15×6 мм и отщепом коричневого кремня с ретушью (рис. 2.1) размерами 22×16×5 мм, который предположительно можно охарактеризовать как основание ножа или наконечника дротика, имеющее средние и мелкие фасетки полукрутой и плоской ретуши с дорсальной стороны, одинарный режцовый скол на углу проксимальной части заготовки в сочетании с вентральной стороны со средними и крупными фасетками плоской ретуши и мелкими фасетками полукрутой ретуши по одной из граней.

Таким образом, при незначительном количестве выявленного кремнёвого материала, отсутствии среди него наконечников стрел и прочих достоверно определить культурную принадлежность кремнёвого инвентаря поселения Горнево сложно. Характер первичного расщепления и вторичной обработки, незначительное количество пластин только неправильного огранения несут следы аренсбургских традиций обработки кремня, которые являются не редким явлением на памятниках иеневской археологической культуры, в частности на ближайших (12–14 км к ЮЮВ) стоянках Кондрово 2, 3, 5 Дзержинского района Калужской области¹. Но в контексте места выявления, характера вторичной обработки основания ножа и некоторых черт первичного расщепления не следует исключать связь части (или всей?) коллекции находок из кремня с фрагментом лепной ямчатой керамики (рис. 3.18), фрагментами лепной керамики (рис. 3.8, 9) и, соответственно, в совокупности проводить аналогии указанных находок с археологическим материалом позднего этапа верхнеднепровской культуры (вторая половина III тыс. до н.э. — начало II тыс. до н.э.)².

Для поселения Горнево прослеживается планиграфически разнообразное распределение отдельных групп лепной керамики и отдельных групп круговой керамики. Наиболее значимое место принадлежит фрагментам лепных керамических сосудов. Всего фрагментов керамики указанной категории найдено 78, в том числе 67 фрагментов стенок, 2 фрагмента плечиков, 5 фрагментов донц и 4 фрагмента верхних частей сосудов с включением венчиков. Из перечисленных ввиду, как правило, мелких размеров фрагментов можно только предположительно отнести 77 предмета к частям горшковидных сосудов средней величины и один фрагмент обозначить как часть банковидного сосуда.

Наиболее многочисленная группа лепной керамики представлена 65 фрагментами, в том числе 54 фрагментами стенок, 5 фрагментами донц и 2 фрагментами плечиков и 4 фрагментами верхних частей лепных сосудов, найденных в центральной с отклонением к северу и востоку (10 фрагментов), в центральной, в т.ч. в пятне № 1 (13), в центральной с отклонением к юго-западу, в том числе в пятнах № 2 (3) и 3 (17), в юго-западной, в том числе в пятне № 4 (2), в пятне № 5 (4), в пятне № 6 (6) и южной, в том числе в пятнах № 7 (5) и 8 (8) частях памятника. По одному фрагменту керамика данной группы представлена в шурфах 2 и 3. Для данной группы незначительно преобладает толстостенная керамика — 6–12 мм. Основные отличительные черты — преобладание в качестве примесей дресвы и бугристая поверхность. При этом часто зёрна дресвы, выступающие на поверхность, бывают покрыты сверху тонким слоем глины. Примесь дресвы сочетается с примесью кварцевого песка средних (1–2 мм) размеров, иногда в дополнение со слюдой

¹ *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Археологические разведки в пригородной зоне г. Кондрово // От села Кондырево до г. Кондрово: материалы 2-й районной краеведческой конференции, 22–23 ноября 2012. Калуга, 2013; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Памятники каменного века г. Кондрово // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2013; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Археологические исследования в городской зоне города Кондрово в 2014 году // От села Кондырево до г. Кондрово: материалы 3-й районной краеведческой конференции 6–7 ноября 2014. Калуга, 2016; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Исследования памятников каменного века г. Кондрово в 2014 г. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2015. С. 82–85; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Новые памятники каменного века в г. Кондрово // Природа и история Поугорья. Вып. 8. Калуга, 2016. С. 151–158.

² Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 199, 201, рис. 65.

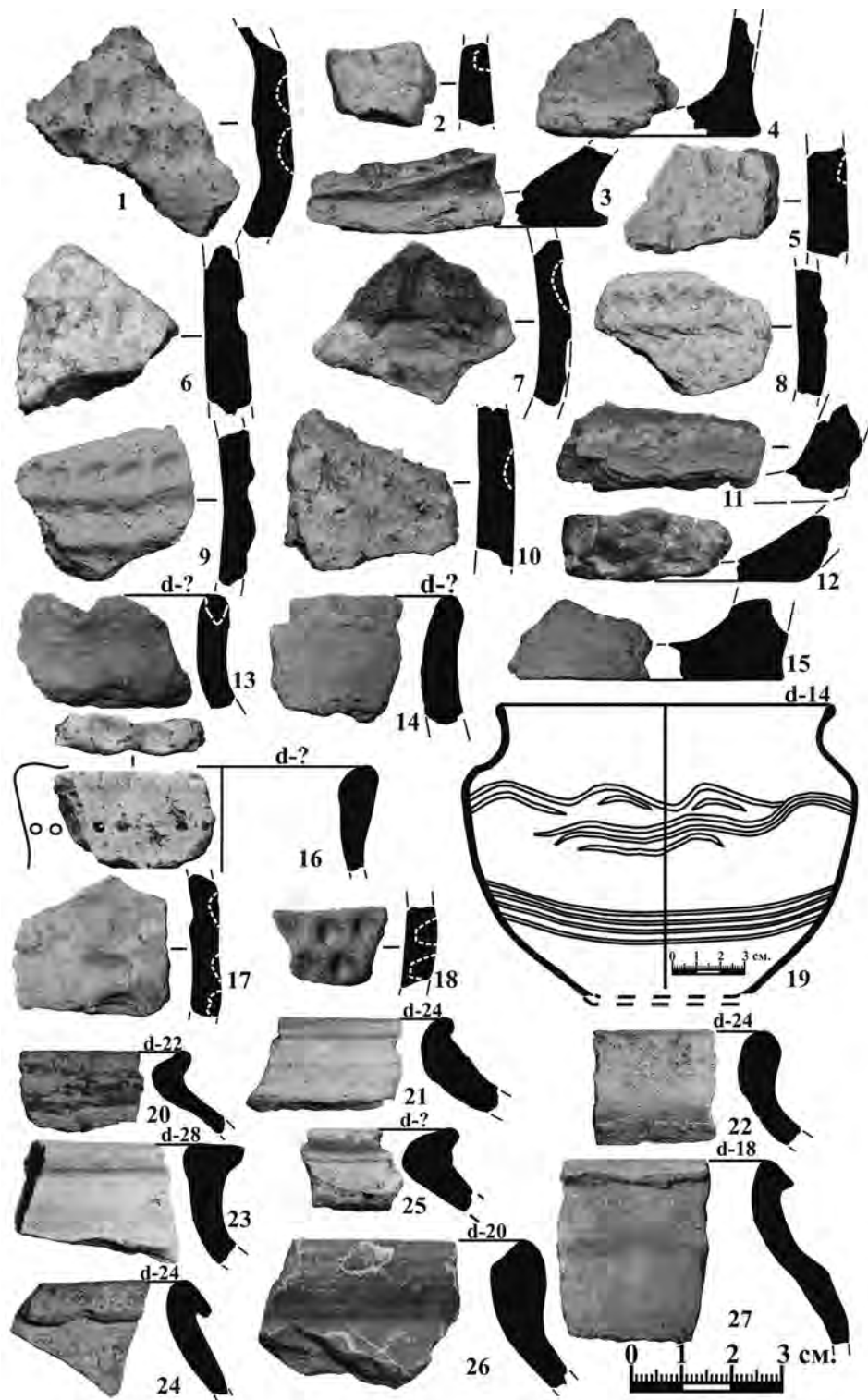

Рис. 3. Калужская обл. Медынский район. Поселение Горнево. Керамический материал. 1, 2, 5–10, 17, 18—фрагменты стенок лепных красноглиняных (1, 2, 7, 8, 9, 10, 17, 18) и белоглиняных (5, 6) сосудов с ногтевыми вдавлениями (1, 5, 7, 10), пальцево-ногтевыми вдавлениями (8, 9, 17), пальцевыми защипами (6), ямчатым орнаментом (2, 18); 3, 4, 11, 12, 15—фрагменты придонных частей лепных красноглиняных (3, 11, 12, 15) и белоглиняных (4) сосудов; 13, 14, 16—фрагменты верхних частей лепных красноглиняных (13, 14) и белоглиняных (16) сосудов с вдавлениями по краю (13), вдавлениями по краю и ямчатым орнамент в один ряд (16), без орнамента (14); 20–27—фрагменты верхних частей круговых белоглиняных горшков. Подъемный материал с северо-восточной (20–24), центральной и восточной (1–4) частей памятника, с пятен № 1 (5, 6, 25, 26), № 2 (7), № 3 (8–13), № 4 (14, 15), № 5 (16), № 6 (17), № 8 (18); 19—развал кругового красноглиняного горшка № 1, шурф 2, яма № 1

(в пяти случаях) и в трёх случаях с шамотом. Весь прослеженный орнамент с различными видами вдавлений нанесён горизонтальными линиями — одна или две по плечикам сосуда или по горлу или (и) по краю венчика, реже хаотично. Преобладают ногтевой штамп — 3 (рис. 3.1, 5, 10). В одном случае (рис. 3.6) зафиксированы пальцевые защипы и в одном случае рис. 3.16) ямчатый орнамент. Интересен венчик с орнаментов в виде линии по плечу сквозных или почти сквозных ямок диаметра до 2 мм, что традиционно считается «участием скифоидного элемента»¹ в формировании такой культурной традиции. Для указанного венчика и для ещё двух (рис. 3.13) по краю венчика также прослежен ногтевой орнамент. Для описанной группы керамики примечательна высокая доля орнаментированной керамики — 9 фрагментов (5,9% от всех образцов группы), т.е. прослеживается явление, зафиксированное ещё Е. А. Шмидтом для керамики 3 стадии днепродвинской культуры, а именно что для Днепра и его притоков орнаментированные части сосудов составляют не более 1% от всех фрагментов, а для рек Угры и Западной Двины он выше². Из придонных частей (5) (рис. 3.3, 4, 12, 15) 4 сформованы без подсыпки, имеют закраину («бортик»). Для 4 верхних частей сосудов (рис. 3.13, 14, 16) прослежены покатые плечики, слабо выраженное слегка вогнутое вовнутрь короткое горло и слегка отогнутый наружу венчик почти без расширения к краю с небольшим закруглением. Указанные характеристики позволяют не только предполагать региональные различия в чертах керамического производства носителей днепродвинской культуры, но и вполне уверенно сопоставить данную группу с третьей стадией изменений в технологии производства слабопровилированной посуды указанной культуры по Е. А. Шмидту³.

Восемь фрагментов стенок лепных сосудов (например рис. 3.2) другой группы принадлежали в основном толстостенным горшкам, сформованных в технике ленточного налёпа из хорошо перемешанной и отмученной красножгущейся глины с обильными примесями крупнодисперсного песка, который выступает на поверхности и делает её шероховатой. На одном фрагменте (рис. 3.2) зафиксирован орнамент в виде разреженно нанесённых цилиндрических ямок. Керамика с описанными технологическими характеристиками (так называемая «песчаная») также характерна для третьей (поздней) стадии бытования днепродвинской культуры, в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.⁴

Ещё менее малочисленная группа представлена 3 фрагментами стенок лепных сосудов (например, рис. 3.17), найденных в центральной части поселения Горнево с отклонением к юго-западу, в пятне 3 и в южной части (пятно 6). Указанные фрагменты толщиной 5 и 7 мм принадлежали стенкам горшков, сформованных из недостаточно перемешанной и отмученной красножгущейся глины с примесью средне- и крупнодисперсного песка, незначительного количества дресвы и слюды, окислительного равномерного обжига с итоговым светло-кирпично-красным цветом поверхностей и излома. Фрагменты украшены горизонтальными полосами из двух рядов наклонных вдавлений, так называемой «горизонтальной ёлочкой», сделанных пальцево-ногтевыми защипами. По ряду технологических характеристик возможны аналогии с керамикой позднего этапа верхнеднепровской культуры (вторая половина III тыс. до н.э. — начало II тыс. до н.э.⁵, однако использование в качестве примесей дресвы и слюды, а также орнамент из пальцевых защипов в данном регионе были распространены в керамическом производстве на третьем, позднем этапе днепродвинской культуры в конце I тыс. до н.э.⁶

Отдельного внимания заслуживает фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 3.17), найденного в самой южной части поселения Горнево, в пятне № 8. Указанный фрагмент принадлежал стенке горшка, сформованного в технике ленточного налёпа из недостаточно перемешанной и отмученной красножгущейся глины с примесью среднедисперсного песка, двухслойного кострового обжига с чёрным цветом изнутри. Снаружи по всей поверхности сохранились два горизонтальных ряда конических, слегка подовальных в верхних очертаниях ямок (диаметр 3 мм, глубина 3,5 мм),

¹ Столяров Е. В. Культурные традиции бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. — I в. н.э.). Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. М., 2013. С. 24.

² Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. М., 1992. С. 95.

³ Там же. С. 95.

⁴ Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 95, 96.

⁵ Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 199, 201, рис. 65.23.

⁶ Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 95, 96.

нанесённых с промежутком в 2 мм, с небольшим наклоном и интервалом до 3 мм, расположенных в итоге в шахматном порядке. Формально по указанным характеристикам напрашиваются аналогии с круглоямочной керамикой льяловской археологической культуры¹. Однако описанный орнамент, на взгляд авторов, по размерам и очертаниям ямок, по характеру их нанесения правильнее именовать «ямчатым», а аналогии проводить с керамическим материалом с поселений позднего этапа верхнеднепровской культуры (вторая половина III—начало II тыс. до н.э.)². Но при всём изложенном находки одного мелкого фрагмента керамики недостаточно, чтобы с уверенностью говорить об обживании территории поселения Горнево в III тыс. до н.э.

В итоге почти все перечисленные характеристики лепной керамики находят полные аналогии с керамикой 3 (поздней) стадии бытования на Днепре, Двине и Угре днепро-двинской археологической культуры, когда можно фиксировать влияние скифоидных и зарубинецких традиций³. Аналогии прослеживаются и с памятниками типа Упа 2 бассейна Верхней Оки⁴. В любом случае датировка второго этапа обживания поселения Горнево не выходит за рамки II—I вв. н.э. Вопрос о культурной принадлежности обитателей поселения Горнево и, по мнению авторов, почти для всех памятников раннего железного века этого времени, выявленных в бассейне р. Угра, остаётся полностью открытым. Пока можно констатировать, что относить полностью все памятники раннего железного века в бассейне среднего и нижнего течения р. Угра к верхнеокской археологической культуре нельзя.

Также на поселении Горнево найдена круговая керамика (106 фрагментов), а именно: 104 фрагмента горшков, 4 кувшинов, один фрагмент миски и один фрагмент миниатюрного сосуда. Данная коллекция насчитывает 80 фрагментов стенок, 8 фрагментов донц, 4 фрагмента ручек, 1 фрагмент крышки и 13 фрагментов верхних частей сосудов. По морфологическим характеристикам верхних частей круговых сосудов, опираясь на типологию И. В. Болдина⁵, количественное соотношение типов представлено в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Типы верхних частей круговых сосудов по И. В. Болдину	Участок выявления	Кол-во	Итого, %	Рис.
Б 3 (нач. XIII—нач. XVI в.)	Северо-восточная часть	1	7,7	—
Б 4 (сер. XII—нач. XVI в.)	Шурф 2	1	7,7	3.19
Д (нач. XII—нач. XVII в.)	Северная часть	1	7,7	3.23
Е 2 (сер. XIV—нач. XVII в.)	Северо-восточная часть	1	7,7	3.20
Е 3 (нач. XV—сер. XVII в.)	Северная часть	1	7,7	3.22
З (кон. XIII—нач. XVI в.)	Северная часть, пятно № 5	2	15,4	3.26
И (3 четв. XVI—3 четв. XVIII в.)	Северо-восточная, северная, центральная части	4	30,7	3.21
К (3 четв. XVI—3 четв. XVIII в.)	Центральная часть, пятно № 1	2	15,4	3.25
<i>Итого</i>		<i>13</i>	<i>100</i>	

В совокупности с учётом и морфологических, и технологических характеристик, основываясь на монографии И. В. Болдина и работах других авторов⁶, к XIV–XVII вв. можно отнести

¹ Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 175.

² Там же. С. 199, 201, рис. 65.23.

³ Шмидт Е. А. Указ. соч. С. 95, 96.

⁴ Столяров Е. В. Указ. соч. С. 23, 24.

⁵ Болдин И. В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012. С. 38, 40, 130–142, рис. 15, табл. 3.

⁶ Болдин И. В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012. С. 38–39, 110–112, 126, 130–137; Калмыкова Л. Э. Народное гончарство Московской области XIX—начала XX в. Каталог из коллекций Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. М., 1995. С. 16; Полюях А. А. Аспекты изучения культурного слоя Москвы нового времени // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. М., 2000. С. 220.

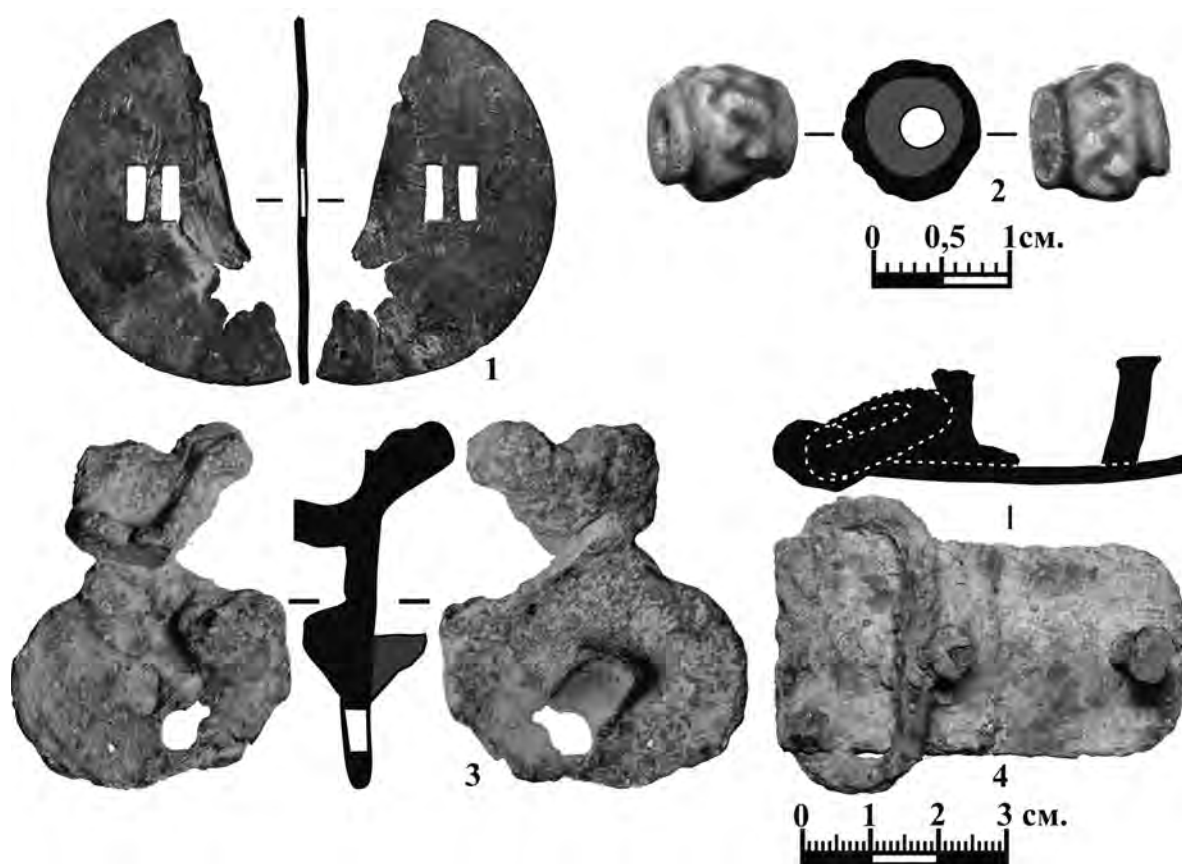

Рис. 4. Калужская область, Медынский район. Поселение Горнево. Индивидуальные находки.
 1 — деталь конской упряжи из цветного металла; 2 — золотоордынская кашинная бусина с голубой глазурью; 3 — изделие из бронзы; 4 — фрагмент железной проушины

38 фрагментов, собранных в основном в центральной (включая пятно № 1) и северной частях поселения, а к XVIII–XX вв. — 68 фрагментов, найденных преимущественно в северо-восточной части памятника (см. рис. 1).

Из всех сделанных на поселении Горнево индивидуальных находок следует отметить эллипсоидную («боченковидную») бусину на кашинной основе с утолщением в средней части и утолщениями (поясками, кольцевыми выступами) по краям, с диаметром по краям 8 мм, диаметром в центральной части 10 мм, диаметром отверстия 2,7 мм, высотой 10,5 мм, украшена голубой глазурью по краям кольцевых поясков линиями, по основной части — зигзагообразным орнаментом. Н. И. Курьшовой такие бусы отнесены к типу 3 «боченковидные», отдела А «круглые», группы II «фаянсовые» и датируются XIII–XIV вв.¹ Согласно В. Ю. Ковалю, кашинная керамика входит в товарный оборот не ранее XII в, а данный экземпляр по характеру формы и орнамента характерен для золотоордынского производства второй половины XIV в² (рис. 4.2). Также достоин упоминания фрагмент изделия из бронзы, представляющий щиток подовальной формы размерами 26×19 мм с отверстием диаметром 2,5 мм с упором, соединённый с остальной обломанной частью изделия. Ввиду значительной фрагментации интерпретация изделия затруднительна, но не следует исключать, что указанная находка является частью фибулы или другого типа застёжки (рис. 4.3). Также были найдены половина детали конской упряжи из цветного металла (рис. 4.1), часть железного дверного запора или запора сундука (рис. 4.4) и др.

¹ Курьшова Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 209.

² Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси. М.: Наука, 2010. С. 179.

Подводя итоги первичному исследованию поселения Горнево, можно уверенно констатировать 4 этапа обживания участка данного памятника археологии (рис. 1):

1. XI–IX тыс. до н.э. — стоянка конца верхнего палеолита предположительно иневской археологической культуры. Не следует исключать и 2 отдельных этапа обживания данной территории, а именно: конца плейстоцена — начала голоцена и конца атлантикума — суббореала.
2. II в. до н.э. — I в. н.э. — заключительный период бытования днепро-двинской археологической культуры. С этим этапом связаны пятна 2–8, возможно, пятно 1.
3. XIV–XVII вв. н.э. — с этим этапом связано пятно 1. Вероятно, уже в это время рассматриваемое поселение уже носило название «деревня Дятьково».
4. XVIII–XX вв. н.э. — с этим этапом связана история деревни Дятьково в новое и новейшее время.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЖАТСКОГО ТРАКТА

Е. Н. Павлишак,

директор, музейно-краеведческий комплекс «Усадьба Золотарёвых»

Изучение путей сообщения, игравших в истории человечества важную роль, всегда находится в зоне пристального внимания историков. Одним из них является Гжатский тракт, служивший важным путём снабжения продовольствием новой столицы России петровского времени. Часть тракта, проходящая по территории Национального парка «Угра», является предметом исследования сотрудников парка (см. список литературы). В этих работах отражена история Гжатского тракта, его современное состояние. В рамках настоящей работы предпринята попытка исследования тракта с применением археологических методов.

Своим рождением тракт обязан Петру I, который в 1719 г. издал указ о строительстве торговой пристани на берегу реки Гжать, притоке Волги. Северным губерниям был необходим кратчайший путь для подвоза продовольствия с юга России. Юхнов тогда служил перевалочным пунктом южным караванам. Товары перегружали на баржи в Гжатской слободе и водным путём отправляли в северную столицу. В лучшие времена от пристани уходило по 30 судов в день, а первый «Гжатский» караван даже спас от голода новую столицу. В честь этого события Пётр приказал именовать пристань «житницей Петербурга».

В начале XX в. тракт утратил своё значение как стратегической магистрали из-за строительства железных дорог и активного развития судоходства.

С XVIII в. дорога от Орла через Калужскую губернию на Смоленщину стала обретать всё большее значение. То время в России отмечено ростом крупного мануфактурного производства, мелкой промышленности, специализации в сельском хозяйстве и развитием всероссийского рынка в целом. Увеличилось число ярмарок и торжков, возрос их торговый оборот. В Калужской губернии города Калуга, Мещовск, Мосальск, Сухиничи стали главными складочными местами оптовой торговли. Через них на Смоленщину доставляли из Тульской, Орловской, Курской, Харьковской губерний хлеб, пеньку, конопляное масло, мёд, воск. Крупные ярмарки на калужском отрезке Орловско-Гжатского тракта: в Сухиничах — Афанасьевская (2 мая), в Мещовске — Георгиевская (23 апреля), Рождественско-Богородицкая (27 июня — 4 июля), на которые съезжалось до 22 тысяч купцов и покупателей.

Пётр I остановил своё внимание на р. Гжати (приток Вазузы, впадающей в Волгу) именно потому, что к ней с юга вплотную подходили сухопутные дороги на Орёл и Тулу. Им были подписаны указы «О сделании в Московской губернии по рекам Гжати и Вазузе судового ходу» (1715) и «Об открытии Гжатской пристани и о переводе на оную торжков из Можайского уезда» (1719). Почти в то же время началось строительство Вышневолоцкого и Ладожского каналов.

К товарам, поставлявшимся в новую столицу, со второй половины XVIII в. добавилась продукция железоделательных заводов. В Гжатске закупался провиант для войск, расквартированных в Петербурге. В период наивысшего развития судоходства с её пристаней (вместе с вазузскими) отходило до 1 200 барок в сезон. Суда имели 36 м длины, 8 м ширины (с осадкой до 0,7 м), поднимали до 8 тыс. пудов груза. Барки строили для одной поездки, после разгрузки их разбирали на дрова.

Многие крестьяне Гжатского и Юхновского уездов занимались подвозом грузов и нанимались рабочими на суда. Всего с пристаней Гжатска, Сычевки, Зубцова, Ржева вывозилось товаров на 6 млн рублей серебром.

Дорога, пересекающая нынешнюю Калужскую область с юга на север (от д. Тросны в Хвостовичском районе, у границы с Орловской областью, через Сухиничи, Мещовск до с. Ивановского в Износковском), появилась, вероятно, в XVI–XVII вв. К началу XVIII в. она обрела исключительное значение для экономических связей центральных и южных губерний России с Санкт-Петербургом. Дорога стала именоваться Орловско-Гжатским большаком, Гжатским транспортным трактом.

В период войны 1812 г. Гжатский большак охранялся партизанами Дениса Давыдова и юхновскими ополченцами Семёна Храповицкого. К началу XX в. эта дорога уже перестала быть значительной транспортной артерией.

К 50-м гг. XIX в. река Гжать обмелела и судоходство потеряло прежнее значение. Но по Гжатскому тракту продолжалось снабжение других пристаней Смоленской губернии.

Во время Великой Отечественной войны дорога долгое время (1941–1943 гг.) являлась прифронтной, что стало причиной исчезновения значительного числа поселений вдоль тракта.

В 2017 г. проведены археологические исследования на земельном участке, где, согласно картографическим материалам и документальным источникам, расположен участок Гжатского тракта: район д. Ново-Успенское, д. Строево Юхновского района Калужской области (рис. 1).

Участок обследования представляет собой территорию, расположенную в 4 км к северо-востоку от р. Угры. Участок исследования вытянут с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Территория представляет собой относительно ровный участок. Местность задернована, частично поросла кустарником, хвойными и лиственными деревьями, частично занята луговиной и грунтовыми дорогами. Обследованию был подвергнут участок прохождения Гжатского тракта на протяжённости 2 100 м. Данный участок тракта проходит вдоль маленькой речки Сушка на расстоянии 100–200 м. Высотные отметки уровня поверхности, где были проведены археологические работы, находятся в пределах 182–183 м (по Балтийской системе высот). Уровень воды в реке Сушка — 158 м.

На поверхности тракта в отдельных местах читаются колеи и придорожные канавы. Ширина полосы — около 3,5 м, ширина колеи — около 0,8 м, расстояние между колеями — около 1 м. Для определения стратиграфической ситуации (воздействие тракта на грунт) и в целях выявления наличия культурного слоя был заложен шурф (1×2 м). Шурф был заложен перпендикулярно сохранившейся колеи, вытянут в направлении юго-запад — северо-восток. Местоположение шурфа: 54,49' 03,31" N, 35 08' 31,88" E.

Стратиграфия. Под дёрном (мощность — около 0,05–0,1 м) залегала супесь серого цвета (мощность — около 0,1–0,3 м), ниже — супесь жёлто-коричневого цвета (материк). Серая супесь является следом распашки данного участка. В пользу этого определения свидетельствует чёткая граница серой супеси и материка. При анализе стратиграфических особенностей обращает на себя внимание неизменно ровная (горизонтальная) линия материка. Горизонтальность материка не меняется в пределах колеи и вне её границ. Мощность серой супеси, напротив, сильно варьирует: в колее мощность супеси — около 0,1 м, вне колеи её мощность достигает 0,3 м.

В процессе работ было обнаружено два фрагмента керамических изделий: фрагмент венчика сосуда и фрагмент края крышки. Размер (так называемые небьющиеся фрагменты, около 2 см в поперечнике) являются дополнительным основанием для вывода о распашке данного участка.

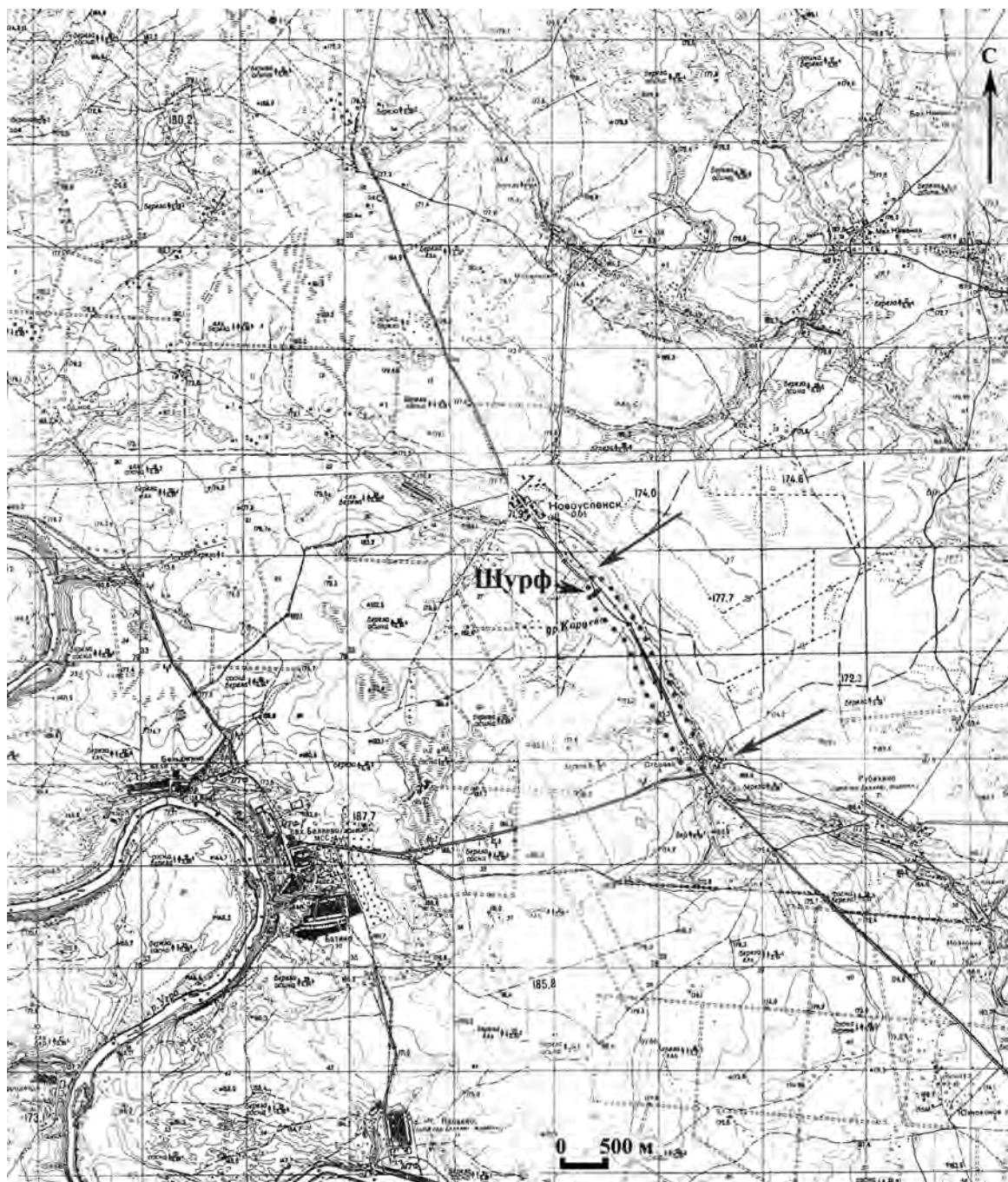

Рис. 1. Калужская область. Юхновский район. Район деревень Строево, Ново-Успенское. Участок проведения археологических разведок 2017–2018 гг. с обозначением места закладки шурфа

Список литературы

1. Васильева Е. И., Коваленко А. С., Массалитина Г. А., Новиков В. П. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». Калуга, 2007.
1. Васильева Е. И., Коваленко А. С., Массалитина Г. А., Новиков В. П. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». Калуга, 2015.
2. Васильева Е. И., Гордеева Т. А., Грищенко В. А. и др. Национальный парк «Угра». Калуга, 2010.
3. Коромыслов Е. В. Ещё раз о Гжатском тракте // Журнал национального парка «Угра». 2018. № 1 (12). С. 16–17.
4. Новиков В. П. Некоторые итоги работы национального парка «Угра» по сохранению, восстановлению и музеефикации культурных ландшафтов // Природа и история Поугорья. Вып. 7. Калуга, 2013. С. 227–235.

ИЗУЧЕНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПОСЕЛЕНИЯ КОЛЕСОВКА-1 В 2011 г.

И. А. Сабаева, студентка;

*А. В. Аралов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры биологии и экологии,
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*

Музей-заповедник «Куликово поле» относится к одним из самых известных объектов культурного наследия России, находящихся в Тульской области. На данной территории помимо памятников архитектуры и природы расположено более 350 памятников археологии, что особенно подчёркивает его историческую важность для современного мира. Именно тщательное исследование древнерусских населённых пунктов позволяет сделать выводы о характерной жизнедеятельности людей в определённый период времени. Так, изучение остеологического материала, обнаруженного в результате раскопок поселения Колесовка-1 в 2011 году, способно предоставить информацию о фауне местности и распространённости скотоводства, охотничьего и рыбного промысла на данной территории в Монгольском периоде.

В ходе организованной Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» археологической экспедиции под руководством кандидата исторических наук А. Н. Наумова было обнаружено 385 экземпляров остеологических останков, среди которых были костные материалы, зубные фрагменты и чешуя. Для наибольшей точности и достоверности, помимо полевых условий определение и анализ находок проводилось в Тульском государственном педагогическом университете на кафедре биологии и экологии. Для этого в ходе работы были задействованы методики, предложенные такими исследователями, как А. И. Акаевский [1], Е. Е. Антипина [2], В. И. Громова [3], Т. Martin [4].

Исходя из полученных данных, можно отметить, что изучаемые остеоматериалы принадлежат второй половине XIII и третьей четверти XIV в.; большая часть из них — 368 экз. (95,58 % от общего количества находок) — является останками пищевых объектов, о чём свидетельствуют повреждения костей крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади, среди которых порезы, зарубы и трещины, предположительно оставленные орудиями хозяйственной деятельности. Помимо этого присутствуют образцы с характерными следами горения, то есть обугленные — 23 экз. (5,97 % от общего количества находок), из них корова — 14 экз. (3,63 %), свинья — 7 экз. (1,81 %) и лошадь — 2 экз. (0,52 %). Вышеизложенное даёт основание полагать, что население Колесовки в Монгольском периоде активно использовало в пищу домашне-хозяйственных животных и что в целом скотоводство имело большую значение в их жизни.

Изучаемые костные материалы по итогам идентификации были отнесены к 3 классам: Млекопитающие, Птицы, Костные рыбы, — 7 отрядам, 9 семействам, 11 родам, 11 видам.

Анализ остеологических материалов показал, что костные останки принадлежат как зрелым, так и молодым животным, однако преобладающее число костей относится ко взрослым особям — 329 экз. (85,45 % от общего количества находок). Также большую часть коллекции, полученной в ходе раскопок поселения, составляют остеоматериалы, принадлежащие классу Млекопитающих, — 349 экз. (90,65 %). Отмечается, что большинство экземпляров из этой категории относится к домашним животным, используемым в хозяйстве в качестве источника питания, хотя и представленное относительным разнообразием видов (табл. 1).

В коллекции остеологических материалов непосредственно к домашним животным относится 341 образец (88, 57 % от общего количества находок). Исходя из данных таблицы, можно предположить, что жители поселения Колесовка вели достаточно оседлый образ жизни, в котором основным видом деятельности являлись скотоводство и земледелие (минимум как фактор, необходимый для прокорма животных). В свою очередь, наиболее распространённым являлся крупный рогатый скот (корова), в меньшей степени — свиньи. На примерно одинаковом уровне население разводило мелкий рогатый скот и лошадей. В сравнении с ними количество разводимой птицы и не используемых в качестве пищевых объектов животных (собака) можно считать незначительным.

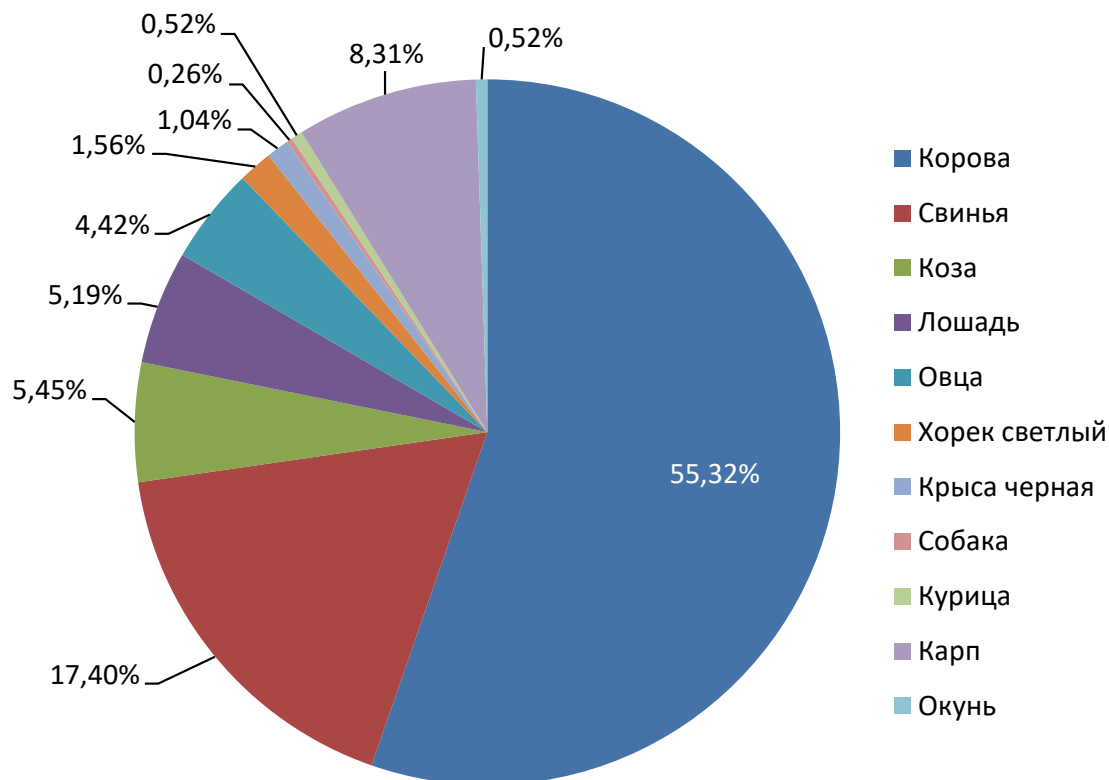

Рис 1. Соотношение останков различных видов животных в раскопе, %

Т а б л и ц а 1

Распределение остеологического материала, относительно вида и отдела скелета среди домашних животных

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.						
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Зубы и зубочел. сегм.	Рёбра
Свинья (<i>Sus scrofa ferus Linnaeus, 1758</i>)	17,40	67	27	5	18	0	12	5
Корова (<i>Bos taurus Linnaeus, 1758</i>)	55,32	213	69	15	86	12	29	2
Овца (<i>Ovis aries Linnaeus, 1758</i>)	4,42	17	8	0	1	0	8	0
Лошадь (<i>Equus caballus Linnaeus, 1758</i>)	5,19	20	6	5	0	0	9	0
Коза (<i>Capra hircus Linnaeus, 1758</i>)	5,45	21	3	0	11	0	7	0
Курица (<i>Gallus gallus domesticus Linnaeus, 1758</i>)	0,52	2	2	0	0	0	0	0
Собака (<i>Canis lupus familiaris Linnaeus, 1758</i>)	0,26	1	0	0	0	0	1	0

По отношению к остеологическим материалам домашних животных количество образцов диких особей крайне мало и представлено двумя видами лишь взрослых животных: крысы чёрной и хорька светлого (табл. 2). В общей сумме их костные материалы немногочисленны — всего 10 образцов (2,59% от общего количества находок). А так как данные виды не принадлежат

к объектам охоты, логичным будет вывод, что охотничий промысел в поселении был не востребованным по определённым причинам родом деятельности или же почти отсутствовал, не являясь необходимым для выживания занятием.

Т а б л и ц а 2

Распределение остеологического материала, относительно вида и отдела скелета среди диких животных

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.							
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Зубы и зубочел. сегм.	Рёбра	Бакулом
Крыса чёрная (<i>Rattus rattus</i> , Linnaeus, 1758)	1,04	4	0	0	3	0	1	0	0
Хорёк светлый (<i>Mustela evermanni</i> Lesson, 1827)	1,56	6	1	0	0	4	0	0	1

К числу обнаруженных при проведении археологической экспедиции останков также относятся 34 экземпляра (8,83% от всего количества находок), принадлежащих классу Костных рыб. Это прежде всего свидетельствует об активном рыбном промысле как виду хозяйственной деятельности среди жителей поселения Колесовка. Остеологические материалы в данном случае представляют собой кухонные останки. Почти все находки являются чешуёй — 33 экз. (8,57% от общего количества находок). Видового разнообразия среди останков не наблюдается. Остеоматериал представлен только двумя видами: карп и окунь — зрелых особей (табл. 3). Их размеры дают возможность сделать вывод об употреблении жителями в пищу преимущественно крупной рыбы, так как останки, которые могли бы указать на ловлю и питание более мелкими видами, отсутствуют.

Т а б л и ц а 3

Распределение остеологического материала, относительно вида и отдела скелета среди костных рыб

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.				
		Общее	Череп	Позвонки	Рёбра	Чешуя
Карп (<i>Cyprinus carpio</i> Linnaeus, 1758)	8,31	32	1	0	0	31
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i> Linnaeus, 1758)	0,52	2	0	0	0	2

В заключение хочется отметить, что самые первые археологические раскопки на территории древнерусского селения Колесовка-1 проводятся с 80-х гг. XX в., и накопленные за это время материалы с достаточной достоверностью могут указывать на характерные виды деятельности населения в разные периоды времени. Исследование, проведённое в 2011 г., отражает основные виды занятий, присущие населению в Золотоордынский период. Наиболее распространённым среди них является скотоводство, преимущественно разведение парнокопытных животных в целях использования их в дальнейшем в пищу. На это указывают приложенные выше материалы о количестве найденных видов и характере повреждения их костных останков. Особенно следует заметить, что среди остеоматериалов в наличии нет ни одного вида, являющегося объектом охотничьего промысла. Это может иметь предположительно несколько причин. Можно было бы сказать, что дикая фауна данной местности была представлена достаточно

скудным видовым и количественным разнообразием, делая охоту малоперспективным занятием. Однако исследования более ранних лет [5; 6; 7] обнаруживали останки таких видов, как куница, заяц, благородный олень, лисица, косуля и другие, относящиеся к промежутку с конца XII по третью четверть XIV в. Из чего можно предположить, что в Монгольский период население Колесовки-1 либо практически не нуждалось в охотничьем промысле, удовлетворяясь количеством пищи, полученной от ведения животноводства, земледелия и рыбной ловли. Либо значительная часть результатов охоты, в частности пушных зверей, была средством торговли или облагалась данью Золотой Орде.

Авторы статьи выражают глубокую признательность заместителю директора по науке Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», кандидату исторических наук А. Н. Наумову за оказание помощи при организации и проведении исследования Колесовки-1 в 2011 г. и ранее.

Список литературы

1. *Акаевский А. И.* Анатомия домашних животных. М.: Просвещение, 1968. 608 с.
2. *Антипина Е. Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.
3. *Громова В. И.* Определитель млекопитающих СССР по крупным трубчатым костям [Текст] // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 9. М., 1950.
4. *Martin T. J.* General Guide to osteology. Springfield: Illinois State Museum, 1989. 15 p.
5. *Наумов А. Н., Аралов А. В., Татаринцева С. А.* О фауне селища Колесовка-1 на Куликовом поле // Учёные записки Орловского государственного университета. Вып. 4 (67). Орёл, 2015. С. 457.
6. *Делян Г. С., Аралов А. В., Наумов А. Н.* Находки остеологического материала поселения Тимофеевка // Университет XXI века: научное измерение: материалы науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Вып. 2. Т. 1. Тула: Изд-во ТГПУ, 2010. С. 252–255.
7. *Наумов А. Н.* Отчёт о работах в Кимовском районе Тульской области (район Куликово поле) в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. С. 6–60.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

В. Г. Пуцко,

*заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств*

В течение последних десятилетий в пределах Калужской области было обнаружено немало образцов древнерусского прикладного искусства, в том числе произведений медного литья. В одних случаях это сделано в результате археологического изучения территории, в других — единичных находок при различных условиях. Особое место в их ряду занимала коллекция, которую собрал Г. Шевченко, ежегодно весной промывая песок с берега Оки в месте старой переправы. В её состав входило несколько десятков изделий XIV–XVIII вв., среди которых были и раритетные вещи. В середине 1970-х гг. калужские музеи не имели средств для приобретения данного материала, а на предложение сфотографировать не было получено согласие владельца, вскоре затем ограбленного. Отсутствие фотофиксации сделало невозможным поиски похищенного, так и не включённого в научный оборот. Сегодня об этом остаётся лишь сожалеть.

Большой осторожности в плане локализации находок требуют изделия, принадлежащие «профессиональным» коллекционерам. Вследствие этого, скажем, непонятным остаётся появление в данном регионе инкрустированного эмалью креста-энколпиона киевского происхождения¹. Хотя не исключено, что он добыт «любителями» в Серенске. Именно оттуда поступают

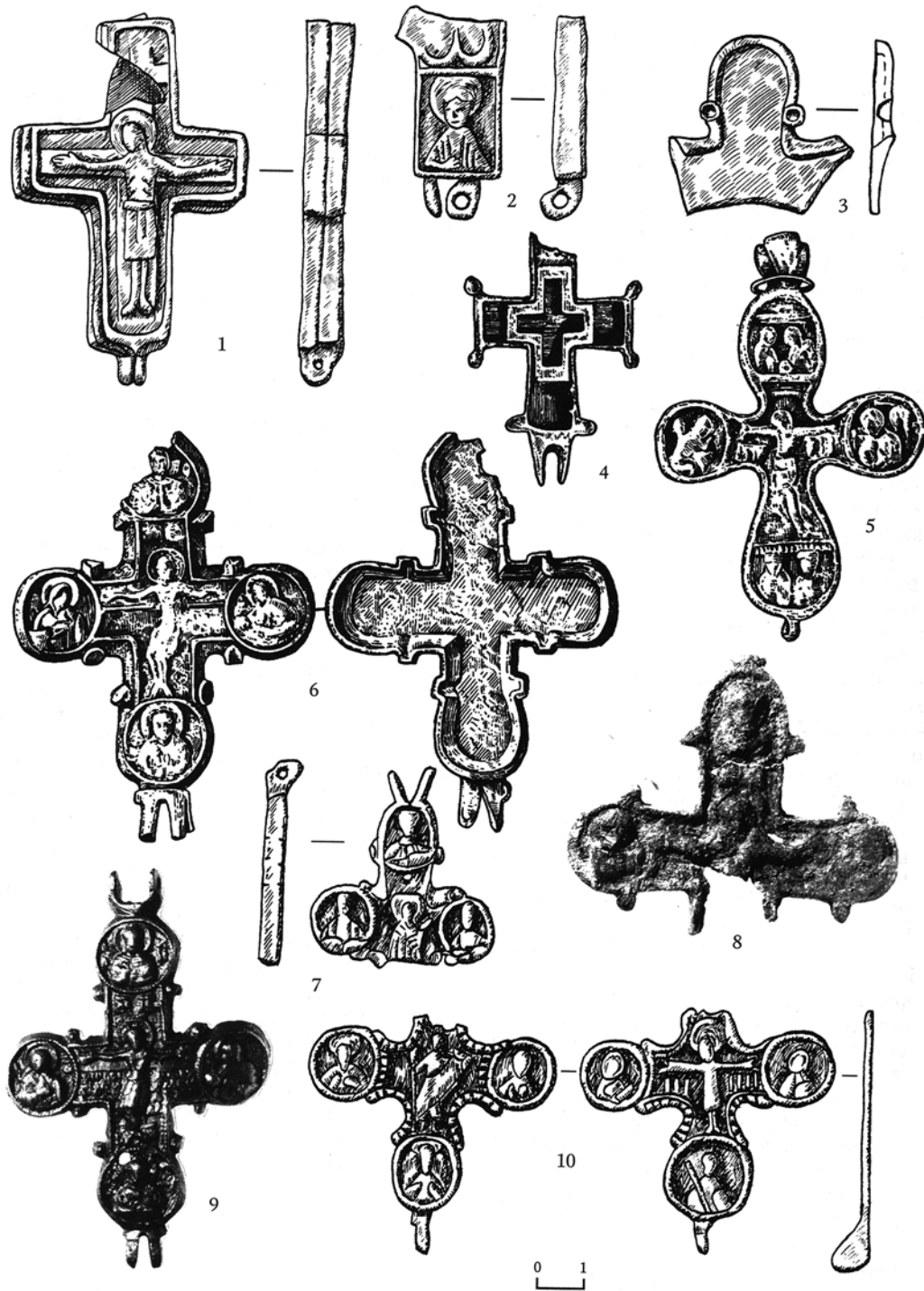

Рис. 1. Кресты-энколпионы и наперсные кресты из Серенска (по И. Е. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой)

в частные коллекции и более ценные ювелирные изделия, в том числе украшенные перегородчатыми эмалью.

Створки 8 крестов-энколпионов обнаружены на детинце в Серенске, в основном в его западной части, причём среди них нет целых изделий (рис. 1). Представлены основные киевские модели XII—начала XIII в., но поскольку часть экземпляров связана с ремесленной мастерской, есть основания видеть в них имитационные варианты, относящиеся к продукции местных литейщиков². Эта продукция последовательно вводилась в научный оборот³. Ареал распространения таких изделий довольно широкий, но пока не принято выделять среди них оригиналы качественного

Рис. 2. Крест-энколпион из Спас-Городка.
XIII–XIV в.

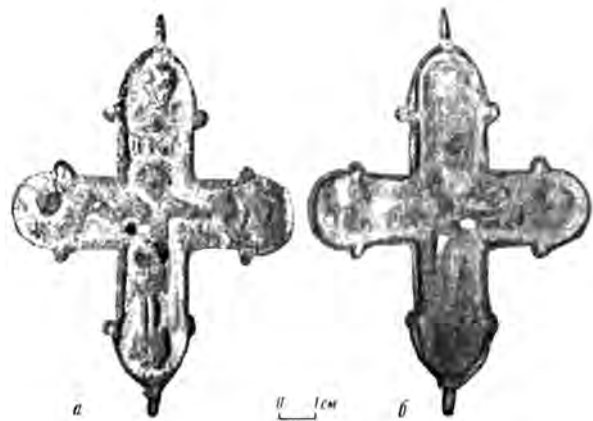

Рис. 3. Створка креста-энколпиона из Грабцева.
Конец XII — начало XIII в.

литья, отличающиеся от копий с их оплывшим рельефом изображений⁴. Нас особо заинтересовала створка с утраченным верхним концом креста с прямыми, слегка расширяющимися концами с выступами-«слёзками» по углам, имеющая на внутренней стороне выделенный рельефным валиком ковчежец для реликвии, в форме креста⁵. Известны подобные экземпляры XII–XIII вв., происходящие из Городища (Зборовского района Тернопольской области) и Киева⁶. Если учесть то обстоятельство, что такая форма характерна для восточно-христианских изделий, не исключён импорт. Интересный крест-энколпион в форме квадрифолия с удлинёнными концами, с помещёнными на лицевой створке фигурами святых князей Бориса и Глеба, а на оборотной — Феодора Стратилата, XIII–XIV в., найден в Спас-Городке близ Калуги (рис. 2). Его «стёртый» рельеф тоже свидетельствует о копияности, характеризующей и воспроизведения киевских энколпионов «купятицкого типа», одно из которых, в виде верхней части лицевой створки, происходит из Серенска (рис. 1:8), а другое (верхняя створка) представляет случайную находку на территории поселения Грабцево в окрестностях Калуги⁷ (рис. 3). Присутствие в Серенске крестов-энколпионов московского происхождения XV–XVI вв. (рис. 1:5, 7, 10) свидетельствует о том, что город оставался обитаемым. Там же обнаружено и более двух десятков крестов-тельников различного типа, из оловянно-свинцовой бронзы, отлитых в двусторчатых формах с полостями для литья в обеих створках⁸.

Рис. 4. Нижняя створка креста-энколпиона из Любутска. XIII–XIV в.

Обширный археологический материал, включающий и металлопластику, происходит из летописного Любутска — города, расцвет которого относится к XIV–XV вв.⁹ Нижняя створка киевского креста-энколпиона (с «зеркальными» сопроводительными надписями) начала XIII в. — пример художественного импорта, но наряду с ней встречаются образцы московского ремесла, двусторонняя «Семёнова печать» с изображением птицы, различного типа кресты-тельники. Особо надо отметить нижнюю створку креста-энколпиона квадрифолийного типа с рельефным изображением тронной Богородицы Печерской, XIV в., копирующую оригинал предшествующего столетия (рис. 4). Известны несколько экземпляров данной модели обнаруженные в Киеве, но лучшим по сохранности оказывается энколпион из раскопок Золотарёвского городища (Пензенской области), погибшего в 1237 г.¹⁰ Характер рельефного меднолитого образка (размером 3,5×2,8 см)

Рис. 5. Византийская иконка свт. Николая из Любутска. XIV в.

Рис. 6. Иконка свт. Николая из окрестностей Козельска. XIV в.

с погрудным изображением свт. Николая и рельефной греческой сопроводительной надписью указывает на византийское происхождение находки (рис. 5) и позволяет датировать её XIV в. Русские иконки этого святителя того же времени, отлитые из меди, отличаются тем, что обнаруживают зависимость от иконописного образца. Таким, в частности, является и произведение, найденное в окрестностях Козельска¹¹ (рис. 6). Оно имеет несколько аналогий, обнаруживающих следование одной и той же модели, отличаясь в несущественных деталях.

Встречаются и более массовые находки образцов медного литья, впрочем, не производящие сильного впечатления. Одна из них связана с Тарусой, где в 2007 г. в отвале строительного котлована в центре города обнаружен сильно разрушенный бронзовый крест-энколпион примерно рубежа XV–XVI вв.; его сопровождают фрагменты крестов-энколпионов и наперсных крестов XV–XVI вв., собранные в следующем 2008 г.¹² Потому авторы монографии о средневековой Тарусе не могли ничего извлечь из в целом обстоятельного анализа добытого материала¹³. Вторая находка — обнаруженный на небольшом участке в окрестностях Калуги комплекс меднолитых изделий, в состав которого входили 2 креста-энколпиона московского происхождения рубежа XIV–XV вв., 14 наперсных крестов с овальными концами XV–XVI вв., 2 наперсных четырехконечных односторонних креста с килевидной нижней оконечностью и 2 креста-тельника, один из которых фрагментированный. Все изделия являются московской ремесленной продукцией конца XV — середины XVI в.¹⁴ Причины скопления крестов остаются непонятными, и возможные догадки вряд ли могут претендовать на их достоверность¹⁴. Стоит лишь отметить, что таким же загадочным оказался и более богатый Голицынский клад 2004 г., в состав которого вошло 49 предметов, в основном энколпионы и наперсные кресты. Предполагается, что это часть церковной ризницы деревянного Никольского храма, содержащая предметы, отобранные и подготовленные для их переплавки¹⁵.

Группа воротынских находок образовывалась постепенно. Сначала стал известен удививший своей оригинальностью крест-энколпион¹⁶. Затем обратила на себя внимание необычного вида иконка, рельеф которой очень отличался от иных меднолитых¹⁷. И, наконец, оказалось возможным присоединить к ним два креста-энколпиона из находок 1998–1999 гг.¹⁸ Один из этих крестов, обнаруженных при археологических раскопках, с бочковидным оглавием, имеет на лицевой створке Распятие, а на оборотной — Богородицу Великую Панагию, хорошего рисунка, но как бы с заплывшим рельефом — признаком переотливки (рис. 7). Это московская модель XIV–XV вв., представленная большим количеством различного качества экземпляров¹⁹. Другой крест-энколпион,

Рис. 7. Крест-энколпион из находок в Воротынске в 1999 г. XV в.

Рис. 8. Крест-энколпион из находок в Воротынске в 1988 г. Около 1500 г.

с расширенными верхней и нижней частями и килевидным концом, с рельефными изображениями Распятия и свт. Николая, а под ними, соответственно, Разделение риз (?) и Никита, избиваемый беса (рис. 8). Оригиналом послужил изысканный московский образец второй половины XV в. Образовавшиеся при изготовлении вещи швы-подтёки вдоль креста указывают на кустарное производство, может быть, даже на месте, в Воротынске, около 1500 г. Повод для такого заключения даёт характер найденного в 2002 г. третьего, двустворчатого четырехконечного, с закруглёнными концами креста-энколпиона, лицевая створка которого из серебряно-оловянистого сплава, а нижняя — из медного (рис. 9). Изделие производит впечатление составленного из разновременных частей, хотя подогнать их было бы практически невозможно. Нижняя створка имеет несоразмерно крупное изображение Богородицы с Младенцем, схематизированное, отлитое некачественно; явно оттиснуто в глиняной форме рельефное изображение с креста большего размера, а в отлитом виде неумело обработанное резцом, в виде однообразной штриховки. Верхняя створка с рельефной фигурой распятого Христа в целом хорошего рисунка и искусной моделировки, со следами приспособления изображения к плоскости этого изделия. Об этом свидетельствуют изменение формы ступней ног, неестественно уменьшенных и трактованных условно, короткие и толстые руки, неуверенным движением руки нанесённые монограммы. В целом иконография характерна для XV в., прослеживаемая по датированным произведениям. Створки данного креста-энколпиона имеют совершенно идентичную

Рис. 9. Крест-энколпион из находок в Воротынске в 2002 г. Конец XV — начало XVI в.

Рис. 10. Иконка с изображением великомученика Никиты из находок в Воротынске в 2003 г. Конец XV — начало XVI в.

фактуру с внутренней стороны, что невозможно было бы обнаружить при их разновременности. Наиболее вероятным является изготовление на рубеже XV–XVI вв.

В июле 2003 г. в Воротынске была найдена небольшая (размером 4,5×3,1 см), достаточно массивная плакетка с выступающей сверху петлёй (рис. 10). Изделие отлито из медного сплава в составной литейной форме с использованием оттиска готового изображения, выполненного в технике деревянной резьбы; перешло в литьё также неумело намеченное на металлической оправе оригинала грубоватой контурной линией изображение святого. Изображён великомученик Никита, избиваемый беса. Резчик по дереву работал искусно, но в несколько архаизированной манере, и выполненная им фигура, экспрессивная и большеголовая, выдаёт склонность к несколько примитивной выразительности. Её стиль имеет много общего с отличающимся один из воротынских крестов-энколпионов (рис. 9). Не настаивая на убедительности заключения, можно предположить в них продукцию одного и того же местного ремесленника и, соответственно, также датировать образок рубежом XV–XVI вв.

В связи с изучением этой иконки речь зашла о копировании в технике медного литья образцов пластического искусства, выполненных в ином материале, что позволяет реконструировать утраченные произведения, относящиеся к различному времени. Этим пользовались на Руси по крайней мере с начала XIII в.²⁰ А в Новейшее время ему нашли самое широкое применение русские старообрядцы, отливавшие, в частности, копии заключённой в ювелирную оправу деревянной резной иконки Христа Пантократора, датированной 1594 г.²¹ В 1999 г. в окрестностях Калуги были найдены меднолитые иконки апостола Павла и апостола Иакова, датируемые XIV в.²² (рис. 11). Первая из них, происходящая с Никольской переправы, арочной формы и воспроизводит изделие из камня, вероятно, новгородского круга. Вторая, круглой формы, — с берега Оки, с места переправы, подобная каменным образцам южнорусской группы изделий, впрочем проникавших и далеко на Русский Север. Воспроизводили в медном литьё и дорогостоящие ювелирные изделия, о чём может свидетельствовать исполненный в грубоватой манере перстень рубежа XIII–XIV вв., найденный близ Лютикова монастыря, когда от его архитектурного ансамбля уже не осталось никакого следа²³. Вероятно, находок на территории Калужской области было значительно больше, но лишь немногие из них доходят до исследователей этого материала.

Миниатюрная меднолитая иконка-подвеска (размером 2×1,5 см), уникальный образец художественного литья конца XV в., была найдена летом 2010 г. близ деревни Ершовка Перемышльского района²⁴ (рис. 12). Она воспроизводит

Рис. 11. Иконка апостола Павла с Никольской переправы в Калуге (находка 1999 г.). XIV в.; иконка апостола Иакова с места переправы в Калуге (находка 1999 г.). XIV в.

Рис. 12. Иконка-подвеска с изображением Спаса Нерукотворного из находок близ Ершовки в 2010 г. Конец XV в.

иконографический образ Спаса Нерукотворного в соответствии с католическим вариантом «Плата Вероники», известным на Западе и даже популярным с XIII в., а в следующем XIV в. прославленным знаменитыми гимнами. В XV в. в западноевропейском искусстве проявляется интерес к подлинному облику Христа, и становятся известными изображения в профиль. Весьма вероятно, что это течение не обошло стороной и Великое княжество Литовское, в состав которого входили соседние земли. Проникают западные композиционные схемы в это время и в русскую иконопись особо не замеченными, если посредством поствизантийской живописи. Пластическое искусство легче их наследовало, чему имеем достаточно примеров.

Таков сравнительно небольшой объём произведений металлопластики эпохи средневековья, который удалось включить в научный оборот. Многие вывезены и затерялись в частных коллекциях, лишённые связи с той территорией, которой принадлежало исторически.

Примечания

- ¹ Сокровищница Калужского края. История. Калуга., 2005. С. 70.
- ² См.: Пуцко В. Г. Имитационные варианты крестов-энколпионов в русской металлопластике XIII–XV вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 233–241.
- ³ Пуцко В. Г., Хохлова Т. М. Средневековая пластика из Калужского края // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996. С. 5–6; Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М., 2011. С. 253–261.
- ⁴ Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. Табл. 18–34, 46, 47, 117–137, 146–147.
- ⁵ Пуцко В. Г. Серенский энколпион и христианские реликвии в Древней Руси // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров, 2002. С. 94–102. Ил. 17–20.
- ⁶ Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. С. 181, 184. Табл. 107: 5, 20.
- ⁷ Пуцко В. Г. Створка креста-энколпиона из Грабцева // Краткие сообщения (Института археологии АН СССР). Вып. 198. М., 1989. С. 95–99. Рис. 1.
- ⁸ Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М., 2011. С. 253–255.
- ⁹ Болдин И. В., Массалитина Г. А., Пуцко В. Г., Хомутова О. Ю. Летописный Любутск: письменная история и археологические факты // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук (Калужский научный центр. Российский гуманитарный научный фонд. Администрация Калужской области). Вып. 5. Калуга, 2004. С. 10–27 (о пластическом искусстве — с. 17–22); Пуцко В. Г. Два образца средневековой металлопластики из Любутска // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2012. С. 46–50.
- ¹⁰ Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. С. 153. Рис. 79; Белорыбкин Г. Н. 1237 год. Гибель города на Суре // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 291–292. Рис. 1:12–13.
- ¹¹ Пуцко-Бочкарёва М. Н. Памятник русской металлопластики XIV в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 216–219.
- ¹² Пуцко В. Г. Фрагменты русской металлопластики из тарусских находок // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области: материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. Калуга, 2009. С. 80–85. Рис. 1. 2. Состояние этих фрагментов делает выполненные в низком рельефе изображения не воспроизводимыми в печати.
- ¹³ Фролов А., Прошкин О. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга, 2011. С. 58.
- ¹⁴ Пуцко В. Г. Христианская металлопластика из окрестностей г. Калуги // Город средневековья и раннего Нового времени. II(V): археология, история: материалы V Всероссийского семинара. Ноябрь 2013 г. Тула, 2016. С. 72–82.
- ¹⁵ Алексеев А. В. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья // Троицкие чтения 2003/2004 гг.: материалы VI–VIII Троицких чтений. Большие Вяземы, 2004. С. 32–45.
- ¹⁶ Пуцко В. Г. Воротынский крест-энколпион // Древности и старина. 2005. № 5. С. 12–15.
- ¹⁷ Пуцко В. Г. Раритетная меднолитая иконка великомученика Никиты // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Т. 2: история, этнография, искусствоведение. Тула, 2004. С. 78–84.
- ¹⁸ Пуцко В. Г. Русская металлопластика XV–XVI вв. из Воротынска // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 118–129.

- ¹⁹ Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. С. 252–259. № 208–219.
- ²⁰ Пуцко В. Г. Русское медное литьё как источник для реконструкции произведений средневековой пластики // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков: материалы III научно-практической конференции, 29–31 октября 2013 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 202). М., 2015. С. 180–191.
- ²¹ Пуцко В. Г. Меднолитая икона Спаса, найденная в Калужском бору // Вопросы археологии, истории и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2013. С. 67–72.
- ²² Пуцко В. Г. О двух образцах русской металлопластики XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 303–307.
- ²³ Пуцко В. Г. Средневековый перстень, найденный у Лютикова монастыря // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XII Всероссийской научной конференции 3–5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 38–42.
- ²⁴ Пуцко В. Г. Русская меднолитая иконка Спаса Нерукотворного // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: материалы XIV Всероссийской научной конференции. С. 50–54; то же: Родная старина: поиск, находки, открытия. 2011. № 2. С. 13–17.

МРАМОРНАЯ ПЛИТА С ПОЭТИЧЕСКОЙ ЭПИТАФИЕЙ ИЗ ЧАСОВНИ-ПАМЯТНИКА БЛИЗ ХРАМА РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ ПЕСОЧЕНСКИЙ ЗАВОД

В. В. Хухарев,

*историк, археолог, начальник Песоченской археологической экспедиции
(при Кировском историко-краеведческом музее, г. Киров Калужской области)*

В июле 2016 г. в Кировский историко-краеведческий музей (КИКМ) поступила часть сильно загрязнённой беломраморной плиты (рис. 1) шириной 71 см и толщиной 6–6,5 см, сохранившаяся на высоту в 46 см, на которой читались буквы многострочной надписи, с высотой букв 19–37 мм (стк. 1–19–37 мм; стк. 2–20–39 мм; стк. 3–19–39 мм; стк. 4–20–38 мм). Плита несколько десятилетий использовалась в замостке двора одного из домов частной застройки по ул. Лермонтова в г. Кирове и при обнаружении на ней следов надписи была передана в музей. Отмывка загрязнений на плите позволила прочитать сохранившиеся строки. К нашему удивлению, это оказались несколько строк стихотворной эпитафии:

Се слабой жертвы знакъ, слезами...
Отъ
Безъ утѣшнаго на Вѣкъ Супруга
Лишеннаго Судьбой Нѣжнѣйша Друга

Рис. 1. Фрагмент беломраморной плиты со стихотворной эпитафией. А — фото, Б — прорись.
Место хранения: КИКМ

Материал плиты (белый мрамор), изящное написание строк и поэтичность самой надписи позволили предположить её связь с памятником-часовней, находившемся некогда вблизи песоченского храма Рождества Пресвятой Богородицы.

Село Песоченский Завод (совр. г. Киров Калужской обл.) появилось на арендованных землях в феврале 1744 г. во многом благодаря инициативе калужских купцов Ивана и Петра Золотарёвых, которые арендовали «*порозжую землю*» (т.е. пустой, необрабатываемый участок) близ д. Слободка Серпейского уезда Фаминицкого (Фоминичского) стана для постройки здесь железодельного завода, домны и молотовых амбаров. В декабре 1745 г. завод был пущен. Однако из-за просрочки платежей по закладной купцов Золотарёвых с их «компанейщиками» калужскими купцами Иваном и Михаилом Фалеевыми в сентябре 1747 г. завод перешёл в собственность заводчика барона А. Г. Строганова (1698–1754). Последний уже в мае 1749 г. перепродаёт завод «*со всяким на нём каменным и деревянным строением и с инструментом и с имеющимися при них людьми...*» коллежскому асессору и заводчику Афанасию Абрамовичу Гончарову († 1788). В мае 1839 г. «*недвижимое имение, состоящее в селе Песоченский Завод, Верхний и Нижний, с принадлежащими к ним заводскими крестьянами, писанными по 8-й ревизии, 1098 мужского пола душами...*» было продано наследниками Гончаровых секунд-майору в отставке Ивану Акимовичу Мальцеву (1768–1853). В истории заводов и сёл, которыми Гончаровы владели почти столетие, начался новый период. Экономическая роль заводов в развитии местного региона явно способствовало тому, что в 1787 г. с. Песоченский Завод стало волостным центром Жиздринского уезда. Здесь во второй пол. XVIII—первой пол. XIX в. проживало до 3–4 тыс. человек, при этом около тысячи из них трудилось на заводах¹.

В селе был выстроен каменный храм Рождества Богородицы (освящён в 1768 г.) (рис. 2), в ограде которого погребали местных священников и ктиторов (чаще всего владельцев и управляющих заводами и их ближайших родственников). Поэтому близ храма и сформировался небольшой некрополь². Памятники и кресты этих погребений, располагавшихся в основном с южной стороны храма за церковной оградой, можно разглядеть на старых песоченских фотографиях. Здесь были похоронены представители семьи Гончаровых, среди них отметим скончавшегося 2 января 1820 г. в «холостой жизни» коллежского архивариуса и жиздринского помещика Аркадия Ивановича Гончарова, его родителей — отставного подполковника Козельского полка Ивана Афанасьевича Гончарова (1746–1802) и его жену Акулину Павловну Гончарову (по первому браку Комиссарову), умершую 14 июня 1821 г. Известно, что на окраине тогдашнего с. Песоченский Завод в последней четверти XVIII в. начало функционировать ещё одно кладбище³, располагавшееся юго-восточнее оврага «Муравьи», который примерно локализуется в районе современного железнодорожного переезда на ул. Ленина и сейчас в большей части засыпан. Расширение песоченской застройки в районе Кесареёвской слободы и постепенное превращение её в ул. Кесареёвскую (совр. ул. Ленина), как и требования по переносу кладбищ от жилой застройки, привели к прекращению его использования. К тому же на правом берегу р. Княж Песочня, во второй половине XIX в. для рядового населения было организовано ещё одно кладбище⁴ (оно было расположено, как и предписывалось, вне жилой застройки, современная территория рядом с ул. Кирова), которое продолжает существовать и сегодня.

¹Бауэр А. А. Некоторые вопросы истории Песоченских заводов во второй половине XVIII—первой трети XIX вв. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. Киров, 1993. С. 19–20; Хухарев В. В. Валунное надгробие Окулины Мастеровой из села Песоченский завод // Деснинские древности: Материалы научной конференции «История и археология Подсесенья». Вып. IX. Брянск, 2018. С. 55–60; [Кудрявцев Н. В.] Песочня // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон / Под ред. К. К. Арсеньева и заслуженного проф. Ф. Ф. Петрушевского. Т. XXIII. СПб., 1898. С. 425.

²Ещё во второй половине XX в. у стен закрытого храма Рождества Богородицы, где был организован заводской клуб, можно было при желании найти фрагменты чугунных крестов и могильных плит с фамилиями погребённых.

³Датировка кладбища может быть проведена по фиксации валунного надгробия с остатками надписи «*преставися раб Божий... 1780 г.*», вероятнее всего, происходящего с его территории (Хухарев В. В. Валунное надгробие Окулины Мастеровой... С. 56).

⁴Среди старых надгробий и чугунных крестов с надписями, ещё встречающихся здесь, отметим гранитную плиту с изображением четырёхконечного креста и надписью «*ФЁДОР 1889 г.*», а рядом, на ул. Кондратюка, — валунное надгробие с высеченным крестом на подножии и датой «*1850*», по которым можно условно датировать начало его функционирования.

Рис. 2. Храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Песоченский Завод.
Фото последней четверти XIX в. КИКМ

Последние следы старого Песоченского кладбища, близ Кесареевской улицы, были уничтожены уже в середине XX в. при строительстве производственных корпусов швейной фабрики и зданий жилой и хозяйственной застройки по ул. Ленина и Воровского. В этот период, вероятнее всего, отсюда и было вывезено множество надгробных памятников. Один из них — валун с погребения Окулины Мастеровой, умершей в 1842 г., — видимо, тоже можно относить к этим перемещённым надгробиям¹. Интересен факт фиксации и нескольких беломраморных надгробий-часовен купцов Азаровых и Макаровых, случайно обнаруженных при строительных работах на ул. Пролетарской в августе 2018 г. На одном из них хорошо читается надпись — «*Подъ симъ памятникомъ погребено тело песоченскаго купца МАКСИМА ИВАНОВИЧА МАКАРОВА. Скончался 24 сентября 1897 г. на 78 году своей жизни*». Их исследование в рамках песоченской некрополистики, а также разбор генеалогических и исторических сведений по купеческому роду Макаровых представляется отдельной темой и публикацией.

Планиграфия села Песоченский Завод в конце XVIII — первой половине XIX в. представляла собой сложно-лучевую структуру. В её центре находились постройки Верхнего завода у пруда, запруженного в овраге водами р. Княжая Песочня (совр. Верхнее озеро), несколько юго-восточнее расположенного каменного храм Рождества Богородицы, заводской конторы и каменного господского дома с двумя плодовыми садами². От завода расходились несколько линий застройки, позднее оформившихся в улицы, где были расположены дома рабочих и мастеровых. Одна из них шла вдоль западного берега пруда (совр. ул. Красная Заря). Вторая, Большая улица (совр. ул. Пролетарская), уходила в сторону Нижнего завода, на северо-восток. Третья, оформившаяся позднее

¹Хухарев В. В. Валунное надгробие Окулины Мастеровой... С. 56.

²Подр. см.: Описание и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. II. Кн. VI. СПб., 1782. С. 55; Калужская энциклопедия / гл. ред. В. Я. Филимонов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Калуга, 2005. С. 205.

Рис. 3. Портрет кавалера и поэта Викентия Гольинского. 20-е гг. XIX в. Орловский музей изобразительных искусств. Инв. Ж-164. Изд.: Краснолуцкий А. А. Злая судьба рода Гольинских. СПб., 2009. С. 64, 106

всего — Кесареевская улица (совр. ул. Ленина), шла вдоль дороги на с. Погост и далее — к с. Людиновский Завод и имела юго-восточное направление¹.

Упоминание о часовне-памятнике Гольинской-Гончаровой, располагавшейся у стен храма, удалось зафиксировать и в ряде отрывочных воспоминаний, записанных при опросах уроженцев Песочни А. А. Бауэром (КИКМ) в 80-е гг. XX в. Среди них отметим рассказ старой учительницы А. И. Антоновой (род. 1890) о небольшой часовне в виде беседки и её разрушении в октябре-декабре 1917 г. (*Архив КИКМ*). По спискам погребённых на петербургских кладбищах В. И. Саитова мы знаем, что Любовь Ивановна Гольинская (в девичестве Гончарова) умерла зимой 1822 г. в Санкт-Петербурге и была похоронена в престижном некрополе Александрово-Невской лавры близ церкви Сошествия Святого Духа. Приводит он и надпись, помещённую на её памятнике: «*Гольинская Любовь Ивановна, действительная статская советница, родилась 5 июля 1794 года, скончалась 24 февраля 1822 г., в 6 часу по-полудню, имея от рождения 27 лет 7 месяцев 19 дней. Нежнейшей матери, супруге незабвенной. От супруга*»². Знаем мы и то, что Викентий Иванович Гольинский (1770–1831), храня память о супруге, устроил ей достойный памятник в своей кричевской усадьбе³, поэтому вполне логичным нам представляется предположение и о существовании памятной часовни, посвящённой ей, близ

храма Рождества Богородицы в с. Песоченский Завод, где она неоднократно бывала и где были погребены её родители и брат.

Яркий представитель дворянской элиты Викентий Иванович Гольинский (1770–1831) (рис. 3), один из череды совладельцев Песоченских заводов в XIX в., несомненно, был неординарным человеком с тонким поэтическим мировоззрением и богатой на события судьбой. Он имел блестящее домашнее образование, обучался в Мстиславльской иезуитской коллегии и Лейпцигском университете. В его армейской биографии — служба в Лейб-гвардии Преображенском полку, начатая в 1791 г., участие в русско-турецкой войне и награда за личную храбрость при штурме Измаила — орден Святого Георгия IV степени, выслуга до звания полковника и командование Сибирским драгунским полком. Не менее насыщена была и гражданская жизнь Викентия Ивановича. Он, будучи крупным землевладельцем и наследником старинного польско-литовского дворянского рода *Holynskich* (герб Клямры), принял активное участие в жизни Российской империи, дослужился до звания сенатора и действительного тайного советника (гражданский чин II класса), исполнял выборные должности предводителя уездного и губернского дворянства, имел и высочайше пожалованные кавалерства орденами Святой Анны I степени и Святого Владимира III степени. Женитьба в июле 1806 г. на красавице Любе, внучке калужского купца и заводчика Афанасия Гончарова, связала его судьбу с историей Калужского края. У них была крепкая и любящая семья, в которой родилось восемь детей. Трагедией его жизни стала смерть жены, когда ей было чуть более 27 лет. Из их детей, по мнению биографов, наибольшую известность получила младшая

¹Топографическое описание Калужского наместничества. Калуга, 2016. С. 38; *Бауэр А. А.* Некоторые вопросы... С. 20–23; *Он же.* «Строили и размножали сильную рукою...», или О том, почему город Киров отметил свой 250-летний юбилей // *Весть (Калуга)*. 1994. 29 декабря. С. 4; *Хухарев В. В.* Валунное надгробие Окулины Мастеровой... С. 57–58 и др.

²[*Саитов В. И.*] Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 668.

³*Краснолуцкий А. Ю.* Злая судьба рода Гольинских. СПб., 2009. С. 55–57.

дочь Эмма Голынская (1812–1868)— известная петербургская красавица пушкинского времени, пользовавшаяся большим расположением императора Николая I. Семья Голынских, благодаря родовитости и состоянию, входила в число богатейших владельцев Калужского края. Служебное положение главы семейства заставляло их много времени проводить в столице, что явно требовало и больших финансовых расходов, и как следствие, необходимости в оптимизации в управлении обширными владениями, разбросанными по территории Могилёвской, Орловской и Калужской губерний. Финансовые трудности, испытываемые Голынскими в середине 1820-х гг., вероятно, и стали причиной их желания продать или перепрофилировать Песоченские заводы. Разрешение на это было получено, но по ряду причин продажа не состоялась. Сделка по продаже заводов была совершена лишь в мае 1839 г., когда их покупателем стал активно осваивающий регион заводчик, секунд-майор в отставке Иван Мальцов (1768–1853). Но к этому времени «статского генерала» и кавалера Викентия Голынского уже не было в живых, он был похоронен в 1831 г. в своей вотчине близ Кричевского костёла. Опекуном малолетних сыновей Голынского, Степана и Александра, стал известный писатель Павел Иванович Сумароков (1760–1846). Этот факт — ещё одно яркое свидетельство связи судьбы самого В. И. Голынского, офицера и командира драгунского полка, георгиевского кавалера, избравшегося предводителем уездного и губернского дворянства, а в гражданской службе ставшего сенатором и «статским генералом», с другой гранью его личности — писательским и поэтическим талантами. Он отлично владел русским, польским, французским и немецким языками. Его перу принадлежит поэма *«Великий Ян Собеский»* (1806), а до этого ещё были книги *«О путешествии по Италии и Германии»* (1800) и *«Краткие заметки о некоторых азиатских государствах»* (1791). Благодаря его инициативе и поощрению стремления к знаниям, можно относить и издание в двух частях *«Всеобщей географии»* (1820). Кроме того, сам Викентий Иванович с 1820 г. состоял членом Общества поощрения художников, а 19 декабря 1821 г. был принят в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности¹.

Вольное общество любителей российской словесности было организовано в 1816 г. и высочайше утверждено в 1818 г. В 1818–1825 гг. оно издавало ежемесячный журнал *«Соревнователь просвещения и благотворения»*, переименованный потом в *«Труды Вольного общества любителей российской словесности»* (вышло 10 выпусков). Из действительных членов общества каждые полгода избирался председатель, секретарь, библиотекарь, казначей и цензурный комитет. В число целей общества ставились забота о «чистоте» языка и помощь *«тем, которые, занимаясь науками и художествами, требуют подпоры и призрения...»*. Собрания общества регулярно проходили в доме № 254 в Адмиралтейской части на Вознесенском проспекте в Санкт-Петербурге и были открыты для публики. В число его членов входили почти все известные литераторы и общественные деятели различных направлений. Первым председателем общества был граф С. П. Салтыков (1775–1826), а с 1819 г. — поэт и будущий декабрист Ф. Н. Глинка (1786–1880), помощником при нём состоял баснописец и публицист А. Е. Измайлов (1779–1831). Деятельность общества, как известно, была приостановлена в 1825 г. из-за появившихся подозрений в принадлежности к «Союзу благоденствия» и заговору декабристов².

Архитектурное и стихотворное воплощение В. И. Голынским своей памяти к горячо любимой супруге Любови Голынской (Гончаровой) стали яркими памятниками его отношения к жизни и смерти близкого человека. Наверное, самым роскошным из них была белокаменная скульптура плакальщицы под сенью мраморной беседки в кричевской усадьбе, где была надпись: *«Любовь Ивановна Голынская, урождённая Гончарова-Мордвинова — мать восьмерых детей»*, а также стихотворная эпитафия на французском языке³. По мнению ряда исследователей, подобная практика является явным примером перевода существовавшей «книжной» эпитафии в «реальную», так характерную для русского барокко уже с XVII в., что, в свою очередь, отражало возросший интерес в обществе к человеческой личности и её судьбе⁴.

¹Краснолуцкий А. Злая судьба рода Голынских... С. 55–57.

²Мазаев М. Вольное общество любителей российской словесности / Энциклопедический словарь: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон / Под ред. К. К. Арсеньев. Т. VII. СПб., 1892. С. 136.

³Краснолуцкий А. Злая судьба рода Голынских... С. 57.

⁴Николаев С., Царькова Т. Три века русской эпитафии // Русская стихотворная эпитафия. Вступ. статья, подг. текста и прим. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб., 1998. С. 6–7.

К сожалению, судьба кричевского памятника Л. И. Гольнской оказалась печальной: вскоре после 1917 г. он был уничтожен. В мемуарах Ирены Гольнской, урождённой Лиссовской, жены последнего владельца Кричева Юзефа Гольнского (*хран. в Национальной библиотеке им. Оссолинских, г. Вроцлав, Польша*) об этом было написано так: «Никто не мог предположить, что через несколько лет величайшим удовольствием окрестных мальчишек будет швыряние камней в белую статую... Я до сих пор вижу Кричев... величественный дворец с двумя башнями с бойницами по бокам, большой круглый газон перед дворцом, белый памятник прабабке Гончаровой-Гольнской среди деревьев...»¹.

Приведём любезно предоставленные одним из потомков семьи Гольнских стихотворные строчки на французском, помещённые некогда на кричевском памятнике:

Mere de huit enfants,
Elle repose ici l'epose que j adore Partout son image me suit.
Je la pleure le jour.
Je la pleure la nuit, Je meurs en la pleurant encore.

На русском, в переводе М. П. Нестерова, это звучит несколько мягче:

Покойся с миром, мать моих детей,
Жена, чей образ был на ангела похожий.
Залью слезами свой остаток дней,
Ночами без тебя я буду плакать тоже...

Скульптура плакальщицы или рельеф с её изображением², по мнению А. А. Бауэра, присутствовали и на памятнике-часовне близ Рождественского храма в с. Песоченский Завод³. Теперь мы знаем, что там была и стихотворная эпитафия. Это наглядно подтверждает зафиксированный в г. Кирове обломок беломраморной плиты первой трети XIX в. со строками эпитафии «*Се слабой жертвы, знак слезами...*». Скорее всего, они и были размещены на памятнике типа обелиска, на сторонах которого могли быть ещё помещены рельеф с плакальщицей и плита (плиты?) со стихотворной эпитафией. На старых фотографиях (ил. 3), фиксирующих базарный день или ярмарку на площади рядом с храмом Рождества Богородицы в с. Песоченский Завод, можно разглядеть беседку к юго-востоку от алтарной части храма. Под её сенью — столпообразный памятник (вероятно, надгробие-часовня), с венчающим его четырехконечным крестом с широкими оконечностями. Но кому из семьи Гончаровых он был установлен, опираясь на имеющиеся сейчас сведения, точно утверждать нельзя, хотя связь её с надгробием Л. И. Гончаровой-Гольнской, по нашему мнению, наиболее вероятна.

В заключение хотелось бы отметить, что небольшой стихотворный фрагмент на мраморной плите с самобытным поэтическим текстом, хранящийся теперь в Кировском историко-краеведческом музее, даёт нам яркий образец поэтического творчества, некогда размещённый на памятнике калужской некрополистики⁴. Его находка, как и введение в научный оборот, по-

¹Краснолуцкий А. Злая судьба рода Гольнских... С. 57.

²Вероятно, именно его и воспроизводят современные отливки на памятниках, встречаемые и сегодня на старом Кировском городском кладбище.

³Так, А. А. Бауэр (Киров, КИКМ) в одной из своих публикаций отмечал: «...потрясённый её безвременной смертью муж Викентий Иванович Гольнский на месте погребения в ограде Верхнепесоченской церкви установил роскошное белокаменное надгробие в виде беломраморной беседки с фигурой плачущей девы (в советское время не сохранилось)...» (подробнее см.: Бауэр А. А. Некоторые вопросы... С. 22; Он же. Последние владельцы из рода Гончаровых // Знамя труда (Киров). 2000. 27 апреля. С. 3). По мнению А. Ю. Краснолуцкого (Санкт-Петербург), исследователя рода Гольнских, беседку и статую при продаже Песоченских заводов в 1839 г. могли вывезти в кричевское имение (Краснолуцкий А. Злая судьба рода Гольнских... С. 57).

⁴Она хорошо дополняет свод из более 360 памятников XVI–XX вв., фиксируемых исследователями в Калужском регионе. Среди них есть образцы и с поэтическими строками, такие как надгробие из Свято-Тихоновой пустыни со стихотворной надписью «*Покойся прах души бесценной в стенах обители святой...*», или из Лаврентьевского монастыря: «*Не лейте слёз по мне, о милые, напрасных. Разлуки нет для тех, бессмертен кто душой. Я к Богу вознеслась, избежав бурь опасных. Земля нам чуждый брег, лишь небо край родной*» (Подр. см.: Абакулов В. И., Абакулова Т. И., Новиков С. А. Локализация старых частей кладбищ Калужского уезда. К составлению свода надгробных памятников XVI–XX вв. // Калуга в шести веках: материалы 10-й городской краеведческой конференции,

зволяют теперь не только пополнить всероссийскую сводку подобных памятников¹, но и законно поместить имя российского кавалера и пиита Викентия Гольинского (1770–1831) как одного из ценителей и творцов рифмы Песоченской земли первой трети XIX в. в перечень уважаемых деятелей поэтической культуры Калужского края².

Список литературы

1. *Абакулов В. И., Абакулова Т. И., Новиков С. А.* Локализация старых частей кладбищ Калужского уезда. К составлению свода надгробных памятников XVI–XX вв. // Калуга в шести веках: материалы 10-й городской краеведческой конференции. Октябрь 2014 г. Калуга: Эйдос, 2015. С. 161–183.
2. *Авдеев А. Г.* Список стихотворных эпитафий с костромских кладбищ // ВЭ. Т V. М., 2010. С. 400–402.
3. *Акимов П. А.* Русское надгробие XVIII—первой половины XIX в.: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
4. *Бауэр А. А.* Некоторые вопросы истории Песоченских заводов во второй половине XVIII—первой трети XIX вв. // Песоченский историко-археологический сборник / Сост. А. А. Бауэр. Вып. 1. Киров: Кировский городской историко-краеведческий музей, 1993. С. 19–23.
5. *Бауэр А. А.* «Строили и размножали сильную рукою...», или О том, почему город Киров отметил свой 250-летний юбилей // Весть (Калуга). 1993. 29 декабря. С. 4.
6. *Бауэр А. А.* Последние владельцы из рода Гончаровых // Знамя труда (Киров). 2000. 27 апреля. С. 3.
7. Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке / авт.-сост. В. П. Машковцев. Владимир: Посад, 2002.
8. Калужская энциклопедия / гл. ред. В. Я. Филимонов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Калуга: изд-во научной литературы Н. Ф. Бочкарёвой, 2005.
9. *Краснолуцкий А. Ю.* Злая судьба рода Гольинских. СПб.: Политехнический университет, 2009. — 235 с.
10. [*Кудрявцев Н. В.*] Песочня // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь / Под ред. К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевского Т. XXIII. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1898. С. 425.
11. *Николаев С., Царькова Т.* Три века русской эпитафии // Русская стихотворная эпитафия / вступ. статья, подг. текста и прим. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1998. С. 5–44.
12. *Мазаев М.* Вольное общество любителей российской словесности / Энциклопедический словарь: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон / Под ред. К. К. Арсеньева. Т. VII. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1892. С. 136.
13. *Массалитина Г. А., Болдин И. В., Бессонова Т. Ф.* Белокаменные надгробия XV—начала XVIII вв. Пафнутьево-Боровского монастыря. Материалы к своду надгробных памятников Средневековой Руси // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 8. Калуга, 2007. С. 130–150.
14. [*Саитов В. И.*] Петербургский некрополь. В 4-х томах / Изд. Вел. Кн. Николай Михайлович. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912–1913.
15. Топографическое описание Калужского наместничества [переиздание СПб., 1785 г.]. Калуга: СерНа, 2016.
16. *Хухарев В. В.* Валунное надгробие Окулины Мастеровой из села Песоченский завод // Деснинские древности: материалы научной конференц и «История и археология Подесенья», посвящённой памяти брянского краеведа и археолога Ф. М. Заверняева. Вып. IX. Брянск: Брянский краеведческий музей, 2018. С. 55–60.

октябрь 2014 г. Калуга, 2015. С. 166; Единственная и неповторимая... 2007. С. 137; *Массалитина Г. А., Болдин И. В., Бессонова Т. Ф.* Белокаменные надгробия XV—начала XVIII вв. Пафнутьево-Боровского монастыря. Материалы к своду надгробных памятников Средневековой Руси // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 8. Калуга, 2007. С. 130–150 и др.).

¹ *Авдеев А. Г.* Список стихотворных эпитафий с костромских кладбищ // ВЭ. Т V. М., 2010. С. 400–402; *Акимов П. А.* Русское надгробие XVIII—первой половины XIX в.: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии. Автореф. диссертации ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 6–7 и др.

² Выражаю большую признательность за предоставленные сведения и уточнения исследователю истории семьи Гольинских А. Ю. Краснолуцкому (СПб.), настоятелю храма Рождества Пресвятой Богородицы в г. Кирове иерею Павлу Солдатову, А. Г. Авдееву, А. В. Дедук (Москва), а также помощь в проведении исследований и сборе сведений М. Н. Мосягину (Кировский индустриально-педагогический колледж им. А. П. Чурилина, г. Киров), М. И. Горбатенко, И. В. Ратникову, А. А. Артёмову, А. А. Бауэру (КИКМ) и стихотворный перевод с французского М. П. Нестерова (Киров).

ЦЕРКОВНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ОРЛОВСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XVII в.

А.Ю. Савосичев,

*доктор исторических наук, профессор кафедры теологии, религиоведения
и культурных аспектов национальной безопасности,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Церковная инфраструктура в нашем понимании — это сеть храмов в её соотношении с поселенческой структурой региона. Близость или отдалённость храма для прихожанина — это один из факторов, влияющих на религиозную жизнь. Понятие «Орловский край» шире, чем Орловская область в современных её границах, определившихся в 1954 г. Под Орловским краем нужно понимать территорию бывшей Орловской губернии, общности, которая просуществовала полтора столетия. Таким образом, к Орловскому краю до 1778 г. мы относим, прежде всего территорию 12 уездов: Болховского, Брянского, Дмитровского, Елецкого, Карачевского, Кромского, Ливенского, Малоархангельского, Мценского, Орловского, Севского и Трубчевского. Дмитровский и Малоархангельский уезды образованы в XVIII в. вокруг новообразованных же городов, раньше бывших сельскими поселениями. Учитывая современные реалии, привлекаем для анализа материалы и по Новосильскому уезду, в Орловскую губернию не входившему. Всего 11 уездов XVII в.

Наиболее репрезентативные данные о церковной инфраструктуре содержат материалы писцового делопроизводства. Первые в XVII столетии широкомасштабные кадастровые работы были начаты практически сразу после утверждения новой династии и продолжались вплоть до 1619/20 г. Это был так называемый дозор, проверка хозяйственного состояния землевладений с целью пересчёта налогов. Дозор часто предпринимался по просьбе землевладельцев тех уездов, что пострадали от природных и социальных катаклизмов и в силу этого не охватывал территорию всей страны. Ещё одна особенность заключалась в том, что дозорщики описывали только «живущее», т. е. земли, пребывающие в хозяйственном обороте. «Пустое», временно не обрабатываемые культурные земли не описывались.

Уезды Орловского края оказались в центре событий Смутного времени и, в силу этого, подверглись существенному разорению. Неудивительно, что дозорные работы во Мценском уезде были начаты Михаилом Зыбиным и подьячим Василием Архиповым в 1612/13 г.¹ В 1613/14 г. воевода Никита Панин организовал дозор Карачевского уезда. Сам он земельных владений не осматривал, но предписал всем собственникам представить сведения о хозяйственном состоянии своих имений². В 1614/15 г. Никифор Бибиков и подьячий Дружина Ильин дозрили Болховский уезд; Тихомир Сухотин и подьячий Владимир Лошаков — Брянский; Андрей Змеев, Пётр Трифонов и подьячий Михаил Бороздинцев — Елецкий; Пётр Есипов и подьячий Венедикт Махов — Новосильский уезды³. 1614/15–1615/16 гг. датируются составленные Петром Есиповым дозорные книги Ливенского уезда⁴. В 1615/16 г. Афанасий Толочанов то ли вторично дозрил, то ли закончил дозор Болховского уезда. Ни его книги, ни книги Бибикова и Ильина не сохранились.

В 1619/20 г. дозором были охвачены Болховский (Никита Алферьев Колычев и подьячий Терентий Великопольский); Елецкий (Василий Нестеров и подьячий Семён Дмитриев); Ливенский, Новосильский (оба уезда дозирали Немир Фёдорович Киреевский и подьячий Василий Ключарев) и Мценский (Осип Коквинский и подьячий Первой Михайлов) уезды⁵.

Архив Посольского приказа, куда сдавались дозорные книги, пострадал от времени. Посему неизвестно, дозировались ли до валового описания 1620-х гг. Орловский, Кромской, Севский и Трубчевский уезды. Трубчевск, скорее всего, остался в стороне от кадастровых работ, ибо в 1618 г. по условиям Делинского перемирия отошёл к Речи Посполитой. Как бы то ни было на сегодняшний

день сохранились дозорные книги по пяти уездам Орловского края — Болховскому, Елецкому, Карачевскому, Ливенскому и Мценскому — и по Новосилу⁶. Из восьми дозорных книг пять опубликованы. Книги 488 (полностью) и 15 937 (выборочно) изучены мною по рукописям. Книга 13 пока остаётся неизученной.

В Карачевском уезде в Городском стану обнаруживаются две церкви. Данило Семёнов Иевлев отметил, что на его земле стоит храм Николы Чудотворца. Борис Иванов Оболмасов «сказал за собою» половину сельца Новосёлок с церковью Св. Дмитрия Солунского⁷. Применительно к Елецкому уезду ни дозор 1614/15 г., ни дозор 1619/20 г. ни одного храма не фиксирует. Даже там, где их не могло не быть: сёла Архангельское, Богоявленское, Введенское, Кузмодемьянское могли получить свои названия только по соответствующим церквам⁸.

Можно было бы полагать, что в обоих уездах церковная инфраструктура была почти полностью уничтожена войной, но в соседнем Новосильском уезде обнаруживаются 17 храмов во всех трёх станах, не считая городских церквей. С юга к Новосильскому, а с запада к Елецкому уезду примыкает Ливенский. Здесь дозор Петра Есипова фиксирует 13 церквей во всех четырёх станах уезда.

Причина такого диссонанса, в первую очередь, в характере источниковой базы. Книга 167 может быть названа дозорной лишь условно, ибо никаких кадастровых работ она не отражает. Карачевский воевода Никита Панин собрал со всех землевладельцев справки об их имениях, где были, во-первых, охарактеризованы владельческие права, а, во-вторых, указано количество земли в имении. Подьячие местной приказной избы свели все эти «сказки» воедино. Информация о церквах, таким образом, могла попасть в книгу лишь случайно.

С материалами дозоров Елецкого уезда другая история. Книга 131 платёжная, т. е. в ней указаны только владельцы дач и количество условных налоговых единиц, сох в дачах. Поскольку церковная земля налогом не облагалась, в платёжную книгу сведения о храмах не включались.

Из 17 храмов Новосильского уезда 12 располагалось на поместной и вотчинной земле, 2 — на монастырской и 3 — на государственной земле⁹. В первых двух случаях церкви фиксируются в сёлах. В последней группе два храма, стоявшие на погостах, и один — в селе Субочево на рч. Субочевке, принадлежавшем помещикам. Все церкви деревянные, самой простой архитектурной формы: рублены «клетки». Церковное строение указано 13 случаях. Один храм построен и оснащён помещиками, два вотчинником Иваном Васильевичем Сукиным; в 9 церквах «строение приходское». Церковь Св. Георгия в с. Субочеве построена самим попом. В четырёх случаях не указано, чьё «строение церковное». Две церкви не функционируют: «от войны без пения», одна «ветха». Кем построена церковь Св. Георгия в с. Игумнове Новосильского Духова монастыря, дозорщики не указали. Без пения стоит и одна из церквей приходского строения: Св. Никиты в с. Под Борановым лесом. Из трёх храмов, стоявших на государевой земле, один не работает, один приходского строения и один — поповского. Всего «без пения» «от войны» 3 церкви из 17, или 17,6%.

Состав клира можно определить в 15 случаях. При двух храмах клира не было. Церковь Св. Никиты в с. Под Борановым лесом Пятницкого стана стояла без пения. «На погосте у села двор попов пуст». У церкви Николая Чудотворца в Тёплой слободе того же стана двор попа пуст, но церковь не означена, как стоящая без пения. Фактически не было клира при церкви Свв. Кузьмы и Демьяна в с. Перестряжа Никольского стана: место дворовое попа Никифора, взятого в плен татарами. На погосте келья, где живёт проскурница, вдова попа Никиты с сыном. Причты церкви Богородицы на погосте под Мельнским лесом; Св. Сергия Радонежского с. Черемошны и Св. Георгия Победоносца с. Игумново Пятницкого стана представлены только попами. В селе с длинным названием «Что была деревня верх Ломиполозова верха» две церкви — Архангела Михаила и Успения Богородицы. Оба храма обслуживали один поп и один пономарь. В трёх случаях клир состоял из двух человек. При ветхой церкви Николы Чудотворца в с. Глубки Городского стана жили поп и дьячок; при церквах Св. Параскевы с приделом Св. Ильи на погосте на р. Колпне и Свв. Афанасия и Кирилла Александрийских в с. Домны Пятницкого стана служили поп и пономарь. При храме Св. Николы Можайского в с. Нижнее Плесесеево Пятницкого стана служили два попа и пономарь; при церкви Св. Георгия Победоносца в с. Субочево того же стана и церкви Св. Николы Гостунского в с. Верхние Пруды Никольского стана — поп, дьячок и пономарь; Рождества Христова в с. Вышнее Княгинино (15) Никольского стана — поп, пономарь

и прокурница. Наличие пустых дворов причта, проживание причетников в кельях, а не во дворах, свидетельствуют о ещё не изжитых последствиях Смуты.

За счёт чего жил клир? Земельные участки описаны только при тех храмах, что стоят на государственной земле. Их размер одинаков — 20 четв. пашни и 40 коп. сенокосных угодий. Это свидетельствует о том, что земля для храмов целенаправленно нарезалась государством, либо в результате кадастровых работ, либо в результате общеуездного отдела. При церквях, стоявших на помещицкой и вотчинной земле, особой церковной земли не было. Причт, по всей видимости, содержался прихожанами.

В Ливенском уезде дозор Петра Злобина фиксирует 13 церквей во всех четырёх станах уезда: Красном (4), Серболове (3), Затрудском (4) и Мокретском (2)¹⁰. В 11 случаях храмы стоят на государственной земле: 4 на погостах, остальные в сёлах. В двух случаях принадлежность земли не указана. Все церкви деревянные, «клетки». «Строение» указано применительно ко всем 13 храмам: 8 поповского строения, один крестьян и попа, в 4 церквях строение приходское.

Пять церквей (38,5%) стоят без пения «от войны», но клир есть при трёх из них. При церкви Николы Чудотворца на погосте на р. Лесной Ливне в Долгой Поляне под Красным лесом жила только попадья с детьми, вдова попа Назария, строителя храма, заброшенного с 1612/13 г. При церквях Св. Праскевы (село Парахино Красного стана), Успения Богородицы (село «на рогу под Сторожевым лесом на Кривецком колодезе» в том же стану) и Богоявления Христова (с. Богоявленское Затрудского стана) клир ограничивался одним попом. В пяти случаях причт церкви состоял из двух человек: попа и пономаря (церкви Св. Георгия Победоносца на погосте «под Красным лесом меж двух отвершков на р. Полевой Ливне» Красного стана; Преображения Спасова на погосте «под Серболовым лесом сверх полой воды с правой стороны» в Серболове стану; Николы Чудотворца в с. Нижний Вязовик Затрудского стана; Архангела Михаила в селе «что было займище под Дросковым лесом на Брусовом верху» в том же стану; церковь Введения во храм прсв. Богородицы села Введенского Мокретского стана). Максимальная численность причта церквей Ливенского уезда — три человека. Это храм Св. Георгия Победоносца в с. Егорьевском Серболова стана (два попа, пономарь). Применительно к церкви Архангела Михаила на погосте по лесом Меньшим Туровцем дозорщики не указали ни дворов церковного причта, ни мест дворовых, что указывает на случайный пропуск, допущенный составителями кадастровых книг.

При всех церквях единообразные земельные участки в 20 четв. и 40 коп. сенокосных угодий. В том числе и при церкви Св. Георгия Победоносца в с. Егорьевском Серболова стана, где дозорщики не указали собственника земли, на которой стоит храм. Все 13 уездных приходских церквей стоят на государственной земле. Степень освоенности земли разная, от 0 до 5 четв./поле. Земля явно обрабатывалась силами причта. При храме Св. Георгия Победоносца в с. Егорьевском Серболова стана жили два попа и пономарь, из церковного надела распаханно 5 четв. Церковь Св. Дмитрия Солунского в селе Дмитровском Затрудского стана стоит без пения, место дворовое поповское, участок церковной земли не распахан, 2 четв. перелога, 18 четв. дикое поле.

Что можно констатировать в качестве выводов? Во-первых, в качестве предварительного заключения (до изучения дозорных книг начала XVII в. по Болхову и Мценску) можно высказать мнение, что для церковной инфраструктуры Орловского края события Смутного времени были не столь разрушительны, как можно было бы предполагать. Процент храмов, не действовавших из-за войны, колеблется от 17,6 до 38,5%. Причём во всех случаях, когда указан враг, война названа «татарской».

Церковная инфраструктура Новосильского и Ливенского уездов имели отличия. В Новосильском уезде большинство церквей стояли на помещицкой и вотчинной земле и имели приходское «строение». Участки церковной земли были редкостью, храмовый причт содержался прихожанами. В Ливенском уезде все храмы стояли на государственной земле и, как правило, «строение» имели поповское. К каждой церкви относился земельный участок. Размеры всех храмовых дач одинаковы.

Полагаем, что такие особенности сложились исторически. Новосиль — древний город, местность вокруг него начала осваиваться ещё в XIV в. К началу XVII в. церковная инфраструктура здесь уже давно сложилась и приобрела черты, характерные для всей Северо-Восточной Руси. Ливны основаны в 1586 г. К началу XVII столетия это ещё колонизируемый край. Это налагало особенности и на церковную инфраструктуру. В единообразии размеров церковных наделов видна твёрдая рука

государства, заботившегося о материальном обеспечении приходских церквей. Аналогичную картину я констатировал по отношению к Орловскому уезду конца XVI в. С другой стороны, государство, создав основу церковной инфраструктуры, дальнейшую инициативу в церковном строительстве передавало подданным. Отсюда обилие в Ливенском уезде храмов «поповского строения».

Примечания

- ¹ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 2. С. 610.
- ² Там же. С. 597.
- ³ Там же. С. 574, 575, 592.
- ⁴ Там же. С. 605.
- ⁵ Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 101–102.
- ⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.13 (Болхов, 1619/20), 131 (Елец, 1614/15 и 1619/20), 167 (Карачев), 232 (Ливны, 1614/15–1615/16), 314 (Новосиль, 1614/15), 488 (Ливны и Новосиль 1619/20), 15937 (Мценск, 1619/20).
- ⁷ *Антонов А. В.* Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года // РД. Вып.10. М., 2004. С. 243, 262.
- ⁸ Елецкий уезд в начале XVII века: Елецкие десятины и платёжные книги. М., 2011. С. 241–400.
- ⁹ *Сычёв Н. В.* Новосильско-Одоевского княжество. М., 2016. С. 334, 348, 349, 362, 367, 374, 397, 408, 413, 413, 426, 430, 431, 432, 436, 451, 457.
- ¹⁰ *Мацук М. А.* Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Территория, население, землевладение, освоение территории уезда, тягоспособность. Сыктывкар, 2001. С. 168, 190–191, 208, 219, 234, 254, 282, 311, 331, 359, 374, 393, 417.

СЕЛО БОРИЩЕВО ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В XVII–XVIII вв.

В.И. Абакулов,

хранитель фондов отдела фондов,

Калужский объединённый музей-заповедник

Среди старейших сёл Перемышльского уезда Калужской губернии, история которых насчитывает не одно столетие, можно выделить и Борищево (писалось и как Борисищево), расположенное на берегах маленькой речки Кванки, правом притоке реки Высса, в 15 км от села Перемышль, в 20 км от г. Калуги. В настоящее время нет научных публикаций, посвящённых подробной истории этого села, поэтому эта работа будет одной из первых, восполняющей этот досадный пробел. Данное исследование проведено на основе изучения и анализа целого ряда документов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области (Ф. 441 — Калужский верхний земский суд, Ф. 395 — Перемышльский уездный суд, Ф. 221 — Калужская провинциальная канцелярия, Ф. 261 — Перемышльское духовное правление, Ф. 181 — Перемышльская уездная межевая контора, Ф. 118 — Перемышльская воеводская канцелярия, Ф. 33 — Калужская духовная консистория). Большинство из них используется впервые. Нами рассмотрена история этого села и его владельцев в XVII–XVIII вв.

Борищево упоминается в XVII в. Село входило в состав Желоховского стана Перемышльского уезда. Московскому дворянину Григорию Челюскину в 1632 г. в поместье в сельце Борищеве принадлежало 545 четвертей земли, в вотчине в том же сельце у него было 180 четвертей земли. Крестьян и бобылей здесь за ним было пять дворов¹.

Храм во имя Николая Чудотворца в указанном селе существовал с XVII в. О некоторых страницах его истории в это время можно узнать из документов Крутицкой духовной консистории. Священник указанной церкви Михаил и дьячок Аким в 1674–1675 гг. платили каждый по 10 полоняничных денег. Тот же священник упоминается и в 1677 г. В 1678 г. священник Михаил заплатил 8 полоняничных денег².

Полоняничные деньги — это подворная, а не посошная подать, назначенная на выкуп пленных у татар и турок. Эту подать собирал заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ.

По указу митрополита Сарского и Подонского Варсонофия священник Николаевской церкви села Борищева Михаил 11 января 1684 г. доносил в Крутицкую духовную консисторию о том, что при церкви имеется «государева жалованья церковная земля и сенные покосы, и тою землёю и санными покосы владею я и твою святительскую дань плачу по окладным книгам». По писцовым книгам, пашни насчитывалось «70 четвертей в поле, а в дву потому ж». Священник пишет также, что недалеко от Борищева был пустовой погост Николая Чудотворца «в Торхове», земли которого распахивали крестьяне стольников Ивана Ивановича Бутурлина и Ивана Михайловича Кошаева из деревни Орли³.

Борищевым владели не только Челюскины. В конце XVII столетия село Борищево было вотчиной и стольника Дениса Петровича Сомова. В 1686 г. он писал прошение митрополиту Сарскому и Подонскому Варсонофию. В указанном селе при церкви Николая Чудотворца служил священник Михаил Михайлов, но в 1685 г. он умер. Церковь «стояла без пения, и людишка и крестьянишка мои помирают без покаяния и роженицы лежат многая дни без молитв». После смерти священника Михаила остался его сын Иван, но «тот в малых летах и грамоте не научен». Стольник Сомов предложил белому диакону Перемышльского Шаровкина монастыря Науму Тимофееву быть священником в его селе Борищеве. Тот дал своё согласие, и Сомов просил митрополита определить Наума Тимофеева в свою вотчину священником. Митрополит Варсонофий дал на то своё согласие и посвятил его во священника к Николаевской церкви села Борищева. При этом вдова прежнего священника Михаила с малолетним сыном имела право «в церковном доходе и в земле третьим жеребьем владеть»⁴.

В начале 1697 г. стольник Д. П. Сомов подал челобитную митрополиту Сарскому и Подонскому Тихону, в которой писал, что Николаевская церковь в его вотчине в селе Борищеве Перемышльского уезда стала ветха, и просил дозволения строить новую. В это время священником в указанном храме был Наум Тимофеев, пономарём Тимофей Михайлов, сын и внук священников этого храма⁵.

Благословенная грамота на строительство нового храма была дана по указу митрополита 25 января того же года. Указ гласил: «И мы преосвященный митрополит стольника Дениса Сомова пожаловал, благословил, велел ему на ту церковь лес ронить и в том лесу строить новую церковь во имя чудотворца Николая. А главы бы были на церкви не широкие, алтарь делать круглый, а в алтаре двери делать трой — царские, южные и северные. Подле царских дверей по правую сторону вначале поставить образы Всемилостивого Спаса, а подле Спасова образа поставить образ настоящая, а по левую сторону царских дверей поставить образ Пресвятыя Богородицы и иных святых. А старую церковь разобрать и брёвна, которые годятся на новое церковное строение, употребить в мосты и в паперти, а доски и ветхие брёвна, которые в церковное строение не годятся, велели б свезти в поле и в чистом месте спалить, а пепел всыпать в воду. А антиминс старого престола заделать в церкви в престоле в десной столбец. А как церковь со всяким церковным строением совершится, и на тое церковь дана будет наша священная грамота»⁶.

Помещики села Борищева выдавали принадлежавших им крепостных крестьянских девушек на вывод замуж в вотчины разных помещиков Калужской провинции. Вне зависимости от того, добровольно ли крестьяне вступали в брак или по принуждению, господа от создания новой крепостной семьи старались получить наибольшую выгоду во всём, даже в мелочах. Так возник обычай платить помещику «вывод» за невесту. Изначально это правило действовало в том случае, если крепостная девушка выходила замуж за крестьянина другого помещика. Терявший работницу землевладелец получал компенсацию — как правило, среднюю рыночную стоимость молодой женщины, принятую в той или иной местности. Эти деньги платила семья жениха из своих средств, но невеста становилась, конечно, собственностью дворянина — владельца жениха. Впоследствии обязательство платить «выводные деньги» распространили на браки крепостных и в том случае, если они совершались в имении одного помещика. Эти поборы, уже совершенно ничем не оправданные, превращались в новую обременительную дань для крестьян.

По приказу помещицы Анастасии Титовны, жены Алексея Козмича Челюскина, её служитель Андрей Фёдоров 23 марта 1742 г. отпустил при свидетелях крестьянскую девушку из села Борищева Екатерину Михайлову на вывод замуж в сельцо Городок Воротынского уезда, вотчину вдовы Авдотьи Ивановны Ладыженской, за крестьянина Ивана Евтеева и выводу взял 2 руб.⁷

В 1744 г. упоминается другой помещик села Борищева прапорщик Пётр Алексеевич Казаринов⁸.

Указом Крутицкой духовной консистории № 70 от 26 января 1748 г., полученном архимандритом Лютикова монастыря Герасимом 29 января, Его Преосвященством архиепископом Сарским и Подонским Платоном было велено постричь по прошению в монашество в оной обители вдового священника церкви Николая Чудотворца из села Борищева Петра Наумова. Указ подписали ризничий иеродиакон Филарет, казначей иеромонах Арсений, секретарь Илья Протопопов и канцелярист Михаил Голубев⁹.

Перемышльский помещик Пётр Алексеевич Челюскин отпустил из своей вотчины из села Борищева на волю крепостную свою крестьянскую девушку Устинью Алексею, о чём 27 августа 1752 г. было записано в книге Калужской провинциальной канцелярии¹⁰.

29 и 30 марта 1753 г. крестьянин помещика недоросля Петра Алексеевича Челюскина из села Борищева Иван Петров и дворовый человек поручика Петра Алексеевича Казаринова из того же села Василий Савельев просили Калужскую провинциальную канцелярию о выдаче их помещикам денег за взятый на довольство Рижского и Новотроицкого драгунских полков и сыскной команды для лошадей фураж. Просимые деньги им были выданы¹¹.

Указом из Крутицкой духовной консистории от 21 августа 1753 г. Перемышльское духовное правление уведомлялось о том, что по прошению тайного советника и кавалера Фёдора Аврамовича Лопухина 18 июля того же года Преосвященным Антонием, епископом Вятским и Великопермским, был посвящён во священника к Благовещенской церкви села Заборовской Слободки дячок Николаевской церкви села Борищева Василий Васильев. Он был обучен священнической службе в доме Его Преосвященства и получил ставленую грамоту¹².

Дворянин Алексей Григорьевич Соколов в мае 1755 г. жаловался в Калужскую провинциальную канцелярию на капитана Семёна Ивановича Челюскина. Ещё в 1746 г. во время рекрутского набора Соколов поставил в армию своего крестьянина из села Никольского Воротынского уезда (набор производился так: один рекрут со 171 души крепостных крестьян мужского пола). В число 171 души входили и 33 крепостных крестьянина Челюскина из села Борищева. При этом Челюскин обещал поставить своего крестьянина в следующий рекрутский набор. Таковой был объявлен в 1754 г., теперь следовало поставить одного рекрута со 100 душ крепостных крестьян мужского пола. Соколов, помня данное ему обещание, послал в село Борищево своего дворового человека Василия Наумова. Однако староста капитана Челюскина объявил ему, что «господин его отдавать своего человека в рекруты не хочет»¹³. Чем закончилась жалоба Соколова в канцелярию, документы умалчивают.

Борищевский помещик С. И. Челюскин — это знаменитый исследователь Арктики, участник Северной экспедиции 1733–1743 гг. Отец известного штурмана стряпчий Иван Родионович Челюскин владел тремя небольшими поместьями: в селе Борищеве под Перемышлем, сельце Опойкове Калужского уезда и деревне Баранове около Алексина. Его семья постоянно проживала в селе Борищеве. Семён здесь провёл своё детство. Он учился в Навигацкой школе вместе с Василием Васильевичем Прончищевым, уроженцем Тарусского уезда, служил на Балтике и Каспии.

В 1735–1736 гг. С. И. Челюскин был штурманом на дубель-шлюпке «Якутск» под руководством В. В. Прончищева. Челюскин вёл дневниковые записи этой экспедиции, делал описание открытого берега. В сентябре 1736 г. из-за болезни и смерти В. В. Прончищева Челюскин принял командование кораблём и вывел его из залива Фаддея к устью реки Оленёк. В декабре 1736 г. он санным путём вместе с геодезистом Чекиным вернулся в Якутск. В 1738–1739 гг., после ремонта «Якутска», принял участие в экспедиции Х. П. Лаптева.

14 августа 1740 г. шлюп «Якутск» был раздавлен льдами. С. И. Челюскин переправил людей на берег. С группой солдат он стал переправлять и провиант. Однако люди сильно устали. Один солдат упал, говоря «всё равно помирать», и не вставал. Глядя на него, и другие солдаты побросали грузы. Челюскин пытался их уговорить, но у него ничего не получилось. Тогда штурман схватил кошки (ремень для телесных наказаний в царском флоте. — В. А.) и начал бить того, кто сказал «всё равно помирать». Мера подействовала — все поднялись и продолжили путь к берегу. Это был единственный случай телесного наказания за все годы работы Ленско-Енисейского отряда. В 1741–1742 гг. Челюскин исследовал западное побережье полуострова Таймыр, устья рек

Хатанги, Пясины и Енисей, открыл самую северную точку континентальной Евразии, которая позже была названа в его честь мысом Челюскин.

С. И. Челюскин осенью 1742 г. вернулся в Санкт-Петербург, где был произведён в мичманы и служил на Балтийском флоте. В 1746 г. назначен командиром царской яхты «Принцесса Елисавета». Вскоре его перевели на другой корабль. В 1751 г. Челюскин был произведён в лейтенанты, в 1754 г. — в капитан-лейтенанты. В 1756 г. Челюскин был «за болезнью отпущен в дом» с чином капитана 3-го ранга. Челюскин имел сына Петра, который рано умер и не оставил потомства¹⁴.

Крепостные крестьяне иногда убегали от своих хозяев. Так поступали и крестьяне борищевских помещиков. 17 февраля 1766 г. приказчик вотчины действительного статского советника Михаила Александровича Зюзина из села Борищева Пётр Васильевич Коротнев подал челобитную в Перемышльскую воеводскую канцелярию. Он писал, что 14 февраля того же года из принадлежавшего его помещику сельца Столбны Кожемякино тож вместе с женою бежал неизвестно куда крепостной крестьянин Козма Иванов. При этом бежавший украл у дворового человека Зюзина Никиты Сидоровича Бровкина 20 руб.¹⁵

Иногда крестьяне соседних помещиков враждовали между собой и с дозволения своих господ устраивали всякие противозаконные действия. Староста вотчины майора Сергея Дмитриевича Потёмкина из села Орли Перемышльского уезда Андрей Яковлев 21 июня 1767 г. подал жалобу в Перемышльскую воеводскую канцелярию на приказного служителя Михаила Александровича Зюзина П. В. Коротнева и старосту Бориса Григорьева. Староста Потёмкина писал, что пахотная земля и сенные покосы его помещика граничили с землями М. А. Зюзина. На землю Потёмкина и днём и ночью приезжали староста Зюзина с дворовыми людьми и крестьянами из села Борищева и они «из собственных оных господина моего дач сбивают и людей бьют смертельно и платье сымают и лошадей и прочий скот к себе отгоняют и впредь ухваляются (делать то же. — В. А.)». 20 июня того же 1767 г. борищевские крестьяне «незнаемо с какого умысла выехав многолюдно на лошадях верхами с дубьём и прочим, пасущих конюхов господина моего били смертно, лошадей разогнали и многих к себе в село Борищево угнали...»¹⁶

Воеводскую канцелярию в г. Перемышле 24 марта 1770 г. секунд-майор Пётр Алексеевич Казаринов ставил в известность о желании курить вино для своего домашнего расхода в селе Борищеве, где он имел жительство. Казаринов сообщал также, что по его приказу был изготовлен медный куб, который майор просил измерить и заклеить. В Перемышльской канцелярии было выписано, что по указу 19 сентября 1755 г. Казаринову можно было выкуривать в год 100 вёдер вина.

По резолюции перемышльского воеводы надворного советника Никифора Офросимова куб был измерен, и в нём оказался объём, составлявший 5 вёдер. В тот же день 24 марта куб был заклеён, записан в книгу и отдан Казаринову¹⁷.

Крепостные крестьяне не только бежали от своих помещиков, но и всячески старались уклониться от рекрутской повинности. В описываемое время срок службы был пожизненным, и лишь в 1793 г. его «сократили» до 25 лет. Служитель лейб-гвардии поручика Петра Алексеевича Челюскина из села Опойкова Калужского уезда Мартин Афанасьев 24 сентября 1770 г. сообщал в Калужскую провинциальную канцелярию, что назначенный в рекруты от вотчины его господина крестьянский сын из села Борищева Анисифор Дементьев «был пойман в рекруты». Он содержался в крестьянской избе под присмотром, чтоб не «учинил утечки из онога села» Борищева с помощью других крестьян. Узнав, что его отдадут в рекруты, и не желая идти в армию, Анисифор «во время содержания, как караульные спали, а он встал в самую полночь, и, отбивая от рекрутства, выломал у себя зубы имеющимся у него железным шилом...»¹⁸ Срочно пришлось искать другого рекрута.

Перед государством стоял вопрос освоения Сибири, что способствовало бы укреплению хозяйственной и военной мощи России. Одной из попыток решить это вопрос стал указ от 13 декабря 1760 г. Помещикам разрешалось наказывать своих крестьян за воровство, пьянство и прочие непотребства высылкой на поселение в Сибирь. При этом помещик мог сам определять состав преступления. Эта же мера распространялась на дворцовых, синодальных, монастырских и государственных крестьян. Благодаря этому указу и последующим мерам, направленным на освоение

Сибири, с 1762 по 1795 г. население притрактовой полосы возросло с 93 тысяч до 165 тысяч человек мужского пола.

Не обошёл стороной этот указ и село Борищево. Староста помещицы Варвары Алексеевны Зюзиной из указанного села Лаврентий Тимофеев в апреле 1772 г. представил в провинциальную канцелярию по верящему письму от своей госпожи для ссылки на поселение в Сибирь крепостных её крестьян. Это были: сельца Столбны Перемышльского уезда Матвей Ермолаев 39 лет и деревни Матюковой Воротынского уезда Ананий Ипатов 35 лет. Они ссылались «за разные непотребства с зачётом в предбудущий рекрутский набор...»¹⁹ (Согласно указу 1760 г. «кто на поселение (в Сибирь. — В. А.) не прежде, но по состоянию о наборе рекрут указа отдавать будет, таких уже не в оный набор, но в последующие зачитать; и тот зачёт чинить за собственные тех помещиков деревни, как тех уездов, где отданы будут, так и других губерний и провинций, в коих деревни его имеются»).

Сын священника Николаевской церкви села Борищева Афанасия Прохорова ученик Василий Никольский после каникул не вернулся на учёбу в Крутицкую духовную семинарию. Указом из Крутицкой духовной консистории № 2508 от 19 октября 1775 г. за подписью протопопа Крутицкого Дмитрия, в должности секретаря канцеляриста Андрея Колесова и канцеляриста Семёна Петрова, Перемышльскому духовному правлению было велено того ученика немедленно выслать в семинарию. В ноябре того же года в консисторию был отправлен вместе с рапортом от Перемышльского правления ученик Василий Никольский. Правление оправдывало его задержку в обучении тем, что он был болен, о чём ещё в конце августа было «словесно объявлено» его отцом священником Афанасием Прохоровым²⁰.

Старший первоклассный землемер премьер-майор Антон Дьяков 15 июля 1777 г. проводил межевание части земли в селе Борищево, принадлежавшей Варваре Алексеевне Зюзиной, гвардии поручику Петру Алексеевичу Челюскину, вдове капитана Аграфене Павловне Толбузиной, майору Петру Алексеевичу Казаринову, полковнику Василию Андреевичу Полонскому от всех смежных владельцев. У Зюзиной в это время во владении в обмежеванной части села было 22 души мужского пола крепостных крестьян, у Челюскина 43 души, у Толбузиной 23 души, у Казаринова 26 душ, у Полонского 14 душ²¹.

23 июля того же года землемер А. Дьяков проводил межевание принадлежавшей только В. А. Зюзиной земли в селе Борищево. Им было обмежевано 351 дес. 1247 кв. саж. земли. Причём в это количество входила и земля, находившаяся под церковью с погостом в размере 450 кв. саж. В межевой книге отмечено, что Зюзиной в этой части села Борищева принадлежало 111 душ мужского пола. При межевании были поверенный помещицы Зюзиной из крестьян Григорий Тюрин, поверенные крестьяне от других помещиков, сторонние люди, а также священник Николаевской церкви села Борищева Афанасий Прохоров и диакон Филипп Яковлев, которые тоже поставили свои подписи под межевой книгой²².

На следующий день, 24 июля 1777 г., землемер А. Дьяков межевал писцовый лес, принадлежащий к селу Борищеву и находившийся также во владении В. А. Зюзиной. Лес занимал 3 дес. 28 кв. саж. земли. Среди других межевой план подписал служитель Зюзиной Платон Григорьевич Баландин²³.

Осенью того же 1777 г., 29 сентября, тот же землемер межевал церковную пахотную землю третьего поля села Борищева, принадлежавшую священно- и церковнослужителям Николаевской церкви этого села. Всего было обмежевано 11 дес. 2374 кв. саж. земли. На плане и в межевой книге расписались, помимо поверенных от борищевских помещиков, священник Афанасий Прохоров и диакон Филипп Яковлев. Вместо понятых сторонних крестьян свою подпись поставил прапорщик Никита Антипович Савенков²⁴.

Ровно через месяц, 29 октября 1777 г., премьер-майор А. Дьяков межевал церковную землю первого и второго поля села Борищева Николаевской церкви, принадлежавшую причту. Было обмежевано 25 дес. 1441 кв. саж. земли. Она распределялась так: пашенной земли было 21 дес. 1062 кв. саж., под поселением у церковнослужителей 1 дес. 1849 кв. саж., сенных покосов 1 дес. 2196 кв. саж., под просёлочными дорогами 624 кв. саж., под речкою и «под полуречкою Кванкою и полупротоком Князьева верха 510 кв. саж.».

На плане и в межевой книге расписались поверенные крестьяне местных помещиков, священник Афанасий Прохоров. Вместо понятых сторонних крестьян свою подпись поставил Н. А. Савенков²⁵.

На начало 1780-х гг. в селе Борищеве Варваре Алексеевне Зюзиной принадлежало 20 крестьянских дворов, в которых проживали 91 мужчина и 111 женщин. Земли ей принадлежало: усадебной 33 дес. 36 кв. саж., пахотной 669 дес. 530 кв. саж., сенных покосов 30 дес. 200 кв. саж., леса 60 дес. 10 кв. саж., неудобных мест 11 дес. 160 кв. саж. Всего 803 дес. 936 кв. саж. Земля располагалась по обе стороны речки Кванки и её отвершков. В этом селе находился также деревянный господский дом Зюзиной.

Вторая половина описываемого села, в которой было 28 крестьянских дворов, в них 128 мужчин и 95 женщин, принадлежала Петру Алексеевичу Челюскину, Василию Матвеевичу Полонскому, Аграфене Павловне Толбузиной, Петру Алексеевичу Казаринову и упомянутой помещице Зюзиной. Здесь под усадьбами находилось 35 дес. 197 кв. саж., пашни 280 дес. 1 000 кв. саж., сенных покосов 30 дес. 500 кв. саж., неудобных мест 5 дес. 500 кв. саж. Всего 950 дес. 2 197 кв. саж. земли. Земля располагалась на левом берегу речки Кванки и по обе стороны безымянного оврага, в котором было два пруда. В этой части села также был ещё один деревянный господский дом с плодовым садом.

Здесь же стояла деревянная церковь Николая Чудотворца. По обе стороны безымянного оврага располагалась писцовая пахотная церковная земля, принадлежащая священно- и церковнослужителям указанного храма, которой насчитывалось 11 дес. 2 374 кв. саж. Вторая писцовая церковная земля, принадлежавшая причту того же Николаевского храма, располагалась по обе стороны речки Кванки. Пашни насчитывалось 24 дес. 1 301 кв. саж., сенных покосов 1 дес. 140 кв. саж. Всего 25 дес. 1 441 кв. саж. земли.

Кроме этого, спорами было отведено к селу Борищеву от деревни Малые Починки, принадлежавшей Анне Алексеевне Хитрово, пашни 45 дес. 1 537 кв. саж., от деревни Льговки, владения Елизаветы Фёдоровны Заборовской, 95 дес. 325 кв. саж. пашни и 1 дес. неудобной земли²⁶.

В 1789 г. в Перемышльском уездном суде производилось расследование по убийству крепостного крестьянина Ивана Михайлова из села Борищева, принадлежавшего жене бригадира Наталье Фёдоровне Дубенской. В убийстве подозревались крестьяне помещицы Аграфены Павловны Толбузиной Никита Петров и жены коллежского асессора Варвары Алексеевны Надежиной (в девичестве Зюзиной) Иван Мартемьянов. Указанные крестьяне вместе с убитым возвращались в село Борищево из села Ропчиц. На допросах они показали, что никого не убивали, «были вместе пьяни и точно ли тот крестьянин Михайлов с ними шёл и где отстал, не помнят». По прошению Дубенской дело было передано дальше на рассмотрение в Калужский верхний земский суд. 27 августа 1795 г. суд постановил: «как они Петров и Мартемьянов в допросах в его убийстве не признались... отставить их от сего следствия безо всякого штрафа и наказания свободными»²⁷.

18 октября 1793 г. жена коллежского асессора Варвара Алексеевна Надежина просила Перемышльский уездный суд о следующем. Она хотела заключить с Калужской казённой палатой контакт на поставку вина в разные города Калужской губернии начиная с 1795 г. впредь на четыре года «сколько по торгам за мною состоится вина». Винокуренный завод помещицы находился в принадлежавшем ей сельце Столбне Кожемякино тож Перемышльского уезда. Чтобы иметь возможность заключить контракт, ей было необходимо иметь свидетельство от суда о принадлежности ей в том уезде крепостных крестьян для их залога. Надежина писала, что в селе Борищеве ей принадлежит 100 мужского пола душ крепостных крестьян, находящихся уже в залоге у майора Рожнова, и 52 души нигде не заложенных. В деревне Матюковой ей принадлежало ещё 62 души мужского пола крестьян.

Канцелярист Перемышльского уездного казначейства Фёдор Гречанинов в октябре того же 1793 г. сообщил в Перемышльский уездный суд, что на имении В. А. Надежиной казённых недоимок не было. Видимо, суд удовлетворил просьбу помещицы, и она получила нужное ей свидетельство²⁸.

В палате Калужского гражданского суда 19 декабря 1794 г. под № 146 в книгу была записана купчая крепость, по которой жена секунд-майора Марфа Ивановна Трунова при свидетелях

продала капитану Демьяну Фёдоровичу Головкову недвижимое своё имение, состоящее в селе Борищеве «крестьянскую усадебную с огуменниками и коноплянниками пашенную и непашенную землю с лесы и санными покосы и со всеми угодьями». Это имение досталось ей по просроченной закладной, данной капитаном Никитой Никитичем Крупенниковым родному брату Труновой секунд-майору Андрею Ивановичу Полонскому. За имение Трунова взяла с Головкова 50 руб.²⁹

10 декабря 1795 г. поручик Иван Семёнович Хлюстин, родной брат известного благотворителя Антона Семёновича, приобрёл недвижимое имение в селе Борищеве Перемышльского уезда, купив его у жены коллежского асессора Варвары Алексеевны Надежиной³⁰.

Из документов Перемышльского духовного правления мы узнаём о происходивших в селе Борищеве событиях в конце XIX столетия. Так, 4 марта 1796 г. священник Николаевской церкви села Борищева Афанасий Прохоров подал доношение в Перемышльское духовное правление. Он писал, что 24 февраля того же года пономарь указанной церкви Иван Филиппов после отправления литургии запер храм, а ключ священнику не принёс. Вечером того же дня в гостях у священника был староста помещика И. С. Хлюстина Абрам Фатеев. Выйдя к воротам возле дома священника, они встретили идущего мимо пономаря, и батюшка ключ от дверей церкви у него отобрал. На вопрос священника, не был ли пономарь Филиппов один в церкви, тот отвечал, что нет. Чуть позже крестьянка помещика Хлюстина Акулина Фомина объявила священнику Прохорову, что после обедни она вместе с другими женщинами села видела, как пономарь выходил из церкви один.

На утро священник объявил обо всём случившемся «вотчинным начальникам» (старостам), так как никого из помещиков в это время в селе не было. Борищевым в это время предположительно владели поручик Пётр Алексеевич Челюскин, полковник Василий Матвеевич Полонский, вдова капитана Аграфена Павловна Толбузина, майор Пётр Алексеевич Казаринов, жена бригадира Наталья Фёдоровна Дубенская и поручик Иван Семёнович Хлюстин. Вечером того же дня к священнику Афанасию Прохорову пришёл пономарь Иван Филиппов и стал спрашивать, не пропало ли чего-то из церкви. На это священник заявил ему «как ключ у него (пономаря. — В. А.) и ходит он в церковь один в неположенное время, что знать ближе ему пропало ж что или нет». Рассердившись, пономарь «в великом азарте начал на меня (священника. — В. А.) приставать, называя уже меня вором, ругался скверными словами и замахнулся мене бить».

Не желая терпеть оскорбления от пономаря, священник пошёл на господский двор помещика Хлюстина, ища себе защиты. Следом туда же направился и пономарь и вновь называл священника вором. В своём доношении в духовное правление священник Афанасий Прохоров требовал защитить его от нападков пономаря³¹.

Доставленный в духовное правление пономарь села Борищева Иван Филиппов 10 марта 1796 г. рассказал, что ключ от дверей церкви он и раньше зачастую держал у себя «по неделе и более и в то время оный священник от меня оного не требовал». Да, священник приводил его на двор помещика Хлюстина и объявлял старосте Авраму Фатееву при жене его Авдотье Никитиной и крестьянке Екатерине Афанасьевой, что будто пономарь его «поматерино ругал», чего на самом деле не было³².

Как бы там ни было, видимо, доношение священника в духовном правлении оставили без последствий, так как когда священник Афанасий Прохоров скончался, то пономарь Иван Филиппов в июне 1798 г. просил определить его на освободившееся священническое место при церкви села Борищева. При этом по справке в Перемышльском духовном правлении «дел и подозрений на него не имелось»³³.

26 января 1797 г. поручик Иван Семёнович Хлюстин продал артиллерии капитану Сергею Григорьевичу Свечину своё недвижимое имение в селе Борищеве, о чём купчая крепость была записана в Смоленской гражданской палате. Хлюстин продал принадлежащую ему землю, «с повёрстными лесами, с прудами, рыбными ловлями, в том селе по 5 ревизии сказкам (1795 г. — В. А.) крестьян мужского пола 108 душ с жёнами их и с детьми с братьями, племянниками и зятьями и с их детьми, со внучаты и с новорождёнными ... да дворового человека Михайлу Григорьева с женою его Маланьей Ивановою да в селе ж Борищеве с господским и крестьянскими домами и со всяким дворовым и хоромным и огуменным строением, с садами, с огороды и коноплянниками, с хлебом господским и крестьянским... скотиною...» За всё это Свечин заплатил 9 тысяч руб.³⁴

6 февраля 1897 г. капитан С. Г. Свечин просил Перемышльский уездный суд сделать предписание «о выключении оногo имения из владения Хлюстина и об отдаче в моё владение». В суде в тот же день постановили передать это имение во владение Свечину³⁵.

По указу Перемышльского уездного суда дворянский заседатель оногo Астафьев отправился в село Борищево для объявления бывшим крепостным крестьянам Хлюстина, что они принадлежат теперь новому помещику и чтобы они его во всём слушались. 9 февраля 1797 г. в рапорте Астафьев сообщил суду о том, что по приезде в Борищево он собрал бывших хлюстинских крестьян и дважды зачитал им указ о том, что они переходят во владение новому помещику Свечину. Однако крестьяне «в повиновение не пошли, проговаривая суровым видом следующее: что де много таких указов они видали, но пока де посланная (бумага. — *В. А.*) на того Хлюстина с просьбою их крестьян к Его Императорскому Величеству не возвратится, никого слушать не будут».

Видя такое «бунтовство», дворянский заседатель предпочёл возвратиться в Перемышль и просил для приведения крестьян в повиновение выслать воинскую команду³⁶.

Трёх непослушных крестьян из села Борищева 11 февраля 1797 г. доставили в Перемышльский нижний земский суд, и в тот же день они были допрошены. Первый сказал, что его зовут Казма Андреев, ему 40 лет, и он бывший крестьянин поручика И. С. Хлюстина. Крестьянин рассказал, что когда дворянский заседатель Астафьев приехал в их село и начал зачитывать указ, то он и все крестьяне «подлинно говорили, что на того Хлюстина послано от них прошение к Его Императорскому Величеству, и покуда посланный не возвратится, никого слушать по тому указу не будут, а чтоб кто говорил что де много таких видали указов, он не слыхал и сам того не говорил»³⁷.

Вторым допрашиваемым был крестьян Филипп Степанов, 47 лет. Он рассказал то же, что и Казма Андреев. При этом добавил, что сказал «господину исправнику озорно», что, мол, послан от борищевских крестьян их односельчанин Аврам Фатеев с письмом к императору, и добрался уже он до Новгорода. Среди тех, кто отправил Фатеева с письмом в Петербург, были крестьяне села Борищева Иван Акимов, Тимофей Акинфиев, Филимон Терентьев и Влас Иванов. Третьим допрашиваемым в суде был крестьянин Варфоломей Тихонов 25 лет, и он показал всё так же, как Казма Андреев³⁸.

19 февраля 1797 г. в Перемышльский нижний земский суд доставили и других крестьян из села Борищева — Аврама Фатеева, Ивана Акимова, Тимофея Акинфиева, Филимона Терентьева и Власа Иванова.

В первую очередь был допрошен Аврам Фатеев 30 лет, ходивший с письмом к императору. Он в суде рассказал следующее. В январе описываемого года односельчанин Аврама Влас Иванов позвал его к себе в дом, где собрались крепостные крестьяне помещика И. С. Хлюстина, живущие в Борищево. Они собрались там для совета о подаче бумаги императору на их помещика Хлюстина, который «чинил им всякие притеснения как то: в отнятии у них собственной их издревле владимой ими отрезанной прежними владельцами их земли, а также лугов, и в отягощении их работами против прежних их господ и в другом».

Аврам Фатеев пришёл на ту «сходку» (так это мероприятие названо в документе. — *В. А.*), и крестьяне решили передать бумагу императору с жалобами на своего помещика. Послали они крестьянина Михаила Прохорова к священнику Афанасию Прохорову, чтобы тот записал на бумаге к императору имена всех недовольных Хлюстиным крестьян, бывших на совете. Сами крестьяне этого сделать не могли, так как были неграмотными.

Затем крестьяне перешли в дом Аврама Фатеева, куда посланный Михаил Прохоров принёс уже готовые бумаги для подачи императору, где были переписаны все участники «сходки». Крестьяне решили, что бумаги императору должен доставить Фатеев, и дали ему на дорогу 26 руб. денег.

На другой день Аврам Фатеев со своим братом Карпом поехали в Калугу. Брат вернулся обратно в село Борищево, а Аврам Фатеев пошёл по тракту пешком в Москву. Там неизвестный ему человек за 5 руб. написал на подписанной крестьянами бумаге просьбу императору о притеснениях помещика Хлюстина. И уже с готовой бумагой Фатеев пошёл из Москвы по тракту в Санкт-Петербург. В Верее ему встретился дворовый человек генерала Петра Семёновича Свистунова из сельца Салтановского Лихвинского уезда, и, узнав, куда и зачем движется борищевский

крестьянин, он довёз его до Новгорода. Здесь какой-то человек взял у Фатеева письмо для подачи императору и уехал неизвестно куда. Так и не дождавшись этого человека, Аврам Фатеев вернулся в своё село в Перемышльский уезд³⁹.

25 февраля 1797 г. в Перемышльский нижний земский суд был доставлен священник села Борищева Афанасий Прохоров, который давал показания по этому делу при депутате священнике Успенского собора г. Перемышля Андрее Фёдорове. Священник показал, что к нему в дом никто из крестьян с просьбой написать бумагу на помещика Хлюстина не приходил. Он того «регистра» не писал и обо всём том ничего не знал⁴⁰.

Однако 2 марта в том же суде крестьянин Михаил Фёдоров подтвердил всё сказанное выше Аврамом Фатеевым. Заявил он и о том, что именно священник сделал для крестьян бумагу для подачи императору. На следующий день 3 марта на проведённой очной ставке священник Афанасий Прохоров заявил, что крестьянин на него наговаривает⁴¹.

Допросы по этому делу продолжались и позднее. Так, в апреле 1797 г. в суде были допрошены 39 крестьян из села Борищева. Чем закончилось дело с жалобой императору на помещика Хлюстина для крестьян, архивные дела умалчивают. А вот священник Афанасий Прохоров пострадал точно. Депутат от духовенства священник Артемий Иванов доносил в Перемышльский нижний земский суд, что 22 апреля борищевский священник находился «в тягчайшей болезни», а рапортом из Перемышльского нижнего земского суда в Перемышльский уездный суд 20 мая 1797 г. было сообщено, что священник Афанасий Прохоров умер⁴².

В июне 1798 г. пономарь Николаевской церкви села Борищева Иван Филиппов подал епископу Дмитровскому Серапиону прошение об определении его на ставшее свободным священническое место в указанном селе. Приложил он и одобрение, данное ему от прихожан. Епископ обратился с запросом о состоянии просителя в Перемышльское духовное правление. В том же месяце правление рапортовало епископу, что по свидетельству благочинного священника Ефима Андреева пономарь Иван Филиппов «состояния и поведения доброго»⁴³.

Из указа Московской духовной консистории в Перемышльское духовное правление № 3042 от 13 июля 1798 г. мы узнаём, что пономарь Иван Филиппов не единожды подавал прошение епископу Дмитровскому Серапиону об определении его на праздное священническое место. Епископ на рапорте Перемышльского духовного правления написал свою резолюцию, что «от производства во священника по неспособности его к оному уже троекратно ему было от меня отказано, но ещё тем домогается, за что поучить его поставкою в монастырь на два дни». Указом консистории было велено отослать пономаря «под начало в Троицкий Лютиков монастырь». В октябре того же 1798 г. Перемышльское правление рапортовало в консисторию, что указанный пономарь Иван Филиппов был отослан в монастырь, где и прожил два дня⁴⁴.

Следующий священник в селе Борищеве Дмитрий Андреев не отличался хорошим поведением. В поданном в Перемышльское духовное правление в сентябре 1799 г. прошении дьячок Николаевской церкви села Борищева Василий Филиппов писал о «проступках» батюшки. Так, 1 марта указанного года священник, «злобствуя на меня (дьячка. — В. А.), ругает в церкви и в мирских домах непотребными словами и збивает меня с крылоса и выбивает вои из церкви...» При этом в храме находились крестьяне Хлюстина.

На светлой пасхальной неделе 19 апреля, во вторник, причт указанного храма ходил с образами и служил молебны в домах жителей Борищева. Местный помещик капитан Алексей Петрович Казаринов пригласил причт и к себе в дом для служения молебна. Дьячок Василий Филиппов и его брат пономарь Иван Филиппов внесли в дом помещика святые образа и стали ждать священника. Он же отправился к себе домой и явился лишь четыре часа спустя уже пьяный.

Священник Дмитрий Андреев «начал нас ругать всякими непотребными словами и объявлял приходским людям, якобы мы его холопы, и ставил нас хуже своей подмётки сапожной». Затем священник заставлял крестьянина капитана Казаринова Фоку Максимова бить дьяка, но крестьянин, не послушав его, а сказал, «что вы сами виноваты, а дьячок не виноват». О произошедшем далее в своём прошении дьячок пишет так: «Священник гласно кричал при всём народе, что я пойду к Хлюстину в дом и попрошу у старосты крестьян и прикажу убить своих холопей в две палки, как он и сделал не стерпя своего сердца и не дослужа молебна снял с себя ризы, пошёл

к Хлюстину в дом»⁴⁵. Испугавшись, дьячок и пономарь убежали в свои дома. Священник же привёл в дом Казаринова старосту Хлюстина Алексея Морозова и дослуживал молебен один.

Дьячок Василий Филиппов в прошении написал ещё, что 12 августа 1799 г. указанный священник «изрубил в доме своём ночью мою собаку, а за что неизвестно», а 19 августа угрожал брату дьячка поджечь лежащую возле его дома солому. Дьячок просил духовное правление со всеми указанными случаями разобраться⁴⁶.

Из описанного мы видим, что, несмотря на то что И. С. Хлюстин продал своё имение капитану Г. С. Свечину ещё в 1797 г., он упоминается как помещик села Борищева и позднее. Возможно, Свечин купил не всё имение Хлюстина?

Действительный статский советник и кавалер Николай Яковлевич Тиньков в 1799 г. подавал прошение епископу Дмитровскому Серапиону, чтобы Успенскую церковь, находившуюся в его вотчине в селе Ропчицы Перемышльского уезда приписать к Николаевской церкви села Борищева. Указом № 848 от 30 мая 1799 г. из Дмитровской духовной консистории Перемышльскому духовному правлению было велено составить справку о том, «в каком расстоянии одна церковь от другой, и сколько при каждой причту, земли и приходских дворов и чьих они владельцев»⁴⁷.

В июне того же года Перемышльское правление рапортовало в консисторию, что Ропчицы от Борищева находятся в 4 верстах. В первом селе владельцами были П. И. Клементьев, Г. В. Добрышин, Н. И. Клементьева. Н. Я. Тиньков. В Борищеве помещиками были Тульский вице-губернатор и кавалер Сергей Яковлевич Тиньков, надворный советник Николай Васильевич Надежин, поручик Сергей Григорьевич Свечин, капитан Алексей Петрович Казаринов и поручик Пётр Алексеевич Челюскин⁴⁸.

Документов о том, в каком году ропчицкая церковь была приписана к борищевской, пока не выявлено, но это произошло. В клировой ведомости за 1915 г. деревянная Успенская церковь в Ропчицах значится приписанной к Николаевскому храму в Борищеве⁴⁹.

Как мы видим на основании выявленных и проанализированных делопроизводственных документов ГАКО, история села Борищева достаточно насыщена интересными фактами о происходивших здесь событиях XVII–XVIII вв. Это и строительство храма, взаимоотношения в причте, отношения между членами причта и местными помещиками, среди которых были и личности, оставившие заметный след не только в истории Перемышльского края, но и России в целом (например, капитан С. И. Челюскин), смена владения частью земель и крестьян в имении от одних помещиков к другим и т. д. Следующему периоду истории села Борищева, относящемуся к XIX — началу XX в., следует посвятить отдельную работу.

Примечания

¹ *Сташевский Е. Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 214–215.

² *Соловьёв Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2 (Росписи полоняничных денег 1675–1682 гг.) / Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете (далее — ЧОИДР). 1896 год. Кн. 3. М., 1896. С. 14, 16, 17.

³ *Соловьёв Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. ЧОИДР. 1902 год. Кн. 4. М., 1902. С. 192.

⁴ Там же. С. 81–82.

⁵ *Соловьёв Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2 (Росписи полоняничных денег 1675–1682 гг.). ЧОИДР. 1896 год. Кн. 3. М., 1896. С. 21–22.

⁶ *Соловьёв Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. ЧОИДР. 1902 год. Кн. 4. М., 1902. С. 6–7.

⁷ Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 22. Л. 25 об.

⁸ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 384. Л. 78.

⁹ ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 212. Л. 1.

¹⁰ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 66. Л. 210.

¹¹ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 82. Л. 372–373, 513–514 об.

¹² ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 287. Л. 2.

¹³ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 104. Л. 260–260 об.

¹⁴ *Романов Д. М.* Колумбы Арктики. Тула, 1982. С. 26–43.

¹⁵ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 51. Л. 12.

- ¹⁶ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 5–5 об.
¹⁷ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–5 об.
¹⁸ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 315. Л. 209.
¹⁹ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 344. Л. 44.
²⁰ ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 567. Л. 1–2.
²¹ ГАКО. Ф. 395. Оп. 5. Д. 31. Л. 1.
²² ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 202. Л. 7–9.
²³ ГАКО. Ф. 395. Оп. 5. Д. 257. Л. 1.
²⁴ ГАКО. Ф. 395. Оп. 5. Д. 253. Л. 1; ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 203. Л. 1, 4 об.-6.
²⁵ ГАКО. Ф. 395. Оп. 5. Д. 259. Л. 1.
²⁶ Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Ч. 2. С. 52, 56, 69–70.
²⁷ ГАКО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 467. Л. 1 а-2, 5–5 об.
²⁸ ГАКО. Ф. 395. Оп. 3. Д. 869. Л. 1–2 об.
²⁹ ГАКО. Ф. 395. Оп. 2. Д. 64. Л. 3.
³⁰ ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
³¹ ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–1 об, 5.
³² Там же. Л. 3.
³³ ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 850. Л. 1–1 об.
³⁴ ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–3 об.
³⁵ Там же. Л. 1–2, 6.
³⁶ ГАКО. Ф. 395. Оп. 3. Д. 1043. Л. 5–5 об.
³⁷ Там же. Л. 7–7 об., 9.
³⁸ Там же. Л. 9 об.
³⁹ Там же. Л. 12–13.
⁴⁰ Там же. Л. 16, 17.
⁴¹ Там же. Л. 20–22 об.
⁴² Там же. Л. 56, 74, 83.
⁴³ ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 850. Л. 1–2.
⁴⁴ ГАКО. Ф. 261. Оп. 2. Д. 41. Л. 1, 6.
⁴⁵ ГАКО. Ф. 261. Оп. 2. Д. 93. Л. 5–5 об.
⁴⁶ Там же. Л. 5 об.
⁴⁷ ГАКО. Ф. 261. Оп. 2. Д. 130. Л. 1–1 об.
⁴⁸ Там же. Л. 2 об.
⁴⁹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 66.

О МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННИКА И МЕЦЕНАТА С. И. МАЛЬЦОВА В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

*А. А. Артёмов, внештатный сотрудник;
А. А. Оленичев, внештатный сотрудник,
Кировский историко-краеведческий музей*

Одним из пионеров тяжёлой промышленности в центральной части Российской империи в XIX в., без преувеличения, являлся выдающийся русский промышленник и меценат Сергей Иванович Мальцов, построивший немало заводов, которые функционируют и в наше время.

Сергей Иванович Мальцов родился в 1809 г. (по ст. ст.) в семье Ивана Акимовича Мальцова, предпринимателя, владевшего несколькими стекольными и сахарными предприятиями в Орловской и Калужской губерниях. В первой трети XIX в. Иван Акимович приобретает также заводы, основанные ещё Демидовыми и Гончаровыми, в том числе в заводских сёлах Песоченский Завод и Людиново Жиздринского уезда Калужской губернии. Проходя военную службу в российской гвардии и достигнув больших карьерных успехов, в 1849 г. С. И. Мальцов выходит в отставку

в чине генерал-майора. Сергей Иванович вступает в управление предприятиями отца и поселяется в селе Дятьково Брянского уезда Орловской губернии, решив посвятить всю свою дальнейшую жизнь развитию семейного предприятия. И он преуспел в этом, приумножив капитал и доходность промышленных предприятий в несколько раз.

Занявшись модернизацией и дальнейшим развитием стекольных и чугунолитейных заводов, Сергей Иванович также создаёт новые промышленные предприятия, строит в с. Людиново рельсопрокатный завод, изготовивший первые в России рельсы для начавших строиться в то время в большом количестве железных дорог страны. На мальцовских заводах первыми начали производить паровозы, вагоны, разнообразные двигатели. На его предприятиях трудились десятки тысяч человек, производя машины всех видов, стройматериалы, мебель, сельхозпродукты и т. д., а всего вместе с семьями в мальцовском округе проживало и кормилось более ста тысяч человек [6, 7].

С. И. Мальцов создал огромный по размерам промышленный округ (заводской район), где находилось 25 крупных заводов и около 130 мелких обслуживающих предприятий. Создал новые вспомогательные производства: кирпичное, смолокуренное, канатное, лесопильное, писчебумажное, водочное, развивал сельское хозяйство. Округ располагался преимущественно в Жиздринском уезде Калужской губернии (на современной территории Куйбышевского, Кировского, Людиновского, Жиздринского, Думиничского, Ульяновского и Хвастовичского районов Калужской области), а также Дятьковского района Брянской области и Рославльского района Смоленской области.

Протяжённость мальцовского промышленного округа составляла: с севера на юг — 120 км, и с запада на восток — 80 км, занимая общую площадь в 6 тысяч кв. км. Земельных владений только лишь в одном Жиздринском уезде в середине XIX в. у Мальцова было 113 740 десятин.

Сергей Иванович был незаурядным человеком, знал несколько иностранных языков, являлся изобретателем, интересовался новыми научными исследованиями, технологиями, внедрял их в производство, писал научные труды. Умер С. И. Мальцов в декабре 1893 г., похоронен в г. Дятьково Брянской области [6, 7].

Благодарные потомки увековечивают память об этом замечательном человеке, деятельном русском гражданине. На территории юго-западных районов Калужской области, где ранее располагался Мальцовский промышленный округ, установлены памятные знаки (мемориальные доски и камни), посвящённые трудам российского промышленника и мецената.

В г. Кирове Калужской области помнят о деятельности С. И. Мальцова. Кировский исследователь В. В. Жуков стал инициатором и организатором установки мемориальной доски С. И. Мальцову. Доска была установлена 1 ноября 2012 г. на стене железнодорожного вокзала станции Фаянсовая и посвящена вкладу Сергея Ивановича в развитие железнодорожного транспорта в округе и в России в целом. На граните написано: «Пионеру железнодорожного строительства и транспорта в России» и помещён портрет С. И. Мальцова. Это мероприятие было приурочено к двойному юбилею: 175-летию российских железных дорог и 130-летию мальцовской узкоколейной железной дороги, протяжённостью от Брянска до Песочни. С. И. Мальцов инициировал строительство первой в России Царскосельской железной дороги. В мальцовском промышленном округе изготовили первые в стране паровозы. В начале XX в. мальцовские паровозы считались лучшими в Европе [3, 7].

На двухэтажном здании старого заводоуправления ОАО «Кировский завод», находящемся на берегу Верхнего озера, была установлена в начале XXI в. чугунная плита, посвящённая основанию чугунолитейного завода (Песоченский железоделательный и молотовый завод) в 1745 г. Она выполнена по эскизу местного художника А. А. Шатова. Открытие памятной плиты состоялось в 2002 г.

Калужские промышленники и купцы Фалеев и Золотарёв построили и запустили этот завод в Песочне, Гончаров вывел его на полную мощность, С. И. Мальцов продолжил дальнейшее расширение и реконструкцию предприятия, осуществил частичное перепрофилирование производства. В честь этих и других достойнейших наших предков в сквере около бокового фасада «парадного» корпуса ОАО «Кировский завод» воздвигнут другой памятный знак. Он помещён на метровом постаменте и представляет собой бетонный поясной бюст неустановленного лица. На постаменте под бюстом укреплена доска, на которой написано: «Основателям и созидателям. Славным предкам — благодарные потомки» [4, 6, 7].

К 1853 г. относится основание Песоченской фаянсовой фабрики (ныне АО «Кировская керамика»): в этот год С. И. Мальцов перепрофилировал Нижнепесоченский молотовый завод на выпуск фаянсовой посуды. Открытие С. И. Мальцовым в середине XIX в. нового предприятия имеет огромное значение для города, да и в значительной степени для всей керамической отрасли России.

В 2018 г. по инициативе администрации района и директора АО «Кировская керамика» В. В. Михалёва рядом с кафедральным собором святого благоверного князя Александра Невского был создан и торжественно открыт сквер Керамиков. По заказу В. В. Михалёва были изготовлены две скульптурные композиции — гончара и благоверных князей Петра и Февронии. Скульптурная композиция — выразительная фигура гончара — символизирует труд керамистов и представляет образ мастера за работой. Сквер создан и благоустроен в год 165-летия АО «Кировская керамика» [6, 7, 9].

Современная территория Куйбышевского района также входила в состав Мальцовского промышленного округа, где Сергею Ивановичу принадлежали земельные владения в деревнях Падерки, Хатожа, Соловьевка, селе Дулево. Также имелись обрабатывающие предприятия: в д. Падерки — лесопильня, д. Красниково — водяная мельница. И ещё в деревнях Муравьевка, Зловодка, Падерки, Раменная Дача располагались угольные печи, производившие круглогодично древесный уголь для развивающихся заводов мальцовского округа. Жители также вносили вклад в развитие промышленного округа, поставляя сырьё (древесину, уголь), работая на заводах [1, 2].

В 2015 г. по инициативе, проектам и активном участии исследователя А. А. Оленичева был установлен памятный камень с мемориальной доской у родника близ д. Красниково Куйбышевского района. Он отражает исторический факт деятельности выдающегося русского промышленника С. И. Мальцова. По инициативе А. А. Оленичева установлено уже несколько мемориальных досок и памятных камней, посвящённых историческим событиям и выдающимся жителям Калужской области [5].

Своим появлением и развитием г. Людиново Калужской области обязано промышленникам Демидовым и Мальцовым. Ещё в середине XVIII в. Никита Демидов основал здесь первый завод (сейчас предприятие называется АО «ЛТЗ»). В XIX в. здесь были изготовлены первые в России: рельсы, товарный паровоз, пароходы для рек Десны, Днепра, Волги, паровые двигатели для Черноморского и Каспийского флотов. Выпускал завод и множество сельскохозяйственных орудий и предметов домашней утвари. В настоящее время основной продукцией завода являются мощные тепловозы, которые хорошо известны в нашей стране и за рубежом. В середине XVIII в. Демидов построил ещё одно предприятие — Сукремльский железодельный завод (ныне АО «Кронтиф — Центр»). Оно специализируется на выпуске санитарно-технического оборудования. Именно эти два предприятия были значительно улучшены и усовершенствованы С. И. Мальцовым. Остальные ведущие людиновские заводы были построены позже, уже во второй половине XX — в начале XXI в. [6, 8, 10].

В последнее время людиновцы задумались над увековечением памяти основателей своего родного города. В 2013 г. был запущен проект «От времён Демидова до наших дней». Инициаторами проекта выступили А. В. Петров, депутат Законодательного Собрания Калужской области, и учащиеся средней школы № 1 г. Людиново. Их поддержали администрация города, местное отделение партии «Единая Россия», городская общественность. В рамках этого проекта было решено обустроить сквер в центре города, создав там архитектурную композицию, посвящённую историческому прошлому своего края. В это движение включились жители города, которые горячо обсуждали этот проект и вносили в него свои предложения.

Каждое крупное промышленное предприятие доставило свой камень-валун, символизирувавший основание предприятия, изготовило и установило памятные плиты с информационными надписями. Были уложены рельсы, показывающие первенство производства отечественных рельсов на местных заводах в прошлом и уверенную поступь промышленности в настоящем и будущем.

Таким образом, была воплощена идея увековечить память основателей города с помощью новой архитектурной композиции из камней в центре города у Дворца культуры им. Г. Д. Гогоберидзе [8, 10].

Любой желающий может посетить места, связанные с деятельностью предпринимателя и мецената С. И. Мальцова, увидеть установленные мемориальные доски, памятные знаки.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 648. Оп.1. Д. 24. Л. 59–63.
2. Там же. Ф. 675. Оп. 2. Д. 4. Л. 166–168.
3. Баркова О. Пионеру железных дорог // Весть. 2012. 14 ноября.
4. Бауэр А. А., Антонова Ж. П. «Гордиться славою предков...» Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) МО «Город Киров и Кировский район» Калужской области. Калуга: ООО «Полиграф-информ», 2003.
5. Без прошлого нет будущего // Бетлицкий вестник. 2015. 17 июня.
6. Калужская энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкарёвой, 2005.
7. Мальцовский мир: научный сборник Кировского историко-краеведческого музея. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Бауэр. Киров, 2004.
8. «От времён Демидова до наших дней» // Людиновский рабочий. 2014. 7 февр.
9. Семьянищева Д. Открыт сквер керамиков // Знамя труда. 2018. 16 дек.
10. «Про 100 Людиново. РФ» // Центральная районная библиотека Людиновского района. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.про100людиново> (дата обращения 20.02.2019).

БОРОВСК ПОСЛЕ ПОЖАРА 1857 ГОДА

Н. П. Лошкарёва,

главный научный сотрудник,

музейно-краеведческий комплекс «Стольный город Боровск»

Произошедший в г. Боровске 22 мая 1857 г. пожар, охвативший почти весь городской центр с торговой площадью (ныне имени В. И. Ленина. — *Н.Л.*) и перекинувшийся на левый берег р. Протвы, стал самым настоящим стихийным бедствием, оправиться от последствий которого город и погоревшие жители самостоятельно были не в силах [1]. Для того чтобы понять, какие усилия предпринимали губернские и местные власти, а также сами горожане по выходу из сложившейся ситуации вскоре после пожара, обратимся к опубликованным и вновь выявленным архивным документам.

Одним из первых на помощь пострадавшим пришёл учреждённый калужским гражданским губернатором действительным статским советником графом Дмитрием Николаевичем Толстым (12.03.1806—14.03.1884) [2] Комитет для первоначального пособия погоревшим жителям [3]. О деятельности комитета в первые месяцы его существования довольно подробно рассказывают опубликованные известным боровским краеведом Николаем Поликарповичем Глухарёвым (20.11.1869—31.05.1920) документы из его домашнего архива [4]. Данные документы достались ему, скорей всего, от родного деда — боровского купца Аксёна Ивановича Глухарёва: ведь он оказался первым, кто пострадал от огненной стихии, начавшейся с домовладения купца Г. С. Меренкова [5].

Вместе с документами о деятельности комитета Н. П. Глухарёв опубликовал «Именной список домохозяевам, пострадавшим от пожара в 22-е число Мая 1857 года в г. Боровске» [6]. Он подтверждается и дополняется «Именным списком...» из уже известного нам «Дела о производстве следствия о происшедшем пожаре в доме боровского купца Меренкова» (23 мая—14 августа 1857 г.) [7]. В обоих вариантах «Именного списка...» указаны фамилии, имена и отчества домохозяев с постояльцами (по улицам), их социальный статус/звание/должность, короткое описание домовладения с оценкой недвижимого и движимого имущества в денежном выражении. Имеются и отличия. В варианте Н. П. Глухарёва графа «Сколько было получено пособия и, если нет, то почему» имеется, в архивном — она отсутствует. В то же время в архивном варианте представлен список домохозяев по Гостиному двору (их звание, кто снимал у них и на какую сумму сгорело недвижимости и движимости), в варианте у Н. П. Глухарёва он отсутствует. В обоих вариантах в пострадавших значатся купцы, купеческие дети, купеческие братья, мещане, солдаты, священно-церковнослужители, военнослужащие и государственные служащие, дворяне (правда, некоторые дворяне были записаны в статусе офицеров разных званий), крестьяне. Благодаря обоим вариантам «Именного списка...» можно пофамильно определить пострадавших от огненной стихии и нанесённый им материальный ущерб [8].

Кроме этого, в Государственном архиве Калужской области была выявлена «Опись недвижимого и движимого городского имущества (домов, земель, лавок, мостов, мебели, лошадей, весов и т. п.) по г. Боровску и о средствах, затраченных на приобретение имущества, ремонт и прочих исправлениях в связи с пожаром 1857 года. 28 июля 1859—22 января 1865 гг.» [9]. Из довольно подробного названия дела видно, что в действительности «Опись...» состоит из двух: описи недвижимого имущества и описи движимого имущества. Обе описи Боровская городская дума составила, а затем направила в Калужское губернское правление по истечении буквально полутора-двух лет с момента пожара. В них были показаны средства, затраченные на приобретение имущества, упомянуты фамилии благотворителей с указанием средств, потраченных ими на постройку или ремонт зданий, находившихся в собственности у города, какие и где находились производства, и какие ещё меры городское общество вместе с городской думой предприняло, чтобы выйти из создавшегося положения. Помимо этого, в описи недвижимого имущества были приведены довольно подробные описания городских земель и угодий, вплоть до их качества и размеров, даны подробные описания зданий с указанием их размеров, строительных материалов, этажности, количества окон, печей и т. д.

Представленные выше документы подчёркивают, что губернским и местным властям необходимо было в короткие сроки решить несколько задач. Одной из главных являлась финансовая помощь пострадавшим. Поэтому, как только пожар был потушен, определён и подсчитан материальный ущерб от него, гражданский губернатор граф Д. Н. Толстой циркулярно в печатном виде 25 мая 1857 г. разослал по разным учреждениям и лицам извещение № 3840. В нём довольно обстоятельно сообщалось о произошедшем в Боровске пожаре, особо выделено спасение во время него больных, которых вместе с аптекой перевели в здание, занятое городской полицией, после чего губернатор призвал получателей извещения к оказанию погорельцам помощи: «Извещая Вас, Милостивый Государь, о таковом бедствии, постигшем жителей г. Боровска, из коих большая часть принадлежат к беднейшему классу, лишась домов своих, лишились чрез это последних средств к существованию, — я обращаюсь к Вам с моею покорнейшею просьбою пригласить желающих к оказанию возможного по мере сострадания средств каждого пособия погорельцам <...>».

К сему считаю излишним присовокупить, что всякое пожертвование деньгами, вещами или жизненными припасами сколь бы оно мало не было, будет принято Комитетом с благодарностию, а об именах благотворителей с моей стороны будет доведено до сведения Господина Министра Внутренних Дел» [10].

29 мая Комитет для первоначального пособия жителям, пострадавшим от бывшего 22 мая пожара, уже действовал. Учреждён он был под председательством боровского уездного судьи [11] в составе городничего [12], городского головы Алексея Казмича Нечаева и граждан, избранных городским обществом: 3-й гильдии купеческого брата Хрисанфа Григорьева Карнеева, купеческих детей Кузьмы Иванова Пастухова и Ивана Фёдорова Санина. Деятельность Комитета была заявлена временной. К 29 мая погорельцам от благотворителей уже поступила сумма в 825 руб. серебром, которую губернатор граф Д. Н. Толстой 30 мая передал члену комитета И. Ф. Санину.

При этом губернатор дал комитету следующее поручение: «1-е) Немедленно привести в известность всех наиболее нуждающихся в пособии лиц, бывших жертвою постигшаго город бедствия. 2-е) Выдавать им без малейшей проволочки времени пособие в размере признанном Комитетом. 3-е) При назначении пособия руководствоваться соображением, что оно было преимущественно выдаваемо таким лицам, которые, получив его, могут привести своё положение в такое состояние, что обезпечут себя на дальнейшее время своими трудами. 4-е) Наконец пособие должно быть выдаваемо только православным и Единоверцам, на том основании, что раскольники, отделясь по собственной воле от Св. церкви, а следовательно и от нашего общества, самопроизвольно лишили себя и всех прав на наше участие. Об них по справедливости можно сказать слова писания: от нас изыдоша, но не бежа от нас» [13].

В отличие от губернатора, разделившего в столь непростой ситуации погорельцев на своих, как он выразился, «православных и единоверцев», и чужих, т. е. «раскольников», известный благотворитель, уроженец г. Боровска, проживавший в Москве, почётный гражданин Алексей Гаврилович Попов (ум. 03.10.1860), сам не будучи старообрядцем, изъявил желание, чтобы пожертвованные

им 7 000 руб. серебром были розданы пострадавшим от пожара бедным жителям без всякого различия между ними. Помимо этого, он пожертвовал ещё 2 000 руб. серебром на исправление обгоревших церквей и ещё 2 000 руб. серебром на ремонт каменного двухэтажного здания на городской площади, где располагались дума, магистрат, сиротский и словесный суды, а также комнаты с архивами городских присутственных мест. Вместе с ним в пользу погорельцев сделал пожертвование — 1 000 руб. — владелец одной из фабрик в с. Красном, купец почётный гражданин Владимир Гаврилович Занегин. Они оба сочли возможным возложить раздачу пособий на добросовестных лиц, какими считали избранных городским обществом членов комитета, не подвергая их в том никакой отчётности [14].

В ходе дальнейшей деятельности комитета губернатор продолжал настаивать на своих условиях при раздаче денег, поступавших в распоряжение комитета по открытой в пользу погорельцев подписке, но не возражал против желаний тех благотворителей, которые считали возможным раздавать деньги без всяких условий и ограничений. Также губернатор продолжал считать, что от Комитета должен зависеть размер пособия, выдававшегося каждому лицу, и обращал внимание на то, чтобы выдача пособий не задерживалась, «ибо таковыя пособия, тогда только и могут быть существенно полезны, когда они получены тотчас же после постигшаго несчастья». По ходу деятельности комитет, видя, что сумма пожертвований значительно увеличилась, ходатайствовал перед губернатором о разрешении выплачивать пособия чиновникам и нищим, так как изначально, в виду недостатка пожертвованных средств, чиновники и нищие были от него отстранены. Комитету было позволено выдавать им пособия по собственному усмотрению [15].

В результате деятельности комитета появился известный нам «Именной список...», благодаря которому всех пострадавших от пожара можно разделить на две группы: получивших пособие (преимущественно в сумме 9 руб. 50 коп., 12 руб. 35 коп., 14 руб. 25 коп. и за редким исключением — 16 руб. 25 коп., 28 руб. 50 коп., 42 руб. 75 коп.) и не получивших его (причины указаны следующие: «находится на службе», «крепостной», «по расколу не выдано», «пособия не требует», «в пособии не нуждается», «временно из уезда» или «не трезвой жизни»). Приведём несколько примеров. У купца Григория Семёновича Меренкова на левой стороне Успенской улицы сгорел одноэтажный с пристройками и надворным строением дом, недвижимости — на сумму 11 000 руб., движимого имущества — на сумму 1 500 руб., «в пособии не нуждается». У купца Аксёна Ивановича Глухарёва там же сгорел одноэтажный на каменном фундаменте с лавкою и амбарами дом, недвижимости — на сумму 1 000 руб., недвижимости — на 150 руб., «в пособии не нуждается». У мещанина Василия Степановича Смирнова на левой стороне Пятницкой улицы сгорел двухэтажный с каменным низом дом, недвижимости — на сумму 2 500 руб., движимого имущества — на 300 руб., «по расколу не выдано». У жильца его почтальона Тихонова сгорело недвижимого имущества на 50 руб., пособия не получил, так как «на службе». У купца Михаила Дементьевича Гуляева на площади дом деревянный на каменных столбах с надворным строением, застрахованный, недвижимого имущества — 1 000 руб., движимого — 3 руб., дано 28 руб. 50 коп., и т. д. При изучении двух вариантов «Именного списка...» обращает на себя внимание такой факт: боровское купечество в массе своей заявило, что «в пособии не нуждается» [16]. Был ли это с их стороны благородный поступок или это могло быть связано с тем, что они не желали публично объявлять себя причастными к старообрядчеству, тем более что пособия и так бы не получили, теперь сказать сложно.

Наряду с оказанием материальной помощи пострадавшим от огненной стихии жителям Боровска перед властями и горожанами стояла другая, не менее важная задача по восстановлению городского имущества и возобновлению процессов жизнедеятельности городского хозяйства.

В связи с этим по указу губернского правления № 1391 от марта 1859 г. по форме № 7, приложенной к инструкции для составления и содержания инвентарей городских недвижимых имуществ, была составлена «Опись недвижимого имущества г. Боровска». «Опись» носила предварительный характер и содержала сведения на 1 января 1859 г. (т. е. за 1858 г.). «Авторами» её были секретарь Боровской городской думы Протасов и гласный думы Мешков. Помимо них, её подписали городской голова А. К. Нечаев и гласный думы Позняков, скрепил секретарь Протасов, справил исправляющий должность бухгалтера Смирнов. В Калужское губернское правление копия указанной

«Описи» поступила 28 июля 1859 г., правда, без положенной при этом описи документам на принадлежность недвижимых имуществ г. Боровску, «потому что никаких документов на этот предмет в Думе не имеется» [17]. Позже, рапортом от 22 сентября 1859 г. № 937, Боровская городская дума направила в Калужское губернское правление копию с «Описи движимого городского имущества». Под ней поставили подписи городской голова А. К. Нечаев, гласный Позняков, секретарь Протасов и исправляющий должность бухгалтера Смирнов [18].

Составители «Описи недвижимого имущества...» отметили, что из-за пожара 1857 г. в городской думе отсутствовали межевые книги и планы на городскую усадебную и выгонную земли [19], не было и других документов, в том числе купчих, на некоторые здания, хозяйственные постройки, торговые лавки, полицейские будки, принадлежавшие боровскому городскому обществу [20]. Тем не менее это не помешало провести столь необходимую в возникшей ситуации «ревизию» всему городскому хозяйству с целью установления возможных доходов городской казны.

В ходе неё выявились земли, с которых доход в городскую казну почему-то не платился. Так, на левом берегу вдоль р. Протвы «с древняго времени» располагалось большое количество кузниц. Принадлежали они боровским мещанам: Михаилу Иванову Машенникову, Алексею Ильину Сокову, Ульяну Пафнутьеву Резанцеву, Кириллу Ильину Резанцеву, Захару Григорьеву Резанцеву, Василью Осипову Суханову, Александре Даниловой Власовой, Харитону Михайлову Власову, Михайле Иванову Масленникову, Петру Егорову Тиняеву. За использованную землю владельцы кузниц деньги в городскую казну не платили, что выяснилось только в ходе «ревизии». Также на левом берегу на Бардаковском лугу с древнего времени были отведены огороды для инвалидной команды, но с чьего разрешения тоже неизвестно. Тогда указом Калужского губернского правления № 9171 от 31 декабря 1857 г. думе было предписано все эти места измерить и оценить, после чего назначить торги на отдачу в наём.

Помимо этих земель, обратили внимание на 20 пустопорожных участков, располагавшихся за р. Текижею, на Рождественской и на Большой Калужской улицах, которые в своё время выделялись под застройку домов обывателям, но застроены ими так и не были. Согласно указу Правительствующего Сената № 4840 от 2 ноября 1857 г., их изъяли из владения частных лиц городского общества и в 1858 г. отдали в ведение думы. Распоряжением Калужского губернского правления их вновь продали под застройку домов, городская дума даже получила с торгов 275 руб. 50 коп. серебром, но губернское правление торги не утвердило, а указом № 2205 от 13 мая 1859 г. предписало думе разделить участки на меньшие, чтобы каждый был мерою от 200 до 300 кв. саж., «войти в ближайшее местное собрание и определить по кварталам нормальные цены за сажень городских земель и при продаже или отдачу их в наём торги начинать с нормальных цен, почему Думою и определено предложить Боровскому городскому обществу, чтобы оно избрало из своей среды граждан для постановления за сажень нормальных цен городским землям» (данный пункт касался и земли, находившейся под кузницами). После этого дума должна была назначить новые торги. Предлагалось другие пустопорожные участки также пустить под застройку [21].

Обратила дума пристальное внимание и на городские земли, располагавшиеся за чертой города. Выяснилось, что взявший в оброчное содержание пахотные земли в пустоши Васильевской (69 дес.) московский купец Астреков не вносил за них положенную плату. После проведённого разбирательства купец отказался от земли, и её в 1858 г. распоряжением губернского правления и распоряжением городской думы отдали на тот же год в оброчное содержание за 30 рублей.

Выявились тогда же за городской чертой участки земли, незаконно захваченные боровскими мещанами под кирпичные заводы. За их использование владельцы также не платили денег в городскую казну: мещанин Никифор Филиппов Девятов занял землю близ дороги в г. Москву по левую сторону; Леон Семёнов Щербаков, мещанин Василий Шутов и мещанин Алексей Бритарёв заняли участки земли близ р. Текижи — первый с 1857 г., два последних — с 1856 г. Калужское губернское правление № 9171 31 декабря 1857 г. предписало городской думе измерить количество занятой ими земли и, оценив её, назначить торги на отдачу в наём. Другим указом № 2205 от 13 мая 1859 г. губернское правление «предписало Думе совместно с городским обществом на собрании определить по кварталам нормальные цены за сажень городских земель и начинать торги или сдачу в наём с нормальными ценами» [22].

Помимо доходов от земли, в городскую казну поступал доход с принадлежавших обществу торговых площадей. Размещались они в сгоревшем от пожара 1857 г. городском шатре близ Конной площади и сдавались временно. После пожара городские торговые места пришлось назначить: на Соборной площади против собора, где в одну линию выстраивались подвижные лавочки, торговавшие овощами и фруктами, и близ Конной площади, напротив которой выстраивались в одну линию подвижные лавочки, торговавшие разными съестными припасами. В 1857 и 1858 гг. доход за эти места в казну не поступил. Дума рассчитывала, что в 1859 г. она сможет получить с них доход 50 рублей [23].

Также для пополнения городской казны дума сдавала в аренду здания, находившиеся в собственности городского общества, под трактиры, питейные дома и лавки. Часть их сгорела в пожаре. Восстановлением утраченного недвижимого имущества занялся городской голова А. К. Нечаев. На свои собственные деньги он отстроил близ Конной площади новый деревянный одноэтажный с голландскими печами, с антресолю и подвалом дом за 3 000 руб. серебром, после чего пожертвовал его городскому обществу. Дума сдала его в аренду под трактир с платою 250 руб. серебром. На Дровяной площади в 1858 г. А. К. Нечаев отстроил заново другой деревянный одноэтажный с русскими печами, с подвалом дом за 600 руб. серебром и тоже пожертвовал его городу. Этот дом на 1859 г. сдали в аренду содержателю Боровского аукционного откупного комиссионерства для помещения питейного дома за 120 руб. серебром. Близ Дровяной площади в линию в 1858 г. А. К. Нечаев устроил 6 каменных лавок с железной крышей за 1 400 руб. серебром и тоже пожертвовал их городу. На 1859 г. лавки сдали в наём торговцам за 450 руб. серебром [24].

В результате общий доход городской казны за сданные в наём землю, уголья, городские здания и заведения, располагавшиеся как в городской черте, так и вне её, составил примерно 729 руб. серебром, расход — примерно 206 руб. серебром [25].

Существенно думе пришлось потратиться, как свидетельствует «Опись движимого имущества...», на приобретение новой мебели (столов, стульев, «тубареток», шкафов и прочее) и канцелярских товаров (чернильниц, ножниц, подсвечников и прочее) для самой думы, магистрата и архива. Пришлось думе приобрести баллотированный ящик с сукном и при оном 150 шаров. Также после пожара в 1858 г. был куплен прибор образцовых весов и мер состоящих: весы маленькие и средние с разною мерою гирями. Большие весы после пожара остались невредимы [26].

Таким образом, представленные выше материалы свидетельствуют о довольно оперативной реакции губернских и местных властей, а также благотворителей, на произошедший в Боровске в 1857 г. пожар. Речь идёт прежде всего о финансовой помощи, которая в виде пожертвований была оказана благотворителями пострадавшим от пожара жителям Боровска и городскому хозяйству. Особо хочется выделить находившегося в должности городского головы А. К. Нечаева, пожертвовавшего городу по тем временам довольно значительную сумму — 5 000 руб. серебром. В сложной для городского хозяйства ситуации власти вынуждены были более жёстко среагировать и на незаконно захваченные боровчанами земли под кузницы, кирпичные заводы и прочее, на что ранее, скорей всего, просто «закрывали глаза». Одновременно с финансовыми вопросами властям пришлось решать градостроительный вопрос: необходимо было для предотвращения в будущем подобных огненных бедствий не допустить вновь слишком плотную жилую и торговую застройку на площади и ближайших к ней улицах. Для этого изыскали в городской черте под жилую застройку пустопорожние земли. В то же время наряду с положительными действиями властей отчётливо проявилось нетерпимое отношение власти к старообрядцам, что в столь тяжёлой ситуации для всех без исключения пострадавших от пожара не лучшим образом характеризует калужского губернатора графа Д. Н. Толстого.

Всё вышеизложенное позволяет довольно детально реконструировать с научной точки зрения страницы повседневной жизни уездного г. Боровска и его жителей.

Список литературы

1. Об этом пожаре очень подробно, используя в основном материалы «Дела о производстве следствия о происшедшем пожаре в доме боровского купца Меренкова» (ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–59), было сообщено на предыдущей конференции: *Лошкарёва Н. П.* Как купцы Меренковы в 1857 г. «по-

- дожгли» город Боровск? // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвящённой 205-летию Отечественной войны 1812 года и 170-летию Калужского губернского музея. Калуга, 11–13 апреля 2017 г. Калуга, 2019. С. 75–82.
2. Калужские губернаторы: библиографические очерки. Калуга: Золотая аллея, 2001. С. 103.
 3. О деятельности этого Комитета упоминает кандидат исторических наук А. Г. Лебедев в исследовании: Роль благотворительной деятельности в борьбе с голодом, эпидемиями и стихийными бедствиями на территории Калужской губернии в XVIII—нач. XX в. // Калуга в шести веках. Материалы 4-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2003. С. 61.
 4. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарёва. Боровск, 1914. Т. 2. С. 116–133.
 5. Там же. С. 116, 122.
 6. Там же. С. 122–133.
 7. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–59.
 8. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 2. С. 122–133; ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 27–47об.
 9. ГАКО. Ф. 62. Оп. 9. Д. 4480: в этом же деле подшиты описи движимого и недвижимого городского имущества за 1859–1864 годы.
 10. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 2. С. 116–118.
 11. В официальном статистическом издании «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. (СПб. Ч. II. С. 56)» по сведениям на 1856 и 1857 гг. председателем боровского уездного суда значится коллежский асессор Павел Львович Чебышёв.
 12. В момент пожара и следствия по нему городничим был Ломачевский: *Лошкарёва Н. П.* Как купцы Меренковы в 1857 г. «подожгли» город Боровск? // Там же.
 13. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 2. С. 118–119.
 14. Там же. С. 119–120; *Лошкарёва Н. П.* Святые свидетели вечности. Калуга, 2012. С. 29; ГАКО. Ф. 62. Оп. 9. Д. 4480. Л. 15об.
 15. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 2. С. 120–121.
 16. Там же. С. 122–133; ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 27–47об.
 17. ГАКО. Ф. 62. Оп. 9. Д. 4480. Л. 1–1об, 2–23.
 18. Там же. Л. 24, 25–33.
 19. Там же. Л. 3–4об.
 20. Там же. Л. 20–22об.
 21. Там же. Л. 7об–12.
 22. Там же. Л. 12–15.
 23. Там же. Л. 6об–7.
 24. Там же. Л. 16–17, 19об–20.
 25. Там же. Л. 12, 15, 22об–23.
 26. Там же. Л. 25об–29об, 30об–33об.

И. Ю. СТРАДЭ. ПОМЕЩИК, КУЛАК. ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНИН?

С.Е. Сумская,

научный сотрудник, Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года

В истории нашего края есть много событий, фактов, имён, которые ещё только предстоит изучить. Среди них имя Ивана Юрьевича Страдэ. В краеведческой литературе оно упоминается лишь в одном контексте: «...5 мая 1919 г. близ деревни Скрипорово на базе имения помещика Страде была образована школа-коммуна»¹. Что же это за помещик, с такой нетипичной для нашей местности фамилией?

В Государственном архиве Калужской области удалось найти ряд документов, проливающих свет на поставленный вопрос. И. Ю. Страдэ родился в 1864 г., место рождения — Суссейгофская волость, Фридрихштадтский уезд Курляндской губернии, конкретный населённый пункт не указан, скорее всего, проживал на хуторе. У него была жена Анна Ивановна, 1870 г.р., две дочери

Екатерина, 1898 г.р., и Анна, 1911 г.р. Семья переселилась в Малоярославецкий уезд Калужской губернии в 1910 г.²

В ведомостях-описях принятых на учёт частновладельческих имений Малоярославецкого уезда по Спасской волости числятся владельцы имений: Морозова, Трояновская, Оболенская, Сенаторова, Страдэ³. В деле о выселении бывших помещиков Малоярославецкого уезда Иван Юрьевич Страдэ включён в списки бывших помещиков. Правда, в графе социальное происхождение указано: «*крестьянин латыш*»⁴. Как следует из документа, значительное число помещиков называлось таковыми лишь номинально. Советская власть относилась к ним представителей различных социальных групп: крестьян, мещан, дворян, купцов, лиц духовного звания. Помещиком Страдэ, конечно же, не был. И был он не единственным латышом, который переселился в Малоярославецкий уезд. В районе с. Детчино были латышские хутора, а в д. Сокольники проживала целая латышская община. Активная эмиграция из Курляндии началась после отмены там крепостного права в 1817 г. Латышские крестьяне, после «освобождения» оказавшиеся без земли, предпринимали попытки переселения в «поисках счастья» в центральные и юго-восточные губернии России. Вторая волна переселения латышей связана с Первой мировой войной 1914–1918 гг. Эти латыши числились как беженцы⁵.

Иван Юрьевич Страдэ в 1910 г. приобрёл в Спасской волости Малоярославецкого уезда близ д. Скрипорово 140 десятин земли. Но единовластным хозяином пришлось побыть ему недолго. 1917 г. оказался переломным в истории России. Новая власть — новые законы. II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г. был принят «Декрет о земле». Право частной собственности на землю отменялось. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся. Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 6 февраля 1918 г. указывал на необходимость перехода к коллективным формам хозяйствования в земледелии и создания для них преимуществ по сравнению с единоличными хозяйствами.

Иван Юрьевич Страдэ, имея образование «выше среднего», естественно, хотел сохранить свои земли и имущество и решил назвать своё хозяйство по-новому — коммуной⁶. 22 октября 1918 г. в «имении Страдэ» Калужской губернии Малоярославецкого уезда Спасской волости была организована Скрипоровская сельскохозяйственная трудовая коммуна. В неё вошли — сам владелец, несколько бедных семей беженцев — латышей, ранее работавших у него в качестве его подёнщиков, и один местный крестьянин. Вот что об этом говорят документы: «*Состав коммуны: 31 чел. (мужчин 12, женщин 12, подростков 3, детей 4). Знают ремесло — 2 чел. (портнихи). Члены коммуны интеллигенция — 1 агроном, 1 фельдшер. Количество земли: 140 десятин (35 — пахотной, 27 — луговой, 30 — леса, 15 — залежи, 3 — усадьбы, 30 — заросли кустарник). Недвижимое имущество: 2 жилых дома, 2 скотных двора, 1 амбар, 2 сенных сарая и 1 хлебный сарай и «учреждения»: общедоступная библиотека, аудитория для лекций и курсов, мастерская для ремонта сельскохозяйственного инвентаря. “Живой” инвентарь: 13 коров, 5 лошадей, 3 овцы, 2 свиньи, 8 кроликов, 30 кур, 5 гусей, 10 ульев. “Мёртвый” инвентарь: 4 плуга, 3 бороны, 1 веялка, 1 сеялка, 1 косилка, 1 молотилка, 1 инкубатор для птицы»⁷. Казалось бы, всё складывалось удачно. Однако в ноябре 1918 г. из Малоярославецкого уездного отдела земледелия в Скрипоровскую коммуны прислали следующий документ: «*Ставим вас в известность, что при регистрации ея (коммуны) Отделом Земледелия из числа членов ея исключён Иван Юрьевич Страдэ с женой и дочерью Анной 7 лет...*»⁸; «*Страдэ исключён как бывший помещик, согласно п. 2 параграфа 3 инструкции к составлению Устава с/х коммун*»⁹. Надо сказать, что практически всё имущество данной коммуны ранее принадлежало И. Ю. Страдэ¹⁰. Такое решение новой власти его, конечно же, не устроило, и он обращается с жалобой в вышестоящие губернские органы. Иван Юрьевич пишет: «...я не бывший помещик из дворян, а трудовой крестьянин, бывший земельный собственник, трудового типа, приобретший землю при посредстве земельного банка, путём закабаления себя платежами за землю в рассрочку»¹¹. Состоялось общее собрание Скрипоровской трудовой коммуны, о чём свидетельствует протокол от 15.11.1918 г.: «...единогласно постановили признать И. Ю. Страдэ, что он не помещик, а трудовой человек, протестовать против исключения его из коммуны»¹². Копия протокола была приложена к заявлению Страдэ и направлена в Калугу. Результат не заставил себя долго ждать, и 18 ноября 1918 г. приходят разъяснения, что Малоярославецкий уездный земотдел мог только сделать указания Скрипоровской трудовой коммуны о непринятии Страдэ*

в члены коммуны, а никак не исключать его самостоятельно. Согласно уставу, приём и исключение членов коммуны принадлежит самой коммуне¹³. У И. Ю. Страдэ фактически остаётся земля, и все его работники по-прежнему ему подчиняются. В коммуне все вопросы решались только с согласия Страдэ¹⁴. Но это продолжалось недолго.

16 января 1919 г. в Малоярославецкий уездный земотдел поступает заявление от Василия Ульяновича Кирсанова, члена Скрипоровской трудовой коммуны: «...*Прошу обратить внимание на Скрипоровскую коммуну, состоящую из родственников бывшего помещика Страдэ... Я настаиваю выселить Страдэ, как лишний элемент проживающей в коммуне. Страдэ живёт по сие время на прежних правах, прикрываясь коммуной. Все родственники Страдэ идут против меня и сам Страдэ, за мои левые убеждения ведёт против меня заговор, чтоб я покинул коммуну... Говорит, что лишит меня пайки хлеба, но я верю в коммунистическую жизнь... Но паразит эксплуататор говорит мне "один в поле не воин". Прошу немедленно исследовать нашу коммуну партийным коммунистам защитникам Советской власти*»¹⁵. После чего была проверка деятельности коммуны. 30 января 1919 г. в коммуну прибыли заведующий Малоярославецким уездным земотделом Сорокин (в документе не указаны инициалы) и член коллегии И. М. Мануйлов. На общем собрании коммунаров было зачитано заявление В. У. Кирсанова и предложено высказаться другим членам коммуны. Выявилось множество нарушений со стороны И. Ю. Страдэ. В докладе Сорокина и Мануйлова о посещении коммуны читаем: «...*Страдэ в коммуне оказывает деморализующее влияние, разжигает национальную рознь, стоит опасаться за само существование коммуны...*», далее заключение: «...*срочно принять меры к выселению в концентрационный лагерь Страдэ, дабы этим прекратить разрушение коммуны и расхищение народного достояния со стороны Страдэ, предлагаем усилить коммуну сознательным элементом*»¹⁶. В итоге 3 февраля 1919 г. члену коллегии И. М. Мануйлову было поручено вручить гражданину Страдэ постановление заседания коллегии подотдела земледелия, объявить ему, «*что он должен в 3-х дневный срок переселиться в концентрационный лагерь "Дошино"*»¹⁷. 15 февраля 1919 г. Скрипоровская трудовая сельскохозяйственная коммуна была реорганизована, а в марте окончательно прекратила своё существование¹⁸. Иван Юрьевич Страдэ не был выселен, несмотря на то что попытки это сделать предпринимались неоднократно.

Как уже было сказано выше, 5 мая 1919 г. в «имении Страдэ» была создана Первая школа-коллония Малоярославецкого уезда. Наступил новый этап жизни Ивана Юрьевича Страдэ. В объяснительной записке руководителей школы-коллонии И. П. Музалевского, В. Л. Флоровского к акту по обследованию Скрипоровской коллонии комиссией от Малоярославецкого уездного земельного отдела от 22 мая 1922 г. читаем: «...*весной 1919 года И. Ю. Страдэ стал сам настойчиво предлагать свой план организации в его имении целого культурного центра. С первых дней создания коллонии И. Ю. Страдэ принимал деятельное участие во всей организационной работе, так как входил в группу ответственных работников по созданию школы-коллонии. Он занимал штатную должность инструктора-специалиста по сельскому хозяйству в коллонии более года (до июня 1920 г.)*».

Руководители Первой школы-коллонии. Слева направо П. И. Музалевский, И. И. Озолин (стоят); И. Ю. Страдэ, В. Л. Флоровский (сидят). 1920-е гг.

Колонисты и организаторы Первой школы-колонии в первые дни её существования.
И. Ю. Страдэ второй слева. 1919 г.

Ему и было поручено организационной группой работников вести это направление, сама школа-колония не имела ни сельскохозяйственного опыта, ни других специалистов. Но, как показало время впоследствии, гражданин Страдэ оказался “...большим агрономическим говоруном и трескуном”, а не опытным и честным работником. Уже к осени 1919 года у Страдэ проснулся инстинкт собственника, и он начал ходатайствовать перед земельным отделом о наделении его земельным участком. Колония против этого не возражала, и по постановлению земельного отдела от 13 октября 1919 года ему был отведён участок, 14 десятин пахотной земли и 1 десятина усадебной, во временное пользование. И. Ю. Страдэ был выделен также необходимый сельхозинвентарь. Он по-прежнему оставался в группе ответственных работников и в течение всего 1919/20 г. вёл учебную работу в колонии. По мере того как укреплялось хозяйственное положение И. Ю. Страдэ, он снимал с себя ту личину, которую вынужденный обстоятельствами, он надел на себя в 1919 году. Всё его участие в работе по созданию школы-колонии оказалось злостной провокацией. В мае 1920 года он был исключён из школы-колонии, как элемент, по своим собственническим склонностям неспособный принимать никакого участия в создании общественной жизни. ...Новая экономическая политика в 1921 году окрылила его надеждами получить обратно уже устроенное хозяйство. И он повёл против колонии самую бесцеремонную агитацию, забрасывал все учреждения лживыми доносами, клеветами, судебными процессами. Он окутывал школу-колонию атмосферой грязи и нечистоты, безобразно грубо обращался с детьми колонии, ему иногда удавалось достигать своих целей, подводя колонию под подозрения. Руководство колонии из чувства чистоплотности не обращало никакого внимания на его злостные выходки, думая, что в конце концов он сам сломает себе голову. Но Страдэ поставил себе цель — путём удаления колонии добиться возвращения имения, не стеснялся ни в каких средствах, чтобы этой цели достичь. В этом ему помогал его природный талант сутяжничества, талант настоящего провокатора, способного на всё ради своих целей. Он везде пытался доказать, что его имение было культурным, хорошо организованным хозяйством, а колония разрушила его. Комиссия земельного отдела обследовала имение И. Ю. Страдэ в 1919 году, и в протоколе указано обратное — земли заброшены, только ведение молочного хозяйства давало возможность кое-как держаться. И нужно было дать понять И. Ю. Страдэ, что новая экономическая политика — это временное отступление, а не возврат к старому»¹⁹.

В письмах во все возможные органы советской власти И. Ю. Страдэ характеризовал работников школы-колонии как преступников, бандитов, воров, расхитителей государственного достояния.

Колонисты и организаторы Первой школы-колонии (И. Ю. Страдэ второй справа). 1920-е гг.

Инициировал бесконечные судебные процессы, фабриковал ложные доносы. Это сильно отягчало и без того нелёгкую жизнь организаторов школы-колонии. Один из её руководителей П. И. Музалевский в 1924 г. был даже наказан двумя неделями принудительных работ²⁰. Колонисты требовали выселить Страдэ из колонии в административном порядке, но этого не происходило. Что это было: удивительная лояльность власти или «творческие» способности этого человека?

Мотивы оставления бывших помещиков Калужской губернии в прежних имениях были различны. Не выселяли:

- не относящиеся к бывшим помещикам: хуторские хозяйства, трудовые крестьянские хозяйства и представители других сословий с незначительным землевладением до революции, их насчитывалось 54 %;
- имевшие заслуги по строительству Красной армии: служба в Красной армии, участие в советском строительстве, общественная работа — 15 %;
- улучшение сельского хозяйства, незначительность землепользования, отсутствие кабальных отношений — 11 %;
- трудовые хозяйства, земля приобретена через банки — 7 %;
- землепользование совместно с обществом — 5 %;
- передача земли в общинное пользование, преклонный возраст — 2 %²¹.

Страдэ неоднократно писал: *«Во-первых, я не бывший помещик из дворян, а трудовой крестьянин, бывший земельный собственник трудового типа, приобретший землю при посредстве Земельного банка путём закабаления себя платежами за землю в рассрочку. А во-вторых, мои близкие родственники активно боролись на стороне Советской власти в рядах Красной армии. Поэтому ко мне применима лишь ст. 3 Декрета от 20 марта 1925 года, а ст. 1, 2 на меня не распространяется. Ввиду чего прошу приостановить выселение моё и выяснить создавшееся недоразумение. В данный момент при разливе реки, распутице и прерванном сообщении с городом выселение технически невозможно»*²². *«Прошу Вас принять надлежащие меры, чтобы меня, устарелого,*

трудового крестьянина, не подводили под общую мерку, чтобы приостановили выселение и дали достаточный срок для выяснения создавшегося положения. Апрель 1925 года»²³.

И только 1926 г. Страдэ с семьёй был выселен. Проживал он впоследствии в Малоярославце. Последняя информация о судьбе Ивана Юрьевича Страдэ, которую удалось найти на сегодня: Страдэ Иван Юрьевич. Дата рождения: 1864 г. Место рождения: Курляндская губ., Сусейговский р-н, г. Стагеране. Пол: мужчина. Профессия / место работы: работал агрономом в с/х «Игнатьевский». Место проживания: Московская обл., г. Малоярославец. Партийность: б/п. Осуждение: 3 декабря 1933 г. Осудивший орган: Тройка при ПП ОГПУ Московской обл. Статья: 58 п. 10 УК РСФСР. Приговор: 3 года ссылки в Северный край²⁴. Последующая судьба Ивана Юрьевича Страдэ неизвестна. Возможно, при дальнейших исследованиях выяснятся новые страницы его биографии. Сложное было время, сложно складывались судьбы людей. Не все и не сразу поняли масштаб трансформации общества.

Автор благодарит заместителя директора Государственного архива Калужской области Наталью Владимировну Зиновкину за помощь, оказанную при подготовке данной статьи.

Примечания

¹ Беспалов В., Дмитриев А. Малоярославец. Калуга, 1962. С. 151.

² ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 581. Л. 21.

³ Там же. Р. 530. Оп. 1 Д. 14. Л. 12а.

⁴ Там же. Р. 530. Оп. 1 Д. 177(а). Л. 10–12.

⁵ Там же. Ф. 825. Оп. 5. Д. 581.

⁶ Там же. Р. 530. Оп. 1 Д. 177(а). Л. 10–12.

⁷ Там же. Р. 530. Оп. 1. Д. 23. Л. 50–55.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ ГАКО. Р. 530. Оп. 1. Д. 177(а). Л. 36.

¹² Там же. Д. 23. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 30, 66.

¹⁷ Там же. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 61.

¹⁹ ГАКО. Р. 395. Оп. 1. Л. 91, 340.

²⁰ Там же. Л. 46–47.

²¹ Никитина Н. Н. Региональные особенности процесса выселения бывших помещиков в 1925–1928 гг. в Калужской и Тульской губерниях // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию Государственного архива Калужской области. Калуга, 2010. С. 218.

²² ГУ «ГАКО». Р. 530. Д. 177(а). Л. 36–37.

²³ Там же. Л. 44.

²⁴ <http://lists.memo.ru/> из Базы данных «Жертвы политического террора в СССР». Дата обращения 06.02.2019 г.

ТАТАРСКИЕ ТОРГОВЦЫ В КАЛУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

В. М. Красин,

*кандидат исторических наук, преподаватель истории и краеведения,
Перемышльский техникум эксплуатации транспорта*

Можно вполне определённо констатировать, что ко второй половине XVIII в. постоянного мусульманского населения в Калуге и в уездных городах не было. Так, в «Ведомости о жителях в Калужской губернии иных вер и какого оные исповедания» от 1782 г. отмечено проживание только одного мусульманина (в Перемышле)¹.

На протяжении XIX в. в Калужскую губернию отправляли турецких военнопленных (в большом количестве, но на непродолжительное время боевых действий), а также мусульманских ссыльных из Поволжья (единичные случаи) и Крыма, с Кавказа (подавляющее большинство), из Средней Азии².

Тем не менее из-за системы распределения по уездам и сравнительной непродолжительности пребывания здесь, по всей видимости, не контингент ссыльных стал основой постоянной мусульманской общины в Калуге. Документы региональных архивов позволяют говорить о том, что с высокой долей вероятности важную роль в её формировании составили татары-торговцы, в том числе торговцы кумысом.

Сохранилось прошение, датированное апрелем 1884 г., татарина из д. Овечий [о]враг Сергачского уезда Нижегородской губернии Алима Аблева (Абелева) во врачебное отделение Калужского губернского правления с просьбой выдать ему свидетельство на право «приготавливать и продавать» кумыс в Калуге летом 1884 г. Аналогичное прошение он подал и в апреле 1885 г.³ Ранее, в 1881 г., Алим Аблев опубликовал в «Калужских губернских ведомостях» рекламное объявление: *«Кумысное лечение. Честь имею довести до сведения, что с разрешения губернатора и калужского врачебного отделения, в открытом мною кумысном заведении, будет с 10 мая и в течение всего лета приготавливаться кумыс самого лучшего достоинства, и натуральное парное молоко, помогающее во многих болезнях, которые можно получать во всех аптеках и у меня на квартире в Татаринском переулке, близ бывшего польского костёла в доме Могилевцева. Месячное пользование кумысом по три бутылки в день стоит 30 руб. сер., цена же бутылки большой без посуды 40 и малой 20 коп. сер. Для желающих пользоваться в своих имениях отпускаю своего мастера для приготовления кумыса на месте. Означенное моё заведение существует в Калуге 8 лет»*⁴.

Из этого источника можно сделать вывод, что по меньшей мере с 1873 г. татарские торговцы кумысом (Алим Аблев и его мастер или мастера) в тёплое время года живут и работают в Калуге, с ними сотрудничают все местные аптеки.

В ноябре 1894 г. Оренбургское магометанское духовное собрание запросило у калужского губернатора сведения о числе мусульман, проживающих в губернии. Сбор сведений был поручен полиции, и калужский уездный исправник сообщил: *«...во вверенном мне уезде на постоянном жительстве магометан нет, временно же летом проживают близ городского бора трое магометан, занимающихся изготовлением кумыса»*. По самой Калуге полицмейстер Трояновский указывал: *«...в г. Калуге 1 части 6 квартала в домах Одоевцева, Комарова, Гришчука и Соколова проживает татар-магометан 19 мужчин, 6 женщин и 7 маленьких детей, из коих пять мальчиков и две девочки»*. В сводной резолюции тем не менее говорится об отсутствии в губернии постоянного оседлого мусульманского населения и о временном проживании в Калуге 32 человек⁵.

Таким образом, вероятно, элемент сезонности сохраняется, но уже не менее 20 лет как минимум 4–5 месяцев в году здесь живут торговцы кумысом и, возможно, татары иных профессий и их семьи, очевидно, более или менее постоянного персонального состава.

По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в городе проживали 47 человек (мужчин — 32, женщин — 15), для которых родным языком был татарский. Ещё 30 мужчин проживали в Калужском уезде⁶. Согласно хранящейся в фонде калужского полицмейстера «Ведомости о народонаселении г. Калуги по вероисповеданиям за 1900 год», в городе в этот период проживали 148 «магометан»⁷.

Разумеется, все эти статистические сведения имеют определённую погрешность. Тем не менее представляется обоснованным говорить о складывании к концу XIX в. двух важных предпосылок для формирования небольшой постоянной мусульманской общины в Калуге: 1) достижение численности в несколько десятков человек и 2) наличие финансовых ресурсов — торговля кумысом, судя по расценкам, приносила ощутимый доход.

Религиозная община — это не только наличие некоторого числа верующих на определённой территории, но и устойчивые связи между ними. Документально такие связи зафиксированы в декабре 1903 г.: находившийся под надзором полиции в г. Перемышле Калужской губернии житель д. Иткуловой Белебеевского уезда Уфимской губернии Набиулла Гайнуллин Габдулкаримов, обвинённый «... в возбуждении инородческого населения Уфимской губернии против властей», просил разрешить ему отлучиться на Ураза-байрам в Калугу, поскольку «... в г. Перемышль магометан не проживает... а одному молиться не полагается...». Такое разрешение было дано (причём жил он в эти дни на Тележной улице в гостинице Сергеева), как и разрешение на поездку в Калугу в феврале 1904 г. на Курбан-байрам. Вскоре ему было разрешено остаться под надзором в губернском центре на всё время ссылки⁸. Это свидетельствует о существовании в начале XX в. мусульманской общины в Калуге, о которой узнал прибывший в губернию только осенью 1903 г. Габдулкаримов. По версии исследователя Д. Ю. Зубова, Габдулкаримов имел самое непосредственное отношение к кумысолечебному делу в Уфимской губернии⁹. Однако в документах из фонда калужского полицмейстера указано, что Габдулкаримов на родине занимался «торговлей платьем». В ссылке, по данным полиции, он жил вместе со слугой и обладал капиталом, но в самой Калуге не торговал, хотя, видимо, имел деловые контакты с неким Леви (вероятно в Калуге) и с Е. Я. Кацем (в Москве). Габдулкаримов, который в документах называется то татарин, то башкиром и даже «татарин-башкиром», в своём прошении идентифицирует себя как башкира, причём сам он был грамотен. Полиция отмечала в феврале 1905 г. его финансовую помощь единоверцам, призванным из запаса (вероятно в связи с русско-японской войной) и их семьям¹⁰.

Благосостояние татарской общины города, очевидно, со временем росло, и в 1912 г. в «Калужском листке объявлений» от 24 августа (бесплатное прибавление к «Калужским губернским ведомостям») была опубликована следующая информация: «Мануфактурно-галантерейный магазин Ш. Хуснетдинова, Калуга, Тележная ул., д. Сергеева, сим имеет честь довести до сведения почтеннейшей публики г. Калуги и его окрестностей, что ввиду перевода магазина в собственное помещение, цены на все мануфактурные и галантерейные товары назначены самая дешовья...»¹¹.

**МАНУФАКТУРНО-ГАЛАНТЕРЕЙНЫЙ
МАГАЗИНЪ**

Ш. Хуснетдинова Калуга, Тележная ул.
д. Сергеева,

симъ имѣеть честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики г. Калуги
и его окрестностей,

**что ввиду перевода магазина въ собственное помѣщеніе Ц Ъ Н Ы на
всѣ мануфактурные и галантерейные товары назначены самая
) Д Е Ш О В Ы Я . (**

Надѣюсь, что г.г. покупатели, по прежнему, не откажутъ мнѣ въ своемъ
благосклонномъ вниманіи, посѣщая мой магазинъ и въ новомъ помѣщеніи.

КУМЫСНОЕ ЛЕЧЕНИЕ.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія, что съ разрѣшенія Губернатора и Калужскаго Врачебнаго Отдѣленія, въ открытомъ мною кумысномъ заведеніи, будетъ съ 10 Мая и въ теченіи всего лѣта, приготовляться кумысъ самаго лучшаго достоинства, и натуральное парное молоко, помогающее во многихъ болѣзняхъ, ~~которые~~ можно получать во всѣхъ аптекахъ и у меня на квартирѣ въ Татаринскомъ переулкѣ, близъ бывшаго Кольскаго костела въ домѣ Могиловцева.

Мѣсячное пользованіе кумысомъ по три бутылки въ день стоитъ 30 руб. сер., цѣна же бутылки большой безъ посуды 40 и, малой 20 коп. сер.

Для желающихъ пользоваться въ своихъ имѣніяхъ отпускаю своего мастера для приготовленія кумыса на мѣстѣ.

Означенное мое заведеніе существуетъ въ г. Калугѣ 8 лѣтъ.

1881 года.

АЛИМЪ АБЛЕВЪ.

Как уже упоминалось, дом (гостиница) Сергеева на Тележной улице ранее был связан с кратковременным проживанием в нём мусульманина Габдулкаримова, приехавшего к единоверцам.

Торговля Хуснетдинова не была сезонной, как кумысная, он, очевидно, имел более крупные обороты и даже владел недвижимостью в городе. В ноябре 1913 г. в строительное отделение Калужского губернского правления был направлен проект и чертежи установок, присоединяемых к сети электрического освещения. В числе прочих в списке упомянут дом Хуснетдинова и ещё один принадлежавший ему объект¹². Уже после революции домом по ул. Тележной, 32 (старый номер — 95) владел некий «Хусендинов Илья Мухл.»¹³.

Что касается собственно кумысной торговли в Калуге, то она продолжается по меньшей мере до 1912 г. Крестьянин Пензенской губернии Чембарского уезда д. К[о]былкиной татарин Аб-алим Камачкин обратился во врачебное отделение Калужского губернского правления с просьбой «сделать распоряжение о выдаче мне по примеру прежних лет разрешения на открытие в 1912 г. близ вокзала на хуторе Яковлевых Калужского уезда Карачевской волости заведения для приготовления и продажи кумыса и кефира». Сам проситель по-русски писать не умел, и за него расписался крестьянин Владимир Журавлёв. В деле имеется справка: «Циркуляром Медицинского департамента от 11 июля 18[7]5 г. за № <нрзб> разъяснено, что приготовление и продажа кумыса там, где не предполагается правильного кумысолечебного заведения, разрешается начальниками губерний...»¹⁴. Из текста обращения следует, что Камачкин уже не первый год занимался изготовлением кумыса и кефира в Калужской губернии. Что касается расположения хутора Яковлевых, то в одном из черновых вариантов текста ответа было указано: «разрешено устроить при д. Ястребовке», затем эта фраза была зачёркнута и сверху подписано «на хуторе Яковлевых». Есть основания предполагать, что это была уточняющая формулировка и хутор находился недалеко от Ястребовки. Просимое свидетельство было выдано, и в нём указаны требования «1) Помещение для приготовления кефира было оборудовано согласно требованиям утверждённых 9 июля 1910 года

Министерством внутренних дел санитарных правил <...> 2) материал для кумыса и кефира употреблялся безвредный и неиспортившийся, 3) соблюдались должная чистота и опрятность как в самом заведении, так и в аппаратах, ему принадлежащих и посуде, 4) открытие разрешённого ему Камачкину заведения может последовать лишь по осмотре заведения калужским уездным врачом, с разрешения последнего...»¹⁵.

Вопрос о том, контактировали ли ссыльные суфийские шейхи из Чечни с калужскими татарами, остаётся открытым. Во всяком случае даже в пределах сравнительно небольшого губернского города они некоторое время жили на расстоянии 1–2 минут ходьбы друг от друга (Баматгирей-хаджи Митаев — в доме Холуянова, Чимирза Хамирзаев — в доме Власова, оба на Ивановской улице; Абдул-Азиз Шаптукаев — в доме Георгиевской на ул. Солдатской)¹⁶ и в непосредственной близости от ул. Тележной, в районе которой была сосредоточена деятельность мусульманско-татарской общины. Документально эти контакты не зафиксированы. Однако в книге журналиста М. Заурбекова среди легенд о пребывании Баматгирей-хаджи Митаева в Калуге (часть из которых опровергнута, некоторые — косвенно подтверждены), упоминается о том, что Баматгирей-хаджи Митаев отправлял одного из своих мюридов покупать свежее мясо на базаре и торговец отдавал мясо без денег. По легенде, шейх впоследствии сообщил своим мюридам, что это был Джабраил-малик¹⁷. Рациональной основой этой легенды могли быть контакты с каким-то татаринном — торговцем халальным мясом на Мясных рядах или в другой торговой точке города. Впрочем, это лишь версия.

Татарские торговцы проживали в Калуге и после установления советской власти. Сохранилась копия декрета Совета народных комиссаров Калужской советской республики, опубликованного в «Калужской Правде» в конце февраля 1918 г. со списком «именитых горожан» Калуги, которые были обложены денежным сбором. В их числе упомянут Хуснетдинов, который должен был заплатить 15 тыс. руб. и некие «татары-скупщики» с которых взыскивалось 10 тыс. руб.¹⁸

Важное значение для мусульманской общины Калуги имел проезд (не позднее 1914 г.)¹⁹ в город Салахетдина Алимовича Алимова, происходившего из крестьян д. Ключищи Ендовищенской волости Сергачского уезда Нижегородской губернии²⁰. Это первый мулла, имевший религиозное образование, чей статус и наличие прихожан из калужских мусульман документально подтверждены и чьё пребывание в Калуге было продолжительным и добровольным. Приглашение муллы означало готовность обеспечивать самого религиозного деятеля и его семью, что говорит об уровне благосостояния мусульманско-татарской общины Калуги.

В начале 1925 г. в публичную плоскость вышел конфликт внутри татарской общины города. С. А. Алимов указывал на то, что его оппоненты — богатые татары. На встрече с членами комиссии 3 февраля 1925 г. он объяснил появление обвинений против него происками «недоброжелателей», «богатых торговцев-татар». 4 февраля 1925 г. датировано следующее письмо шести его сторонников: *«В Губнаробраз. Мы, нижеподписавшиеся, родители учеников татарской мусульманской школы I-й ступени, просим наробраз оставить нам эту школу с преподавателем гр. Алимовым, т. к. эта школа даёт нам — беднякам-татарам единственную возможность обучить наших детей родному языку. Все недовольства школой исходят со стороны богатых татар-торговцев, которые в состоянии обучить своих детей и на дому. Мы просим Наробраз предложить этим недовольным взять своих детей из школы, а мы же, бедняки, не хотим, чтобы наши дети отставали в родной грамоте от населения Татареспублики, где, по всей вероятности, они будут жить и работать. Вместе с этим мы просим дать возможность учиться в этой школе сиротам поволжан из приюта, чтобы нам, калужским татарам, не было бы стыдно перед нашими земляками на родине за незаботу о сиротах»*. Вряд ли это был сознательный приём, попытка искусственно найти социально-классовые противоречия во внутреннем конфликте татарской общины и тем самым завоевать сочувствие советской власти, скорее, всё же имущественное расслоение имело место быть. Более того, документы указывают на то, что одним из активных противников С. А. Алимова действительно был некий Хустнетдинов, 16–17-летняя дочь и 9-летний сын которого учились в татарской школе и которого с высокой степенью уверенности можно соотнести с упоминавшимся владельцем магазина или с домовладельцем, носившими ту же фамилию²¹.

Таким образом, установлено практически непрерывное пребывание в Калуге во второй половине XIX — нач. XX в. торговцев-татар, их присутствие и деятельность становятся частью городской

повседневности, они играют важную роль в формировании и внутренней жизни местной мусульманско-татарской общины вплоть до 1920-х гг. Завершение нэпа должно было изменить их судьбу и занятия, однако этот вопрос ещё предстоит изучить на документальном материале.

Примечания

- ¹ Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 132 (Калужское наместническое правление). Оп. 1. Д. 177. Л. 5, 5об.
- ² Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX века / отв. ред. В. В. Курков. Калуга, 2009.
- ³ ГАКО. Ф. 62 (Калужское губернское правление). Оп. 22. Д. 1744. Л. 1; Д. 1928. Л. 1.
- ⁴ Калужские губернские ведомости от 28 апреля 1881 г. № 47. С. 4.
- ⁵ ГАКО. Ф. 62. Оп. 6. Д. 781. Л. 1, 8, 13, 18.
- ⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897: XV. Калужская губ.: Тетрадь 2. Изд. Центр. стат. комитета МВД (под ред. Н. А. Тройницкого). [СПб.], 1903. С. 75, 78–79.
- ⁷ ГАКО. Ф. 783 (Полицмейстер г. Калуги). Оп. 1. Д. 239. Л. 14.
- ⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 317. Л. 3–43.
- ⁹ Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX века / отв. ред. В. В. Курков. Калуга, 2009. С. 45–46.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 317. Л. 47, 57, 57об., 59об., 64.
- ¹¹ Калужские губернские ведомости от 24 августа 1912 г. № 64.
- ¹² ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 3063. Л. 1.
- ¹³ ГАКО. Р-1506 (Отдел управления Калужского горисполкома). Оп. 1. Д. 177. Л. 224об.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 62. Оп. 22. Д. 6034, Л. 1, 1об.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. 62. Оп. 22. Д. 6034. Л. 3.
- ¹⁶ Красин В. М. Шейхи тариката кадирийя в Калуге в 1912–1914 гг. // Материалы XIII Всероссийской научной конференции «Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Калуга, 2009. С. 126.
- ¹⁷ Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений, эталон справедливости и чести. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 2008. С. 28.
- ¹⁸ ГАДНИКО. П-7694. Оп. 1. Д. 45. Л. 11, 18.
- ¹⁹ ГАКО. Р-38 (Отдел народного образования губисполкома). Оп. 1. Д. 289. Л. 35–37об..
- ²⁰ ГАКО. Ф. 1337 (Губернский комиссар Временного правительства). Оп. 1. Д. 47. Л. 241, 243.
- ²¹ ГАКО. Р-38. Оп. 1. Д. 289. Л. 32, 36об., 36а.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА НА ПИСЧЕБУМАЖНЫХ ФАБРИКАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В. Д. Попелов, магистрант,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Появление на Руси бумаги как материала для письма приходится на XIV в. Возможно, известна она была и ранее благодаря связям с Золотой Ордой. Долгое время импортная бумага использовалась наряду с другими материалами. В Московском царстве впервые бумагу изготовили при Иване IV¹. Появляются сведения о местах производства — бумажных мельницах.

В 1720 г. по указу Петра I в селе Взгомонье в тридцати километрах от Калуги создаётся бумажное производство². В 1785 г. Я. А. Козловским строится второй центр бумажного производства — Троицкая бумажная фабрика³. Подлинная революция бумажной промышленности Калужской губернии произошла в 1840 г. В это время на фабрику Аристархова на реке Луже прибыл английский специалист Вильям Говард⁴. Уже в 1849 г. он взял в аренду Троицкую фабрику, а в 1853 г. купил Кондровскую. С этого времени в России начинается история машинного производства бумаги — благодаря приобретению и освоению Говардом новой самочерпки (устройства для вычерпывания и формирования бумажной массы) европейского производства.

В 1881 г. на территории Калужской губернии действовало всего три писчебумажных фабрики⁵. Те же данные значатся и в «Списке фабрик и заводов Российской империи». Фабрики Говарда, при этом являются крупнейшими в России. Различные источники указывают на ежегодный рост выработанной и проданной бумаги (табл. 1) ⁶.

Т а б л и ц а 1

Год	Всего рабочих	Выработано бумаги, пуд.	Годовое производство, руб.
1883	–	293 550*	1 529 000*
1893	–	332 836*	1 757 000*
1903	1 822* 1 740**	–	2 864 492*
1905	1 615**	–	2 909 499**
1906	1 701**	–	3 297 646**

Из таблицы следует, что в начале XX в., в самые кризисные годы, даже во время уменьшения количества рабочих, наблюдался исключительный рост производства, связанного с призывом нижних чинов в начале Русско-японской войны. Более того, годовое производство в конце XIX в. за 10 лет выросло в два раза меньше, чем в период 1903–1906 гг. Увеличение производства происходило в связи с полноценным последовательным развитием фабрик — материального обеспечения, социальной инфраструктуры, внутренней мотивацией рабочих как создателей лучших образцов бумаги в России — победителей многих промышленных выставок.

Фабрики Говарда в сёлах Кондрово и Троицкое подробно описал в 1903 г. Н. П. Аврамов. Внешнее и внутреннее состояние производственных помещений он характеризует следующим образом. В 1890-х гг. «старые машины были значительно улучшены, кроме того приобретены вновь многие отделочные аппараты и машины новейших типов и конструкций, недавно сооружено особое здание, в котором устроены целлюлозный завод и отдельные мастерские для выработки растительного пергамента. Для обслуживания самих фабрик недавно устроены заводы лесопильный, кирпичный и для выжиги извести⁷. В 1903 г. работало 2 тряпкорезки, 3 волк-машины, 11 тряпковарных котлов, 2 мочных машины, 33 чугунных роля, 14 отбельных ящиков, 40 сжеж (сточных ящиков), 6 бегунов для раздробления древесной массы, 40 чугунных массовых ролей, 5 самочерпок, 8 каландров на 10 валах, 10 бумагорезательных и 7 стопорезательных машин. Процесс изготовления бумаги состоял из сортировки и разрезания тряпок (ручное — для высших сортов бумаги, машинным способом — для низших сортов). Далее очищенная от пыли и грязи тряпка путём длительной варки в котлах при определённых условиях превращается в жидкую массу и прессуется при помощи гидравлического пресса. Бумажная масса поступает на самочерпку и превращается в сырую бумажную ткань, которая пропускается на каландре, где проклеивается и просушивается. Готовая бумага разрезается и сортируется⁸. Таким количеством оборудования могли похвастаться единицы фабрик в Российской империи, и те находились в северо-западном районе страны. В Центральной России наличие такой технической базы и соответствующих объёмов производства делало говардовские фабрики важнейшим поставщиком бумаги. При известных объёмах производства была необходима закупка сырья на постоянной основе. Древесина для производства целлюлозы поставлялась из Финляндии. Тряпьё, помимо традиционных поставок с окрестных ярмарок, большими партиями ввозилось из Европы через Рижскую и Вержболовскую таможни. На ввоз тряпья регулярно делались запросы фабричному инспектору. Единовременные закупки достигали 30 тыс. пудов⁹. О переоборудовании фабричных помещений, создании социально значимых объектов, благоустройстве говорит Н. П. Аврамов: «По нынешнему своему виду Троицкая и Кондровская фабрики подобно многим промышленным центрам представляют подобие небольших, но благоустроенных городков или промышленных местечек. Все фабричные корпуса и большая часть служебных зданий, имеющих какое-либо другое назначение, возведены из кирпича в один или в два этажа. Двигательная сила, которой работают фабрики, главным образом паровая, а отчасти электрическая и водяная. Освещением вместо газа теперь служит электричество, а топливом — дрова, нефтяные остатки и торф, разрабатываемый на арендуемых

участках средствами фабрик»¹⁰. В 1888 г. ещё не существует отдельной группы рабочих, разрабатывающих болота, а в 1911 г. они отражены в табельной книге. Назначен отдельный служащий, наблюдавший за ремонтом, сооружением построек и торфяными болотами с зарплатой 270 руб. в месяц, а при Бучковском, Киселёвском и Улановском болтах уже числятся более 8 человек¹¹. На фабрике Гончаровых также на принадлежащие им торфяные болота уже в 1916 г. выделялось 78 руб. в месяц¹².

Для иллюстрации работы писчебумажных фабрик Калужской губернии на силе пара следует провести сравнение паровых котлов. Для увеличения мощностей производства Полотняно-заводская фабрика в лице заведующего В. И. Яблонского 18 мая 1912 г. просила разрешения на установку котла системы «Бабкок и Вилькокс». Водотрубный котёл имел поверхность нагрева 166 м², состоял из 1 барабана и 8 трубчатых батарей, при испарении 2450 кг/ч и рабочем давлением 12 атмосфер¹³. Годом ранее Компания Троицко-Кондровских писчебумажных фабрик В. Говарда приобрела водотрубный котёл системы Бютнера с 18 трубами, поверхностью нагрева 200 м², испарением 3000 кг/ч, с рабочим давлением 7 атмосфер¹⁴. Наличие сопоставимого с говардовским парового котла открывало возможность при должном количестве рабочих многократно увеличить производство и в Полотняном Заводе.

Фабрики Калужской губернии помимо писчей бумаги различной плотности изготавливали бумагу почтовую, сорочечную, картонную, книжную, конвертную, альбомную, товарную, слоновую, александрийскую, литографную, телеграфную, обёрточную, бумагу для патронов¹⁵. Последняя поставлялась на Тульский оружейный завод. Формировалась готовая продукция в кипы, каждая из которых состояла из десяти стоп. Стопа, в зависимости от плотности, имела массу 5–10 кг, и по аналогии с фабриками Варгуниных формировалась из 480 листов¹⁶.

Бумага Троицкой и Кондровской фабрик поставлялась на заказ по всей России. Договоры заключались как с частными лицами, так и с государственными учреждениями. Склады фабрик Говарда были во многих городах — Астрахани, Екатеринбурге, Киеве. Основные покупатели на рубеже XIX–XX вв. — московские и калужские купцы и промышленники. Поставки шли и в Министерство финансов Российской империи, во многие местные органы власти, в частности, в Калужское губернское правление. В Москву товар отправлялся преимущественно по железной дороге. В 1882 г. образцы выработанной бумаги были отправлены на Всероссийскую промышленно-художественную выставку¹⁷. Там продукция фабрики была удостоена похвальной награды¹⁸, а уже в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже был завоёван главный приз¹⁹. Учреждения могли обращаться на фабрики с индивидуальными заказами. Например, фабричный инспектор отсылал необходимые ему образцы на фабрики Гончарова и Говарда. И если из Полотняного Завода ему прислали простой отказ, то из Кондрова пришло письмо с анализом отправленного образца и предложением о сотрудничестве²⁰.

С 1890-х гг. в связи с развитием трудового законодательства, увеличением объёмов производства и осознанием некоторыми промышленниками ответственности за наёмных рабочих начинает уделяться внимание социальной сфере и охране труда. Для рабочих, большая часть которых приходится на крестьянское население сёл Троицкого, Кондрово и окрестных деревень, труд на фабриках является более выгодным, чем занятие сельским хозяйством. Тем не менее невозможно отделить фабричных рабочих от крестьянского сословия, так как они «живут в собственных домах, не отрываясь фабричным трудом от полевого хозяйства»²¹. Одна треть рабочих и служащих «пользуется даровыми помещениями от фабрик. Построено несколько артельных домов <...> для служащих отведены даровые квартиры с отоплением и освещением»²². Фабричные жилые помещения занимает 197 семей, отдельно расположена казарма для женщин на 44 человека. На содержание указанного жилого фонда израсходовано в 1904 г. 8 180 руб. 53 коп.²³

Для заботы о здоровье населения предпринимаются меры по вентиляции производственных помещений, а также по защите от «крайнего загрязнения воды в р. Шане». Социальная инфраструктура здесь представляла собой следующее: «На случай заболевания для служащих обеих фабрик в селе Кондрово есть больница на 20 кроватей, а для легко больных амбулаторный приёмный покой»²⁴. Сведения, собранные государственными учреждениями, а также табельные книги фабрик позволяют проследить историю функционирования социального сектора.

Больница в с. Кондрово была открыта 1870 г.²⁵ На тот момент там работал врач и «учёная акушерка». В апреле 1882 г. заработную плату получали уже три медицинских работника: врач, его помощник А. И. Соколов и фельдшер²⁶. В 1905 г. по-прежнему было 20 кроватей для больных со следующими помещениями: на 2 кровати для заразных, место для операций, ванная, отдельная комната для рожениц. В отделении в с. Троицкое врач проводил приём только два раза в неделю. В число медицинских работников входили врач, два фельдшера и акушеры. На содержание больницы в 1904 г. было потрачено 8 985 руб. 88 коп. На коечном лечении в больнице за год находилось 240 человек. На дому и амбулаторно было обслужено 1800 человек²⁷. В 1911 г. при больнице работало уже тринадцать человек, из них два врача — А. И. Соколов, бывший помощником ещё в 1882 г., врач О. А. Астаурова и одна «фельдшерица»²⁸.

Постепенно в фабричных деревнях развивается образование, появляются досуговые учреждения. В 1903 г. функционировало два двухклассных училища с пятилетним курсом обучения, помещённых в удобные здания. Учеников было 450 при десяти учителях²⁹. В 1905 г. учеников стало уже 461 чел. при отношении полов два к одному (302 мальчика и 159 девочек). Учителей было уже одиннадцать, из которых двое — законоучители. Годовые расходы владельцев фабрик на образование — 5 771 руб. 59 коп.³⁰ Основные учреждения досуга — библиотеки, две для взрослых и две для школьников. Была возможна выдача книг на дом при общем количестве экземпляров, равном 2 908 шт. За 1904 г. взрослых посетителей библиотек было 345 чел., а детей — 325 чел. Проводились и «чтения с волшебным фонарём» (за год 42). На них, в отличие от библиотек, пришло почти 5 000 чел., что свидетельствует о невысоком уровне грамотности среди рабочих. Из бюджета фабрик было израсходовано на досуг всего 210 руб. 19 коп.³¹ Помимо прочего, в Кондрово и Троицком действовали бани по цене 5 коп. в мес. до 1905 г., позднее ставшие для рабочих и их семей бесплатными. Всего на их содержание выделялось 9 619 руб. 19 коп. в год. В торговой лавке при фабриках товар продавался на 142 837 руб. 36 коп. за 1904 г.³² Важным событием в жизни говардовских рабочих стало открытие в 1916 г. народного дома. Он был заложен 6 декабря 1912 г. на деньги владельцев фабрик по случаю юбилея трудовой деятельности директора фабрик Я. Г. Хинчина³³.

Таким образом, производство бумаги со времён Петра I серьёзно развилось в Калужской губернии. В 1850-е гг. в этой сфере произошёл перелом, а к концу XIX в. три крупнейших фабрики — Троицкая, Кондровская и Полотняно-заводская — составляли значительную часть от общего объёма производства бумаги в Российской империи. В начале XX в. рост и развитие производства усиливались благодаря техническому и социальному обеспечению несмотря на тяжёлую ситуацию в экономике. Регулярно обновлялось техническое оснащение, увеличивались мощности двигателей, закупались наиболее эффективные паровые котлы, позволявшие при том же количестве рабочих увеличить объём выпускаемой продукции. Большие средства направлялись на социальную сферу, быт рабочих постепенно улучшался. Были развиты медицина, образование, досуг, что соответствует представлению Н. П. Аврамова о фабричном районе как о благоустроенном городке.

Примечания

¹ Балаченкова А. П. История бумаги и бумажного производства. СПб., 2011. С. 37.

² Бессонов В. А., Новиков В. И. Три века усадьбы Полотняный Завод. М., 2012. С. 7.

³ Сидоренков А. И. Она вошла в историю веков: Троицкая бумажная фабрика: 230 лет со дня пуска в действие. Тула, 2016. С. 15.

⁴ Малинин Д. И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 21.

⁵ Памятная книжка Калужской губернии, Калуга, 1881. С. 110.

⁶ Таблица составлена по: *Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, 1903. С. 226–239; **ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии Оп. 1 Д. 165; ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии Оп. 1 Д. 244; ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 2. Д. 13.

⁷ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, Калуга, 1903. С. 235.

- ⁸ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, Калуга, 1903.
- ⁹ ГАКО. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Ф-102. Оп. 2. Д. 13. Л. 37.
- ¹⁰ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, 1903. С. 237.
- ¹¹ ГАКО. Ф-179. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Говарда. Оп. 1. Д. 383. Л. 19.
- ¹² ГАКО. Ф-176. Полотняно-Заводская писчебумажная фабрика Гончарова. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.
- ¹³ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 1. Д. 243, 290.
- ¹⁴ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 1. Д. 244.
- ¹⁵ ГАКО. Ф-179. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Говарда. Оп. 1. Д. 18.
- ¹⁶ Бахтиаров А. Как и из чего делается бумага. (писчебумажное производство), СПб, 1905. С. 14–15. [Электронный ресурс] URL: <http://maxbooks.ru/bakhtiarov/govandvar.htm> (дата обращения: 01.12.2019).
- ¹⁷ ГАКО. Ф-179. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Говарда. Оп. 1. Д. 18.
- ¹⁸ Иллюстрированное описание Всероссийской Художественно-Промышленной выставки в Москве 1882 г. СПб.-М., 1882. С. 190.
- ¹⁹ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, 1903. С. 237.
- ²⁰ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 1. Д. 1208. Л. 84, 85.
- ²¹ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, 1903. С. 238.
- ²² Там же.
- ²³ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 2. Д. 13. Л. 25.
- ²⁴ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, 1903. С. 238.
- ²⁵ Из истории Кондровской центральной больницы // Новое время (Кондрово). 2007. 17 июля. С.2.
- ²⁶ ГАКО. Ф-179. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Говарда. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
- ²⁷ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 2. Д. 13. Л. 25.
- ²⁸ ГАКО. Ф-179. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Говарда. Оп. 1. Д. 383. Л. 3.
- ²⁹ Аврамов Н. П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики К^о В. Говарда / Памятная книжка Калужской губернии, Калуга, 1903. С. 239.
- ³⁰ ГАКО. Ф-102. Старший фабричный инспектор Калужской губернии. Оп. 2. Д. 13. Л. 25.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Поздравительный адрес Я. Г. Хинчину [Электронный ресурс] URL: <http://hisdoc.ru/varia/26507/> (Дата обращения: 30.11.2019).

ЦЕРКОВНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА МЕДИЦИНСКИЕ НУЖДЫ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. (На материалах Калужской губернии)

А. В. Ковалёв,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин КФ РАНХиГС

Когда началась Русско-японская война 1904–1905 гг., православная церковь не могла остаться в стороне от событий, впрочем, как и всё тогдашнее российское общество. В первую очередь следует обратить внимание на то, как отозвалось население в губерниях, ведь именно в провинции проживало большинство населения. Очевидно, что мнение о непопулярности войны с самого начала конфликта является неверным. Восприятие войны населением трансформировалось со временем. Важно узнать отношение людей церкви к этой войне, посмотреть, как оно соотносится с мнением остального населения, выяснить, коррелировало ли отношение священнослужителей с событиями на театре военных действий и в стране. Мы постараемся понять это на примере Калужской губернии.

Конечно, можно считать выражением отношения церкви к войне организацию религиозных мероприятий. В ходе дальневосточного конфликта происходило много таких мероприятий. Так, 30 января 1904 г. состоялось торжественное богослужение в Троицком соборе; были и другие

заметные события с участием церкви¹. Изучение таких мероприятий косвенным образом, разумеется, помогает увидеть степень заинтересованности, но как окончательный критерий не даёт вполне объективного итога. Можно просто присутствовать на мероприятии, но без внутренней солидарности. Совсем другое, если человек жертвует чем-либо необходимым ради дела. Поэтому более реальным, тем более измеримым воплощением отношения будут материальные пожертвования.

Аналізу нашей проблематики в масштабах отдельных регионов России посвящён ряд исследований. Согласно им, в разных частях империи в начале военных действий было много пожертвований, но затем, примерно с лета 1904 г., они резко сходили на нет и к концу войны почти совершенно исчезали². Это показывает падение интереса общества к войне. Такая ситуация была и в Калужской губернии, насколько можно судить по рассмотрению «нецерковных» пожертвований³.

Тема церкви и конфликтов XX в. на калужских материалах так или иначе поднималась (например, А. С. Анисков, А. Г. Лебедев, А. В. Штепа и др.)⁴. Так, А. В. Штепа показал масштаб церковных пожертвований, которые, по его данным, составили более 36 тысяч рублей⁵. Здесь хотелось бы рассмотреть вопрос о церковных пожертвованиях периода войны детально, дабы увидеть динамику отношения людей церкви к войне и постараться её интерпретировать.

Основная источниковая база исследования — официальное издание «Калужские епархиальные ведомости». Ведомости выходили дважды в месяц и систематически публиковали сведения о пожертвованиях. Надо учесть, что, вероятно, информация могла не помещаться немедленно, то есть сведения, которые мы формально относим к определённому месяцу, в реальности частично могут быть отнесены к более раннему времени. Кроме того, иногда взносы собирались долгое время, а передавались только после появления, по мнению жертвователей, солидной суммы. Но, несмотря на неизбежные погрешности, общая сумма и общая тенденция в динамике, на наш взгляд, узнаваема.

Пожертвования делали на медицинские нужды, семьи военных, усиление флота, общие военные нужды. Мы рассмотрим главную часть — пожертвования на медицинские нужды, наиболее характерные для церкви с её человеколюбивыми задачами, и сделаем это в нескольких ракурсах: в общем масштабе, по группам жертвователей, во временной динамике.

Масштабы церковных пожертвований на медицинские нужды можно увидеть в таблице. Вклады поступали под разными названиями: на Красный Крест, на больных и раненых воинов, на санитарные нужды армии и т. д. Объединяло их то, что в основе мотивации жертвователей лежало сочувствие к пострадавшим воинам. Это большая часть всех провинциальных пожертвований церкви — более 54 тыс. руб. Примерно столько же собрали на медицинские нужды прочие группы губернского населения вместе взятые⁶. Кроме денег были и некоторые жертвы вещами: ткань (более 3 тыс. аршин холста), рубахи, простыни, нитки и т. д. Взносы на медицинское дело — это, по предварительным подсчётам, около 90 % всех пожертвований церкви. Очевидно, для людей церкви была важна война, и при этом основное внимание уделялось именно помощи больным и раненым.

В рамках церкви выделены следующие группы жертвователей: приходы (не только священники, но и прихожане), монастыри (не только духовенство, но и миряне, участвовавшие в кружечном сборе), учебные заведения (помимо служащих и учащихся) и администрация. Это разделение позволяет увидеть, какие части церкви проявили больше энергии в сборе пожертвований.

Большую часть денежных средств собрали приходы: почти 39 тыс. руб. или более 72 %; на втором месте — монастыри, более 12 тыс. руб., или более 22 %; на третьем — администрация, менее 2 тыс. руб., или почти 4 %, а на последнем — учебные заведения, почти 1 тыс. руб., или почти 2 %. Эти данные свидетельствуют, что тема войны была интересна не только «верхам» церкви, но и, даже в большей степени, основной части духовного сословия, а также обычным людям, близким к церкви.

Временная динамика пожертвований отличается от привычной схемы, по которой почти все вклады были сделаны в первые месяцы, а затем они резко уменьшаются и почти сходят на нет. Церковные же пожертвования распределяются не по резкой нисходящей линии, а пиками, при этом следующий меньше предыдущего. Первый, самый большой, пик пришёлся на февраль 1904 г., второй — на май-август 1904 г., третий — на февраль-март 1905 г., четвёртый — на май-август 1905 г.

Вероятно, пики активности пожертвований, а значит, интереса к военной политике правительства связаны с событиями, происходившими, в первую очередь, на театре военных действий. События, возможно, повлиявшие на первый пик — вероломная атака японцев на Порт-Артур, бой крейсера

«Варяг», манифест императора Николая II о начале войны. Затем наступила пауза — вероятно, ожидалась скорая победа и бытовало впечатление, что принесённых жертв достаточно; однако война оказалась долгой и трудной. События, которые могли повлиять на второй пик, — гибель адмирала С. О. Макарова, битва на р. Ялу, так называемый «чёрный день японского флота», осада Порт-Артура, битва в Жёлтом море. Из событий внутри страны заметным было рождение царевича Алексея.

Далее следовал период невысокого уровня взносов — с сентября 1904 по январь 1905 г. На это время пришлось несколько безрадостных событий — битвы при Ляояне, на р. Шахе, при Сандепу, падение Порт-Артура. Из внутренних событий важными были: так называемая «весна» П. Д. Святополк-Мирского и Кровавое воскресенье. На третий пик пожертвований могло повлиять Мукденское сражение; в самой же стране рос революционный террор, погиб великий князь Сергей Александрович.

С наступлением затишья на фронте уменьшился и интерес к пожертвованиям. Четвёртый пик мог стать отражением таких событий, как Цусимское сражение, переговоры в Портсмуте и заключение мира. Внутри страны, возможно, повлияли революционные волнения, в том числе в войсках. С сентября 1905 г. интерес к военным делам спал.

В целом, реакция людей церкви на военные события похожа на реакцию остальной части населения: подъём и поддержка в начале, спад интереса и поддержки в конце войны. Однако это было не равномерное падение, а пики и временные провалы, что говорит об эмоциональности людей церкви, их особой восприимчивости к новостям с театра войны и в стране. В то же время общая тенденция, похожая на тенденцию пожертвований прочих сословий, подтверждает то, что люди церкви не стояли в стороне от общероссийских проблем, а проявляли в них живейшее участие.

**Церковные пожертвования на медицинские нужды в период войны 1904–1905 гг.
(на материалах Калужской губернии)**

Месяц, год	Группа жертвователей				Всего
	Приходы	Монастыри	Учебные заведения	Администрация	
I 1904	–	–	–	–	–
II 1904	250 руб. ⁷	7 675 руб. ⁸	21 руб. 70 коп. ⁹	1 200 руб. ¹⁰	9 146 руб. 70 коп.
III 1904	401 руб. 20 коп. ¹¹	270 руб. 77 коп. ¹²	43 руб. 91 коп. ¹³	–	715 руб. 88 коп.
IV 1904	495 руб. 77 коп. ¹⁴ 1 342 арш. холста и 9 рубах ¹⁵	430 руб. 76 коп. ¹⁶	4 руб. 40 коп. ¹⁷	–	930 руб. 93 коп. 1 342 арш. холста и 9 рубах
V 1904	6 704 руб. 75 коп. ¹⁸	267 руб. 87 коп. ¹⁹	78 руб. 67 коп. ²⁰	21 руб. 48 коп. ²¹	7 072 руб. 77 коп.
VI 1904	5 703 руб. 50 коп. ²²	131 руб. 96 коп. ²³	130 руб. 21 коп. ²⁴	21 руб. 71 коп. ²⁵	5 987 руб. 38 коп.
VII 1904	4 905 руб. 59 коп. ²⁶ 1 330 арш. холста, 3 рубашки, 5 арш. бумажной материи, 1 простыня и 3 мотка суровых ниток ²⁷	99 руб. 40 коп. ²⁸	64 руб. 43 коп. ²⁹	19 руб. 91 коп. ³⁰	5 089 руб. 33 коп. 1 330 арш. холста, 3 рубашки, 5 арш. бумажной материи, 1 простыня и 3 мотка суровых ниток
VIII 1904	2 322 руб. 91 коп. ³¹	–	78 руб. 18к. ³²	19 руб. 38 коп. ³³	2 420 руб. 47 коп.
IX 1904	650 руб. 76 коп. ³⁴	52 руб. 88 коп. ³⁵	17 руб. 23 к. ³⁶	19 руб. 51 коп. ³⁷	740 руб. 38 коп.
X 1904	1 317 руб. 76 коп. ³⁸	40 руб. 50 коп. ³⁹	66 руб. 88 коп. ⁴⁰	–	1 425 руб. 14 коп.
XI 1904	1 302 руб. 25 коп. ⁴¹	40 руб. 02 коп. ⁴²	14 руб. 29 коп. ⁴³	–	1 356 руб. 56 коп.
XII 1904	125 руб. ⁴⁴	–	101 руб. 09 коп. ⁴⁵	–	226 руб. 9 коп.

Месяц, год	Группа жертвователей				Всего
	Приходы	Монастыри	Учебные заведения	Администрация	
I 1905	–	–	–	–	–
II 1905	2950 руб. 68 коп. ⁴⁶ 618 арш. холста ⁴⁷	1171 руб. 28 коп. ⁴⁸	–	20 руб. 91 коп. ⁴⁹	4142 руб. 87 коп. 618 арш. холста
III 1905	2093 руб. 98 коп. ⁵⁰	1595 руб. 75 коп. ⁵¹	90 руб. 15 коп. ⁵²	20 руб. 91 коп. ⁵³	3800 руб. 79 коп.
IV 1905	542 руб. 53 коп. ⁵⁴	68 руб. 16 коп. ⁵⁵	53 руб. 03 коп. ⁵⁶	20 руб. 71 коп. ⁵⁷	684 руб. 43 коп.
V 1905	1462 руб. 50 коп. ⁵⁸	54 руб. 95 коп. ⁵⁹	15 руб. 89 коп. ⁶⁰	309 руб. 81 коп. ⁶¹	1843 руб. 15 коп.
VI 1905	1732 руб. 04к. ⁶²	172 руб. 02 коп. ⁶³	63 руб. 83 коп. ⁶⁴	20 руб. 71 коп. ⁶⁵	1988 руб. 60 коп.
VII 1905	2415 руб. 42 коп. ⁶⁶	81 руб. 18 коп. ⁶⁷	49 руб. 14 коп. ⁶⁸	–	2545 руб. 74 коп.
VIII 1905	2208 руб. 55 коп. ⁶⁹	121 руб. 59 коп. ⁷⁰	–	20 руб. 71 коп. ⁷¹	2350 руб. 85 коп.
IX 1905	578 руб. 75 коп. ⁷²	166 руб. 99 коп. ⁷³	22 руб. 91 коп. ⁷⁴	–	768 руб. 65 коп.
кон.1905	790 руб. 83 коп. ⁷⁵	22 руб. 34 коп. ⁷⁶	–	–	813 руб. 17 коп.
<i>Итого</i>	38954 руб. 77 коп. 3290 арш. холста, 5 арш. бумажной материи, 12 рубах, 1 простыня и 3 мотка суровых ниток	12463 руб. 42 коп.	915 руб. 94 коп.	1715 руб. 75 коп.	54049 руб. 88 коп. 3290 арш. холста, 5 арш. бумажной материи, 12 рубах, 1 простыня и 3 мотка суровых ниток

Примечания

- ¹ ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.1182. Л.1, 2, 4, 8, 12,13, 15, 22–26, 27, 30, 32, 37, 39, 48, 56, 59–60, 63, 131, 132, 136, 140–143, 147, 153, 160, 166, 173–174, 178, 189, 191, 198, 200, 201, 204, 209, 211, 220, 225, 230, 232, 236, 247, 252–256, 260, 272.
- ² Воробьёва Э. А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий). Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Новосибирск, 2009; Огорокова О. В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76). С. 168–171; Смирнова Е. А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне в 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Кострома, 2006; Фурсов В. Н., Ледовских Е. А. Благотворительная деятельность населения центрально-черноземных губерний в период русско-японской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. № 15 (186). Вып. 31. С. 123–127.
- ³ Ковалёв А. В. Денежные пожертвования жителей Калужской губернии на усиление флота в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2015. С. 126–130; Ковалёв А. В. Денежные пожертвования населения Калужской губернии на военные нужды в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный Завод — Калуга, 2–4 апреля 2013 г. Калуга, 2013. С. 211–214; Ковалёв А. В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Калуга в шести веках: материалы 9-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2013. С. 252–261; Ковалёв А. В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу семей участников русско-японской войны в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2013. С. 106–110.
- ⁴ Анисков А. С. Восточное направление внешней политики и российская провинция в 1907–1914 гг. (на материалах Калужской губернии) // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

- Сер. «Гуманитарные науки». 2017. № 11. С. 9–13; *Лебедев А. Г.* История благотворительной деятельности в Калужском крае как фактор обеспечения социальной стабильности российского государства в XVIII—начале XX века. Калуга, 2012; *Штена А. В.* Социальное служение Русской Православной церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX—начало XX века) / под общ. ред. протоиерея Р. Снегирёва. Калуга, 2007.
- ⁵ *Штена А. В.* Социальное служение Русской Православной церкви в Калужской епархии... С. 138–142.
 - ⁶ *Ковалёв А. В.* Пожертвования населения Калужской губернии в пользу Красного Креста... С. 260–261.
 - ⁷ Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). 1904. Оф. ч. № 4. 29.02.04. С. 77.
 - ⁸ КЕВ. 1904. Оф. ч. № 4. 29.02.1904. С. 62.
 - ⁹ Там же. Неоф. ч. № 3. 15.02.1904. С. 92.
 - ¹⁰ Там же. Оф. ч. № 4. 29.02.1904. С. 62, 77.
 - ¹¹ Там же. Оф. ч. № 5. 15.03.1905. С. 103.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Там же. Оф. ч. № 6–7. 15.04.1904. С. 123; Там же. Оф. ч. № 8. 30.04.1904. С. 150.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ Там же. Оф. ч. № 6–7. 15.04.1904. С. 123; Там же. Оф. ч. № 8. 30.04.1904. С. 150.
 - ¹⁷ Там же. С. 149–150.
 - ¹⁸ Там же. Оф. ч. № 9. 15.05.1904. С. 165–166; Там же. Оф. ч. № 10. 31.05.1904. С. 186–187; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 388, 389, 390; Там же. 1905. Оф. ч. № 1. 15.01.1905. С. 3.
 - ¹⁹ Там же. Оф. ч. № 9. 15.05.1904. С. 165; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 388; Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1904. С. 260; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 390.
 - ²⁰ Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1904. С. 260; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 390.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Там же. Оф. ч. № 12. 30.06.1904. С. 222, 223; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 391, 392; Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 404, 405.
 - ²³ Там же. Оф. ч. № 12. 30.06.1904. С. 223, 224; Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 405.
 - ²⁴ Там же. Оф. ч. № 12. 30.06.1904. С. 222; Там же. Оф. ч. № 21, 15.11.1904. С. 391; Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 405.
 - ²⁵ Там же.
 - ²⁶ Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1904. С. 259, 260; Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 405–408.
 - ²⁷ Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1904. С. 259.
 - ²⁸ Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 407.
 - ²⁹ Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1904. С. 260; Там же. Оф. ч. № 22. 30.11.1904. С. 407, 408.
 - ³⁰ Там же. С. 408, 409.
 - ³¹ Там же. С. 408.
 - ³² Там же. С. 408, 409.
 - ³³ Там же.
 - ³⁴ Там же. С. 409.
 - ³⁵ Там же. С. 409, 410.
 - ³⁶ Там же. С. 410.
 - ³⁷ Там же.
 - ³⁸ Там же. Оф. ч. № 24. 31.12.1904. С. 436, 437, 438.
 - ³⁹ Там же. С. 438.
 - ⁴⁰ Там же. С. 437, 438.
 - ⁴¹ Там же. С. 438, 439.
 - ⁴² Там же. С. 439.
 - ⁴³ Там же.
 - ⁴⁴ Там же. С. 433, 434; Там же. 1905. Неоф. ч. № 9. 15.05.1905. С. 272, 279; Там же. Оф. ч. № 15. 15.08. 1905. С. 331, 332.
 - ⁴⁵ Там же. Неоф. ч. № 4. 28.02.1905. С. 126.
 - ⁴⁶ Там же. Неоф. ч. № 9. 15.05.1905. С. 189–191, С. 272, 279; Там же. Оф. ч. № 14. 31.07.1905. С. 312.
 - ⁴⁷ Там же. С. 312.
 - ⁴⁸ Там же. Оф. ч. № 9. 15.05.1905. С. 189–191.
 - ⁴⁹ Там же. С. 190.
 - ⁵⁰ Там же. Неоф. ч. № 5. 15.03. 1905. С. 160; Там же. Оф. ч. № 11. 15.06. 1905. С. 252–255.
 - ⁵¹ Там же. С. 253–255.
 - ⁵² Там же. С. 253.

- ⁵³ Там же. С. 254.
⁵⁴ Там же. Неоф. ч. № 7–8. 30.04.1905. С. 239, 240; Там же. Оф. ч. № 12. 30.06.1905. С. 288, 289.
⁵⁵ Там же. С. 289.
⁵⁶ Там же. С. 288.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же. Оф. ч. № 13. 15.07.1905. С. 302, 303.
⁵⁹ Там же. С. 303.
⁶⁰ Там же. С. 302.
⁶¹ Там же. С. 302, 303.
⁶² Там же. Оф. ч. № 14. 31.07. 1905. С. 315, 316.
⁶³ Там же. С. 316.
⁶⁴ Там же. С. 315.
⁶⁵ Там же.
⁶⁶ Там же. Оф. ч. № 16. 31.08.1905. С. 353–355.
⁶⁷ Там же. С. 354–355.
⁶⁸ Там же. С. 354.
⁶⁹ Там же. Оф. ч. № 18. 30.09.1905. С. 381–383.
⁷⁰ Там же. Оф. ч. № 16. 31.08.1905. С. 353–355; Там же. Оф. ч. № 18. 30.09.1905. С. 381–383.
⁷¹ Там же. С. 382.
⁷² Там же. Оф. ч. № 20. 31.10.1905. С. 402, 403.
⁷³ Там же. С. 403.
⁷⁴ Там же. С. 402.
⁷⁵ Там же. Оф. ч. № 24. 31.10.1905. С. 457, 458; Там же. 1906. Неоф. ч. № 12. 30.06.1906. С. 443. Приложение. С. 1–19.
⁷⁶ Там же. 1905. Оф. ч. № 24. 31.10.1905. С. 458.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-х гг. И ИХ ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Ю. В. Кондратьев, аспирант,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

В 20-е годы прошедшего столетия в России протекали политические и экономические процессы, отразившиеся также и на административно-территориальной системе страны, неотъемлемой частью которой была и Калужская губерния.

Переход к новой экономической политике (нэпу) в 1921 г. усилил зажиточные элементы крестьянства и городского населения, увеличивалась их роль в политике. Это не могло нравиться руководству страны, заинтересованному в развитии политической активности прежде всего пролетарских и полупролетарских слоёв города и деревни. Однако оно могло предвидеть нежелательные последствия нэпа и принять соответствующие меры. Роль одной из таких мер и сыграли отчасти административно-территориальные преобразования, направленные на сокращение территориальных и административных единиц, усиление местных советских и партийных организаций.

Эти преобразования были задуманы ещё в ходе Октябрьской революции 1917 г., но их осуществление тормозила гражданская война. Поэтому основная часть их пришлась на 1920-е гг. В 1920 г. была создана Административная комиссия при Всероссийском Центральном исполнительном комитете (ВЦИК), занимавшаяся именно этими реформами административного деления страны.

Одним из теоретиков и практиков реформы был К. Д. Егоров, который впоследствии редактировал книгу «Районирование СССР»¹, где подводились итоги произошедших к тому времени административно-территориальных преобразований. «По Союзу в настоящее время уже образовано

105 округов и 1612 районов. При проведении районирования всего округов будет около 260 и районов около 4000, вместо существующих 65 губерний, 413 уездов, 105 округов, 1 612 районов и 5 000 волостей или по сравнению с 1917 г., вместо 101 губернии, 812 уездов и 16 700 волостей»², — отмечалось в книге.

К. Д. Егоров побывал в Калуге на IX губернском съезде Советов как председатель Организационного бюро Центрально-промышленной области (ЦЕПО) Госплана и выступил на заседании съезда 17 декабря 1923 г. Это событие находит отражение в материалах областных архивов, в частности, Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)³. Доклад был посвящён будущему делению Калужской губернии на районы и упразднению волостной системы.

Из этого доклада мы узнаём, что к тому времени Госпланом было запроектировано создание 21 области. В основу нового деления страны этим органом был положен экономический принцип районирования. «Областное деление строится по определённому экономическому уклону входящих в её состав губерний. Отсюда ясно... что область представляет вполне конкретную производственную единицу, — этим новая работа по районированию отличается от старой»⁴, — говорил докладчик. Он также назвал и другие единицы нового административного деления — округ и район. Округ, по его словам, есть нечто среднее между областью и губернией. «Калужская губерния с прирезкой Брянской будет округ»⁵. Район же представляет собой наименьшую единицу деления. Таким образом, Госплан как хозяйственный, экономический орган выступал за экономический принцип районирования страны. К. Д. Егоров выступал за резкое сокращение волостей и волисполкомов, однако при этом подчёркивал, что исходит не из качества работы служащих, а из экономической слабости данных территорий⁶.

В период с 1923 по 1925 г. число уездов в РСФСР сократилось с 602 до 426, а волостей — с 9 599 до 4514. В Калужской губернии число уездов сократилось с 11 до 10, число волостей — со 167 до 64⁷. Однако полного перехода на новую систему ещё не было, так как сохранялись губернии. Этот переход был предпринят в 1930-е гг., но вряд ли его результаты могут быть названы успешными для страны, ибо, несмотря на создание новых административных единиц и укрепление местной власти, новые регионы не смогли стать хозяйственно однородными, местное производство развивалось слабо, преобладали административно-командные, а не экономические методы управления. Но это уже тема для отдельного исследования с иными хронологическими рамками.

В 1920-е гг. разворачивалось соперничество двух ведомств, ответственных за проведение административно-территориальной реформы. Это были Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), которому подчинялась тогда Административная комиссия, и Государственный плановый комитет (Госплан). НКВД выступал за то, чтобы реформа проводилась губернскими административными комиссиями, Госплан хотел подчинить её проведение губернским плановым комитетам (губпланам). В связи с этим был поднят вопрос и об определении самого понятия «город». Административная комиссия при НКВД составила «Положение о категориях населённых мест РСФСР». Комиссар НКВД А. Белобородов составил при этом ходатайство во ВЦИК от 13 июня 1924 г., прилагая его к данному «Положению...». Это ходатайство сохранилось в фондах Государственного архива Российской Федерации. В нём, в частности, говорится: «За период революции (с 1917 по 1920 гг.) число городов чрезвычайно увеличилось (с 982 до 1311) благодаря тому, что ЦСУ⁸ занесло в список городских посёлков много мест, числившихся прежде селениями (ср. Ежегодник ЦСУ за 1918–1920 гг. с перечнем городов МВД, Петроград 1911 г.)»⁹. При этом нарком сетовал, что губисполкомы не воспользовались этим шагом ЦСУ в целях налогообложения, хотя и считал это увеличение числа городов неправильным. Такой подход к делу характерен для административного, а не экономического образа мышления.

Губернские административные комиссии создавались в 1920 г. и существовали не везде. Сама их деятельность чётко не регламентировалась законодательством, в связи с чем их функции зачастую выполняли губпланы. Во многом это и определяло соперничество НКВД и Госплана. Из материалов ГАРФ мы узнаём, что в 1920 г. Калужская губернская административная комиссия составила проект нового деления Спас-Деменского уезда, утверждённый центром 6 марта 1920 г.¹⁰ «Других изменений, утверждённых центром, не было»¹¹.

Исследователи отмечают, что к концу 1920-х гг. «экономические мотивы районирования стали уступать место политико-административным интересам выстраивания системы централизованного руководства страной»¹². В июле 1929 г. Калужская губерния была упразднена.

Таким образом, при проведении административно-территориальных преобразований 1920-х гг. в Калужской губернии, как и в стране в целом, сочетались два основных принципа — экономический и административный. Реализация первого достигалась за счёт создания территориальных объединений, тяготеющих друг к другу на основе того или иного рода занятий населения. Административный принцип был реализован через сокращение числа волостей, уездов и губерний с целью укрепления центральных и местных органов власти. Политическое обоснование реформы состояло в том, чтобы упрочить положение городов как местонахождения опоры власти — рабочего класса и снизить влияние деревни (точнее, зажиточных её элементов) в политической жизни страны.

Примечания

- ¹ Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / под ред. К. Д. Егорова. М. — Л., 1926.
- ² Районирование СССР... С. 7.
- ³ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 73.
- ⁴ Там же. Д. 73. Л. 69.
- ⁵ Там же. Д. 73. Л. 70.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И. История крестьянства Западного региона России. 1917–1941. Калуга, 2002. С. 268.
- ⁸ Центральное статистическое управление. — *Прим. авт.*
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 86. Д. 1041. Л. 12.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова и др. Калуга, 2014. С. 228.

ОХРАНА ГРАНИЦЫ И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ

А. Г. Лебедев,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы
и социальных технологий Института социальных отношений;*

Ю. А. Гапонова, студентка,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Несмотря на современное относительное удаление Калужской области от государственной границы Российской Федерации, в историческом прошлом по территории Калужского края проходили рубежи целого ряда как русских, так и иноземных государственных образований. Это Черниговское, Смоленское, Владимиро-Суздальское (позже Великое княжество Московское) и даже Рязанское княжество. Здесь же проходила граница с Великим княжеством Литовским, а после его унии с Польшей — Речью Посполитой. Эти изменения приводили к тому, что отдельные населённые пункты становились пограничными то у одного, то у другого княжества. Например, Калуга сначала была пограничной крепостью Черниговского, а после его распада Новосильского княжества, а затем Великого княжества Московского. Приграничное положение населённых пунктов наложило отпечаток на характер и менталитет местного населения, что нашло отражение на его воинском умении, стойкости во время военных столкновений. Достаточно вспомнить семинедельную оборону Козельска (пограничной крепости Черниговского княжества) от монгольских завоевателей и последующую многовековую борьбу с набегами крымских татар.

Это обстоятельство явилось причиной зарождения регулярной пограничной службы России именно на Калужской земле. Хотя первые сведения о пограничной страже на юге Московской Руси относятся к 1360 году, однако прочная сторожевая служба в Московском государстве появилась лишь в 1571 г. при Иване IV Грозном. Её создателем стал по приказу царя легендарный князь Михаил Иванович Воротынский: гроза крымских татар, именем которого крымские матери пугали своих детей. Михаил Иванович Воротынский разработал утверждённый царём устав пограничной службы. [1, С. 33–35], в соответствии с которым на южной границе были созданы две линии укреплений в виде лесных засек, состоявших из поваленного леса, а также защитных сооружений на бродах рек и важных дорогах, ведущих с юга в центр страны. В числе других оборонительных мер практиковалось также сжигание травы, чтобы лишить корма татарскую конницу. В знак признания заслуг М. И. Воротынского в деле создания пограничной службы России он именуется у современных стражей границы пограничником номер один. Имя князя Михаила Ивановича Воротынского было увековечено в памятнике «Тысячелетие России», установленном в Новгороде в 1862 г., где имеется его горельефное изображение. Таким образом, он стал первым из двух уроженцев Калужского края, по достоинству занявших место среди 128 выдающихся россиян, внёсших наибольший вклад в её историю. Вторым калужанином, удостоившимся чести быть изображённым на этом памятнике, является адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин.

На разных этапах истории нашего Отечества пограничники покрыли себя неувядаемой славой. Во все времена они являлись элитными воинскими подразделениями, которые комплектовались по особому набору. Это позволило сохранить костяк пограничной службы и в период бурных революционных событий 1917 г., а также последовавшей Гражданской войны.

Примеры решительных действий представителей пограничников имеются и на Калужской земле. В ноябре 1918 г. странами Антанты к югу от Москвы в Калужской, Тульской и Смоленской губерниях был подготовлен мятеж с целью отрезать Москву от юга страны, откуда поступал хлеб, каменный уголь и нефть. Центром выступления должны были стать Медынский и Боровский уезды Калужской губернии. Образованная за несколько месяцев до этого Калужская губчека не сумела выявить и предупредить это выступление. С самого начала мятеж сопровождался кровавыми расправами с представителями новой власти и лицами, им сочувствовавшими, а то и невинными людьми. Мятежники сумели где силой и угрозами, а где хитростью собрать довольно значительные силы. Однако они не имели достаточно оружия, которое они надеялись получить в Медыни. Поэтому её захват имел для них первостепенное значение. Местные руководители не смогли организовать оборону города. Эту задачу с риском для жизни выполнил унтер-офицер пограничной стражи, находившийся в отпуске в Медыни. Под его руководством защитники города сумели продержаться до подхода батальона губчека и других советских войск, которые разгромили мятежников.

Неувядаемой славой покрыли себя пограничники в годы Великой Отечественной войны. Фашисты смогли пройти через границу СССР только по трупам советских пограничников. В числе этих героев был и уроженец Малоярославца Василий Васильевич Петров, заместитель политрука 7-й заставы 90-го Владимир-Волынского погранотряда. 22 июня 1941 г. он успешно отбивал атаки батальона врага, уничтожив при этом более роты фашистов. Враги смогли заставить замолчать его пулемёт только с помощью артиллерии. Попавший в плен во время боёв на участке границы, где совершил свой подвиг В. В. Петров, немецкий фельдфебель на допросе показал: «Нигде, никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства... советского пограничника можно было захватить только при двух условиях: когда он был уже мёртв либо если его ранило и он находился в тяжёлом

Горельеф с изображением князя М. И. Воротынский на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

В. В. Петров

В. В. Жабо

бессознательном состоянии» [10, С. 110–111]. В. В. Петрову было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Высокая оценка подвига нашего земляка представляет особую ценность на фоне описанного ранее массового героизма пограничников. История отмечает, что ни одна из оставшихся застав на границе не отступила без приказа.

В дальнейшем во время Великой Отечественной войны подразделения пограничников и их отдельные представители принимали участие во многих сражениях, в том числе на территории Калужского края. Особенно высокой оценки заслуживают подвиги капитана-пограничника Владимира Владиславовича Жабо. Он командовал сводным диверсионным отрядом численностью 300 человек, разгромившим 24 ноября 1941 г. штаб 12-го немецкого корпуса в Угодском Заводе. Захваченные при этом важные документы позволили советскому командованию правильно выбрать время для контрнаступления под Москвой. В своей книге «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков писал: «...Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов, как лучше выполнить поставленную задачу. Операция была успешно выполнена» [2, С. 194–195]. Командующий 30-й армией Д. Д. Лелюшенко прямо указывает на конкретные действия отряда под руководством В. В. Жабо в полосе действий его армии [8, С. 122]. За эту и другие успешные операции, проведённые на территории Калужского края и ряда соседних областей, 2 декабря 1941 г. В. В. Жабо был награждён орденом Ленина, а 2 февраля 1942 г. — орденом Красного Знамени. Героический пограничник, будучи командиром 49-й механизированной бригады 6-го Гвардейского Краснознамённого механизированного корпуса Брянского фронта, погиб 8 августа 1943 г. в бою на Орловско-Курской дуге в звании гвардии полковника.

Он был представлен к ордену Отечественной войны II степени (посмертно). За свою короткую боевую биографию В. В. Жабо, кроме того, был награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны».

Славные традиции пограничных войск свято чтут ветераны и молодое поколение. Молодые калужане проходят обучение и подготовку к нелёгкой пограничной службе в специализированном кадетском классе Калужского кадетского многопрофильного техникума.

Список литературы

1. *Баталин А. М.* Город Воротыньск и князя Воротыньские в истории России. Калуга: Золотая аллея, 1995.
2. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 8-е изд. М.: Издательство АПН, 1987.
3. Знаменитые калужане: монография / Ю. И. Зельников. Калуга: Золотая аллея, 2013. С. 36, 38.
4. История Калужской партийной организации (иллюстрированный очерк). Тула: Приокское книжное издательство, 1978. С. 144.

5. Калужская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: фотоальбом / Т. В. Романова; сост. Т. В. Романова. Калуга: Ноосфера, 2015. С. 5, 70.
6. Калужская энциклопедия / под. ред. В. Я. Филимонова. Калуга: Издательство Н. Ф. Бочкарёвой, 2000. С. 112, 179.
7. Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова и др.; редкол. В. Я. Филимонов (отв. ред.), М. А. Казак, Д. Э. Миронов. Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014.
8. *Лелюшенко Д. Д.* Москва. Сталинград. Берлин. Прага: записки командарма. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1973.
9. Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г. Н. Симаков, К. Н. Маслов, В. И. Боярский и др.; под общ. ред. В. Е. Проничева; Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Погранич. научно-исслед. центр. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009. С. 1130–132, 176.
10. *Сечкин Г. П.* Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993.
11. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков и др.; редкол. В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЧК КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. Г. Лебедев,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы
и социальных технологий Института социальных отношений,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

20 декабря исполняется 100 лет Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с подрывными действиями внешней и внутренней контрреволюции, деятельность которых направлялась и поддерживалась иностранными разведками, выполнявшими задание своих правительств по расчленению и дальнейшему порабощению России. Причём этим занимались как кайзеровская Германия, так и страны Антанты. В их арсенале были организации мятежей, заговоров, террора, диверсии. С помощью этих средств они пытались в очередной раз осуществить свою многовековую мечту о лишении России государственной самостоятельности.

Для противодействий этим планам 20 декабря 1917 г. и была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). В силу ряда обстоятельств создание подразделений ВЧК на местах, в том числе в Калуге, затягивалось. Однако стремительное развитие событий заставляло местные власти срочно создавать таковые. В Калуге одним из таких поводов послужил мощный взрыв на Бобруйском артиллерийском складе 14 мая 1918 г. в результате которого у значительной части домов города были выбиты стёкла. Оценивая эту диверсию, отвечавший за оборону Республики царский генерал Бонч-Бруевич в докладе Совнаркому прямо указал, что она была осуществлена разведкой немцев в преддверии планировавшегося ими наступления на Москву.

Одним из первоочередных объектов устремлений врагов являлись железные дороги, поэтому уже в июне 1918 г. ВЧК вышла в Совнарком с предложением передачи охраны железных дорог Республики в её руки. В Калуге, где находилось управление Сызрано-Вяземской железной дороги, транспортный подотдел при губчека был создан 1 октября 1918 г. [1].

К этому времени положение с охраной грузов на железной дороге было катастрофическое. «Исчезали» целые составы, как это случилось в конце 1918 г. с продовольственным поездом для Москвы, который выехал из Пензы в Калугу. Подобная картина наблюдалась и на других железных дорогах. В связи с этим, а также с усилением иностранной интервенции и ростом числа диверсий на железных дорогах Совет обороны потребовал с 1 апреля 1919 г. активизации охраны и защиты железных дорог. В Калуге в соответствии с этим требованием 26 мая 1919 г. была создана самостоятельная Транспортная чрезвычайная комиссия при управлении Сызрано-Вяземской железной

дороги, которая наряду с другими крупными чрезвычайными комиссиями на транспорте получила название районной (сокращённо РТЧК). Согласно приказу ВЧК № 3 от 20 мая 1919 г., её временно разместили в здании губчека на пересечении улиц Софьи Перовской и Урицкого, дом № 21 (название улиц даётся согласно тому времени). По воспоминаниям одного из ветеранов «сотрудники для неё в количестве 3-х человек прибыли в Калугу с мешком канцелярских принадлежностей и 4-мя фунтами хлеба».

С целью скорейшего налаживания работы РТЧК калужане обратились за помощью к руководству Смоленской, Тульской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Пензенской и Симбирской губерний, по территории которых проходила железная дорога, с просьбой выделить надёжных товарищей на работу в РТЧК, что и было исполнено. Последовавшие события подтвердили своевременность этих мер.

Наступление армии Деникина и рейд по тылам Красной армии конницы Мамонтова сделали эту дорогу прифронтной, и чекистам с оружием в руках пришлось отбивать стремление отдельных казачьих разъездов перерезать дорогу. Успешно была отбита попытка мамонтовцев захватить мост через Оку у города Алексин в Тульской губернии на границе с Калужской губернией, в Жиздринском уезде которой они уже появлялись. Единственными «успехами» казаков явились лишь ограбления нескольких пассажирских поездов. Отряд РТЧК принимал участие в ликвидации прорыва конницы Мамонтова в Ельце, после чего чекисты под прикрытием небольшого отряда приняли участие в восстановлении железнодорожных путей на протяжении 320 вёрст, проводя одновременно разведку прилегавшей местности и очищая её от белогвардейцев.

На завершающем этапе Гражданской войны и с началом мирного строительства Сызрано-Вяземская железная дорога сохранила своё важное стратегическое значение. В 1920 г. она интенсивно использовалась для перевозки войск и военных грузов из глубинных районов страны на западный фронт. Во время голода в Поволжье по ней шла доставка помощи голодающим.

Охрана дороги осложнялась тем, что она проходила в районе действий банд Антонова. Чекисты РТЧК принимали непосредственное участие в боях с этими бандами.

С началом голода в Поволжье по Сызрано-Вяземской железной дороге поступали грузы, в первую очередь продовольственные, для голодающих. На железной дороге в этот период резко возросло количество их хищений. Руководство губернии в связи с этим предприняло ряд мер для ликвидации такого положения. Были созданы специальные комиссии из представителей администрации губернии и губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, деятельность которых позволила избавиться от ненадёжных элементов в железнодорожной охране. Из 382 человек был уволен 51 охранник. Сопровождение и охрану продовольственных маршрутов поручили батальону войск ВЧК при РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги. Была усилена оперативно-розыскная деятельность, что позволило вскрыть несколько групп, занимавшихся уже продолжительное время хищениями на железной дороге. На станции Калуга, к примеру, действовала большая и хорошо законспирированная группа расхитителей грузов, в том числе и продовольственных. В неё входили не только железнодорожники, но и представители учреждений грузоотправителей и грузополучателей. Вагоны умышленно загонялись на неохраняемые пути, где их содержание становилось лёгкой добычей расхитителей. Отмечались случаи, когда на дороге бесследно исчезали целые составы с продовольствием, при этом составлялись ложные акты об утере грузов [4]. Кроме Калуги, аналогичные группы были вскрыты на станциях Моршанск и Пенза. В Пензе был обнаружен большой запас продуктов и других вещей у помощника начальника 8-го участка пути. На станции Калуга была раскрыта преступная группа подростков от 16-ти лет и старше, занимавшаяся продолжительное время разграблением железнодорожных вагонов. Масштабы деятельности группы были значительны. Так, только в один из дней ими были сорваны пломбы с 20 вагонов, то есть содержимое вагонов было попросту расхищено [2].

Благодаря предпринятым мерам сразу резко сократилось количество хищений: со 183 в январе 1921 г. до 46 в феврале, при этом уменьшилось количество похищенного, соответственно с 3289 пуд. до 723 пуд. 18 фунтов. Было обнаружено похищенного в январе 247 пуд. 11 фунтов и 65 пуд. 9 фунтов в феврале. В целом число хищений сократилось на 74,87%, а количество похищенного на 77,75% [5].

Кроме борьбы с криминалом, чекисты приняли участие в широко развернувшейся тогда кампании по оказанию помощи голодающим Поволжья. Так, по сообщению газеты «Коммуна» № 171 от 8 августа 1921 г. сотрудники губернской ЧК единогласно постановили: «отчислить голодающим Поволжья, в том числе и беспризорникам, 50% месячной зарплаты и мануфактуру по развёрстке: платков вязаных — 42 шт., ситцевых — 63 шт., полотняных — 8 шт., шапок — 7 шт., 4 пары перчаток и 8 пар дамских башмаков [3]. В номере «Коммуны» № 192 от 1 сентября 1921 г. сообщалось, что транспортное подразделение ДТЧК выделило для этих же целей 147 тысяч 120 рублей, а ОДТЧК станции Калуга, соответственно, 3 793 рублей [3]. В номере газеты «Коммуна» № 214 от 27 сентября 1921 г. сообщалось о добровольном пожертвовании батальона ВЧК, дислоцированного в Калуге, 79 пудов и 8 фунтов и 589 тысяч 890 рублей. В следующем номере этой же газеты сообщалось о постановлении собрания личного состава этого же батальона об отчислении в пользу голодающих двухдневного пайка хлеба и месячного оклада жалования, а также об устройстве платных вечеров и спектаклей, средства от которых также перечислялись голодающим. 10 ноября того же года газета «Коммуна» (№ 250) сообщала об ежемесячном отчислении голодающим двухдневного пайка хлеба губернской ЧК.

На одном из собраний чекисты-транспортники постановили сдать в фонд помощи голодающим все личные золотые и серебряные вещи. Пожертвования чекистов направлялись в первую очередь на оказание помощи беспризорным детям. Следует отметить, что сами чекисты в это время получали полфунта хлеба и миску щавелевого бульона. Одновременно не ослабевала работа по борьбе с хищениями и спекуляцией продовольствием. Всего только на начальном этапе борьбы с голодом в Поволжье РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги изъяла у спекулянтов продовольственных товаров, а также золота и серебра на 3 млн рублей.

Несмотря на загруженность по работе чекисты-транспортники умудрялись принимать участие в субботниках. Лишь в периоды наибольшего напряжения в работе, таких как борьба с прорывом конницы Мамонтова летом 1919 г., они вместо непосредственного участия в субботниках решили отдавать свою зарплату за эти дни на нужды Красной армии [6]. В тяжёлую для работы транспорта зимнюю пору чекисты принимали непосредственное участие в борьбе со снежными заносами, а также в заготовке дров для паровозов. Для обеспечения ритмичного движения поездов составлялись ежедневные сводки для информирования железнодорожной администрации на местах и в центре. В сводках наряду с вопросами борьбы с бандитизмом, спекуляцией, хищениями, должностными преступлениями отражались нарушения графика движения поездов и их причины.

Результаты деятельности РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги опровергают измышления современных и прежних недоброжелателей чекистских органов об их кровожадности. Так, в отчёте РТЧК за первый год своей деятельности сообщается лишь об одном случае применения высшей меры наказания. В период борьбы с прорвавшейся конницей Мамонтова, начальник станции Тяги отказался предоставить 2 паровоза для срочной транспортировки кавалерийских подразделений на ст. Пенза, что задержало их прибытие на 12 часов. Это произошло несмотря на наличие свободных паровозов на станции. По законам военного времени саботажник был расстрелян [8].

Деятельность РТЧК получила высокую оценку в Москве в центральном аппарате транспортных ЧК. По его распоряжению бессменный руководитель РТЧК Равинский в сентябре 1919 г. был переведён вместе с четырьмя своими подчинёнными на Рижско-Орловскую железную дорогу. Начальником РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги был назначен В. И. Шацкий [9].

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 428. Л. 4.
3. Газета «Коммуна» № 171 от 08.08.1921 г.
4. «Коммуна» № 192 от 01.09.1921 г.
5. «Коммуна» № 214 от 27.09.1921 г.
6. «Коммуна» № 215 от 28.09.1921 г.
7. «Коммуна» № 250 от 10.11.1921 г.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 72. Л. 32.
9. Там же. Л. 69.

СПЛОШНОЕ РАЗМИНИРОВАНИЕ ОБЛАСТЕЙ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ В СЕРЕДИНЕ — КОНЦЕ 1940-х гг.*

И. В. Кометчиков,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

Развернувшиеся в Верхнем Поочье битвы за Москву, Ржев, Курск, сражения меньшего масштаба Великой Отечественной войны оставили после себя огромное количество мин, неразорвавшихся снарядов, оружия и военной техники. Их обезвреживание явилось условием налаживания мирной жизни. В литературе этот сюжет военной и послевоенной истории Верхнего Поочья зачастую освещается панегирически¹, что затрудняет понимание того, кто и как производил разминирование. Разобраться в этом позволяют рассекреченные документы центральной, региональной и районной партийной и советской власти, военных структур, Осоавиахима СССР из федеральных и региональных архивов.

Разминирование Верхнего Поочья началось в ходе его освобождения от гитлеровской оккупации в конце 1941 — начале 1942 г., когда инженерно-сапёрные части Брянского, Центрального и Западного фронтов делали проходы в минных полях, разминировали населённые пункты, наиболее важные объекты транспортной инфраструктуры, обеспечивая прежде всего ведение боевых действий. Сплошное разминирование, под которым понималась «очистка всей освобождённой от противника территории от мин, неразорвавшихся артиллерийских снарядов, авиабомб, миномётных мин и других боеприпасов»², считалось делом тыловых подразделений управлений оборонительного строительства РККА, внутренних войск НКВД, истребительных батальонов, формирований МПВО, пожарных команд, а также команд, сформированных из гражданского населения.

Ещё до издания постановлений ГКО 1944 г., возлагавших ответственность за сплошное разминирование на организации Осоавиахима СССР, тыловые инженерно-сапёрные части очистили от взрывоопасных предметов значительные площади. В Московской области инженерными частями в 1942–1943 гг. было разминировано 3 928 кв. км, снято и уничтожено 832,1 тыс. взрывоопасных предметов. В 1944–1945 гг. ими было проверено 1 302 кв. км, обезврежено около 28 тыс. взрывоопасных предметов³. В Тульской области в 1943–1944 гг. инженерные части разминировали 1 770 минных полей на площади 20,5 кв. км, проверили 4 494 кв. км, 539 населённых пунктов, 2 234 пог. км дорог, 24 моста⁴. 27-м Управлением оборонительного строительства Резерва Главного Командования в октябре — ноябре 1943 г. на бывшем оборонительном рубеже Центрального фронта в Орловской области было снято около 300 тыс. мин и собраны боеприпасы, а в 1944 г. воинские части вели работы по сплошному разминированию, как минимум, в 22-х её районах⁵. В Калужской области в 1944 г. военные проверили и очистили 4 136 кв. км площади, 1 637 пог. км дорог, 329 населённых пунктов, обезвредив 721,2 тыс. мин и снарядов⁶.

Уже в начале 1942 г. военное командование начало привлекать к разминированию, сбору боеприпасов и оружия гражданское население, что определялось высокой актуальностью задачи разминирования и скудостью кадровых и материальных ресурсов, которыми могли располагать власти для её решения. Так, в Смоленской области (куда до 5 июля 1944 г. входила часть районов нынешней Калужской области) было подготовлено 996 разминёров (так называли минёров-общественников), в Орловской — 237⁷. В Тульской области курсы минёров организовывались трижды, в том числе в 1943 г. подготовку прошли 24 человека⁸. Исключение составляла, пожалуй, лишь Московская область, где только с марта по июнь 1942 г. 4337 разминёров обезвредили около 190 тыс. мин.⁹ Значительное количество населения участвовало в различных вспомогательных работах — ограждении заминированных участков, их охране, транспортировке собранных боеприпасов и т. д.

Массовое привлечение гражданского населения к сплошному разминированию в регионах Верхнего Поочья было организовано в 1944 г. Постановлениями ГКО от 19 февраля № 5215 и от 19 сентября 1944 г. № 6564 эта задача возлагалась на организации Осоавиахима СССР. Согласно им,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20–09–00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х — 1960-е гг.)»

инструкторов и бойцов-минёров следовало готовить в добровольном порядке из преимущественно членов Осоавиахима не моложе 15 лет, способных выполнить эту работу, без отрыва от производства. Работу по разминированию следовало вести на общественных началах, но разминёрам полагался продовольственный паёк по норме промышленных рабочих¹⁰.

Зная о кадровой, организационной и материально-технической слабости структур Осоавиахима, обкомы ВКП(б) и облисполкомы обязывали РК ВКП(б), областные и районные военкоматы оказывать им содействие, запуская повинностный механизм комплектования и организации работы команд разминёров. Так, в Орловской области к началу апреля 1944 г. команды разминёров формировали два ведомства: облвоенкомат и облсовет Осоавиахима. Так как райвоенкомы располагали гораздо большими возможностями по подбору подходившего для этой работы контингента, им удалось сформировать команды в 49 районах численностью 1245 чел. Райсоветы Осоавиахима создали команды в 23 районах в составе 582 чел.¹¹ В Калужской области во второй половине 1944 г. в четырнадцати районах работало 475 разминёров-осоавиахимовцев¹², в Московской — 2276¹³, в Тульской их было подготовлено 228¹⁴. Зачастую райвоенкоматы мобилизовали для работ по разминированию допризывников до направления их в Красную армию, хотя согласно постановлениям ГКО 1944 г., участие в разминировании носило добровольный характер. В Орловской области формирование строительных батальонов из призванных, но ещё не отправленных в РККА людей стало практиковаться ещё в начале 1942 г. по инициативе секретаря обкома ВКП(б) В. И. Бойцова¹⁵.

Несмотря на возложение ответственности за сплошное разминирование на Осоавиахим, ведущую роль в этом деле по-прежнему играли военные. На инженерные части постановлением ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. возлагалось разминирование бывших рубежей обороны (своей и противника), отличавшейся высокой плотностью и сложностью.

Каков же был вклад военных сапёров и минёров из числа гражданского населения в дело разминирования Верхнего Поочья? Документация областных Советов Осоавиахима и воинских частей показывает, что инженерными частями армии была проделана самая объёмная и сложная работа по разминированию прежде всего бывших рубежей обороны. Минёры Осоавиахима в основном сосредоточились на очистке минных полей невысокой плотности, сборе на местности взрывоопасных предметов. Так, по данным Калужского облсовета Осоавиахима, из общего числа 4,63 млн снятых и уничтоженных в 1944–1946 гг. взрывоопасных единиц, на счету команд Осоавиахима было 1,43 млн из 13,6 тыс. кв. км разминированной, проверенной и очищенной площади — 6,2 тыс. кв. км. Причём из 2,37 млн мин осоавиахимовцы сняли и уничтожили 0,58 млн¹⁶. В Орловской области, судя по отчёту облсовета Осоавиахима о разминировании в 1944–1946 гг., из 2,7 млн обнаруженных взрывоопасных предметов военные сапёры уничтожили 0,7 млн очистив 101 кв. км, в то время как команды Осоавиахима 2 млн и 38 кв. км соответственно¹⁷. При этом согласно отчётности Окружного инженерного управления МВО о ходе разминирования на Орловщине в 1946 г., направлявшейся в ЦК ВКП(б), военные сапёры существенно превосходили по объёмам выполненных работ команды Осоавиахима¹⁸.

Работа по разминированию велась преимущественно вручную, часто при помощи шупа, представлявшего собой заострённый металлический стержень на длинном древке, которым разминёр под углом прокалывал почву. Согласно инструкциям, один укол следовало делать на расстоянии не менее 10 см от другого, то есть на одну сотую гектара должна была приходиться тысяча уколов. Щуп проникал в почву на 10–20 см, что во многих случаях было недостаточно для обнаружения взрывоопасных предметов. После обнаружения щупом какого-либо препятствия минёр окапывал его, убеждаясь в его безопасности. Если обнаруживалась мина, то её следовало из укрытия сдёрнуть с места кошкой — стальным якорем на длинной верёвке. Распространённым способом обнаружения боеприпасов на местности было выжигание травы и кустарника.

Имевшиеся в инженерно-сапёрных частях и командах Осоавиахима миноискатели (например модели ВИМ-203) были технически несовершенны, их невозможно было использовать в сырую погоду, при высокой растительности, они обнаруживали взрывоопасные предметы на глубине не более 20 см. Кроме того, их не хватало. Технически сложные средства разминирования использовались слабо. Так, танки-тральщики прибыли в Калужскую область к осени 1946 г., когда запланированные работы были уже практически выполнены¹⁹.

Массовое привлечение к работам по разминированию гражданского населения, часто не обладавшего достаточной квалификацией, длительность сроков установки мин, отсутствие во многих случаях необходимости скрытного ведения работ обусловили эволюцию методики разминирования. В 1942–1943 гг., когда разминирование часто велось в боевых условиях, преобладающим способом разминирования считалось снятие большинства мин для повторного использования. Большинство из распространённых на территории областей Поочья отечественных мин типа ПМД, ПОМЗ-2, ЯМ-5, ТМ-35, ТМБ-2, ТМ-41 рекомендовалось снимать путём удаления взрывателя при отсутствии внешних повреждений²⁰. Так же следовало поступать с немецкими минами типа SMi-35, TМи-35, TМиZ-42, ПТМ в деревянных корпусах (Holzmine-42 или V. V. Mi-1), минами типа ПОМЗ-2²¹. На месте подрывались повреждённые мины, представляющие опасность при обезвреживании, минные поля из мин типа ПМД-6, неразорвавшиеся авиабомбы, снаряды, миномётные мины, гранаты и т. д. С весны 1944 г. подрывать на месте рекомендовалось все обнаруженные мины²². Однако воинские части и команды Осоавиахима начали так поступать лишь в конце 1944 — начале 1945 г.

1944–1946 гг. стали наиболее интенсивным периодом работ по разминированию, когда, по далеко не полным данным, в Калужской, Московской, Орловской и Тульской областях было обезврежено около 7,3 млн взрывоопасных предметов, а в 1942–1950 гг. — около 8,5 млн²³. Основное внимание уделялось очистке пашни, лугов, выпасов и т. д., так как от этого зависело выполнение планов поставки сельскохозяйственных продуктов государству колхозами и совхозами.

Результаты работ были утверждены в конце 1946 г. актами об окончательном разминировании областей. Однако к маю 1948 г. в Калужской области не обрабатывалось из-за засорённости взрывоопасными предметами 1170 кв. км в 12-ти районах²⁴. В Орловской области в 1949 г. планировалось разминировать 143 кв. км, в 1950 г. — 164 кв. км²⁵.

Важной причиной того, что власти были вынуждены вновь вернуться в конце 1940-х гг. к проблеме разминирования, стал подход к её решению, когда критерием завершённости разминирования была не полная очистка территории, а прекращение подрывов населения, скота и сельхозтехники. По мере введения в сельскохозяйственный оборот ранее не проверявшихся площадей подрывы возобновлялись, поэтому по согласованию с региональными партийными и советскими органами командование инженерных частей Московского и Воронежского военных округов сосредоточило внимание на выявлении пропущенных ранее минных полей, отдельных мин и боеприпасов, обезвреживании мин и фугасов глубокой установки, очистки труднодоступных участков сельхозугодий, лесов, полос отвода автомобильных и железных дорог и т. д.

Основная тяжесть работ вновь легла на военно-инженерные части. Так, в сентябре 1949 г. в разминировании территории Калужской области было задействовано 408 военных сапёров и помогавших им 108 минёров Досарма²⁶. В 1949–1950 гг. в Орловской области работало 1 012 военных сапёров, а минёров Досарма — 785²⁷. К тому же после разделения Осоавиахима на несколько оборонно-спортивных организаций ответственность за организацию работ по окончательному разминированию была возложена на командующих войсками военных округов. Постановлениями Совета министров СССР от 28 августа 1949 г. № 13573-рс, от 29 июня 1950 г. № 2834–1130сс и Совета министров РСФСР от 10 июля 1950 г. № 810–60сс им давалось право привлекать к работам по разминированию обученных сапёров-добровольцев Досарма в составе воинских команд и под руководством офицеров инженерных частей. Самостоятельная работа минёров-добровольцев запрещалась, их труд стал оплачиваться²⁸. Ведение работ подразделениями, укомплектованными опытными кадрами и специализированным оборудованием, почти исключило потери.

Постановления 1949–1950 гг. сформировали основу реализуемого в последующем механизма разминирования по заявкам органов власти и хозяйственных организаций преимущественно силами и средствами специализированных структур за плату, что говорило об уходе в прошлое чрезвычайных методов решения проблемы разминирования, замены внеэкономических форм привлечения к этой работе экономическими.

Примечания

¹ Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1970. С. 323–324; Писаренко И. С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны. Калуга, 1998. С. 68–69;

- Гущина Н. В., Дроздов В. Н. 90 лет на службе Отечеству. История Калужской оборонной организации / гл. ред. А. Б. Капустин. Калуга, 2017. С. 61–63; *Полынкин А.* Покровский край в годы Великой Отечественной войны. Орёл, 2015. С. 200–207; *Гусев А. В.* Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.) / науч. ред. Е. Ю. Волкова. Кострома, 2012. С. 59–88. И др.
- ² Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей) М., 1943. С. 2–3; Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства) М., 1944. С. 3; *Семёнов Г. И., Радевич Л. Г.* Как уберечься от подрыва на минах (памятка для населения районов, освобождённых от немецких захватчиков) М., 1944. С. 23.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 196. Л. 51 об.
- ⁴ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 196. Л. 129.
- ⁵ Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. П-52. Оп. 2. Д. 518. Л. 23. Д. 932. Л. 28.
- ⁶ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее — ГАДНИКО). Ф. 55. Оп. 5. Д. 53. Л. 18.
- ⁷ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932. Л. 19. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1484. Л. 297.
- ⁸ Государственный архив Тульской области. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 112. Л. 71, 72.
- ⁹ Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. П-3. Оп. 52. Д. 133. Л. 8.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 287. Л. 39, 43. Д. 384. Л. 65.
- ¹¹ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932. Л. 98.
- ¹² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 53. Л. 18.
- ¹³ ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 9. Л. 35.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 196. Л. 131.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 20. Л. 36.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231. Л. 105.
- ¹⁷ Там же. Д. 233. Л. 57.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1105. Л. 154, 162–163, 174, 197, 205, 212, 221–222, 228–229.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 196. Л. 160.
- ²⁰ Наставление по инженерному делу для пехоты (Инж. П-43). Проект. М., 1943. С. 165–168; Руководство по средствам минирования и разминирования. М., 1943. С. 57, 61, 64–65, 94, 95, 100, 109; Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). М., 1943. С. 10–13; Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства). М., 1944. С. 19.
- ²¹ Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. М., 1942. С. 74–85; *Вайнштейн Ш. А.* Конструкция немецких взрывных заграждений и обезвреживание их. 1943. С. 23–26; Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). М., 1943. С. 10–13; Минно-подрывные средства противника. М., 1943. С. 34–36, 55–67, 71–75, 98–102, 121–122; Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства). М., 1944. С. 19; Минно-подрывные средства противника. Дополнение первое. М., 1944. С. 5–9, 13–17; *Радевич П. Г., Волков И. В.* Подрывная техника и минирование. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1944. С. 176–181.
- ²² ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19. Л. 33. Оп. 3. Д. 10. Л. 27, 47; Сборник статей по сплошному разминированию / под ред. И. И. Савицкого. М., 1946. С. 12, 13, 18, 36–37; *Рабинович Я. М.* Сплошное разминирование (для инструкторского состава районных команд Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев). М., 1947. С. 78–85.
- ²³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231. Л. 26, 28. Д. 233. Л. 47, 50, 51, 54. Д. 303. Л. 68, 70; Р-9545. Оп. 2. Д. 72. Л. 44; ГАДНИКО. Ф. П-7713. Оп. 2. Д. 54, 106 об., 107 об.; Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 154. Л. 7, 8, 96а; ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518. Л. 23. Оп. 5. Д. 173. Л. 32; ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 9. Л. 35.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Л. 89. Л. 9.
- ²⁵ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 164. Л. 12. Р-3538. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 46. Л. 105.
- ²⁷ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 164. Л. 12. Оп. 5. Д. 173. Л. 32.
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 92. Л. 204. Д. 113. Л. 188, 189. Д. 92. Л. 205.

НА ПОЛОТНЯНО-ЗАВОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ 8–13 ОКТЯБРЯ 1941 г.

*Г. Я. Грин, В. А. Чернов,
исследователи военной истории*

Сразу после закрытия Вяземского котла, вечером 7 октября 1941 г., командование немецкой группы армий (ГА) «Центр» выпустило приказ № 1870/41 о дальнейшем наступлении на Москву¹. Предусматривалось в кратчайшие сроки обойти Малоярославецкий укрепрайон (УР) по его менее укрепленным флангам — по Боровскому и Детчинскому направлениям, зайти в тыл советским войскам, занявшим инженерные сооружения, блокировать и уничтожить их, а затем уже свободно продвигаться на Москву. Но так не случилось: на всех направлениях немецкие войска встретили неожиданное сопротивление частей Красной армии (КА). Все немецкие дивизии были проинформированы, что до Москвы советские войска имеют лишь незначительные силы², что оказалось не соответствующим действительности.

Через 1–2 дня начали своё наступление на Москву: 13-й армейский корпус (АК) через Тарусу на Серпухов, 12-й АК (в составе 34 и 98-й пехотных дивизий (пд)) — от Калуги по Старо-Калужской дороге, 57-й танковый (механизированный) корпус — от Юхнова по Варшавскому шоссе.

Наиболее важную роль в обороне района Полотняного Завода сыграл 616-й стрелковый полк (сп) 194-й стрелковой дивизии (сд). Так случилось, что перед самым началом операции «Тайфун» 194-ю сд, как и всю 49-ю армию, направили из района Холм-Жирковский — Семлево Смоленской области в район Харькова. Эшелоны дивизии растянулись в пути от Калуги до Брянска, когда немецкие танковые клинья разделили их на три изолированные группы. Был получен приказ — занимать оборону там, где остановились эшелоны. Под Калугой выгрузились: 616-й сп, батальон 470-го сп, сапёрный батальон, артдивизион и тылы 194-й сд, под общим командованием комиссара дивизии, полкового комиссара М. Н. Ермакова³. 8 октября они заняли оборону по восточному берегу реки Угры в районе Товарково и вдоль её притока — р. Шаня. В сводках ГА «Центр» за 8 октября было отмечено появление разведки 194-й сд⁴.

8–9 октября советские и немецкие части находились на противоположных берегах р. Угра⁵, поэтому, вопреки многим воспоминаниям, никаких встречных боёв на левом берегу реки быть не могло, так же как и встречи Г. К. Жукова с немцами под Калугой 8 октября. До 10 октября части советской 49-й армии, окопавшиеся на протяжённом левом берегу р. Угра, а также прибывающие отдельные подразделения 43-й армии⁶, вышедшие из окружения, не давали переправиться немецкому 12-му АК: 34-й пд (в составе 80-го, 107-го, 253-го пп), за которой во втором эшелоне двигалась 98-я пд, (в составе 282-го, 289-го, 290-го пп и 198-го артполка). Колонну из разрозненных частей 43-й армии, двигавшуюся к Малоярослаvcу, вернул под Калугу проезжавший 8 октября по Можайской линии обороны (МЛО) Г. К. Жуков⁷.

В районе Товарково переправу обороняли всего 200 человек с небольшим количеством артиллерии и танками, 5 из которых в ходе боя 10 октября были подбиты. Их упорное сопротивление описано в донесениях разведотдела немецкой 4-й армии и в книге «98-я пехотная дивизии» М. Гарайса⁸ (командира одного из полков 98-й пд, а с начала 1942 г. — командира этой дивизии). Переправы оборонялись в течение 3–4-х дней, за это время южный (Детчинский) сектор Малоярославецкого УР успели занять подольские курсанты, а также 1079-й и 1081-й сп прибывшей 312-й сд.

К 18 часам 10 октября некоторым подразделениям немецкой 34-й пд всё же удалось переправиться через Угру. Сведения о форсировании немецкими частями реки Угра в районе Дворцы появились и в вечерней оперсводке Генштаба КА № 222, составленной на 20.00 10 октября 1941 г.⁹ Из разведсводки № 3 штаба фронта МЛО стало известно, что от Полотняного Завода и южнее его до Плетенёвки было установлено движение немецких частей¹⁰. Разведка подольских курсантов обнаружила массовую переправу различных немецких подразделений утром 11 октября¹¹. Сводка штаба Резервного фронта за 11 октября сообщила о том, что на восточном берегу Угры уже идут бои¹².

Разведотдел немецкой 4-й армии в 20.25 (нем.) = 21.25 (мск.) 10 октября подтвердил сведения, что 34-я пд наступала уже восточнее Товарково¹³, т. е. на левом берегу р. Угра. В документах

Рис. 1. Район переправ через р. Угра 10–11.10.41 ЦАМО РФ, Ф. 450, Оп. 11158, Д. 95, Док.1.

самой 34-й пд говорится, что передовой отряд этой дивизии сумел переправиться не в Товарково, а на пароме у д. Лужное, что в 12 км западнее Товарково. К исходу дня 10 октября этот отряд прошёл до Полотняного Завода, где и заночевал. Сводка ГА «Центр» сообщает, что за последующую ночь через Угру сумел переправиться ещё целый полк немецкой пехоты¹⁴. 98-я пехотная дивизия, двигавшаяся во втором эшелоне вслед за 34-й пд, так и не смогла переправиться через Угру в Товарково ни 10-го, ни 11-го октября¹⁵. В ночь с 11 на 12 октября защитники переправ тайно отошли на новые рубежи обороны — 616-й сп перешёл в район Полотняный Завод — Устье — Редькино. Утром 12 октября 98-я пд неожиданно обнаружила, что переправы теперь свободны, и к 10 часам форсировала реку на надувных лодках. Немецкие части переправились через р. Угра на участке Товарково — Камельгино — Дворцы, в том самом месте, где в 1480 г. в ходе Стояния на Угре русская армия не дала переправиться войскам хана Ахмата. На этот раз врагам это удалось, но ненадолго — на 2,5 месяца.

Немецкая 34-я пд была получена задачу — прорвать МЛО в Детчинском секторе. Был выбран метод охвата, через недостроенный и не занятый советскими войсками Калужский УР. 34-я пд главными силами двинулась от места переправы на восток, вышла на Старо-Калужскую дорогу.

Рис. 2. Участок Полотняный Завод—Устье—Редькино. 10–13.10.41

98-я пд должна была защищать 34-ю пд с фланга. Обе эти дивизии столкнулись с сопротивлением 4-го батальона курсантов Подольского пехотного училища (ППУ) с 76-мм двумя пушками Подольского артиллерийского училища (ПАУ), успевших занять построенные укрепления.

Первыми строителями МЛО стали московские дивизии народного ополчения. На Малоярославецком и Детчинском направлениях, в том числе в районе Полотняного Завода, строительные работы с 22 по 31 июля 1941 г. вела 17-я дивизия народного ополчения¹⁶. 8 августа Генеральный штаб проверил ход строительства. Выяснилось, что направления Калуга—Москва и Тула—Москва планируемыми ранее рубежами не перекрываются. Поэтому 15 августа было решено продлить левый фланг МЛО до шоссе Москва—Тула. Так был образован Калужский сектор—38-й УР. Строительство продолжили вести строительные батальоны, им помогали местные жители. Они копали противотанковый ров, от Полотняного Завода до д. Машкино¹⁷. К началу боевых действий Малоярославецкий УР был готов на 85 %, а Калужский—всего на 5 %. Это было использовано немецкими наступающими частями.

Подольские курсанты использовали те три дня, которые выиграли для них защитники переправ, для усовершенствования линии обороны. Они выкопали ходы сообщений, окопы, оборудовали открытые огневые позиции для 76-мм пушек. Единственная дорога от Редькино до Устье, по которой могла продвигаться немецкая техника, и мост через р. Медынка находились теперь под их полным контролем.

Утром 11 октября произошла первая встреча с немцами. Командир 16-й роты А. Е. Селюков описал их первое появление в деревне Устье: «...Послал разведку в деревню Устье. Всё тихо. Но часам к 9 утра на спуске дороги из деревни появились мотоциклисты противника. Залегли по обеим сторонам дороги и открыли огонь из автоматов. Постреляв минут 10, они развернули

мотоциклы и покатали в обратную сторону. Мотоциклистов было пять-шесть, видимо, немцы прощупывали дорогу на Детчино и старались обнаружить нашу оборону».

Оборона курсантов осталась для немецких мотоциклистов незамеченной, и А. Е. Селюков решил вернуть деревню Устье. Курсанты на двух машинах с открытыми бортами, со станковыми пулемётами (по одному на машину), с винтовками, ручными пулемётами и гранатами проникли в д. Устье, а затем и в Полотняный Завод, в котором уже были немцы. Воспользовавшись неожиданностью, они сумели подбить 2 немецких БТР и заодно запастись продовольствием: «...Сходу влетели в деревню. Немцы были на дороге недалеко от нас, о чем-то громко спорили и показывали руками в сторону нашей обороны. Мы были сначала скрыты от них домами и сараями, плетнями и другими постройками. Выскочив из-за поворота на прямую улицу, мы чуть не столкнулись с ними. Немцы открыли беспорядочный огонь по нашим машинам и поспешно стали удирать. С первой нашей машины была дана длинная пулемётная очередь. Мотоциклисты успели скрыться. Мы проехали всю деревню, повернув налево, увидели хлебозавод. Видим такую картину: население тащило с этого хлебозавода хлеб, тесто, муку, сахар, масло и другие продукты.

Решили проехать по дороге в сторону Полотняного Завода. Железная дорога. Большой продовольственный и товарный склады. Как потом выяснилось, это были склады 43 армии. Охраны не было. Её перебили немцы. Некоторым удалось скрыться. Эти сведения нам поведали местные жители, которые были очень удивлены нашему появлению.

Поблизости по дороге двигались крупные силы противника. Был слышен гул и лязг танков, машин и другой военной техники... Было ясно, что немцы спокойно движутся на Медынь. Решили обстрелять противника и быстро скрыться. Из всего нашего оружия был открыт огонь по пехоте. Неожиданность такого обстрела привела немцев в смятение. Пехота стала развёртываться для боя. Что там было потом, нам не известно. Мы быстро вернулись к машинам и на большой скорости возвратились в укрепрайон... Противник шёл другой дорогой, обходя нашу оборону стороной. ...По карте видно, что примерно в километре от нашей обороны проходит Калужская дорога на Малоярославец. Возможно, и там движутся колонны противника...»¹⁸.

Аналогичные сведения об этой же вылазке на Полотняный Завод сообщил в 60-х годах командир 76-мм орудия ПАУ, приданного 16-й роте ППУ, — И. П. Дерябин¹⁹.

Наличие противника у р. Медынка, т. е. в районе д. Устье было отмечено в вечерней оперсводке штаба Резервного Московского фронта (фронта МЛЮ) к 24.00 11 октября²⁰.

Другим важным событием 11 октября стало столкновение разведки курсантов 14-й роты в районе Кондрово с немецким ефрейтором-мотоциклистом, у которого было взяты и переданы в вышестоящие штабы важные оперативные документы. Командование 4-го батальона ППУ, а впоследствии и разведотдел фронта сделали вывод, что этот мотоциклист принадлежал 44-й дивизии СС²¹. Номер этой дивизии, как минимум, до 21 октября фигурировал в сводках и на картах разведотдела армейского и фронтового уровня КА, но достоверного подтверждения этому не нашлось. На немецких картах и в других немецких документах дивизии с таким номером нет.

Кондрово немецкие войска заняли к полудню 12 октября. Здесь сразу начал активно действовать местный партизанский отряд, собиравший сведения и передававший их курсантам: «Тесная связь с партизанами (район Полотняный Завод) давала возможность [узнавать] о продвижении оперативных групп противника. Когда стало известно от партизан, что в Кондрово, оставленном нашими войсками, остались цистерны с горючим, то посланный туда курсант Супонин, преодолевший в гражданское... подобравшись к горючему, выпустил его на землю...»²².

Собранные разведсведения за 11 октября были переданы телеграфом к 4 часам утра 12 октября начальнику боевого участка полковнику А. Ф. Наумову: «...В 14.00 11.10 от Никольского в восточном направлении двигалось до роты танков противника /12 танков/.

...В районе Кондрово задавлен нашей автомашиной (немецкий) ефрейтор. Документы отобраны...

В районе Троицкое заправлялись мотоциклы до 200 чел. Полотняный Завод занят противником (силы не установлены).

В 13.30 в Устье был стрелковый взвод с 45-мм пушкой, который в 16.00 гарнизоном Редькино отброшен в направлении Полотняный Завод.

В Товарково — Камельгино — до 2-х пехотных полков и до 26 танков в направлении Л. Толстой форсировал р. Угра. До роты танков в районе Плетеневка — Обухово, до одного пехотного полка в районе Мстихино... Два батальона отходят на Захарово.

Разведка ведётся: Маковцы, Кондрово, Полотняный, Товарково, Сляднево, ст. Тихонова Пустынь, Л. Толстой»²³. Некоторые более поздние отчёты и воспоминания неоднократно описывали эти же события, указывая другие даты, но процитированное телеграфное сообщение точно призывает их по времени именно к 11 октября.

Одной из групп защитников, прибывших к 12 октября в Полотняный Завод, была группа из 34 человек под командованием лейтенанта Г. П. Яшкина. Накануне она вышла из полуокружения в районе Мятлево через д. Галкино²⁴ и в течение всей ночи на 12 октября пробиралась к Полотняному Заводу²⁵, где утром встретилась с 616-м сп под командованием полкового комиссара М. Н. Ермакова²⁶. Он приказал группе Яшкина двигаться на Устье в помощь курсантам ППУ. Вскоре началась сильная бомбёжка, полк понёс большие потери. М. Н. Ермаков был тяжело ранен и в этот же день умер. Группа Г. П. Яшкина приступила к выполнению поставленной задачи, но тут их атаковали немецкие танки с пехотой, тоже двигавшиеся на Устье. Группа Яшкина понесла потери — в ней осталось 23 человека.

Важным событием стал второй бой в районе д. Устье, в результате которого были захвачены 2 машины и другие трофеи. Итоги этого боя у всех описаны одинаково, а вот обстоятельства, дату и участников этого боя все называют по-разному. Командир 16-й роты А. Е. Селюков и командир приданного 16-й роте 76-мм орудия И. П. Дерябин разделяют это событие на два: первое — вылазка 16-й роты в Полотняный Завод (11 октября), второе — атака на наступающих немцев со своих позиций в Редькино (12 октября). Подробности того боя у А. Е. Селюкова и И. П. Дерябина описаны наиболее правдоподобно и соответствуют отчётной карте Московской зоны обороны (МЗО) за эти дни²⁷. Из их описания следует, что в д. Устье курсанты второй раз не ходили, а затаились на своих позициях в Редькино. Немцы сами вышли из д. Устье на мост через р. Медынка на обороняемую курсантами 16-й роты дорогу. Из воспоминаний курсанта ПАУ, командира 76-мм орудия И. П. Дерябина: «...Немцы небольшой колонной, не заходя в село, двигались по дороге. Нашу оборону немцы не заметили и пошли на мост. БТРы шли тихо, а 2 легковые машины вырвались вперёд и поравнялись, вернее, вышли на линию нашей ОП. В этот момент был открыт огонь со всех видов оружия. Оставшиеся в живых — меньшая часть их — разбежались, а большая часть осталась у дороги. БТРы у моста, а машины — в нашем расположении. Вот одну из этих машин мы и подарили своему командиру 9-й батареи — капитану Курчавому. В этот день немцев уже не было»²⁸.

Командир Малоярославецкого участка А. Ф. Наумов и командование 4-го батальона ППУ в своих послевоенных публикациях тоже вспоминали дерзкий налёт курсантов на Устье и Полотняный Завод, в результате которого были захвачены 2 немецкие машины, парадная форма, карты, документы, которые были переданы в штаб полка 312-й сд, но они объединяют первую вылазку в Устье — Полотняный Завод и захват 2-х машин в одно событие, произошедшее 11 октября.

А. Ф. Наумов с гордостью вспоминает это наступление, проведённое по инициативе курсантов: «...11 октября этот отряд по своей инициативе перешёл в наступление на противника. В результате этого исключительно смелого наступления курсантов [враг] панически бежал, оставив в Устье радиостанции, фашистское знамя, обмундирование, оружие и снаряжение. Курсанты захватили оперативные документы и карту с нанесённой обстановкой. Это дало возможность узнать о подходе нового соединения, входящего в состав 12-го армейского корпуса противника»²⁹.

Описание этого же боя в воспоминаниях И. Н. Михасика³⁰ и Д. В. Панкова³¹ совсем не совпадает с описанием А. Е. Селюкова и И. П. Дерябина и не соответствует отчётной карте. Командир взвода 15-й роты ППУ И. Н. Михасик пишет, что вылазка была сделана по приказу, а не по своей инициативе. На д. Устье шли охватом с двух сторон 14-я и 15-я роты, а не 16-я рота. Никакой реки или моста в его повествовании нет. Подробностей захвата двух машин И. Н. Михасик и Д. В. Панков не приводят, только констатируют этот факт, их воспоминания явно зависимы друг от друга. Вероятно, у И. Н. Михасика описан другой бой, в другой деревне, так как пройти из Редькино в Устье можно было только по одной дороге, причём на виду у немцев, находящихся в Устье, что днём было бы сложно осуществить.

Рис. 3. Фрагмент карты, район д. Карамышево

Курсанты, находившиеся в Редькино, в течение дня видели массовое продвижение немецких войск в двух направлениях: по Старо-Калужской дороге в сторону Детчино (34-я пд) и от Полотняного Завода на Медынь (19-я тд). Увидев явное численное преимущество врага, вечером они обстреляли немецкие колонны и затем, похоронив своих погибших и унеся раненых, незаметно ушли из д. Редькино в Карамышево, Фролово, Баланино.

13 октября головной отряд 289-го пп 98-й пд, пройдя через д. Устье и Редькино, расположился на отдых в д. Карамышево, но отдохнуть ему не удалось. Его командир М. Гарайс кратко сообщает: «...Под Карамышевым отдыхающий головной отряд около полудня попадает под огневое нападение. Пришлось очищать от вооружённых пришельцев соседнюю деревню». Это была атака 15-й роты ППУ и 1-го батальона 616-го сп 194-й сд. М. Гарайс считает, что бой начался в полдень 13 октября, но И. Н. Михасик утверждает, что его рота пошла в наступление ночью 14 октября. На карте штаба МЗО стоит дата боя 13 октября. Ночной бой подтверждает Г. П. Яшкин, видевший его со стороны как независимый свидетель, ушедший со своей группой поздно вечером 12 октября из района Устье—Редькино: «...В районе села Карамышево шёл ночной бой. Горели дома. Недалеко от нас пылал стог соломы, непрерывно в небе висели разноцветные ракеты. Сплошные пожары на широком фронте виднелись и со стороны Калуги»³². Именно 12 октября вечером немцы заняли Калугу.

Довольно подробно бой в Карамышево описан в черновике донесения «4-й батальон на фронте Отечественной войны ...» из фонда ППУ ЦАМО РФ: «...Немцы приспособили колокольню как наблюдательный пункт, откуда просматривалась наша оборона. Бой начал 1-й батальон 616-го полка,

имевший миномёты. Этот батальон, неожиданно ударивший по противнику справа, метко начал разить врага из миномётов, идя на сближение с ним... Скрытно подойдя в деревню, взвод лейт. Михасика... внезапно напал на противника с тыла и ударил по штабу и резерву противника. Немцы не ожидали такого удара и в панике открыли беспорядочную стрельбу. ... В результате... немцы, имея превосходящие силы, вынуждены были оставить деревню Карамышево. На месте боя только от огня взвода т. Михасика осталось 32 убитых грабителя. С нашей стороны был убит курсант Калашников...»³³. Бой шёл почти до вечера, немцы были оттеснены из Карамышево к д. Гавшино, Заполье. Позже к ним подошёл ещё один пехотный батальон. Наши подразделения, увидев превосходящие силы врага, были вынуждены отойти. Командир 4-го стр. взвода 15-й роты ППУ И. Н. Михасик, участвовавший в этом бою, писал: «...Выбили из села Коромышевка передовой отряд 44-й дивизии СС. К исходу дня отошли с потерями назад...». Видимо, за 44-ю дивизию СС наши командиры принимали немецкую 98-ю пехотную дивизию.

М. Гарайс считал победителем этого боя свой полк, так как курсанты к следующему дню отошли в другой район, а командование 4-го батальона ППУ считало победителем курсантов, так как фашисты были выбиты из Карамышево с потерями, гораздо большими, чем собственные.

К вечеру 13 октября немецкий 289-й пп продолжил свой марш и через некоторое время присоединился к отряду, штурмующему Детчино. А в Карамышево уже ночью был организован немецкий главный медпункт 2-й санитарной роты 98-го пп.

14 октября основные боевые действия по обходу с юга Малоарославецкого боевого участка переместились в район Детчино.

Примечания

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 61–64.

² Бундесархив. Военный архив RH 24–4/585. Дневник военных действий «Поход на Россию». Штаб 4-й танк. армии (танк. группы 4) 2-я часть с 12.9.41 г. по 5.12.41 г., 8 октября.

³ По сведениям Википедии.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 62. Т. 2. Л. 26 и 34.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 34. Л. 30.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 222–223.

⁷ См.: Грин Г. Я., Чернов В. А. Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М.: Язуа, 2018. С. 301–303.

⁸ См.: Гарайс М. 98-я пехотная дивизия [1939–1945] (Gareis, Martin 98. Infanterie-division. — Воспоминания) / пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой. М.: Центрполиграф, 2013. С. 104.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 1в. Л. 185–191.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 62. Л. 6.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 1620, Оп. 1, Д. 4, Л. 68.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 1-в. Л. 202–209.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 637, Л. 109.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757, Л. 193–194.

¹⁵ См.: 98-я пехотная дивизия [1939–1945] / Мартин Гарайс; [пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой]. М.: Центрполиграф, 2013. С. 104

¹⁶ См.: Чернов В. А. Рекогносцировка и строительство Малоарославецкого укрепрайона // Вопросы археологии, истории и природы верхнего Поочья: материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2017. С. 255–265.

¹⁷ См.: Старцев А. Деревня Машкино в годы Великой Отечественной // Газета «Малоарославецкий край». 2018. 11 мая.

¹⁸ ГМОМ. А. Е. Селюков. Воспоминания.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 953, Оп. 1. Д. 205.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 63. Л. 8–11.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 60062. Оп. 35125. Д. 8. Л. 18–20.

²² ЦАМО РФ. Ф. 60062. Оп. 35125. Д. 8. Л. 18а.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

²⁴ См.: Яшкин Г. П. Эту жизнь не перепишешь заново. М.: МОФ «ПОБЕДА-1945 год», 1994. С. 21–22.

²⁵ См.: Яшкин Г. П. На Малоарославецком направлении. Сб. очерков «Непобедимые курсанты»: кн. для учащихся / авт.-сост. Н. Е. Зуев и др. М.: Просвещение, 1992. С. 107–109.

²⁶ Железная дорога и железнодорожный мост находятся западнее, а не восточнее Полотняного Завода.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 95. Док. 1.

²⁸ ЦАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 205.

²⁹ См: *Наумов А. Ф.* На Варшавском шоссе. С. 344–345.

³⁰ ЦМ ВОВ. Акт № 274 ВХ. от 05.12.2000. Михасик И. Н. Воспоминания. С. 19–20.

³¹ См: *Панков Д. В.* Они помогли выиграть время (из записок военкома) // Вопросы истории КПСС. М.: Правда. 1966. № 9. С. 112.

³² См: *Яшкин Г. П.* На Малоярославецком направлении. Сб. очерков «Непобедимые курсанты»: кн. для учащихся / авт.-сост. Н. Е. Зуев и др. М.: Просвещение, 1992. С. 107–109.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 60062. Оп. 35125. Д. 8. Л. 18–20.

МОСКОВСКОЕ ВОЕННОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ В БОЯХ ПРИ ОБОРОНЕ 37-ГО МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО И 38-ГО КАЛУЖСКОГО ПОЛЕВЫХ УКРЕПЛЁННЫХ РАЙОНОВ МОЖАЙСКОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ В ОКТЯБРЕ 1941 г.

А. М. Исаченко,

полковник в отставке, журналист газеты «Малоярославецкий край»

Стихотворение Ольги Берггольц, написанное в 1959 г. специально для мемориальной стены на Пискарьёвском кладбище в Ленинграде, где похоронены жертвы блокады, заканчивается словами: «Никто не забыт и ничто не забыто!». О боях на Варшавском шоссе в октябре 1941 г. написано множество газетно-журнальных статей, книг, сняты художественные и документальные фильмы. Абсолютное большинство их авторов подробно освещает действия подольских пехотного и артиллерийского училищ, отодвигая в сторону или вообще забывая об участии в этих боях Московского военно-инженерного училища (МВИУ), Московского окружного военно-политического училища им. В. И. Ленина, 2-го особого Люберецкого полка, в строю которого было много курсантов краткосрочных курсов Рязанского пехотного училища, а также слушателей высшей школы НКВД. Численность, вооружение, продолжительность участия, а соответственно, вклад в оборонительные действия от Юхнова до Малоярославца был различным, но все они обеспечили срыв немецкой наступательной операции «Тайфун» по захвату Москвы.

В данной статье речь пойдёт о Московском военно-инженерном училище. Большая помощь в подготовке материала была оказана директором музея «Ильинские рубежи» Е. С. Воронкиной.

МВИУ ведёт свою историю от образованных в Гражданскую войну в 1919 г. в Сергиевом Посаде военно-инженерных курсов, которые в 1920 г. были переведены в столицу и переформированы в Московскую военно-инженерную школу. Учебное заведение несколько раз меняло название, статус, а в 1937 г. было передислоцировано в Ленинград и преобразовано в военно-инженерное училище. Позднее, в том же году, было принято решение о формировании Московского военно-инженерного училища, разместившегося по адресу: Москва, Ярославское шоссе, 32а, основой которого стала часть личного состава Ленинградского училища под командованием капитана Н. И. Кокуева. С началом II Мировой войны в сентябре 1939 г. МВИУ было передислоцировано в подмосковный посёлок Болшево, где под него построили военный городок. Его деятельность курировало Главное военно-инженерное управление РККА СССР. В феврале 1938 г. начальником МВИУ был назначен полковник Александр Николаевич Варваркин. В связи с началом войны с Финляндией училище произвело досрочный выпуск офицеров и на его базе работали кратковременные сборы усовершенствования специалистов военно-инженерного профиля.

1 мая 1941 г. училище участвовало в параде на Красной площади в Москве.

По воспоминаниям бывшего курсанта Виктора Горелова, в апреле 1941 г. был объявлен комсомольский набор, в училище принимались юноши в возрасте 17–18 лет, главным образом из Москвы и Московской области (в связи с тем что Боровский, Угодско-Заводской и Малоярославецкий районы тогда относились к Московской области, есть вероятность, что в этом наборе были и наши земляки. — *А. И.*), почти все комсомольцы, хорошо подготовленные физически, имевшие, как правило, нагрудные знаки ГТО, «Ворошиловский стрелок». Принятых

свели в три батальона, каждый четырёхротного состава. В ротах четыре взвода по 25 курсантов. Срок обучения был установлен в два года. Занятия начались 10 мая 1941 г. на зимних квартирах в Болшево, а затем продолжились в летнем лагере у озера Сенеж рядом с подмосковным городом Солнечногорском. Основное внимание уделялось подрывному делу и минным заграждениям, мостам и переправам, фортификации и маскировке. Часто проводились взводные и ротные учения по тактико-специальной подготовке с совершением продолжительных маршей при полной курсантской выкладке: ранец, скатка, сменное бельё, сухой паёк на двое суток, котелок, оружие, противогаз, сапёрный шанцевый инструмент.

22 июня после объявления о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз в училище состоялся митинг, и все курсанты были возвращены в Болшево, куда уже прибыли офицеры запаса для обучения на курсах усовершенствования командного состава. Старшекурсникам присвоили офицерские звания и направили в войска. Курсанты младшего курса стали обучаться по сокращённой программе. Для приобретения практического опыта роты училища неоднократно выезжали на строительство подмосковных оборонительных сооружений, выполняли специальные задания по минированию важных промышленных и военных объектов (возможное участие курсантов в сооружении Малоярославецкого и Калужского укрепрайонов Можайской линии обороны — предмет дальнейшего исследования. — *А. И.*), обучали взрывным работам рабочих заводов и выполняли специальные задания по ликвидации диверсантов, сброшенных с парашютами в районе Загорска.

4 октября было воскресенье, ко многим курсантам приехали родители и знакомые. Во время встречи раздался сигнал тревоги. Все курсанты быстро вернулись в казармы, разобрали оружие и построились. Через некоторое время их распустили для прощания с родными, которым было разрешено войти на территорию училища. Затем курсанты получили зимнее обмундирование и сдали постельные принадлежности и личные вещи в каптёрку. Позднее 3-ю роту собрали в клубе и объяснили конструкцию новой по тем временам противотанковой мины ЯМ-5 (ящичная мина деревянная, заряд 5 кг взрывчатого вещества), а также ряда взрывателей [1].

На тот момент военным комиссаром училища был бригадный комиссар Борис Яковлевич Годгельф. Начальника штаба училища установить пока не удалось.

Курсант Иван Большаков, в 1960-е гг. подполковник, служивший в Военно-инженерной Краснознамённой академии имени В. В. Куйбышева, оставил подробные воспоминания.

«В начале октября начальник училища полковник А. Н. Варваркин собрал личный состав, проинформировал о сложившейся тяжёлой обстановке на Западном фронте и предположил, что училищу придётся скоро принять участие в битве за Москву. Поздно вечером 4 октября 1941 г. училище было поднято по тревоге. 3-я рота во главе с командиром роты старшим лейтенантом Михаилом Федосеевичем Бакуном, замкомандира по политчасти лейтенантом Марьясевичем, командирами взводов лейтенантами Крюковым, Кучеровым, Гребеньковым и младшим лейтенантом Козиным числом в 100 курсантов и пятью шофёрами (всего 111 чел.) после получения боеприпасов по 60 винтовочных патронов и по две противопехотных гранаты на человека на пяти автомашинах убыла для выполнения боевого задания в район села Ильинского на Варшавском шоссе, в 130 км от Москвы.

До Малоярославца доехали благополучно. Утром 5 октября город горит. Развороченные бомбами дома, оборванные телеграфные и электрические провода, трупы мирных жителей. Всё виденное нами произвело потрясающее впечатление. За Малоярославцем первый налёт авиации противника, но всё обошлось благополучно. Редко навстречу попадаются отдельные группы солдат, не доезжая села Ильинское, свернули в лес и увидели гору хлеба, а рядом убитый курсант. Прямое попадание в голову из крупнокалиберного авиационного пулемёта, мозги и кровь на хлебе.

Командир роты Бакун М. Ф. получает от командования боевого участка начальника Подольского пехотного училища генерала Смирнова приказ: одним взводом минировать танкоопасные направления на Ильинском рубеже, трём взводам на автомашинах двигаться к Юхнову, войти в подчинение командира сводного отряда с задачей создания на Варшавском шоссе разрушений и заграждений.

Во время минирования переднего края Ильинского рубежа левее Варшавского шоссе противотанковыми минами “ЯМ-5 деревянная” от случайного взрыва погиб курсант Мерман. Всё, что от него осталось, — нога в сапоге.

Перед Медынью нашу колонну атакуют несколько фашистских истребителей, они летят на бреющем полёте вдоль шоссе и ведут огонь из крупнокалиберных пулемётов. Курсанты на ходу прыгают с автомашин и рассредотачиваются. Самолёты гоняются за каждым курсантом, летают так низко, что в кабине видно фашистских лётчиков. Горит прошенная пулемётной очередью машина, пять курсантов и шофёр убиты.

В Медыни остаётся целый взвод. Ему поставлена задача подорвать армейский продовольственный склад «НЗ», расположенный в подвале церкви. В нём продукты: сухая польская колбаса, сгущённое молоко в 10 кг банках, пшеничные сухари в бумажных мешках, копчёности, сахар и другие продукты. С этим взводом остаётся и старшина роты курсант Зражеский».

Далее рассказывается, что часть продуктов на машине вывезли в Ильинское, ещё часть в передовой отряд, в одном из дворов на окраине Медыни были обнаружены брошенные противотанковые мины и мешки с аммотолом по 20 кг. В подъехавшую машину ещё грузится продовольствие и взрывчатка. После взрыва склада курсанты покинули город.

«Два курсантских взвода на реке Извери встретились с передовым отрядом подольских училищ и десантников под командованием начальника парашютно-десантной службы Западного фронта капитана Старчака И. Г. Один взвод готовит к взрыву мост через Изверь, другой следует в тыл для подготовки к взрыву моста через р. Шаня. У ребят на Извери нет шпагата для подвязки зарядов к сваям и прогонам. Курсант Куперман разорвал свою нательную рубашку на ленты. Его примеру последовали курсанты Беус, Шаховский и Демьянович. Этими лентами из рубашек они и подвязывали мины. Бой приближался к мосту. Группы курсантов и десантников отходили за реку. Непосредственно для взрыва остаются курсанты Большаков и Чеботарёв, остальные отходят метров на 200 в тыл и должны прикрывать огнём отход курсантов после взрыва. Вдруг со стороны противника появился наш танк, оказалось, что из боя выходит танковый батальон [17-й танковой бригады]. Как нам сообщили <...> должны выйти 16 наших танков, после чего можно взрывать мост. Предупредив танкиста, что объезды заминированы и безопасный проезд только по шоссе через мост, мы стали ждать. После того как большая часть танков, отстреливаясь, прошла через мост, на шоссе <...> показался мотоциклист противника. На коляске мотоцикла был установлен пулемёт, непрерывно стреляя из него, немцы быстро подъехали к мосту. Тщательно прицелившись, мы с Чеботарёвым открыли огонь из винтовок по мотоциклисту. Два немца вместе с мотоциклом полетели под мост. Они были убиты, а у нас появились первые трофеи: пулемёт, два автомата и пистолет. Огонь противника усиливается.<...> Наконец наш 16-й танк проходит мост. Он ведёт огонь по противнику. На противоположной стороне показываются фашистские танки. Как только они приблизились к мосту, мы подожгли зажигательные трубки и начали отход в тыл. Один немецкий танк подорвался на установленной нами мине, второй взошёл на мост, и в это время раздался мощный взрыв. Мост разлетелся, танк уничтожен взрывом и вместе с обломками моста грузно плюхнулся в воду. <...> Из леса вдоль шоссе стреляют по немцам наши пушки. Редко, но стреляют. Немцы отходят за реку и до вечера атак больше не предпринимают. <...> В сумерках капитан Старчак снимает небольшую группу оставшихся в живых и лесами отводит в тыл на новый рубеж за рекой Шаня. Но оказывается, что за р. Шаня наших войск нет, а мост взорван. Используя обломки моста, переправляемся на противоположную сторону и идём в сторону Медыни. Через некоторое время встречаем своих.

...Вдоль дороги пробираются одиночки и группы солдат, большинство которых без оружия. Затаённый и затравленный взгляд, небритые и грязные, с недоверием глядят на нас. Мост им не обойти. Спрашиваем:

—Что там?,— кивая на запад.

—Плохо, очень плохо, бьёт нас немец.

Пусть бегут, а мы, курсанты, выполним свой долг. Слышим шум мотора. Подъезжает к мосту два расчёта орудий курсантов Подольского арт.[иллерийского] училища. Кузова автомобилей заполнены ранеными. Убитые лежат на лафетах орудий. Живые на подножках и буферах автомобилей.<...> Герои! Не то, что те... Эти врагу не сдадутся, и оружие своё, какое оно бы ни было, не бросят. <...> Проходят группами курсанты пехотинцы и артиллеристы. На ходу бросают нам: «Держитесь, братцы! Ваш черёд настал!»»

Далее Большаков пишет, что командир роты получил задачу по установке фугасов в узких местах на Варшавском шоссе. Целый день курсанты под обстрелами и бомбёжкой копают шурфы для фугасов, но взрывчатки не привезли, вечером они отступают к Ильинскому и укладываются в оборону, копая окопы. Страшная усталость. Утром новая задача: произвести минирование Ильинского рубежа на флангах, оборудовать командный и наблюдательный пункты. При отступлении — бомбёжка, убитых курсантов хоронят в братской могиле рядом с дорогой, а раненых отправляют в тыл. Среди них курсанты Бурбезо, Черкасов и др.

«Когда прибыли в Ильинское, оказалось, что для минирования противотанковых мин нет, поэтому всех курсантов поставили на <...> оборудование командного и наблюдательного пунктов. <...> Когда щель была наполовину отрыта, противник произвёл миномётный налёт, и первая же мина угодила прямо в щель, в гущу курсантов. Никогда не забуду тяжёлое ранение, которое получил курсант Журавлёв Пётр. Осколком мины ему отбило челюсть, весь в крови, но в сознании. Он смог даже написать короткую записку матери и на наших глазах умер от потери крови. Здесь же рядом со щелью мы похоронили его, курсанта Панчехина Валентина, Копылова Евгения, Кулакова Алексея, Исипова (опечатка, вероятно, Осипов. — *А. И.*) Ивана. Многие курсанты получили лёгкие ранения. Нас осталось совсем мало».

Далее рассказывается о подготовке к взрыву и подрыве 11 октября моста через Выпрейку, когда на него въехал немецкий танк. 12 октября был получен приказ об отзыве в училище остатков сапёрной роты. До Малоярославца шли пешком, далее на попутных машинах и по железной дороге. По прибытии в училище в строю 3-й роты было всего 13 человек. Выяснилось, что оно эвакуировалась и движется эшелонами в г. Мензелинск Татарской АССР. Курсантам присвоили офицерские звания и направили в Ташкент на формирование.

К воспоминаниям И. И. Большакова приложен список личного состава 3-й роты, воевавшей на Варшавском шоссе, из 6 офицеров и 23 курсантов (кого удалось вспомнить). Он также дописал от руки: «Из исторического формуляра МВИУ».

Убыли на фронт 06.10.41, возвратились 18.10.41. На фронт убыло 17 командиров и 100 курсантов. Возвратилось 40 чел. (разница с указанными выше 13 чел., скорее всего, объясняется тем, что позднее в училище с места боёв вернулись ещё какие-то группы курсантов, а также возвращением курсантов из госпиталей после излечения. — *А. И.*). Подготовили к взрыву 29 мостов, из них взорвали 15. Уничтожили 3 склада (продовольственный, бензосклад и боеприпасов). Подготовили ротный район обороны и держали оборону в течение 5 суток. Потери: убитых 22 (28)?, раненых — 7, пропавших без вести — 8» [2].

Аналогичны по содержанию, только значительно лаконичнее воспоминания бывшего курсанта Владимира Чеботарёва, также после войны служившего в Военно-инженерной академии [3].

В справочнике «Красная армия в самой крупной битве истории» о военных формированиях, участвовавших в Московской битве (30.09.41–20.04.42), перечислены 10 военных академий, 10 военных училищ и две военных авиашколы. Среди них названо МВИУ с пометкой: «В боях участвовало две роты» [4].

В 2011 г. полковник в отставке С. Ф. Митропольский прислал мне вырезку из газеты г. Юбилейного «Спутник» со статьёй Виктора Орлова «Болшевские курсанты», в которой говорится, что 9-я рота училища (командир лейтенант В. Е. Семилуцкий) поступила в распоряжение (38-го) Калужского укрепрайона и взорвала 6 деревянных и один железобетонный мост, заминировала два путепровода на шоссе на дорогах, произвела усиление (для прохода тяжёлой военной техники. — *А. И.*) двух деревянных мостов на фронтовой рокаде. Курсанты были инструкторами при установке противотанковых минно-взрывных заграждений у Полотняного Завода. По приказу командующего 49-й армии взорвали ТЭЦ и водонапорную башню в Калуге. Работами руководил командир батальона майор В. К. Городецкий. На р. Оке у дер. Корекозово содержали наплавной (на баржах) мост, а затем при подходе немцев взорвали его, за что получили благодарность от командира 7-го арtpолка, прикрывавшего отход наших войск (в этом месте Сергей Фёдорович своей рукой дописал: «В подготовке к взрыву наплавного моста участвовал и мой взвод. Мост взорвали, когда немецкие танки подошли к реке и готовились захватить мост»).

Часть курсантов из училища 20 декабря убыла в Севастополь для выполнения задания по возведению инженерных заграждений вокруг города. Курсанты 6-й роты (командир лейтенант Рязанцев) были направлены в распоряжение начальника инженерных войск Московской зоны обороны. Из них было сформировано пять подрывных команд, которые под руководством начальников объектов и преподавателей Военно-инженерной академии подготовили к взрыву мосты в Москве и несли на них боевое дежурство, а затем, когда угроза была снята, разминировали их. 50 курсантов были включены в состав оперативно-инженерной группы начштаба инженерных войск Красной армии генерала И. П. Галицкого [5].

К этому следует добавить, что в книге Н. А. Прусаковой «События Московской битвы», выпущенной музеем истории г. Обнинска к 70-летию Победы, сообщается: «В конце апреля 1942 г. специалисты инженерной службы во главе с столько что назначенным начальником инженерной службы Западного фронта генерал-майором И. П. Галицким осмотрели местность и приступили к работам, вылившимся в создание на обнинской земле образцового, единственного во время войны военно-инженерного комплекса». Речь идёт о заглублённом командном пункте Западного фронта, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков. Но вопрос участия выпускников МВИУ в сооружении этого КП требует дальнейшего исследования [6].

В свою очередь, историк Ю. Г. Веремеев в 3-й части краткого исторического очерка «История инженерных войск Русской армии» предложил свою трактовку событий: «При подходе немцев к Москве из числа слушателей Военно-инженерной академии и Московского военно-инженерного училища было сформировано 10 подвижных отрядов заграждения (ПОЗ) по 50 человек в каждом. В ходе боёв они непосредственно перед наступающими танками выставляли группы мин, подрывали дорожные сооружения. Этими отрядами было израсходовано более 24 тыс. мин, около 500 тонн взрывчатки. На этих минах подорвалось около 200 танков и 120–150 автомобилей противника (это зафиксировано документально). Однако отряды заграждения сами понесли тяжёлые потери. Можайская линия обороны (МЛО) помогла задержать немцев на 7–9 дней» [7].

В конце октября 1941 г. МВИУ было передислоцировано в г. Мензелинск Татарской АССР (в Википедии в Мензелинске этот факт отражён, а на официальном сайте администрации Мензелинского района в разделе «История» упоминается лишь военно-политическое училище. — *А. И.*), но уже в апреле 1942 г. обучение возобновилось в Болшево. Всего за годы войны в МВИУ были проведены 38 выпусков военных инженеров. По различным данным, от 20 до 34 выпускников училища были удостоены звания «Герой Советского Союза».

Отличием МВИУ в войну от всех других военно-учебных заведений стала женская рота. По воспоминаниям полковника в отставке Б. М. Денисова, в конце ноября 1942 г. в училище поступил приказ произвести специальный набор девушек для обучения по программе командиров взводов. Идея исходила от ЦК ВЛКСМ. Из девушек, ожидавших распределения по войсковым частям на женском формировочном пункте на ст. Очаково, отбирали добровольцев в возрасте 18–20 лет с полным средним образованием со сдачей экзаменов и через медкомиссию. Из 87 кандидаток поступило 75. Это было единственная в истории инженерных войск 12-я по училищной организационной структуре женская рота.

Командовал подразделением капитан Яременко, взводами — старшие лейтенанты Дроздов, Митропольский, Сидельников, лейтенант Дробинин. Выпуск состоялся в декабре 1943 г. с присвоением звания младшего лейтенанта и назначением на должности командиров сапёрных взводов. Несколько девушек было оставлено в училище инструкторами (в этой роте прошла обучение и родная сестра С. Ф. Митропольского Анна Митропольская, награждённая впоследствии орденом Красной Звезды. — *А. И.*). Не вернулась с фронта каждая четвёртая [8].

На 30-летие Победы 9 мая 1975 г. в Москве на встречу прибыло 40 бывших курсанток женской роты. На встречу в 2002 г. прибыло только четверо [9].

Смысл этого формирования мне разъяснил в прошлом преподаватель Калининградского высшего инженерного училища им. А. А. Жданова полковник в отставке доктор исторических наук, профессор, руководитель Балтийского информационного центра Г. В. Кретинин, написавший: «В 1990 г. я снимал фильм «О славе сапёрной». Был в Кронверке Петропавловской крепости, там в этот же момент проходила встреча женщин-сапёров, участников войны (кстати,

они разминировали Одесский драмтеатр. Женщины-минёры, потому, что у них была особая чувствительность пальцев рук, способствовавшая успеху при разминировании мин-ловушек. Так вот, они очень хотели повидаться со своим командиром полковником Городецким, но он болел, уже не вставал. Бабульки, груди которых не было видно из-за орденов, заволновались: «Да мы его даже в таком состоянии принесём на нашу встречу!» Еле успокоили, но навестить его они всё равно смогли!»

12 октября 1944 г. в Болшеве в связи с 25-летием училища состоялось торжественное вручение ему Красного знамени и грамоты. 14 октября Указом Президиума Верховного Совета СССР училище было награждено орденом Красного Знамени. Ещё один Указ № 724/605 от 14 октября 1944 г. «О награждении орденами и медалями генералов, офицеров, сержантского и вольнонаёмного состава МВИУ» — среди награждённых орденом Красной Звезды замкомандира батальона курсантов капитан М. Ф. Бакун, а командир роты старший лейтенант С. Ф. Митропольский удостоен ордена «Знак Почёта» [10].

24 июня 1945 г. Московского Краснознамённого военно-инженерного училища участвовал в Параде Победы. С 1946 г. училище несколько раз меняло название, переводилось в Ленинград, затем в Калининград, где в 1960 г. расформировано, часть офицеров и курсантов уволили, других перевели в Тюменское военно-инженерное училище, которое тоже было расформировано.

В фондах музея «Ильинские рубежи» сохранилось письмо командира роты С. Ф. Бакуна следопытам Ильинской школы Малоярославецкого района от 27 ноября 1966 г. С одной из названных в нём девочек — Людмилой Васильевной Мусатовой (Гушиной) — мы встретились. Она рассказала о следопытской работе своих одноклассников под руководством учителя истории А. М. Кузьмичёвой, о том, что во второй половине 1960-х гг. в Ильинское на праздники, особенно на День Победы, приезжало много бывших подольских курсантов и курсантов инженерного училища. «Некоторые приезжали на несколько дней, участвовали в различных мероприятиях, общались между собой, вспоминая былое, обходили боевые позиции, на которых довелось воевать. На каждое 9 Мая был подполковник И. И. Большаков — интеллигентный, высокий. Нам было очень интересно слушать их рассказы, мы даже не знали тогда, что через наше Ильинское проходила Можайская линия обороны, не знали, что на Ильинском рубеже так много дотов».

Погибшие курсанты-инженеры должны быть захоронены в могилах от р. Изверь до Кудиново. Указаны ли на братских могилах и памятниках населённых пунктов вдоль Варшавского шоссе их имена?! В Малоярославце есть улица Подольских курсантов, в Ильинском — памятник им, а также школа и улица названы в их честь, в г. Юбилейном Московской области, который недавно был присоединён к г. Королёву, имеется улица Героев-курсантов. Может быть, надо память этих курсантов как-то увековечить и на Калужской земле?

Список литературы

1. Горелов В. Н. Воспоминания из фондов музея «Ильинские рубежи».
2. Большаков И. И. Воспоминания из фондов музея «Ильинские рубежи».
3. Чеботарёв В. П. Воспоминания из фондов музея «Ильинские рубежи».
4. Красная армия в самой крупной битве истории. Справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве (30.09.41–20.04.42). М.: Воениздат, 2007. С. 118–119.
5. Орлов В. Болшевские курсанты // Газета г. Юбилейного Московской области «Спутник». 2008. 8 окт.
6. Прусакова Н. А. События Московской битвы. Калининград: ООО «Аксиос», 2015. С. 212–213.
7. Веремеев Ю. Г. army.armor.riev.ua/engeneer/ing_history.shtml
8. http://mviu60.3dn.ru/publ/vypuski/12_rota/17-1-0-100
9. Шмелёв А. Девушки-сапёры // Газета «Калининградка». 04.06.2002. mviu60.3dn.ru/pub/vjspominanija/devuski_sapjory/16-1-0-13
10. Forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=38060.20

ВЫЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАНТОВ СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ БЕЗОПАСНОСТИ И ПАРТИЙНЫМИ СТРУКТУРАМИ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД С 1941 ПО 1944 г.

А. Д. Полугодин,

*аспирант IV года обучения Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского,
учитель истории и обществознания*

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50» г. Калуги

Объективный анализ проблемы выявления коллаборантов советской системой на сегодняшний день является одной из самых сложных и актуальных задач. В советский период ввиду недоступности ряда очень важных источников этот вопрос практически не рассматривался, не считая вышедших в свет редких сборников, содержащих фрагменты протоколов судебных заседаний над нацистскими преступниками и их пособниками [25]. По идеологическим и политическим причинам, господствующим в то время, объективность применения наказания ни у кого из обозревателей не вызвала сомнений.

Ситуация резко изменилась с распадом СССР, последующей демократизацией общества, открытием доступа к архивным источникам и формированием новых запросов общества на дальнейшую разработку этого направления. Стали публиковаться исследования, содержащие самые разнообразные тезисы. Одна часть специалистов считала действия советского государства излишне суровыми по отношению к лицам, сотрудничавшим с врагом [11, 23, 30]. Другие же, наоборот, отмечали применение системой к коллаборантам дифференцированного подхода, изменяющегося на протяжении всего хода войны. Некоторую суровость государственных мер к отступившимся авторы этой категории объясняли влиянием на следственный процесс различных объективных и субъективных факторов, что, естественно, вело к неизбежным издержкам [7, 8, 15].

Актуальности проблеме изучения придаёт то обстоятельство, что исторический спор по этому вопросу в полной мере не решён и по сей день. Даже сейчас среди специалистов имеется немалое количество сторонников вышеупомянутых точек зрения.

Новизна исследования содержится в применении автором многочисленных источников из региональных архивов, а также материалов ограниченного доступа из хранилищ Управления ФСБ РФ по Калужской, Смоленской областям. Это позволяет иначе исследовать проблему, выработать объективное мнение.

С самого начала войны советское государство активно начало принимать меры по преодолению различных проявлений коллаборации и неустойчивого поведения граждан. Нормативно-правовые акты исходили как со стороны советского руководства и партийных структур, так и по предложению отраслевых ведомств. В ряде прилегающих к фронту областей в срочном порядке вводилось военное положение, а на объявленных на военном положении территориях широкие полномочия передавались командующим армиями и дивизиями, которые получали право применять административные меры по выселению социально опасных лиц [18. С. 5].

Параллельно происходило формирование структур, способных оперативно выполнять судебные функции. На базе областных судов создавались военные трибуналы, выносящие решения в течение 24 часов по особым антигосударственным делам (спецделам), с правом применения расстрелов, а также комиссии при членстве сотрудников НКВД — Особые совещания, разгружавшие громоздкий репрессивный аппарат и разбиравшие наиболее лёгкие категории спецдел [18. С. 8–9; 67]. В виду усложнения обстановки к ноябрю 1941 года право на вынесение расстрельных приговоров получили и эти институты.

С другой стороны, в правотворческую работу активно подключались и правоохранные структуры: прокуратура, НКВД, постоянно вносящие коррективы в осуществление деятельности своих сотрудников. Уже 24 июня 1941 г. выпущенная НКГБ СССР № 136 предписывала арестовывать всех паникёров, трусов, предателей, лиц, проявивших свою «антисоветскую сущность» [18. С. 114].

Однако 28 июня 1941 г. в совместной директиве НКГБ, НКВД, Прокуратуры СССР отмечалось, что для выявления возможных изменников и дальнейшего их привлечения к ответственности

необходимо не полагаться только на документальные установки, но и вести серьёзное справедливое следствие. Как показала практика, многие такие формальности оказались лишь на бумаге и зачастую расходились с делом. Так, из-за процессуальных нарушений и своевольства ряда сотрудников в указании УНКГБ по Курской области горисполкомам НКГБ вменялось проводить задержания лиц только с санкции прокурора [18. С. 138].

12 декабря 1941 г. вышел приказ НКВД об оперативном чекистском обслуживании местностей, освобождённых от врага, который охарактеризовал действия социально опасных лиц по категориям «предательство, изменничество, провокаторство, пособничество». Несмотря на господствующие в современной историографии стереотипы, приказ не давал право оперативникам расстреливать каждого подозреваемого и даже, наоборот, ведомство НКВД обязано было организовать тюремное помещение, развернув следственную работу. Всех лиц, причастных к антисоветской деятельности, предписывалось немедленно арестовывать [19. С. 413].

Вышедшее указание НКВД от 18 февраля 1942 г. вносило некоторые коррективы, согласно которым аресту подлежали все служащие немецких органов власти, карательных, военизированных, разведывательных формирований, а также лица, добровольно и активно помогающие немцам в изъятии провизии, помощи в карательных акциях, поимке подпольщиков и партизан. Категории лиц, попадающие под гражданско-бытовой коллаборационизм, ничем в серьёзном не замеченные, приказывалось всего лишь брать на учёт и к ответственности пока не привлекать.

На деле такая «формальная справедливость» не всегда находила отклик у сотрудников. В сборнике «Из бездны небытия» содержится значительное количество фамилий лиц, сурово осуждённых по спецделам, впоследствии подвергшихся реабилитации [9]. Интересно будет рассмотреть ряд таких дел по материалам архива Управления ФСБ РФ. Некто гражданин А. до оккупации был председателем колхоза. Обвинялся в том, что работал у немцев старшиной, помогал изымать зерно у крестьян. На очной ставке против него высказалось 6 свидетелей, свою же вину бывший управитель не признал, сославшись на обстоятельства, повлиявшие на его выбор. В итоге военный трибунал определил срок наказания для него в 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Видимо, в данном случае свою роль сыграл тот факт, что в прошлом А. являлся образцовым работником, что позволило смягчить меру наказания [1. Д. П10263/2. Л. 20, 28, 36, 55]. Меньше повезло колхознику А. из д. Сяглово Думиничского района. Обвинялся в активной пропаганде, восхвалении германской армии, помощи немцам в изъятии имущества. Свою вину частично отрицал. Военным трибуналом 97-й стрелковой дивизии был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества «за активное выполнение распоряжений фашистских властей» [1. Д. П10484/2. Л. 2–49]. Видимо, против него сыграло то обстоятельство, что этот человек не являлся должностным лицом, а проявил «изменническую» активность добровольно.

Суровые наказания были вынесены также и двум женщинам, позволившим неудачно выразить свои мысли. Жительница д. Большое Заборье Кировского района Ан. за критику Сталина и советской системы получила 7 лет ИТЛ, а гражданка Ал., жительница д. Беклемишево Мещовского района, — 10 лет ИТЛ [1. Д. П15566/2. Л. 2–28; Там же. Д. П9702/2. Л. 2–22]. Разница, повлиявшая на вынесение меры наказания, состояла в том, что гражданка Ал. до конца отстаивала свою правоту, отрицала все обвинения, к тому же имела репрессированных родственников, что сыграло против неё. Также за антисоветскую агитацию ограничением свободы сроком на 5 лет поплатился и бывший староста с. Маклаки Думиничского района Ам. Его не спасло и то обстоятельство, что имелись свидетельские показания в его защиту [1. Д. П9453/2. Л. 7–53].

Ситуация с привлечением к ответственности могла иметь и другой сценарий. Староста одной из деревень в Смоленской области был отпущен органами домой по причине незначительного нахождения в своей должности [29. Д. 24. Л. 110–112].

В аресте старосты д. Косякино Дзержинского района В. А. Власова было отказано по причине выявления прокуратурой фактов недостаточной проработки оперативниками свидетелей [27. Д. 944. Л. 205]. Старосту д. Попелево Козельского района вырвали из цепких рук органов советского правосудия сами граждане, заявив, что тот стал им по принуждению и народ не обижал [10. С. 14].

Таким образом, становится ясно, что даже на первых порах советская система не имела чёткого плана борьбы с коллаборацией, вырабатывая их на ходу, а практические действия оперативников

и следователей не всегда носили одинаковый характер. Анализируя работу следственных органов первого периода, стоит признать, что по большей мере наказания начального этапа войны, действительно, носили весьма суровый характер. Очень часто к ответственности привлекали лиц за сам факт службы у врага или неосторожное антисоветское поведение. На первом этапе освобождения территории Тульской области было арестовано 4 667 чел.; в Подмосковье — 9 017 чел.; Орловской — 2 859; Смоленской — 4 510. Больше всего обвиняемым вменялись статьи «Измена Родине» и «Контрреволюционная агитация» [16. С. 219–224].

На февраль 1942 г. из 1136 задержанных за предательство и пособничество лиц по ряду недавно освобождённым районам Смоленской области военный трибунал рассмотрел 421 дело. К высшей мере наказания приговорили 246 человек (59%). Под оправдание попало всего лишь 12 человек (3%), что наглядно показывает, насколько суровым являлся подход в те времена [13. С. 119]. После освобождения районного центра г. Кирова Калужской области Красной армией были арестованы 26 ответственных работников Кировской горуправы, 13 полицейских из 17, 12 волостных старшин в 13 сельсоветах из 26; 26 старост. Всего с 20 января по 20 августа 1942 г. УНКВД РО Кировского района было арестовано 296 человек: 15 полицейских, 11 волостных старшин, 37 старост, 67 изменников, 27 сотрудников аппарата. Из 296 человек к высшей мере наказания приговорили 64 человека, а 71 — к различным срокам [22. С. 58]. Видимо, на этом этапе советская государственная машина пока ещё не в полной мере осознавала, что такое коллаборационизм и каковы его проявления. Член военного трибунала Ф. А. Мельниченко позднее вспоминал: «Полицейских, старост тоже судили. Они говорили, что им давали работу, на самом же деле все они являлись продажными шкурами: выдавали, предавали, вешали» [24. С. 250–254].

Не был совершенен и специальный государственный аппарат. Прокуратурой отмечались неоднократные процессуальные нарушения УНКВД в виде задержек сроков ведения следствия, случаев применения к подозреваемым насилия [27. Д. 1854а. Л. 122].

С другой стороны, неправильно было бы называть действия органов абсолютно беспредельными. В ходе следственного процесса некоторые грамотные следователи старались всё же соблюдать процедуру следствия: проводились очные ставки, опрашивались свидетели, находились улики. Проблема несовершенств кроилась в самом выработанном подходе государства к возможным коллаборантам, тяжёлыми условиями войны, нехваткой средств, технического оборудования, а также рядом субъективных факторов. Начальник контрразведывательного отдела УНКВД г. Москвы и Московской области С. М. Федосеев вспоминал: «Аппарат был просто не готов к такой борьбе. Коллектив УНКВД, ослабленный довоенными репрессиями, состоял преимущественно из молодых людей, пришедших в органы госбезопасности в 1938–39 гг. после годичной учёбы в Московской межкраевой школе ГУГБ НКВД. Средний возраст оперативных сотрудников к началу войны не превышал 25–26 лет. Большинство из работников имело начальное и среднее образование. Сотрудников с высшим образованием было очень мало. Вместе с Красной Армией врага учились побеждать и мы» [17. С. 226].

Неидеальна была и деятельность прокуратуры. На 1942 г. по Смоленской области из 92 сотрудников прокуратуры высшее образование имело всего 14 человек. Общий стаж работы следователя начинался с середины 1930-х гг. и составлял 5–6 лет, что, учитывая сложную специфику спецдел, является довольно небольшим [27. Д. 944. Л. 86–116]. В Орловской области юридического образования не имелось у 142 сотрудников, а высшее образование имел только один прокурор. С 1940 по 1941 г. по области было снято 15 работников, а 48 сотрудников прокуратуры получили дисциплинарные взыскания [5. Д. 112. Л. 1–26]. Некоторых работников критиковали за недостаточную активность в координации следствия и халатное отношение к работе.

Постепенно государство принимало меры по устранению этих недостатков. 14 декабря 1941 г. вышла директива НКВД «О мерах по подготовке кадров для работы в особых отделах НКВД», согласно которой требовалось организовать двухмесячную практику для отобранных для работы в спецотделах оперативников [27. Д. 1158. Л. 9].

Несовершенство системы порой устраняли и сами граждане. Их показания играли весьма важную роль в ходе следствия. Не запятнавшее себя предательством лицо, могло быть освобождено от ответственности за счёт обращений о помиловании самих жителей села или деревни в особые органы.

Одновременно фильтрация населения проходила через партийное сито. Из партии в срочном порядке исключались лица, добровольно регистрировавшиеся у немцев, помогавшие им или находившиеся на должностях в их структурах. В послании секретаря Смоленского обкома т. Попова секретарю Дзержинского райкома предписывалось проверить на первичных районных партсобраниях каждого коммуниста, не внушающих доверия лиц призывалось исключать [27. Д. 9. Л. 51]. Бывший секретарь подпольного РК ВКП(Б) Слободского района Смоленской области Шульц вспоминал: «Стали собирать коммунистов, восстановили советскую власть, начали работать и заодно проверять их. Тех, кто регистрировался у немцев, таких мы немедленно исключили, как и тех, кто вызывал сомнения» [29. Д. 281. Л. 15]. Из 266 коммунистов Дзержинского района, освобождённого в 1942 г, партбилеты на руках имел 121 человек. Документов не оказалось у 145 человек. Работали на немцев или прошли у них регистрацию 237 человек. Все они были отправлены на проверку. В Бабынинском районе 17% состава районной парторганизации оставались на оккупированной территории (62 из 350 чел.), в Детчинском районе — 60% (77 чел. из 128), в Жиздринском — 25% (107 из 428 чел.), в Калуге — 684 человек. Все эти лица были немедленно взяты на учёт и подверглись проверке [3. Д. 118. Л. 4, 8, 13, 36]. К началу декабря 1944 г. из 2 545 коммунистов Смоленской области 1 656 человек были исключены из ВКП(б) (65%), оставлены с взысканиями 889 человек. Уже к 1948 г. при окончательном анализе дел выяснилось, что из 2 830 «пассивных коммунистов, то есть тех, кто оставался без задания на оккупированных территориях, исключили из партии 2 074 чел, что составляет 73% [27. Д. 1487. Л. 300].

Не церемонилась советская машина и с сотрудниками государственных органов безопасности, нарушившими присягу. Основным видом наказания для струсившего сотрудника являлось тюремное заключение сроком на 10 лет. В случае же обнаружения в действиях бывшего работника активного пособнического начала наказание имело более серьёзный характер. Некто сотрудник органов С. был уволен за счёт наличия компрометирующих фактов на его жену, подозреваемую в контактах с немцами. Бывший участковый Г. был приговорён к расстрелу за то, что сдал оружие, проявил пассивность и был замечен в выдаче партизан [26. Д. 989. Л. 61–63].

В рамках исследуемого вопроса нельзя не упомянуть и о внесудебных расправах над подозреваемыми. Как правило, при угрозе повторной оккупации ряда районов имелись данные о расстреле органами безопасности заключённых с незаконченными делами. При попытке немцев повторно взять г. Людиново в январе 1942 г. несколько заключённых были расстреляны чекистами до окончания следствия [4. Д. 8. Л. 21]. В такие списки могли попасть и люди, ничем особо в серьёзном не обвиняемые. Так, житель д. Макутино Ярцевского района Ш. был избран старостой. Несмотря на положительные отзывы о нём граждан и признание факта занятия соответствующей должности, он остался за решёткой. При угрозе повторной оккупации Ярцевского района решением УНКВД был расстрелян. Только в 1991 г. был реабилитирован [2. Д. 26185с. Л. 1–26].

Примерно со второй половины 1942 г. ситуация начинает существенно изменяться. После освобождения ряда западных районов РСФСР Красной армией в ходе боёв 1942–1943 гг., дальнейшим ознакомлением ситуацией на местах, процедуре изъятия вероятных пособников начинают уделять особое внимание. 26 января 1943 г. вышла директива НКВД, предписывающая в освобождённые города и районы направлять только опытные оперативно-следственные группы. Аресту, как и раньше, подлежали все сотрудники немецкой администрации и полиции [20. С. 104]. 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР выпустил указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев и их прислужников», в которых разграничил понятия «изменник» и «пособник», определив степень наказания в виде смертной казни для одних и арестом сроком 15–25 лет для других. Наконец 26 ноября 1943 г. вышло постановление Пленума Верховного Суда СССР, по которому ответственности не подлежали лица, в том числе находившиеся в административных должностях, но помогающие партизанам или населению, а также ничем не запятнавшие себе мелкие служащие управ. Особо отмечалась в документе роль добровольной явки с повинной [21. С. 572].

Смягчение подхода можно отметить и на практике. Примечателен тот факт, что с 1943 г. многие старосты и полицейские призывного возраста, ничем себя не запятнавшие, начинают активно

привлекаться государством для службы в частях наступающей Красной армии [27. Д. 1697. Л. 14]. За полгода с октября 1944 по март 1944 г. около 37% дел Смоленской области было прекращено ввиду зачисления бывших подозреваемых в количестве 391 человек в части Красной армии для дальнейшего искупления своей вины на фронте.

В некоторых моментах изменяется и партийный контроль. УНКВД по Смоленской области приказывало арестовывать только тех коммунистов, кто проявил добровольное рвение на службе у врага, тех же, кто просто прошёл регистрацию, в некоторых моментах к ответственности не привлекались [27. д. 936. л.10–11.]. Хотя всё же отметим, что позиция партии к таким людям оставалась суровой даже по окончании оккупации. Из 116 коммунистов Хотынецкого района Орловской области 99 человек оставались на оккупированной территории. Из них оставили в должности только 57 человек [6. Д. 109. Л. 25, 37, 50]. Всего с апреля 1942 по апрель 1944 г. партийные органы областного и районного уровней Смоленской области рассмотрели 3 234 дела на изменников Родины. Исключению подверглись 809 человек, а 131 оправдательное решение райкомов Обкомами было отменено [28. Д. 90. Л. 1–6.].

Конечно, анализируя процесс поиска возможных коллаборантов, нельзя не упомянуть и о нерешённых проблемах системы на рассматриваемом этапе. Как и раньше, сохранялись полномочные противоречия между органами прокуратуры и УНКВД., что в ряде случаев приводило к острым конфликтам. Так, начальник Издешковского РО НКВД Винокуров не захотел выполнить указание прокурора Новикова об освобождении ряда мелких пособников. Управляющий районным отделением даже не пустил представителя надзирающего органа в КПЗ для проверки [27. Д. 1159. Л. 293.]. В итоге за такие действия Винокуров понёс дисциплинарное наказание. Причина такой «лёгкой» меры воздействия, скорее всего, объясняется недостатком кадров на местах, являющейся серьёзной проблемой того времени. Никуда не делись и старые проблемы: слабая проработка свидетелей, неправильное толкование дел, что влекло за собой процессуальные нарушения. В одном эпизоде толковым следователем было выяснено, что свидетели имели личные счёты с подозреваемым, а оперативники этот момент проглядели [27. Д. 1481. Л. 281]. В Ершицком районе Смоленской области за ноябрь 1944 г. 64% всех дел было рассмотрено с нарушением норм УПК по причине превышения сроков проведения следствия [27. Д. 1487. Л. 251]. В таком случае государство шло на встречу мелким коллаборантам и отпускало их. В Издешковском районе Смоленской области были освобождены 153 человека из 266. В целом в ряде случаев смягчение приговоров к 1944 г. достигало уже около 30%, от общей массы в отличие от 5–10% периода 1941–1942 гг. [27. Д. 1159. Л. 292].

Всего же по 27 районам Калужской области к 31 декабря 1944 г. за сотрудничество с оккупантами органами НКГБ было арестовано и предано суду 6 272 человек, в том числе 152 агента немецких разведорганов, что относительно немного с учётом общей довоенной численности населения региона более миллиона человек. В Калуге данный показатель составляет 650 человек, в Сухиничском районе — 647 человек, в Дзержинском районе — 457 человек. Из 1 182,3 тыс. человек, проживающих до войны в области, к концу 1944 г. за коллаборационизм и другие подобные преступления было привлечено около 0,53% довоенной численности населения [14. С. 243].

Стоит отметить, что относительно низкий показатель учтённых активных коллаборантов отмечался и в соседней Смоленской области [12. С. 36].

Подводя итог, выскажем мнение, что действия репрессивной машины советского государства на протяжении всего периода Великой Отечественной войны нельзя относить к целенаправленно устоявшимся, не подвергающимся изменениям. Из изученных источников видно, что государство подстраивалось под сложные условия военного времени и могло допускать ошибки. С самого начала, действуя по шаблону 30-х гг., оно не учло сложность и неоднозначность такого явления, как коллаборационизм, с его проявлением на различных уровнях, что объясняется применением довольно суровых мер на первых порах. Нельзя также списывать со счетов и субъективные факторы.

Однако надо отдать должное правительству и системе, что с их стороны постепенно происходило осознание своей неправоты. Установленные несовершенства устранялись по ходу накопления опыта и знаний о тех, с кем надо бороться. Уже к концу 1943 г. при стабилизации обстановки, более

тщательном рассмотрении дел и смене подхода мы видим некоторое смягчение репрессивной политики к коллаборантам, повышение эффективности работы органов прокуратуры и НКВД, что сокращало количество брака, усиливало справедливое начало в процессе следствия.

Список литературы

1. Архив управления Федеральной службы безопасности Калужской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 2. Оп. 1.
2. Архив управления Федеральной службы безопасности Смоленской области (АУФСБ РФ СО).
3. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) Ф. 55. Оп. 20.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3466. Оп. 2.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО.) Ф. 52. Оп. 1.
6. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2.
7. *Журавлёв Е. И.* Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия «История. Политология. Экономика». 2013. № 22 (165). Вып. 28. С. 154–160.
8. *Земсков В. Н.* К вопросу о судьбе советских репатриантов // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). С. 12–17.
9. Из бездны небытия: Кн. Памяти репрессированных калужан / авт.-сост. Ю. И. Калиниченко. Калуга: Золотая аллея, 2003.
10. *Калинин И.* Жили мы на острове отчуждения // Калужские губернские ведомости. 2004. № 24, 25–30. С. 14.
11. *Комаров Д. Е.* Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета. № 1(21). 2013. Исторические науки. С. 197–209.
12. *Комаров Д. Е.* Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) // Приволжский научный вестник (Ижевск). 2012. № 10. С. 32–42.
13. *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015.
14. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков и др.; редкол. В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015.
15. *Кудряшов С. В.* Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР // Учёные записки Казанского университета. 2012. С. 83–88.
16. *Мозохин О. Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918–1953 гг.). М.: Вече, 2018.
17. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995.
18. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000.
19. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000.
20. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. М.: Русь, 2008.
21. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 2. М.: Русь, 2008.
22. *Писаренко И. С.* Кировский район в Великой Отечественной войне // Песоченский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 58.
23. *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002.
24. Сталиногорское направление: сб. док и мат. / сост. А. Н. Лепехин, А. Е. Яковлев. Тула, 2017.
25. Суд над немецкими мерзавцами: судебный процесс по делу о зверствах нем.-фашист. захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации: Сб. материалов. Красный Крым, 1943.
26. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3.
27. Центр документации новейшей истории Смоленской области (далее ЦДНИСО). Ф. 6. Оп. 1.
28. ЦДНИСО. Ф. 6. Оп. 2.
29. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1.
30. *Щеров И. П.* Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск: Универсум, 2005.

ОБ ОДНОЙ ИЗ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СУДЬБА ГЕНЕРАЛА А. Г. ПОТАТУРЧЕВА

А. П. Черников,

доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России

Великая Отечественная война, самая кровопролитнейшая в истории человечества, всё ещё таит немало загадок, событий, забытых фактов, связанных с судьбами и жизнями её участников. Об одной из таких судеб моё повествование.

Моя малая родина — большое старинное село Ленино Тульской области. До 1919 г. оно называлось Князищево и было волостным центром Лихвинского уезда Калужской губернии.

Многие годы по соседству с нами жили супруги Потатурчевы. Глава семьи Герасим Андреевич был тихий, добрый, по-своему мудрый, с большим жизненным опытом мастеровой человек. Знал толк не только в хлебопашестве, но и в штукатурном и в плотницком делах, искусно плёл лапти, в последние годы жизни был в колхозе шорником, ремонтировал на дому конскую упряжь. Его жена, украинка Анастасия Ивановна, была, напротив, крупной, осанистой, говорливой и бойкой женщиной. Я любил к ним ходить. Привлекал не только приветливый хозяин, но и различные инструменты, аккуратно разложенные в уголке на лавке. В начале 1950-х гг. Герасим Андреевич умер, а его жена долго вдовствовала, работала в колхозной овощеводческой бригаде, а в старости перебралась в Одоевский дом для престарелых Тульской области, где в 1960-е гг. и скончалась.

Общаясь с Потатурчевыми, я и не подозревал, что они родители сына-генерала. Через много лет, будучи студентом, я в летние месяцы вместе с сельскими мужиками принимал участие в сенокосных работах. Там довольно близко сошёлся с Фёдором Сергеевичем Родиным, умным, рассудительным крестьянином. Он и сообщил мне кое-какие скудные сведения о единственном сыне Потатурчевых. Их подтверждение я позже нашёл в архивах и в сети Интернет.

Ещё в юности крестьянский сын Герасим Потатурчев овладел мастерством штукатура и не раз отправлялся на отхожие промыслы на Донбасс. Там женился на бойкой певунье и плясунье Насте. Вскоре молодые перебрались в Князищево, где 2 ноября 1898 г. у них родился сын Андрей. После окончания князищевской земской четырехклассной школы подросток продолжал жить с родителями, а в 14 лет уехал на Донбасс, где устроился работать конононом на одну из шахт.

В начале 1917 г. Андрей Потатурчев был призван в армию. Служил артиллеристом в Смоленске. В феврале следующего года ефрейтор Потатурчев вместе со своими сослуживцами вступил в Петроградский партизанский отряд, который осенью 1919 г. влился в Красную армию. Вскоре юноша был отправлен учиться на Петроградские артиллерийские курсы, затем в должности командира артиллерийской батареи сражался против войск Юденича, белоэстонцев, отрядов Петлюры и белополяков. После Гражданской войны Андрей Потатурчев связал свою военную судьбу с только что начинавшими формироваться танковыми частями. В 1926 г. он окончил школу танковых механиков, а в 1935 г. — Военную академию моторизации и механизации РККА и после этого два года служил в Харькове командиром учебного танкового батальона. В 1938 г. Потатурчева назначают начальником автобронетанкового управления Белорусского военного округа, вскоре переименованного в Западный особый военный округ, на который в первые же дни войны будет обрушена основная мощь гитлеровских войск. Через год Андрей Потатурчев становится командиром элитного соединения Красной армии — 21-й тяжёлой танковой бригады, дислоцировавшейся в городе Белостоке. Таких бригад на то время в нашей армии было всего четыре. До Потатурчева этим подразделением командовал полковник В. В. Фавицкий, видный советский теоретик танковой войны. Служил А. Потатурчев, судя по всему, очень хорошо, потому что в июне 1940 г., когда в нашей армии были введены генеральские звания, ему присваивают звание генерал-майора бронетанковых войск.

Вскоре начался процесс образования крупных воинских соединений — танковых корпусов. Всего к началу войны наша армия имела восемь таких корпусов. Двадцать первую танковую бригаду

преобразовывают в 4-ю танковую дивизию 6-го мехкорпуса 10-й армии. Потатурчев назначается комдивом. На сорокалетнего генерала возлагают большие надежды как на будущего крупного военачальника. Четвёртую танковую дивизию превращают в элитную. Достаточно сказать, что она вошла в тройку наиболее технически оснащённых воинских частей Красной армии. Дивизия была укомплектована тяжёлыми 68-тонными танками «КВ» и новейшими советскими танками, знаменитыми «тридцатьчетверками». Их к началу Великой Отечественной войны в 4-й танковой дивизии было 116, а всего под началом генерала находились 355 танков. Некоторые из них, помимо традиционного вооружения — пушек и пулемётов, были дополнительно оснащены огнемётами. Кроме того, дивизии были приданы пехотный и артиллерийский полки. Общая численность солдат и офицеров составляла в дивизии почти 11 тысяч.

Согласно приказу командующего 10-й армии генерала К. Д. Голубева, дивизия вступила в бой с фашистскими войсками 24 июня 1941 г. Перед этим она была разделена на две части: танки вошли в состав оперативной группы генерал-лейтенанта И. В. Болдина для контрудара под Гродно. А пехота и артиллерия получила приказ оборонять переправы через реку Нарев и железнодорожный мост в районе Белостока. Комдив Потатурчев не был согласен с таким расчленением своего подразделения, но приказ, разумеется, выполнил. Дивизия нанесла мощный удар по немецким войскам под Гродно, несмотря на ожесточённое сопротивление противника и массированные авиационные удары. Однако и сама в ходе боёв понесла большие потери. По признанию немецких военных историков, движение гитлеровских войск было замедлено, они потеряли три с половиной дня, необходимых им для наступления.

На контрударе под Гродно история боёв 4-й танковой дивизии не закончилась. Она в составе других наших частей приняла участие в прорыве из «Белостокского котла», сковав на несколько дней наступление немецких армий «Центр». Но к 30 июня 1941 г. в ходе ожесточённых боёв в дивизии кончились боеприпасы и горючее. Оставшиеся, теперь ставшие бесполезными боевые машины были по приказу комдива взорваны. Часть из них попала в руки врага. Остатки дивизии, превратившиеся в пехоту, пытались вырваться из окружения, вели непрерывные бои с 10-й мотопехотной дивизией противника и с танками Гудериана. Вырвавшиеся из окружения разрозненные отряды и группы наших солдат и офицеров делали отчаянные попытки пробиться в район Барановичей на соединение с нашими войсками.

Далее возникают некоторые нестыковки в освещении военной судьбы генерала А. Потатурчева. Дискуссии по этому поводу идут последние годы в сети Интернет. Их катализатором явились вышедшие в начале XXI в. две книги: документальная повесть белорусского журналиста М. Ф. Кадета «Тайны скорбного лета» (Минск, 2000) и публицистическая работа немецкого журналиста Пауля Кареля «Гитлер идёт на Восток».

Книга М. Кадета построена как рассказ жены генерала Марии Алексеевны Рингель-Потатурчевой (1900–1980), врача-гинеколога, с которой беседовал автор этой документальной повести. Вот основное содержание рассказа М. А. Потатурчевой. Из окружения генерал А. Потатурчев выходил вначале вместе с командующим 10-й армии К. Д. Голубевым. Под Минском их пути разошлись. Пробираясь к линии фронта, Потатурчев столкнулся с вольнонаёмным завхозом, работавшим перед войной в тылу 4-й дивизии, и тот узнал генерала. Он предложил Потатурчеву на время укрыться в доме его родственника. Генерал согласился, а ночью его схватили немцы: завхоз, судя по всему, оказался предателем. После двухсуточных допросов Потатурчева повели на расстрел. Но пуля прошла навылет ниже сердца. Очнулся генерал в воде, куда его, посчитав убитым, фашисты сбросили с обрыва. Заполз в камыши. Под вечер окликнул мужчину, пасшего коров. Когда стемнело, за Потатурчевым пришла девочка и привела в хату. Там его вымыли, переодели, накормили. Позже отправили к партизанам. Оттуда генерал вновь отправился к линии фронта, миновал её и в ночь на 4 января 1942 г. вышел из окружения в Тульской области. При содействии военных властей добрался на машине до Москвы, явился в наркомат обороны, где ему предложили дома написать подробное объяснение всего случившегося. Утром 6 января, рассказывала жена генерала, за ним приехала машина из наркомата обороны. Больше она мужа не видела. Передачи от неё вскоре принимать перестали. Позже объяснили, что 30 сентября 1945 г. А. Потатурчев умер в тюремной больнице.

Невозможно ответить на вопрос, действительно ли жена генерала всё это говорила автору книги, или тот сам, от её имени, придумал этот сюжет в духе современных детективов и фэнтези. Дело в том, что повествование М. Ф. Кадета опровергается рядом других источников, прежде всего книгой немецкого журналиста и историка Пауля Кареля «Гитлер идёт на Восток». Она была написана в разгар «холодной войны» и вышла в свет в Западной Германии в 1963 г. переведена на многие европейские языки.

В нашей стране она находилась в спецхране Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и долгое время была доступна только специалистам. В 2003 г. книга П. Кареля была переиздана массовым тиражом издательством «ЭКСМО» [1].

Книги Пауля Кареля «Гитлер идёт на Восток» и «Выжженная земля», по авторитетному мнению наших видных военных историков, не являются строго научными трудами по истории Второй мировой войны. Но справедливости ради надо отметить, что автор стремился использовать как можно больше источников. Описание реальных событий войны он оживляет интервью с её участниками, дневниковыми записями, отрывками из документов и книг о войне, выпущенных на Западе и в СССР. В итоге получилось целостное историко-публицистическое повествование о действиях немецких войск на Восточном фронте, показанных в основном глазами немецких офицеров, генералов и солдат. Но написать по-настоящему объективную книгу о войне Карелю не удалось. Правдивые картины боевых действий перемежаются стереотипами, заимствованными ещё из геббелевской пропаганды: о неисчислимых сибирских и даже монгольских дивизиях, воевавших против немцев, о «коммунистах-фанатиках», о «непрестанных потоках американской военной помощи». Причины поражений гитлеровских войск автор склонен усматривать не в массовом героизме нашего народа, а в изначально авантюрных планах Гитлера, в плохих русских дорогах, в зимней стуже, в осенней и весенней распутице. В изложении некоторых военных событий, в биографиях советских государственных и военных деятелей, в статистических и географических данных имеются неточности. Ко многим положениям книги следует относиться критически, учитывая время её написания, взгляды автора и тех очевидцев, чьи суждения он приводит.

В плане интересующей нас истории книга ценна тем, что П. Карель приводит в ней протокол допросов попавшего в плен генерала Потатурчева. Правдивость этого документа подтверждает ещё одна, сравнительно недавняя публикация: в восьмом номере «Военно-исторического журнала» за 2011 г. ведущим инженером московского ЗАО «Вымпелком» А. В. Исаевым был опубликован хранящийся в Национальном архиве США протокол допросов Андрея Потатурчева [2].

Но и в названные материалы вкрались неточности. И Карель, и Исаев полагают, что Потатурчев попал в плен при попытке выхода из окружения. Из рассказа же моего земляка Ф. С. Родина следует, что генерал в начале августа 1941 г. в гражданской одежде и в лаптях, без видимых признаков ранения, появился в родном селе. Несколько дней он провёл с родителями, а потом ушёл в сторону Калуги. Эту информацию подтвердил и другой житель нашего села А. П. Казаков, которому на то время было 13 лет. Это событие Казаков не только запомнил, но позже и зафиксировал в своих воспоминаниях «Записки гармониста», первый, машинописный, экземпляр которых находится сейчас у проживающей в Жуковском районе Калужской области его дочери, а второй — у меня.

Свой путь генерал Потатурчев держал под Оршу, видимо, надеясь встретить там сослуживцев. Но ему фатально не повезло. 27 августа А. Потатурчев наткнулся на немецкий патруль. При нём нашли партбилет и служебное удостоверение и препроводили в штаб 221-й гитлеровской дивизии, находившейся в Бобруйске. Интерес к Потатурчеву со стороны немцев был велик, потому что он оказался первым советским генералом, попавшим к ним в плен. Всего за годы Великой Отечественной войны в немецком плену побывали 82 наших генерала.

Допрашивал А. Потатурчева в Бобруйске 29–30 августа 1941 г. полковник генерального штаба гитлеровской армии Хюбнер. Он и подписал протокол допросов. Остановлюсь на их основном содержании. Генерал объективно охарактеризовал боеспособность своей дивизии к началу войны, назвав прекрасной боевой машиной танк Т-34. Что касается тяжёлых танков «КВ», то они, по его словам, слишком медленны, а их моторы быстро перегреваются, зато они обладают мощной бронёй, не уязвимой для вражеских снарядов.

Своими полковыми командирами он был доволен, потому что почти все они были опытными, обстрелянными людьми, участниками финской войны. В то же время, отметил Потатурчев, основную массу офицеров дивизии составляли молодые люди, которые хотя и были технически грамотными, но у них отсутствовал необходимый боевой опыт.

Генерал собственноручно нарисовал и подписал схему боевого состава своей дивизии накануне войны. Почему-то именно это вызвало негативное отношение к нему со стороны наших блогеров. Некоторые из них даже посетовали, что Сталин мало расстрелял в конце 1930-х гг. предателей, подобных Потатурчеву. На самом деле никакого предательства и разглашения военной тайны здесь не было: дивизии уже не существовало, немцев, скорее, интересовало не расположение полков и батальонов уже не существовавшей дивизии, а прежде всего то, в какой мере Потатурчев был опытным, знающим своё дело командиром, владевшим ситуацией.

На вопрос, какой опыт лично он приобрёл в результате боёв в первые дни войны, Потатурчев указал в целом на достаточно эффективные действия немецкой противотанковой артиллерии, однако, отметил он, танкам «КВ» она не причиняла особого ущерба.

Потатурчев отрицательно отозвался о наличии в Красной армии комиссаров, которые, по его мнению, были «стратегически неграмотными», но наделены такой властью, что без их подписи не имел силы ни один приказ, подготовленный штабами. Подобное мнение разделяли многие участники войны, начиная от Г. К. Жукова и кончая рядовыми солдатами. Достаточно вспомнить, какой гротескный, карикатурный образ комиссара Мусенка создал в своём романе «Прокляты и убиты» бывший связист В. Астафьев.

На вопрос, что он думает о советских военачальниках Будённом, Ворошилове и Тимошенко, а также о Сталине, Потатурчев ответил так: «Тимошенко — это великий человек и очень хороший солдат. Нет никого лучше, чем он. Он строг, требователен и хороший тактик. Он располагает доверием всей армии.

Ворошилов — 60-летний старик. Он большой человек в России, поскольку занимает важное место в партии. Он больше политик, чем солдат. Спрошенный о Будённом, он сказал, что Будённый весьма популярен. Он очень известен и любим армией и народом благодаря Гражданской войне. В военном отношении он находится ниже Тимошенко» (с. 54).

Сталина он лично не знает. По его мнению, это умный, но жёсткий и даже жестокий человек. Репрессивными мерами в 1937 г. в отношении советских военачальников он нажил себе немало недоброжелателей.

В советской экономике, заявил генерал, он многим недоволен. Особенно это касается положения дел в колхозах, потому что крестьяне не заинтересованы в результатах своего труда, так как работают исключительно на государство. Следовало бы также, по его мнению, предоставить самостоятельность городским и сельским ремесленникам, вернувшись к практике нэпа.

Трудно сказать, были ли подобные ответы продиктованы желанием Потатурчева выжить, подыграв немцам, или это было его твёрдым убеждением. Вполне допускаю, что некоторые из его ответов составители протокола могли исказить и подтасовать. Во всяком случае, предвзятость, высокомерие и субъективизм по отношению к допрашиваемому ощущается в целом ряде мест протокола.

Особенно это высокомерие, арийско-нацистский снобизм звучит в выводах немцев о крайне низком, по их мнению, культурном уровне советского генерала и об отсутствии у него «сознания национальной чести и долга, которая является у нас само собой разумеющимся»: «Его внешний облик и поведение выдают в нём человека примитивного склада. Он коренастый, крепкосложенный, с чёрными волосами и усами. В одежде русского рабочего, которую он носил, в нём никак невозможно угадать офицера высокого ранга. Черты его лица не представляют ничего выдающегося. Поведение неуверенное и сдержанное, он перестаёт быть робким только тогда, когда к нему относятся вежливо и предупредительно.

В его осанке отсутствует строгость и уверенность, которую мы знаем по каждому немецкому офицеру. Правил этикета он практически не знает. Его манера есть просто невозможна. Положив на стол обе руки, он с чавканьем глотает свой суп <...>.

По словам переводчика, он не выбирает выражений и употребляет обычные сквернословия русских офицеров <...>. Здесь показывает себя отсутствие завершённого воспитания и образования.

Это наблюдение не является единичным, а повторяется в целом при многих допросах русских офицеров высокого ранга» (с. 56).

Необходимо заметить, что подобные негативные оценки содержатся и в протоколах допросов других советских офицеров высокого ранга. Их приводит в своей книге Пауль Карель. По этому поводу следует сказать следующее: наши генералы и офицеры были в основной своей массе выходцами из простой рабоче-крестьянской среды. Будучи интеллигентами в первом поколении, общей культурой, этикетом поведения они действительно владели недостаточно. Им некогда и неоткуда было все это усваивать, ибо в первую очередь они были озабочены тем, чтобы «учиться военному делу настоящим образом», овладеть наукой побеждать. И это им, как показал дальнейший ход Великой Отечественной войны, вполне удалось.

Что же касается генерала Потатурчева, то после допросов он был отправлен в концлагерь как обычный военнопленный, где претерпевал те мучения, которые выпали на долю наших пленных офицеров и солдат. Его переводили из лагеря в лагерь, причём всё более жестокого типа. Возможно, мстили за отказ вступить в армию Власова.

За четыре военных года генерал-майор А. Потатурчев прошёл все круги ада фашистских концлагерей. В мае 1945 г. он вместе с другими военнопленными был освобождён американскими войсками из концлагеря Дахау и доставлен в репатриационный пункт, находившийся в Париже.

27 мая 1945 г. секретарь И. В. Сталина положил ему на стол секретное донесение начальника советской военной разведки генерала В. Абакумова: «В соответствии с Вашим указанием вчера, 26 мая с.г. работниками Главного управления «СМЕРШ» на двух самолётах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной армии, три комбрига и один бригадный врач, находившихся в плену у немцев». В прилагавшемся к этому донесению списке значились 33 фамилии, в том и числе и А. Г. Потатурчев.

Генерал, чьё здоровье было безнадежно подорвано пребыванием в фашистских концлагерях, был помещён в больницу, а оттуда отпущен домой. Однако в ходе так называемой «спецпроверки» в ноябре 1945 г. он был арестован органами НКВД и помещён сначала в Лефортовскую, а затем в Бутырскую тюрьму, где и умер в июле 1947 г. в тюремном лазарете на 49-м году жизни.

В июне 1953 г. генерал-майор А. Г. Потатурчев был посмертно реабилитирован Военной коллегией Министерства внутренних дел СССР. Его жена вспоминала, что в августе этого же года её пригласили в пенсионный отдел Министерства обороны СССР и сообщили о назначении пенсии за полностью реабилитированного мужа.

У генерала Потатурчева было двое детей: дочь, 1924 года рождения, и сын, родившийся в 1925 г. О жизни дочери ничего не известно. А его сын тоже был участником Великой Отечественной войны. 11 апреля 1944 г. старший сержант Владимир Потатурчев погиб при освобождении Севастополя, о чём в Книге памяти этого города-героя есть соответствующая запись. Вдова генерала Мария Алексеевна Потатурчева умерла в Москве в 1980 г. Родители генерала до конца своих дней так ничего и не знали о его трагической судьбе.

Война не просто проехала тяжёлым танком по жизни крестьянского сына Андрея Потатурчева, но ещё покрутилась на ней своими мощными безжалостными гусеницами.

Список литературы

1. *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идёт на Восток. 1941–1943. М.: Изографус: ЭКСМО, 2003.
2. *Исаев А. В.* Генерал А. Г. Потатурчев в немецком плену // Военно-исторический журнал. М., 2011. № 8. Все цитаты из протокола допросов А. Г. Потатурчева приводятся по этому изданию с указанием страниц.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КАЛУГЕ (ПО ОПИСИ 1800 г.)

В. Г. Пуцко,

*заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств*

Случилось так, что в истории калужского зодчества о церкви Благовещения «что за старым острогом» упоминания крайне редки, хотя это было примечательное сооружение петровского времени с позже пристроенными трапезой и колокольней. Немного сохранилось и её изображений, к сожалению, не дающих ясного представления о характере архитектурных конструкций в целом: во всех известных случаях доминирует высокая колокольня, а сама церковь большей частью скрывается за домами и густыми кронами деревьев (рис. 1–4). Храм был выстроен в формах московского барокко, типа «восьмерик на четверике». В основном объёме переход от основания к восьмерику, по-видимому, был осуществлён с помощью ступенчатых тропов. Гранёный световой барабан приземистых пропорций. Фасады завершались округлыми тимпанами. С восточной стороны примыкал пониженный объём алтарной апсиды. Особо надо отметить ярусный барабан с главкой. Пластическая обработка плоскостей фасадов и барабана, насколько удаётся проследить по снимкам, ограничивается пилястрами и наличниками, а на углах четверика спаренные полуколонки. Стройный силуэт сооружения наполовину утратил свою привлекательность после пристройки массивной трапезы с фронтонами, перекрытой широким декоративным куполом, а затем последовавшее возведение колокольни превратило храм в несколько громоздкую постройку,

Рис. 1. П. С. Иванов. Благовещенская церковь в Калуге. Литография. Вторая четверть XIX в.

Рис. 2. Благовещенская церковь в Калуге. Фотография. 1900-е гг.

нарушившую первоначальный архитектурный замысел. Нам не удалось обнаружить обмерный план церкви, но о её размерах позволяют судить фундаменты, рельефно выступающие на поверхности ныне существующего сквера.

Краткую, но при этом достаточно информативную справку о Благовещенской церкви даёт в историческом путеводителе по Калуге Д. И. Малинин, отмечая, что она впервые значится в описи 1685 г., ещё деревянная, с приделом Георгия и 5-ю колоколами, «за старым острогом»; в 1718 г. построена каменная, трапеза которой разобрана и заменена более обширной новой в 1812 г., а в 1826 г. возведена колокольня. Как пишет автор, «храм представляет некоторый интерес в архитектурном отношении. Как настоящая, так и трапеза построена без столбов; в трапезе идут две продольные арки, разделяющие храм на три корабля. “Настоящая” построена в форме куба, причём над его боковой линией возвышается полукруглый верх; над этим четырёхугольником возведён более узкий восьмиугольник с 4-мя изображениями, над которым круглая кровля; трибун в виде восьмиугольника сквозного, с окнами; над ним ещё уже восьмиугольник же с круглым покрытием; далее длинный шпиг, на котором синяя глава со звёздами. В “настоящей” два боковых входа на колонках с круглым покрытием. Трапезная имеет по бокам два фронтона с небольшими духовными изображениями; вход с небольшим портиком на 4 дорических колоннах; во фронте и в промежутках колонн имеются священные изображения; паперть, не исключая и дверей, расписана живописью низкого качества»¹. Последнее замечание, надо отметить, относится к пристройке 1812 г. Об оформлении интерьера автор не говорит ничего. Единственная фраза: «Иконостас

Рис. 3. Благовещенская церковь в Калуге. Фотография. Около 1900 г.

в «настоящей» византийского стиля: большинство икон XVIII в., но есть и XVII в., как, например, Грузинской Божией Матери, и некоторые другие»².

Современный краевед, приводя цитированный здесь текст, сообщает, что начало разрушению церкви положено в 1936 г., в 1941 г. в здание попала бомба, а окончательно оно разобрано на кирпичи в 1947 г.³ Можно к сказанному добавить, что это сделано с привлечением студентов находящегося рядом института, как тогда именовался современный университет. Перед разрушением иконостасы и иконы были сожжены в гигантском костре, пылавшем невдалеке, под охраной вооружённых красноармейцев, чтобы исключить попытки верующих спасти некоторые иконы, в числе которых были, как уже замечено, и выполненные в XVII в., вероятно, происходившие ещё из деревянного храма, предшествовавшего построенному в 1718 г.

В Государственном архиве Калужской области сохранилась опись Благовещенской церкви, составленная в 1800 г. (Ф. 33. Оп. 3. Д. 10. Л. 2–11 об.). На сегодняшний день это, вероятно, единственный письменный источник, который даёт представление о внутреннем убранстве и характере церковной утвари одного из самых богатых городских храмов Калуги, посещаемого наиболее состоятельными жителями. В этой описи зафиксировано состояние храма до изменений, вызванных перестройкой трапезы, когда существовал ещё лишь один придел великомученика Георгия. Порядок данной описи своеобразный: сначала рассматривается утварь, а затем интерьер, а не наоборот, как это общепринято и как логичнее излагать материал, содержащий весьма интересные факты.

Главный иконостас в описи обозначен как трёхъярусный, без учёта местного ряда, с резными полихромными изображениями, Царские врата имели скульптурные изваяния евангелистов, расположенные вокруг медальона с изображением Благовещения; резными были также изображения серафимов с пламенным оружием в руках и ангелов по сторонам царских врат, с лестницей и крестом (л. 7, 8). Местный ряд, кроме обязательных икон Христа, Богородицы и храмовой, обычно имеет произвольно подобранные по сюжетам, отражая наиболее почитаемые. В данном случае справа от царских врат иконы Спасителя сидящего на престоле, в предстоянии двух архангелов,

храмовая Благовещения, Скорбящей Богоматери, великомучеников Георгия Победоносца и Дмитрия Мироточивого; слева от царских врат — Богоматери Боголюбской, Богоматери «Знамение», Иоанна Предтечи, Иоанна Воина, свт. Модеста и Власия. Некоторые из этих икон были украшены серебряными окладами или венцами, с большими камнями, низанными жемчугом убррусами. В цокольном ряду отмечены композиции с евангельскими сюжетами, а также Лествица Иакова. На боковых алтарных дверях были представлены архангелы Михаил и Гавриил. Над местными иконами был праздничный ряд, всего 8 композиций. Следовательно, к обозначенным трём ярусам надо прибавить ещё два, меньших по размерам, что можно рассматривать как известную особенность русского иконостаса второй половины XVIII в. Однако не совсем обычным является помещение над царскими вратами образа Николая Чудотворца в серебряном окладе, в резном позолоченном киоте с херувимами, и иконы Богоматери Казанской (тоже в серебряном окладе), вероятно, особенно чтимых. Выше располагался деисусный ярус с изображением Христа, сидящего на престоле, и двенадцати апостолов; над ним икона Троицы, с четырьмя образами пророков по сторонам. Уменьшение протяжённости этого яруса свидетельствует о его расположении на уровне барабана купола. Венчала иконостас скульптурная группа Распятия с четырьмя предстоящими и размещёнными по сторонам страстными сценами в картушах (л. 7–8).

Исходя из отмеченной структуры главного иконостаса, с включением в него деревянной полихромной скульптуры (царские врата и завершение), можно утверждать, что за прошедшие 82 года от сооружения церкви до составления описи оформление интерьера подверглось изменениям, возможно, сопровождавшимся заменой резного каркаса, затем заполненного как ранними иконами (преимущественно местного ряда), так и написанными заново.

Опись 1800 г. застала перед правым и левым клиросами резные балдахины на четырёх столпах каждый. Первый из них сооружён над иконой Толгской Богоматери (в серебряном окладе, с убрусом и цатой украшенными жемчугом и камнями). Рядом находились образ Воскресения Господня со страстями, в серебряном окладе, в резном позолоченном киоте, и образ Грузинской Богоматери в киоте красного дерева (л. 8–8 об.). Второй балдахин возвели над иконами Молдавской Богоматери (редкий иконографический извод), Корсунской Богоматери и Тихвинской Богоматери,

Рис. 4. Калуга с видом на начало Московской улицы, с колокольней Благовещенской церкви. Около 1900 г.

тоже украшенными серебряными окладами или только венцом, а первая из них ещё и убрусом с жемчугом и камнями (л. 8 об.). Надо также упомянуть о поставленных возле правого клироса образе Антония Печерского с житием, а возле левого — Феодосия Печерского, тоже с житием. Это очень примечательный случай, свидетельствующий об отношении к киевскому духовному наследию в калужской городской среде.

Особо отмечен образ незадолго до того канонизированного преподобного Феодосия Тотемского, с серебряным венцом, в киоте красного дерева. После реконструкции в 1812 г. трапезы будет в ней устроен посвящённый этому святому придел.

Вверху на западной стене над дверьми в простом киоте был помещён образ Преображения Господня. Судя по всему, церковь не была украшена стенописью.

В приделе великомученика Георгия отмечен двухъярусный иконостас с резными вызолоченными царскими вратами, включавшими в свой состав живописные медальоны с Благовещением и евангелистами. Справа от них находился образ Спаса Нерукотворного в серебряном окладе (со сценой из его истории внизу), слева — образ Благовещения (с помещённым под ним изображением чуда избавления Устюга). На алтарной двери была фигура Спиридона Тримифунтского. По-видимому, уже на завороте размещались икона великомученика Георгия в серебряном окладе, «на оном же на серебряной цепочки мощи его», с помещённым ниже Усекновением его главы. Выше находились четыре иконы праздничного ряда, над ними — Деисус, с двумя иконами, представляющими 12 апостолов, образа видения Моисеем горящей купины и собора архистратига Михаила. Вверху иконостаса два страстных сюжета, изображения пророков и жертвоприношения Авраама и резной крест с ветвями. А «со входа в настоящую церковь по правую сторону вокруг алтаря в таковом же иконостасе» иконы Иоанна Богослова (с погребением его), Покрова Богоматери (с чудом неседальным), пророка Илии (с изображением Елисея); выше над ними — Крещения Господня и Рождества Богородицы. Жертвоприношения царя Давида, князей Владимира, Бориса и Глеба «и протчих мученик», покаяния Давида, Моисея на Синае, пророков, Рождества Богородицы, Иоанна Богослова, принимающего книгу (Апокалипсис), Рождества Христова, коронования Богоматери, Богоматери Иерусалимской, Троицы, Сошествия Святого Духа, Вознесения Господня, Николая Чудотворца, Казанской Богоматери (л. 9 об. — 10 об.). Сюжеты перечислены в том порядке, в каком они упоминаются в описи, хотя в действительности принадлежат к различным сюжетным циклам. Встречаются среди них и редко воспроизводимые в русской иконографической традиции в практике украшения городских приходских храмов.

Как выясняется, в 1800 г. уже был заготовлен иконостас для нового придела, посвящённого преподобному Феодосию Тотемскому (л. 10 об. — 11).

За правым клиросом придела зафиксированы иконы мученика Харлампия, Богоматери «Блаженное чрево», Рождества Христова с родословием, Николая Чудотворца, а также резные великомученика Георгия («по полям иконного писания страдания его») и великомученицы Параскевы («по полям восемь лиц разных мучениц все»), в резном киоте (л. 11). Это образцы деревянной полихромной скульптуры, неизвестные по другим источникам.

Под балдахином за левым клиросом придела находилась икона Тихвинской Богоматери, в серебряной ризе, с убрусом, украшенным жемчугом и камнями. И там же были выставлены «три образа святцы на весь год» (л. 11). Над западными дверьми отмечен помещённый образ Спаса Нерукотворного и над теми же дверьми со стороны паперти образ Спасителя с медным позолоченным венцом. Трапеза представляла тёплую часть церкви, отгораживаемую от холодной «зимней переборкой» с тремя иконами.

В главном алтаре за престолом отмечен образ Благовещения в серебряном позолоченном окладе с жемчужными венцом и убрусом, а на оборотной его стороне изображён Николай Чудотворец. Речь идёт о выносной иконе. Там же, в алтаре, находилась плащаница, писанная на полотне. В алтаре придела за престолом образ Богоматери Одигитрии, «венеч серебряный, убрус вынизан жемчугом с камнями»; на оборотной стороне изображён Николай Чудотворец (л. 2 об., 9 об.). Показательно, что в то время не было обязательным помещением за престолом выносного креста и тем более семисвечника, введённого в русский церковный обиход лишь недавно, а до этого он составлял только необходимую принадлежность иудейской синагоги.

В описи тщательно зафиксированы все осветительные приборы: паникадила, подсвечники, лампы (л. 8 об. — 9, 3, 11 об.). Среди них, несомненно, были образцы высокого художественного достоинства. В то время для освещения в основном использовали свечи, которых для торжественных вечерних богослужений надо было расходовать большое количество. Отсюда и многочисленность больших, средних и малых паникадил, как практически необходимых.

В алтаре придела значительно больше икон, чем в главном. На горнем месте образ Троицы, по сторонам иконы Богородицы «Не рыдай Мене, Мати», Боголюбской Богоматери, Тайной вечери. Благовещения, великомученика Георгия (л. 9 об.).

В главном и придельном алтарях были антиминсы, освящённые епископом дмитровским Серапионом и данные епископом калужским и боровским Феофилактом (л. 2). Серапион Александровский носил титул епископа Дмитровского в 1788–1799 гг., а епископ Феофилакт Русанов был хиротонисан лишь в конце октября 1799 г.⁴ Следовательно, антиминсы выданы незадолго до 1800 г., и это свидетельствует о том, что причиной могли послужить какие-то проведённые в Благовещенской церкви ремонтные работы. Таким образом, при описании иконостасов учтены все возможные изменения, внесённые в их структуру незадолго до составления описи.

Из драгоценной церковной утвари в главном алтаре отмечены два серебряные креста на престоле, большой с позолотой и средний непозлащённый, серебряный с чернью ковчег, серебряная дароносица, два Евангелия (с серебряными средниками и наугольниками), два потира (большой серебряный позолоченный, с финифтью и средний серебряный позолоченный), два серебряных диска (один позолоченный), две серебряных позолоченных ложки (л. 2–2 об.), три кадила (серебряное и два медных). В алтаре придела два Евангелия (одно из них с серебряными средником и евангелистами), деревянный крест в серебряной оправе, серебряные сосуды (л. 9). В главном алтаре два комплекта парчевых воздухов, два ковра (л. 2 об., 3). В алтаре придела четыре комплекта воздухов: французского полосатого штофа, ординарной зелёной парчи, малинового и чёрного плиса (л. 9). Одежды на престоле и жертвеннике различных тканей.

В церкви существовала богатая ризница с комодами, в которых хранились 13 риз (фелоней), 3 подризника, 8 епитрахилей, 2 пояса, 5 пар поручей, 4 стихаря, 4 ораря. Это содержимое лишь первого комода, а во втором отмечены 16 риз, 4 подризника, 4 епитрахили, 2 пояса, 7 пар поручей, 6 стихарей. А в казнохранительнице находились большие запасы различных тканей для облачений, со строгим учётом их размеров в аршинах и вершках, а также 11 пелен и 10 полотенец (л. 3 об. — 6 об.). В числе собранных книг были предназначенные для назидательного чтения и, конечно, богослужебные обычного состава (среди последних особо выделены служебники киевской печати в золотообрезном переплёте). Подбор может быть определён как предусматривающий все необходимое и ничего лишнего (л. 7). Надо заметить, что он почти не отличается от репертуара, прослеживаемого в наиболее состоятельных сельских приходах того же времени, скажем, Перемышльского уезда⁵.

Нет необходимости перечислять буквально все учтённые описью предметы, преимущественно бытового назначения, вплоть до железных щипцов и кочерги. Но при этом, конечно, надо отметить подбор колоколов в количестве восьми (весом 236 пуд. 27 фунт., 119 пуд. 20 фунт., 54 пуд. 25 фунт., 23 пуд., 12 пуд., 6 пуд., 3 пуд., 1 пуд), равно как и «над означенными колоколами часы боевые о четырёх кругов с показательными стрелками» (л. 11 об.). Об этой колокольне, предшествующей возведённой в 1826 г., мы, к сожалению, не знаем ничего.

Неужели всё буквально из упомянутого в описи 1800 г. погибло бесследно? Ведь перед разрушением церкви её должны были посетить сотрудники музея и отобрать предметы, представляющие историческую ценность. Иное дело, что произведения оказались депаспортизированы и сегодня уже нельзя опознать происходящие из Благовещенской церкви. Впрочем, есть некоторые исключения. Одно из них — сохранившаяся храмовая икона Благовещения, кем-то своевременно заботливо извлечённая из иконостаса и помещённая в церковь Николая на Козинке, где она доньше находится за правым клиросом⁶ (рис. 5). Она отличается мастерски выполненной живописью и в какой-то мере даёт представление о характере икон главного иконостаса давно уничтоженного храма. Вторым исключением служит миниатюрная (размером 10,2×8,7 см), на тонкой грушевой дощечке, иконка Лобзания Иуды, со стилистическими признаками рубежа

Рис. 5. Благовещение. Храмовая икона Благовещенской церкви в Калуге. Начало XVIII в.

Рис. 6. Лобзание Иуды. Клеймо утраченной иконы Воскресения Христова со страстями, из Благовещенской церкви в Калуге. Конец XVII—начало XVIII в.

XVII–XVIII вв.⁷ (рис. 6). Её подобрал проходивший мимо Благовещенской церкви, когда сжигали из неё иконы, служащий банка М. Д. Ермаков, бережно хранивший затем в течение нескольких десятилетий. Попытка установить место данной находки в интерьере упомянутого храма привела к предположению, что это одно из клейм находившегося за правым клиросом образа Воскресения Господня со страстями, украшенного серебряным окладом (л. 8). Икона, по-видимому, была почитаемой и, возможно, происходила ещё из деревянного храма. Может быть, удастся в будущем отождествить и другие сохранившиеся иконы.

М. Д. Ермаков вспоминал Благовещенскую церковь как самую элитарную в Калуге, с образцово совершаемым богослужением, без каких-либо задержек, с участием прекрасного хора. В его время интерьер храма уже явно отличался от отражённого в описи 1800 г., но много ещё оставалось также икон из числа упомянутых в ней. Если окажутся аналогичные инвентари XIX в., можно будет их соотнести с содержанием публикуемого текста, являющегося ценным историческим источником. Его подробные, несколько утомляющие своей монотонностью перечни всего, что принадлежало храму, в сущности, дают немало разнообразной ценной информации. Особенно поражают своим разнообразием характеристики дорогих тканей.

Изучение таких описей представляет разновидность работы на чёрном дворе науки. Результаты здесь добываются с трудом, с сознанием необходимости введения источника в научный оборот, с надеждой на то, что он может попасть в более умелые руки. В этом случае станут более красноречивыми скупые строки обычного учёта собственности отдельной приходской общины более чем двухсотлетней давности.

Примечания

¹ *Малинин Д. И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С. 72.

² Там же. С. 73.

- ³ Комиссаров В. Православные храмы Калуги. Калуга, 2001. С. 80.
- ⁴ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Санкт-Петербург, 1877. Стб. 133, 569.
- ⁵ Пуцко В. Г. Сельская церковная библиотека Перемышльского уезда на рубеже XVIII–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXI. СПб., 2010. С. 357–374.
- ⁶ Нечаева Т., Чернов М. «Писан в Калуги...». Калужские иконы XVIII–XIX веков // Антиквариат. 2010. № 11(81). С. 16. Ил. 8 (в цвете).
- ⁷ Пуцко В. Г. О калужской миниатюрной иконописи XVIII–XIX веков // Калуга в шести веках. Материалы 5-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2005. С. 320–321. Рис. 1.

Приложение

Опись

Церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы с приделом великомученика
Георгия города Калуги что за старым острогом¹

В главном олтаре Антиминс освящен преосвященным Серапионом Епископом дмитровским и викарием московским, а дан Его преосвященнейшим Феофилактом епископом Калужским и боровским и святых Анны перваго класса Кавалером, таковой же и в приделе великомученика Георгия за вышеписанным значением, украшены двумя каждым литонами белым глазетовыми с розовой французской тафтой.

На престоле два креста

- 1-й — Серебряной болшой с позолотою
2-й — Серебряной средний не позлащен.

два ковчега

1-й — серебряный позлащенный и украшенный черневыми штуками, для которого учинены пристойный белаго стекла футляр с предстоящими при нем ризными и живописью отъ личеными четырью херувимами, под ним деревянный шкаф убраный бумажной выбойкой.

2-й — Серебряный малый для ношения святых даров, украшенный красным бархатом с золотыми кистями и золотым гасом.

два евангелия

1-е — На александрийской бумаге болшое съпереди все обложено серебром съзади средник и наугольники серебряные и с позолотою.

2-е — на полуалександрийской бумаге, на коей средник и евангелисты серебряныя с позолотою, назади средник и наугольники серебряныя без позолоты, оба в малиновом бархате и въ золотообрезном переплете (л. 2).

двое сосудов

1. Болшие серебряные позлащенные украшенные финифтенными и миниатюрными штуками, осыпанными стразом.
2. средние серебряные позлащены.

при оных

1. дискос серебряный позлащенный, два блюдца серебряные и позлащенные, копия всецелное серебряное, с позлащением.
2. дискос серебряный непозлащенный, два блюдца серебряныя не позлащены, копия стальное в красном дереве.

две лжицы

1. болшая серебряная позлащенная
2. средняя серебряная позлащенная для теплоты ковшик рубчатый серебряный к подаче онаго тарелка серебряная с травами или древнею чеканкою.

воздухи

- 1°. белые парчевые все едино обрезные посреде крест и во округ обложены золотым гасом.
- 2°. парчевыя средник золотой парчи обложены серебряною парчею с золотым гасом.
- 3°. ардинарной желтой парчи средник белаго глазета кресты обложены золотым позументом.
- 4°. белые штофные средник голубаго штофу кресты золатаго позументу.
- 5°. черные гарнитуровые средник белаго атласу обложены шитою белою бахромою.

¹Текст описи воспроизведен с сохранением орфографии оригинала со всеми встречающимися вариантами, отражающими живую речь того времени, а также образовательный ценз составителей, тщательно учитывающих церковное имущество, вплоть до мелочей.

На престоле две одежды

1-я малиновой ардинарной парчи крест серебряной сетки.

2-я голубая с малиновым камчатная травчатая, крест старого позументу залатаго.

две пелены

1-я Голубая травчатая атласная

2-я из большого шелкового платка, на коей крест золотого позументу (л. 2 об.).

На жертвеннике одежда зеле наго штофу, на нем пелена красного гарнитуру з золотою бахрамою.

три кадила

1-е большое серебряное

2-е медных посеребренных.

укропник аловяный

для теплоты кастрюлка медная

и для умывания рук медный таз.

жеровня чугунная на железном треножнике

мех и двое железных щипцов.

для освящения олтаря имеются

1 медное поникадило о осми гранях на горнем месте.

4 четыре подсвчника медныя окрест престола.

1-й два подсвчника малые для диакона

1 медныя отъ белены

2 жестяной ветхой

пред ковчегом большой рубчатый сталной подсвчник

на жертвеннике подсвчник хрустальный.

За престолом образ благовещение Божия матери в серебряном и с позолотою окладе с жемчужным венцем и убрусом, создаи онаго изображение Николая чудотворца с серебряным венцем.

пред оною большой деревянной подсвчник с жестяною для поставления свеч оправой, пред изображением Николая чудотворца поникадилцо медное, а равно для удобства когда снимается поникадило большое имеется такое ж с касниками разных сортов.

сосуды для освящения хлебов аловяные.

для освящения воды кандия зеленой меди и красной.

2 кропила.

два стула стальярные, подушки обиты кожею.

два столика, один круглой, другой четыре угольной.

плащаница писанная на полатне в деревянных покрашенных рамах.

ко оной подвижной станок обитый черным полотном.

зеркало во оправе красного дерева.

2 ковра пред престолом болшия персидския разноцветный (л. 3).

Ризница,

в коей два комода, один с выпуколом о четырех ящиков, в котором хранится старая ризница.

второй простой гладкий с тремя большими ящиками для хранения новых риз.

Оба выкрашены красной краскою.

из оных в первом,

1-е ризы золотой парчи с бархатным оплечьем шитым золотом с живописью крест вокруг обнизан жемчугом, подолник обложен перчею ардинарною по атласу.

2-е персидской старинной парчи, аплечья зеленого бархату шитым золотом с живопись крест и звездами серебряного позументу, подолник голубаго беланжу.

3-е золотой парчи и оплечья таковыя ж, крест весь вынизан жемчугом, обложены старой золотой парчею.

4-е золотой парчи оплечья таковыя ж, крест и звездаца и обложены серебряным гасом, подолник залотой насыпью.

5-е Залотой парчи оплечья белаго травчатого газета обложены серебряным позументом, крест и звездаца того ж позумента.

6-е ардинарной кафейнай парчи оплечья стариннаго разноцветнаго пукету, крест серебряной сетки.

7-е и 8-е двое риз красного бархату, кресты золотого позументу, звездаца, обложены золотым гасом.

9-е и 10-е двое риз малиноваго плису кресты и звездацы, и обложены серебряным позументом.

11–12 и 13-е трое риз чорных. плисовых, из коих одне обложены мишурной сеткой белою, крест и звездаца таковыя, последние двое обложены полуполковой тесмою белою, кресты и звездацы таковыя ж.

Подризники

14. 1. голубой грезетовой обложенный голубыми травчатыми лентами, рукава и подолник французской голубой тафтою.
15. 2-й. полушолковой желтой клеткой, обложен таковою ж тесмою.
16. 3. пукетовой белой с красными полосами ветхий (л. 3 об.).

Епитрахили

17. 1-я. Золотой парчи обложена красным пукетом и серебряным гасом, тогож гасу и кресты, на середине семь серебряных пуговиц.
18. 2-я ординарной желтой парчи ветхая. [3-я и 4-я пропущены]
19. и 20. 5-я и 6-я две епитрахили темно голубаго гарнитуру обложены желтою тафтою, из которой и кресты.
21. и 22. 7-я и 8-я — две епитрахили малиноваго плису обложены и кресты белой полушелковой тесмы.
- 23 и 24. 7-я и 8-я (!) две епитрахили черные плисовые, одна обложена и кресты белым мишурным позументом, вторая белою полушелковою тесмою и кресты из оной же.

поеса

25. 1-й красной бархатной ветхий на прастой тесме, з двумя золото шелковыми кистями.
26. 2-й кожаной покрытой тесмою с простыми двумя кистями.

поручи

27. 1-е парчевые клетчатые обложены красным бархатом.
28. 2-е серебрянаго глазета обложены голубым гарнитуром с оловянными пуговицами.
29. 3-е пуктовые белыя с красными поласами.
30. 4-е французскаго кафеинаго штофу обложены голубым гарнитуром.
31. 5-е чорные плисовые обложены желтою тафтою.

Стихари

32. 1-й ардинарнаго кафеинай парчи оплечья голубой такой же парчи крест серебряной сетки обложен зеленым гарнитуром.
33. 2-й французскаго кофеинаго штофа аплечья таковага ж малиноваго штофа крест и оплечья обложены золотым позументом, на рукавах и подолник желтой тафтою.
34. 3-й малиновой плисовой обложен и крест из белой полушолковою тесмою.
35. 4-й черной плисовой крест и обложен белой тесмою.

арари

36. 1-й пуктовой голубой обложен золотой сеткой.
37. 2-й тафтяной голубой обложен белою тафтяною.
38. 3-й плисовой малиновой обложен белою тесмою.
39. 4-й плисовой черной обложен белою тесмою (л. 4).

во втором комодѣ ризы

40. 1-я золотой двойной парчи по серебряному полю с разными цветами обложены, крест и звездаца золотым гасом.
41. 2-я золотой клетчатой по серебряному полю с травами крест и звездаца золотаго позументу обложены золотым гасом.
42. 3-я золотыя клетчетые по серебряной земле перчи с травами, крест и звездаца обложены золотым гасом подолник позументом золотым.
43. 4-я золотой клетчетой парчи по серебряной земле с травами крест обложены золотым гасом звездаца серебрянаго глазета подолник обложен розовыми лентами.
44. 5-я золотыя клетчетой парчи с травами крест и обложены золотым позументом средним, а аплечья широким. Звездаца парчевая ж.
45. 6-я золотой клетчатой парчи по красной земле крест звездаца аплечье обложены золотым позументом вокруг средним золотым гасом падолник широким золотым и пунцовыми лентами.
46. 7-я двойной ординарной голубой парчи аплечья обложены широким золотым позументом крест и звездаца и вокруг обложены средним золотым позументом.
47. 8-я ординарной голубой парчи крест и обложены средним золотым позументом звездаца ардинарной парчи.
48. 9-я ардинарной голубой парчи крест и аплечья обложены серебряным с фолгою позументом вокруг прастым золотым, позументом звездаца из насыпи.
49. 10-я ардинарной кафейнай парчи крест и звездаца и аплечья обложены золотым позументом вокруг односторонним золотым позументом.
50. 11-я ардинарной кофейнай парчи крест звездаца и обложены серебряным позументом.
51. 12-я ардинарной кафейнай парчи аплечья обложены золотым гасом крест и звездаца и вокруг золотым позументам (л. 4 об.).

ризы

52. 13-е белого атласу травчетого аплечья серебряного газету обложены широким гасом крест и звезда гасу золотого и обложены темже гасом подолник узким гасом.
53. 14-е белого французского штофу аплечья белого травчетого атласа крест звезда и обложены узким старым позументом.
54. 15-е белые атласные полосатые с золотыми травками крест и звезда и обложены адностаронним золотым позументом.
55. 16-е пунсовыя бархатные аплежье обложено серебряными широким гасом крест звезда и обложены вокруг средним серебряным же гасом.

Подризники

56. 1-й белой атласной гладкой обложен золотым гасом крест аплежья рукава адностаронним золотым позументом воротник и подолник узким золотым гасом и пунцовыми лентами.
57. 2-й розовой гарнитуровой обложен атласными белыми лентами.
58. 3-й зеленой гарнитуровой обложен алыми атласными лентами.
59. 4-й желтой штофной обложен белыми лентами.

Епитрахили

60. 1-я красная порчевая кресты и обложена широким золотым гасом, внизу золотой бахромой.
61. 2-я серебряного газету кресты из разноцветного гасу обложена шитьем по фолге с блесками внизу золотою бахромою воротник узким золотым гасом.
62. 3-я ардинарной кафейной парчи кресты и воротник средняго серебряного гасу обложена широким таким же гасом.
63. 4-я пунсовая бархатная кресты и обложена золотым позументом.

Поеса

- 63–64. 1 и 2. два поеса серебряной насыпи кресты из уского гасу обложены розовыми лентами.
64. 3. голубой гарнитуровой обложен белыми лентами (л. 5).

Поручи

65. 1. Серебряного газету обложены узким золотым гасусом (!) с кофейными лентами.
66. 2-е белой серебряной насыпи обложены узким золотым гасом с голубыми лентами.
67. 3-е золотой насыпи.
68. 4-е атласные травчетые голубые.
69. 5-е пунцовые бархатные обложены золотым узким позументом.
70. 6–7-е двое плисовых малиновых.

Стихари

71. 1-й двойной золотой парчи по серебряной земле с травами обложен золотым гасом воротник рукава и подолник золотым узким позументом.
72. 2-й ардинарной пунсовой парчи аплежья старинной золотой парчи обложены золотым позументом рукава и подолник ординарною парчею.
73. 3-й ардинарной голубой парчи обложен золотым гасом воротник и рукава и подолник розовыми лентами.
74. 4-й ардинарной голубой парчи обложен золотым позументом рукава и подолник голубою тафтою.
75. 5-й травчетой белакосовой аплежья старой цветной серебряной парчи аплежья обложены старым золотым гасом, рукава и подолник розовою тафтою.
76. 6-й двуличневой гарнитуровой аплежья обложены рукава гарнитуром двуличневым же с некоторой отменой обложен желтыми лентами.

Материи для облачения священных
хранящихся в казнохранительнице

77. 1-я. 5 ар золотой парчи с разноцветными разь водами.
78. 2-я. 5 ар золотой парчи по серебряной земле къ летчетойо
79. 3-я. 7 ар ардинарной Голубой парчи.
80. 82. 4-я. 17 ар в трех штуках малиноваго бархату.
81. 83. 5-я. 6 ар Голубаго штофу.
82. 6-я. 5 ар кафейнаго штофу.
83. 7-я. 2 ар зеленаго штофу.
84. 8-я. 7 ар чернаго полубархату (л. 5 об.).
85. 9-я. 5 ар Синего с желтым двуличнаго гарнитуру.
86. 10-я. 3 ар двуличнаго сизаго гарнитуру.
87. 11-я. 5 ар зеленаго гарнитуру.
88. 12-я. 6 ар оранжеваго гарнитуру.

89. 13-я. 5 ар красной объери старой.
 90. 14-я. 6 ар Синего плису.
 91. 15-я. 20 ар черного плису в трех штуках.
 92. 16-я. 7 ар малиноваго плису.
 93. 17-я. 6 ар зеленой тафты.

Остатки разных материй

94. 18. 1 аршин и 2 вершка ардинарной кофейной парчи с другога боку 1 арш и 10 вершков.
 95. 19. 11 вершков ардинарной голубой парчи.
 96. 20. 9 верш ардинарной пунсовой парчи в ширину 5 вершков оной же 2 остатка по три вершка.
 97. 21. 3 арш голубаго атласу.
 98. 22. 14 верш белаго атласу и малинкой лоскуток вдоль 6 вершк. шириной 3 вершк.
 99. 23. 9 вершк. малиноваго плису.
 100. 24. 1 арш 1/4 Стараго зеленого французскаго штофу в ширину 1/2 аршина.
 101. 25. 2 арш краснаго гарнитуру.
 102. 26. 1 арш. темнозеленаго гарнитуру.
 103. 27. 6 верш. зеленаго гарнитуру.
 104. 28. 1 арш 1/2 розовато гарнитуру.
 105. 29. 1/2 арш. двуличнаго сизаго гарнитуру.
 106. 30. 2 арш малиноваго атласу в ширину 7-м вершков.
 107. 31. 1 1/2 арш. старой розовой тафты.
 108. 32. 3/4 арш. 2 вершк. в двух остатках зеленой и ранжевой тафты.
 109. 33. 2 1/2 арш. старой померанцевой тафты по концам такой же 14 вершк. в ширину по полуаршину.
 110. 34. 1/2 двуличной сизой тафты.
 111. 35. 4 ар розовой оранжевы.
 112. 36. 1 арш. голубой тафтяной илитон.
 113. 37. 1 — розовой ветхой с дорогами полинялой тафтяной платок.
 114. 38. 3 арш. в трех остатках разной выбойки.
 115. 39. 2 1/2 в трех же остатках ветхой разной выбойки (л. 6).

Пелены

116. 1-я Белой насыпи Крест и обложено узким серебряным позументом и пунсовым гарнитуром.
 117. 2-я зеленая штофная крест односторонняго золотаго позумента.
 118. 3-ья зеленая большая гарнитуровая крест золотаго одностороннаго
 119. позумента по концам обложено синим отласом, вокруг гарнитуровыми лентами, внизу шелковая зеленая бахрома.
 120. 121. 4-я двуличная сизая гарнитуровая крест одностороннего белаго позумента» внизу обложена голубой тафтяной лентой.
 121. 5-я двуличная тафтяная, крест узкой ленты.
 122. 6-я алая камчатная, крест серебрянаго позумента, обложена голубой тафтою.
 123. 7-я зеленая тафтяная большая, крест полушелковой тесмы.
 124. 8-я французскаго штофу, крест одностороннего серебрянаго позумента.
 125. 9-я из разных материев, шахматная, кресты узких желтых лент
 126. 10-я обложены тафтою.
 127. 11-я плисовая, малиновая, крест широкой желтой ленты.
 128. 10 полотенцов алленых тонких с кружевами
 (№ 129 нет)

Книги поучительные

129. 1. библия
 130. 4 книги минеи четьи
 131. 4 пролога
 132. 3 части Златоустаго беседы в золотообрезном переплете.
 133. 13 проповеди на воскресный и праздничные дни
 134. 14 проповеди повседневная.
 135. 15 проповеди Илии Минягия
 136. 16 Слова Златоуста о священстве
 137. 17 краткое поучение Тихона воронежскаго
 138. 18 о должностях пресвитеров
 139. 3 тома толкование на псалтирь.
 140. 2 тома изъ бранныя слова Златоуста

141. 24. 1 книга в 2-х частях Григория Назианзина.

142. 25. Житие Михаила князя тверского.

143. 26. книга Ксенофонта. (л. 6 об.)

книги поучительные

144. 27. отъ веты Никифора Епископа на предложение расколниковъ

145. 28. обличение расколников.

146. 29. Увещание расколников

147. 30. регламент духовный

книги служебныя

148. апостол старый

149. апостол новый в плисовых досках

150. две триоди постныя

151. треодъ цветная

152. устав церковный

153. две псалтири следованная изо них одна ветхая

154. октоих осми гласов

155. миная общая

156. 12 миней месячная

157. требник большой

158. требник малой

159. три служебника в поддестъ

160. два служебника киевской печати в золотообрезном переплете

161. два ирмология

162. ирмологий нотный

163. обиход нотный

164. октоих нотный

165. службы праздничные нотные

Иконостас Столярной резной о трех ярусах
вызолоченный и украшен 2-мя резными Серафимами,
в руках оружие пламенное от живлениемъ
с золоченными и окрашенными и 24-мя херувимами таковыми же

в нем царские врата резные и позлащенные на них четыре евангелиста таковыя ж отъ живлены и позлащены, в середине изображение благовещение богородицы над нами завес малиновага гарнитуру, крест серебряный и сетка.

Образа местный по правую сторону

1. образ Спасителя Седяшаго на престоле, с двумя архангелами, венцы и оклад серебрения, весу 15 фунт, 22 золот., украшен минеатюрною работою.

Под ним изображено чудо о воскресении вдовицына сына (л. 7).

Образа в настоящей реркви по правую сторону

2. образ благовещения богородицы во окладе серебряном позлащенном, убрус вынизан жемчугом с камнями, сверху украшение серебряного флюру с травами, гардина по сторонам завязано бантами широкими атласными плисовыми лентами, под ним изображено мария входящая в дом Захариин.

3. на боковых дверях изображение архистратига Михаила.

4. Образ скорбящая богородицы, риза и венец и до половины оклад серебряный позлащенный, убрус вынизан жемчугом с камнями, под ним изображено пять дев мудрых.

5. образ великомучеников Георгия Победоносца и Димитрия мироточиваго, венцы серебрения, под ним чудо великомученика димитрия.

Образа по левую сторону

6. образ в резном позлащенном киоте боголюбския богородицы, венец, риза и оклад серебрения позлащенный, по углам четыре зеленыя большие камни, убрус и риза вынизаны жемчугом с камнями.

7. образ знамение богородицы, венцы и подбородки серебряные позлащены, убрус и на руках вынизано жемчугом с камнями, сень на венце серебряной с золотыми травами парчи вокруг обложено золотую бахромою, под ним изображена лествица Иакова.

8. Образ Иоанна Предтечи венец серебряный позлащенный, под ним изображено явление архангела Гавриила Захариин.

9. Боковая дверь, изображен на них архистратиг (!) Гавриил.

10. Образ Иоанна воинственника, венец серебряный позлащенный. Под ним, изображен Иоан посажен в темницу.

11. Образ священикумченика Модеста и Власия, на оном образе вверху изображение Нерукотворенного Спаса с двумя ангелами, венцы серебряныя позлащены, под ним изображено чуда Модеста о воскресении скота (л. 7 об.).

Образа в настоящей церкви

12. Над царскими вратами образ Николая чудотворца венец и оклад кроме ризы серебряный позлащенный в резном позлащенном с херувимами и сиянием киоте.

13. Образ Казанския богородицы венец и оклад серебряный, позлащенный, над местными образами 8 образов Господских двунадесятих праздников, на первом ярусе по сторонам царских врат поставлены два резные отживленные вызолоченныя ангела, держащие в руках первый лестницу, 2-й крест.

в 2-м ярусе

в середине образ Спасителя сидящего на престоле.

по сторонам девять образов. 12 апостолов.

в 3-ьем ярусе

в середине образ трех ипостаснаго божества, по сторонам 4 образа пророков.

вверху два полукружия, около которых по два столпа, на оных стоят божия Матерь, Иоанн Богослов и две жены мироносицы резныя от живлены и позлащены. Под крестом образ Положение во гроб да по сторонам и по полукружию по два круглых образа страсти господни в резных позлащенных с каронами киотами.

На высоте резной большой от живленной крест в резной позлащенной раме.

вверху в главе образ Господа Саваофа.

За правым крылосом

1. Балдахинь резная с верхом на четырех столпах вызолоченная, по сторонам вверху и внизу изображено разных явлении богородицы с святителями и мучениками, во оной образ Толския богородицы, риза, венец и оклад серебряный позлащенный, убрис и подбородок вынизан жемчугом с камнями.

Образ Воскресения Господня с страстями в серебряном окладе весу 11 ф 57 зол в резном позлащенном иконостасе.

Образ Антония Печерскаго с житием в резном от крашенном киоте над полуденными дверями. (л. 8)

Образа в настоящей церкви

За правым крыласом.

1-я хоругвь изображено Воскресение Господне на обороте Благовещение Богородицы.

Образ Грузинския богородицы, на полях изображены святители, мученики и преподобные, вверху четыре явления богородицы, внизу грузинской богородицы, в иконостасе красного дерева с карнизами, двумя столпами, в пристойных местах вызолочено, около его железная решетка также по местам вызолочено.

На левой стороне за крылосом

2-я балдахинь таковая ж что и на правой староне,

в ней образ Малдавския богородицы, венец и оклад серебряный позлащенный, риза и убрис вынизан жемчугом с камнями.

Образ Карсунския богородицы венец серебряный весу 275 золотников.

Образ Тифинския богородицы венец, подбородок серебряный и позлащенный. Оклад кроме ризы серебряный. Оба образа в резном позлащенном иконостасе.

На крылосе образ Димитрия ростовскаго. над северными дверми образ Феодосия печерскаго с житием, венец серебряный позлащенный в резном от крашенном киоте.

Образ Феодосия Тотемскаго, венец серебряный позлащенный, в таком же красного дерева иконостасе с решеткой железной, что и на правой стороне у Грузинской богородицы.

Образ Преображения Господня вверху на западной стене над дверми в простом от крашенном киоте, на нем шесть резных от живленных вызолоченных херувимов.

2-я хоругвь изображено Победоносца Георгия на обороте архистратига Михаила, по краям и внизу обложена шитой тафтою и херувимами.

Поникадилы

1. посредине большое с многими подсвечниками зеленой меди на железной толстой выкрашенной цепи. для поставных свечь

1 поникадило большое красной меди.

6 поникадил средних красной меди.

6 поникадил средних зеленой меди (л. 8 об.).

в настоящей церкви

Поникадилы для поставных свечь

1 поникадила больших медных посеребренных на таких же цепях.

2 поникадила малых посеребренных чеканных на таких же цепях.

9 поникадил малых зеленой меди, лампад для масла.

1 лампада малинка чеканная посеребрена.

2 лампы малыя зеленой меди.

2 лампы хрустальные с льстрами.

1 венцы жестяные посеребрены с лицами писанными на финифте.

2 налоя для чтения Евангелия 1-й обит ранжевым гарнитуром, 2-й писанный на клеенки живописью тремя архидиаконам.

1 налой для крыласа складный вверху абит кожей.

В приделе На престоле два Евангелия

1-е на полуалександрийской бумаге средник и евангелисты серебряные обложено плисом малиновым.

2-е въ осмушку в лицах по местом уважения достойна обложено малиновым плисом.

1. крест деревянный обложен серебром.

1. Сосуды Серебряныя в середине и лица вызолочены, дискос и две тарелки и лжица серебряные.

1. копие стальное в деревянной оправе.

1. тарелка аловяная для подачи теплоты.

воздухи

1-е французскаго полосатого штофу крест серебрянаго позументу обложены голубым атласом.

2-е ветхие ардинарной зеленой парчи обложены таковою ж желтою парчею.

3-е малиноваго плису.

4-е чернаго плису оба обложены полушелковою тесмою и таковою ж сеткой.

На престоле одежда

1 ардмнарной желтой парчи.

1 на нем же пелена голубая гарнитуровая, крест большой, сетки серебряной (л. 9).

в приделе во олtare

1. на жертвеннике 2 одежды темнозеленой полосатой саржи вверху обложена золотым с серебряными травами средним гасом крест по низу золотым с фольгою гасом вокруг узким золотым позументом.

2. желтоватого гладкой саржи

на жертвеннике пелена выбойчетая

для освещения олтаря около престола 2 подсвечника большие ветхия зеленой меди

1 за престолом образ Одигитрии богородицы венец серебряный, убрус вынизан жемчугом с камнями, позади изображения Николая чудотворца в резном позлащенном киоте пред богоматерью.

1. подсвечник зеленой меди, для постановления свечь большой.

1 при ней же паникадило малое зеленой меди.

2 образ на горнем месте трехъ и постаснаго божества, венцы серебряные.

по сторонам:

3 образ богородицы не рыдай мене мати в резном от крашенном киоте.

4 образ боголюбския богородицы с святителями.

5 образ вечери таинья.

6 образ благовещение богородицы

7 образ великомученика георгия

над царскими вратами завеса зеленой тафты крест мишурнаго белаго позументу

у престола старый перситцкий ковер

1 венцы для обручения жестяныя с лицами.

1 зеркало в черном дереве малое

1 стул столярной деревянный

в приделе икностае резной

вызолоченный о двух ярусах, в нем царския врата резные вызолочены на середине изображено благовещение, по сторонам четыре евангелиста живописью.

Образа местные по правую сторону

1. Образ нерукотвореннаго Спаса, венец и оклад серебряныя, позлащенный украшен темнозеленой гарнитуровой гардиной, обложен кругом серебряным с розовою битью позументом, по сторонам завязаны банты атласными широкими травчетыми лентами белыми, под ним изображено Христос Анании дает свой образ иди даждь пославшему тя.

Образа в приделе по левую сторону

2. образ благовещение богородицы венцы с сиянием серебрения позлащены украшено двумя гардинами и вышита шелковыми травами кисейная обложена розовыми лентами италианскими по сторонам завязана банты атласными лиловыми с серебром широкими лентами. 2-я темнозеленая гарнитуровая таковою ж, какова у Спаса нерукотвореннаго — под ним изображено чудо богородицы о избавлении града Устюга.

3. на боковых дверях изображено святителя Спиридона Тримифийского.
4. образ великомученика Георгия, венец и оклад серебряный позлащенный, на оном же на серебряной цепочки мощи его. под ним изображено усекновение Георгия.
5. над царскими вратами образ вечери таинныя.
над местными образами вверху
6. образ рождества христового.
7. образ благовещение богородицы.
8. образ Спаситель в сонмищи иудейском.
9. образ в храм введение богородицы.
в 2-м ярусе
10. средник образ Спасителя сидящего на престоле с предстоящими двумя архангелами, богородицею, Иоанном Предтечей, венцы медные посеребрены.
- 11–12. два образа по сторонам 12-ти апостолов.
13. образ Моисей виде горящею купину.
14. образ собор архистратига Михаила.
вверху иконостаса
- 15–16. два образа страстей Господних в резных позлащенных киотах.
17. образ пророков в таком же киоте,
18. образ Авраам приносит Исаака на жертву в таком же киоте
19. на высоте средней крест резной отъ живленный,
по сторонам резные ветви позлащены.
Со входа в настоящую церковь по правую сторону
вокруг олтаря в таком же иконостасе
20. Образ Иоанна богослова. под ним изображено погребение Его.
21. образ покров богородицы, венец на ней и на Спасителе серебряный
вызолоченный, под ним изображено чудо богородицы неседально
22. Образ пророка божия Или, венец серебряный позлащенный, под ним изображено Елисей на отроки
направи медведи (л. 10).
над теми образами
23. образ крещение господне
24. образ рождество богородицы
в 2-м ярусе
25. образ царь Давид пред скиниею приносит жертву
26. образ князя Владимира, Бориса и Глеба и протчих мученик,
27. образ пророк Анафан обличает давида
вверху по иконостасу
28. образ моисей пред купиною изуваает сапог
- 29–30. два образа пророки все в резных круглых позлащенных киотах.
для зимней переборки
31. образ рождества богородицы
32. на двери изображение ангела подающего Иоанну богослову книжицу
33. образ рождества христового
над ними в полукружии
34. образ коронование богородицы венцы медные позлащены
по левую сторону
35. образ Иерусалимския богородицы, венец и убрус серебряный позлащенный на венце сень желтой
тонкой шелковой материи вышитой золотом фолгою и блесками.
36. образ живоначальныя троицы венцы серебряния
37. образ сошествия святого духа, на богородице венец серебряный.
38. образ вознесения господня, семь венцов серебряных позлащенных.
39. Образ Николая чудотворца, венец, риза и оклад серебряныя, весу 10 фунт 93 золотника в резном
позлащенном иконостасе.
40. образ казанския богородицы в резном позлащенном киоте.
иканостас красного дерева по местам позлащен, зимней для чудотворца Феодосия Тотемского.
41. образ Гурия, Самона и Авива, венцы серебряныя, в резном позлащенном иконостасе.
в 2-м ярусе над Иерусалимской
42. образ в середине Софии премудрости божией, 5 венцов серебряных позлащенных.
- 43–44. два образа по сторонам святителей.
- 45–46. два образа на углах преподобныя Евдокии и Марии Египетская (л. 10 об.).

Образа в приделе

47. на высоте крест иконописной, по сторонам Богоматерь и Иоанн Богослов.

48. внизу образ воскресения господня в киоте красного дерева, по местам вызолочен, на деревянном трех ножнике выкрашенном белою краскою.

Еще второй трех ножник, таковой же, для доставления праздничных образов.

За правым крыласом

49. образ священо мученика Харлампиа в резном позлащенном киоте.

50. образ богородицы блаженное чрево, венец и оклад серебряный позлащенный кроме ризы.

51. образ рождества христово с родословием, оба в резном позлащенном иконостасе.

52. Образ велико мученика Георгия резной, по полям иконнаго писания страдания его.

53. Образ Николая Чудотворца, по полям иконнаго писания чудесе его. 54 „, Образ велико мученицы Параскевы Пятницы резной, по полям восемь лиц разных мучениц все, в резном прастом иконостасе.

на западной стене

55, 56, 57, 58, 59. пять образов двенадцати апостолов над ними в простом выкрашенном киоте пять в нем крестов медных и средних и малых и малинкой образ иконостасной в сребреном по поддал окладе.

60. Образ нерукотвореннаго Спаса над западными дверями в простой крашенной раме.

за левым крыласом

3-я Балдахинь таковая ж что в настоящей церкви, в ней образ Тифинския богородицы венец и риза и оклад серебряный позлащенный, убрис вынизан жемчугом с камнями.

62, 63, 64 — три образа святцы на весь год.

65. Образ на паперти над дверми Спасителей венец медный позлащен в выкрашенной с позолотой простой раме.

Поникадилы в приделе

1. Посредине поникадило зеленой меди среднее (л. 11).

Поникадила для поставных свеч

1 поникадило чеканное посеребрено большое.

12 поникадил средних зеленой меди.

1 поникадило среднее красной меди.

2 поникадила средния прорезные красной меди.

16 поникадил малых зеленой меди.

Лампады для масла

2 хрустальныя с люстрами

1 чеканное посеребрено малое

1 купель красной меди вылужено в середине, на железном трех ножнике.

1. фонарь жестяной большой с стеклами для ношения свечь пред образами.

2. фонарь таковой же с слюдюю ветхой.

3. фонарь деревянной с стеклами осми гранной для доставления свечь на паперти пред образом.

2 кружки железныя с висячими замками для збора денег.

1 налой для крылоса складной в верху обит кожей.

2 сундука для денег и свечь, на каждом по два висячих замка.

1 стол большой для доставления сорокоуста

1 стол малинкой четырехугольной

1 лестница большая с подставкою для зажжения на больших поникадилах свечь

1 щипцы медныя малая для снятия свечь

1 щипцы железныя.

На калаколне восемь калаколовъ

1-й большой весу 236 пуд 27 фунт.

2-й средний весу 119 п 20 ф.

3-й колокол весу 54 п 25 ф

4-й колокол весу 23 п

5-й колокол весу 12 п

6-й колокол весу 6 п

7-й колокол весу 3 п

8-й колокол весу 1 п

над означенными колоколами часы боевые о четырех кругов с показателными стрелами. (л. 11 об.)

ИКОНА «ЛОБЗАНИЕ ИУДЫ» ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В КАЛУГЕ

В. Г. Пуцко,

*заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств*

О стиле русской провинциальной иконописи рубежа XVII–XVIII вв. принято судить главным образом по результатам её противостояния образцам столичного искусства, дающим представление о достижениях в плане уподобления светской живописи. Своеобразным эталоном служит, с одной стороны, творчество мастеров придворного круга, а с другой — крестьянский иконописный промысел Русского Севера либо Палеха с его чётким разграничением стиля. Однако был и третий путь, которым следовали вместе со своими заказчиками мастера-иконописцы различных городов среднерусской полосы. Не порывая с традициями русской иконописи допетровского периода, они широко использовали элементы фряжского стиля с его западными светскими влияниями, прежде всего в характере ликов и пейзажных мотивов.

Современный исследователь большей частью находится в незавидном положении, поскольку ему приходится иметь дело преимущественно с остатками былого великолепия, давно утратившими связь с художественным ансамблем, к которому принадлежали. Наиболее болезненно это сказывается при изучении композиций, которые служили частями сюжетных циклов. Сейчас они напоминают чудом уцелевшие листы из большой содержательной книги, и надо обладать развитой интуицией и проницательностью, чтобы их «вернуть» на прежнее место. Когда-то историки искусства сетовали на препятствия в изучении икон, чинимые духовенством. Сегодня в результате широкого разорения прежде ревниво оберегаемых интерьеров уже вошло в привычку воспринимать икону в отрыве от окружавшей её среды, тогда как только в принадлежности к целому можно понять то, что делает даже самое скромное произведение свидетельством творческих устремлений.

В данном случае предметом внимания служит небольшая (10,2×8,7 см) икона или миниатюра, выполненная на тщательно обработанной грушевой дощечке, в технике яичной темперы, по тонкому левкасу, нанесённому на предварительно наклеенную на деревянную основу бумагу. В округлое пространство диаметром 8,8 см, ограниченное тонкой белой линией от тёмно-зелёного фона, вписана группа из четырёх фигур, составившая композицию, известную как «Лобзание Иуды». Характер обработки дощечки и её сохранность указывают на то, что икона была заключена в какое-то обрамление. Большой скол в правом верхнем углу и различные механические повреждения относятся к сравнительно позднему времени. Икона подобрана калужанином М. Д. Ермаковым возле закрытой и опустошённой Благовещенской церкви, незадолго до её разрушения в 1930-е гг., когда на прилегающей площади в течение нескольких дней пылал костёр, уничтоживший иконы и иконостасы.

Описываемая икона отличается весьма несложной композицией: на светло-зелёном фоне, на открытой поляне с волнистой линией горизонта представлена группа, включающая Христа, Иуду и двух воинов. Христос в алом хитоне и синем гиматии, указывающий простёртой правой рукой куда-то в сторону. Его глава склонена к обнимающему Иуде, в лицо которого внимательно всматривается. Иуда изображён в виде седого бородатого старика в зелёных одеждах разных оттенков, с привязанным к поясу белым мешочком с монетами. За спиной Христа два римских воина в шлемах, золочёных доспехах и высоких сапожках; в энергично поднятой руке одного из них верёвка, приготовленная, чтобы связать руки. Лица написаны обобщённо, но при этом весьма выразительны, с искусной светотеневой моделировкой. Кисти рук переданы более условно, а ступни босых ног Иуды воспроизведены совсем примитивно. Сочетание профессионального мастерства с элементами примитива характеризуют письмо этой миниатюрной иконы в целом, давая примеры выразительно-обобщенного подхода, сочетающегося с пристрастием к локальному цветовому пятну. Золото нимба вокруг головы Христа и доспехов воинов скорее использовано как дополнительный цвет в сдержанной по звучанию палитре, отличающей колорит. На нимбе обычные крестчатое деление и литеры, а выше монограммы Христа. Над головами описанной группы двустрочная надпись: «Пристupaеть ко Иису Иуда лобжать Его. Отвещает ему Иись кротко

тво... ми ...». Всё это не исключает использование в качестве образца народной гравюры, может быть, западного происхождения, инспирирующей, в частности, украинскую народную икону первой половины XVII в. «Страсти Христовы» из Сколе на Бойковщине¹.

Евангельский сюжет предательства Иуды (Матф. 26, 45–56; Марк. 14,41–52; Лук. 22,45–53; Иоанн. 18,1–12) становится известным уже в ранней христианской иконографии, развитие которой логически приводит византийских художников порой к изображениям лобзания, пленения, инцидента Петра с Малхом, в сопровождении многочисленных воинов. Иуда обычно безбородый, порывисто обнимающий Христа, приближаясь слева². Эта общая схема может быть прослежена в различных памятниках монументальной живописи византийского ареала³. Не служит исключением и армянское искусство XI в., где, однако, предатель подходит справа⁴. Судя по греческой иконе рубежа XI–XII вв. с изображением земной жизни Христа, хранящейся в монастыре св. Екатерины на Синае⁵, всё же первый вариант, прослеживаемый в циклах евангельских иллюстраций, всё ещё оставался преобладающим. Вряд ли стоит подробно говорить о второстепенных деталях, но на одну из них всё же следует обратить внимание. В интересующей нас композиции среди мозаик южной стены базилики Сант Аполлинаре Нуово в Равенне, датируемых 520-ми гг., Иуда изображён с короткой окладистой чёрной бородой⁶. Следовательно, типологическая характеристика облика апостола-предателя существовала в христианской иконографической традиции уже в доиконоборческий период. Тип бородатого Иуды отмечен и в западноевропейской живописи последней четверти XV в. с тем же сюжетом⁷.

Со второй половины XV в. в римско-католической среде получает широкую популярность пасийная тематика, обусловившая появление страстного цикла, который объединил тринадцать сюжетов и стал в сущности обязательной принадлежностью костела⁸. Незадолго до того в Византии

появились иконы, подобные сохранившимся в монастыре св. Екатерины на Синае, в которых центральное изображение Распятия окружают композиции праздничного и страстного цикла, правда, без включения в его состав Лобзания Иуды. Этой традиции уже следует мастер храмовой иконы из церкви Воздвижения XV в. в с. Здвижень (Лиско), с одиннадцатью клеймами на полях. Тогда же появляются и большие по размерам украинские иконы Страстей Господних, включающие интересующий нас сюжет. Позже данная традиция находит отзвук в московской иконе рубежа 1560–1570-х гг. «Страсти Господни в евангельских притчах» из Успенского собора Московского Кремля, совершенно иного сюжетного состава⁹.

Весьма вероятно, что в контексте указанных явлений находится и выполнение А. Дюрером «Больших страстей» и «Малых страстей», с включением датированной 1508 г. гравюры резцом «Взятие под стражу». В Цетинье в Черногории в 1494 г. напечатан славянский Октоих с шестью иллюстрациями в роскошно орнаментированных обрамлениях с включением символов евангелистов, ренессансных крылатых путти, фантастических животных, льва, экзотических птиц и грифонов. На одной из этих гравюр представлено «Предание Христово» (рис. 1). Чёрный фон и драматический ритм линий усиливают ощущение

Рис. 1. Предание Христово. Гравюра Октоиха. Цетинье, 1494 г.

напряжённости, выделяющей эту сцену с плотно скомпонованными фигурами, спокойно стоящим Христом, которого обнимает порывисто Иуда. Аналогично позы представлены и в гравюре Триоди цветной (Пентикостариона) киево-печерской печати 1631 г., воспроизводящей в зеркальном отражении европейский оригинал.

В последней четверти XVII в. круглые медальоны с композициями страстного цикла становятся принадлежностью московских иконостасов, давая пример того, насколько неровно проходило в столице усвоение европейской иконографии, главным образом благодаря гравюрам популярной Библии Пискагоро¹⁰. В собрании Государственной Третьяковской галереи хранится часть страстного цикла начала XVIII в., в состав которого входит «Лобзание Иуды», трактованное несколько иначе, чем калужское: с большим количеством действующих лиц, со сценой отсечения Петром уха у Малха и с видом Иерусалима (рис. 2). Но это произведение и более крупного размера (48,5×48,7 см), предназначенное для иконостасного ряда. Живопись их отличается от работ московского элитарного круга и даёт представление о провинциальном варианте иконописи того времени.

Рис. 2. Лобзание Иуды. Икона из страстного чина. Начало XVIII в. Москва, Государственная Третьяковская галерея

Примечания

- ¹ Откович В. П. Народна течія в українському живопису XVII–XVIII ст. Київ, 1990. С. 32–33.
- ² Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 299–300; Millet G. Recherches sur l'iconographie de l'Évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916. P. 326–344. Fig. 324–361; Stylianou A., Stylianou J. The milliterization of the Betrayal and its examples in the painted churches of Cyprus // Euphrosynon. Vol. 2. Athens, 1992. P. 570–581. Pl. 313–326. К этому также можно присоединить ряд других примеров: Привалова Е. Л. Живопись Тимотесубани. Исследование по истории грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1980. С. 65–68, 212–213. Рис. 24; Ковалёва В. М. Живопись церкви Фёдора Стратилата в Новгороде по материалам открытий 1974–1976 гг. // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980. С. 166, 168 (илл.); Мавродинова Л. Земенската църква. София, 1980. С. 72–73. Ил. 49; Чорнаков Д. Фреске у цркви светог Климента у Охриду. 1295. год. Београд, 1961. Ил. 30; Петкович С. Арилье. Белград, 1965. Ил. 30; Флорова Е. Църквата «Пророк Илия» в Бобошево. София, 1976. С. 63. Ил. 48, 49. Иконографической особенностью последнего изображения служит тёмный нимб Иуды.
- ³ В этот ряд входят и русские стенописи XVII в., в том числе с чертами прозападной иконографии.
- ⁴ Лафонтен-Дозонь Ж. Росписи церкви, называемой Чемлекчи килесе, и проблема присутствия армян в Каппадокии // Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973. С. 86. Ил. на с. 81, 87.
- ⁵ Weitzmann K. Byzantine Miniature and Icon Painting in the Eleventh Century // Proceeding of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies: Oxford, 5–10 September 1966. London, 1967. P. 219. Pl. 34.
- ⁶ Kitzinger E. Byzantine Art in the Making: Main lines of stylistic development in Mediterranean Art 3rd-7th Century. Cambridge, 1977. P. 62. Pl. 106.
- ⁷ Dobrzeniecki. T. Catalogue of the Mediaeval Painting (Gallery of the Mediaeval Art. Vol. I: Mediaeval Painting). Warsaw, 1977. Cat. № 78, 81, 82, 84, 85.

⁸ Подробнее см.: *Dobrzeński T.* Debilitatio Christi: A Contribution to the Iconography of Christ in Distress // *Bulletin du Musée National de Varsovie*. Vol. VIII. 1967. № 4. P. 93–111.

⁹ *Маркина Н. Ю.* О двух памятниках времени Ивана Грозного из Успенского собора Московского Кремля // *Русская художественная культура XV–XVI веков*. М., 1998. С. 148–154, 170–172. Ил. 1.

¹⁰ См.: *Русская живопись XVII–XVIII веков*. Каталог выставки. Л., 1977; *Библия Пискагора* — настольная книга русских иконописцев. М., 2019.

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ. XIX ВЕК

Е. В. Метальникова,

*научный сотрудник Отдела по изучению истории Калужской епархии и канонизации святых,
Калужское епархиальное управление*

Благочестивый обычай паломничества существует с первых времён христианства, как писал святитель Серафим Дмитровский, почитаемые святыни являются особыми местами благодати, к которым устремлялись христиане, в том числе и из России. Цель данного исследования — используя в хронологическом порядке конкретные примеры, показать развитие традиций паломничества в Калужской епархии в XIX в., так как «православное паломничество из России на Православный Восток достигло своего наивысшего расцвета во второй половине XIX — в начале XX в.»¹, не исключением стала и Калужская епархия.

Следует обратить внимание на западное происхождение термина *паломник*. «Оно является производным от *пальмовник* — лат. *Palmarius*. Пальмовник — это тот, кто несёт пальмовую ветвь... Паломничество как явление первоначально связано именно со Святой Землёй»². Дореволюционная православная литература, изданная в XIX в., изучаемая в рамках данной темы в Санкт-Петербургской духовной академии (в силу отсутствия этих изданий в калужских архивах и музеях), позволяет определить значение православного паломничества и его особенности.

В книге «Рассуждение о важности христианских путешествий по Святым местам. Сочинение студента Алексея Зерчанинова», изданной в Москве в 1840 г., можно прочесть: «Благотворное действие благочестивого путешествия обнаруживается прежде, нежели христианин вступит в самый подвиг путешествия, так как для сего в душе его должны воспитаться и созреть благочестивая мысль и желание совершить такой подвиг».

Изданная в Калуге в 1859 г. «Ручная нравственная книжка для христианина» давала много советов, каким путём укрепляться в вере, как поклоняться святыням: «Вот путь совершенства и истинного освящения: ибо он есть путь совершенной любви, есть вместе верный путь к постоянному счастью в здешнем ещё даже мире»³.

В числе литературы о паломничестве начала XIX в. выделяются «Путевые записки во Святой град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и Мядынского купца Новикова в 1804–1805 годах». Этот источник показывает, что православные миряне земли калужской и в этот временной период посещали святыне места. Автор этих записок писал: «Давно имея ревностное желание путешествовать в Святой град Иерусалим и окрестности оного и тамо поклониться Живоносному Гробу Спасителя нашего и Святым местам, где совершилось наше спасение воплощением, рождением, жизнью и страданием Господа нашего Иисуса Христа, сподобились мы наконец оные узреть и удостоиться сей Христианской радости»⁴.

Само произведение в первую очередь интересно как полное описание паломничества жителей Калужской губернии в начале XIX в. Автор «Путевых записок», которым являлся Иван Вишняков (так фамилия значится в документах ГАКО), подчёркивает, что его записки, «содержащие в себе достойнейшие любопытства всякого христианина замечания о святом граде Иерусалиме с присоединением рисунков храмов Живоносного Гроба Господня и дома Святого царя Давида, достопамятности о святых местах рождения, жизни, страдания Спасителя нашего, описание путешествия от города Одессы в Константинополь по Архипелажским островам и Палестине, описание нравов

жителей, обычаев их, местоположений, произрастений и происшествий, как туда, так и обратно с самими путешественниками на морях и на суше приключившихся»⁵.

«Сочинение Ивана Вишнякова... может быть поставлено в один ряд с лучшими образцами мемуарной, автобиографической, путевой и духовной прозы конца XVIII–XIX века», — такая оценка ему дана О. Н. Александровой-Осокиной⁶.

Путешествие в святой град Иерусалим и к Гробу Господню в тот период было связано с огромными трудностями, в том числе и физическими. Длилось паломничество в пределах года, а то и 2–3 лет. Был приведён пример о паломниках дворянского и купеческого сословия. Но документы показывают, что число «поклонников» — крестьян (особенно с 1862 г.) и мещан было намного значительнее. Это были люди разного пола и возраста: как мужчины, так и представительницы женского пола — девицы, вдовы, старицы.

Жиздринская мещанская дочь девица Анисья Егорова Кизимова в прошении объявляет, что имеет душевное желание следовать в Старый Иерусалим и другие места для поклонения. Прошение подано 21 января, 22 апреля получен годовой паспорт: 44 лет. Рост средний. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос, рот посредственные. Подбородок круглый. Лицо чистое. Особые приметы: на больших и безымянных пальцах ногти повреждены⁷.

3 мая 1862 г. отставной рядовой Стефан Никифоров Перпелов подаёт ходатайство о годовом или двухгодичном паспорте для следования в Иерусалим. Сведения в паспорте: Лета 56. Рост 2 аршина 5, 5 вершков. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос, рот прямые. Подбородок бритый. Лицо чистое. Особые приметы: на левой руке указательный палец крив на первом суставе⁸.

Можно перечислить и других паломников, которые получили благословение духовенства, разрешение сельского схода и волостного правления (в сельской местности), разрешение городской думы в городах: временнообязанный крестьянин Дмитрия Андреева, мещанская девица Мария Данилова Варникова, мещанская девица Мария Николаева Тисова, неуказная послушница, вдова рядового солдата Христина Васильева Щеглова, мещанка Мария Захарова Болховитина, вдова коллежского советника Елена Самсонова Кондратова⁹. Этот список можно продолжать. Паломники и паломницы были из разных городов и уездов Калужской губернии.

Традиции паломничества в преклонном возрасте были связаны с бытовавшими особенно среди крестьянского населения желанием подготовки к жизни вечной: строгий пост, понедельник, богомолье и паломничество. В связи с этим были среди тех, кто стремился на Святую землю, люди преклонных лет. Известен случай смерти в Русской больнице Иерусалима крестьянки Калужской губернии Анны Сергеевой Васильевой 74 лет, погрёбённой на Сионском кладбище (приобщил её и совершил погребение иеромонах Парфений)¹⁰.

В 1870-е гг. традиции совершения паломничества разными сословиями представлены в документах ГАКО, но по сохранившимся сведениям из них — в большинстве это были крестьяне и мещане (по «Делу о выдаче билетов для поклонения Святым местам в 1870–1871 годах»). Один из паломников, Михаил Андреев Красин, писал: «Всепокорнейшее прошение. По моему собственному и искреннему желанию я вознамерился совершить святое обещание на поклонение святым местам Богу угодным, вследствие этого моего желания и сердечного исполнения я решился пуститься в Мир на сей предмет с сроком на 3 года моего путешествия»¹¹.

Среди крестьян широко бытовали паломничества по обету, в прошении писалось: по обещанию поклонения святым мощам по данному обету. Можно привести ещё один пример. Реже были распространены случаи, когда в паломничество отправлялись члены одной семьи. Жиздринского уезда Плохинской волости с. Плохина крестьянин Тимофей Афанасьев подал прошение в январе 1871 г.: «Имею я желание отправиться с женою моею Матрёною Михайловой на Богомолье. Почему исходатайствовал от общества приговор на увольнение меня с женою моею, согласно нашего желания в Старый Иерусалим»¹². Обращает на себя внимание использование в прошении слов «паломничество» и «богомолье» в качестве синонимов. Нужно подчеркнуть, что в начале XIX в. поездка к святым местам без выезда за границу значилась как богомолье.

В этот же период было написано другое прошение лихвинской мещанки Марьи Александровны Хоботьевой: «Имею честь, всеподданейше объявляю в настоящее время по желанию моему возымела намеренное отправление для поклонения ко Гробу Господню в Старый Иерусалим»¹³.

В списках на получение билетов, как и в предыдущие годы, отмечаются паломники разных возрастов, из сельской местности и городов, разных сословий, включая упоминание купцов, как, например, мосальского купца Козьмы Лаврентьева¹⁴, но такие записи встречаются крайне редко, в основном значатся крестьяне и мещане.

При всех приведённых выдержках из документов не представляется возможным выявить статистику, так как нет полной сохранности документов по всем периодам. Но на основании цитируемых выдержек из документов можно обоснованно сделать вывод о том, что из десятилетия в десятилетие, с начала XIX в., паломничества на Святую землю жителей Калужской губернии продолжались при тех особенностях и обязательных условиях, которые перечислены выше и были традиционными.

Во второй половине XIX в., совершались паломнические поездки и на Святой Афон. И этому находятся подтверждения в документах областного архива. В ГАКО сохранилось «Дело о выдаче государственному крестьянину Якову Иванову билета на проход в Святые места»¹⁵. Девять листов этого документа кратко, но очень поучительно рассказывают о влиянии посещения Святой горы Афон на паломника из Калужской губернии.

В 1858 г. упомянутый выше Яков Иванов подал прошение следующего содержания:

«Его Превосходительству Господину Гражданскому Губернатору и Кавалеру Боровского уезда Добринской волости с. Каменского крестьянина Якова Иванова

Докладная записка

Собственное моё желание есть отправиться ... на Афонские горы для поклонения ... святым местам, на что и общество наше даёт удовлетворительный приговор».

В то время недостаточно было желаний самого человека, собиравшегося отправиться в паломничество. В частности, сельские жители должны были получить в обязательном порядке согласие сельского схода. После урегулирования всех формальностей Яков Иванов получил билет № 680, который в дореволюционное время не только удостоверял, что предьявитель сего отправляется за границу, в Святой Афон через г. Одессу, но и содержал описание внешности паломника: Приметы — лет 42. Рост 2 аршина 6 вершков. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос, рот обыкновенные. Подбородок круглый. Лицо овальное. Особых примет нет.

Паломник в те годы XIX в. мог видеть на Святом Афоне следующее: «Русский монастырь довольно красив с моря: высокая колокольня и две 5-главые церкви видны из-за переднего корпуса келий; а за церквями возвышается пятиэтажный корпус русской братии...». Их ждала «чистота в церкви изумительная; простой не крашенный пол так чист, как мне редко случалось видеть столы... Ни в одном монастыре не случалось мне слышать такого прекрасного служения». «Все посещающие Афонскую гору, по возвращению оттуда, долго помнят и сообщают соотечественникам то, что там хвалят или осуждают»¹⁶.

Яков Иванов, посетив Святой Афон, не ограничился рассказами о своём паломничестве. В 1861 г., после возвращения на Родину, он принял важное для себя решение. Он уволился из сельского общества, где проживал, и получил разрешение на поступление послушником в Троице-Сергиеву лавру.

Можно привести и другой пример, подтверждённый материалами ГАКО, когда посещение Святого Афона меняло жизнь паломника. Известно, что калужанин Василий Иванов (из мещанского сословия) уехал на Афон в 1890 г. Об этом свидетельствует документ: «Вследствие отношения от 30 минувшего сентября за № 5173 Канцелярии Обер-Прокурора долго поставлено уведомить, что имеются в оной сведения о запасном унтер-офицере Василии Иванове. По увольнении его в запас в 1890 году, он немедленно уехал на Афон в конце того же года»¹⁷.

Документ более позднего времени, 1898 года свидетельствует о следующем: «Проживая на Афоне в обители Благовещенья Пресвятой Богородицы, запасной унтер-офицер 8-го сапёрного батальона, из мещан г. Калуги, Василий Иванов обратился к Господину Обер-Прокурору Святейшего Синода с прошением об исключении его из запаса армии для пострижения в монашество на Афоне»¹⁸. Таковое разрешение было им получено.

Можно перечислить и других паломников, которые стремились посетить Святой Афон и совершили паломничество в 1898 г.¹⁹:

- крестьянин Гродненской губернии канонир Василий Яковлев Минюк, живущий в Калуге, в 1-й части — 06.02.1898 г.,
- крестьяне с. Горок Полянской волости Перемышльского уезда Максим Андреев Красин, Илья Васильев Лукашин — 09.03.1898 г.

Не только рассказы бывалых паломников и книги, сколько поучения и пример духовенства Калужской епархии служили образцом для паствы. Документы разных лет, сохранившиеся в ГАКО, позволяют установить много обращений городских и сельских священников к епархиальному начальству по поводу поездок на богомолье в конце XVIII — начале XIX в. К сожалению, следует констатировать, что это далеко не полная информация в связи с тем, что много документов утрачено.

До создания Калужского отделения ИППО сбор средств тоже проводился по линии Церкви, тем более до создания ИППО. Поскольку именно в 1860-е гг. увеличилось число паломников из крестьян, как это указывалось выше, приведём пример именно этого периода — публикация распоряжения епархиального начальства «Об усилении сбора пожертвований на православных поклонников в Палестине. И о русских сооружениях в Палестине»²⁰.

В паломничестве люди испытывали на себе действие Божией благодати, ощущая потребность молитвенной сосредоточенности и искреннего покаяния. После длительных по срокам паломнических поездок не только изменяли свою жизнь, уходя в монастырь, но и делали значительные пожертвования. Козельский купец Дмитрий Алексеевич Посохин в духовном завещании узаконил свою волю: он пожертвовал денежные средства на Святой Афон:

«Резолюция, прислана Господином Прокурором Калужского Окружного Суда при отношении его, от 5-го сего декабря за № 9702 выписку духовного завещания козельского купца Дмитрия Алексеевича Посохина о пожертвовании им на Афонские Горы в Русский Свято-Пантелеймонов монастырь 100 рублей».

Резолюция прокурора от 22 декабря 1898 г. была направлена в Калужскую духовную консисторию для дальнейшего беспрепятственного решения вопроса. Прокурор Ланг на основании высочайшего указа, утверждённого 21 октября 1873 г. об изменении порядка наблюдения за исполнением духовных завещаний о пожертвованиях на предметы общественной благотворительности или пользы препроводил выписку и в Калужское губернское правление.

Необходимо подчеркнуть, что огромную роль в формировании представления о значимости паломничества для укрепления в вере играло духовенство Калужской епархии, которое через внебогослужебные собеседования и чтения несло народу знания о святых местах. Неценима была роль духовенства в разных направлениях — распространении паломнических книжек, сборе средств, просвещении народных масс. И такое положение дел отмечалось при создании КО ИППО, где основная деятельность осуществлялась именно духовенством²¹.

По понятным причинам первые лекции и чтения проходили в Калуге: «Насколько действительно, прекрасно исполнено ясное, раздельное и вразумительное чтение, вполне удавшееся показывание картин, гармонично исполненное пение, можно заключить из возгласов, вырвавшихся под живым впечатлением всего виденного и слышанного, из уст простолюдина, случайно попавшего на чтения при выходе его из зала: «Господи, как всё хорошо! Хоть бы что-нибудь подобное у нас в деревне!»²².

Но и в сельские приходы пришли брошюры, книги о паломничестве на Святой Афон. Рассказы священников на эту тему были полезны старым и малым. Помимо этого, как указывалось в отчётах и публикациях в калужской православной периодической печати, люди приходят на чтения постоянно, стараясь не пропускать рассказы батюшек: «Никакие меры не могут отвлечь и оттеснить нахлынувший народ; часто слушатели и смотрят через открытые двери, из сеней и всегда по окончании слушатели от души благодарят устроителей и всегда выражают желание, чтобы чтения продолжались»²³. Соответственно, благодарность была направлена именно священникам — организаторам чтений.

Таким образом, к концу XIX в. в Калужской епархии число паломников на Святую землю и Святой Афон было увеличено, при этом сохранялось соотношение численности паломников разных сословий, отмеченное в предыдущие годы. При изменениях, связанных с созданием КО ИППО, все традиции паломничества в святые места сохранялись в народе, поддерживаемые и развиваемые благодаря просветительской деятельности духовенства Калужской епархии и распространении знаний о значении для каждого христианина посещения святых мест.

Примечания

- ¹ <http://palomnik.vn.ua/content/view/2/3/>.
- ² <http://journalpp.ru/BD/#sthash.gj5amHYq.dpbs>.
- ³ Ручная нравственная книжка для христианина. Изд. 2-е. Калуга, 1859. С. 74.
- ⁴ Путевые записки в Святый град Иерусалим и в окрестности оною Калужской губернии Калужской губернии дворян Вешняковых и Мядынского купца Новикова в 1804–1805 годах. М.: Университетская типография, 1813. С. 5.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Александрова-Осокина О. Н. Паломнические путешествия Ивана Вешнякова как произведение русской духовной словесности. Хабаровск, 2013. С. 18.
- ⁷ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 687, л. 4.
- ⁸ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 688, л. 7.
- ⁹ ГАКО, ф. 32, оп. 3, д. 118, л. 1–21.
- ¹⁰ ГАКО, ф. 32, оп. 3, д. 118, л. 16.
- ¹¹ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 778, л. 5.
- ¹² ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 785, л. 27.
- ¹³ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 778, л. 14.
- ¹⁴ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 785, л. 17.
- ¹⁵ ГАКО, ф. 32, оп. 5, д. 671, л. 1–9.
- ¹⁶ Записки паломника. СПб.: Типография П. Фишона, 1860. С. 4.
- ¹⁷ ГАКО, ф. 32, оп. 10, д. 257, л. 12.
- ¹⁸ Там же, л. 10.
- ¹⁹ Там же, л. 1–6.
- ²⁰ КЕВ, 1862, № 12, с. 96.
- ²¹ Журнал «Православный христианин». 2017. № 2. С. 16.
- ²² Отчёт КО ИППО 1897–1898. Калуга: Типография губернского правления, 1898. С. 6.
- ²³ Отчёт КО ИППО за 1898–1899 гг. Калуга: Типо-Литография губернского правления, 1899. С. 7.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. В. МАТЭ И ХУДОЖНИКИ- ПЕРЕДВИЖНИКИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ)

Ю. С. Заложных,

*заведующая экспозиционно-выставочным отделом,
Калужский музей изобразительных искусств*

Русское искусство хранит немало блестящих страниц в своей истории. Не только шедевры живописи, но и расцвет графического искусства в конце XIX — начале XX в. по праву составляют его славу и относятся к числу самых заметных художественных явлений. В этот период мастерство книжного оформления и некоторых видов гравюры поднялось на высочайший профессиональный уровень. «Графика стала играть значительную, подчас даже ведущую роль в развитии русской художественной культуры»¹. Одним из выдающихся художников-гравёров был В. В. Матэ, соединивший линией преемственности достижения мастеров предыдущих эпох с творческими исканиями нового времени.

Василий Васильевич Матэ (1856–1917) — известный график конца XIX — начала XX в., ксилограф и офортист, профессор гравёрной мастерской Академии художеств, автор многочисленных портретов деятелей русской истории и культуры. В. Матэ сыграл огромную роль в становлении русской гравюры как самостоятельного вида искусства.

¹ История русского искусства / под. общ. ред. И. Э. Грабаря, К. Н. Лазарева, К. С. Кеменова. Т. 10. Кн. 2. М.: АН СССР Институт истории искусств, 1969. С. 222.

В. Матэ по происхождению был немцем и родился в Восточной Пруссии, в семье инженера. После переезда в Петербург в 1870 г. поступил в рисовальную школу Общества поощрения художников, где учился у гравёра по дереву Л. Серякова. В 1875 г. поступил в гравюрный класс Академии художеств, а в 1880 г. отправился в качестве пенсионера во Францию, где брал уроки у А. Паннемакера. В 1889 г. за высокохудожественные работы Академией художеств был избран академиком.

В. Матэ — признанный мастер факсимильной репродукционной гравюры (воспроизводящей точно и со всеми подробностями оригинальные работы¹), выделялся силой своего дарования и новаторством технических приёмов. Врождённое трудолюбие, удивительная выносливость, блистательная техника, природный талант принесли ему раннее признание. И. Э. Грабарь отмечал уникальное умение В. Матэ передавать в гравюре карандашные рисунки, отдельные штрихи, растушёвки, характерные для изображений, выполненных свинцовым или итальянским карандашом, сангиной². С 1899 г. Матэ перешёл с ксилографии на технику офорта, которая давала большие возможности, позволяя добиваться предельного сходства с шероховатостью линии, текучестью мазка, тоновой градацией пятна.

Количественное наследие мастера значительно: это порядка 500 ксилографий, более 270 офортов, множество рисунков. За свою жизнь В. Матэ создал более 200 портретов известных художников, писателей и общественных деятелей того времени — целую галерею «лучших сынов своего Отечества». Офорты В. Матэ украшали собрания сочинений русских писателей, книги по истории и искусству.

Не менее важной является преподавательская деятельность В. Матэ, который воспитал целую плеяду известных художников-гравёров: А. Остроумову-Лебедеву, В. Фалилеева, П. Шиллинговского и др. Разным гравировальным техникам он обучал художников-передвижников: больше всех В. Серова, а также И. Репина, И. Левитана, экспонентов ТПХВ: К. Юона и Б. Кустодиева. Страстью к офорту «заразил» В. Поленова и В. Маковского.

Гравюры В. Матэ активно печатались в журналах «Пчела», «Русская старина», «Исторический вестник», «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация», в популярных хрестоматиях и других изданиях³.

Жизненный и творческий путь В. Матэ был тесным образом связан с передвижниками: он «по воспитанию и мировоззрению принадлежал к позднепередвижническому кругу», с целым рядом художников-передвижников активно сотрудничал по различным художественным, образовательным, организационным вопросам и просто близко дружил. В своих мемуарах они вспоминают В. Матэ как доброго, радушного, отзывчивого и гостеприимного человека. Уделяя преимущественное внимание творчеству современников и ближайших предшественников, В. Матэ «сыграл в деле популяризации искусства передвижников огромную роль. Пожалуй, именно благодаря Матэ русская живопись второй половины XIX в. приобрела известность в самых удалённых уголках страны»⁴. Выполняя заветы и идейные принципы передвижников о знакомстве простого народа с русским искусством и его несении в широкие массы, он осуществил поистине грандиозную работу по репродуцированию художественных произведений своей эпохи.

Тесное сотрудничество, взаимное творческое обогащение и близкая дружба связывали В. Матэ и видного художника-передвижника И. Репина.

Их знакомство состоялось летом 1883 г., когда художественный критик В. Стасов и И. Репин, совершая поездку по Европе, приехали в Париж. Здесь к ним присоединился уже знавший В. Стасова В. Матэ. «Почти у них и жил», — писал он. Это было первое знакомство Матэ с Репиным и первое сближение с ним, которое, быстро укрепившись, никогда уже ничем не омрачалось»⁵.

¹ См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Т. 35. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. С. 242.

² Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. [Электронный ресурс]. URL: <http://igor-grabar.ru/monografia-iskusstvo6.php> (дата обращения: 10.05.2019).

³ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Указ. соч. С. 814.

⁴ История русского искусства / под. общ. ред. И. Э. Грабаря, К. Н. Лазарева, К. С. Кеменова. Т. 10. Кн. 2. М.: АН СССР Институт истории искусств, 1969. С. 224.

⁵ Лазаревский И. Василий Васильевич Матэ. М.: Искусство, 1948. С. 21.

В 1880–1890-е гг. под влиянием В. Матэ И. Репин также увлёкся офортом. Гравировал художник в мастерской В. Матэ, пользуясь его инструментами и указаниями. И. Репиным были созданы такие работы, как «Женский портрет», «В верхнем ярусе театра», «Портрет М. П. Мусоргского», выполненный в связи с установкой надгробного памятника композитору¹.

Повлиял В. Матэ и на личную жизнь И. Репина. Так, в ноябре 1888 г. он познакомил художника с его будущей ученицей Е. Н. Званцевой, отношения с которой в дальнейшем перешли у И. Репина в длительную любовную связь².

За свою творческую биографию В. Матэ создал значительное количество гравюр с работ мастера. Ещё будучи студентом он начинает резать доски с его произведений. А в 1878 г. на ученической осенней выставке в Академии художеств удостоивается похвалы за ксилографию с картины И. Репина «Парижское кафе»³. Затем в 1880–1890-е гг. В. Матэ создаёт «Проводы новобранца», «Не ждали», «Царь Иван Грозный с сыном Иваном, смертельно раненным» (не окончен), «Иов и его друзья», портреты П. Третьякова М. Горького, Л. Толстого, Н. Гоголя, И. Гончарова, В. Стасова, Н. Стасовой, М. Писарева, Н. Лескова, Д. Менделеева, репродукции рисунков и жанровых зарисовок.

В 1892 г., ставшим годом триумфа мастера, «в зимних номерах «Всемирной иллюстрации» появились его факсимильные ксилографии с работ Репина — с «Запорожцев», с эскиза хохочущего запорожца, с портрета украинки и с произведения «Лев Толстой за работой в Ясной Поляне». Исполненные лёгким, свободным штрихом, с применением новых приёмов, эти гравюры имели большой успех»⁴.

Друг мастера В. Стасов по этому поводу писал: «Его «Запорожцы» с картины Репина — крупный шедевр по верности всего общего вместе, во-первых, потом по верности каждой отдельной личности, по выражению характеров, по красоте колорита (даром, что в гравюре нет красок), его этюд «Запорожца», также с Репина, быть может, ещё выше — так талантливо, так характерно, так художественно передал он этот чудесный этюд, к несчастью исчезнувший из большой картины Репина. Смотришь на эту великолепную гравюру Матэ и точно видишь подлинный холст и смелые, горячие удары кисти Репина. Потом ещё его красивая «Малороссиянка» с картины Репина, ... его «Стрепетова в костюме» с картины Репина — все это капитальные, художественные создания»⁵.

Сам В. Матэ своим лучшим офортом считал портрет известного музыкального деятеля 1880–1900-х гг. М. Беляева, выполненного им в 1897 г. с оригинала И. Репина. Под изображением мастер подписал: «...лучшая моя работа»⁶.

В 1897 г. В. Матэ в качестве издателя выпустил книгу «И. Е. Репин. Альбом картин и рисунков»⁷, который «содержит 16 репродукций, подобранных в хронологическом порядке, разнообразно и со вкусом. Большая часть номеров представляет собой гравюры и офорты самого В. В. Матэ с картин, портретов и рисунков Репина, начиная с академических работ художника»⁸.

Сохранившая переписка того времени показывает тесную связь художников, их взаимные душевные симпатии и любовь. Так И. Репин писал В. Стасову в 1881 г.: «Меня ужасно интересуют теперь офорты Матэ»⁹, в 1887 г.: «Какой превосходный гравёр делается Матэ! Это вполне художник. ... Матэ воспроизводит штрих и форму сознательно и с настоящим художественным интересом»¹⁰. «Такие формы офорта, какие он дал, едва ли кто ещё может дать», — говорил о Матэ

¹ См.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. 1877–1894. Т. 2 / под ред. А. К. Лебедева. М., Л.: Искусство, 1949. С. 91; Графика Ильи Репина в Художественной галерее. [Электронный ресурс]. URL: http://www.smolensk-museum.ru/novosti/muzeynaya_zhizn/grafika-ili-repina-v-hudozhestvennoj-galeree/ (дата обращения: 08.05.2019).

² См.: Пророкова С. А. Что рассказали письма [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/proroкова-sofya-aleksandrovna/repin/21> (дата обращения: 08.05.2019).

³ Фёдорова В. И. В. В. Матэ и его ученики. Л.: Художник РСФСР, 1982. С. 19, 12.

⁴ Лазаревский И. Василий Васильевич Матэ. М.: Искусство, 1948. С. 25.

⁵ Там же. С. 25–26.

⁶ Фёдорова В. И. Указ. соч. С. 180.

⁷ См.: И. Е. Репин. Альбом картин и рисунков. СПб.: Изд. В. В. Матэ, 1897.

⁸ Головачинер В. Д. Из истории популяризации репинского творчества в дореволюционные годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilyarepin.ru/mempr8/> (дата обращения: 08.05.2019).

⁹ Письмо И. Е. Репина В. В. Стасову от 20 мая 1881 г. // И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. 1877–1894. Т. 2 / под ред. А. К. Лебедева. М., Л.: Искусство, 1949. С. 65.

¹⁰ Письмо И. Е. Репина В. В. Стасову от 17 октября 1887 г. // И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. 1877–1894. Т. 2 / под ред. А. К. Лебедева. М., Л.: Искусство, 1949. С. 120–121.

Репин в своей речи на Всероссийском съезде художников в декабре—январе 1911–1912 г. А в 1888 г., создав графический портрет самого В. Матэ, И. Репин написал ему: «Портрет, который я с Вас нарисовал, я вам преподношу за Вашу душу художника и горячее, доброе сердце»¹.

В фондах КМИИ хранится 4 офорта В. Матэ, одним из которых является «*Портрет И. Е. Репина*»², кон. XIX—нач. XX в., выполненный, скорее всего, с фотографии.

Калужский лист раскрывает перед нами облик И. Репина, увиденный его соратником и современником. Выбранная композиция вполне традиционна для В. Матэ: подгрудное изображение с повернутой в сторону головой модели. Цепкий взгляд автора и его техническое мастерство позволяют передать мельчайшие подробности внешности изображаемого: «с открытым приветливым лицом и пристальными и острыми, слегка щурящимися глазами. Немного скуластый, с бородкой «а-ля Буланже»³. Умелой градацией штриха от лёгких и тонких, лежащихся чётко по форме лица и шеи, до основательных и нарочито небрежных в одежде и фоне, В. Матэ уверенно расставляет акценты главного и второстепенного в образе модели, добиваясь внутреннего психологизма образа и динамики. Точное и взвешенное применение светотеневой моделировки позволяет мастеру показать пышность причёски и фактуру бороды и усов, белизну рубашки И. Репина, дополняя облик натуралистическими подробностями. В представленном офорте высокохудожественно воплощены жизненность и общий внутренний настрой портретируемого.

Интересны творческие связи В. Матэ с экспонентом ТПХВ В. Верещагиным (участвовал в 3-й и 4-й выставках в 1874 и 1875 гг.). Их встреча произошла в Париже также благодаря В. Стасову. В этот период В. Верещагин жил и работал в своей мастерской на одной из опушек Булонского леса. «Знакомство с Верещагиным, умным, много пережившим, переживавшим человеком, требовательным к себе художником, имело на Матэ немалое влияние. “Верещагин мне беспрестанно даёт книги преинтересные читать—французские и русские,—писал В. Матэ своей невесте.—А уж как он рассказывает, так и не описать, как всё у него живо и реально. Это такое счастье для меня, что и не всякому удаётся иметь. Сколько я из этого извлёк, так и рассказать не могу”»⁴.

При этом сам В. Верещагин сначала отнёсся к Матэ с прохладой, о чём сообщал В. Стасову в личной переписке: «...мне около него и ему около меня делать нечего. ... С Матэ просто трудно говорить о чем-либо... скучно»; «Злит просто ваш Матэ... нелепое самолюбие» и т. д., но отмечая при этом его природный талант, художественную натуру, сильный характер, доброту⁵. Однако в скором времени именитый художник поменял своё мнение: «В. Матэ... стал весьма скромный, гравюрует хорошо, даже читает немного—это успех!», стал считать его своим приятелем и настолько высоко оценил способности и дарование В. Матэ в искусстве создания гравюры, что

В. Матэ. Портрет И. Е. Репина
Инв. Г-745. Кон. XIX—нач. XX в. Бумага, офорт. 29×21,5 см (оттиск)

¹ См.: *Лазаревский И.* Василий Васильевич Матэ. М.: Искусство, 1948. С. 21, 29.

² Инв. Г-745. кон. XIX—нач. XX в. Бумага, офорт. 29×21,5 см (оттиск).

³ См.: *Мозалевский И. И.* Воспоминания о И. Е. Репине. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilya-repin.ru/memory-repin55.php> (дата обращения: 08.05.2019).

⁴ *Лазаревский И.* Указ. соч. С. 11.

⁵ Письма В. В. Верещагина В. В. Стасову. Август 1880 г. // Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. 1879–1883. Т. 2 / под. ред. А. К. Лебедева. М.: Искусство, 1951. С. 83–86.

В. Матэ. Портрет В. В. Верещагина.
Инв. Г-742. 1882. Бумага, офорт. 17×13 см

разрешал репродуцировать свои картины только при условии, чтобы это делал В. Матэ¹. Также В. Верещагин помогал В. Матэ деньгами и заказами, занимался его образованием и развитием художественного вкуса.

Примером блестяще исполненных В. Матэ ксилографических реплик с работ В. Верещагина 1880-х гг. являются «Перевязочный пункт по Плевной», «Траншеи на Шипке», «Шпион» и «Панихида», в которых гармонично сочетаются виртуозная фактурная изобретательность, умение разнообразными линиями создать множество градаций тона и достоверная передача светотени².

В фондах КМИИ хранится офорт В. Матэ «Портрет В. В. Верещагина», 1882 г.³, с подписью и датировкой в левом нижнем углу, с указанием места создания: Paris. Работа была выполнена гравёром по фотографии М. А. Брауна, когда он в 1880–1883 гг. в качестве «пенсонера» Академии художеств жил в столице Франции. По информации составителя справочников по гравюре Д. А. Ровинского это четвёртый вариант отриски с доски (всего было пять вариантов)⁴. Такой отпечаток был напечатан в мастерской Лемерсье⁵ и приложен к первому выпуску журнала «Вестник изящных искусств» за 1883 г., издававшийся при Императорской Академии художеств. Редактор журнала А. Сомов, узнав об «отличном опыте» В. Матэ в офортном искусстве, попросил его награвировать портрет В. Верещагина для своего журнала⁶.

Плотно закомпонованная в поле отриски фигура художника представлена погрудно в трёхчетвертном развороте. Мелкие, лепящие форму штрихи представляют нам умного и волевого человека, смотрящего в сторону пронизательным взглядом с налётом грусти. Явная натуралистичность не заслоняет внутреннего содержания и душевных качеств модели. Перед нами не просто человек и даже не только художник, а прежде всего личность с собственной гражданской и мировоззренческой позицией. Добиваясь объёмности и детализации изображения, В. Матэ мастерски сводит всё внимание зрителя к глазам В. Верещагина, тоном и светотенью умело подчёркивая главное.

Длительные творческие и дружеские связи установились у В. Матэ ещё с одним художником-передвижником — В. Васнецовым. В переписке В. Васнецова содержатся упоминания о гостеприимстве В. Матэ и их совместном времяпрепровождении и отзывы на творчество мастера.

В. Матэ репродуцировал такие произведения В. Васнецова, как «Богатыри» (около 1900), «Иван-царевич» с картины художника, «Христос Вседержитель» (1896?), «Распятый сын» (1898), «Гамаюн — птица вещая» (конец XIX — начало XX в.), экслибрис к книгам И. Остроухова (1901), скорее всего «Богоматерь». Причём в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже за большой офорт

В. Матэ репродуцировал такие произведения В. Васнецова, как «Богатыри» (около 1900), «Иван-царевич» с картины художника, «Христос Вседержитель» (1896?), «Распятый сын» (1898), «Гамаюн — птица вещая» (конец XIX — начало XX в.), экслибрис к книгам И. Остроухова (1901), скорее всего «Богоматерь». Причём в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже за большой офорт

¹ Письмо В. В. Верещагина В. В. Стасову. 20 августа / 1 сентября 1883 г. // Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. 1879–1883. Т. 2 / под. ред. А. К. Лебедева. М.: Искусство, 1951. С. 153; Пояснительный текст к письму от 18/30 августа 1880 г. // Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. 1879–1883. Т. 2 / под. ред. А. К. Лебедева. М.: Искусство, 1951. С. 247.

² См.: Фёдорова В. И. Указ. соч. С. 18.

³ Инв. Г-742. 1882. Бумага, офорт. 17×13 см.

⁴ Подробный словарь русских гравированных портретов / сост. Д. А. Ровинский. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. С. 496.

⁵ Жозеф-Роз Лемерсье (1803–1887) — основатель парижской фирмы «Лемерсье и Ко», прославившийся высочайшим качеством выполнения литографий и хромолитографий.

⁶ Фёдорова В. И. Указ. соч. С. 24.

с «Богатырей» В. Матэ была присуждена высшая награда. На что В. Васнецов писал мастеру: «Радуюсь вашему успеху, вполне заслуженному». А после получения художником оттисков с головой Христа: «Счастлив, что дал вам повод исполнить такую прекрасную художественную работу»¹.

Гравировал В. Матэ и два портрета самого сказочника. Оттиск одного более раннего из них хранится в фондах КМИИ. Это «*Портрет В. М. Васнецова*», 1898 г.², подписанный мастером в нижнем правом углу с указанием оригинала. В основе данной гравюры лежит графический портрет В. М. Васнецова (1874) работы И. Крамского из собрания Государственной Третьяковской галереи. Офорт с изображением знаменитого художника-сказочника был напечатан в конце октября 1898 г. в первом выпуске журнала «Искусство и художественная промышленность» (редактор Н. П. Собко) вместе со статьёй В. Стасова о творчестве и репродукциями работ мастера³. По этому случаю сохранилось письмо В. Васнецова В. Стасову, в котором он даёт положительную характеристику этой работе: «Мой портрет Матэ превосходен»⁴. Поясное изображение смотрящего прямо на зрителя В. Васнецова подкупает своей жизненностью и силой психологизма. Идя в целом от первоисточника, мастер укрупняет и приближает фигуру к краю листа. Используемая В. Матэ подробно разработанная градация тона добавляет по сравнению с оригиналом облику художника-сказочника новые черты — взволнованность, ощущение ранимости и лёгкой меланхоличности. В. Матэ в своём офорте смог создать эмоционально заострённый образ тонко чувствующей и глубоко рефлексирующей личности.

На основании работы с искусствоведческими источниками нами было установлено время создания данного офорта, поступившего в музей без датировки.

Самая близкая дружба и привязанность из всех художников-передвижников была у В. Матэ с В. Серовым. В. Серов, посещая г. Санкт-Петербург, часто останавливался на казённой квартире мастера («киногородние, начиная с Серова, квартиру Матэ считали своим родным домом и не только запросто останавливались у него надолго, но и работали у него свои заказы, пользуясь светом, теплом его поместительной квартиры»⁵), гостил всей семьёй на его даче в Териоках, по совету В. Матэ приобрёл участок и построил дачу на берегу Финского залива недалеко от друга, пользовался помощью в своих хозяйственных делах. Также гравёр выступал с инициативами о присвоении В. Серову звания академика и избрании преподавателем мастерской исторической живописи при Академии художеств.

В мастерской друга В. Серов написал несколько своих живописных работ, например, вариант «Похищения Европы», хранившийся в семье В. Матэ. Здесь же в 1898–1899 гг. В. Серов под руководством мастера изучал технику гравирования и создал свои лучшие офортные доски: «Баба с лошадыю», «Октябрь», иллюстрации к басням⁶.

В. Матэ. Портрет В. М. Васнецова.
Инв. Г- 744. 1898. Бумага, офорт. 20×15 см

¹ Цит. по: Лазаревский И. Указ. соч. С. 29.

² Инв. Г- 744. 1898. Бумага, офорт. 20×15 см.

³ Примечания к переписке В. М. Васнецова за 1888 г. // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / сост. Н. А. Ярославцева. М.: Искусство, 1987. С. 405–406.

⁴ Письмо В. М. Васнецова В. В. Стасову от 22 октября 1898 г. // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / сост. Н. А. Ярославцева. М.: Искусство, 1987. С. 156.

⁵ Корнилов П. Е. Гравёр Василий Васильевич Матэ. Материалы к истории русской гравюры. Казань, 1927. С. 20.

⁶ См.: Фёдорова В. И. Указ. соч. С. 25.

В. Серов. Портрет В. Матэ.
Инв. Г-1132. 1889. Бумага, офорт. 37×27 см

В. Матэ были выполнены два портрета В. Серова. Один с его автопортрета 1909 г. и второй с фотографии 1910-х гг. Репродуцировал В. Матэ и работы В. Серова (например «Портрет О. К. Орловой», 1910-е гг.).

В мастерской гравёра художник создал известный «Портрет В. Матэ»¹, 1889 г., один из оттисков которого поступил в собрание калужского музея в 1947 г.

Представленное произведение, имея небольшие размеры, отличается цельностью и глубиной. Несмотря на явно не проработанные кисти рук модели оно не оставляет у зрителя ощущения незаконченности работы. Несколько хаотичная, напряжённая линия штриха рисует перед нами образ человека интересного и незаурядного, смотрящего прямо в упор умным и внимательным взглядом из-под полов своей чёрной шляпы. После гравирования данная работа быстро стала популярной. Широкая известность не в последнюю очередь была связана с тем, что офорт был напечатан тиражом приблизительно в тысячу экземпляров и приложен к № 2 ежемесячного иллюстрированного художественного журнала «Мир искусства» за 1902 г., а затем многократно воспроизводился в различных изданиях². Редактор

журнала С. Дягилев в январе 1901 г. в письме обратился к В. Серову с просьбой «изготовить для 1-го номера ... литографию, например, быть может одного из Ваших детей», но художник не успел вовремя исполнить эту просьбу и в № 2 был дан офорт с изображением В. Матэ³. Позже в 1936 и 1947 гг. были сделаны дополнительные оттиски с хранящейся в Третьяковской галерее печатной формы. Возможно, один из таких отпечатков и поступил в собрание калужского музея в 1947 г.

В. Матэ поддерживал творческую и личную связь и с другими передвижниками: например, с В. Суриковым (воспроизвёл «Боярыню Морозову» (ок. 1887) по фотографии, присланной самим живописцем) и А. Боголюбовым (создал портрет именитого художника в 1883 г.). Также перевёл в графику произведения И. Крамского («Портрет П. Третьякова», 1899), выполнил портреты И. Шишкина, И. Крамского, А. Корзухина, К. Савицкого, В. Сурикова.

Отдельно необходимо упомянуть о дружбе В. Матэ с идейным защитником передвижничества В. Стасовым, который стал его наставником не только в профессии, но и в жизни. Именно В. Стасов познакомил начинающего гравёра со многими видными художниками того времени, давал советы и предложения по работе, помогал в поиске заказов, поддерживал и защищал его в академических кругах. Но поистине главной заслугой критика стало осмысление места и роли В. Матэ в искусстве и культуре своей эпохи. Так, В. Стасов первым выявил генетические связи и идейное родство мастера с передвижниками, показав это на примере произведений В. Матэ⁴.

Подводя итог написанному, хочется отметить, что деятельность В. Матэ, отстаивавшего принцип свободного творчества в гравюре и поднявшего её на высоту большого искусства, занимает в культурном наследии прошлого одно из почётных и значимых мест, а его личность и заветы по-прежнему остаются эталоном истинного художника-графика и талантливого педагога.

¹ Инв. Г-1132. 1889. Бумага, офорт. 37×27 см.

² См.: Зеликман М. И. Гравёр В. В. Матэ на офортах Валентина Серова // Наше наследие. 2012. № 104. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10421.php> (дата обращения: 15.05.2019).

³ См.: Письмо С. Дягилева В. Серову от 2 января 1901 г. // Валентин Серов в переписке, интервью и документах. Л.: Художник РСФСР, 1985. С. 331–332.

⁴ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1976. С. 212.

ОБ АТРИБУЦИИ ВИДОВЫХ ГРАВЮР ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГЕРШЕЛЬМАНА (1893–1977)

*М. В. Зверева, кандидат культурологии,
заведующая отделом информационного обеспечения музейной деятельности,
Калужский музей изобразительных искусств*

В 2015 г. в Калужский музей изобразительных искусств (КМИИ) поступила коллекция печатной графики, собранная русским офицером, героем Первой мировой войны, Александром Сергеевичем Гершельманом¹. Графические произведения были переданы в дар дочерью Гершельмана Мариной Александровной². По словам Марины Александровны, решение о передаче произведений в Калужский музей изобразительных искусств было принято в память о её муже, Сергее Сергеевиче Аксакове³, родившемся в Калужской губернии. Гравюры проделали длинный путь из Аргентины в Калугу и теперь находятся в фонде музея.

Из восьмидесяти четырёх графических листов, входящих в состав коллекции, двадцать девять относятся к жанру видовой гравюры. Почти все они, за небольшим исключением, представляют собой архитектурные пейзажи Санкт-Петербурга и его окрестностей. Среди них выделяется серия листов одинакового размера (100×150 мм), иллюминированных акварелью⁴. На обороте листов название композиции на французском языке. Атрибуция этих работ имеет существенные пробелы: не указаны имена авторов, отсутствует время и место их создания. Для включения произведений в научный оборот и их экспонирования необходимо было восполнить эти лакуны.

Самая узнаваемая гравюра носит название «Михайловский дворец в Санкт-Петербурге»⁵ (рис. 1). На обороте — надпись чернилами: «Le palais du Grand Duc Michel». В Государственном Русском музее хранится аналогичный рисунок⁶, исполненный известным русским акварелистом, литографом и гравёром Карлом Петровичем Беггровым (1799–1875). В 1832 г. Беггров

Рис. 1. Мастерская Карла Петровича Беггрова. Михайловский дворец. 1830—1840-е гг.
Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3056

был удостоен за него звания академика. Именно этот рисунок и послужил образцом для создания гравюры. Наибольшую известность принесли Беггрову литографированные пейзажи Петербурга, выполненные им для издания «Виды Санкт-Петербурга и окрестностей». В создании этой серии, кроме К. П. Беггрова, участвовали С. Ф. Галактионов⁷, А. П. Брюллов⁸, А. А. Тон⁹, С. П. Шифляр¹⁰, К. Ф. Сабат¹¹, А. Тозелли¹². «Общее смотрение» над изданием осуществлял Ф. Ф. Шуберт¹³. Оригиналы для перевода на камень готовили под руководством Ф. П. Толстого¹⁴. Как правило, каждый лист был результатом работы двух авторов: один исполнял архитектурный вид с натуры, другой переносил его на литографский камень. Для многих литографий К. П. Беггрова рисунки были созданы К. Ф. Сабатом и С. П. Шифляром: первый создавал архитектурные композиции, второй — стаффаж. Черно-белые литографии расцвечивались акварелью. Литографии изготавливались и печатались в 1830-е — 1850-е гг. в Карлсруе, Париже и Петербурге.

В 1834–1838 гг. Беггров выпустил серию гравированных видов Санкт-Петербурга в авторской раскраске акварелью. К 1839 г. их было уже более пятидесяти. Гравюры были благосклонно приняты императором Николаем I, которому они были поднесены автором. Несколько листов было исполнено в содружестве с немецким мастером гравюры Людвигом Тюмлингом, работавшим некоторое время в Санкт-Петербурге. В последние годы из-за ослабленного зрения К. П. Беггров почти не работал.

В ходе исследования нами были выявлены два интереснейших альбома гравюр, созданных в мастерской К. П. Беггрова. В Государственном музее А. С. Пушкина находится альбом, подаренный балерине Марии Тальони¹⁵ во время её петербургских гастролей 1837–1842 гг. Ранее альбом находился во Франции. Альбом содержит гравюры очерком, расцвеченные акварелью. Изображения аналогичны соответствующим композициям из коллекции Гершельмана¹⁶, размер также совпадает: 100×150 мм. Этот альбом был воспроизведён в книге И. С. Зильберштейна «Парижские находки. Эпоха Пушкина»¹⁷. В Государственном музее А. С. Пушкина альбом датируется 1840–1842 гг., что соответствует последнему периоду петербургских гастролей Марии Тальони.

Второй альбом¹⁸, так называемый «Русский альбом Лизиньки Пуарель» («Album russe de Lisinka Poirel») ¹⁹, хранится в муниципальной библиотеке города Нанси (Франция). Ранее альбом входил в состав частной коллекции Виктора Пуареля (1804–1881) — французского архитектора и коллекционера. Двенадцать композиций из этого альбома практически идентичны гравюрам из коллекции Гершельмана²⁰ и соответствующим изображениям из альбома Марии Тальони. Альбом был приобретён в Санкт-Петербурге, где Лизинька Пуарель бывала неоднократно. Каждый лист имеет сопроводительную надпись, включающую название на французском языке, место изготовления и принадлежность мастерской К. П. Беггрова: «Enluminure de Ch. Beggrow, Saint Petersbourg», а также провенанс: «Album russe de Lisinka Poirel». В левом верхнем углу листа — штамп библиотеки города Нанси²¹.

Любопытно, что французский вариант названий гравюр включает давно устаревшие слова, вышедшие из употребления ещё в XIX в. Так, лист из коллекции Гершельмана с изображением парохода²² (рис. 2) носит название «Английская набережная с пироскафом» («Le quai anglais avec le Pygoscarphe»), а аналогичная ей гравюра из альбома Лизиньки Пуарель снабжена следующим описанием: «Английская набережная, Биржа, отправление пироскафа» («Quai anglais, club du commerce, départ du pygoscarphe»). Примечательно, что на гравюре запечатлён один из первых русских пароходов, изготовленный на Ижорском адмиралтейском заводе, о чём свидетельствует надпись «Ижора» в хвостовой части судна.

В собрании Государственного Русского музея (ГРМ) хранятся три акварели К. П. Беггрова, композиции которых аналогичны композициям гравюр из коллекции Гершельмана. Так, акварельный рисунок с изображением вида от Невского проспекта на арку Главного штаба²³ мог бы быть сопоставим с гравюрой под названием «La rue de la petite Millionnaja et l'entrée du magasin anglais» («Малая Миллионная улица и вход в Английский магазин») ²⁴ (рис. 3), если бы не миниатюрный размер рисунка (60×80 мм). Такая же гравюра из альбома Лизиньки Пуарель носит название «Magasin anglais, petite millione, maison Kotomine» ²⁵ («Английский магазин, Малая Миллионная улица, дом Котомина»). Данная композиция есть и в чёрно-белом варианте: это гравюра Тюмлинга, опубликованная в альбоме «Пушкинский Петербург»²⁶.

Рис. 2. Мастерская Карла Петровича Беггова. Английская набережная и пирскаф. 1830–1840-е гг. Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3047

Рис. 3. Мастерская Карла Петровича Беггова. Малая Миллионная улица. Вход в Английский магазин. 1830–1840-е гг. Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3049

Рис. 4. Мастерская Карла Петровича Беггрова. Арка Главного штаба. 1830–1840-е гг.
Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3055

Рис. 5. Мастерская Карла Петровича Беггрова. Церковь Спаса на Сенной. 1830–1840-е гг.
Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3063

Рис. 6. Карл Петрович Беггров. Вид Сенной площади и церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). 1830–1840-е гг. Бумага, литография, раскрашенная акварелью. Государственный Эрмитаж. Инв. ЭРГ-20084

Вторая акварель К. П. Беггрова, «Арка Главного штаба»²⁷, аналогична одноимённой гравюре из коллекции Гершельмана²⁸ (рис. 4) и листу из «Русского альбома Лизиньки Пуарель». Гравюра из альбома Лизиньки Пуарель сопровождается более подробным описанием: «Arcade de l'état-major, colonne alexandrine, palais d'hiver» («Арка Главного штаба, Александровская колонна, Зимний дворец»). Размер данной акварели почти совпадает с размером гравюры.

Третий акварельный рисунок К. П. Беггрова, «Вид Сенной площади с церковью»²⁹ (1822), исполнен по литографии А. П. Брюллова. Ему соответствует лист «L'église de Spas sur la Sennoy» («Церковь Спаса на Сенной»)³⁰ (рис. 5) из коллекции Гершельмана, а также гравюра из альбома Марии Тальони³¹. Такая же композиция имеется на литографии³² (рис. 6) из собрания Государственного Эрмитажа, однако размер изображения на данной литографии существенно меньше (95×14 мм), а техника исполнения и раскраска отличаются от упомянутых листов.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина имеется литография К. П. Беггрова «Казанский собор на Невском проспекте»³³ (рис. 7) из альбома «Новая коллекция сорока двух видов Санкт-Петербурга и окрестностей онаго срисованных с натуры разными художниками с планом города разделённым на четверугольники для удобного оных означения. К употреблению иностранцев». На литографии изображён Казанский собор со стороны Екатерининского канала. Это повторение композиции картины Ф. Я. Алексева «Вид Казанского собора в Петербурге» (1811)³⁴ (рис. 8) с некоторыми отличиями в жанровых сценках и отсутствием перед собором обелиска, разобранного в 1826 г. Впервые литография была опубликована в альбоме А. И. Плюшара 1822 года, затем с изменениями включалась во все издания с видами Петербурга до 1827 г. Гравюра из коллекции Гершельмана с аналогичной композицией³⁵ (рис. 9) отличается миниатюрным размером (56×80 мм). Следует отметить, что аналогов данной композиции нет ни в альбоме Марии Тальони, ни в русском альбоме Лизиньки Пуарель.

Рис. 7. Карл Петрович Беггров. Казанский собор на Невском проспекте». 1822–1826 гг. Бумага, литография. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Инв. ГР-127005

Рис. 8. Фёдор Яковлевич Алексеев. Вид Казанского собора в Петербурге. 1811. Холст, масло. Государственный Русский музей. Инв. Ж-5049

Рис. 9. Мастерская Карла Петровича Беггрова. Вид Казанского собора в Петербурге. 1830–1840-е гг. Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3045

Единственная гравюра с изображением окрестностей Санкт-Петербурга — «Дворец Коттедж в парке Александрия (Петергоф)»³⁶ (рис. 10). Основой для данной композиции послужила гравюра Л. Тюмлинга³⁷.

Рис. 10. Мастерская Карла Петровича Беггрова. Дворец Коттедж в парке Александрия (Петергоф). 1830–1840-е гг. Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. КМИИ. Инв. Г-3046

Работы К. П. Беггрова есть и в собрании Государственной Третьяковской галереи. Из числа интересующих нас композиций можно выделить несколько гравюр, соответствующих семи листам из коллекции Гершельмана³⁸.

Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что все упомянутые гравюры из коллекции Гершельмана были изготовлены в мастерской К. П. Беггрова.

В ходе исследования был собран материал по истории создания этих гравюр, найдены их близкие аналоги, проведён анализ результатов их сопоставления с аналогами. В результате была составлена уточнённая атрибуция к каждой гравюре, способствующая более объективной оценке художественной и исторической ценности этой части собрания Калужского музея изобразительных искусств.

При подготовке были использованы материалы, хранящиеся в Калужском музее изобразительных искусств, Государственном Русском музее, Государственном музее А. С. Пушкина, Российской национальной библиотеке³⁹.

Примечания

- ¹ Гершельман Александр Сергеевич (1893–1977)—штабс-капитан Лейб-гвардии Конной артиллерии Русской Императорской Армии, георгиевский кавалер, полковник артиллерии Северо-Западной армии. Подробнее см.: Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: НП «Посев», 2008. С. 457; В рядах добровольческой Северо-Западной армии. М., 1998.
- ² Аксакова, урождённая Гершельман, Марина Александровна (1927–1915). Жена мичмана Русского флота С. С. Аксакова. Дочь А. С. Гершельмана. Подробнее см.: [Зирин С. Г.]. Интервью М. А. Гершельман // Михайлов День 1-й: Журнал Исторической России, Ямбург, 2005. С. 121–135; Гершельман М. А. Из семейных хроник // Михайлов День 2-й / ред. С. Г. Зирин. СПб., 2010. С. 158–170.
- ³ Аксаков Сергей Сергеевич (1899–1967)—мичман Русского императорского флота. Родился в селе Верхние Прыски Козельского уезда Калужской губернии. Сын С. Н. Аксакова—члена Калужской губернской земской управы. Родственник писателя С. Т. Аксакова (1791–1859). Подробнее см.: Кулешов А. С. Мичман Русского Флота Сергей Сергеевич Аксаков // Вестник архивиста / гл. ред. А. Д. Степанский. М., 2006, № 4–5. С. 378–429.
- ⁴ КМИИ, инв. Г-3043–3063. Исключение составляет один лист: инв. № Г-3045, размером 56×80 мм. Остальные гравюры имеют размер 100×150 мм.
- ⁵ КМИИ, инв. Г-3056.
- ⁶ Беггров К. П. Михайловский дворец в Санкт-Петербурге. 1832. Бумага, гуашь. 60,6×90,5. ГРМ. Инв. Р-13018.
- ⁷ Галактионов Степан Филиппович (1779–1854), русский график, пейзажный живописец и литограф, академик Императорской Академии художеств (ИАХ).
- ⁸ Брюллов Александр Павлович (1798–1877), русский художник и архитектор, академик и заслуженный профессор архитектуры ИАХ.
- ⁹ Тон Александр Андреевич (1790–1858), русский архитектор, график и литограф, академик и заслуженный профессор архитектуры ИАХ.
- ¹⁰ Шифляр Самуил (Соломон) Петрович (1786–1840), живописец, рисовальщик, гравёр и литограф.
- ¹¹ Сабат Карл Фридрих (1782–1843), актёр, живописец. Жил в России с 1810 г., в 1831–1843 гг. заведовал декорационной мастерской Императорских театров.
- ¹² Тозелли Анжело (1765–1827), итальянский художник, сценограф и архитектор, мастер архитектурного пейзажа.
- ¹³ Шуберт Фёдор Фёдорович (1789–1865), учёный-геодезист, директор Военно-топографического и гидрографического депо.
- ¹⁴ Толстой Фёдор Петрович (1783–1873), русский живописец, художник, медальер и скульптор, вице-президент ИАХ.
- ¹⁵ Мария Тальони (1804–1884), прославленная балерина XIX в.
- ¹⁶ Инв. Г-3043, Г-3044, Г-3046, Г-3047, Г-3048, Г-3049, Г-3050, Г-3052, Г-3053, Г-3054, Г-3056, Г-3057, Г-3058, Г-3060, Г-3061, Г-3062, Г-3063.
- ¹⁷ Зильберштейн И. С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. М.: Изобразительное искусство, 1993.
- ¹⁸ Album russe de Lisinka Poirel. Bibliothèques de Nancy. Collection Victor Poirel, Rés. 4276.
- ¹⁹ Лизинька (Элисавета, Элизабет) Пуарель (1808–1885), акварелист, внучка известного французского скульптора и архитектора Бартеlemi Гибалья. Родилась в России, получила прекрасное образование.

- Знала итальянский и арабский языки, обучалась музыке, пению, рисованию и живописи. В 1834 г. вышла замуж за Виктора Пуареля и уехала с ним в Алжир, куда Виктор был направлен для участия в строительстве портовых сооружений. Вместе с мужем много путешествовала. В Париже основала художественный салон. Супруги Пуарель собрали великолепную коллекцию живописи и графики, в которую входили произведения Тициана, Веронезе, Тинторетто, гравюры Жака Калло. В 1884 г. Элизабет Пуарель передала часть художественной коллекции в дар городу Нанси. Акварели художницы хранятся в Национальной библиотеке Франции.
- ²⁰ Инв. Г-3043, Г-3044, Г-3047, Г-3049, Г-3050, Г-3054, Г-3055, Г-3056, Г-3057, Г-3059, Г-3060, Г-3062.
- ²¹ <https://www.flickr.com/photos/bmnstanislas/10741817855/in/album-72157637443771896/>.
- ²² КМИИ. Инв. Г-3047.
- ²³ *Беггров К. П.* Вид от Невского проспекта на арку Главного штаба. Вторая половина 1820–1830-е гг. Бумага, акварель. 60×80 мм (очерчен). ГРМ. Инв. Р-56339.
- ²⁴ КМИИ. Инв. Г-3049.
- ²⁵ <https://www.flickr.com/photos/bmnstanislas/10741900546/in/album-72157637443771896/>.
- ²⁶ *Гордин А. М.* Пушкинский Петербург. Альбом. Л.: Художник РСФСР, 1974. 106 с. текста, 210 ил.; № 208.
- ²⁷ *Беггров, К. П.* Арка Главного штаба. Вторая половина 1820–1830-е гг. Бумага, акварель. 60×80 мм (очерчен). ГРМ. Инв. Р-8598.
- ²⁸ L'arc de l'Etat Major. КМИИ. Инв. Г-3055.
- ²⁹ *Беггров, К. П.* Вид Сенной площади с церковью. 1822. Бумага, акварель. 103×151 мм (очерчен). ГРМ. Инв. Р-8578.
- ³⁰ L'église de Spas sur la Sennoy. КМИИ. Инв. Г-3063.
- ³¹ *Брюллов А. П.* Мастерская Карла Петровича Беггрова. Прогулка по Сенной площади с видом на Успенскую церковь и на здание Гаупвахты. 1830-е. Бумага, гравюра очерком, акварель, белила, лак. Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Государственный музей А. С. Пушкина». Инв. Э-13777/8.
- ³² *Беггров К. П.* Вид Сенной площади и церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). 1830–1840-е гг. Бумага, литография, раскрашенная акварелью. 95×140 мм. Государственный Эрмитаж. Инв. ЭРГ-20084.
- ³³ *Беггров К. П.* Казанский собор на Невском проспекте. Лист № 30 из альбома «Новая коллекция сорока двух видов Санкт-Петербурга и окрестностей онаго срисованных с натуры разными художниками с планом города разделённым на четвероугольники для удобного оных означения. К употреблению иностранцев». 1826. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Бумага, литография. 350×452 мм. Инв. ГР-127005.
- ³⁴ *Алексеев Ф. Я.* Вид Казанского собора в Петербурге. 1811. ГРМ. Инв. Ж-5049.
- ³⁵ Kazan Church. КМИИ. Инв. Г-3045.
- ³⁶ Le palais à Alexandria. КМИИ. Инв. Г-3046.
- ³⁷ *Тюмлинг Л.* Дворец Коттедж в парке «Александрия». [1830-е гг.] / авт. ил. Л. Тюмлинг // Русский классицизм второй половины XVIII — начала XIX века. М.: Изобраз. иск-во, 1994. N129: 1 грав.
- ³⁸ КМИИ. Инв. Г-3047, Г-3052, Г-3054, Г-3056, Г-3060, Г-3062, Г-3063.
- ³⁹ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравёров XVI–XIX / сост. Д. А. Ровинский. С 720 фототипиями и 210 цинкографиями в тексте. В 2 т. Т. I: А-И. [Репринтное изд. СПб., 1895]. М.: Центрополиграф, 2004; *Тевяшов Е. Н.* Описание нескольких гравюр и литографий / сост. по своему собранию Е. Н. Тевяшов. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903; *Адарюков В. Я.* Словарь русских литографированных портретов. Т. 1 / Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.; сост. при участии и под ред. С. П. Виноградова. М., 1916; *Адарюков В. Я.* Очерк по истории литографии в России. [СПб.]: Аполлон, [1912]; *Обольянинов Н. А.* Русские гравёры и литографы. Добавления к «Словарю русских гравёров» Ровинского и «Описанию нескольких гравюр и литографий» Тевяшова / сост. Н. Обольянинов. С приложением 43 снимков. М.: Тов-во тип-ии А. И. Мамонтова, 1913; *Комелова Г. Н.* Виды С.-Петербурга и окрестностей: литографированное издание Общества поощрения художеств: 1821–1826. Л.: Изд-во ГЭ, 1960; *Комелова Г. Н.* Виды С.-Петербурга и окрестностей: серии литографий, выпущенные Обществом поощрения художеств в 1821–1826 годах. Изд. 2-е, доп. Л.: Изд-во ГЭ, 1961; *Ерохина И. П., Миролюбова Г. А.* Рисунки К. Ф. Сабата и С. П. Шифляра с видами Петербурга 1820-х годов. Из собрания ГИМ // Панорама искусств. Вып. 13. 1990. С. 54–70; *Коновалова Е. А.* Графика Карла Беггрова // Хронограф. [Вып. 1]. 2000. С. 42–46; *Миролюбова Г. А.* О двух памятниках ранней русской литографии из собрания ГЭ // Гос. Эрмитаж. Труды. XXX: Из истории русской культуры. 5. СПб. 2004. С. 81; *Наумов В. А.* Литографический альбом К. П. Беггрова: к истории ранней русской литографии // Сообщ. Гос. Русского музея. 8. 1964. С. 76–80; *Лурье Ф. М.* Петербург на старых гравюрах // Антикварное обозрение: Иллюстрированный журнал. 2010. № 5 (38). С. 52–60.

СЦЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. Я. БИЛИБИНА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Э. А. Корнелюк,

ведущий методист, Калужский музей изобразительных искусств

Иван Яковлевич Билибин — художник, творчество которого вошло в историю отечественной графики и театрально-декорационного искусства, был выходцем из знатного калужского купеческого рода. И хотя сам он родился в Тарховке, близ Сестрорецка, под Петербургом, мастер никогда не забывал о своих корнях, о родине своих предков.

Иллюстрации И. Я. Билибина к русским народным сказкам, выполненные в «билибинском» стиле, хорошо знакомы по книгам. Наибольшую известность И. Я. Билибин приобрёл как художник русских сказок. Так сложилось, что именно иллюстрации к сказкам оказались самыми растиражированными и знаменитыми работами художника. По заказу Экспедиции заготовления государственных бумаг художник иллюстрировал сюжеты таких сказок, как «Иван-царевич, Жар-птица и Серый волк», «Василиса Прекрасная»; «Пёрышко Финиста Ясна Сокола», «Царевна-Лягушка», «Марья Моревна», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка». Он также создал графические серии по русским былинам: «Вольга и Микула», «Добрыня Никитич», «Илья Муромец», иллюстрации к «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о Золотом петушке» А. С. Пушкина. Все эти работы способствовали тому, что за ним утвердилась слава первого на Руси художника книги.

Художник разработал в технике рисунка тушью, подцветочного акварелью, особый «билибинский стиль» книжного дизайна, продолжающий традиции древнерусского орнамента. «Билибинский стиль», с его образами и выразительными средствами, сформировался в начале XX века, неотделим от искусства того времени. Иван Яковлевич входил в объединение «Мир искусства», художники которого стремились к возрождению высокой культуры прошлого, к созданию на её основе нового «большого стиля», что обогатило искусство яркими образами и выразительными средствами, способствовало развитию его «нестанковых» видов, долгое время считавшихся второстепенными, в частности театральной декорации и оформления книги. Русские художники стали обращаться к произведениям народного и древнерусского искусства. Книга и театр оказались теми областями, где можно было достичь наибольшего синтеза современных и традиционных форм в искусстве. В работах И. Я. Билибина происходит соединение форм русского народного искусства с элементами стиля модерн, что обусловило популярность мастера.

В 1904 г. художник впервые обратился к сценографии, оформив для Национального театра в Праге оперу «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова. Позже художник исполнил эскизы декораций и костюмов к спектаклям «Действо о Теофиле» Рютбефа (1907), «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега и «Чистилище св. Патрика» П. Кальдерона (1911) — для Старинного театра, «Честь и месть» Ф. К. Сологуба (1908) — для театра «Лукоморье», к операм «Золотой петушок» Н. А. Римского-Корсакова (1908–1909) и «Аскольдова могила» А. Н. Верстовского (1912–1913) — для московского Оперного театра С. И. Зимина, «Руслан и Людмила» М. И. Глинки (1913) и «Садко» Н. А. Римского-Корсакова (1914) — для театра Народного дома в Петербурге. В 1908–1909 гг. он участвовал в оформлении оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского и танцевальной сюиты «Пир» для антрепризы С. П. Дягилева в Париже.

Безусловный интерес представляют эскизы к спектаклю, который проходил в 1907 г. в Петербурге, в «Старинном театре». Идеей этого русского драматического театра было возрождение театрального представления в архаических формах своего времени. Так как европейский театр берёт свои истоки в искусстве Средневековья, и программа театра была составлена следующим образом: в два вечера сыграть литургическую драму XI в., миракль XIII в., моралите XV в., фарсы XVI в. и уличный театр XVI в. Деятельность «Старинного театра» — первый опыт воссоздания театрального искусства прошлых эпох в русском театре начала века, выявивший противоречие между музейной реконструкцией, которой добивались режиссёры, и стилизацией, к которой стремились художники.

В собрании КМИИ хранится 5 работ мастера, 4 из них — эскизы костюмов к спектаклю «Действо о Теофиле» Рютбефа (1907). Работы поступили в музей в 1958–1959 гг. в качестве дара от московского коллекционера В. И. Тимофеева. Одна работа — рисунок к сатирическому журналу — была передана на хранение из КОХМ в 1999 г. Рассмотрим рисунки к мистериальному спектаклю «Действо о Теофиле».

«Действо о Теофиле» — средневековый мистериальный спектакль (средневековая мистерия, сюжетом которой было чудо или житие святого, или чудо Богородицы). Во Франции XIII в. в городах основываются братства, устраивающие поэтические состязания для прославления Богородицы и святых. В XIV в. братства сочиняют и разыгрывают мистериально-драматические спектакли о Богородице. Древнейший из них — «Мистериально-драматический спектакль о Теофиле» Рютбефа. Главный герой, эконом церкви Теофил, незаслуженно обиженный кардиналом, решает на месть последнему, заключив соглашение с дьяволом. Но покаяние и помощь Пресвятой Богородицы помогают спасти душу Теофила. Художник И. Я. Билибин создал оформление в стиле миниатюры XII в.

Работа над театральным костюмом проходила две стадии: сначала художник делал набросочный рисунок, носящий, скорее, утилитарный характер. Затем он приступал к главному эскизу, в котором был особенно внимателен к деталям, подчёркивая крой одежды. Обычно рисунок сопровождался многочисленными графическими и словесными комментариями, где И. Я. Билибин давал подробные указания портному и бутафору, в специальных схемах он показывал, как меняется костюм при движении, какие детали видны из партера, а какие с верхних ярусов.

Эскизы костюмов создавались к постановке мистериально-драматического спектакля «Действо о Теофиле» Рютбефа в переводе А. Блока. Постановка Дризена и Санина в старинном театре Санкт-Петербурга в 1908 г. Композитор — И. Сац.

На эскизе костюма кардинала перед нами предстаёт мужчина в длинной кардинальской одежде красного цвета с горностаевой отделкой, в белых перчатках. Правой рукой придерживает тесьму, спускающуюся от шляпы, в левой руке кардинальский жезл. В правой верхней четверти надпись: «NB перчатки красные и тесьма от шляпы тоже». В левой нижней четверти ближе к краю листа надпись: «Еленевъ» (фамилия актёра, исполнявшего роль кардинала). В правой нижней четверти надпись «Кардиналь» и подпись «ИБ 1907». Работа выполнена на картоне акварелью и тушью.

Эскиз «Кардинал»

Эскиз «Ведущий игру»

Эскиз «Второй приятель Теофиля»

Эскиз деталей костюма

Эскиз «Ведущий игру». Перед нами — молодой мужчина в длинной, немного ниже колен, одежде красного цвета с золотистой каймой по повороту и подолу. В верхней части одежды отделка: две широкие полосы с крещатым орнаментом в кругах, символизирующим солнце и плодородие. Высокий головной убор в виде белого колпака. В правой верхней четверти надписи «Голова 58 1/2» и «волоса чёрные». Ближе к левому краю листа, сверху вниз надпись «Квятковский» (фамилия актёра театра, исполнявшего эту роль). В правой нижней четверти надпись: «Conductiv du jeu» (фр. — проведение игры) и подпись «И.Б. 1907» Работа выполнена на картоне акварелью и тушью.

Эскиз «Второй приятель Теофиля». Приятель Теофиля в длинной одежде с широкими рукавами, в руке трость. На голове — чепец (бегуин), такие в средние века носили под основным головным убором. Справа сверху рисунок головного убора. Слева внизу надпись: «Второй приятель Теофиля. Справа внизу подпись: «И.Б. 1907» Материалы использованы те же — бумага, акварель, тушь.

Эскиз деталей костюма миракля «Действо о Теофиле». Справа кардинальская шляпа с тесьмой. Слева жезл кардинала. Справа внизу подпись и дата: «И.Б. 1907».

Преимущественная роль в его рисунках принадлежит линии, преобладает графичность изображения. К «Действу о Теофиле» были подготовлены и декорации, которые выдержаны в стиле миниатюр XII в.: сцена делилась на три части — небо, земля, ад. И. Я. Билибин сумел убедительно передать дух старинной народной поэзии. Наивную фантастику Средневековья он доносил зрителю через умную, тонкую, искусную стилизацию. Художник привнёс своё понимание сцены в театральное-декорационное искусство. В театре он оставался графиком. В основе театральных работ мастера лежит суховатая рисуночная манера, ему несвойственно живописно-пластическое выражение образа. Цвет в его эскизах выполняет в первую очередь декоративную задачу, а уже потом помогает раскрыть характер. «Его эскизы — это меньше всего характеры и больше всего этнографически точно найденные и театрально обыгранные костюмы». Декоративность наблюдается в элементах костюмов героев (орнамент на одежде героев), в орнаменте жезла (пасторала) кардинала, перекликающегося

с буквенным орнаментом в европейских книгах XII в. В работах И. Я. Билибина линейность выполняет задачи чёткого выделения объёмов, отделения фигур от фона, ясного членения пространственных планов. В средневековом искусстве линейность была связана с преобладанием декоративно-ритмического начала.

Действо, происходящее на сцене, безусловно, во многом зависит от игры актёров, от замысла режиссёра, видения сценариста. Но первое впечатление, до произнесения первых слов и звучания первых аккордов, всё же создают декорации и костюмы. Это наш настрой и гармоничное вхождение в эпоху, события. И. Я. Билибин справился с этой задачей грамотно и тонко, проявив свой недожиданный талант художника.

Список литературы

1. *Дёготь Е.* Сто памятных дат. Художественный календарь на 1992 год. М.: Советский художник, 1991.
2. Уникальные коллекции художественных музеев России. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция (г. Кемерово, 2–4 декабря 2009 г.). Материалы и доклады. Вып. 2. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2011. С. 42–43.
3. *Личенко С. И.* Русский модерн в оригинальной графике: по материалам собрания Калужского областного художественного музея // Сборник Калужского художественного музея. Вып. 2. Калуга, 1993. С. 38–54.
4. Буквенный орнамент и искусство шрифта. М.: Издательство «В. Шевчук», 2008. С. 154. Европейские инициалы XII века. С. 156. Европейский инициал XII века. С. 175. Русские инициалы XI века. С. 181. Русские инициалы XII–XIII века. С. 184.
5. *Турова В.* Что такое гравюра. М.: Советский художник, 1963.
6. *Липович И. Н.* Иван Яковлевич Билибин. Л.: Художник РСФСР, 1966.
7. Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 85–87.
8. Интересные факты из жизни И. Я. Билибина. Источник: <https://allpainters.ru/bilibin-ivan.html>.
9. Стиль модерн в деятельности художника-декоратора И. Я. Билибина. Источник: <https://allpainters.ru/bilibin-ivan.html>.
10. Роль художественного объединения «Мир искусства» в творчестве И. Я. Билибин. <http://velikayakultura.ru/russkaya-zhivopis/hudozhestvennoe-obedinenie-mir-iskusstva>.

ПЕСОЧЕНСКИЙ АГИТАЦИОННЫЙ ФАЯНС 1920-х гг.: НОВЫЕ НАХОДКИ И АТРИБУЦИИ

А. А. Бауэр,

директор, Кировский историко-краеведческий музей Калужской области

Песоченская фаянсовая фабрика, основанная Сергеем Ивановичем Мальцовым в 1853 г. и арендованная в 1899 г. Товариществом М. С. Кузнецова уже у новых владельцев — Акционерного общества мальцовских заводов (АОМЗ), — в начале XX в. переживала период реконструкции и расширения объёмов производства и внедрения новых технологий декорирования изделий.

Покупателями кузнецовского фарфора и фаянса были широкие демократические слои города и деревни, давно оценившие потребительские свойства песоченской посуды. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что почти в каждой интеллигентской и рабочей семье, в мещанской среде была в использовании кузнецовская посуда. Ну и во многих домах были фаянсовые корзинки, сахарницы, медальоны, кувшины, подносы, подсвечники, вазы, пепельницы, цветники, скульптуры и прочие художественные вещи, выпускавшиеся на песоченской фабрике. В этой группе кузнецовского фаянса на основе традиций народной росписи были выработаны такие виды живописного декора, как «агашки», «манер» (растительный орнамент) и «прозолоть» (роспись золотом), отразившие в своей стилистике убыстрённый темп работы мастериц. Однако отдельные штучные вещи, такие, как напольные и настольные вазы, настенные медальоны и ряд других, требовали художественно-сюжетной росписи. К счастью, сегодня нам известны имена двух песоченских художников первой трети XX в., работавших в технике авторской росписи с индивидуальными приёмами письма. Возможно, кто-то из них или их учеников расписал уже в конце 1930-х гг. вазу (находится в экспозиции городского музея) в стиле модерн начала века, что лишний раз говорит об устойчивости традиций в художественном фаянсе.

Архивные документы донесли до нас имена тех людей, которые руководили производством утилитарного и художественного фаянса в Песочне на рубеже двух эпох — кузнецовской (до 1919 г.) и первых советских лет. Это были Иван Спиридонович Безсмертнов, старший скульптор-отборщик точильной мастерской, и Д. А. Лагузин, заведующий живописной мастерской. Основными художниками по фаянсу трудились коренной песоченец Андриан Матвеевич Переборщиков, а также переведённый с Дулёвской фабрики Кузнецовых в Песочню Михаил Иванович

Снопов (1881–1958), долгие годы сам расписывавший штучные вещи, а в советское время — мастер, позже начальник живописного цеха. Хранящиеся в музейных и частных собраниях фаянсовые предметы, имеющие клейма и атрибутированные как изделия песоченской фабрики, трудно приписать конкретно кому-то из названных художников, ведь были и другие мастера, имён которых мы пока не знаем. Тем не менее все эти предметы из кировского музейного и частных собраний отмечены печатью настоящего искусства и имеют несомненную художественную ценность.

...Второе десятилетие XX в. в русской художественной промышленности было ознаменовано переходом от модерна к классицизму, что в кузнецовском фарфоре и фаянсе выразилось в применении декольной техники. Массовая репродукционная деколь (наклейка-картинка) позволила имитировать старинный художественный фарфор. Механический метод декорирования изделий сочетался с подражательным характером изображения. В силу художественной техники деколь «для яркости» проходили на песоченской фабрике цветом. Почти одновременно на кузнецовских производствах была внедрена «аэрографная» техника, или «трафарет»: распыляя краску, изделие окрашивали в 1–3 тени.

Победа большевиков в октябре 1917 г. и начавшиеся социалистические преобразования затронули все стороны жизни в России. Не осталась в стороне и такая отрасль художественной промышленности, как фарфорово-фаянсовое производство. Качественно новым явлением, ставшим не только этапом в художественном декорировании посуды, но и средством идейного воспитания широких масс населения (можно даже сказать, одним из действенных инструментов идеологической деятельности партии) стал агитационный фарфор и фаянс. В этом художественном направлении, призванном соединить художественные и идеологические задачи, стали работать видные деятели художественной жизни первых послереволюционных лет — С. Чехонин, Н. Данько, М. Добужинский, Н. Альтман, Г. Нарбут, А. Самохвалов, Н. Суетин, В. Татлин.

Агитационный фарфор и фаянс пропагандировал духовные ценности нового социального строя, внедрял их в сознание людей не только новыми художественными формами, многоцветной росписью, но и краткими, бьющими в цель, лозунгами-призывами. Первоклассные образцы агитационного фарфора уже давно введены в искусствоведческий оборот, им посвящены многие десятки и сотни публикаций, а самим предметам — почётные места в музейных экспозициях и частных коллекциях. Что же касается произведений песоченского фаянса этого направления, то они ещё не достаточно изучены в музейных и частных собраниях, почти не введены в научный оборот. Настоящая публикация является одной из первых попыток ликвидировать этот пробел.

Самым ранним из известных на сегодняшний день изделием песоченского агитационного фаянса является памятное блюдо (или «медальон», как принято было говорить в Песочне) из Брянского областного краеведческого музея (находится в экспозиции). Посвящён этот медальон пятилетию профессионального союза рабочих-химиков и был изготовлен и подарен рабочими Песоченской фабрики Брянскому губернскому отделу профсоюза (следует напомнить, что Песоченский Завод в это время, с 1920 по 1929 г., находился в составе Брянской губернии).

В центре медальона многоцветная композиция, выполненная в технике ручной росписи и олицетворяющая возрождённую промышленность советской России: на фоне восходящего алого солнца с сеткой лучей стоят заводские корпуса, дымят многочисленные трубы. В нижней части композиции изображены орудия труда живописцев (химиков): пузырьки, колбы, отливки тарелок и прочее. Колорит картинка напряжённый, весьма насыщен цветом и экспрессией рисунка. По широкому ободу вокруг живописной композиции идёт текст памятно-дарительной надписи и дата «26.IX.1923 г.».

К 1925 г. относятся два предмета, а именно: памятные кружки, выполненные по заказам со стороны. Одна из них «лозунговая», с минимумом росписи и текстом: «Рабочий, ты фабрику восстановил — береги её!» выполнена для Ивотской стекольной фабрики, входившей, как и песоченская, в состав Мальцовского (с 1923 г. — Фокинского) промышленного округа. Кроме этой призывной надписи на тулове кружки изображены в обобщённых формах заводские цеха, вереница стеклянных халыв и рабочий, выдувающий через трубку эту самую халыву (огромный цилиндрический пузырь-заготовку). Предмет находится в экспозиции Музея истории посёлка Ивот и известен в одном экземпляре.

Также в одном экземпляре представлена памятная кружка в экспозиции Кировского историко-краеведческого музея (дар Р. А. Горбатенко, апрель 1994 г.), посвящённая открытию памятника политическому и государственному деятелю Игнату Фокину в г. Людиново 7 ноября 1925 г. Тулово предмета по окружности украшено изображением памятника и соответствующей надписью (КП КИКМ 4410; ДПИ 677). Рисунок, как и на ивотской кружке, в одну краску зелёного цвета, позволяет предположить, что роспись сделана вручную хорошим живописцем, и в одно время. Высота предмета — 8,5 см, диаметр — 8 см. Возможно, эскиз росписи этой кружки создан ленинградским художником Я. В. Гурецким (1876–1938), бывшим в длительной творческой командировке в Мальцовском округе и работавшим в это время на Песоченской фабрике. По некоторым данным, Гурецкий участвовал и в создании фокинского мемориала в Людиново.

Настоящим сообщением мы хотим ввести в научный и краеведческий оборот ряд предметов Песоченской фабрики, выявленных в последние годы и относящихся к ярким произведениям агитационного фаянса. Ряд предметов находится в частной коллекции исследователя истории Мальцовского округа Владимира Владимировича Жукова (г. Киров Калужской области), другие же атрибутируемые в статье песоченские изделия взяты из свободных источников, размещённых в глобальной сети Интернет.

Тарелка «Пашня по новому»

Диаметр тарелки 20 см. В центре следующая композиция: на переднем плане две мужские фигуры, изображённые со спины, с головами, повёрнутыми в профиль. Это явно крестьянские типы: левый — в картузе, правый — чешет затылок рукой. На среднем плане изображён тракторист на гусеничном тракторе с прицепными плугами, который пашет зябь. На дальнем плане — лес, над которым на фоне белых облаков летит цепь аэропланов.

В нижней части, под фигурами, текст в четыре строки чёрной краской: *«Эх ты, Фёдор, эх ты, Фёдор. Эх ты, Фёдор, темнота. Глянь-ка, землю год от году люди пахнут уж не так».*

Ручная подглазурная роспись выполнена в 7 красок. Борт изделия не декорирован. Диаметр тарелки — 15 см. Время изготовления — первая половина 1920-х гг.

Клеймо подглазурное тёмно-зелёной краской «Песоченская фабрика ГМЗ» (Трест «Государственные мальцовские заводы»). На дне тарелки вручную поставлен ассортиментный номер изделия № 70.

Карандашница (?) «Будь на чеку»

Изделие представляет собой керамический бокал (кружка без ручки), приклеенный к восьмигранной тарелочке; возможно, это настольная карандашница.

На тулове бокала с одной стороны декоративная композиция из красной пятиконечной звезды в соединении с шестернёй; по центру звезды — чёрный силуэт головы человека в военном шлеме типа будёновки. Слева от композиции полукругом надпись в три строки: *«Будь на чеку».*

Ручная подглазурная роспись выполнена в три краски. Точные размеры изделия неизвестны, так как изображение взято из открытых источников. Время изготовления: конец 1920-х гг., но не позднее 1929 г.

Подглазурное клеймо зелёного цвета «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Тарелка «КИМ»

В центре композиции — членский значок КИМ (Коммунистический интернационал молодёжи). Внутри значка в жёлтом круге пятиконечная звезда красного цвета; на ней по центру белыми буквами написано: *«КИМ».* Кимовский значок помещён в круговую композицию из растительного орнамента в семь красок и букв *«СССР»* с четырёх сторон значка. Вся орнаментальная и шрифтовая композиция выполнена в технике ручной росписи, по окружности отведена усиком золотом.

По борту тарелки — отводка синей краской, внутри неё — круговая лента трафаретной печати из мелких декоративных элементов. Диаметр изделия — 20 см. Изделие изготовлено во втор. пол. 1920-х гг. (частная коллекция В. В. Жукова, г. Киров).

На обратной стороне дна изделия подглазурной краской светло-зелёного цвета нанесено клеймо «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Тарелка «Всем, кто смел и сердцем молод...»

В центре изделия композиция: серп и молот, на них расположена толстая книга в переплёте; слева — роспись из нескольких книг; справа на книге стоит чернильница с пером. По кругу изделия текст чёрной краской: «*Всем, кто смел и сердцем молод, в руки книга, серп и молот!*» (в оригинале — без знаков препинания). Автор рисунка — художница Р. Ф. Вильде. На Государственном (позже — Ленинградском) фарфоровом заводе выпущена тарелка с указанной авторской композицией, один экземпляр которой находился в коллекции Л. Утёсова.

По борту тарелки — отводка синей краской и декоративная лента (как на тарелке «КИМ»).

Подглазурная роспись по трафарету в пять красок. Вся композиция по окружности отведена золотым усиком. Диаметр тарелки — 20 см. Время изготовления — втор. пол. 1920-х гг. (частная коллекция В. В. Жукова, г. Киров).

Клеймо подглазурное «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Тарелка «8 лет Октябрьской революции» («История Октябрьского переворота»)

В центре композиции изображены: открытая толстая книга, на правой стороне на листе текст красной краской в четыре строки: «*История Октябрьского переворота 1917*». Из-под открытой книги видны ещё книжные тома с обложками красного и чёрного цветов, на красной обложке текст в две строки: «*Революция 1917*».

Вся «книжная» композиция обрамлена с двух сторон изображениями стилизованных серпа (слева) и молотка (справа). С двух сторон от молотка дата «1925» (по две цифры с каждой стороны красной краской). В левой части композицию обрамляет декоративный растительный орнамент чёрной краской. Вся композиция окружена тонким усиком золотом. По краю изделия отводка синей краской и декоративная лента.

Автор рисунка художница З. В. Кобылецкая. На Ленинградском фарфоровом заводе в 1925 г. была изготовлена тарелка с указанной композицией, один экземпляр которой находился в частной коллекции артистов Мироновой и Менакера.

С ленинградского оригинала — подлинной тарелки с рисунком Кобылецкой — песоченские живописцы сделали копию, тиражировав замечательную агитационную композицию — стильную и сдержанную в цветовом решении.

Ручная подглазурная роспись в пять красок. Диаметр тарелки — 20 см. Время создания — сер. 1920-х гг. (частная коллекция В. В. Жукова, г. Киров).

Клеймо подглазурное светло-зелёного цвета «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Блюдо овальное «Ленин — вождь пролетариев всех стран»

В центре композиции — оглавный бюст В. И. Ленина в профиль на фоне вытянутого двухэтажного прямоугольного тёмного здания, за которым по обеим сторонам дымят заводские трубы. Здание олицетворяет новое советское промышленное предприятие (фабрику или завод). Бюст вождя размещён на многоэтажном высоком корпусе, на фоне которого на тракторе находится фигура тракториста. Бюст с постаментом и трактором обрамлён скрещённым серпом и молотом. Сверху и снизу заводского здания надпись в четыре строки: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» (без знаков препинания).

Ручная роспись выполнена в технике гризайль в несколько оттенков чёрного и серого цвета. По борту изделия широкая голубая лента, внутри которой двойной усик золотом. Размер изделия неизвестен, так как изображение взято из открытых источников. Время изготовления — втор. пол. 1920-х гг.

Клеймо подглазурное зелёного цвета «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Памятная кружка «МОПР»

Роспись тулова содержит несколько композиций, объединённых общей идеей о грядущей мировой революции и В. И. Ленине как её вожде. Слева от ручки расположена композиция «Помощь борцам революции»: в центре её прямоугольный кусок тюремной стены с зарешёченным окошком, из которого протянуты две руки. В правой руке — кусок красной ткани (смятый флаг?), левая держится за решётку. Вверху и внизу композиции надпись в три строки «МОПР. Не забывают нас». Международная организация помощи борцам революции (МОПР) была создана в 1922 г. решением 4-го конгресса Коминтерна и формально имела общедемократический, надпартийный характер.

Справа от ручки композиция «Ленин вождь земного шара»: гигантская фигура Ленина попирает верхнюю часть земного шара, изображённую в виде полусферы. У его ног изображение серпа и молота, с обеих сторон от которого таблички с датами жизни Ильича: «22. IV.1870–21. I.1924» (расположение цифр — как на надгробных памятниках советского времени). Правая рука Ильича прижата к туловищу, а левая указывает на герб СССР и лозунг.

В середине тулова — между двумя боковыми сюжетами — изображение советского герба, под которым на прямоугольном картуше надпись «СССР», под ней дата «1924». По бокам герба надписи (каждая в две строки): слева — «Дело Ленина», справа — «переживёт столетия». Над всей центральной композицией вверху надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ручная подглазурная роспись в одну краску (чёрную), кроме сюжета «Помощь борцам революции», где использованы ещё красный и розовый цвета. Размеры изделия неизвестны, так как изображение взято из открытых источников.

Клеймо подглазурное чёрной краской «Песоченская фабрика ГМЗ» (Трест «Государственные мальцовские заводы»). Время изготовления: 1922–1925 гг.

Блюдо овальное «Помощь голодающим Поволжья»

Композиция на блюде овальной формы, в центре её фигура красноармейца с молотом в правой руке и винтовкой — в левой. Фигура дана в динамике — рука с молотом занесена над головой за мгновение до удара по лежащей на земле уродливой фигуре с косою в руке, символизирующей образ смерти. Красноармеец изображён со спины, он делает последний шаг перед ударом по «старухе смерти».

Слева сверху над фигурой красноармейца полыхает солнце, посылающее огненные протуберанцы огня красного и жёлтого цветов. Под ногами фигуры помещены художественные элементы, символизирующие землю, в виде разноцветных горизонтальных плит с растениями на них.

Ручная подглазурная роспись в семь тонов. Размер блюда — 37×28 см.

По борту блюда расположена надпись фигурным художественным шрифтом «На помощь голодающему населению Поволжья» в одну чёрную краску. Внизу, между началом и концом надписи, изображён декоративный элемент в виде ветви и других непонятных символов.

Время создания — середина 1920-х гг. (частная коллекция В. В. Жукова, г. Киров).

Клеймо подглазурное светло-зелёного цвета «Песоченская фабрика Брянской губ. ЦФФТ» («Центральный фарфорово-фаянсовый трест» ВСНХ РСФСР).

Список литературы

1. Бауэр А. А. Песоченский агитационный фаянс // Знамя труда. 1998. 14 дек.
2. Бауэр А. А. И яркий след оставил // Знамя труда. 2004. 21 июля.
3. Бауэр А. А. Люди. Годы. Завод: Очерки истории акционерного общества «Кировский стройфарфор» (1853–2003). Брянск, 2003.
4. Бауэр А. А. Песоченский художественный и агитационный фаянс: произведения и мастера // Песоченский историко-археологический сборник. Ч. 2. Киров, 2000. С 11–114.

ДВОРЯНСКИХ ГНЁЗД ЗАВЕТНЫЕ АЛЛЕИ

*(Из истории усадьбы Смирновых
в деревне Трухино Мещовского района)*

В. А. Тригубова, экскурсовод,

музейно-краеведческий комплекс «Музей трёх цариц» г. Мещовска Калужской области

Глава I. Дворянские усадьбы в Мещовском уезде

Российская усадьба была родным домом для многих дворян XVIII–XIX в. — военных, политиков, деятелей культуры. В усадьбе дворяне рождались, росли, там они впервые влюблялись. Повзрослев, приезжали сюда в свободное от учёбы и службы время. В усадьбе жили после выхода в отставку. Здесь же нередко обретали и вечный покой.

Усадьба становилась для помещика надёжным прибежищем в случае разорения, опалы, семейной драмы, эпидемии. В своей усадьбе дворянин отдыхал душой и телом, так как жизнь здесь, вдали от городских условностей, была проще и спокойнее. Свободный от государственной службы дворянин больше времени проводил с семьёй, мог уединиться, что в многолюдном городе всегда было затруднительно. Русская усадьба представляла собой особый мир, обустроенный в соответствии со вкусами и возможностями владельцев.

Усадьбы, разбросанные по Мещовскому уезду, были островками культуры в калужской глубинке. По официальным данным, на территории нашего района известно и описано 19 усадеб [7, п. 1]. Малая часть дворянских усадеб уже восстановлена или находится в процессе реставрации — Подкопаево, Серебряно, Терпилово, Шалово.

Глава II. Усадьба Смирновых в деревне Трухино — памятник истории и архитектуры

Усадьба Смирновых в деревне Трухино, относящаяся к таким островкам русской культуры, официально признана объектом культурного наследия Калужской области. Это памятник архитектуры XVIII в., который охраняется законом и подлежит реставрации.

Небольшая деревня Трухино расположена на правой стороне речки Серпейки Мещовского района (в 7 километрах от Серпейска, в 108 км от Калуги). По архивным сведениям 1859 г., деревня находилась на транспортной дороге от города Серпейска в город Ельню Смоленской губернии [5, л. 118].

Числилась за князем Гавриилом Фёдоровичем Бярятинским, значилась как пустошь Старая Кораскова (отсюда, вероятно, современное название деревни Короськово) и была приписана к Серпейскому уезду, входила в состав Концепольской волости.

В конце XVIII в. в сельце Трухино был господский дом кн. Г. Ф. Бярятинского или помещика Г. Ф. Засецкого. «Углы жилого здания отмечены рустованными пилястрами, слабо выступающим ризалитом в центре и скромным резным крыльцом из дерева. Дом принадлежал явно зажиточному человеку, не исключено, что помещику. Здание очень компактно, а нечётное количество окон по фасаду — семь, скреплённых плотными замковыми камнями, указывает на классический стиль» [4, с. 97].

Здесь же в конце XVIII в. пахотными землями названной пустоши в количестве 81 десятины был пожалован за исправную службу представитель старинного дворянского рода Авраам Иванович Спешнев, отличавшийся большой благотворительностью.

В начале XIX в. в деревне Трухино проживало 48 крепостных крестьян, которые принадлежали сразу же нескольким помещикам: М. В. Всеволожской и её родной сестре Е. В. Камыниной, Г. Ф. Засецкому, а также полковникам, кавалерам Отечественной войны 1812 г. — братьям Храповицким. Перечисленные представители древнейших дворянских фамилий были хорошо известны на Калужской земле как владельцы немалого количества земель и душ крепостных крестьян.

Так, например, подпоручик Засецкий, более 10 лет занимал должность судьи уездного суда, числился в той же округе помещиком ещё двух сёл.

Одноэтажные крестьянские дома преимущественно в три окна были срублены в основном из дерева. В 1859 г. деревня немного разрослась — в ней уже было 16 дворов, где проживало 111 жителей, получила статус сельца, владельцем земель которого был поручик П. И. Анисимов.

В «Калужских губернских ведомостях» лишь однажды — в 1841 г. — упоминалось интересное нас сельцо, где сообщалось следующее: «Мещовского уезда в сельце Трухине помещика Анисимова от неосторожности сгорели 4 крестьянских дома, убытку понесено на 695 руб. серебром» [6, л. 76].

Архивные документы хранят многочисленные прошения, поданные в Калужский губернский по крестьянским делам комитет от жителей с. Трухино. Сохранилось «Прошение» от 15 октября 1861 г. от душеприказчицы мещанки Натальи Ивановны Милутиной, которая жалуется на неправильное распоряжение мирового посредника Мещовского уезда 3-го участка о взыскании с неё 46 рублей серебром за помещика Анисимова на удовлетворение дворового человека Андрея Михайлова. «Помещик Анисимов в 1861 г. за оказанную ему Андреем грубость удалил его из дома с престарелым отцом Михаилом, но не переставал выдавать им хлеб и прочее на содержание. Однако Андрей обратился с жалобой на помещика к посреднику. Михаил умер 10 февраля 1861 г, а через 1 месяц и 10 дней умер и Пётр Иванович Анисимов...» [3, л. 7].

В архиве можно найти также документальный материал по продаже в казну имения в сельце Трухино. Выписка из рапорта: «5 октября 1861 г. уездный суд просит Калужское губернское по крестьянским делам присутствие выдать денег за имение умершего подпоручика Петра Ивановича Анисимова сельца Трухино — доставить деньги в суд на удовлетворение долгов Анисимова...». Просьба была удовлетворена: 13 мая 1864 г. отпущено 1 600 рублей для выдачи Г. Анисимову за имение его, передаваемое в казённое ведомство [4, л. 6].

Церковь в немногочисленной деревне отсутствовала. Крестьяне, проживавшие в Трухино и близлежащих деревнях, считали своим приходом Никольский храм, который располагался в пяти верстах, в уездном городе Серпейске. В этот же период работала в сельце церковно-приходская школа.

Во второй половине XIX в. сельцом владели богатые помещики дворяне Бабарькины. В сельце Трухино проживало: дворовых — 3, крестьян — 35. Всеи земли в селении было 339 десятин, в том числе под пашню — 71,8 [3, л. 1].

В Государственном архиве Калужской области бережно хранится уставная грамота 1861 г. помещика капитана — лейтенанта Андрея Александровича Бабарькина.

Жители деревни Трухино отличались высокой жизненной активностью и сами могли за себя постоять. Известна жалоба крестьян сельца Трухино (1868 г.) на взыскание с них излишне начисленного оброка за 4-х душ и продажу их имущества за невзнос такового. «Общество временно-обязанных крестьян Мещовского уезда Концепольской волости сельца Трухино изложило: на основании Мещовского уездного суда они обязаны платить подати и другие сборы за 31 души, какие значатся по 10-й ревизии имение бывшего владельца Г. Бабарькина. Между тем из получаемых окладных листов они усмотрели, что налог оброка расположен не на 31, а на 36 душ, совершенно вопреки выданного им документа: состава наличных душ, превышая цифры на четыре души, которые включены от другого владельца Г. Анисимова, оных перешедших во владение Г. Поповой. Эти души со времени перехода от Анисимова к Поповой уже отпущены на волю и находятся неизвестно где. Несмотря на это, за неправильное включение в оклад общества четырёх душ накопилась недоимка и назначена продажа имущества, принадлежащих нашим собственникам общества. Донося о сём полицейское управление, покорнейше просим губернское присутствие сделать распоряжение об удовлетворении просьбы общества крестьян сельца Трухино, а управлению сему дать знать и остановить продажу имущества крестьян» [3, л. 1].

А крестьянин Фёдор Ковшов в 1861 г. пишет «Прошение на выдачу ему квитанции» за невозвратившегося из ополчения двоюродного брата Дмитрия Тихонова и о неправильности зачёта за его семейством при минувшем рекрутском наборе, так как мировой съезд отказал жалобе просителя [2, л. 6].

В 1880 г. часть земель Трухино числилась за мещанами, бывшими мещовскими купцами братьями Барышниковыми и часть — за зажиточным крестьянином Алексеем Кузьмичом Смирновым. Алексей Кузьмич — последний владелец усадьбы, поэтому в памяти местного населения барский дом именуется как смирновский. Алексей Кузьмич, хотя и был крестьянином, но благодаря своему трудолюбию и художественному таланту всего добился сам. «С народом не груби», — наставлял его отец. Сыновья Алексея Кузьмича Николай и Иван взяли себе в жёны своих работниц, что вызвало недовольство со стороны жены Алексея Кузьмича. «Сыны мои красивые, статные, а взяли себе в жёны всякий валёж», — часто говаривала она [8, с. 1].

Но именно эти женщины и спасли род Смирновых после революции. Фамилия рода пошла по женской линии: Потёмкины, Селезнёвы.

Дом с мезонином хранит в себе воспоминания о прежних владельцах и многочисленных гостях усадьбы, напоминает о прежней жизни. В настоящее время в усадьбе прекрасно сохранились две липовые аллеи. Известно, что липа — символ дворянской усадьбы, дома, уюта.

Дуб, символ силы и крепости дворянского рода, на территории усадьбы не обнаружен. Каждый усадебный объект: Смирнова горка, усадебный дом с мезонином, вековые липы старинного парка, остатки барского сада — позволяют окунуться в давно ушедшую атмосферу прошлого и на мгновение ощутить себя в этом прошлом желанным гостем.

В смирновском доме, как называют его местные жители, во время Великой Отечественной войны располагалась немецкая воинская часть. Впоследствии в дворянской усадьбе была открыта восьмилетняя школа, в которой учителем начальных классов работала Анна Ивановна (1915 г. р.), жена Николая Николаевича Потёмкина (1910 г. р.), внука Алексея Кузьмича Смирнова.

Трухинская восьмилетняя школа, которая временно располагалась в дворянской усадьбе, закрылась в 1998 г. С тех пор усадьба пустует, что отрицательно сказывается на её состоянии.

Заключение

«Дворянским гнездом» назвал русскую усадьбу И. С. Тургенев. Он с болью отмечал постепенный упадок и предвидел грядущее разорение великолепных имений, которые были так близки ему и многим другим поэтам и писателям. И. А. Бунин посвятил милым его сердцу усадьбам цикл рассказов «Тёмные аллеи», В. Я. Брюсов — замечательные стихи:

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.

Усадьба Смирновых является памятником истории и культуры. Нет необходимости доказывать, что история усадьбы должна изучаться, усадебный дом необходимо сохранить для будущих поколений.

Подобные Трухино дворянские усадьбы — маленькие точки на огромной карте России. Они напоминают о себе лёгким мерцанием, чем согревают душу. В старых, забытых деревнях ещё теплится жизнь, а потому наша сегодняшняя задача — сохранить и уберечь их от разрушения, чтобы не дать этим маячкам погаснуть.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 1728.
2. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 1703.
3. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 4110.
4. *Гороховатский В. Н.* Путешествие по калужским усадьбам. Книга вторая. Тула: Гриф и К, 2008.
5. Калужская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. Издан Статистическим комитетом министерства внутренних дел. СПб., 1863.
6. Калужские губернские ведомости. 1841. № 38. 20 сент.
7. *Пестова Н. А.* Старые липы ещё помнят барина... в Терпилове оживает дворянское гнездо // Восход. 2011. 11 сент.
8. Свидетельства жительницы деревни Короськово Антонины Тимофеевны Рачковой (1930 г. р.) от 26 июля 2012 г.

ПАЛАТЫ КОРОБОВЫХ—СВЯЗЬ ВЕКОВ

И. А. Зубкова, директор;

Т. И. Фомичева, специалист по фольклору

музейно-краеведческий комплекс «Палаты Коробовых»

В настоящее время памятники гражданской архитектуры XVII в. весьма малочисленны. Их осталось единицы. Особенно ценны жилые здания. Палаты Коробовых являются уникальным и единственным памятником гражданского зодчества XVII в. в Калуге. Они принадлежали богатому калужскому купцу Кириллу Ивановичу Коробову. Фамилия Коробовых упоминается в переписной книге 1617 г., в которой записаны два посадских человека Коробовых («Калужские книги 1617 г. письма и дозору Ивана Козьмича Бегичева и подъячего Игната Пчелина»). Кирилл Иванович Коробов родился в 1611 г. В течение всей своей жизни успешно занимался торговлей и кроме того избирался старостой земской избы, для чего держал в Москве особых ходатаев, которые доносили своим доверителям о ходе дел в столице. Такой отчёт ходатая Ивашки Головина был обнаружен в палатах в 1870 г. Священник храма Георгия за верхом Я. Извеков опубликовал его в «Калужских губернских новостях» в 1872 г. в № 10. Основные сведения о Кирилле Ивановиче Коробове и его семье мы узнаём из Раздельной записи детей и внуков, датированной 2 июня 1697 г., которая была найдена в 1870 г. среди других документов после смерти И. И. Коробова. Строитель дома — К. И. Коробов — скончался в 1691 г. в возрасте 80 лет. Спустя 6 лет после его смерти наследники делят «полубовно» богатое имущество. Из раздельной записи мы узнаём, что в семье Кирилла Ивановича Коробова было семь сыновей: Архип, Пётр, Максим, Савелий, Лаврентий, Пётр, Иван, которые имели право на свою долю наследства. Но к моменту раздела имущества двое сыновей — Архип и Пётр — умерли. Их долю получили вдова Петра — Анисья Ефремовна, их сын — Михаил и двое детей Архипа — Иван и Григорий. В раздельной записи также упоминается мачеха, вдова Пелагея, которой наследники выделяют «надел из пожитку общего нашего из шести жеребьев», по существовавшему в то время порядку раздела имущества. Всё же богатство Кирилла Ивановича было поделено «полубовно» на семь «жеребьев», оно включало в себя жилые дома, хозяйственные постройки, торговые лавки не только в Калуге, но и в других городах. Коробовы вели торговлю солью, хлебом и пенькой, владели также струговым промыслом. Они имели обширные амбары и дома с различными надворными постройками в городах: Севске, Глухове, Батурине, Ругодиве (Нарва), в Орле, Москве, Новгороде Северском и Нижнем¹. Кроме того, в фондах Калужского объединённого музея-заповедника и Государственного архива Калужской области (ГАКО) хранятся документы, свидетельствующие о том, что богатые торговые люди Коробовы выдавали деньги под залог имущества или по заёмной кабале: «Столбец в четыре склейки: «Данная приказной избы Ивану Кирилловичу Коробову на закладной двор калужского посадского человека Фёдора Кондратьева Радошкова с местом и совсем дворовым строением. Калуга 1692» и «Дело о кабальной записи: посадского человека Ивашки Гаврилова сына Даньшина, данной калужскому посадскому Ивану Кириллову Коробову 1696 г.»². В долю каждого наследника входило большое количество икон, с описания которых и начинается перечисление «жеребья». Это иконы в золотых и серебряных окладах, украшенные драгоценными камнями и жемчужной обнизью. Обилие икон в семействе Коробовых — отражение традиции украшать ими жилище и дарить их гостям в XVI–XVII вв. В семье хранились Пресвятые образы Богородицы, Николы Чудотворца Можайского, Воскресения Христова, Лаврентия Калужского и др. Среди наследуемого имущества были также привозные дорогие ткани, одежда (плательная рухлядь), посуда (серебряная, медная, оловянная) и жемчуг³.

Подробное описание в раздельной записи наследства, доставшегося старшему сыну, Ивану Кирилловичу Коробову, даёт возможность более конкретно представить, как выглядела усадьба богатого торгового человека в XVII в. Постройки, входившие в комплекс двора, не сохранились. Только каменные палаты дошли до нашего времени. Потомки К. И. Коробова жили в Палатах до второй половины XIX в. В декабре 1842 г. на 105-м году жизни скончался Иван Петрович Коробов. Он был отпет в храме Георгия за верхом и похоронен на Пятницком кладбище. Смерть представителя столь заметного семейства не обошла вниманием калужская пресса. В «Калужских

губернских ведомостях» 1843 г. (№ 4) был напечатан некролог («Случай долголетия»), в котором автор с глубоким уважением пишет об Иване Петровиче: «Столетнее существование почтенного старца Коробова не лишило его умственных сил, он до последних минут сохранял всю память и бодрость духа и, чувствуя приближение смерти, ожидал последней минуты, долженствующей пресечь нить его существования в сём мире, с совершенным спокойствием, завидным для каждого смертного. Не только нравственные, но и телесные силы не покидали его: за 6 недель до смерти он ещё ходил, говорил всегда твёрдым голосом, сохранил зубы и волосы на голове. Покойник был высокого роста, имел атлетические формы и часто любил говорить о старине. Разговор его был всегда кроток, но исполнен природного ума развитого и упроченного долголетнею опытностью. В рассказах своих он часто употреблял пословицы и поговорки, которые придавали особенную русскую прелесть его речам. Он помнил эпоху открытия Калужского наместничества в управление генерал-поручика Кречетникова и был в то время 24-х лет. Нельзя не пожалеть нам, калужским жителям, о смерти почтенного Ивана Петровича Коробова: это утрата живой исторической драгоценности и притом в лице умного и добродетельного старца. Мир праху его». Не меньший интерес и сочувствие вызывает позиция автора по отношению к старинным палатам: «Памятником пережитого богатства Коробовых остаётся ныне на улице, называемой Новою, близ Каменного моста, каменный дом, древнейший в Калуге, который после построения ни в чём не изменился, сохранив до сего времени характер древней русской архитектуры. Он достался в наследство сыну и дочери покойного Ивана Петровича Коробова, которые находятся в самом бедном положении. Желательно бы было, чтобы любители калужских древностей благодетельными пособиями своими дали средство владельцам поддержать этот дом, замечательный по своей древней архитектуре. Всякой неодушевлённый памятник старины, переселяющий нас за столетия в мир наших предков, в их благословенный быт, нам дорог и внушает благоговение»⁴. Ещё одно свидетельство об обитателях старинного дома мы находим в письме к родителям от 20 ноября 1845 г. Ивана Сергеевича Аксакова. Незадолго до визита к Коробовым он поселился в доме купчихи Борисовой, по соседству со знаменитыми палатами: «На днях осматривал я дом Тушинского вора, который рядом со мною. Дом этот принадлежит с самого основания его одному и тому же семейству — Коробовым, некогда богатому купеческому дому, а ныне обедневшим мещанам. Два брата и сестра, старая девушка, вот всё, что осталось. Недавно умер их отец 105 лет. Живут в двух комнатках, уже переделанных; остальные все комнаты со сводами, полуразрушенные. Древности большею частию распропали, распроданы или употреблены иным образом, окна переделаны, стены перекрашены, печи переложены. Однако осталось много икон, чёрных-пречёрных, где ничего нельзя разобрать и в которых я ничего не смыслю. Сохранились женские костюмы бабушки хозяйкиной, которая, вероятно, получила их также по наследству, потому что платья мало изменились; богатый штофный сарафан с пуговицами, парчовые душегрейки, башмачки, или лучше сказать, какие-то туфли. Богато всё, но грубо бесвкусно... Хозяйка нарочно наряжалась для меня в них. Есть также старинные вещи, сундуки, ящики. Бумаги (начиная с царя Ивана Васильевича) были все разобраны и рассмотрены в Петербурге, кажется, в Археографической комиссии»⁵. Последний представитель этой ветви, унаследовавшей палаты, — Иван Иванович Коробов — ушёл из жизни в 1870 г. Он был найден на Фоминой неделе во время праздника Светлой Пасхи, спустя некоторое время после смерти священником храма Георгия за верхом Я. Ф. Извековым. Его загадочная смерть в одиночестве привлекла внимание калужских журналистов. «Калужские губернские ведомости» за 1870 г. поместили три публикации об этом событии, из них мы узнаём интереснейшие подробности о последнем обитателе когда-то богатейшего семейства. В одной из статей (автор Романыч) «Краткая история дома Коробова» её последний владелец характеризуется «...как личность замечательная, рельефная. Он напоминает собой гоголевского Плюшкина с тою лишь разницею, что последний держал кухарку, мальчика; у этого же, кроме сторожевых собак, нескольких кур, никакой человеческой души не обреталось и если бы не случайное открытие духовенством его смерти по поводу обычного посещения в праздник с образами, то не мудрено, что этот эксцентрик пролежал бы непогребённым более продолжительное время». Дом покойного был наполнен предметами самого разного содержания: от хлама до предметов старины. В кладовых палат обнаружены: дюжины

две картузов всевозможных покровов, в частности — и XVII в., перины, холст, топоры, лопаты, а также ржавые гвозди, крючья, тряпки, даже обёрточные чайные бумажки. Но были и предметы, замечательные по своей древности. Например, предметы XVI в.: тяжёлые парчовые телогрейки и душегрейки вместе с кусками старинной такой же материи, которою, как говорят, торговали исстари предки Коробова. По вскрытии полов жилой комнаты усопшего, обрамлённой вокруг иконостасом, обнаружены старинная оловянная посуда, саксонский фарфор, таинственная шкапулка, лисья шуба, старые сапоги и до трёх фунтов жемчуга. Замечательно, что среди старинного этого хлама и исключительно образов русской живописи, оказался портрет светской женщины, закопчённый и запылённый, утративший, конечно, свой первобытный вид, но, вероятно, произведение одного из иностранных художников»⁶. В последней публикации «Калужских губернских новостей» за 1870 г. (№ 25) от 22 июня говорится, что среди старинных предметов были найдены две шапки: «одна из них напоминает собою запорожскую, козацкую, старинную ли польскую, как хотите, но отнюдь не древне-боярскую. Оторочка ея или околыш признан экспертами за комчатский бобёр, высокой ценности, хотя он уже совершенно изветшал от времени; верх ея из самого дорогого, ярко пунцового бархата, тоже полинявшего от времени; в складках лишь сохранил свой роскошный цвет; верхняя оконечность этой невысокой шапки украшена шёлковою пополам с золотыми шнурками кистью; тулья ея тоже весьма ценный плотной шёлковой материи. Очевидно, что она принадлежала какой-то сановной голове: но кому именно: дело тёмное. Другая шапка (уцелел один верх, без околыша, более сохранившаяся, из такого же ярко-пунцового бархата, как и первая, представляет собою самый точнейший тип польской конфедератки; она лишена украшений, но сохранила свой цвет и плотность». Две упомянутые в статье шапки заинтересовали представителей Румянцевского музея и были ими увезены из Калуги.

Авторы приведённых газетных публикаций не обходят стороной и легенду о том, что Коробовские палаты служили дворцом для Тушинского самозванца и его спутницы Марины Мнишек, царивших в Калуге весь 1610 г. Действительно, долгое время каменные палаты по ошибке называли «домом Марины Мнишек». Примечателен и такой факт: 22 мая 1870 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд статистов — секретарей губернских статистических комитетов. Калужская делегация посетила выставку «Исторический портрет XVI–XVIII вв.», проходившую в Министерстве внутренних дел. Особое внимание калужан привлек грудной портрет Марины Юрьевны Мнишек, который «неволью перенёс нас в Калугу в интереснейший Коробовский дом, где, может быть, год времени переживала смутные дни свои энергическая искательница приключений в качестве временной царицы». Во всяком случае для будущего музея г. Калуги весьма интересно было бы приобрести копию портрета Марины Мнишек, когда-то игравшей, хоть краткую, но первостепенную роль в смутное время»⁷.

В июньском номере «Исторического вестника» за 1899 г. напечатана статья Г. А. Воробьёва «Дом Марины Мнишек в Калуге», в которой автор соглашается с предположением о том, что в старинном коробовском доме вполне могла поселиться бывшая царица по прибытии в Калугу: «До настоящего времени в одной из глухих калужских улиц (Проломной), за Березуйским оврагом, вблизи реки Оки, показывают древний каменный дом красивой архитектуры 17 столетия, вполне подходящий к типу дворцов той эпохи. У простого народа он известен под именем Маринушкина дома. И это название так за ним укрепилось, что в 70-х годах настоящего столетия одна из его хозяек звалась по дому «Маринушкой», хотя имя ея было вовсе не Марина. Точных сведений о времени сооружении дома не имеется. Собственно документальная его история начинается с конца XVII столетия. Из сохранившейся Раздельной записи 1697 года видно, что дом этот принадлежал роду Коробовых. Коробовы были мещане, занимавшиеся торговлею. А как он им достался, неизвестно. Фамилия Коробовых пресеклась в мужском колене в 1870 году, и дом перешёл, по наследству, к мещанке Лабахиной». Следует заметить, что и по сегодняшний день в палаты приходят калужане и гости города именно как в дом, где жила Марина Мнишек. Однако историки, архитекторы, краеведы, исследовавшие палаты, относят их строительство ко 2-й половине XVII в.». Но легенды всё-таки продолжают жить.

После смерти Ивана Ивановича Коробова уникальная старинная постройка ветшала и кроме того подверглась разграблению и разрушению. Иван Иванович не имел семьи, жил уединённо,

в последние годы практически не общаясь с внешним миром, он умер бездетным, не оставив прямых наследников. Однако в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге и ГАКО найдены документы, которые свидетельствуют о том, что в 1875 г. палаты принадлежали калужской мещанке Прасковье Ивановне Лабахиной, урождённой Коробовой⁸. Автор статьи в журнале «Нива» за 1884 год (№ 3, С. 54) «Дом в Калуге, где жил второй Самозванец» пишет: «Дом принадлежал издавна семейству Коробовых, а в настоящее время состоит во владении калужской мещанки Прасковьи Ивановны Лабахиной, урождённой Коробовой. Хозяйка сама в доме не живёт, и потому он в большом упадке; одна лишь комната верхнего этажа занята караулящим дом солдатом с его семьёй, прочия же комнаты — без печей, полов и рам».

С давних времён палаты Коробовых были достопримечательностью города, с ними знакомили всех именитых гостей, когда-либо посещавших Калугу. В 1888 г. во время своего пребывания в Калуге великий князь Владимир Александрович наружно осмотрел этот дом. Как потом писали «Московские ведомости» (№ 208 от 29 июня 1889 г.), «Дом Марины Мнишек, недавно подаренный вдовой генерал-адъютанта Сухозанета Калужскому дворянству, — перл гражданского зодчества XVII века. Согласно чрезвычайно счастливой мысли великого князя, дворянство, вероятно, обратит его в музей». Известно, что история создания музея в Калужской губернии связана с деятельностью калужского губернатора Н. М. Смирнова, который занимал эту должность с 1845 по 1851 г. В 1847 г. было получено высочайшее разрешение на организацию музеума. Так появилось Дело № 46 о создании первого музея в Калуге, который был открыт для посещения в 1897 г.

После ухода из жизни Ивана Ивановича Коробова палаты становятся объектом пристального внимания общественности. В 1870 г. некоторые представители городского общества задались мыслью «во чтобы то ни стало приобрести этот дом Коробовых для себя, с целью учредить в нём свой собственный публичный музей древностей, не исключая и новизны, по просвещённой инициативе г.г.о. Извекова и Блистанова; последний, говорят, изъявил даже желание пожертвовать известную сумму для осуществления этой идеи». Практически эту «счастливую мысль» пытался реализовать калужский губернатор Иван Егорович Шевич в 1875 г. Озаботившись судьбою дома, он ведёт переписку с директором Департамента общих дел МВД Н. П. Мансуровым о возможности реставрации палат и дальнейшего использования их для музея и публичной библиотеки для чтения. Исчерпав все возможности и «не имея надежды на то, чтобы в ближайшем будущем дом этот был приобретён Калужскою городскою думою», он решает обратиться к частным лицам и связать это дело с вопросом благотворительности. Иван Егорович для сохранения памятника предлагает вместо библиотеки или музея приспособить палаты для приюта малолетних преступников⁹. Это предложение было связано с тем, что такое использование средств в благотворительных целях является «более доступным современным взглядам нашего купечества, нежели сохранение памятника или устройство библиотеки...». Во время его правления также впервые графом де-Рошефором был сделан проект реставрации дома. Но, без преувеличения можно сказать, что сохранением этого замечательного памятника старины для потомков мы прежде всего обязаны Евдокии Владимировне Сухозанет, которая во 2-й половине XIX в. покупает палаты и дарит их дворянскому собранию, возможно, спасая постройку от полного разрушения. Однако только в декабре 1889 г. решается вопрос об использовании палат. Калужский губернский предводитель дворянства заявил, «что дом, подаренный дворянству госпожой Сухозанет, до сих пор не получил никакого назначения, в настоящем виде не может давать дворянству дохода и для приспособления его под квартиру потребуется довольно значительный расход, между тем есть предположение устроить в Калуге отдел археологического общества и музей, поэтому губернский предводитель предлагает собранию: не признает ли оно возможным отдать дом этот для устройства в нём музея. Собрание согласилось с этим заявлением и решило, чтобы при устройстве музея губернский предводитель вместе с г.г. уездными предводителями на приспособление дома ассигновали из дворянского капитала незначительную сумму в помощь обществу, которое будет устраивать музей»¹⁰.

В 1891 г. в палатах разместилась и начала свою работу Калужская учёная архивная комиссия, здесь некоторое время также располагался и статистический комитет, несмотря на то что так и не удалось совершить полную реставрацию здания из-за отсутствия «достаточных материальных средств». Ограничились «побелкой стен, поправкой печей, исправлением пола, снабжением

необходимой на первых порах мебелью для размещения отбираемых дел и жертвуемых в музей предметов. Этот небольшой ремонт был проведён на остаточные средства губернского статистического комитета. Заслуживает внимания активная деятельность по сохранению этого памятника Ивана Даниловича Четыркина — правителя дел, впоследствии председателя КУАК. С 1892 г. он обращается в разные инстанции (в частности, в Императорскую архивную комиссию, с просьбой денежных средств для реставрации дома с целью сохранения его для потомков в первоизданном виде, «чтобы не погибла одна из уникальных частных построек старой Руси»). К тому же Четыркин предлагает сделать пристройки на прилегающей к дому территории: «По сему считаю не лишним присовокупить, что земли при усадьбе дома «Марины Мнишек» довольно много, так что есть полная возможность сделать пристройку по задней стороне дома и для помещений Калужской учёной архивной комиссии и для её музея, на что было указано импер. высочеством вел. кн. Владимиром Александровичем, осчастливившим своим посещением дом «Марины Мнишек» в 1888 г.»¹¹. Ответ Императорской архивной комиссии выразился в следующем: «Императорская архивная комиссия имеет честь уведомить, что она вполне сочувствует делу реставрации старинного дома, в котором, по преданию, жила Марина Мнишек, но что ни изыскание средств на этот предмет, ни составление проекта не входят, по Уставу её, в круг её действий; на обязанности Архивной комиссии лежит только обсуждение и утверждение (совокупно с Императорской академией художеств) проекта предполагаемой реставрации, каковой она и просит доставить ей на рассмотрение, если он будет составлен и на его исполнение будут найдены средства».

Видимо, долгое время эти средства не были найдены, так как вопрос о реставрации палат возникает вновь и вновь в продолжение нескольких лет. На одном из заседаний КУАК (30 марта 1891 г.) непреременный попечитель комиссии — начальник губернии А. Г. Булыгин — предложил озаботиться постепенной реставрацией дома Марины Мнишек. С этой целью комиссия обратилась за помощью к графу П. С. Уварову и по его совету имела переписку с архитектором М. Т. Преображенским, который предложил бесплатно составить план полной реставрации палат и наблюдать за её ходом, но просил возместить ему только дорожные расходы и проживание в Калуге. Комиссия вынуждена была отказаться с благодарностью от предложения М. Т. Преображенского, в связи с тем что не располагала средствами для оплаты его работы даже на таких условиях. Тем не менее состояние дома Коробовых продолжает волновать членов КУАК. На заседании 28 мая 1905 г. вновь поднимается вопрос о необходимости изыскать средства для его ремонта: «Комиссия поставила на обсуждение вопрос о настоятельной потребности в изыскании средств, необходимых на неотложные нужды её. Так, занимаемый комиссией и музеем старый (XVII в.) дом, принадлежащий Дворянству, требует скорого ремонта. Наружные стены и углы во многих местах выкрошились и разваливаются и дали трещины, один угол каменного крыльца обваливается, крыша обветшала и даёт течь, которая проникает через своды верхнего этажа в музей; помещение нижнего этажа сыро: каждую весну проникает в него вода, а потому хранящиеся в нижнем этаже документы подвергаются порче. Комиссия просит г. губернатора возбудить ходатайство перед МВД о назначении комиссии постоянной Правительственной субсидии, мотивируя это ходатайство крайнею необеспеченностью комиссии материальными средствами»¹².

Несмотря на то что в комиссию средств так и не поступило, старинные палаты были отремонтированы благодаря содействию членов КУАК и других лиц. На заседании Комиссии 7 декабря 1907 г. председатель доложил собранию, что «им произведён ремонт дома, в котором помещается комиссия. Ввиду того что для такого ремонта наличных средств комиссия не имела, пришлось обратиться за содействием к её членам. Содействие было оказано М. А. Нарышкиным при посредстве членов комиссии: Д. С. Соколов пожертвовал 100 руб.; С. К. Благовещенский — 500 штук кирпича. Кроме того склад губернского земства отпустил в кредит потребное количество железа и проч. на сумму 25 руб. Таким же образом при этих условиях здание было приведено в порядок на продолжительное время». В 1909 г. произведена починка сарая и печей в музее»¹³.

Приведённые сведения о палатах Коробовых — это только небольшая часть их истории. После Октябрьской революции, в 1918 г., музей перешёл в ведение добровольного «Калужского общества древностей и охраны художественных произведений», но в том же году был передан в подчинение губернскому отделу народного образования как «Губернский исторический музей»,

который получает охранную грамоту. Работая с архивными документами, знакомясь с журнальными и газетными публикациями, невольно обращаешь внимание на некоторые тенденции, которые проходят «сквозь века» в отношении к историческим памятникам. Хотелось бы привести в подтверждение этого статью А. Ростиславова «Патриотизм и старина», напечатанную в журнале «Старые года» в 1913 г. (№ 1, стр. 48). Темой публикации является работа по подготовке к юбилею, 300-летию Дома Романовых, в российских городах. Одно из направлений — развитие туризма. Калужский комитет по празднованию юбилея принял проект тайного советника Кошкина и ассигновал на его реализацию 15 000 рублей. Предполагалось «застроить подворьем для туристов со стороны улицы участок земли, находящийся перед так называемым домом Марины Мнишек. Проектируемой постройкой, по мнению автора статьи, будет разрушен ансамбль и закрыт вид на замечательный памятник старины, а выделенные под проект деньги могли бы оказаться весьма полезны для проведения в порядок уникального здания, которое в настоящее время имеет весьма печальный вид: «Кирпичный фундамент гниёт и обваливается. Нет средств на самую необходимую осушку окружающего места. Протекавшая крыша в заплатах. Средств на поддержку музея никаких, кроме ежегодных 200 рублей, почти вымалываемых подачек земства и случайных небольших частных пожертвований».

Автор статьи А. Ростиславов обратился к этой теме неслучайно. Известно, что А. Ростиславов — искусствовед, критик, художник, член Калужского художественного кружка и Нового общества художников, действительный член Общества архитекторов-художников, кроме того он входил в состав комитета по борьбе за сохранение памятников архитектуры XVIII–XIX вв. и в комиссию Музея допетровского искусства и быта.

До 1922 г. музей занимал две комнаты второго этажа, где были представлены предметы археологии, знамёна, оружие, картины, предметы религиозного культа. Музей работал два дня в неделю. За первый год его посетили 500 человек. В 1918–1929 гг. здесь проходили заседания Общества истории и древностей. Впоследствии дом использовался под служебные цели. Некоторое время палаты были жилыми помещениями, в них размещались государственные учреждения. В 70-е гг. XX в. было начато исследование дома Коробовых и разрабатывается проект их реставрации с участием треста «Росреставрация» от Министерства культуры РСФСР (г. Москва). Подготовкой проекта реставрации занималась Калужская специальная научно-реставрационная производственная мастерская г. Калуги¹⁴. Последняя реставрация здания проведена в 1986–1989 гг. В 1997 г. палаты Коробовых были переданы Калужскому областному краеведческому музею. Здание — памятник истории и культуры федерального значения, находится на балансе ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник» (с 31.12. 2003 г.). В настоящее время оно является музейно-краеведческим центром «Палаты Коробовых» Калужского объединённого музея-заповедника. В архивах Москвы и Санкт-Петербурга хранится немало документов, исследование которых откроет, возможно, ещё не одну интересную страницу в истории памятника древнерусского зодчества палаты Коробовых.

Примечания

¹ Де Рошефор // Зодчий. 1874. № 3. С. 27.

² Калужские губернские ведомости» (далее КГВ). 1848. Неоф. № 50. С. 159.

³ КГВ. 1870. № 25. Ч. Неоф. С. 197.

⁴ КГВ. 1843. № 4. Ч. Неоф. С. 25–26.

⁵ Аксаков И. С. Письма к родным. М., 1988. С. 205–206, 220–221.

⁶ КГВ. 1870. Ч. Неоф. № 18. С. 142.

⁷ КГВ. 1870. № 31. Ч. Неоф. С. 487

⁸ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1088. Л. 2–4

⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1088. Л. 27–30.

¹⁰ ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2025. Л. 6–7.

¹¹ ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

¹² ГАКО. Ф. 47. Оп. 1э Д. 18. Протоколы заседания КУАК за 1904–1914 гг.

¹³ ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 47/2. Л. 4.

¹⁴ ГАКО. Ф. 875. Оп. 2. Д. 86. Л. 1.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ИЗВЕКОВ В ИСТОРИИ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

*Г. И. Роянова, хранитель фондов,
Калужский объединённый музей-заповедник*

Лозунг «Мир через культуру» принадлежит выдающемуся русскому художнику, философу, исследователю, гуманисту Николаю Константиновичу Рериху (1874–1947) «Дума о культуре, — писал Н. К. Рерих в 1930-х гг. — есть ворота в Будущее»; «Разбирая старые бумаги, мы нашли наброски моих мыслей о значении культурных учреждений»¹. «Мысли» о культуре Рериха были ориентированы на развитие культурных связей между странами через библиотеки, музеи, многочисленные просветительские и научные общества. История многих из них складывалась веками, включая в себя исторически сложившиеся территории, с историей и событиями в которых создавались музеи; сохранившиеся недвижимые памятники истории, культуры, природы, среди которых здания музеев, занимающие особое место; коллекции уникальных предметов музейного фонда, имеющих не только местное, но и мировое значение; интеллектуальный фонд сотрудников-исследователей, создававших музеи и сохранившие в них бесценные сокровища культуры, истории, искусства, природы.

В истории Калужского губернского исторического музея, с июля 1944 г. Калужского областного краеведческого музея, а ныне Калужского объединённого музея-заповедника, о Василии Ивановиче Извекове (08.02.1875–17.02.1943), который более 20 лет работал в музее, известно немного. К сожалению, в Калужской энциклопедии (два выпуска) нет его биографических данных. Между тем известно, что Василий Извеков родился в г. Мешовске Калужской губернии, в семье священника Ивана Васильевича Извекова, который служил учителем в Мещовском духовном училище и преподавал предметы церковного устава. За свою деятельность от Святейшего Синода был удостоен ордена Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, а в 1906 г. Св. Владимира IV степени. Был утверждён в дворянском достоинстве и внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги по Калужской губернии. Мать В. И. Извекова — Любовь Яковлевна Пушкина².

Василий Иванович родился 8 февраля 1875 г. Анкетные данные, представленные в документах Государственного архива Калужской области, дали возможность проследить деятельность В. И. Извекова с 1889 г., когда он окончил курс на историко-филологическом факультете Московского университета и был направлен на работу в Нижегородскую губернию, где проработал до 1900 г. С 1900 по 1903 г. он преподавал русский язык и историю в Новоторжской гимназии. Пять лет преподавал историю в Егорьевской гимназии Рязанской губернии. Затем переехал в Калугу и десять лет служил преподавателем истории и латинского языка (1908–1918) в Калужской Николаевской мужской гимназии³. В списках 1915 г. В. И. Извеков — «с. с. (статский советник. — Г. Р.) преподаватель латинского языка»⁴.

В 1918 г. В. И. Извеков продолжает педагогическую деятельность в 1-й Калужской мужской гимназии, о чём свидетельствуют сохранившиеся в научном архиве Калужского объединённого музея-заповедника копии документов Бориса Крадинова, окончившего 8 класс, за подписью секретаря гимназии. Упоминание о В. И. Извекове как члене Калужского общества истории и древностей (КОИД), основанного Д. И. Малининым в 1918 г., находим в исследовании А. А. Бауэра. Вступление в 1918 г. В. И. Извекова в КОИД подтверждается протоколом № 10, хранящемся в Государственном архиве Калужской области⁵. Продолжая свою деятельность в КОИД, в ноябре 1918 г., он принимает участие в заседании членов Калужской учёной архивной комиссии (КУАК) и КОИД, где решался вопрос о слиянии двух организаций, создании нового положения и выборе комиссии для разработки новых организационных документов. В состав комиссии вошли: Д. И. Малинин, В. И. Извеков и В. Н. Вознесенский⁶. В 1926 г. В. И. Извеков делает доклад в КОИД на тему «Бытовые картинки недавнего прошлого по письмам монастырскому старцу»⁷.

3-й съезд Советов в январе 1918 г. принял Постановление о развитии музейного дела в стране. В соответствии с ленинской концепцией культурной революции в постановлении подчёркивалась необходимость сохранения культурного наследия. Выполняя Декреты СНК РСФСР, в Калужской

губернии на съездах Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были примеры принятия решения (по Медыньскому уезду) о «...сохранении и предотвращении от разгрома различных хозяйств, экономий и имений, которые ныне являются достоянием общества»; «...лица, уличённые в подстрекательстве к различного рода эксцессов и захвата, разгрома имений, хищению инвентаря и т.д., будут предаваться суду революционного трибунала»⁸. О сложной ситуации, в которой находился город в 1919 г., писал в своих воспоминаниях Н. Н. Кружков (его предметы личного происхождения находятся в КОМЗ КП № 10965): «Хмурый вечер надвигается на маленький губернский город, измученный голодом, с госпиталями, забытыми тифозными. Редкие прохожие попадают на улицах, серые лица, заношенная, жёлтая одежонка. Коптелки мелькают в окнах — керосина нет. В учреждениях — «буржуйки», железные печки, наполняющие комнаты копотью»⁹.

В такой обстановке в городе продолжает работать губернский исторический музей. Среди его посетителей в 1918 г. были учащиеся 2-го отделения V года обучения 1-й трудовой школы¹⁰. В городе действуют «Музей на благое просвещение им. А. А. Рыжичкина», открывшийся в 1914 г., художественный музей в доме Н. И. Васильева (1918), медико-санитарный музей, активно собирается материал для музея революции. Сбор фондов для революционного музея приобрёл массовый характер после 1920 г., когда были созданы комиссии Испарта. В ноябре же 1918 г. состоялось совместное заседание Калужской учёной архивной комиссии и Общества охраны местных памятников художественной старины, на котором Д. И. Малининым было озвучено предложение о расширении площади музея за счёт передачи под музей дома Кологривова. Главный усадебный дом был национализирован в 1919 г. Первоначально в нём разместились государственные учреждения. В 1922 г. здание дома Кологривова было передано музею. В мае-июне 1922 г. документы подписываются директором музея (старины и быта?) В. И. Извековым. Василий Иванович Извеков работал в музее в должностях директора музея (1922–1924), заведующего отделом истории (1924–1943), выполнял обязанности хранителя, учёного секретаря и даже сторожа музея.

Уже в ноябре 1922 г. при Калужском губернском отделе народного образования была создана комиссия по решению вопросов сохранения целостности усадебного комплекса, капитального и текущего ремонта здания бывшего дома Кологривовых. В комиссию входили П. А. Трейтер — инструктор по музейным делам, В. Н. Левандовский — художник, Н. П. Никитин — архитектор. В решении комиссии было отмечено: «Само здание музея представляет художественно-архитектурный памятник и целиком использовано под нужды музея, так что флигель в скором времени понадобится под расширение музея, почему его со всеми надворными постройками наиболее целесообразно и полезно передать музею»¹¹.

С 1921 г., согласно раннему Декрету СНК от 29 января 1918 г., начинается повсеместное обследование церквей г. Калуги. При директорстве В. И. Извекова музей принял на хранение 216 предметов из церкви Георгия за верхом¹². Церковь Георгия за верхом была обследована в 1921 г. Владимиром Васильевичем Асоновым вместе с Марией Евгеньевной Шереметевой¹³. В документе сохранилась запись, которая свидетельствует о том, что наиболее ценные предметы из драгоценных металлов будут отправлены в Москву. Т.[аким] обр.[азом] Калужские музеи будут лишены весьма ценных историко-художественных вкладов, которые были бы интересны для провинции»¹⁴. В 1910-х гг. было написано обращение к епископу Калужскому и Боровскому «О расширении церковно-археологического отдела исторического музея до создания музея церковной старины». Так как «кому-то как не духовенству надлежит заботиться о церковной старине и её охране»¹⁵.

На протяжении всех лет работы в музее В. И. Извеков вместе с семьёй жил на антресолях золотарёвского-кологривовского дома, имея постоянные льготы по оплате за коммунальные услуги: уплаты за квартиру, освещение и воду. «Извековы (занимают. — Г. Р.) — две маленькие комнаты на антресолях б.д. Кологривовых пл. 27 кв.м. и высотой 2,7. Поселение в квартире объясняется необходимостью иметь при отделах компетентных, доверенных и ответственных лиц для надзора за зданиями и по штату не положен зав. хозяйством»¹⁶. Во второй половине 1924 г. Василий Иванович Извеков передал руководство музеем Дмитрию Ивановичу Малинину, а сам долгие годы возглавлял исторический отдел в музее и был хранителем многочисленных предметов, поступавших из закрывавшихся церквей. В 1927(?) г. в 2 часа ночи, В. И. Извеков, хранитель музея, обнаружил кражу церковной утвари, о чём он незамедлительно сообщил в губрозыск.

В. И. Извеков был свидетелем и процесса национализации предметов из бывших помещичьих усадебных комплексов. В октябре 1924 г. Наркомземами РСФСР была начата проверка прав на землепользование бывших помещиков, в результате которой во многих губерниях были выявлены помещики, продолжающие проживать в своих имениях, и случаи использования ими наёмного труда путём наёма батраков, сдачи земли в аренду¹⁷.

Как считает кандидат исторических наук Наталья Никитична Никитина, начавшийся после 1918 г. процесс выселения бывших помещиков был завершён «к 1 мая 1927 г. Но на местах она фактически продолжалась до конца 1928—начала 1929 г. (в частности в Калужской губернии). По Калужской губернии к концу 1927 года было взято на учёт 596 бывших помещиков, намечено к выселению 162, оставлено на месте 344»¹⁸.

На протяжении второй половины 20-х гг. XX в. в Калужский музей поступали предметы из имений Кашкиных (Козельский уезд, Нижние Прыски.), Лазаревых — Деляновых — Голицыных (Железняки, Калужский уезд), князя С. Д. Горчакова (Барятино, Тарусский уезд), Гончаровых (Полотняный завод, Медынский уезд). В 1929 г. В. И. Извековым были подписаны акты на «передачу картин из с. Богданово ст. Ханино помещика Покровского в количестве 30 шт.»¹⁹

Калужскому государственному областному музею, подчинённому Главнауки (ноябрь 1929 г.), Калужскому окружному музею (декабрь 1929 г.) была дана следующая характеристика: «Музей подчинён Главнауки. Состоит из исторического отдела, естественно-исторического и художественного отделов музея. Отделы музея являются основными ячейками научной работы музея, собирания, изучения, описания, экспозиции коллекций, научных тем, хранения и культурно-просветительной работы. Во главе отделов стоят сотрудники, известные своими познаниями в области дисциплин, входящих в краеведение и могущих вести научную и научно-просветительную работу по отделу».

В музее в это время работали высококвалифицированные сотрудники. Мария Евгеньевна Шереметева (1886–1969), с 1921 по 1942 г. она была научным сотрудником в историческом отделе, который возглавлял В. И. Извеков. М. Е. Шереметева — известный в стране этнограф, награждённая серебряной медалью Русского географического общества за изучение истории этнографии Калужского края. С 1924 г. в музее работал Пётр Алексеевич Трейтер (в 1928 г. ему было 65 лет), он был научным сотрудником, помощником хранителя. Окончил курс в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. С мая 1923 г. работал инструктором по музейным делам Калужского губернского отдела народного образования. Не порывал свои связи с музеем Д. И. Калинин, уволившийся из него в 1926 г. В 1929 г. закончен, а в 1930 г. отпечатан «Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Госмузея». В авторском коллективе указаны В. И. Извеков, М. Е. Шереметева и директор музея А. С. Петров. Это был и остаётся уникальный труд по истории Калужского музея с указанием не только плана размещения экспозиций, отделов, но и размещения экспонатов в экспозиционных комплексах. В путеводителе учитываются изменения, которые происходили в 1920-х гг. и в истории страны, и в истории музея, которые произошли после 1924 г. при объединении музеев. В путеводителе отражены своеобразная топографическая опись предметов, многие из которых поступили в музей благодаря экспедициям М. Е. Шереметевой, передача уникальных коллекций из усадебных комплексов, предметов, собранных членами КУАК. Это подтверждено записью: «Предметы эти поступали из местных имений, церквей, монастырей или приобретались от местных жителей, часть имущества или обстановка, которых они составляли»²⁰. В. И. Извеков проводил экскурсии по отделу. Сохранилась рукопись экскурсии по истории Калуги и фотографии В. И. Извекова с экскурсантами. Василий Иванович представлял исторический отдел Калужского музея в Москве (приказ № 10 от 1936 г.).

Из приказов музея за 30–40-е годы XX в. следует, что В. И. Извеков временно исполнял обязанности директора в отсутствие директора музея. Был хранителем-сторожем в период отпуска сторожа²¹. 2 июля 1940 г. из Успенской церкви г. Калуги в музей была передана уникальная икона Калуженской богородицы, принял и подписал акт о передаче заведующий историческим отделом музея В. И. Извеков. Уникальная икона недолго находилась в музее, в январе-феврале 1942 г., когда В. И. Извеков исполнял должность директора, икона «была возвращена церкви, но уже в храм Георгия за верхом»²².

В начале 1941 г. исторический отдел открыл в музее выставку фарфора. Но с началом Великой Отечественной войны и в связи с бомбардировкой города уже 16 сентября 1941 г. приказом № 32/2 музей был временно закрыт. В. И. Извекову и сотрудникам музея выплачивалось 50% жалования. Предметы музея были подготовлены к эвакуации. В краеведческом музее оставались В. И. Извеков, М. Е. Шереметева и А. В. Всесвятский.

Более подробно о событиях в музее в последний месяц оккупации изложено в книге Е. В. Кончина «Картины, опалённые войной»: «После отступления из Калуги фашистских войск в помещении художественного музея остались приготовленные к отправке в Германию ящики. В них находились особо ценные экспонаты художественного музея. Но эти ящики, припрятанные тов. Масловым и Извековым, не были замечены немцами при их поспешном отступлении из Калуги и остались в музее»²³.

После освобождения Калуги Василий Иванович Извеков около двух месяцев был директором музея. Им были подписаны приказ № 1 от 2 января 1942 г. и первые акты. Этому нелёгкому этапу в жизни музея и В. И. Извекова посвящена статья Г. И. Рояновой «Из времени войны»²⁴. 1942 г. для В. И. Извекова прошёл в неоднократных допросах о причинах нахождения в оккупации. Это, видимо, подорвало здоровье 68-летнего Василия Ивановича. В конце февраля 1943 г. В. И. Извеков умер.

1 марта 1943 г. была создана комиссия в составе научного сотрудника А. М. Давыдовой, О. Е. Петровой и представителя горono А. В. Всесвятского по приёму экспонатов и документов исторического отдела музея²⁵.

20 лет жизни и деятельности, отданные В. И. Извековым музею, вошли в более чем столетнюю историю Калужского объединённого музея-заповедника.

Примечания

¹ Рерих Н. К. Врата в будущее. М., 2003.

² Булычев Н. И. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу Калужской губернии. Калуга, 1908. С. 118.

³ Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 2878. Оп. 3. Д. 31. Л. 54.

⁴ Бендрышева М. Калужская Николаевская мужская гимназия перед революцией // От наших корней. Калуга, 2005. С. 50–51.

⁵ ГАКО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁶ Материалы Чтений памяти Д. И. Малинина. Калуга, 2015. С. 125.

⁷ ГАКО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

⁸ ГАКО. Ф. 2842. Оп. 3. Д. 8 С. 21–23.

⁹ Кружков Н. Н. Вехи пути / Советская печать. № 11. 1952. С. 13.

¹⁰ ГАКО. Ф. 2818. Оп. 3. Д. 1.

¹¹ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 12.

¹² ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 11. Л. 60.

¹³ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 1 в. Л. 54.

¹⁴ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 11. Л. 65.

¹⁵ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 7.

¹⁶ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 31. Л. 1.

¹⁷ Никитина Н. Н. Политика советской власти в отношении бывших помещиков в 1917–1927 гг. // Чтения памяти Д. И. Малинина: материалы первых — четвёртых чтений памяти Д. И. Малинина. 2015–2018 гг. Калуга, 2018. С. 88.

¹⁸ Никитина Н. Н. Бывшие помещики в советской России в 20-е годы. М., 2002. С. 144, 157.

¹⁹ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 3. Д. 26. С. 4–6.

²⁰ Краткий путеводитель по историческому отделу Государственного музея. Калуга, 1929–1930. С. 6.

²¹ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 1. Д. 3. Л. 1. Приказы № 1, 4 от февраля 1936 г.

²² Легостаев В. В. Летопись церкви села Калужки. Калуга, 2005. С. 20–23; Чудотворная Калужская. Калуга, 2015. С. 99.

²³ Кончин Е. В. Картины, опалённые войной. М., 2000. С. 173.

²⁴ Роянова Г. И. Из времени войны // Музейный фронт Великой Отечественной. 1941–1945. М., 2014. С. 70–76.

²⁵ ГАКО. Ф. 2878. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

КУПЕЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

О. В. Пелисова,

Калужский объединённый музей-заповедник

Коллекция купеческих портретов в собрании Калужского объединённого музея-заповедника насчитывает около двух десятков полотен. Согласно музейной книге поступлений, портреты записаны в фонды практически единовременно в 1920-х гг., когда исторический музей переезжал из дома Коробовых в новое здание — дом Кологривовых (Золотарёвых). Но известно, что собрание началось гораздо раньше.

1920-е гг. — это период стандартизации форм учёта, систематизации предметов по коллекциям, формирования постоянной экспозиции, в рамках которой был организован в том числе и подраздел купеческого быта, располагавшийся в зале № 6 дома Кологривовых (Голубая гостиная). В числе предметов, представляющих быт купеческого сословия, составители путеводителя по музею в усадьбе Золотарёвых, изданном в 1930 г., предлагают обратить особое внимание на следующие портреты: купца Антипина № 533, купчихи Антипиной в старинном жемчужном чепце, купца Макарова (портрет 1807 г.) № 432, купчихи А. В. Торубаевой в белой рубаше с длинными рукавами, купца Фалеева, купца П. М. Золотарёва [1]. Рассмотрим их.

Портрет купца Ивана Максимовича Золотарёва (поступил из дома Коробовых в 1920-е гг.). Небольшой по размерам, он написан маслом на бумаге и оформлен в раму под стекло. Портрет является уменьшенной копией с оригинала, хранящегося в музее Тропинина и художников его времени. В расширенном каталоге музея В. А. Тропинина имеется следующая запись: неизвестный русский художник первой половины XIX в. Портрета калужского купца Ивана(?) (Петра) Максимовича Золотарёва. 1820-е гг. Холст; масло. 77,5×65,0 см. Поступление: Дар, от Ф. Е. Вишневого — коллекционера, основателя музея В. А. Тропинина и художников его круга в особняке в Щетининском переулке г. Москвы. Пр. МК СССР № 771 от 13.10.1977–04.08.1978 г. [2].

Вероятно, портрет купца Золотарёва, хранящийся в Калужском объединённом музее-заповеднике, был подготовительным эскизом для последующей большой работы. Легенда происхождения малого портрета, так же, как и история бытования портрета И. М. Золотарёва из коллекции московского музея В. А. Тропинина, пока остаётся открытой для исследователей.

Портрет (Михаила Антоновича) Макарова, калужского купца, поступил из дома Коробовых. Вызывает интерес написанный, вероятнее всего, в знак благодарности и по заказу общественности портрет купца Макарова, выполненный в редкой для живописи традиции — эпитафильный

Портрет И. М. Золотарёва.
Неизвестный художник. XIX в.
КОМЗ

Портрет купца М. А. Макарова.
Неизвестный художник. XIX в.
КОМЗ

Портрет Макарова, калужского
купца. Неизвестный художник.
1-я пол. XIX в. КОМЗ

Портрет А. А. Рыжичкина.
Художник Лебоде. XIX в.
КОМЗ

Портрет И. И. Антипина.
Неизвестный художник.
1-я пол. XIX в. КОМЗ

Портрет купчихи Антипиной.
Неизвестный художник.
1-я пол. XIX в. КОМЗ

(посмертный). Михаил Антонович прославился в городе своей благотворительной деятельностью, благодаря которой некоторым горожанам удалось избавиться от нищеты.

Портрет Михаила Антоновича Макарова (в молодости), калужского купца (поступил из музея при Архивной комиссии 3 января 1899 г. от А. А. Горбова). Написан неизвестным художником в первой половине XIX в., маслом на металле.

Портрет купца А. А. Рыжичкина поступил от общества истории и древностей, существовавшего с 1918 по 1929 г. Купец изображён в двубортном мундире из тёмно-зелёного сукна, с золочёными пуговицами и расшитым воротником-стойкой. На тонком поясе справа виден эфес сабли (?), полагавшейся по статусу купцам двух первых гильдий. Портрет выполнен художником Лебоде акварелью на бумаге.

Акварельные портреты в первой половине XIX в. пришли на смену традиционным, исполненным в технике масляной живописи, и стали популярны даже в дворянской среде. Основное влияние на установление этой моды оказала изменившаяся после наполеоновских войн экономическая ситуация. Стоимость и сроки работы в акварельной технике намного меньше, чем в масляной, поэтому такие портреты стали доступны большему количеству заказчиков.

Портрет купца Ильи Ивановича Антипина выполнен неизвестным художником первой половины XIX в. (поступил из дома Коробовых). Купец I гильдии занимал должность городского головы в период с 1831 по 1833 г. Семья Антипиных прославилась своей благотворительностью, пожертвованиями на создание учебных заведений, открытием библиотеки. Илья Иванович остался в памяти горожан как щедрый человек, жертвовавший большие суммы на нужды бедных семей, лично раздавая милостыню.

Портрет купчихи Антипиной, жены калужского купца, парный предыдущему, был написан неизвестным художником XIX в. (поступил из дома Коробовых).

Купчиха изображена в традиционной одежде: сарафане, надетом поверх белой рубахи, плечи покрыты шалью. Волосы скрыты кружевным чепцом, сплетённым из мелкого жемчуга, на шее ожерелье из нескольких жемчужных нитей. Купеческие жёны любили украшения из красивого и относительно недорогого речного жемчуга.

Портрет купца Ивана Викуловича Торубаева Меньшого (1760–1816) написан неизвестным художником в первой половине XIX века (поступил из дома Коробовых).

Купец II гильдии, торговавший оптом пенькой, салом, полотном и бумагой, пожертвовал крупную денежную сумму в помощь русской армии в 1812 г. С 1810 по 1813 г. он занимал должность городского головы г. Калуги. После войны Иван Викулович отдал свой двухэтажный дом

Портрет И. В. Торубаева.
Неизвестный художник.
1-я пол. XIX в. КОМЗ

Портрет купчихи А. Н. Торубаевой.
Неизвестный художник.
КОМЗ

Портрет С. Л. Фалеева.
Художник Василий Дьяконов.
1839 г. КОМЗ

под нужды воинам-инвалидам и престарелым жителям города, на его средства построен сиротский дом по улице Сошественской.

На портрете купец Торубаев изображён в двубортном купеческом мундире тёмно-зелёного сукна с отделкой красного тона по обшлагам рукавов и воротника. В правой руке рукоять купеческой сабли, закреплённой на поясе. На шейной ленте и в левой руке изображены медали с профилем императора Александра I. Композиция, техника и приёмы письма свидетельствуют о том, что работа принадлежит кисти высокопрофессионального художника.

Портрет купчихи А. Н. Торубаевой написан неизвестным художником. Анна Никулична изображена в повседневной одежде, традиционной для обихода купеческой жены. Наряд составлен из белой нижней рубахи, поверх которой надет тёмно-бордовый сарафан, плечи закрыты тёмной шалью, волосы скрыты платком, края которого завязаны спереди в небольшой бант. Художник тщательно прописал скрещённые, покоящиеся на коленях руки. Совокупность этих элементов портрета помогла создать образ хозяйки и помощницы главы купеческой семьи.

Портрет купца С. Л. Фалеева (? — 1849) написан художником Василием Дьяконовым 7 марта 1839 г. (поступил в музей из дома Коробовых).

Фалеевы — одна из известнейших фамилий г. Калуги, упоминания о ней известны с XVII в. Семён Лаврентьевич Фалеев состоял в III гильдии, но незадолго до смерти был записан в I гильдию. В планы купца входила совместная торговля с сыновьями под маркой собственного торгового дома, который он хотел открыть в Калуге. Его мечту осуществили пятеро сыновей по духовному завещанию о нераздельном владении имуществом после смерти Фалеева. Касательно вероисповедания купца Фалеева известно, что он, как и его отец, придерживался старообрядческой веры [3].

Портрет выделяется живостью образа и высокопрофессиональной манерой исполнения. Купец изображён в повседневной одежде. В руке он держит распечатанное письмо (?), из-за этого создаётся впечатление, что купец лишь на минуту оторвался от дел. Лицо написано пастозными мазками, что дополнительно выделяет его из общей приглушённой гаммы портрета.

Портрет калужского купца Каширина написан неизвестным художником в 1840-е гг. (поступил в 1922 г. из дома Коробовых).

Столичной моде, исполненной европейского влияния, соответствует костюм, чёрный галстук и причёска изображённого купца. В первой половине XIX в. чёрные галстуки были принадлежностью военного мундира, а для штатских лиц допускалось его ношение в случае траура. Портрет выдержан в тёмных тонах. Художнику удалось достаточно тонко передать

Портрет калужского купца
Каширина. Неизвестный художник.
1840-е гг. КОМЗ

Портрет И. Н. Кишкина.
Неизвестный художник. 1752 г.
КОМЗ

Портрет купца.
Художник Федор Железнов.
1806 г. КОМЗ

внутренний мир Каширина, едва уловимую иронию во взгляде. Отсутствие фона и сосредоточение на эмоциональном состоянии портретируемого характерны для большинства портретов коллекции.

Портрет купца Ивана Николаевича Кишкина (1734–1776) написан неизвестным художником в 1752 г. в Петербурге. Портрет написан в технике трёхслойной масляной живописи.

Вероятно, происхождение портрета в фондах Калужского объединённого музея-заповедника связано с деятельностью Павла Фёдоровича Симсона (1845—около 1920), историка, директора Калужской классической гимназии, почётного члена Калужской учёной архивной комиссии. Симсон был первым учёным, по существу «открывшим» историю города Серпухова. Бóльшая часть коллекции Павла Фёдоровича была передана в Исторический музей при Калужской учёной архивной комиссии, основанный в 1897 г.

Из архивных материалов о купце Кишкине известно следующее. После смерти дяди всё имение в Серпухове перешло к Ивану Николаевичу Кишкину, проживавшему в Санкт-Петербурге. Точных сведений о петербургском периоде жизни Ивана Николаевича на текущий момент времени не имеется, но, вероятно, он выполнял представительско-посредническую роль в отношениях парусинной мануфактуры своих родственников в Серпухове с петербургским портом — её основным заказчиком [4]. Переезд купца в столицу не оборвал связь с родным городом, она поддерживалась благотворительной деятельностью. Так, имя Ивана Николаевича вписано в историю Ильинского храма Серпухова, отстроенного богатейшими людьми города. Строительство храма было завершено, но освящение откладывалось из-за отсутствия необходимой утвари. Богослужения велись в тёплом приделе до 1760 г., пока Кишкин «оную новопостроенную церковь по своему обещанию... церковными утварями дополнил и удовольствовал» [5].

12 октября 1776 г. Иван Николаевич скончался бездетным. Всё его имущество унаследовала родная сестра Елизавета Николаевна Кишкина. Вероятно, это единственный известный портрет представителя династии купеческого рода Кишкиных.

Портрет неизвестного купца работы Фёдора Железнова написан в 1806 г. в Нижнем Новгороде (поступил из дома Коробовых). Вероятно, портрет был выполнен во время пребывания купца на Нижегородской ярмарке в короткий срок. Но даже в таких условиях художнику удалось передать психологическую характеристику портретируемого. Осанка, подтянутый силуэт, ироничное выражение лица молодцеватого купца выдают человека энергичного и деятельного.

Портрет имеет датированную подпись, которая не сохранила имени изображённого, но донесла до зрителя имя художника, что само по себе является ценной деталью для дальнейших исследований.

Портрет неизвестной в красной шали. Неизвестный художник. 2-я пол. XIX в. КОМЗ

Портрет калужской купчихи. Неизвестный художник. XIX в.

Портрет И. К. Ципулина. Художник Т. Шитов. 1890-е гг. КОМЗ

Портрет неизвестной в красной шали работы неизвестного художника русской школы второй половины XIX в. (поступил из Исторического музея при Калужской учёной архивной комиссии).

Молодая женщина изображена в платье стиля ампир, с низким декольте, высокой талией, подчеркнутой белой лентой, завязанной в небольшой бант под грудью. Эклектичность наряда, наличие элементов одежды, присущих купеческому наряду и обилие украшений из жемчуга позволяют отнести изображённую персону именно к купеческому сословию.

Существует предположение о том, что на портрете изображена калужская купчиха Павла Акимовна Рыжичкина (1847–1912). Но в актах приёма-передачи коллекций и ценных предметов из городского музея «На благое просвещение» им. А. А. Рыжичкина и Калужской губернской чрезвычайной комиссии в Калужский губернский исторический музей в 1922 г. этот портрет не упоминается. К тому же костюм изображённой женщины позволяет предположить, что портрет написан в первой половине XIX столетия, в то время как П. А. Рыжичкина родилась в 1847 г.

Портрет калужской купчихи работы неизвестного художника первой половины XIX в. (поступил в 1922 г. из музея Калужской учёной архивной комиссии). В описи предметов исторического музея, вероятнее всего, именно этот портрет описывается так: «калужская купчиха-старообрядка начётчица масляными красками в рамке, пожертвование И. Д. Четыркина» [6].

Небольшого формата портрет единственный из всей коллекции купеческих портретов написан на фоне интерьера. Пожилая купчиха изображена сидящей за небольшим деревянным столом. Одежда представлена традиционным для замужних женщин повойником и тёмной шалью, почти полностью скрывающей фигуру. Перед нами типичный купеческий женский портрет 1820-х гг. Статичный и простой силуэт, аскетизм обстановки, тяжёлая книга (возможно, Святое Писание), отрешённое лицо купеческой жены создают молитвенную обстановку.

Портрет купца Ивана Козьмича Ципулина поступил в музей 25 августа 1926 г. из Калужской библиотеки.

Портрет написан в 1890-е гг. после вступления Ципулина в должность городского головы и выполнен скорее всего по фотографии. Слева над плечом изображённого видна подпись «Т. Шитов». Есть основание считать это подписью Тимофея Васильевича Шитова, владельца фотографической мастерской в Черновском переулке г. Калуги, выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества, удостоенного звания свободного художника [7].

Собрание купеческого портрета представлено образцами различного художественного качества: от условных полуэтнодных работ, вероятно, местных художников, до исполненных высокопрофессионально портретов, создающих живой психологический образ модели. Купеческий портрет в собрании Калужского объединённого музея-заповедника представляет все периоды

развития жанра, показывает эволюцию купеческого портрета от произведений, сохраняющих признаки парсуны, до работ, написанных в духе общеевропейских тенденций портретного жанра. Они дают яркую характеристику вкуса калужского купечества на протяжении всего XIX в. Собрание купеческих портретов из фондов музея представляет историческую ценность и в особенности примечательно тем, что сотрудникам музея удалось собрать галерею, дающую срез калужского купеческого сословия.

Список литературы

1. Краткий путеводитель по Историческому отделу Калужского Госмузея. Калужский Государственный музей. Калуга: Государственная типография ОСНХ, 1929.
2. Кропивницкая Г. Д. Искусство Москвы XVIII—середины XIX века. Живопись, графика, декоративно-прикладное искусство из собрания Музея В. А. Третьякова и московских художников его времени. М.: СОРЕК-полиграфия, 1997.
3. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы IX конференции. 21–23 марта 2001 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С. 214–219.
4. РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 220.
5. ЦИАМ. Ф. 203.
6. ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12а. Л. 27.
7. Попов А. П. Российские фотографии (1839–1930). Словарь-справочник. Т. 2; Музей Органической культуры. М., 2013. С. 573–574.

КУПЕЧЕСКИЕ ИМЕННЫЕ КУБКИ XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

*Т. М. Хохлова, заведующая сектором,
Калужский музей изобразительных искусств*

Репрезентативные стеклянные кубки российского производства получили распространение в петровскую эпоху. Но расцвета производство гравированных кубков достигло в правление Елизаветы Петровны и Екатерины II. Поташное стекло привлекало заказчиков своей праздничностью, тонкой гравировкой, мелодичным звоном при соприкосновении. С середины XVIII в. в украшении предметов к растительному орнаменту добавился рокайль, трельяж, растительные завитки. Гравировка покрывается золотом, символизирующим роскошь барокко. С конца XVII—начала XVIII в. широкое распространение получили использование в праздничных мероприятиях и украшении предметов повседневной жизни аллегорические изображения. Источниками их были сборники эмблем и символов, изданные за границей: «Devises et emblems», «Девизы и эмблемы» де ла Фея и многие другие. По заказу Петра I была составлена и издана в Амстердаме в 1705 г. книга «Символы и эмблемата», которая служила, наравне с европейскими сборниками, настольной книгой для русских мастеров декоративно-прикладного искусства. Многие произведения, выполненные из различных металлов, фарфора, стекла, камня, украшались эмблемами с девизами из этих сборников [1].

В Калужской губернии в XVIII в. работало несколько стекольных фабрик, принадлежавших калужским купцам: Греховым [2], Глуховым [3] и А. Т. Ченцову [4] в Медынском уезде, Немчиновым [5] в Мосальском уезде, на которых производилась посуда, в том числе на заказ, бутылки и стекло.

В собрании КОМЗ находятся два купеческих именных кубка, выполненных на фабрике мосальских купцов Немчиновых, и бокал неизвестного завода. Сведения о фабрике Немчиновых немногочисленны и отрывочны. Братья Пётр и Емельян Афанасьевичи Немчиновы основали стеклянные фабрики в Дорогобужском уезде Смоленской губернии в 1748 г. и в Мосальском уезде Калужской губернии [6]. Парусная, хрустальная и стеклянная фабрики П. А. Немчинова, находившиеся в Мосальском уезде, упоминаются в документах ГАКО в 1746 г. [7]. Его сын Яков

в 1760–1761 гг. построил в с. Богородское (Богородицкое), Дубровка тож, Мосальского уезда стеклянную и хрустальную фабрики на р. Вербилловке. Село было отдано ему Мануфактур-коллегией из оброка. В селе были построены деревянные церковь Тихвинской Богоматери и господский дом. На речке для шлифовки хрустальной посуды была устроена шлифовальная мельница с 4 инструментами. На хрустальной фабрике — 1 печь, на стеклянной — 4. Посуда отпускалась в Москву и Петербург. На фабриках работали крестьяне села [8].

Кубок калужского купца Фёдора Ефремовича Махотина прозрачного стекла с дымчатым оттенком, с конусообразной гранёной в нижней части чашей, на гранёной ножке в виде балясины с двумя сплюснутыми яблоками, на круглом основании. На лицевой стороне чаши в картуше, украшенном растительными завитками и трельяжами, изображена рука с весами, выходящая из облака. В «Символах и эмблемате» изображение имеет следующее значение: «Будьте никуда непоколебимы в суде своём». На обороте — надпись в 8 строк: «Здравие калу/скаго купца/ ФЕДОРА Е/ ФРЕМОВИ/ ЧА ГПДНА/ МАХОТИ/ НА МНОГА/ А ЛЪТА». Кл 3256, КС-577 [9, ил. 1, 2].

Фёдор Ефремович Махотин (1721 или 1727–1796), купец II гильдии. Был женат на Евдокии Петровне Подошевниковой. У них было четверо детей: сын Василий умер в отрочестве, через дочерей породнились с калужскими купцами Бородиными, Порываевыми и Захаровыми. Жили в Знаменской слободе. В 1795 г. Ф. Е. Махотин не смог объявить капитал и был переписан в мещанство [10].

Кубок калужского купца Трофима Ивановича Макушкина (1712–1774) прозрачного стекла с конусообразной чашей, на гранёной ножке в виде балясины с двумя сплюснутыми яблоками, на круглом основании. На лицевой стороне чаши в картуше, украшенном растительными завитками, изображены руки, выходящие из облаков, с раскрытыми и направленными друг к другу ладонями. В «Символах и эмблемате» имеет следующее значение: «Верь и сомневайся».

На обороте — надпись в 8 строк: «Здравие Гдну Колу/ скому купцу/ ТРАФИМУ ИВА/ НОВИЧЮ/ I сожите/ ницею Ево/ МАКУШКИ-НУ». Кл 3257, КС-578 [11, ил. 3, 4].

Трофим Иванович Макушкин (1712–1774), купец II гильдии. Был женат на Екатерине Ивановне Глухой. У них было два сына: Дмитрий и Василий. В 1750-е гг. содержал кабацкий и мельничный откуп по Калуге [12]. Жили в Спасской Завершской слободе. Его вдове Екатерине Ивановне принадлежали три пильные мельницы с прудами на правой стороне речки Калужки, на правой и левой сторонах речки Яченки, на последней пилили доски разного размера [13].

Кубок Ф. Е. Махотина. Середина XVIII в.

Кубок Т. И. Макушкина. Середина XVIII в.

Бокал И. М. Макарова.
1790-е гг.

Бокал калужского купца Ивана Матвеевича Макарова прозрачного стекла с конусообразной чашей, с ребром в придонной части, на гранёной ножке в виде балясины с двумя дисковидными яблоками, на круглом высоком основании. Чаша украшена поясом со шлифованными розетками, на лицевой стороне — круглый медальон с гравированной надписью: «ЗДРАВЬЕ/ ГДНА ИВАНА/ МАТВЕЕЧИЧА/ МАКАРОВА КУ/ ПЦА КАЛУ/ СКАГО». Придонная часть украшена вертикальной шлифовкой. Неизвестный завод. 1790-е гг. Кл 7219, КС-. Подобные бокалы и рюмки выпускались на Потемкинском стекольном заводе в 1790–1800-х гг. [14, ил. 5, 6].

Макаров Иван Матвеевич (1733–1799), калужский купец III гильдии. Был женат на Ирине Ларионовне Ивановой. У них было трое детей: Дмитрий, Фёдор и Прасковья. Через них породнились с калужскими купцами Новиковыми, Мешковыми и Кудриными. Жили в Гергиевской за Верхом слободе [15].

Список литературы

1. Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 184–226.
2. Приходная книга Калужской провинциальной канцелярии за 1752 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 75, л. 45; Указы Правительствующего сената, Московской губернской канцелярии, Главного комиссариата и других учреждений за 1755 г., ф. 221, оп. 1, № 102, л. 453; Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782. С. 87; Доношения учреждений и частных лиц о взносе ими разных сборов за 1765 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 241, л. 129; Настольный реестр Калужской провинциальной канцелярии для записи окладных сборов по Калужской провинции за 1765 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 246, л. 61; Протоколы и журналы Калужского провинциального магистрата за май — август 1773 г. ГАКО, ф. 36, оп. 1, № 13, л. 105; Переписка с уездными судами, городскими магистратами Калужской губернии о представлении отчётности о состоянии промышленных заведений, проезжих дорог, о количестве церквей, селений, крепостных крестьян, рабочих и мастеровых по Калужской губернии. Приложение: Ведомости о количестве фабрик и заводов по Малоярославецкому у. и о рабочих, нанятых на них, и описание г. Серпейска. 1777–1787 гг. ГАКО, ф. 132, оп. 1, № 27, л. 174; Книга Калужской провинциальной канцелярии для записи прошений, поступивших от разных лиц за 1766 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 267, л. 67; Счётные ведомости Калужской провинциальной канцелярии за 1766 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 268, л. 355, 356, 417; Доношения учреждений и частных лиц Калужской провинции о взносе сборов и пошлинных денег за 1765–1766 гг. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 269, л. 310–311, 956; Настольный реестр Калужской провинциальной канцелярии для записи канцелярских сборов и окладов за 1766 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 273, л. 68; Протоколы и журналы Калужской провинциальной канцелярии по рассмотрению дел о назначении разных лиц на должности, по утверждению купчих крепостей, закладных и др. актов и по другим вопросам за 1769 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 302, л. 300; Книга Калужской провинциальной канцелярии для записи прихода окладного и штрафных денег. 1772 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 348, л. 11, 17; Указ Правительствующего сената, переписка с государственной мануфактур-коллегией и Медынским нижним земским судом об изготовлении стеклянными фабриками бутылок определённого образца и размера. 1778 г. ГАКО, ф. 132, оп. 1, № 115, л. 4.
3. Переписка с уездными судами, городскими магистратами Калужской губернии о представлении отчётности о состоянии промышленных заведений, проезжих дорог, о количестве церквей, селений, крепостных крестьян, рабочих и мастеровых по Калужской губернии. Приложение: Ведомости о количестве фабрик и заводов по Малоярославецкому у. и о рабочих, нанятых на них и описание г. Серпейска. 1777–1787 гг. ГАКО, ф. 132, оп. 1, № 27, л. 68.
4. Указы из главного магистрата, государственной ревизионной коллегии и др. Калужскому провинциальному магистрату 1758 г. ГАКО, ф. 36, оп. 1, № 1, л. 468; Доношения частных лиц и учреждений Калужской провинции о сборах ими сборов и пошлин за 1761 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, ед. хр. 168, л. 286.
5. Приходная книга Калужской провинциальной канцелярии за 1752 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 71, л. 7; *Петракова А.* Русский Антиквариатъ»; *Смирнова Е. П.* Русское стекло. Начальная пора; Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782. Ч. 2. С. 55.

6. *Петракова А.* Русский Антиквариат; *Смирнова Е. П.* Русское стекло. Начальная пора.
7. Приходная книга Калужской провинциальной канцелярии за 1752 г. ГАКО, ф. 221, оп. 1, № 71, л. 74.
8. Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782. Ч. 2. С. 55.
9. Амстердам, 1705. С. 84–85; *Devises et emblemes.* Augsburg, 1695. С. 19.
10. Ревизские сказки по городу Калуге за 1783 г. ГАКО, ф. 86, оп. 3, № 39, л. 31, 361, 409, 801; Исповедные росписи церквей г. Калуги за 1785 г. ГАКО, ф. 565, оп. 1, № 3, л. 248; Ревизские сказки по городу Калуге за 1795 г. ГАКО, ф. 86, оп. 3, № 49, л. 396, 397, 874; Ревизские сказки о калужских купцах и мещанах за 1811 г. ГАКО, ф. 86, оп. 3, № 100, л. 721.
11. Амстердам, 1705, № 289; *Devises et emblemes.* Augsburg, 1695. С. 22.
12. Журнал заседаний Калужской провинциальной канцелярии за 1763 год. ГАКО, ф. 221, оп. 2, № 60, л. 423, 454.
13. Топографическое описание Калужской губернии. СПб., 1782. Ч. 1. С. 4.
14. *Малинина Т. А.* Императорский стеклянный завод. XVIII—начало XX в. СПб., 2009. С. 73, 263.
15. Ревизские сказки по г. Калуге за 1783 г. ГАКО, ф. 86, оп. 3, № 39, л. 355; Исповедные росписи церквей г. Калуги за 1785 г. ГАКО, ф. 565, оп. 1, № 3, л. 233; Ревизские сказки по городу Калуге за 1795 год. ГАКО, ф. 86, оп. 3, № 49, л. 545, 1220)

ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ ЗНАМЁН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ИЗ ФОНДОВ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В. В. Бессонов, студент,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Среди предметов, хранящихся в фондах Калужского объединённого музея-заповедника, привлекает к себе внимание коллекция знамён, составленная из боевых регалий различных воинских подразделений, напоминающих славное прошлое пехотных частей Императорской армии, оставивших свой след в военной истории России. Обращение к истории знамён позволяет не только провести исследование музейного предмета, имеющего культурную ценность и включённого в Музейный фонд Российской Федерации, но и, обращаясь к конкретной полковой регалии, обладающей определённым сакральным смыслом и олицетворяющей собой историю части, проследить этапы боевой летописи полков. Тем самым полковые знамёна представляются комплексным источником, содержащим обширную информацию по военной истории России.

Данная статья посвящена исследованию значимости знамён пехотных полков Русской Императорской армии и анализу вышеупомянутой коллекции Калужского объединённого музея-заповедника. Также к статье есть приложение, в котором присутствует описание каждого знамени.

Актуальность обозначенной темы обусловлена отсутствием исследовательских работ, полностью анализировавших коллекцию знамён Калужского объединённого музея-заповедника.

Итак, знамёна, или стяги, в России ещё с древних времён считались необходимыми в войсках. В битвах с неприятелем они обычно служили местом сбора войска, и полководцы использовали их для воспламенения мужества в своих солдатах.

Знамёна также имели большую важность и по принятии Христианской веры. Без них войска не отправлялись в поход и не вступали в сражения. Каждый полк имел одно большое, или главное, и несколько меньших знамён [1].

Во время правления Петра I было положено начало истории Российской Императорской армии, а также создана система полковых и ротных знамён, их централизованное строительство и выдача в полки [2]. Так, 14 марта 1712 г. сенатом был принят указ «О делании знамён в Оружейной Палате», из которого следовало: «в полки кавалерские и инфантерейские во всех губерниях знамён вновь не делать, а делать те знамёна во все полки и посылать из оружейных палат» [3].

Император Пётр III совершенно изменил образцы знамён, установив их по образцу прусских. А при Екатерине II был окончательно упорядочен внешний вид пехотных знамён [4].

И несмотря на то что знамёна считались амуническими вещами, их роль и значимость для воина была весьма высока. Так, знамёна являлись зрительным ориентиром для солдат и офицеров во время похода или в сражении, а также символом части, который необходимо было защищать любой ценой. Ведь в принятых в 1716 г. артикулах указывалось, что те офицеры и солдаты, которые покинут строй и «знамя своё или штандарт до последней капли крови оборонять не будут, оные имеют шельмованы быть; а когда поймаются, убиты будут» (артикул 94) [5].

Начиная с правления Павла I, знамёна перестали быть срочными амуническими вещами и состояли теперь в полках до полного износа. Потеря знамён влекла за собой серьёзные наказания для командных чинов и для полка в целом, поэтому особо предписывалось, «дабы как в офицерах, так унтер-офицерах и солдатах возобновлять почтение и привязанность, которую иметь должны к знамёнам, присягая оным» [6].

Теперь же предписывалось «приводить к присяге всякий раз не иначе, как под знамёнами, наблюдая притом, чтоб приводимый к присяге, имея распротёртую вверх руку, другую держался бы за знамя», в то время как прежде он клал руку на Евангелие либо целовал его [7]. Таким образом, знамёна стали полковыми святынями, а солдаты и офицеры считали своим долгом защищать их ценою собственных жизней [8].

Император Александр III установил совершенно новый образец знамён, отказавшись от прусского вида. Теперь на полотнищах изображались полковые иконы, а со времени правления Николая II единое для всех полков изображение иконы Спаса Нерукотворного.

Однако знамёна, став полковыми святынями, после их выдачи могли быть заменены только за отличия или в память вековых юбилеев. Тем самым оказалось, что в строю частей Российской Императорской армии в 1914–1917 гг. находились знамёна, пожалованные ещё в далёком 1800 г., прошедшие все войны, которые вела Россия с 1805 по 1905 г. [9].

Таким образом, знамёна в своём развитии прошли долгий путь от предмета, обозначавшего место сбора войска, до полковой святыни.

Исследуемая коллекция знамён в Калужском объединённом музее-заповеднике сформировалась в 1920-х гг. После роспуска Российской Императорской армии знамёна, оказавшиеся в Калуге, перестали быть полковыми регалиями и превратились в предметы, имеющие историческое значение. Представители новой власти, в чьих руках оказались регалии расформированных полков Российской Императорской армии, посчитали необходимым передать эти знамёна в Калужский исторический музей (ныне Калужский объединённый музей-заповедник) для хранения и возможного экспонирования.

Спасение оказавшихся в Калуге полковых знамён было связано, вероятно, с особым к ним отношением, которое формировалось на протяжении столетия в Российской Императорской армии. И хотя новая власть низвергла всё старое, в сознании людей, пришедших на службу в советские органы, осталось почитание знамени как символа воинской доблести. В большинстве своём служащие Калужского уездного военного комиссариата были в прошлом военными служащими Российской Императорской армии, присягавшими на знамёнах. Возможно, это обстоятельство повлияло на то, что полковые регалии были переданы в музей, а не уничтожены как никому не нужное наследие царской России.

Оказавшиеся в 1920-х гг. в музее полковые знамёна появились в Калуге в разное время. В первую очередь, сохранились знамёна 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого и 10-го пехотного Новоингерманландского полков, входивших в состав 1-й бригады 3-й пехотной дивизии. Эти полки квартировали в Калуге с 1892 г. Отсюда они уходили на русско-японскую и Первую мировую войны. На фронт части отправлялись с полковыми знамёнами, а старые знамёна оставляли в городе, в полковых церквях.

Следует отметить, что, согласно своду военных постановлений знамёна, остающиеся в полках после замены их новыми «вместе с историческими сведениями о пожаловании означенных знаков отличий, с грамотами и другими документами, при которых они пожалованы, сдаются в арсенал Санкт-Петербургского окружного артиллерийского склада» [10].

Так, Новоингерманландский полк в 1890 г., в ознаменование 100-летнего юбилея, получил новое Георгиевское знамя образца 1883 г., украшенное Александровской юбилейной лентой.

Поэтому, согласно установленным правилам, свои старые Георгиевские знамёна, полученные в 1880 г., новоингерманландцы в октябре 1897 г. торжественно передали в арсенал Санкт-Петербургского окружного артиллерийского склада. Там они находились до 1902 г., когда было принято высочайшее решение вернуть в полки исторические знамёна для сохранения в памяти воинов достохвальных подвигов их предшественников. Старые полковые знамёна Новоингерманландского полка были отправлены из арсенала Санкт-Петербургского окружного артиллерийского склада, и 19 июля полковые регалии, после торжественной встречи на вокзале, были возвращены в часть и помещены в церковь [11].

Аналогичным образом обстояло дело и в других полках, в том числе в Староингерманландском (в 1903 г. переименован в Ингерманландский). Согласно сведениям из полковой истории, в ноябре 1902 г. в полк было возвращено из Санкт-Петербургского артиллерийского музея одно знамя времён Петра I и два знамени, полученные в царствование Павла I [12]. Но это был не единственный случай возврата знамён. Известно, что во время празднования 19 июля 1903 г. в окрестностях Калуги 200-летнего юбилея полка в его строю находилось три Георгиевских знамени, пожалованные в 1880 г., и девять знамён предыдущих царствований [13]. Именно в этот день Ингерманландский полк получил своё последнее Георгиевское полковое знамя образца 1900 г.

Таким образом, возвращавшиеся с 1902 года в полки Российской Императорской армии старые знамёна хранились при частях в полковых церквях в качестве регалий и выносились в строй в особо торжественных случаях. С началом Первой мировой войны полки 1-й бригады 3-й пехотной дивизии покинули Калугу с полковыми знамёнами, полученными Ингерманландцами в 1903 г. и Новоингерманландцами в 1890 г., оставив в месте своего постоянного расквартирования свои исторические знамёна.

Ингерманландские полки вернулись в Калугу в начале марта 1918 г. Здесь в марте — апреле они были расформированы. Полковое имущество сдано в Военный отдел Исполнительного комитета Калужской губернии, а полковые регалии — знамёна частей, в том числе и Георгиевские, оказались в Калужском историческом музее. Среди поступивших в музей знамён оказалось и последнее знамя Новоингерманландского полка образца 1883 г. Что касается полкового знамени Ингерманландского полка образца 1900 г., то оно исчезло в горниле Гражданской войны. По преданию, офицеры-ингерманландцы, покинувшие Россию после поражения Белого движения, вывезли это знамя с собой, разделив на части.

Но большая часть знамён, входящих в состав коллекции Калужского объединённого музея-заповедника, — это полковые регалии четырёх полков 40-й пехотной дивизии и двух полков из 30-й и 17-й пехотных дивизий. Пять из этих полков входили в состав Виленского и один — 67-й Тарутинский пехотный полк, в состав Варшавского военных округов. Как и в случае с ингерманландскими полками, с уходом на фронт, в местах расквартирования полков были оставлены старые полковые знамёна, игравшие роль полковых регалий. С приближением театра военных действий началась эвакуация из прифронтовой зоны, в том числе в Калужскую губернию. Надо полагать, что были эвакуированы канцелярии полков и полковые регалии. Поступившие в Калугу знамёна полков, квартировавших в западных губерниях, находились в ведении военного ведомства. Поэтому, когда после революции произошла смена власти, хранившиеся в Калуге знамёна были переданы Калужским уездным военным комиссариатом в Калужский исторический музей по акту от 30 сентября 1921 г.

Особое место занимает знамя Азовского мушкетёрского полка образца 1803 г. Это знамя с 1866 г. хранилось в кафедральном Троицком соборе как реликвия, связанная с подвигом унтер-офицера Азовского мушкетёрского полка С. А. Старичкова, спасшего знамя в сражении при Аустерлице. В 2002 г. при детальном анализе знамени был сделан вывод, что данное знамя не имеет никакого отношения к героическому деянию Старичкова. В Калугу в 1866 г. было доставлено «белое» знамя образца 1803 г., которое поступило в полк в 1810 г., в то время как Старичков спас «цветное» знамя образца 1797 г. [14].

Таким образом, в составе коллекции знамён Калужского объединённого музея-заповедника хранится 36 знамён. Из них особое место занимает последнее Георгиевское знамя 10-го Новоингерманландского полка, которое вернулось с полей сражения Первой мировой войны и осталось в Калуге после расформирования этого полка. Остальные знамёна в начале XX в. играли роль

полковых регалий. Из них самые ранние относятся к периоду царствования Александра I и Николая I. Большая часть знамён были пожалованы императором Александром II. Значительную часть коллекции составляют Георгиевские знамёна. Таким образом, в музее-заповеднике сохранились регалии девяти пехотных полков Российской Императорской армии, позволяющие проследить историю различных частей, начиная с периода создания регулярных войск при Петре I и заканчивая военными действиями Первой мировой войны. Среди предметов коллекции имеются знамёна полков, имеющих непосредственное отношение к прошлому Калужского края, — это 9-й и 10-й Ингерманландские и 67-й Тарутинский пехотные полки. Исходя из этого, можно сделать вывод, что музей-заповедник хранит представительную коллекцию знамён, отражающих разные этапы военной истории России и Калужского края.

Список литературы

1. *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Военная типография, 1841. Ч. 1. С. 110–111.
2. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995. С. 42–46.
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 4. С. 819. (Далее—ПСЗ).
4. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995. С. 161–164.
5. ПСЗ. Т. 5. С. 345.
6. ПСЗ. Т. 24. С. 44.
7. Там же. С. 598.
8. *Звегинцов В. В.* Знамёна и штандарты русской армии. Париж, 1964. Ч. 2. С. 88–89.
9. *Шевяков Т. Н., Пархаев О. К.* Знамёна и штандарты Российской Императорской армии конца XIX — начала XX вв. М.: Астрель, 2002. С. 8.
10. Свод военных постановлений 1869 г.: по 1 января 1888 г. СПб.: Государственная типография, 1889. Ч. 2. Кн.8. С. 32–33.
11. *Пирожникова А. А.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 419, 422.
12. *Попов В. И.* История 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I полка. Калуга, 1903. С. 200.
13. Юбилейный фотоальбом 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I полка с дарственной надписью: «Калужскому общественному управлению на добрую память от полка 1892 6/ХП 1903 Калуга». КОМЗ. КП 11768.
14. *Бессонов В. А.* Калужанин-герой. Подвиг унтер-офицера Старичкова. Калуга: Золотая аллея, 2006. С. 115–116.

Приложение

Полк	Образец знамени	Образец навершия
Азовский пехотный полк	1803 года	1803 года
9-й Староингерманландский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
9-й Староингерманландский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
9-й Староингерманландский пехотный полк (древко и обрывки шёлка)		
9-й Староингерманландский пехотный полк (древко от знамени)		
9-й Староингерманландский пехотный полк (древко от знамени)		
10-й Новоингерманландский пехотный полк	Юбилейное георгиевское, 1883 года	1883 года
10-й Новоингерманландский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
10-й Новоингерманландский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
10-й Новоингерманландский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
10-й Новоингерманландский пехотный полк (древко от знамени)		1816 года
10-й Новоингерманландский пехотный полк (древко от знамени)		1816 года

Полк	Образец знамени	Образец навершия
10-й Новоингерманландский пехотный полк (древко и остатки от знамени)		
157-й Имеретинский пехотный полк	Для егерских полков 1827 года	1816 года.
157-й Имеретинский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
157-й Имеретинский пехотный полк	1816 года	
157-й Имеретинский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	
157-й Имеретинский пехотный полк	1816 года	
158-й Кутаисский пехотный полк	1816 года	
158-й Кутаисский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	
158-й Кутаисский пехотный полк	1816 года	
158-й Кутаисский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	
158-й Кутаисский пехотный полк	Для егерских полков 1827 года	
159-й Гурийский пехотный полк (обрывки знамени)	1816 года	
159-й Гурийский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	
159-й Гурийский пехотный полк	1816 года	1816 года
159-й Гурийский пехотный полк (древко и обрывки знамени)	1816 года	
160-й Абхазский пехотный полк	1816 года	1816 года
160-й Абхазский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
160-й Абхазский пехотный полк	1816 года	
160-й Абхазский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
160-й Абхазский пехотный полк	1816 года	1816 года
119-й Коломенский пехотный полк	Георгиевское, 1876 года	1807 года
119-й Коломенский пехотный полк	1816 года	1816 года
119-й Коломенский пехотный полк	Для егерских полков 1827 года	1816 года
67-й Тарутинский пехотный полк	Для егерских полков 1827 года	

РАБОТА А. Л. ЧИЖЕВСКОГО В УГОЛКЕ В. Л. ДУРОВА

О. В. Сёмочкина,

*кандидат педагогических наук, заведующая кабинетом-музеем А. Л. Чижевского,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;*

Н. Ю. Сёмочкин,

ученик 9 класса, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» г. Калуги

Из истории работы А. Л. Чижевского в Зоопсихологической лаборатории Главнауки Наркомпроса

В 1919 г. нарком просвещения А. В. Луначарский принял «Уголок Дурова» как представляющий научный и культурно-просветительный интерес в ведение научного отдела Наркомпроса. В созданной в этом доме на Старой Божедомке лаборатории зоопсихологии велись работы по изучению влияния внешней среды на животных, использованию гипноза в дрессуре, читались лекции о психологии животных.

В конце 1923 г. инженер Б. Б. Кажинский познакомил Чижевского с В. Л. Дуровым [1]. Зоопсихологическая лаборатория импонировала интересам молодого учёного. Между ними установилось взаимопонимание. Чижевский принимал активное участие в исследованиях лаборатории, стал членом её учёного совета. В состав совета лаборатории входили: председатель — В. Л. Дуров, его заместитель — академик АН Украины, профессор физиологии Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева А. В. Леонтович, профессор зоологии МГУ Г. А. Кожевников, инженер Б. Б. Кажинский, учёный секретарь И. А. Лев и А. Л. Чижевский. Учёный совет работал от 1–2 раз в неделю до 1–2 раз в месяц. Часто на заседаниях учёного совета были наркомы просвещения А. В. Луначарский и здравоохранения Н. А. Семашко, профессор Ф. Н. Петров и М. П. Кристи, Л. Л. Васильев, академик В. М. Бехтерев и невропатологи-профессора Г. И. Россолимо и Б. К. Гиндце и др. Лаборатория существовала в 1920–1940 гг. [1, с. 44–47; 4].

Согласно протоколам, учёный проработал в ней с 28 мая 1924 по 24 апреля 1931 г. старшим научным сотрудником. Об этом писали учёный и В. Н. Ягодинский [1, с. 44–47; 5], не давая точных дат. Мы это сообщаем впервые. Чижевский прочёл доклады, которые «отличались своеобразием, привлекали внимание видных учёных и любителей естествознания... поощрялись смелые и оригинальные сообщения, необыкновенные эксперименты. Здесь главенствовали свобода и в тоже время строгость мысли и мнений... Всё это было интересно и ново, лишено... бюрократичности... На учёном совете его члены делали доклады по различным вопросам естествознания, в основном по зоопсихологии и о влиянии внешней среды на животных. Эти доклады обсуждали все члены совета, подвергали критике или одобряли» [6, с. 335–336]. Но труды лаборатории появились лишь в 1928 г. и больше не издавались: не было денег [34]. Протоколы заседаний [5] восполнили пробел в темах, затрагиваемых А. Л. Чижевским. Из 277 заседаний того периода учёный принимал участие в 141-м, на 65 выступал, 9 протоколов вёл сам. Про протоколы мы сообщаем впервые.

Чижевский докладывал о поездках в Ленинград в Институт мозга к В. М. Бехтереву и Л. Л. Васильеву. Он вспоминал: «Профессор Васильев в честь моего приезда в Ленинград устраивал вечера, где кто-либо из ленинградских учёных читал лекции о “сногшибательных” научных проблемах. ...мне довелось делать сообщения... об особой биологической роли ионов атмосферного воздуха и биоэффектах циклической деятельности Солнца, основанных на многолетнем изучении космической биологии и медицины...» [6, с. 371].

Работы о передаче мысли на расстояние

В середине 1920-х гг. в лаборатории были проведены опыты, которые показали, что мысль — электромагнитная волна и передача мыслей на расстояние (телепатия, гипноз, внушение) — вполне материалистическое явление, имеющее под собой физическую основу.

Знаменитого психиатра, невропатолога и клинициста Бехтерева я знал ещё по Москве, встречался с ним... у В. Л. Дурова и... присутствовал при опытах с гипнозом животных, которые производили в его присутствии... Результаты бывали... просто поразительными, непонятными... Мои попытки экспериментировать в данной области увенчались успехом...» [6, с. 373].

Протоколы нам позволяют узнать деятельность учёного:

- участие в прениях (№ 163 от 3.12.1925 г.);
- рефераты статей и выступлений (№ 121 от 22.07.1924 г., № 155 от 17.01.1925 г., № 184 от 20.05.1926 г., № 252 от 13.02.1928 г., № 288 от 18.01.1929 г., № 350 от 04.06.1930 г.);
- командировки в Ленинградский институт исследования мозга (Психоневрологический институт) и беседы с В. М. Бехтеревым и Л. Л. Васильевым (№ 180 от 18.04, № 203 и 204 от 17 и 23.12.1926 г., № 219 от 11.03, № 228 от 26.05, № 236 от 14.10.1927 г., № 346 от 23.05.1930 г.), он и сам делал доклады и участвовал в экспериментах (№ 147 от 20.06, № 148 от 27.06, № 158 от 5.11.1925 г., № 214 от 08.02.1927 г., № 316 от 26.10.1929 г.).

Частично протоколы опубликованы в статьях учёного и В. Л. Дурова [7; 8; 9] о передаче мыслей на расстоянии. Нами найдена неизвестная статья А. Л. Чижевского, подписанная как А. Л. Чижов [7], и мы впервые сообщаем о ней и новом псевдониме А. Л. Чижевского.

Чижевский пишет, что «... акт мышления сопровождается физико-химическими реакциями в нервных центрах головного мозга... Биологическая физико-химия... пришла... к заключению, что нервные центры мозга, при всяком мыслительном или чувствующем акте, должны излучать в пространство электромагнитные волны... Такие реакции неминуемо должны сопровождаться появлением периодических электродвижущих сил, вызывающих электромагнитные процессы в окружающем пространстве, хотя бы и очень слабые; весь вопрос в том, могут ли последние быть уловлены соответственным образом настроенными аппаратами (приёмниками) или же другим мозгом... Есть предположение, что излучения мозга (если они существуют) подобны радиоволнам». В доказательство он описывал опыты В. Л. Дурова и Б. Б. Кажинского с собакой. Дуров сидел в клетке, сконструированной Кажинским, а собака находилась вне её. Если клетка была заземлена, то «акт внушения не удавался... Это значит, что электромагнитные волны, излучённые мозгом В. Л. Дурова, попадая на металлическую поверхность, уходили по проводу в землю, не достигая мозговых центров животного».

Об этих же опытах пишет и Б. Б. Кажинский в книге «Биологическая радиосвязь» [10, с. 54–55], упоминая учёного. Но Л. Л. Васильев был более категоричен: «Результаты этих двух опытов значительно скромнее тех, что получались в опытах, на которых присутствовал В. Л. Дуров. Сотрудник Бехтерев, поставивший приведённые опыты, справедливо считает их лишь “относительно удачными”, а сам вопрос ещё не разрешённым, но заслуживающим дальнейших исследований...» Ссылаясь на «Чижова», он указывал, что двигательное движение «более или менее правильно выполнялось только в тех случаях, когда индуктор имел возможность следить за животным... Эти опыты ... нельзя признать безупречно поставленными. ... индуктор, следивший за поведением животных при открытом окне, и присутствовавшие на опытах лица могли вольно или невольно руководить поведением собаки посредством ... движений, жестов, мимики, звуков и т. п.» [11, с. 109–110, 125]. Анализ публикаций сотрудников лаборатории мы проводим впервые.

А. Л. Чижевский указывает, что итальянский учёный, профессор неврологии и психиатрии Миланского университета Каццмали сконструировал свинцовую изолированную комнату, куда «... помещал нервных больных людей, ... мозговая деятельность которых могла быть по желанию возбуждена и доведена до высокой степени напряжения путём внушения различных переживаний, которых можно было легко гипнотизировать, внушая им ... представления и галлюцинации... Каццмали удалось установить, что сила звуков, слышанных в телефонной трубке, находится в прямой зависимости от степени переживаний, чувствований, мыслительной деятельности... Удалось построить прибор, при помощи которого эти звуки регистрировались механическим путём». В. Л. Дуров описал опыт с волками и участие в нём А. Л. Чижевского [9]. Данные статьи не находились ранее в научно-исследовательском обороте.

Осталась только одна незаконченная работа А. Л. Чижевского — «О передаче мысли на расстояние. Введение и глава 1» (совместно с А. И. Ларионовым, В. К. Чеховским, не ранее 1925) [2]: «Здесь дана история опытов по передаче мыслей на расстояние» [12, с. 98–106; 13].

Неразгаданная тайна А. Л. Чижевского

О том, что случилось с соавторами А. Л. Чижевского в дальнейшем, пишет И. В. Мирзалис [14].

А. Л. Чижевский, вспоминал об истории, героем которой был радиоинженер В. К. Чеховский, проводивший серьёзные исследования в области мысленного внушения. Одно из его методических новшеств — введение в схему эксперимента коллективного индуктора — группы людей, одновременно мысленно старающихся передать изолированному в другой комнате перцепиенту (воспринимающему) неизвестное тому изображение:

«Еженедельно по четвергам, вечерами, на квартире Чеховского, проживавшего на Лубянке, с соблюдением строжайших правил конспирации собиралась чёртова дюжина людей — единомышленников хозяина... В центре стола находился искусно вылепленный из воска бюст... Сталина! Голову бюста покрывали волосы, принадлежавшие оригиналу... Иногда вместо бюста в центре стола лежала фотография головы Сталина, снятая со спины...

Под аккомпанемент особых словесных формул-заклинаний стальной иглой пронзалось фото затылка вождя или затылок воскового бюста. Именно в затылочной области у человека расположены продолговатый мозг и центры, отвечающие за дыхание и сердцебиение. Собравшиеся страстно желали поразить эти жизненно важные центры вождя.

Через какое-то время об этом стало известно соответствующим органам. В один из четвергов преступное сообщество было нейтрализовано. ... арестовали всех... участников...

Обосновываемая А. Л. Чижевским “теория зависимости поведения масс от космического влияния” рассматривалась им не как некая теоретическая отвлечённость, а как руководство к действию.

Л. Л. Васильев пишет..., что при Институте мозга с весны 1922 и по конец 1923 г. работала специальная Комиссия по изучению мысленного внушения [55]. Позже её функции были возложены на Общество неврологии, рефлексологии, гипнологии и биологической физики. На заседании Общества в марте 1926 г., на котором председательствовал В. М. Бехтерев, заслушан доклад В. К. Чеховского “К вопросу непосредственной передаче мысли на расстояние”...

...По нелепой случайности, органы ОГПУ в феврале 1928 г. арестовали Чеховского и Тегера, а вместе с ними и ещё два десятка молодых людей...»

Этот рассказ в искажённом виде иногда входил в различные книги [15, с. 155–157] с мистической подоплёкой.

Прототипы и герои книги А. Беляева «Властелин мира»

Бернард Бернардович Кажинский— инженер-электрик, кандидат физико-математических наук, пионер научного исследования биорадиосвязи. В популярном научно-фантастическом романе А. Беляева «Властелин мира» Кажинский является прототипом Качинского: Кажинский и Чижевский образовали Качинского. Идеи Кажинского о биорадиосвязи, его соображения и наблюдения стали основным научным материалом для этого произведения. И дан его адрес: 6-этажный дом с двором-колодцем на Тверской-Ямской, недалеко от Триумфальных ворот, кв. 29.

Штирнер несёт в себе отдельные черты Александра Леонидовича: фамилия Штирнер созвучна немецкому слову «Sturheit» (упрямство) (учёный был упрямым), упоминается Аррениус: в связи с ионами и с великим источником энергии— человеческой мыслью, материальные трудности (работа сверхштатным сотрудником, без жалования, в трёх научно-исследовательских институтах), в конце романа Штирнер становится Штерном («Stern» по-немецки— звезда, а А. Л. Чижевский получил прозвище «солнепокклонник»). Чижевский изучал, а Штирнер создавал массовые психозы. В романе упомянут и Лазарев. Чижевский, будучи же доктором наук, слушал лекции в МГУ. Штирнер пишет в своём дневнике «... вечерами изучаю в университете анатомию и физиологию, но изучаю с точки зрения радиотехники. Необычайно!»

Штирнер посещал и вспоминал Ментону— место смерти матери Александра Леонидовича.

А. Л. Чижевский вслед за Кажинским защищал идею о наличии в клетках и органах образований, тождественных элементам радиосхемы. Электрические процессы, сопровождающие многочисленные функции организма,— биотоки мозга, сердца и мышц, ионные изменения и т. д.,— вызывают в них электрических колебаний различного характера. Когда они находятся в поле изменяющихся электрических потенциалов, в них возможны процессы, подобные тем, которые имеют место в радиопередаточных и приёмных устройствах,— изменения ёмкости и индукции, а также генерация радиоволн. А. Беляев выразил научную деятельность А. Л. Чижевского того времени: «В организме живых существ происходят сложные химические процессы, сопровождающие работу мышц и главным образом нервов и мозга. В этой работе наблюдается известная периодичность. Значит, нервные центры периодически освобождают или излучают ионы. Эти ионы летят, воспринимаются нервной системой другого существа, и... вот вам и радиосообщение!» (т. е. периодичность процессов и аэроионы).

Химическими процессами нервных проводящих путей, мозга, центров чувствительных органов и частей тела занимался и Б. Б. Кажинский.

В. Л. Дуров в книге назван Дуговым. Но отдельные его черты несёт и Штирнер. Например, умение передавать зверям свои мысли посредством внушения, конструкция приборов и механизмов

для достижения этих целей. А известный дрессировщик, как известно, неоднократно наблюдал у животных способность понимать мысли человека на расстоянии, конструировал с помощью своих помощников приборы и механизмы для этого. Он добился того, что животное на большом удалении воспринимало его мысленную передачу.

Аппарат для передачи мыслей на расстоянии в общих чертах повторяет приборы для фиксации кривых сна, описанные Л. Л. Васильевым и А. Л. Чижевским [3].

Версию того, что черты Штирнера были у Чижевского и Дурова, ранее не сообщалось.

Чижевский стремился познакомить научные круги Москвы со своими исследованиями по аэроионификации и солнечно-земным связям через «Уголок Дурова».

Исследования А. Л. Чижевского по гелиобиологии

На заседаниях Учёного совета [5] А. Л. Чижевский поднимал проблемы по гелиобиологии:

- в рефератах (№ 198 от 19.11.1926 г., № 225 от 9.04, № 229 от 11.06.1927 г., № 264 от 06.06.1928 г., № 316 от 26.10.1929 г).
- докладах (№№ 176 и 177 от 19 и 26.03.1925 г., № 202 от 10.12.1926 г., № 221 от 19.03.1927 г., № 229 от 11.06.1927 г., № 244 от 08.12.1927 г., № 253 от 20.02.1928 г., № 287 от 04.01.1929 г., № 289 от 22.01.1929 г., № 291 от 01.02.1929 г., № 321 от 21.12.1929 г., № 323 от 02.01.1930 г., № 325 от 17.01.1930 г.), некоторые хранятся в Архиве Российской Академии наук.

В то время А. Л. Чижевский написал ряд публикаций по вопросам влияния солнцедейтельности на жизнь [19; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34, с. 39–41; 35; 36; 37; 39].

Об идеях А. Л. Чижевского по гелиобиологии и продвижении их в жизнь упоминает философ А. К. Горский в письмах к Н. А. Сетницкому — экономисту, статистику, философу и эстетике, последователю учения Н. Ф. Фёдорова в 1926–1928 гг. [18]. *О письмах мы сообщаем впервые.*

Исследования А. Л. Чижевского по аэроионификации

А. Л. Чижевский с помощью «люстры Чижевского» успешно лечил болезни. В. Л. Дурова интересовали и влияние аэроионов на животных и людей. Он настаивал, чтобы Чижевский продолжал и совершенствовал свои опыты. Мысль о превращении любого помещения в электрокурорт привлекала и академика Леонтовича. Приобрели электрическую аппаратуру для «аэроионоаспиратория». В большом зале лаборатории к потолку подвесили две электроэфлювиальные люстры. Ежедневно измерялось число аэроионов в воздухе. В Уголке лечили слониху Нонну и обезьянку Люлю [1, с. 47; 4]. Ранее считалось, что это было в 1927 г. [6, с. 343]. Однако из протоколов [5] видно, устройство аэроионоаспиратория произошло в феврале 1929 г. Дуров вспоминал, что обезьянку звали Мимус [43]. Из протоколов видно, что обезьянку звали Люлю и она умерла 29.04.1930 г. *Дату начала работы аэроионоаспиратория с электроэфлювиальными люстрами, имя и дату смерти обезьянки мы уточняем.*

На заседаниях Учёного совета [5] А. Л. Чижевский:

- поднимал проблемы по аэроионификации (№ 175 от 11.03.1926 г., № 259 от 31.03.1928 г., № 264 от 06.06.1928 г., № 293 от 17.02.1929 г., № 302 от 26.04.1929, № 308 от 12.06.1929 г., № 316 от 26.10.1929 г., № 327 от 31.01.1930 г., № 330 от 21.02, № 338 от 11.04.1930 г., № 361 от 11.01.1931 г.);
- просил выделить деньги на исследования по аэроионификации (№ 228 от 28.05.1927 г., № 238 от 21.10.1927 г., № 268 от 28.06.1928 г., № 293 от 17.02.1929 г., № 294 от 23.02.1929 г.).

Ранее о выделении денег ничего не было известно, и мы впервые сообщаем об этом.

А. Л. Чижевский написал работы по вопросам аэроионификации [24; 38; 34, с. 42–56; 41; 42].

Наблюдения 1925–1929 гг. над людьми и животными показали, что униполярно ионизированный воздух оказывает определённое воздействие на функцию дыхания. Л. Л. Васильев, проводивший исследования по общему плану работ с А. Л. Чижевским, установил, что в состоянии кислотно-щелочного равновесия обменных процессов организма (покой) и в состоянии нарушения этого равновесия в кислотную сторону (восстановительный период после работы) или

в щелочную (гипервентиляция) лёгкие отрицательные аэроионы закономерно повышают, а лёгкие положительные — понижают интенсивность общего газообмена [1, с. 171].

Работа в Практической лаборатории зоопсихологии оставляла Чижевскому время для теоретических и экспериментальных работ в других местах и по близким проблемам электробиологии. Так, занимаясь статистической обработкой результатов своих исследований, учёный подружился с видными статистиками: Е. Е. Слуцким и С. П. Бобровым.

Практическая лаборатория зоопсихологии Главнауки Наркомпроса, благодаря исключительному вниманию к работам Чижевского, поддержке и доброжелательности, позволила ему всесторонне исследовать биологическое и физиологическое действие аэроионов на животных и экспериментально обосновать один из методов борьбы за здоровье человека [1, с. 47–48].

В 1930-е гг. лаборатория В. Л. Дурова стала тесно сотрудничать с научными исследованиями А. Л. Чижевского; и он, не теряя контактов с ней, с середины 1930 г. приступил к экспериментам в Арженке. Это отразилось в его докладах (№ 369 от 31.03.1931 г., № 372 от 24.04.1931 г., № 403 от 07.04.1932 г., № 426 от 19.04.1933 г.).

Другие исследования А. Л. Чижевского

Учёный вспоминал: «Академик А. В. Леонтович ... решил поставить вопрос о моих работах перед научным мнением мировой общественности, ибо... внутри страны рассчитывать на понимание моих работ было невозможно, несмотря на непосредственное соприкосновение с миром советских учёных того времени... Леонтович написал несколько писем о моих работах заграничным учёным... Кожевников ездил в Наркомпрос РСФСР, лично выступал в комиссии по заграничным командировкам, настаивая ... чтобы я мог получить командировку в Париж и Нью-Йорк, где меня ждали прочесть там курс лекций и провести научно-исследовательскую работу... В Италии в 1927 г. уже появились печатные отклики на мои исследования в области аэроионизации... Французская медицина одной из первых заинтересовалась моими исследованиями... мне были присуждены дипломы члена большинства ... крупных медицинских обществ Франции» [65, с. 345–349].

Именно поэтому в протоколах [5] обсуждаются вопросы о заграничных командировках А. Л. Чижевского (№ 312 от 20.09.1929 г.). Однако по разным причинам это не состоялось.

Денег А. Л. Чижевскому явно не хватало: Уголком Дурова выделялись деньги только на научные эксперименты. Поэтому учёный публикует нехарактерные для него статьи [40; 46; 47; 49; 50; 51; 52; 53; 54]. Практически все вышеназванные статьи хотя и упомянуты в библиографиях учёного, но никогда не рассматривались. Мы это делаем впервые в нашем исследовании.

Дела семейные

Рождение дочери Ирины (08.03.1929 г.) зафиксировано в протоколе как «Административные вопросы» (№ 297 от 16.03.1929 г.). Такие вопросы поднимались на заседаниях только раз, и можно предположить, что учёного поздравляли с её рождением. Возможно, что с этим связано и ходатайство о возбуждении перед Наркомпросом об освобождении о взятии на воинский учёт как научного деятеля [5]. Об этих фактах мы сообщаем впервые.

Вторая жена А. Л. Чижевского — Татьяна Сергеевна Толстая-Перелецкая (1900–1964), работала секретарём у В. Л. Дурова и его дочери Анны Владимировны и была её подругой.

За эти 7 лет произошли и необратимые потери.

08.12.1927 г. Чижевский выступал с докладами. Следующий раз появился через месяц — 12 января 1928 г. Этот месяц он провёл в Калуге около умирающей крёстной матери.

Леонид Васильевич умер через месяц после рождения единственной внучки — 14.04.1929 г. Александр Леонидович уехал в Калугу, и не появлялся на заседаниях с 16.03 по 09.05.1926 г. Только 26.04 было зачитано письмо от А. Л. Чижевского из Калуги, где обещал скоро приехать и закончить работу над аэроионоаспираторием [5].

Эти факты являются дополнением к воспоминаниям учёного.

Выводы

В результате изучения и анализа архивных источников и литературы разного уровня нам удалось:

1. Уточнить сроки работы А. Л. Чижевского в Уголке Дурова (28.05.1924–24.04.1931).
2. Дату начала работы аэроионоаспиратория с электроэффлювиальными люстрами (1929), имя и дату смерти обезьянки (Люлю умерла 29.04.1930 г.).
3. Найти неизвестные ранее публикации и псевдоним А. Л. Чижевского и провести краткий анализ статей.
4. Доказать, что прототипом Штирнера были также А. Л. Чижевский и В. Л. Дуров.
5. Найти неизвестные ранее письма А. К. Горского к Н. А. Сетницкому (1926–1928), в которых упоминается А. Л. Чижевский.
6. Найти, что А. Л. Чижевскому выделялись деньги на научные исследования.
7. Предположить, что сотрудники лаборатории поздравили учёного с рождением дочери.

Список литературы

1. Ягодинский В. Н. Александр Леонидович Чижевский. М.: Наука, 2005.
2. Архив РАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 4.
3. Архив РАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 194.
4. Сайт Уголка Дурова. <http://www.ugolokdurova.ru/>.
5. Архив Уголка Дурова. Протоколы заседаний Практической лаборатории по зоопсихологии.
6. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. М.: Мысль, 1995.
7. Чижов А. Л. Передача мысли на расстояние (мозг — радио-аппарат) // Эхо. 1925. № 20.
8. Чижевский А. Возможна ли непосредственная передача мысли // Хочу все знать. 1928. № 2.
9. Дуров В. Л. Мы и животные // Красная Нива. 1925. № 51.
10. Кажинский Б. Б. Биологическая радиосвязь. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1962.
11. Васильев Л. Л. Внушение на расстоянии. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.
12. Сб. докладов Межрегиональной научной конференции «Проблемы биополя». Ростов Ярославский, 1991.
13. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. http://thelib.ru/books/a_i_subetto/noosfernyy_proryv_rossii_v_budushee_v_xxi_veke-read-15.html
14. Мирзалис И. В. Неразгаданная тайна А. Л. Чижевского // Необъявленный визит. 2003. № 1 (февраль).
15. Горбовский А. А. Тайная власть, незримая сила. М.: Общ-во по изучению тайн и загадок земли, 1991.
16. Беляев А. Властелин мира. Воронеж: Воронежское книж. изд-во, 1959.
17. Ягодинский В. Верить ли предчувствиям. https://dom-knig.com/read_36312-2.
18. Литературный архив Музея национальной письменности. Чешская Республика. Fedoroviana Pragensia. Ф. 142. I.3.27
19. Чижевский А. Л. О влиянии космических причин на деятельность аппаратов связи // Жизнь и техника связи. 1925. № 12. С. 21–30.
20. Чижевский А. Л. Связь с планетами // Связь. 1925. № 18. С. 14–16.
21. Чижевский А. Л. Влияние периодической деятельности Солнца на органический мир // Хочу всё знать. 1925. № 4. С. 155.
22. Чижевский А. Л. Наступает эпоха революций в природе // Огонёк. 1926. № 25. С. 11.
23. Чижевский А. Л. Что такое истерия (По новейшим исследованиям) // Женский журнал. 1926. № 5. С. 9–10.
24. Чижевский А. Л. Солнце, как врач // Женский журнал. 1926. № 3. С. 5–6.
25. Чижевский А. Л. Химия женских настроений // Женский журнал. 1926. № 1. С. 5–6.
26. Чижевский А. Л. Астрология наших дней // Климат и погода. (Л.) — 1927. № 5–6. С. 129.
27. Чижевский А. Л. Солнце и рост деревьев // Крестьянский журнал. 1927. № 3. С. 30.
28. Чижевский А. Л. Солнце // Знание — сила. 1927. № 6. С. 239.
29. Чижевский А. Л. Наше поведение и природа // Знание — сила. 1927. № 7. С. 186–188.
30. Невландт А. Л. Отчего трясётся Земля // Знание — сила. 1926. № 12. С. 321–322, 334.
31. Дельсаль А. Подземное царство и нервы // Красная нива. 1927. № 35.
32. Чижевский А. Л. Модификация нервной возбудимости под влиянием пертурбаций во внешней физико-химической среде. Опыт изучения коллективной психоневрологии // Рус.-нем. мед. журнал. М.–Берлин, 1928. № 8. С. 431–452; № 9. С. 501–518.
33. Чижевский А. Л. О периодичности европейского Typhusescutgens (возвратного тифа) // Рус.-нем. мед. журнал. М. — Берлин, 1928. № 12. С. 685–695.

34. Труды Практической лаборатории по зоопсихологии. Вып. 1. М.: Изд-е практ. лаб. по зоопсих., 1928.
35. *Чижевский А. Л.* Современная астрология // Огонёк. 1928. № 17. С. 10–12.
36. *Чижевский А. Л.* Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М.: ВОВГ, 1930.
37. *Чижевский А. Л.* О соотношении между периодической деятельностью Солнца и эпидемиями холеры и гриппа // Рус.-нем. мед. журнал. М. — Берлин, 1927. № 9. С. 511–539.
38. *Невиандт А.* Воздух — целитель // Женский журнал. 1927. № 5. С. 15.
39. *Чижевский А. Л.* Фактор, способствующий возникновению и распространению массовых психозов // Рус.-нем. мед. журнал. М. — Берлин, 1928. № 3. С. 101–131.
40. *Дельсаль А.* Живые лучи // Красная нива. 1928. № 3. С. 18–19.
41. *Чижевский А. Л.* Лечение лёгочных заболеваний ионизированным воздухом. М., 1930. 36 с. (дат. сент. 1929).
42. *Чижевский А. Л.* О влиянии ионизированного воздуха на восстановление резистентных сил организма вообще и на течение лёгочных заболеваний — в частности // Врачебное дело (Харьков). 1931. № 1–2. С. 37–47.
43. *Дуров В. Л.* Мои звери. М.: Астрель-Аст-Ермак, 2004.
44. *Чижевский А. Л.* В. Л. Дуров // Правда. 1927. 10 апр. № 81 (3613).
45. *Чижевский А. Л.* В. Л. Дуров (50-летний юбилей) // Труд. 1927. 10 апр.
46. *Чижевский А. Л.* Очерк возникновения телеграфии // Связь. 1925. № 15–16. С. 22.
47. *А. Л.* Великий праздник Науки. 200-летний Юбилей Российской Академии Наук // Связь. 1925. № 17. С. 2–3.
48. *Чижевский А. Л.* О массовой научной работе // Связь. 1925. № 22. С. 11–12.
49. *Чижевский А. Л.* Строение вещества // Связь. 1925. № 23–24. С. 20–22.
50. *Алчевский Я.* Техника и организация в домашнем быту (С.-А. Соединённые Штаты) // Женский журнал. 1925. № 4. С. 31.
51. *Невиандт А. Л.* Мосты и транспорт // Техника и жизнь. 1926. № 22. С. 8–10.
52. *Чижевский А. Л.* Безопасность водного транспорта и маяки-автоматы // Техника и жизнь. 1926. № 19. С. 8–9.
53. *Чижевский А. Л.* В лаборатории организма (О деятельности желез внутренней секреции) // Женский журнал. 1928. № 2.
54. *Алчевский Я.* Завоевание атома // Огонёк. 1929. № 11. С. 11 (17.03).
55. *Васильев Л. Л.* Экспериментальные исследования мысленного внушения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962.

ИЗ ИСТОРИИ ДОМА КОРОБОВЫХ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И РАБОТАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—XX в.)

И. В. Маркина,

*главный библиограф отдела краеведения и ОРФ
Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя,
МБУ «Централизованная библиотечная система г. Калуги»*

Начнём с того, что ещё в 1845 г. в письме от 24 ноября Иван Сергеевич Аксаков упоминал дом Коробовых, который находился недалеко от его новой квартиры: «<...> На днях осматривал я дом Тушинского вора, который рядом со мною. Дом этот принадлежит с самого основания своего все одному и тому же семейству — **Коробовым**, некогда богатому купеческому дому, а ныне обедневшим мещанам. Два брата и сестра, старая девушка, вот всё, что осталось. **Недавно умер их отец, 105 лет.** Не знаю, на чём основано уверение, что здесь жил Самозванец и Марина, — хозяева ничего о том не знают и не понимают, что за Самозванец, что за Марина. Живут в двух комнатках, уже переделанных; — остальное все комнаты со сводами, полуразрушенные. Древности большею частью распропали, распроданы или употреблены иным образом, окна переделаны, стены перекрашены, печи переложены. Однако осталось много икон, чёрных,

пречёрных, где ничего нельзя разобрать и в которых я ничего не смыслю. Сохранились женские костюмы бабушки хозяйкиной, которая, вероятно, получила их также по наследству, потому что платья мало изменялись; богатый штофный сарафан с пуговицами, парчевая душегрейка, башмачки или, лучше сказать, какая-то туфли. Богато всё, но грубо, безвкусно <...> Хозяйка нарочно наряжалась для меня в них. Есть также старинные вещи, сундуки, ящики. Хозяйка подарила мне медную чернильницу, песочницу и медный футляр для пера; не знаю, как это старинно, но я все-таки взял это, разумеется, отдарив хозяйку деньгами, и велю эти вещи посеребрить, если не будет дорого. Бумаги (начиная с царя Ивана Васильевича) были все разобраны и рассмотрены в Петербурге, кажется, в Археологической Комиссии <...>». Если же заглянуть в книгу Григория Васильевича Есипова «Тушинский вор» 1863 года издания, то в ней можно увидеть рисунок знаменитого «древняго» дома, который назван «домом воеводы Скотницкаго, что ныне мещанина Коробова», куда калужане поселили «Димитрия» [1].

В № 1–2 журнала «Зодчий» за 1874 год русский архитектор граф Николай Иванович де Рошефор опубликовал весьма примечательную статью «Памятники русскаго гражданскаго зодчества XVII столетия», в которой очень подробно описал дом Коробовых: «В забытом уголку г. Калуги, в глубине двора, без всякаго присмотра дожидает свой век замечательный в архитектурном и историческом отношении памятник каменнаго строительнаго дела XVII столетия—дом, принадлежавший целому поколению купцов Коробовых». Упомянул автор статьи и о той печальной участи, которая постигла дом после смерти его последнего владельца: «**Несколько лет тому назад последний потомок Коробовых был найден в своём доме умершим.** Совершенно уединённая жизнь последняго и его крайняя скупость заставили предположить, что покойный занимался денежными оборотами под заклады. Пока отыскивали наследников, которые очень долго не находились, местная администрация принялась за розыски имущества, котораго на лицо оказалось менее, чем можно было ожидать. С этою целью **в доме подверглось разрушению всё, что только можно было разрушить:** пробиты стены, разломаны все каменные и деревянные полы, сорваны подоконники, разбиты даже печи и т. д. **В настоящее время этому замечательному во всех отношениях дому предстоит весьма печальная будущность: превращение в склады или продажа на слом.**». Что касается знаменитой легенды о жительстве в доме Марины Мнишек, то и о ней было упомянуто: «Народное предание приписывает Марине Мнишек пребывание в этом доме, когда она жила в Калуге с тушинским вором, но, к сожалению, самыя тщательныя изыскания привели меня лишь к открытию документов, не превосходящих конца XVII столетия. Документы эти—свиток писем ходатая Ивашки Головина к Коробову, найденных в доме Коробовых <...> и жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, хранящаяся в калужской городской управе» [2]. На листах 9 и 10 этого же выпуска журнала «Зодчий» были приведены планы нижнего и верхнего этажей, фасады дома Коробовых на момент написания статьи и в перспективе, после его возможной реставрации [3]. В 3-м номере журнала «Зодчий» за 1874 г. Николай Иванович де Рошефор вновь обратился к истории дома. Оказалось, что уже после публикации первой статьи был найден весьма интересный документ, «проливающий немало света на историю этого замечательнаго памятника старины». Имелась в виду «раздельная запись детей и внуков Кирилы Иванова Коробова, составленная в 205 г. (1697 г.), июня 2». В своей заметке автор привёл из этого документа «лишь те места, которыя имеют прямое отношение к занимающей нас постройке «... да брату своему **Ивану** поступилися мы братья и племянники и невеска с сыном по договору меж собою, полюбовна, в перекуп старой отца нашего двор и с дворовою и огородною землёю и с дворовым всяким строением, а на дворе ево Иванове строение—**полаты каменные, жилые** противные промежу сени, из полатных дверей извнутри и из сенных на крыльцо, а с крыльца один сход под крыльцом, проход в погребы, под полатами погребы и кладовые, в полате, вовсех окнах решётки с притворы железными, и в верхних окнах окончены стеклянные и в сенях дверь притворная железная в полатах две печи ценинные и совсем в полатах снутренним строением, да на том же дворе против полат **хоромы о двух жилых,** а против хором клетки **верхние и нижние,** а промеж клетей сени, а сходы в тех хоромах передняя и задние над хоромы и над сеньми и над клетми чердаки под одну кровлю, а в тех хоромах два отхода, а посторону полат стоит во дворе **анбар солёной,** к уличной дороги за дом,

а стороною к брату нашему к Петру к дворовой в меже, в земли к ево Петрову сушилу в стенах перед анбаром свес, в анбаре полати, изнутри на полати всходная лестница а постороне полат на двор въезжие ворота с калиткою, а подругую сторону ворот сушило, а под сушилом погреб дубовой, а против того сушила изба чёрная с присенем, а позади избы конюшня с стойлами, а позади конюшня, сушило о под сушилом конюшня, а подле того сушило и подле хоромнаго заднего сходнаго крыльца на огород ворота, а в огороде яблони в усадьбе, да в огороде ж стоит клеть хлебная с закромы и с полати, а позади той клетки в огороде же сенник, а тот ево Иванов двор с полатами и совсяким хоромным строением в межах дворов и дворовой и огородной земли Колужен посадских людей братьев своих родных, идучи на двор поправую сторону снизу в межах двор брата Максима Кирилова сына Коробова, а в огороде межник в земли старой, я на межи стоит колодезь, а владети ему Ивану с братом своим Максимом тем колодезям вопче и детем, а по другую сторону двора сверху в межах двор брата Петра Кирилова сына Коробова, со дворовой земли межа, от уличной дороги стоит ево Иванова анбар с угла солёной боковою стеною на межи дворовой земли, от того анбара соленаго вдоль по двору, на межи дворовой стоит клеть заднею стеною к ево Петрову сараю, а в огороде как межа Мукасеевскаго идёт и за старой межник назад как придёт...».

Интересно, что в книге «Византийское и русское искусство» Алексей Иванович Некрасов отмечал, что «особенно любопытны в своём смешении западного и русского <...> дома по провинциальным городам, напр. дом Коробова в Калуге» [4].

В 1891 г. Михаил Тимофеевич Преображенский в книге «Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии» тоже описал дом Коробовых, который «уже существовал» в конце XVII столетия, а в «*восемьдесятых годах <...> был возобновлён, отчасти в том же роде, в каком был сделан рисунок реставрации графом де-Рошфор: крыльцо покрыто шатровой четырехскатной крышей и сделана крытая деревянная лестница с двумя рундуками с левой стороны крыльца, при чем первый рундук при входе на лестницу покрыт шатровым верхом; отверстия арок на крыльце остались по прежнему заделанными*». Относительно времени основания данной постройки Преображенский писал: «<...> существует ещё народное предание, будто Марина Мнишек, во время пребывания своего в Калуге с Тушинским самозванцем, занимала дом Коробовых. Не отрицая совершенно этого предания, следует однако заметить, что первыя каменные постройки в Калуге, упоминаемая в древних описях, появились только со второй половины XVII ст. По архитектуре же своей дом относится к концу XVII в. и, быть может, был выстроен К. И. Коробовым незадолго до его смерти» [5]. Чувствуется, что исследователь ещё очень осторожно отзывался о сомнительности знаменитой легенды, которую «не отрицал совершенно».

Иван Данилович Четыркин в статье «Историко-топографическия данныя о Калуге, относящияся к XVII столетию, и о так называемом доме Марины Мнишек», изданной Калужской учёной архивной комиссией в 1897 г., также затронул тему истории знаменитого дома. Он уже высказал «предположение» о том, что именование палат Коробовых «домом Марины Мнишек» не имело под собой документальной основы и возникло «по недоразумению»: «*Из памятников гражданской архитектуры внимание каждого образованнаго посетителя Калуги останавливает бывший дом Коробовых (ныне Калужского дворянства), называемый в Калуге домом Марины Мнишек <...> этот дом мы документально знаем только с конца XVII столетия по «раздельной записи Коробовых*». Стоя на той же научной почве, мы имеем полное право высказать предположение, что дом Коробовых называется домом Марины Мнишек по недоразумению <...> многия главныя события из жизни Лжедмитрия II и Марины Мнишек в Калуге совершаются в крепости (острог), а дом Коробовых находился на значительном разстоянии от городского «острога»: их отделял огромный Березуйский ров <...> Когда Самозванец, говорится в летописи Бера (Бусова тож), прибыл в Лаврентьев монастырь (в 2-х верстах от города), то калужане привели его «в свой город в крепость (острог), в дом воеводы Скотницкаго» <...> Но сомневаясь <...> в почтенной древности дома Коробовых и возводя давность его существования ко второй половине XVII столетия, мы всё-таки должны признать этот дом одним из замечательных памятников древней гражданской архитектуры, сохранившим в своём наружном виде и во внутреннем расположении почти все древния характерныя черты русских построек XVII столетия» [6].

Очень интересное замечание о доме Коробовых сделал Иван Леонтьевич Щеглов в книге «Подвижник слова: новые материалы о Н. В. Гоголе» (глава «Три дня в Калуге») 1909 года издания. В это время в доме уже располагался «Музей Калужской Архивной Комиссии», «ревнителем» которого был «местный археолог и педагог» И. Д. Четыркин, который «настойчиво опровергнул» легенду о пребывании в названном доме Марины Мнишек. И так, Щеглов писал: «Помещение для музея выбрано необыкновенно удачно — старинная каменная палата дома Коробовых — уже сам по себе интересный памятник старинного русского зодчества, и калужское дворянство, пожертвовавшее дом для музея, поступило наиболее благороднейшим образом (и как же иначе и могло поступить дворянство, долженствующее блюсти святую старину!). По народному преданию, в этом доме в 1610 году жила Марина Мнишек, и в народе он известен исключительно под названием «дома Марины Мнишек», не взирая на настойчивое опровержение заведывающего музеем И. Д. Четыркина, старающегося переубедить калужан целым рядом рефератов, что Марина Мнишек жила отнюдь не в доме Коробовых, а где-то в другом месте <...> Бедные калужане! Жили они и верили, что в их родном городе находится дом Марины Мнишек, и, за отсутствием других почтенных древностей, гордились этой единственной диковиной. Но вот пришёл злодей-археолог, порылся в летописи Мартина Бера и объявил калужанам, что предание о доме Марины Мнишек «плод неумеренной народной фантазии, препятствующей проверке научных данных» <...> Бедная народная фантазия!.. Пока что, калужские извозчики и слышать не хотят ни о каких научных данных. Если скажешь извозчику: «В Калужский музей!» — лицо его потемнеет и выразит недоумение. А скажешь наоборот. «В дом Марины Мнишек!» — лицо просветлеет, и его сивая лошадка побежит охотнее и быстрее». В книге Шамуриных начала XX в. «Калуга. Тверь. Тула. Торжок» о доме Коробовых тоже сказано, что он «до сих пор ещё <...> слышит среди калужан дворцом Марины...» [7].

Дмитрий Иванович Малинин в начале XX столетия писал про дом Коробовых следующее: «<...> Дом имел запущенный вид. Он перешёл в собственность жены военного министра Е. В. Сухозанет и в 80-х гг. XIX в. возобновлён. Е. В. Сухозанет подарила его дворянству, которому он принадлежит и ныне» [8].

В книге Генриетты Михайловны Морозовой «Прогулки по старой Калуге» 1993 года издания тоже упоминается дом Коробовых: «К 1870 году, когда умер последний владелец дома Коробов, знаменитые палаты, которые уже в начале XIX века были внесены в список редких памятников старины, пришли в ветхое состояние. За долгую свою жизнь дом оброс многими легендами. Одна из легенд связывала его с историей смутного времени. В литературе его многие годы называли «Домом Марины Мнишек», пока краеведы И. Д. Четыркин и Д. И. Малинин, а ещё раньше — Н. А. Гильтебрандт, не опровергли эту версию <...> В 70-е годы дом приобрела вдова военного министра Е. В. Сухозанет и хотела подарить его городу с условием, что он будет использован для культурных целей. Предполагалось устроить в нём городскую публичную библиотеку» [9].

В Государственном архиве Калужской области есть «Крепостная книга Калужского нотариального архива по городу Калуге на 1887 год», в которой имеется запись от 22 декабря о том, что в контору (находилась во 2-й части, 2-м квартале, в доме № 402) к калужскому нотариусу Ивану Егоровичу Смыкову «явились» вдова генерала-адъютанта генерала от артиллерии Евдокия Владимировна Сухозанет, проживавшая в городе Калуге в 1-й части, 1-м квартале, собственном доме, и калужский губернский предводитель дворянства действительный статский советник Николай Семёнович Яновский, который тоже жил в городе Калуге, но во 2-й части, 2-м квартале, в доме Титовой (ныне это дом № 9 по улице Воскресенской). Свидетелями были: калужские мещане Иван Иванович Горбунов (жил в городе Калуге, в 1-й части, 1-м квартале, в доме Медынцева), Сергей Егорович Ганьшин (жил в городе Калуге, в 1-й части, 2-м квартале, в доме Свечниковых) и лихвинский мещанин Пётр Михайлович Пронин (жил в городе Калуге, в 1-й части, 1-м квартале, в доме Незнанова). Евдокия Владимировна Сухозанет подарила на благотворительные цели дворянству Калужской губернии в лице его предводителя, Николая Семёновича Яновского, собственный «свободный от всякого залога и запрещений», никому не проданный и нигде не застрахованный дом со строениями и землёй, доставшийся ей от калужской мещанки Прасковьи Ивановны Федосеевой по купчей крепости, совершённой

калужским нотариусом Смыковым 28 ноября 1878 г. и подтверждённой старшим нотариусом 13 ноября 1878 года. Дом этот «со всяким при нём строением и землёй» «состоял» в городе Калуге, в 1-й части, 3-м квартале под № 128. Площадь земли под усадьбой: а) «где находится дом и постройки» по улице—21 сажень (1 сажень—2,13 м), по правой боковой линии—36 сажень, по левой—33 сажени, 1 аршин; по задней—21 ½ сажень в смежности с домами Соколовой и Алябьевой и б) пустопорожней, что напротив дома через дорогу в смежности с владением Решетникова и бывшим Золотарёва, а ныне—Кологривовой, по улице—18 сажень, 2 аршина; в заднем конце—19 сажень, с правой боковой линии—17 сажень, по левой—14 сажень, 1 аршин. Усадьбу оценили в 1 000 рублей. Акт дарения был совершён калужским нотариусом Смыковым, утверждён калужским старшим нотариусом 10 января 1887 года [10].

Итак, получается, что принадлежавший с момента своего основания одному и тому владельцу («некогда богатому роду», а потом «обедневшим мещанам», семейству Коробовых) дом был построен во второй половине—конце XVII в. Его последний хозяин, И.И. (Иван Иванович?) Коробов, умер в 1870-е гг., после чего дом «подвергся полному разорению» и мог быть превращён в склад или продан на слом; однако 28 ноября 1878 г. его купила у калужской мещанки Прасковьи Ивановны Федосеевой вдова генерала-адъютанта генерала от артиллерии Евдокия Владимировна Сухозанет. В 1880-е гг. дом «возобновили» (вероятно на средства хозяйки) «отчасти» по рисунку архитектора Николая Ивановича де Рошефора. 22 декабря 1887 г. Е. В. Сухозанет подарила его на «благотворительные цели» дворянству Калужской губернии, которое хотело устроить в нём публичную библиотеку, но открыло Музей калужской архивной комиссии. И всё-таки легенда о пребывании в доме Коробовых Марины Мнишек ещё долго продолжала тревожить умы калужан.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 [Текст] / И. С. Аксаков; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. Москва: Наука, 1988. С. 292–294; Есинов Г. В. Тушинский вор [Электронный ресурс]: (окончание): с рисунком древнего дома мещанина Коробова в Калуге / сост. Г. В. Есиповым. М.: А. Мартынов, 1863. С. 18–19. (Русские достопамятности; Вып. 10) // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004965204#?page=4> (дата обращения: 03.04.2019).
2. Граф де Рошефор. Памятники русского гражданского зодчества XVII столетия [Электронный ресурс] / Граф де Рошефор // Зодчий, архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургским обществом архитекторов. 1874. № 1–2. С. 5–6. // Библиотека: книги по архитектуре и строительству [Официальный сайт]. URL: <http://books.totalarch.com/magazines/architect/1874> (дата обращения: 09.11.2018).
3. То же. Л. 9–10 // Библиотека: книги по архитектуре и строительству [Официальный сайт]. URL: <http://books.totalarch.com/magazines/architect/1874> (дата обращения: 09.11.2018).
4. Граф де Рошефор. Ещё о доме Коробовых в Калуге [Электронный ресурс] / Граф де Рошефор // Зодчий, архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургским обществом архитекторов. 1874. № 3. С. 27 // Библиотека: книги по архитектуре и строительству [Официальный сайт]. URL: <http://books.totalarch.com/magazines/architect/1874> (дата обращения: 09.11.2018); Некрасов А. И. Византийское и русское искусство [Электронный ресурс] / А. И. Некрасов. Москва, 1924. С. 139 // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005475290#?page=140> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии [Электронный ресурс]: Опыт исслед. древ. зодчества по губ. акад. архитектуры М. Т. Преображенского. Санкт-Петербург: Акад. художеств, 1891. С. 80–82 // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003660750?login=1#?page=94> (дата обращения: 09.11.2018).
6. Четыркин И. Историко-топографические данные о Калуге, относящиеся к XVII столетию, и о так называемом доме Марины Мнишек [Электронный ресурс] / И. Четыркин // Известия Калужской учёной архивной комиссии / Под ред. И. Д. Четыркина. Калуга: Калуж. учёная архив. комиссия, 1891–1914. № 5. 1897 (Тип. Губ. правления). С. 11–17. // Государственная публичная историческая библиотека [Официальный сайт] 1863–2018. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13500-5-1897#mode/inspect/page/17/zoom/4> (дата обращения: 09.11.2018).

7. *Шамурин Ю.* Калуга. Тверь. Тула. Торжок [Электронный ресурс] / Ю. и З. Шамурины. Издание Т-ва Образование. С. 9. (Культурные сокровища России; 7) // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004486207#?page=11> (дата обращения: 03.04.2019); Щеглов И. Л. Подвижник слова: Новые материалы о Н. В. Гоголе [Электронный ресурс] / Иван Щеглов. — Санкт-Петербург: «Мир» В. Л. Богушевского, 1909. С. 35–39 // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2018. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003764368?login=1#?page=22> (дата обращения: 11.11.2018).
8. *Малинин Д. И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии [Текст] / Д. И. Малинин. Калуга: Золотая аллея, 2004. С. 104–105.
9. *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге [Текст] / Г. М. Морозова. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 76.
10. Крепостная книга Калужского Нотариального Архива по городу Калуге на 1887 год // Государственный архив Калужской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 3об.–4об.

ЕДА КАК МЕДИАТОР КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О. ШИЛОВОЙ

*А. С. Кирпиченкова, корректор,
Контрольно-счётная палата Калужской области*

Еда — связующее звено между человеком и природой, она является источником энергии и жизни. Люди прошлых лет придавали большое значение тому, что они едят и как: еда могла вылечить, предсказать будущее, принести удачу. В основе древних обрядов и ритуалов всегда была еда, любое действие в своей основе в конечном результате подразумевало добывание пищи. Это не могло не отразиться на деятельности человека, его творческих порывах. Не случайно в литературе так часто встречается образ еды: пословицы и поговорки (Хлеб — всему голова), сказки (скатерть-самобранка, молочные реки, кисельные берега), евангельские сюжеты (притча о пяти хлебах и двух рыбах), романы и поэмы (Харрис Джоан «Ежевичное вино», обеды в Обломовке, ресторан у Грибоедова в «Мастере и Маргарите»). Через отношение героя к тому, что он ест, писатели нередко раскрывали его образ жизни, мироощущение, мировосприятие. Пища становится композиционным приёмом, приобретает определённую смысловую и эмоциональную нагрузку, поэтому мы хотели рассмотреть концепт еды в творчестве О. Шиловой на примере её сборника «Нетерпёж».

Первое стихотворение, в котором наиболее ярко выражен образ еды, — «Такой ништяк внутри». В нём отражён самый первый и примитивный процесс добывания пищи — собирательство, человек ещё неразрывно связан с природой, зависим от её благосклонности.

Лирическая героиня находится в единении с окружающим миром, утром в саду собирает плоды с *деревьев и кустов*, для неё важно состояние здесь и сейчас, когда связь с природой так тесна и осязаема:

не думая — к зиме —
о баночках с вареньем —
горстями — просто так —
без меры и часов —
срываю их, и ем
в саду до объяденья.
(Шилова 2011, 12)

Эта связь становится крепче, когда мы видим её трапезу с животными:

И — от — недалеке
пасущихся коров
размеренно и в такт —
полдня со мной жующих —
объев на бугорке —

спускаюсь в мелкий ров —
 набив кишечный тракт
 клубникою вкуснющей.
 (Шилова 2011, 12)

Сакральный мир героини очень похож на райские кущи, здесь в избытке ягод (*смородина, ирга // и дикая клубника*), отчего пресыщение похоже на отравление — до объяденья. Подобное словоупотребление лишь усиливает читательские ощущения от изобилия еды: пищи так много, что от безмерного её употребления вскоре становится плохо. Однако в отличие от Рая избыток еды ограничен временными промежутками: летним периодом, ягодным сезоном.

И потому — в саду —
 еда на каждый день,
 и в ягодный сезон —
 на луговых пространствах.
 (Шилова 2011, 12)

О быстротечности времени, ограниченном лишь летом, упоминается и в стихотворении «Всё так быстро кончается: лето, клубника, духи...» (Шилова 2011, 66). Клубника символизирует начало лета, его яркую, тёплую, солнечную сторону и вместе с тем скоротечность времени, так как ягодный сезон длится обычно несколько недель. Два образа — лето и клубника — составляют особое семантическое поле, отождествляемое с самой жизнью, и если в первом стихотворении лишь начало (*но лето впереди*), то во втором — предсказуемый конец, с фатальными нотками (*Всё так быстро кончается: лето, клубника, духи...*).

В отличие от лета, которое определяет гармоничные отношения человека и природы, зима разрушает эту связь. В стихотворении «Ягоды боярышника лютою зимой» композиционно можно выделить две части:

XV

Ягоды боярышника лютою зимой —
 Это корм на ветках незнакомым птицам
 С серым опереньем, с грудкою рябой —
 Стайкой прилетевшим к нам кормиться.

Мы летим, наметив точно ту же цель —
 В магазин «продукты», что напротив.
 Я куплю зелёный чай и карамель,
 Чтоб согреться, сидя на работе —

В крохотной, уютной, светлой мастерской,
 С кисточкой, с медовой акварелью,
 С новоиспечённой птичьёю строкой,
 С долгой леденцовой карамелью.

(Шилова 2011, 17)

Первое четверостишие — мир природы (ягоды боярышника — пища для птиц), второе и третье — мир человека, цивилизация, отсюда особая лексика, характеризующая рыночные отношения (магазин «продукты», куплю), и еда, отличающаяся сложностью транспортировки и приготовления (зелёный чай и карамель). В стихотворении «Такой ништяк внутри» пища и процесс её употребления примитивен (*горстями — просто так — // без меры и часов — // срываю их, и ем // в саду, до объяденья*), здесь же зелёный чай требует минимальных навыков готовки (вскипятить воду и заварить чай), карамель и вовсе является творением рук человека и техники, отчего связь с природой слабеет. Раньше межсезонье и лютая зима грозили голодом и другими бедствиями, сегодня же всё необходимое можно купить в магазине, что и делает героиня.

С развитием человеческой истории процесс приготовления пищи становится намного важнее её употребления. Еда приобретает роль социального, культурного, коммуникативного фактора. Так, в стихотворении «Я беру любое слово — наугад» важнее показать продукты, рассказать историю, нежели просто насытиться:

Ведь даже кочан капусты,
или, там — лук для щей —
одно ведь дело — молча почистить —
и совсем другое — рассказать,
как это делается,
продемонстрировать,
пусть даже невидимому —
но — зрителю...

(Шилова 2011, 15)

Еда предстаёт перед читателем как эстетический и культурный объект. Для лирического героя важен диалог (*рассказать, продемонстрировать*), важен намёк на социум (*пусть даже невидимому — // но — зрителю*), даже оставаясь наедине с собой, человеческая часть берёт верх над биологической.

А вот стихотворение «Бейся, бейся, всем законам назло» нам интересно рассмотреть с несколько другой стороны. До этого мы говорили о еде как о связующей нити между человеком и природой, в данном же стихотворении речь пойдёт об аллегорических и символических образах еды, к которым прибегают люди для выражения своих мыслей, чувств, житейского опыта.

IX

Бейся, бейся, всем законам *на*зло
И не утони в молочной кружке.
Сливочным собственноручным маслом
Хлеб халявный, мажь, моя лягушка.

Бейся, бейся, доходи до точки,
И всплывай над явью злополучной.
Продержись на масляном кусочке
И на Божьем хлебушке насущном.

Бейся, помня про «последних», «первых»...
И буксуй царевною в болоте,
Свято чая воскресенья мёртвых
И преображенья своей плоти.

(Шилова 2011, 26)

В основе данного лирического текста лежит всеми известная притча о двух лягушках и горшке с молоком. Людями была отмечена особенность молока, которое при долгом взбивании становится густым и преобразовывается в масло, в эту особенность облекли мораль: побеждает тот, кто не сдаётся, и получили яркий поучительный пример, основанный на житейском опыте и понятный каждому. Молоко и масло в иносказательной, но доступной форме проиллюстрировали то, что известно всем, но не всегда бывает понято правильно.

В стихотворении О. Шиловой помимо этих двух продуктов появляется хлеб, который в православной религии символизирует земную жизнь, благосостояние в этом мире, не случайно в главной молитве христиан «Отче наш» звучат слова: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». О *Божьем хлебушке насущном* упоминает и лирическая героиня, в результате чего хлеб теряет свои физические качества и весь наполняется православной символикой: Христос называл его телом Своим во время Тайной вечери, на Пасху он символизирует Воскресение Господне (последнее четверостишие является аллюзией на это событие). Однако употребление слова *хлебушек*

с уменьшительно-ласкательным суффиксом снижает пафос выражения, делает его менее величественным и приближённым к миру земному.

Намного сложнее определить роль еды в стихотворении «Взаимная инициация», потому что не всегда в качестве пищи выступают съедобные предметы:

творя обряды с ночи до зари
 магических двойных инициаций:
 поэзия нас жрёт, но изнутри —
 попутно подъедая словари —
 нам — в её чреве — ею же питаться,
 (Шилова 2011, 62–63)

Когда мы говорим о еде, то нередко забываем упомянуть, что в «пище» нуждается не только тело, но и душа. В данной строфе Ольга Шилова умело и гармонично закольцовывает пищевую цепочку: слова — поэзия — человек. Подобно тому, как мы «питаемся» поэзией, насыщая своё сердце и душу, поэзия питается нами, нашим состоянием, нашими эмоциями и переживаниями. Строка: *попутно подъедая словари*, лишь подтверждает, что слова — не единственное «блюдо» поэзии, необходимое, но не единственное, важнее слиться с человеком, проникнуть в его нутро (*поэзия нас жрёт, но изнутри*).

В последней строфе появляется образ запретного плода:

Исконных слов употребляя суть,
 и возрастать, и делаться мудрее.
 Душа поэта — посвящений путь
 (а не хотите ль яблочка куснуть?)
 на Мировом плодовом Жизни Древе.
 (Шилова 2011, 62–63)

Образ яблока заключает в себе несколько значений: как плод с Древа Жизни яблоко несёт в себе познание мира, его двух противоборствующих сторон — добра и зла, с другой стороны, само является злом, так как с его помощью Адам и Ева ослушиваются и нарушают запрет Бога, отсюда яблоко — это ещё и очень сильное искушение. Становление поэта — нелёгкий и долгий путь, постепенно возвращая в своей душе поэзию, нужно тонко чувствовать суть вещей, суть слов (*исконных слов употребляя суть*), и, как любой тернистый путь, этот таит в себе много искушений (*а не хотите ль яблочка куснуть?*). Интересно, что и здесь, как в предыдущем стихотворении, слово яблочко употреблено с уменьшительно-ласкательным суффиксом. В противопоставлении с Древом Жизни яблочко намеренно представлено маленькой деталью, а тон, с которым произносится эта фраза, благодаря частице *ль* становится искушающим.

Говорить о поэзии в рамках еды лирическая героиня Ольги Шиловой продолжает и в стихотворении «Слово».

Слово
 Оно — Небесный виноград,
 что косточки роняет в землю,
 и умножается стократ,
 а я всем ста — как Богу внемлю...

Оно — воздушная качель,
 раскачиваемая Музой...
 моя земная канитель,
 рассыпавшийся бисер, бусы...

Оно вливается как луч
 в отверстие темничной дверцы,

и в нём — отлитый светом — ключ —
как в матрице — для входа в сердце...

В его намоченном зерне —
мычит поэзия немая...
Оно проклюнулось во мне,
но это лишь начало мая...

(Шилова 2011, 63–64)

Образ винограда, появляющийся в первой строфе, в православии особо почитаем, он является символом истины, поэтому именно с ним поэтесса сравнивает слово. Виноград здесь, как и яблоко в предыдущем стихотворении, лишился своей материальности, вещественности, перестал быть осязаемым и полностью перешёл в плоскость иносказания, символа. В первую очередь, цепляясь взглядом за такие «продукты», мы думаем о том, что обозначает сей предмет, нежели о том, чем он является на самом деле.

Виноград не просто присутствует в стихотворении, он *косточки роняет в землю, // и умножается стократ*, продолжает существовать во времени и пространстве, каждый раз перерождаясь. Истина, что заключена в слове, также распространяется и прорастает, едва найдя благодатную почву.

В последней же строфе перед нами уже не просто косточка, это намоченное зерно, в котором теплится новая жизнь и имя этой жизни — поэзия. Эта поэзия, пока ещё *немая*, проклюнулась внутри лирической героини, избрав её своей. И если мы рассматриваем данное событие в рамках нашей концепции, то плоды, «выращенные» героиней, вскоре станут пищей для читателей.

Образ еды претерпевает в творчестве О. Шиловой ряд изменений: от материального и предметного к духовному, ирреальному, иносказательному. Кулинарные детали во многом помогают определить характер лирического героя, его восприятие окружающего мира, однако чаще всего они приобретают аллегорические оттенки, что позволяет привнести в произведение новые смысловые элементы.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. 1990.
2. Курбатова Л. В. Метафизика еды // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 7.
3. Шилова О. Нетерпёж. Стихотворения. Калуга: Гриф, 2011.

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ КАЛУЖСКОГО ПОЭТА ВЯЧЕСЛАВА ЩЕТИННИКОВА

А. В. Фролкина,

учитель русского языка и литературы,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 23» г. Калуги

Одним из интересных поэтов Калужского края является Вячеслав Щетинников. Вячеслав Михайлович Щетинников родился 28 сентября 1947 г. в Калуге. Мать поэта умерла в начале семидесятых годов, и отец Вячеслава Щетинникова женился снова. Отношения поэта с «мачехой» были «натянутыми». В середине 1960-х гг. Вячеслав Щетинников поступил в КГПИ им. К. Э. Циолковского, но проучился там всего около года. В 1969 г. поэт стал инвалидом — получил несколько ножевых ранений в область головы и плеч. В 1990 г. Вячеслав Щетинников всё-таки оканчивает Литературный институт им. Горького, куда поступил в конце 1970-х гг. В 1992 г. стал редактором отдела поэзии калужского издательства «Золотая аллея», а до этого успел поработать механиком на швейной фабрике им. Крупской, редактором радиовещания КЗТА, слесарем

Калужского радиолампового завода... Умер Вячеслав Щетинников 6 июня 1995 г.; похоронен на Литвиновском кладбище.

Стоит отметить, что писать стихи Вячеслав Щетинников начал рано. Уже в 1960-х гг. печатался в «Молодом ленинце», «Знамени». Впервые подборка его стихотворений вышла в коллективном сборнике «Молния в сердце» (Тула: Приокское книжное издательство). В 1985 г. вышел первый сборник стихотворений поэта, который назывался «Осень у переправы». Следующий сборник вышел в 1991 г. («Когда душа приговорила»). Вячеслав Щетинников был принят в Союз писателей, но в эти годы статус писателя уже начал своё стремительное падение. Кроме того, стоит сказать, что Вячеслав Щетинников печатался во многих литературных журналах и газетах, а в начале 1990-х гг. вышла большая подборка его стихотворений в «Нашем современнике» [по данным Юрия Холопова].

В 2011 г. член Союза писателей России Юрий Холопов пишет подробную биографию Вячеслава Михайловича Щетинникова. Кроме того, рассказ калужской писательницы Марины Улыбышевой «Забытый поэт» также посвящён Вячеславу Щетинникову.

Нередко Вячеслава Щетинникова сравнивали с Николаем Рубцовым, но калужский поэт не соглашался: считал, что обладает своим, неповторимым, «голосом», а его талант не ниже рубцовского. Но поэтический мир Вячеслава Щетинникова всё-таки обнаруживает нечто общее с рубцовским: превалирование пейзажной лирики, определённая сходность звучания. Это роднит Вячеслава Щетинникова с современным самарским поэтом Михаилом Анищенко, творчество которого также сходно с поэтическим наследием Николая Рубцова.

Как мы уже отметили, большая часть стихотворений Вячеслава Щетинникова посвящена родному краю. В стихотворении «Думы о родине...» поэт признаётся:

А думы —
всё о Родине моей...

И действительно, даже в тех стихотворениях, которые не являются прямыми посвящениями Калуге, мы найдём приметы или упоминания о ней: образ Угры в стихотворении «Закат»; деревни за Окой в стихотворении «Вселенная, галактика, Земля» и в ряде других стихотворений. В цитируемом выше стихотворении поэт говорит и о том, что для него характерна такая же внимательность ко всем деталям родины, которая свойственна только людям, покинувшим её и тоскующим по ней:

Как будто я в далёком далеке
мой отчий край по памяти рисую.
Душа дрожит, как жилка на виске,
как будто память потерять рискую.
Но вижу — рядом хмурится Ока.
Взошла луна и всё вокруг знакомо.
Шумит листва — как ветер — высока,
и радость возвращается — я дома.

Данное стихотворение является программным для поэта. Поэтический мир предстаёт в нём гармоничным, спокойным; лирический герой находится в единении с окружающим миром. В стихотворении также прослеживается мысль о том, что лирический герой принимают свою судьбу, пусть и тяжёлую. Здесь, вероятно, можно усмотреть отсылки к биографии поэта — Вячеслав Щетинников нередко ощущал себя недооценённым. Вот что пишет в своём рассказе «Забытый поэт» Марина Улыбышева о жизни, творчестве и смерти поэта: «Нет, не масоны его отравили. Эти масоны, как и литература, тоже не заметили его существования» [Улыбышева, 2016].

Один из наиболее часто встречающихся в литературе мотивов — мотив памяти. Этот мотив находит отражение и в поэзии Вячеслава Щетинникова. Поэт с сожалением вспоминает давно минувшие дни. Наиболее счастливым временем поэт называет детство. В детстве дожди были тёплыми, дни — «далёкие сиреневые». И вспоминая об этих днях связаны, конечно же, с образом Калуги.

Поэт настолько чутко чувствовал свой родной город, что в своих стихотворениях воспроизводил не только образы современной ему Калуги, но и Калуги исторической. Так, одним из наиболее интересных является стихотворение «Я помню детства тёплые дожди...», названное по первой строчке:

Я помню детства тёплые дожди,
когда послевоенная Калуга,
натужась,
 выходила из нужды,
и птичьим звоном полнилась округа.

В данном стихотворении поэт изображает послевоенную Калугу, которая только начинает «выходить из нужды». И действительно, в хрестоматии «Калужский край», содержащей документы и материалы по истории Калужского края с июня 1941 по октябрь 1977 г., послевоенный период описан так: «Победоносное окончание Великой Отечественной войны открыло новый исторический этап в жизни Советской страны. От решения военных задач предстояло перейти к мирному созидательному труду, залечиванию ран, нанесённых войной <...> Переход к мирному хозяйственному строительству осложнялся огромным ущербом, нанесённым войной и фашистской оккупацией <...> Программой восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны в послевоенный период стал 4-й пятилетний план на 1947–1950 годы, принятый Верховным Советом СССР в марте 1946 года» [Калужский край, 1987, с. 61]. И действительно, население Калуги активно участвовало в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства, повышении культурного уровня развития трудящихся жителей.

В стихотворении Вячеслав Щетинников показывает, что даже природа помогает людям; сами же люди радуются каждому мгновению жизни:

И травы выростали высоко,
и людям
 очень нравилось смеяться.
А я по лужам шлёпал босиком,
когда грозы учился не бояться.

В данном стихотворении возникают образы травы, листы, который характерен для творчества Вячеслава Щетинникова. Этот образ для него символизирует спокойствие, мирную, тихую жизнь, к которой всегда так стремился поэт.

Показанная же в стихотворении непреходящая радость жителей Калуги отражена и в статье А. Никольского в «Знамени» от 10 мая 1945 года: «Невыразима радость. Она переполняет сердце, роднит незнакомых людей друг с другом, зовёт к общению, к песне. В эту ночь нельзя, невозможно спать. В домах один за другим загораются огни. Соседи будят друг друга, передают волнуемую, солнечно-яркую весть: победа! Люди на улицах поздравляют друг друга, обнимают, целуют» [Калужский край, 1987, с. 60]. Такое «волнующее», «солнечно-яркое» настроение перешло из 10 мая и в послевоенную жизнь калужан, что показывает в своём стихотворении Вячеслав Щетинников.

В следующей строфе поэт также говорит о том, как восстанавливалась Калуга; как она «обрасталла» новыми домами, сохраняя при этом и то, что было построено до войны. Можно сказать, что в данной строфе мы видим своеобразную реализацию мотива памяти, характерного для творчества Вячеслава Щетинникова. «Новое» строится рядом со «старым» — они сосуществуют рядом друг с другом. И уж тем более «новое» не заменяет «старое». Любовь и уважение к прошлому, которое является особой ценностью, показывает в своём стихотворении Вячеслав Щетинников, что показано как через образы «старых» домов, так и образ медалей:

Былые дорогие времена —
как скромные отцовские медали!
Уже вставали новые дома
с балконами,
 но старых не ломали.

Более того, само время в стихотворении отождествляется с гордостью за людей, родину, безграничным уважением.

Также в исторических источниках (корреспонденции заместителя председателя Калужского облисполкома П. Тарасова) находим, что одной из задач послевоенного восстановления было повышение культурного и просветительского уровня калужан: «За три года послевоенной пятилетки в области проделана большая работа по восстановлению сети культурно-просветительских учреждений. Восстановлено и построено 26 районных и городских домов культуры, 680 изб-читален и сельских клубов, 152 сельских и городских библиотеки, 4 музея <...> Деятельность культпросветучреждений носит подлинно народный характер, поэтому трудящиеся нашей области не жалеют сил и средств для улучшения их работы» [Калужский край, 1987, с. 76–77]. В стихотворении Вячеслава Щетинникова мы видим образ оркестра, играющего танго, что косвенно может быть свидетельством того, что калужане жили не только рабочей «жизнью» (восстановление Калуги, с которым мы познакомились в предыдущей строфе), но и культурной «жизнью» — радость людей от Победы, возрождающаяся культура, то есть свидетельства вновь наступившего мирного, спокойного времени, находим в следующей строфе стихотворения:

Уже вовсю наявивал оркестр
на танцплощадке в парке над Окою.
И звуки танго,
что неслись окрест,
щемили сердце первою тоскою.

Как мы видим, уже в этой строфе появляется интериоризация — поэт плавно переходит от описания внешних событий, связанных с послевоенным возрождением, к внутреннему состоянию лирического героя. В этой строфе прослеживается характерное для поэзии Вячеслава Щетинникова чувство тоски, которое возникает при реализации мотива памяти. Всё то, что описано в предыдущих строфах, — символы и реалии давно ушедшего, но счастливого, обладающего особой притягательностью времени:

И было несказанно хорошо —
не сказочно, нет,
просто несказанно,
как будто
что-то главное нашёл
в самом себе —
негаданно, неожиданно.

Чувство тоски же появляется не только из-за осознания невозвратности времени, но и из-за того, что современность совсем не похожа на прошлое. А те счастливые дни резко становятся «далёкими», такими, которым не суждено повториться:

Далёкие сиреневые дни!
Я вглядываюсь в нынешние лица,
и сердцу грустно — это не они,
тем —
никогда уже не повториться.

Таким образом, стихотворение «Я помню лета тёплые дожди...» является своего рода короткой поэтической историей калужского послевоенного времени. Свою же собственную историю Вячеслав Щетинников не представлял без поэзии, пусть и как он писал в стихотворении «Всё, что есть на душе...», «Пусть нескладно порой, // Но своими словами». В этом же стихотворении он пишет и о том, что для него важнее всего — звучание слов души:

Пусть потом мне покоиться в вечной тиши,
И забудут меня,
И сотрётся могила,
Но сейчас,
Пока чувствую трепет души,
Об одном лишь молюсь —
Чтоб душа говорила!..

Список литературы

1. Калужский край: Документы и материалы. Книга четвёртая / сост. А. Д. Тарасова. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987.
2. *Улыбышева М.* Забытый поэт // Проза.ру. URL <https://www.proza.ru/2016/06/09/1803> (дата обращения: 19.02.2019).

КАЛУЖСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «ОБЛАКА»

*Е. А. Карачун, студентка филологического факультета,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

В 2018 г. состоялся выход в свет первого выпуска Калужского литературного альманаха «Облака». Издание нового литературного альманаха — это большое событие для культуры Калужского края. Некоторую информацию о калужских писателях, поэтах и их произведениях читатель может найти в интернет-пространстве, но, как правило, эта информация требует перепроверки и теряется среди другой. К тому же существует много авторов, чьё творчество обычно не рассматривается как часть богатого культурного пласта, сформировавшегося в Калужской области. Благодаря первому выпуску «Облаков», не блуждая среди сотен журналов, книг, интернет-публикаций и отчётов литературных конкурсов, можно узнать о выдающихся, но малоизвестных или забытых, талантливых, но ранее не публиковавшихся авторах, перечитать любимые произведения признанных творцов.

Литературные альманахи Калужской области уже не раз привлекали внимание широкой аудитории. Эти издания — пример удачного объединения произведений высокого литературного уровня под одной обложкой. Так, в 2013 г. состоялся выпуск литературно-художественного альманаха «Тарусские страницы XXI век», продолжив историю первых легендарных «Тарусских страниц» 1961 г. Некоторые из имён, попавших во второй выпуск «Тарусских страниц», мы видим и на страницах «Облаков».

«Я – Мастер Облаков, то есть тот, кто придаёт им определённую форму. <...> Найти подходящее облако, эту бесформенную гору водяного пара, — не полдела, и не четверть дела, даже не десятая его часть»¹, — пишет тележурналист Владимир Кормильцев в первом произведении первого раздела «Проза и поэзия». Таким «Мастером Облаков» в прямом и переносном смысле для альманаха стал его редактор-составитель, председатель регионального отделения Союза Российских писателей Александр Васильевич Трунин.

Альманах «Облака» собрал в себя произведения 46 поэтов, писателей, журналистов, краеведов, чья творческая жизнь так или иначе связана с Калужским краем. Объединение большого количества авторов разных литературных направлений позволит получить представление о текущем состоянии развития литературы Калужского края, а структура книги организована таким образом, что читатель, переходя от одной рубрики к другой, получает возможность самостоятельно исследовать культурную жизнь области в различных её проявлениях.

¹ *Кормильцев В. Н.* «Сюжеты облаков» // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Дом, 2018. С. 6.

Первый и самый большой раздел альманаха, как уже упоминалось, называется «Проза и поэзия», и открывает его произведение Владимира Николаевича Кормильцева «Сюжеты облаков», оставляющее впечатление маленького художественного фильма на бумаге. За ним следуют стихотворения под общим названием «Лишь краски на холсте» Владимира Михайловича Обухова, поэта, искусствоведа и художника, чья жизнь уже много лет связана с Калугой. Также в этом разделе мы можем найти произведения известной поэтессы Марины Алексеевны Улыбышевой («Моё синее счастье»), участницы ежегодных российских фестивалей верлибра Натальи Ивановны Никулиной («В окружении ангелов»), повесть Вячеслава Михайловича Некрасова «Любовь моя, цвет зелёный», за которую в 2017 г. автор номинировался на премию «Писатель года».

Цикл Дмитрия Валерьевича Кузнецова «Снежная королева» и стихотворения Юлии Горбачевской «Чудо за чудом» на фоне привычной современной «экспериментальной» поэзии воспринимаются как давно забытая сказка, где каждое слово знакомо и легко ложится на душу. Следом — два рассказа писателя-фантаста Михаила Юрьевича Тырина «Отпуск за храбрость» и «Клиент созрел», в которых трудно определить границу между фантастикой и обратной стороной нашей реальной жизни.

В альманахе представлены стихотворения актёра-кукловода Игоря Красовского и химика-технолога Виктора Чернявского — необычные, заставляющие задуматься и перечитать их снова...

В городе-космонавте
С небольшим притяжением —
Взлетевшим воображением
В невесомости парил...¹

Альманах «Облака» задумывался как периодическое издание, которое объединило бы писателей и поэтов с разным опытом, направлением творчества, и уже первый раздел — «Поэзия и проза» — подтверждает, что это удалось осуществить. В него наряду с произведениями таких известных авторов, как Александр Васильевич Трунин, Галина Ивановна Ушакова, Ольга Васильевна Шилова, Юрий Васильевич Убогий, знакомых читателю по многим литературным сборникам, книгам и журналам, вошли стихотворения писателя и журналиста Максима Александровича Васюнова, дебютный сборник которого вышел лишь через несколько месяцев после издания данного альманаха. За иносказательно-прямолинейными стихотворениями Петра Евгеньевича Топоркова следуют пронзительные рассказы Ольги Петровны Ключиной, рядом с лирической поэзией Эльвиры Николаевны Частиковой — немного печальная проза Натальи Владимировны Торбенковой.

В раздел «Проза и поэзия» попали также некоторые произведения краеведа, журналиста, прозаика и поэта Юрия Васильевича Холопова — «С вами жизнь моя», стихотворения Павла Сергеевича Тришкина под общим названием «Сквозь оттаявшую тишину», поэзия Маргариты Витальевны Бендрышевой и Людмилы Николаевны Филатовой. Завершается, но только «почти», раздел повестью «Завтрак на траве» Александра Константиновича Ларина. «Почти» — потому что после следует небольшой подраздел «Поэтическая панорама».

Панорама — «вид с высоты» — в данном случае «облачной», знакомит читателя со стихотворениями Инны Тепловой, Виктора Канаева, Натальи Головатюк, Владимира Кормильцева, Александра Зорькина, Виктора Лареева, Светланы Соколовой...

Мир, что зеркален и хрустален,
И что незримо состоит
Из сотен судеб, чувств, желаний,
Мечтаний и воспоминаний...
Всё это дом в себе хранит,
И он стоит, и знать не знает,
Что целый мир в себя вмещает...²

¹ Чернявский В. «Я стаптывал серый асфальт...» // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 59.

² Кормильцев В. Н. «Как беззащитен дом ночной...» // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 191.

Завершается раздел «Проза и поэзия» повестью «Рояль» Александра Киселёва. Произведение построено в непривычной форме — в виде задачи, где основной сюжет разворачивается в «действиях» её решения.

Второй раздел альманаха «Пушкинский праздник» знакомит нас с творчеством Андрея Юрьевича Коровина, поэта, чьи стихотворения переведены на десять языков, руководителя Международного проекта «Волошинский сентябрь» и других культурных проектов. В 2017 г. он впервые посетил Пушкинский праздник. Калужский край поистине может гордиться этой культурной традицией, начало которой было положено более сорока лет назад на территории бывшего родового имения Гончаровых. Каждый год там собираются поэты, писатели, краеведы, пушкинисты со всей России. В альманахе представлено несколько стихотворений Андрея Юрьевича Коровина о Пушкине.

«Литературный космодром» — так называется следующий раздел альманаха, а также проект 2018 г., призванный поддержать творческую молодёжь, выявить талантливых авторов и познакомить с ними читателя. С этого космодрома в «Облака» успешно состоялся полёт четырёх авторов: Анны Пашковец, Евгении Шабасовой, Софьи Семиной и Дмитрия Горенского. Раздел завершается «письмом» Дмитрия Горенского под названием «Nihil novi», автор призывает задуматься, возможен ли «большой и смелый разговор о поэзии, преемственный и не глухой»¹. Каким бы ни был ответ на него, четвёртый раздел альманаха помогает «встретиться без страха» для этого разговора.

Важным и необходимым представляется следующий, возможно, немного грустный раздел — «Литература и судьба». Мысленно его можно разделить на три части.

Первая часть, подготовленная Юрием Васильевичем Холоповым и Александром Васильевичем Труниным, повествует о трёх поэтах, которых, к сожалению, уже нет с нами — это Алексей Петрович Золотин, Михаил Всеволодович Анищенко и Вячеслав Михайлович Щетинников. На страницах альманаха не просто вырванные из контекста строки их стихотворений, но отражение судеб, их самих в воспоминаниях, биографических очерках, посвящённых им произведениях, отрывках вышедших когда-то статей и личной переписке с автором.

А умереть —
так раствориться
в зелёной вечности земной,
как будто заново родиться
и быть всегда самим собой².

Тот, кто не был знаком с этими авторами, почувствует, что лично познакомился с тремя замечательными людьми и выдающимися поэтами, кто знал их — будет рад новой встрече — за облаками времени.

Устав от беспросветной суеты,
Я глянул вверх — как будто бы спросонок —
И увидел там ровный свет звезды,
Зазывный свет среди сплошных потёмок³.

Вторую часть открывают две статьи Марины Алексеевны Улыбышевой: «Страда поэтическая» и «Справка о гениальности». Не случайно они попали в раздел «Литература и судьба», в них чрезвычайно ярко представлена связь между судьбой страны, судьбами людей и, как следствие, судьбой поэзии. От «погоды» в стране меняется отношение человека к «поэтическому

¹ Горенский Д. «Nihil novi» // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Дом, 2018. С. 230.

² Щетинников В. М. «Пусть, как по рельсам, мчатся годы...» // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Дом, 2018. С. 255.

³ Золотин А. П. Ларисе // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Дом, 2018. С. 237.

небосводу», и его собственная судьба часто приводит к желанию подняться на эту высоту (к сожалению, иногда «бесформенным облаком»).

Вячеслав Алексеевич Черников (художник-оформитель, лауреат областной литературной премии им. Валентина Берестова), говоря о жизни Людмилы Георгиевны Киселёвой и её новой книге «Испытаниями растём», напоминает, что Слово — слово с большой буквы, сказанное простым человеком, даже необязательно поэтом, — обладает большой силой. Вот где действительно трудно понять, где граница между литературой и судьбой: «Силу слова она ощущает физически, и слово для неё — материально и конкретно»¹, — пишет В. А. Черников. Строительство храма, создание музея народного творчества, картинной галереи, издание книг, организация помощи детям-сиротам... — своей волей и Словом Людмила Георгиевна, несмотря ни на какие трудности, преподносимые судьбой, вносит неоценимый вклад в культурную и духовную судьбу края, и благодаря данному разделу альманаха у нас есть возможность больше узнать об этом.

Третья часть раздела «Литература и судьба» — о Борисе Абрамовиче Слуцком, Константине Георгиевиче Паустовском. Когда-то, в далёком теперь 1961 г., эти имена были напечатаны в известном альманахе «Тарусские страницы», а теперь мы вспоминаем их на страницах нового литературного альманаха Калужского края.

Алексей Мельников, автор статьи о творчестве Бориса Слуцкого, упоминает его стихотворение «На экране — безмолвные лики», и мы узнаём о непростой судьбе этого произведения. В «Тарусских страницах» 1961 г. была напечатана только первая его половина, по политическим соображениям, и лишь спустя двадцать лет увидела свет вторая, более «опасная». Сейчас поэзия не подвергается жёсткой цензуре, уничтожающей и искажающей произведения, существуют все условия для свободного творчества, развития культуры. И, как доказательство этого, в «Облаках» А. Мельников приводит стихотворение «На экране — безмолвные лики» полностью.

Константин Паустовский — великий и всем известный писатель, один из составителей «Литературной Москвы» и «Тарусских страниц», автор, чьи книги издаются сотнями тысяч экземпляров, жил и работал на Калужской земле: «Если море рядом с писателем прошло, Ока навеки рядом осталась...»², — пишет в статье «Мой Паустовский» наш современник Алексей Мельников.

И в завершение раздела необыкновенная судьба Ивана Михайловича Калинина, описанная Татьяной Васильевной Азаровой, автором рассказов о творческих людях. Иван Михайлович Калинин внёс большой вклад в литературу и культуру Калужского края. Несмотря на непростую судьбу, Иван Михайлович нашёл в себе силы и продолжил занятия литературой. Последняя его книга так и называется — «Происки судьбы». И рассказ о нём — как победный гимн творчеству, жизни и судьбе.

Следующий, маленький, но богатый раздел — «Литературоведение», содержит статью Анатолия Петровича Черникова «Обогащение жанра. Художественные искания в автобиографической прозе русского Зарубежья». Данная статья — это интересный и глубокий анализ произведений Ивана Алексеевича Бунина, Бориса Константиновича Зайцева, Ивана Сергеевича Шмелёва в контексте их разлуки с Родиной и православного мировоззрения, «которое в эмиграции воспринималось и как первооснова жизни, и как важнейший способ сохранения национальной идентификации»³.

Архитектура и история Калужского края — важные области культуры, о которых читатели, к сожалению, обычно знают не так уж много. «На Калужской земле» — так называется шестой раздел альманаха, содержащий краеведческий материал. Эссе Андрея Убогого «Городня» позволяет вместе с автором проследить историю этих мест от времён, когда «в Аравии пророк Мухаммед ещё не отправился в Мекку»⁴ до настоящего дня, когда здесь уже слышен «гул самолётных моторов»⁵.

¹ Черников В. А. Реальная жизнь Людмилы Киселёвой // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 265.

² Мельников А. Мой Паустовский // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 270.

³ Черников А. П. Обогащение жанра. Художественные искания в автобиографической прозе русского Зарубежья // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 277.

⁴ Убогий А. Ю. Городня // Облака. Калужский литературный альманах / сост. А. В. Трунин. — Калуга: Ваш Домъ, 2018. С. 285.

⁵ Там же. С. 295.

Вторая часть раздела за авторством Владимира Обухова — превосходное описание «архитектурной судьбы» Калуги, систематизированный материал, основанный на тщательном анализе исторических фактов, эмпирических данных и ранее вышедших публикаций по этой теме. Синтез литературы, истории и архитектуры даёт возможность увидеть видимую и невидимую историю края на страницах литературного сборника.

И напоследок — раздел «Облако смеха». Он включил в себя некоторые из пародий Дмитрия Валерьевича Кузнецова, лауреата областной премии Союза журналистов им. В. Кирюхина и литературной премии им. М. Цветаевой, на творчество Ирины Астаховой — «Ах Астаховский цикл», рассказ Александра Хмелевского «Как ставится пьеса в любительском театре» и необычное интервью прозаика и драматурга Ольги Клюкиной с поэтом Владимиром Обуховым «Ответы-палиндромы».

Подводя итог, можно сказать, что первый Калужский литературный альманах «Облака» — книга-событие. Выход в печать данного альманаха чрезвычайно важен для развития культурной и литературной жизни области. Книга создала хорошую основу для дальнейшей творческой работы калужских поэтов, писателей, журналистов и краеведов. Широкому кругу читателей стали доступны достижения современной литературы Калужского края.

МОТИВ ТИШИНЫ В ЛИРИКЕ А. ТРУНИНА

И. В. Устинова,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Александр Васильевич Трунин, председатель Калужского регионального отделения Союза российских писателей, родился в селе Кольцово Калужской области. Его стихи публиковались в журналах «Волга», «Дружба народов», «Новый мир», «Дети Ра», «Зинзивер», альманахах «Паровоз», «Истоки», «Продолжение», «Под часами», коллективных сборниках «Лёд и пламень», «У четырёх ветров», «Бересклет» и других изданиях. Калужане знают А. В. Трунина и как составителя сборника «Бересклет», альманахов «Синие мосты» и «Облака». В настоящее время, как нам известно, А. В. Трунин — автор двух книг стихов: «Клевер поднебесный» и «Отава августа».

Поэзия Александра Трунина проникнута покоем деревенского уклада, простотой, окрашенной в приглушённые тона природы, «тихой» любовью к родному дому. Не случайно Александра Трунина называют «вестником тишины». Он поэт-созерцатель. О себе говорит: «Мне нравится тишина. Люблю, когда в мире тихо, и в тишине — звон синицы или «еле слышимый льдинок в ведре перезвон», когда достаёшь зимой воду из колодца»¹. Поскольку тишина так или иначе воспроизводится в лирике А. Трунина в качестве повторяющегося элемента, обладающего повышенной значимостью, «семантической насыщенностью» (В. Е. Хализев), в чём мы не раз убеждаемся, читая его лирику, то можно говорить о сложившемся в творчестве поэта мотиве тишины. Помимо данного мотива, в творчестве поэта выделяются такие мотивы, как мотив деревни, мотив воспоминаний, мотив родины и другие. Однако в данной статье нам интересно рассмотреть мотив тишины и то, как он функционирует в художественном мире поэта. Так как «всякий мотив в лирике исключительно тематичен»², то путём интерпретации мотива тишины мы сможем определить, с какими темами он существует в тесной связи. Кроме того, посредством анализа данного мотива попытаемся проникнуть в мировосприятие поэта. В «Литературном энциклопедическом словаре» отмечается, что мотив «более прямо, чем другие компоненты художественной формы, соотносится с миром авторских мыслей и чувств»³.

Начнём с того, что тишина в поэтическом мире А. Трунина содержательна и неоднородна. Поэт ощущает её многогранность и наполненность. Она может менять своё «звучание» и масштабы.

Обычно тишине противопоставляется звук, какой-либо шум, но в лирике А. Трунина дело обстоит иначе. Тишина и звук гармонично сосуществуют. В тех стихотворениях, где поэт погружает нас в дорогое его сердцу пространство родного дома, деревни, детства, тишина словно

вбирает в себя и топот лошадки, и голосок скрипучей двери, и стук синицы в окно. Кстати, образ синицы — один из любимых у поэта. Голосок синицы постоянно присутствует в тишине. В стихотворении «Когда в окно на третьем этаже...» стук синицы в стекло является напоминанием о детстве: «...ведь это та самая синица,/ что прилетала сорок лет назад»⁴. В «Утреннем» голосок синицы едва слышен: «Тихо-тихо синица тенькает/ о своём, поди, обо всём» (128). Синица — своего рода символ детства, тихого времени, когда жизнь лишена всяких хлопот и обид:

Ни к чему ей чужие хлопоты,
холод робости, жар обид,
долгой жизни пустые опыты,
от которых душа болит (128).

Как мы видим, мотив тишины у поэта неразрывно связан с образами прошлого, детства, деревни.

Возвращаясь в родной дом, лирический субъект мгновенно погружается в тёплую атмосферу прошлого (см. стихотворение «Вернуться летом — сладкая морока...»). Здесь и «родного дома лёгкие пороги», и «скрипучей двери тонкий голосок» (26). «И тишины разреженные слоги/ по-прежнему о многом говорят» (26), — для лирического героя тишина является хранилищем чего-то дорогого его сердцу. Поэтому он настолько остро чувствует тишину, что даже распознаёт её «звучание», её ритм («тишины разреженные слоги»).

Тишина существует не только в пределах пространства комнаты, дома. Она может приобретать более глобальные масштабы и выражать возвышенно-философское состояние. В стихотворении «С детства любимое место...» тишина существует как бы в двух пространствах — в комнате и вне комнаты. Удивительно, что тишина сначала сосредоточена исключительно в комнате (место даже конкретизируется — «у окна в пустой комнате»), затем при помощи восприимчивого слуха лирического субъекта отмечается, что она «разбавлена слабым шумом неизвестного происхождения — скорей всего, небесного...» (23). Масштабы тишины расширяются, приобретая чуть ли не вселенский характер. Тишина охватывает словно всё мироздание. Не случайно поэт использует эпитет с повышенной стилистической окраской — «безмолвная» (да ещё с усиливающим наречием «совершенно»). Это придаёт тишине всепоглощающий характер:

А за окном земля,
совершенно безмолвная,
отошедшая в прошлое (23).

Безмолвие здесь выступает как своего рода образ прошлого, ушедшего времени, к которому нередко тянется душа лирического субъекта.

Тишина — обязательный атрибут прошлого, но прошлого, которое не омрачено бедами и заботами. Тогда как наша жизнь в настоящем мелкая и суетная: «О жизнь наша! Бестолочь. Всё как не надо...» (107). Только созерцая идиллическую картину природы, можно ощутить эмоциональный подъём:

Затишье. Раздолье. Улыбка ребёнка.
И можно раздеться, почти как в раю.
И громко смеяться, и плакать негромко,
дурную судьбу вспоминая свою (107).

Здесь не тишина, а «затишье», т. е. временное прекращение всякого рода движения в природе (словно затишье перед грозой). И это неспроста: нужно суметь насладиться райским мгновением сполна, оно мимолётно. А потом человек снова погружается в круговорот «неживой», полной суеты жизни.

Тишина может сопровождать прощание с прошлым (см. стихотворение «Катер»). Лирический субъект жалеет о своей возлюбленной, которую унёс катер:

Не успел я вовремя, не успел.
 Уж не слышно катера. Тишина.
 Только свет по-прежнему мил и бел.
 Если что — простите — моя вина (52).

Согласно М. Н. Эпштейну, тишина «есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту»⁵. Но в этом стихотворении, на наш взгляд, тишина является не только состоянием окружающего мира, а ещё и отражает внутреннее состояние лирического героя: он прощается с возлюбленной без щемящего надрыва, ощущая лишь светлую тоску, грусть.

Однако тишина может связываться не только с образом прошлого, но и с образом настоящего (см. стихотворение «Эти ласточки — Божье творенье воистину...»). В данном стихотворении соотносятся два временных пласта — вчера (прошлое) и сегодня (настоящее). Настоящее, в котором пребывает лирический субъект, спокойно и безмятежно: «Мой сегодняшний день отрешённо сонлив». А недавнее прошлое (вчера) — тщета, гоношение «в добре и во зле».

Получается, что мотив тишины является контрастным по отношению к образу мира суеты и обыденности. В качестве ещё одного примера приведём стихотворение «Рыбак». Рыбак сквозь «город, суету — отраву обыденности» направляется к течению реки, где «ждут его большие рыбы, / и тишина, и плеск волны...» (12) (первая часть стихотворения). Словосочетание «отрава обыденности» резко выделяется в стихотворении (графически это подчёркнуто выделением с двух сторон знаками тире), что ещё более усиливает контраст городской суеты и покоя. Вторая часть представляет собой в некоторой степени идиллическую зарисовку, переносит в мир гармонии. Создаёт ощущение полного созвучия в природе аллитерация на «л» («плеск волны», «ослепительные глыбы», «слоновьи», «плывущие»). Рыбак наблюдает «разговор воды и суши». Тишина сосуществует с плеском волны: намеренно поэт ставит их в один ряд, соединяя союзом «и». Тишина и звучание в понимании поэта представляют особую полноту мира природы.

Тишина в мировидении поэта является основой гармонии природы. Иными словами, мотив тишины определяет меру прекрасного для поэта: прекрасно то, что просто, незатейливо, тихо:

Надо видеть совсем немного:
 сад в окне, за садом дорога,
 поле, рощица, и река —
 чтобы знать, что живёшь пока.

А потом — над дорогой, садом,
 Полем, рощицей и рекой,
 Далеко и почти что рядом —
 Небо, облако, вечный покой (116).

Нужно отметить, что в приведённом стихотворении чувствуется особая мудрость поэта по отношению к жизни, он легко и ненавязчиво размышляет о тонкой грани между жизнью и смертью.

Попыткой показать одновременно близость и отдалённость земного и небесного объясняется использование поэтом двух планов изображения: то, что *на* земле (сад, дорога, поле, рощица, река), и то, что *над* землёй (небо, облако, вечный покой). Исходя из этого, в данном стихотворении тишина предстаёт собой как особое состояние мира, которое обнаруживает ощущение поэтом невидимой грани между небесным и земным.

Таким образом, в лирике А. Трунина мы наблюдаем взаимосвязь мотива тишины с темами родного дома и детства, прошлого и настоящего, мира природы и мира повседневности. Тишина тождественна гармонии — гармонии в окружающем мире и в душе человека. Мотив тишины вскрывает особенность мировосприятия поэта, заключающуюся в предельно тонком чувствовании мира. Поэзия А. Трунина невольно убеждает нас в ценности жизни, значимости каждого её мгновения: сквозь суету и обыденность нередко можно увидеть прекрасное.

Список литературы

- ¹ Петрова Е. Александр Трунин: «Человек я тихий» // Весть [электронный ресурс]. Режим ввода: <http://www.vest-news.ru/article/65038> (дата обращения — 09.03.19).
- ² Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004. С. 23.
- ³ О мотиве см. в работе: Мотив // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- ⁴ Трунин А. Отава августа. М., 2012. С. 51. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁵ Эпштейн М. Н. Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005. № 10 [электронный ресурс]. Режим ввода: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/10/ep12-pr.html> (дата обращения — 09.03.19).

СЛЕДЫ ПОЧИТАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ БОГИНИ МАРЫ НА ВЕРХНЕЙ ОКЕ, ИЛИ НЕОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ ОБ ОБЫЧНОЙ КОЗЯВКЕ

Е. Р. Барбашов,

педагог дополнительного образования,

Тулский областной Центр краеведения, туризма и экскурсий

На протяжении многих веков в г. Белёве происходит ни с чем не сравнимый лов бабочки белой подёнки эфемероптеры, обставленный как своеобразный обряд. Более того, личинку белой подёнки только в районе г. Белёва и его ближайшей округи называют *мараказия*. Это побудило меня серьёзно заняться изучением этого явления.

Все, кто впервые приезжал в г. Белёв лет 30–50 назад, во второй половине июля или начале августа, становились свидетелями необычного и фантастического по красоте «карнавала», проходившего каждый год на р. Оке. С наступлением сумерек река оживает, наполняется гулом человеческих голосов. Сотни людей в приподнятом настроении размещаются на берегах Оки, люди садятся в десятки лодок, на берегах и в лодках в ведрах или баках зажигают костры из промасленной ветоши. Гремят якорные цепи, часть лодок становится на якорь, другие снимаются с якорей. Лодки начинают двигаться вверх и вниз по реке. Освещённая многими десятками огней в лодках река приходит в движение. Потрясающая по красоте картина, которую лучше всего наблюдать с высокого окского берега, занимает несколько километров Оки в черте города.

Люди громко переговариваются друг с другом, одни между лодками, другие между лодками и берегом, везде царит праздничное настроение в ожидании какого-то чуда.

Вдруг кто-то закричал: «*Пошёл, пошёл!*» Этот крик подхватывают то там, то в другом месте. Через несколько минут вся река в черте города превращается в сплошной могучий рёв, сотни мужских глоток что есть сил кричат: «*Пошёл, пошёл!*»

С высокого берега Оки видно, как в начале тёплой летней ночи вдруг начинает идти снег, потом метель, она всё усиливается. В какой-то момент заряды снега становятся столь сильными, что тушат в лодках огни, облепляют людей, лодки.

Вот так начинается массовый вылет и лов бабочки подёнки, а по местному *кистень*. Накричавшись в первые минуты её лёта, отдав дань многовековой традиции, людские крики стихают. В это время по всей реке слышен шорох, который то стихает, то усиливается вновь. Это шуршат миллионы, нет миллиарды, а может, ещё больше крыльев белых бабочек подёнок, которые размером около 2 см; разве можно сосчитать снежинки в метели? *Пошёл кистень!*

Обряд «*массового мужского оранья во всё горло*» здесь также архаичен, как и название личинки подёнки мараказии. Подёнку ловят обязательно с помощью любого огня, так как именно на свет эта бабочка летит. Здесь перед нами извечная борьба света и тьмы, тепла и холода, огня и воды. Мощные мужские крики *пошёл, пошёл* одновременно заявляют всем, что полетел кистень; вместе с тем этими криками прогоняют зиму, метафорой которой является вылет подёнки в виде метели. Перед нами метафорическое переосмысление раскатов первого весеннего грома — Перуна, прогоняющего зиму — Мару.

Этот обряд похож на обряд «закликания весны», проходивший в полесских деревнях северной части Белёвского уезда и в западной части Лихвинского уезда; здесь также с Красных горок женщины прогоняли зиму криками «пошла, пошла вон» (Оськина Прасковья Ивановна, 1930 г.р., д. Староселье; Скирдков Иван Петрович, 1938 г.р., д. Кунилово).

Местное название бабочки подёнки «кистень» происходит от существительного *кисть* — «тучок, связка чего-либо» [1]. Едва вылетев наружу, подёнка сразу начинает линять и её старая «рубашка» зачастую не успевает с неё слезть и остаётся на хвосте, бабочка так и летает с ней. К туловищу бабочки прикреплены две кисти жёлтых яиц, которые она откладывает в воду. За эти интересные особенности и прозвали данный вид подёнки в Белёвском крае кистенём. Подёнка на Верхней Волге и большей части Среднего и Нижнего течения Оки называется *метелица*, так как её вылет напоминает метель.

Латинское название белой подёнки *Ephemeroptera* — *эфмероптера*, от греческого *эфмеро* — «однодневный» и *птеро* — «крыло». Название бабочка подёнка получила за то, что живёт не более одного дня, а зачастую всего несколько часов. Личинки подёнок эфемер имеют белый цвет, они очень нежные и хрупкие, питаются растительными остатками, живут осёдло в плотном иле крупных рек, и их личиночная стадия длится 2 года [2].

Мараказия — сложное слово, имеющее двухкорневую основу: *мара* — богиня смерти у славян, а также богиня зимы и зимних вод, и *ка(о)з (казия)* — сокращённое от *козявки*, имеющее общую смысловую нагрузку как *козявка Мары*.

Жёлтая подёнка называется *потамантус (Potamanthus luteus)*, от *потаман* — *река*. Личинки жёлтой подёнки живут во многих больших и малых реках под камнями, имеют хитиновый покров и в отличие от личинок эфемер свободно передвигаются по дну рек [3]. У нас они называются просто — *козявка*. У белёвских рыбаков жёлтый кистень малопопулярен из-за своей малочисленности, и его вылет не столь заметен, как белого кистеня. Зато личинка жёлтого кистеня пользуется большой популярностью у местных рыбаков.

В 20 км ниже по Оке от Белёва, начиная от белёвского села Николо-Гастунь и вниз по Оке, название мараказия уже не встречается, хотя название бабочки — кистень — здесь присутствует. От с. Николо-Гастунь и вниз по Оке до г. Калуги название личинки подёнки известно только в форме *бабка*. Автор лично разговаривал с рыбаками на Оке в районе сёл: Кипеть, Доброе, Гремячево, Корекозево, Андреевское, и они подтвердили, что личинка подёнки называется здесь *бабка*. От Калуги и вниз по Оке до границы с Московской областью название личинки подёнки также известно как *бабка* (информация сотрудника Калужского объединённого музея-заповедника Бориса Вячеславовича Грудинкина).

На 50 км выше по Оке от г. Белёва до устья Исты, т. е. в пределах Белёвского течения Оки, подёнку называют кистенём, а её личинку мараказией, здесь всё как в Белёве (Звонарёв Александр Петрович, 1955 г.р., д. Федящево, потомственный рыбак). Однако выше устья р. Зуши по Оке (и на самой Зуше до г. Мценска) белая подёнка называется *метелица*, а её личинка — козявка метелицы (Поликарпов Сергей Иванович, 1925 г.р., с. Городище (Домагощ) Болховский р-н; Маркин Дмитрий Иванович, 1939 г.р., с. Тшлыково Чёрнский рон). В районе г. Орла белая подёнка называется *метелица*, а её личинка — *козявка метелицы*. На р. Орлик, за пределами г. Орла, личинку подёнки называют *бабка* (информация сотрудников Орловского краеведческого музея).

На самой Зуше, между городами Новосиль и Мценск, личинка *метелицы* называется *рагатик* (автор лично опрашивал рыбаков в этом месте, в сёлах Вяжи, Задушное, Одино́к, Кручь, Лыково). Здесь очень интересно то, что у древних балтов ведьма и колдунья назывались *Рагана (Ragana)*. Рагана — от *regeti* (лит.) — «видеть»; это слово по смыслу сродни русскому слову «ведать» [4]. В названии личинки рагатик топонимический формант *-ик* является уменьшительным и, наиболее вероятно, может являться наследием дославянского населения — древних балтов. Название личинки в данной форме имеет смысловую нагрузку — *козявка Раганы*. Здесь прямая аналогия со славянскими Марой и *мараказией*, а также Бабой-Мокошью и *бабкой*.

Название личинки белой подёнки, фиксируемое в целом почти по всей Европейской части России в форме *бабка*, связано со славянской богиней Бабой — Мокошью, славянской богиней воды.

Целым рядом своих атрибутов Мокошь отождествляется с Бабой-Ягой и бабой вообще, в частности в тех мотивах, которые искони присущи женщинам (тканьё — пряденье — вода) [5]. В данной форме это название имеет смысловую нагрузку как козьявка Бабы — бабка, здесь *-ка* является славянским уменьшительным топоформантом.

В Белёвской топонимии нет вообще упоминания Мокоши, ни на сакральном уровне, ни в каком другом. Это говорит о глубокой сакрализации имени этой богини и её длительном почитании как богини воды и как Матери-Сырой-Земли. У нас имя Мокоши не используется и как отрицательный женский персонаж, что тоже очень важно. Во всех топонимах, в которых должна быть Мокошь, на Белёвской земле она заменена Бабой.

Объединяет все эти три разных формы названий одной козьявки её принадлежность к хтоническим божествам и низшим божествам воды. В данном случае Мокошь является только богиней воды и никем больше.

На рассматриваемой нами белёвской территории сохранился другой обряд, связанный с почитанием богини Мары. На самом севере Белёвского района, на границе с Козельским районом, находится культовая роща Андрюхин лес, в котором есть поляна *Игрищи*, на которой проводились Купальские праздники. Северная окраина Андрюхина леса называется *Маринкин лес*. Урочище Игрищи представляет собой широкий и пологий мыс на р. Городёнке, в устье ручья Сённый.

Русским этнографом Михаилом Михайловичем Забылиным во второй половине XIX в. в Лихвинском уезде был зафиксирован уникальный обряд, который назывался *маргостье*. Суть его заключалась в том, что перед днём Троицы кума к куме ездил верхом на метле, изображая этим ведьму, так как «Мара» — значит ведьма. Распущенные волосы, неподпоясанность и метла — давние знаки принадлежности к антимиру, нижней, смертельной модели мира. Обряд — обряд защиты, но раньше, в язычестве, он делался до восхода солнца, а в христианское время — днём [6].

Крупные отечественные лингвисты В. В. Иванов и В. Н. Топоров, изучая мифы славян, пришли к выводу, что особое внимание в основном мифе отводится мотиву, связывающему Ярилу и Мару (Марию, Огненную Марию). В ряде архаичных обычаев почитание огня (Ярилы (весеннее огненное солнце)) на Купальские праздники сохраняет его связь с водой (Марой). Купались древние славяне в реках и озёрах с 23 июня и до 2 августа — в то время, когда хозяйкой воды была Мокошь. В славянских землях засвидетельствовано потопление в реке персонажа, сходного с Марой. Элемент Марья как название одного из двух главных начал можно связать с Марой, лишь *пережиточно* сохранившийся в некоторых купальских обрядах [8].

Изучая белёвскую вивлиофику удалось установить, что фактически рядом с культовым Андрюхиным лесом находились два древних родовых центра — Скагощ (д. Старосёлье) и Вырск, около них были и их крепости-убежища — Твердь-Скагощ и Твердь-Вырск. Рядом с этими родовыми центрами при феодализации были поставлены князьями их опорные пункты — погосты [9]. В этих погостах при христианизации были поставлены церкви. Во время Смутного времени родовой и волостной центр Скагощ запустел и его деревни отошли в церковное подчинение к Вырскому погосту, без передачи самой территории.

Раннее упоминание в 1630 г.: «*Погост пуст на р. на Выре, на погосте церковной земле: место церковное Покрова Пресвятой Богородицы, да придельное место В. Христова мученика Никиты, да другое же церковное место Святых Жён Мирносиц...*» [10]. Именно Богородица, по мнению первых христиан погоста в Скагощи, должна была победить в этом месте языческую богиню смерти и зимы Мару, а помогать ей должен был Никита Бесогон. Здесь перед нами извечная борьба двух стихий — огня и воды, а ещё христианства с язычеством.

Мара, она же Морена, Марана, — общеславянская богиня смерти, зимы и зимних (холодных) вод. Она, как и Мокошь, была связана с водой. Культ Мары присущ многим индоевропейским народам и переводится из санскрита дословно: *māra* — «смерть».

На Руси Покров являлся, по большому счёту, женским праздником. На Покров (1/14 октября), когда начинали на Руси справлять свадьбы, девушки просили Богородицу даровать им жениха: «*Мать-Покров, покрой мать сырую землю, и меня молодую*». Мать-Земля и Пресвятая Богородица в умах двоеверного народа были тождественны. Кроме этого, в Богородице народ видел

небесную властительницу громов и молний, ей он приписывал власть над грозой, её называли славяне Огненной Марией [11].

Была в Покровском погосте и другая церковь, освящённая во имя Святых Жён Мироносиц. Этот праздник отмечается в третье воскресенье после Пасхи.

Ко гробу воскресшего Христа первой пришла Мария Магдалина. По церковному преданию первой Иисус явился не Магдалине, а своей матери Марии. Затем Мария Магдалина возвращаясь с благовестом к ученикам Христа, встречает ещё одну Марию (Клеопову), а в Евангелии от Марка — Марию Иаковлеву (мать Иакова). Этот праздник на Руси издревле отмечался особо. Родовитые барыни, богатые купчихи, простые крестьянки вели в это время строго благочестивую жизнь и жили в вере. Церковь отмечает этот день как праздник всех женщин — христианок [12].

У южных славян Дева Мария и Мария Магдалина были хранительницами молний [13]. Как мы видим, здесь прямое противопоставление благочестивой жизни женщин и их праздника в честь Мары. Ещё противопоставление Мары-Маринки, отмечаемой в Маринкином лесу, и христианских Марий: Марии Богородицы и Марии Магдалины. Эти две Громовницы и Огненные Марии побеждают зиму и смерть в лице языческой Мары (Марии-Маринки), т.е. опять битва двух стихий — огня и воды (льда). Как мы видим на этих примерах, христианизация в этом уголке Белёвского края проходила весьма напряжённо.

На северной окраине Андрюхина леса, которая называется Маринкин лес, до конца 1950-х гг. проходили обряды, связанные с богиней Марой. На Петров день (12 июля по новому стилю, у нас на него были перенесены купальские обряды. — *Е. Б.*) девушки окрестных деревень надевали платье на дерево черёмуху, которое называли Маринка. Потом каждая из девушек одевала на неё свой венок, после этого они проводили пляски вокруг «Маринки». От Маринкина леса к реке Городёнке полого спускается высокий и узкий мыс — Стрелица, по нему праздничная процессия, срубив черёмуху-Маринку, спускалась к реке, где в Длинном омуте топили «Маринку». В ночь под Петров день собирались в Андрюхином лесу на игрища, здесь гуляли до утра, прыгали через костёр и купались в реке (Прасковья Ивановна Оськина, д. Староселье (Скагощ); Анна Николаевна Сидорова, 1938 г.р., д. Бутырки Козельский район).

Праздник Маргостье проводился в бывшем Лихвинском уезде. Но и часть примыкающего к нему Белёвского и Козельского уездов также отмечала этот праздник. Это деревни Сальково, Староселье, Кунилово, Вырск, Зимницы, Завалихино (П. И. Оськина; А. Н. Сидорова).

Подытоживая сказанное, можно сказать, что, во-первых, массовый вылет подёнки эфемеры очень похож на снежную метель, отсюда её название в ряде областей России — метелица. Белая и нежная личинка подёнки эфемеры также похожа на снег, и именно из этих личинок и появляется «метель». Поэтому и назвали эту личинку по имени богини зимы *мараказия*, ведь именно зима рождает метель. В названии личинки подёнки заключено метафорическое переосмысление зимы и метели и сравнение с ней.

Во-вторых, перед нами архаичное название насекомого, идущее из глубокой древности и распространённое на очень небольшой территории и среди очень узкого контингента — рыбаков, а это уже удивительный факт.

В-третьих, перед нами очевидное доказательство о почитании богини Мары на Верхней Оке среди древних вятичей, в том числе и закрепившееся в названии насекомого, которое играло важную роль в жизни древнего приокского населения, среди которого рыбалка занимала не последнее место.

В-четвёртых, ареал распространения названия личинки подёнки — *мараказия* — укладывается точно в ареал другого феномена — рек Вырок, шести левых притоков Оки, т.е. там, куда Вятко (Вячеслав) привёл свои роды и откуда пошёл распространяться славянский этноним вятичи [15]. В ареале рек Вырок находится и *Маринкин лес*, в котором проходили древние обряды почитания Мары. В этот же, Выровский, ареал входит и территория, на которой был распространён обряд *Маргостье*.

Таким образом, весьма необычное название обычной козявки привело нас к интересным и неожиданным результатам, позволившим заглянуть в древний мир наших далёких предков, живших на этой земле больше тысячи лет назад. Именно личинка мараказия способствовала дальнейшему

поиску других свидетельств почитания славянской богини Мары в Белёвском крае и на соседней территории. В результате этого нами были открыты культовые урочища и рощи — Андрюхин и Маринкин лес. А после изучения древних документов удалось восстановить удивительно интересную историю христианизации этого уголка Белёвской земли, которая проходила совсем не случайно, а именно: была сосредоточена на попытке искоренить в этих двух родовых и волостных центрах почитание Мары и проведение купальских игрищ.

Список литературы

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. II. С. 111.
2. Белая подёнка. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Жёлтая подёнка. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. *Гудзь-Марков А. В.* Духовный мир балтов // Пантеоны богов индоевропейцев и прапантеон. М., 2001. Электронный ресурс: rummuzeum.ru/portal/node/460
5. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 193.
6. *Забьлин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. Репринт. Симферополь, 1992. С. 65.
7. *Юдин А. Ю.* Русская народная культура. Мифология восточных славян (Славяне и славянские языки). С. 6–7. Электронный ресурс: <http://www.volodarmira.narod.ru/lib/64.htm>.
8. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 198, 219, 222, 231–232.
9. Белёвская вивлиофика, издаваемая Н. Елагиным. Собрание древних памятников об истории Белёва и Белёвского уезда в 2 томах. М., 1858. Т. II. Описание Вырского стана; *Барбашов Е. Р.* Топонимический словарь Белёвского района Тульской области. Тула, 2011. С. 270, 262.
10. Белёвская вивлиофика... Т. II. С. 272.
11. *Колесникова В. В.* Праздники Руси православной. М., 1998. С. 203.
12. Там же. С. 203–204.
13. Там же. С. 164–166.
14. *Снегирёв И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. IV. М., 1839. С. 33, 47–50.
15. *Барбашов Е. Р.* К вопросу о локализации первоначального места поселения вятичей на Верхней Оке // Вопросы географии. Актуальные проблемы топонимики. Сборник № 146 / под ред. А. В. Барандеева. М., 2018. С. 74–96.

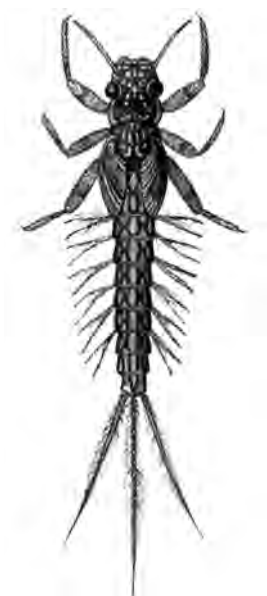
Приложение

Личинка подёнки
эфемеры (мараказия)

Белая подёнка эфемера (кистень)

Личинка жёлтой
подёнки (козявки)

Жёлтая подёнка потамантус (жёлтый кистень)

Андрюхин лес. Место проведения русальских игрищ (на переднем плане).
На заднем плане — Маринкин лес, место почитания богини Мары. Фото 2014 г.

МУЗЕЙ СЕЛА БРЫНЬ, СОБРАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ КОЛЛЕКЦИИ

А. С. Коршунов,

директор музея исторического поселения Брынь

Многообразна и удивительна история нашего государства. Множество городов и территорий, значимых и известных, а сколько ещё мест малоизвестных или просто позабытых!

Переосмыслить прошлое, подать его по-новому, найти и сохранить «изюминки», привлечь как можно больше людей, поделиться с ними своими коллекциями и напомнить о своём существовании — вот какие цели стоят сегодня перед музеями и музейными комплексами.

Хочу представить вам музей исторического поселения Брынь.

Историческое поселение Брынь — бывший город Черниговского княжества. Входил в состав Великого княжества Литовского. Территориально расположен между двух областных центров, Калугой и Брянском, связанных федеральной трассой «Украина». Всё могло бы быть хорошо с точки зрения сохранения исторической памяти, культурного наследия, туризма и развития музейного дела, но, к сожалению, держится сейчас лишь на энтузиазме, что, однако, уже радует и вдохновляет.

В 1146 г. на правом берегу р. Брынь, в окружении древних курганов, черниговскими князьями был основан одноимённый город (ныне с. Брынь Сухиничского района). 15-метровые валы городища привлекают к себе внимание и сегодня. Удивительные дали, которые описывает в своих произведениях М. М. Пришвин, открываются с этой высоты. А когда-то окружённый суровыми Брынскими лесами город, служил защитным укреплением, контролирующим прямоезжую дорогу в Киев. Именно здесь в этих лесах хозяйничал Соловей-разбойник и был повержен и пленён Ильёй Муромцем. Проходя через Брынские леса, нёс православную веру вятичам Кукша Печерский. Узнав о пребывании в Брыни Михаила Черниговского, за князем в Брынь посылали смоленские князья, чтобы встретиться и обсудить совместные действия против войск врага. Но, не выдержав нападения Батыя, город пал и был сожжён дотла, к сожалению, уже как город не возродившись.

В 15 км южнее, на той же трассе М3 «Украина», но уже в Думиничском районе, расположилось богатое старинное село с каменными домами и одноимённым названием Брынь. На карте 1726 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, читаем: с. Толстошеево «Брынь завод». Именно оно и ассоциируется сейчас с названием Брынь, хотя Брынью оно стало благодаря Никите Демидову, купившему село и построившему здесь, на запрудном озере, жилую и промышленную усадьбу. Впоследствии ветвь Н. Н. Демидова прервалась, хотя завод в разных вариантах просуществовал до начала XX в.

Именно на этом заводе, который при Толстых стал ткацким, работал местный «кулибин» Г. Нестеров, который в 1834 г. (на 20 лет раньше, чем в Европе) изобрёл механический ткацкий станок большой ширины.

Брынь и Брынские леса стали убежищем для последователей старой (Брынской) веры и хранителей канонического (восьмиконечного) Брынского креста, что отражено в сочинении Дмитрия Ростовского «Розыск о разбойниках Брынской веры».

Брынская земля известна в том числе и глиняной игрушкой, происходящей родом из деревни Хлуднево, а также одноимённым гончарным промыслом.

История Брыни и окрестностей связана со многими известными фамилиями — Скобелевы, Тургеневы, братья Ляпины, Рябинины, Демидовы, Мальцевы — оставившими значительный след в истории личностями: Никита Демидов, Борис Зайцев, Яков Пятницкий и многие другие.

Как мы видим, есть что сохранять, что показывать и популяризировать.

В 2012 г. начата работа по формированию коллекции и созданию музея исторического поселения «Брынь». Комплекс зданий, построенных около 1870 г. купцом Максимом Ивановичем Пономарёвым, в настоящий момент находится на реконструкции. Проводится комплекс работ по восстановлению архитектурного облика и приспособлению под нужды музея. Параллельно осуществляется сбор материалов и реставрация экспонатов, пополняется коллекция музея. Прорабатываются архивы для уточнения исторических деталей и аккумуляции всех материалов и исследований по данной теме.

В связи с отсутствием денег у государства на создание и содержание музея исторического поселения и сокращением трат на культуру в сельской местности музей и все работы по реставрации

здания и экспонатов, а также пополнение фондов финансируются на пожертвования частных лиц и автора концепции, а сельсовет безвозмездно предоставляет помещение для размещения музея на время реконструкции здания.

Более подробную и развёрнутую информацию о нашей деятельности в рамках Брынь-проекта и музея можно прочитать на сайте музея Брынь.рф. или brunproget.ru

У музея сложилась довольно не плохая коллекция. Для молодого сельского музея практически фантастическая.

Коллекция насчитывает около 1500 экспонатов различной направленности.

1. Коллекция тканей.
2. Коллекция масляной и темперной живописи.
3. Коллекция графики и печатных материалов.
4. Коллекция фотографий.
5. Коллекция скульптуры.
6. Коллекция мебели и деревянных изделий.
7. Коллекция металла.
8. Коллекция книг.

Сохранение и реставрация экспонатов очень сложная и зачастую неподъёмная ноша для маленького сельского музея. И связано в первую очередь это со следующим:

- 1) непонимание ценности экспонатов и низкий уровень ответственных лиц;
- 2) отсутствие постоянного источника финансирования и недостаточность средств.

Реставрация силами студентов:

проведение реставрационных мероприятий по реставрации иконы Семион и Филипп 1745 г.

Авторы Богдановы — Карбатовские. Происхождение — с. Большая Шалга, Каргополье, Архангельская область.

Состояние памятника при поступлении на реставрацию по визуальным наблюдениям:

Основа — щит прямоугольной формы (размеры 97×114×3,5 см), хвойной породы (предположительно сосна), состоящий из четырёх досок, обработанных скобелем по направлению волокон. Доски соединены двумя шпонами находящимися на равном расстоянии от краёв в верхней и нижней части иконы. Доски повело и стыки разошлись, подгнила нижняя сторона. Обратная сторона иконы сильно загрязнена слоем грязи, птичьего помёта и пыли. Справа в углу — круглое отверстие диаметром 1,2 см. В правой верхней части на лицевой стороне виден рисунок — схема расположения головы, рук и складок одежды на иконе. Рисунок вдавленный, выполнен предположительно карандашом. Особенно заметно по нижнему краю изображения отсутствие канта, видимо, икона подгонялась под кривую раму и была упилена.

Ковчег отсутствует.

Паволока грубая, толстая, присутствует частично.

Грунт разной толщины, неравномерный, желтовато-охристого цвета в основной массе, предположительно меловой. В местах наличия сучков, белый, положенный толстым слоем, предположительно гипсовый. Грунт рыхлый, хрупкий, в местах стыка досок и наличия крупных сучков положен на грубую паволоку. По всей поверхности иконы наблюдаются мелкие, вертикальные отставания грунта от основы, идущие по направлению волокон доски. Утраты и шелушения красочного слоя соответствуют утратам грунта или его деструкции. Также на всём личном изображении наблюдается мелкосетчатый кракелюр.

Особенно крупные шелушения наблюдаются вдоль стыка досок иконы. На изображении нмб утраты позолоты и сильные потёртости, многочисленные закрытые вертикальные вздутия по изображению фигур. В правом нижнем углу вздутие с утратой авторского красочного слоя и частичная утрата грунта 3–5 см, весь нижний край был подмочен, вследствие чего шелушится и осыпается по всей длине и высотой около 1–2 см. Многочисленные шелушения на полях фона и изображения. Сеть мелких вертикальных закрытых вздутий по всей иконе. Наблюдаются утраты в местах трещин, на границах досок. По всей поверхности повреждения механического происхождения, многочисленные потёртости, царапины.

Икона написана в технике клеевой темперы. Красочный слой тонкий, прозрачный, света написаны пастозными мазками. Связь с основой неудовлетворительная. По всей поверхности

наблюдаются шелушения красочного слоя с грунтом грунта. Множественные потёртости и царапины по всей поверхности иконы. Утраты красочного слоя повторяют утраты грунта.

Поверхность сильно загрязнена.

Защитное покрытие: Толстый, неравномерный слой олифы, сгрибленный в некоторых местах. Наблюдается потемнение, пожелтение, помутнение. По всей поверхности имеются потёртости, царапины. На фоне многочисленные тёмные пятна, следы голубинового помёта. Общее сильное пылевое загрязнение. По нижнему краю следы микроорганизмов и грибов (белая Каргопольская плесень).

1. Проведение пробных укреплений аварийных участков живописи и грунта

Для пробного укрепления был выбран аварийный участок изображения, находящийся в правой нижней части. Разрушенный грунт на этом участке представлял угрозу дальнейшей осыпи грунта с красочным слоем. При помощи беличьей кисти участок был обработан водно-спиртом раствором 60% концентрации. Через 20–30 минут участок был напитан с кисти тёплым (40–50 °С) 4% антисептированным раствором осетрового клея. После подвядания клея участок был приглажен фторопластовым шпателем. Далее на укрепляемый участок была нанесена профилактическая заклея из папиросной бумаги на 2,5% раствор осетрового клея. После чего участок был просушен тёплым (45 °С) утюжком через фильтровальную бумагу. Через два дня профилактическая заклея удалялась при помощи ватного тампона, смоченного в тёплой воде, поверхность насухо вытиралась.

Участок укреплен. Шелушение красочного слоя и грунта устранено. Так как пробное укрепление дало положительный результат, было выбрано укрепление закрытым способом.

2. Пробное удаление пылевых загрязнений

Участок пробного удаления пылевых загрязнений был выбран на левом поле иконы. Для пробного раскрытия был выбран состав спирт/ дистиллированная вода в соотношении 1/1, наносимый на поверхность красочного слоя при помощи ватного тампона на черенке кисти. Тампон слабо окрашивается в серо-жёлтый цвет загрязнений. И после высыхания участка результата раскрытия практически не было видно.

Для пробного раскрытия был выбран пинен, наносимый на поверхность красочного слоя при помощи ватного тампона на черенке кисти, после высыхания участка результата раскрытия практически не было видно.

Раскрытие велось лёгкими движениями по направлению волокон древесины, а на местах с распылённым красочным слоем в прокатку. Тампон окрашивается в серо-коричневый цвет загрязнений.

Из-за сильного шелушения красочного слоя было решено первоначально провести работы по укреплению.

3. Укрепление всей поверхности красочного слоя и грунта

Укрепляемый участок пропитывался 60% водно-спиртовым раствором этилового спирта при помощи беличьей кисти. Через 20–30 минут участок был напитан с кисти тёплым (40–50 °С) антисептическим 5% раствором осетрового клея с катамином АБ. Пропитывание клеем проводилось три раза, так как его первые слои впитывались в древесину. Каждый слой наносился после окончательного впитывания предыдущего. После того как клей подвядал, вздутия и шелушения красочного слоя приглаживались при помощи фторопластового шпателя. Далее на укрепляемый участок наносилась профилактическая заклея. Для профилактической заклея были нарезаны листочки папиросной бумаги размером 10×13 см. Затем на укрепляемый участок при помощи беличьей кисти № 12 наносился тёплый раствор осетрового клея 2,5% концентрации. Потом этим же раствором осетрового клея смачивалась профилактическая заклея и накладывалась на подготовленный участок иконы. Излишки клея удалялись при помощи ватного тампона, смоченного в тёплой воде. После этого участок был просушен тёплым (45 °С) утюжком через фильтровальную бумагу или фторопластовую плёнку. На высушенную поверхность в местах сильных вздутий и шелушений ставились грузики (небольшие мешочки с песком).

4. Удаление поверхностных загрязнений с тыльной стороны

Поверхностные загрязнения тыльной стороны удалялись механически при помощи скальпеля, щетинной кисти и губки, пропитанной 20% раствором аммиака (нашатырный спирт), и промывались 40% этиловым спиртом. Особое внимание уделялось трещинам и сильно загрязнённой нижней части иконы.

5. Укрепление основы

Икона была разобрана на две составные половины по стыку досок. Торцы каждой доски очищались от пыли и грязи 50% водно-спиртовым раствором. Просушенные поверхности проклеивались 12% антисептированным осетровым клеем. После получения клеевой плёнки на торцевых частях доски склеивались между собой на 20% осетровый клей. В качестве фиксации на щит были установлены струбцины: две поперёк щита и по одной перпендикулярно доске на стык досок с обеих сторон. Струбцины снимались через сутки, после полного высыхания клея.

С целью укрепления центральных досок иконы в местах их соединения были сделаны две дубовые врезки «ласточкин хвост» размером 0,8×4×3,5 см. В месте расхождения досок в боковой торец щита был врезан дубовый шкант длиной— 7 см, толщиной— 0,8 см. При помощи дрели и стамесок были сделаны отверстия под врезки. Поверхность отверстий и врезок проклеивалась 20% антисептированным раствором осетрового клея. Далее при помощи резинового молотка врезки устанавливались на свои места. По верхнему и нижнему торцу врезки не выполнялись.

6. Удаление профилактической заклейки

После завершения укрепления основы иконы через неделю профилактическая заклейка удалялась при помощи ватного тампона, смоченного в тёплой воде, поверхность насухо вытиралась также при помощи ватного тампона.

После удаления профилактической заклейки красочный слой вместе с грунтом укреплены. Шелушение красочного слоя и грунта устранено.

7. Заделывание трещин

Трещины между досками при помощи тонкой кисти пропитывались спиртом, а по прошествии 30 минут 15% осетровым антисептированным клеем. При помощи маленьких шпателей, скальпеля и зонда волокна пеньки уплотнялись в трещинах. Во избежание усадки пенька уплотнялась тонкими слоями с обязательной просушкой каждого последующего слоя.

Выщербины, трещины на оборотной и лицевой сторонах щита пропитывались спиртом с кисти, а через 30 минут— 7% осетровым клеем. После высыхания клея наносилась доделочная масса составом: 15% водный раствор осетрового клея + древесные опилки. Во избежание усадки масса наносилась тонкими слоями с обязательной просушкой 12–24 часа.

8. Пробное раскрытие

Сначала производился подбор растворителей.

Пробное раскрытие проводилось в правой части иконы на изображении поля, синего фона и коричнево-охристого канта. Площадь проб— 1,5×1,5 см.

Подбор растворителей: первоначально был использован раствор этилового спирта. Результат неудовлетворительный: олифная плёнка не размягчалась. Затем был испробован состав этиловый спирт + пинен 1:1. Слой олифы также не размягчается. Далее был использован этилцеллозольв— плёнка слегка утоньшалась. Затем участок пробы был увеличен, и проба выполнена диметилформамидом. Плёнка олифы размягчалась хорошо. После размягчения олифа удалялась тампоном, смоченным в этом составе. Довыборка остатков олифы проводилась растворителем формальгликолем при помощи ватного тампона и заточенного скальпеля. После удаления олифы открылись те же цвета, которые были видны под олифой, только чистые и яркие. Никакого изменения рисунка и записи не выявлено.

9. Удаление потемневшего слоя олифы

Раскрытие проводилось согласно пробе при помощи ватного тампона, смоченного в растворителе диметилформамидом. Довыборка велась растворителем формальгликоль с этилцеллозольвом в пропорции 1:1 при помощи осторожного прокатывания ватного тампона, намотанного

на заточенную деревянную палочку по поверхности. Остатки лака удалялись с помощью остро заточенного глазного скальпеля.

10. Повторное укрепление красочного слоя и грунта

После удаления старого защитного слоя по всей поверхности иконы появились небольшие очаги шелушений и мелкие продольные закрытые вздутия красочного слоя с грунтом на нимбе, одежде и полях, которые прокалывались тонкой иглой. Было решено провести укрепление по всей поверхности иконы открытым способом. Укрепляемый участок пропитывался 60% водно-спиртовым раствором при помощи беличьей кисти. Через 20–30 минут участок был напитан с кисти тёплым (40–50°C) 5% антисептированным раствором осетрового клея с катамином АБ до полного насыщения. После того, как клей подвядал, вздутия и шелушения красочного слоя приглаживались при помощи фторопластового шпателя.

После того как клеевая плёнка полностью высохла, она полностью удалялась при помощи ватного тампона, смоченного в тёплой воде. После удаления клея с поверхности иконы этот участок вытирался насухо ватным тампоном. Затем на участок с шелушениями или вздутиями клались грузики (мешочки с песком) на папиросную бумагу.

11. Подведение реставрационного грунта

Подведение реставрационного грунта производилось в местах утрат авторского грунта. Защищенные участки утрат при помощи тампона, смоченного в этиловом спирте, и скальпеля, пропитывались 5% водным раствором рыбьего клея. После этого подводился реставрационный грунт (мел +8% водный раствор осетрового клея (4:1) + несколько капель натуральной олифы). Грунт наносился при помощи маленького мастихина послойно с целью максимально исключить попадания грунта на авторский красочный слой. Каждый слой просушивался в течение 12 часов. Производится окончательное высыхание в течение 24 часов достаточно нанесённого слоя. После этого левкас выравнивался скальпелем и увлажнённым ватным тампоном в уровень красочного слоя. Затем реставрационные вставки притирались составом акрил фисташковый лак + пинен (1:2).

12. Воцнение оборота щита

Пчелиный воск, подогретый на водяной бане (60–70–80°C), затем в горячий воск малыми порциями вливался скипидар, и всё тщательно перемешивалось. Разбавленный скипидаром воск наносился при помощи широкого щетинного флейца на оборот и торцы щита. Через сутки излишки воска удалялись при помощи марлевого тампона, смоченного в скипидаре.

13. Выполнение тонировок в местах утрат красочного слоя

Тонирование производилось паунтелью в цвет окружающего красочного слоя по направлению волокон основы. Цвет, близкий к авторскому, достигался за счёт чередования оттенков нескольких полупрозрачных слоёв краски. Тонирование проводилось акварельными красками «Ленинград» при помощи колонковых, круглых беличьих и синтетических кистей № 0, 1, 2, 3.

14. Нанесение защитного покрытия

Защитное покрытие наносилось при помощи флейца, широкая мягкая щетинная кисть погружалась в разбавленный пиненом лак, налитый в широкую фарфоровую чашку, излишки снимались с помощью фильтровальной бумаги. Состав: акрил-фисташковый лак + пинен 1:1. Лак наносился на лежащую горизонтально икону быстрыми движениями во взаимно перпендикулярных направлениях. Выравнивание слоя продолжалось до тех пор, пока он не начинал подсыхать, задерживая движение кисти.

Реставрация как волонтерская помощь профессионалов

Хотелось бы выразить особую благодарность сотрудникам центра им. И.Э. Грабаря за многолетнюю помощь в сохранении объектов культурного наследия музея села Брынь. В частности, силами сотрудников отреставрировано несколько десятков графических листов из коллекции музея, несколько живописных холстов и несколько костюмов. В настоящее время, к сожалению, работы приостановлены.

Ещё один наш давнишний друг и волонтер в области профессиональной реставрации, выполнивший работы по многочисленным экспонатам отдела металла, это мастерские ЦНРПМ. Но, к сожалению, вновь приходится констатировать остановку работ в связи со сложившейся ситуацией в мастерских.

Реставрация на собранные пожертвования

Есть примеры выполнения работ за пожертвования. И самое ценное, что работы выполняются качественно, но по цене чуть выше стоимости материала. Это очень выручает нас, так как общественный музей, не имеющий финансирования, может реально набрать пожертвования и что-то отреставрировать. А реставратор в данном случае является тоже жертвователем и соратником по сохранению исторического наследия.

Огромная благодарность сотрудникам ВНИИР за помощь в реставрации архитектурной графики. Работы проводились несколько лет назад, сейчас сотрудничество прекращено по целому ряду причин.

Ещё одна организация, с которой мы сотрудничаем, но в гораздо меньшей мере, это реставрационные архитектурно-художественные мастерские Данилова монастыря. Они оказались профессиональными и отзывчивыми людьми. Есть первый опыт сотрудничества по реставрации стекла и осветительной арматуры. Сейчас идут переговоры по реставрации деревянной скульптуры. Надеемся на длительное и плодотворное сотрудничество.

Считаем, что дорогу осилит идущий к цели. Надеемся сохранить дошедшее до нас, отреставрировать максимально возможное количество объектов культурного наследия с. Брынь, как движимых, так и недвижимых.

Приглашаем всех желающих оказать помощь музею с. Брынь в сохранении и реставрации исторического и культурного наследия, исследованиях и популяризации. Особо рассчитываем на творческие вузы с профильными реставрационными дисциплинами.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛИНЯНОЙ СВИСТУЛЬКИ «ПТИЧКА», БЫТУЮЩЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ В XVI–XX вв.

*Л. И. Фёдорова, заслуженный работник культуры РФ, директор;
В. А. Ткаченко, народный мастер России, заместитель директора;
В. В. Фёдоров, внештатный сотрудник;
Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга*

Птицы — один из самых распространённых образов русского народного искусства, символ доброй, волшебной силы, посланники Солнца, связывающие небо и землю, — пользовались почитанием с древних пор. От их дружеского участия зависела жизнь человека, урожай, благоденствие скота, материальная обеспеченность. М. Е. Шереметева в своей книге «Хлеб и обрядовое печенье в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии», изданной в 1929 г. пишет, что на «Сороки», 9 марта, к обряду закличания весны, в котором принимают участие одни дети, пекут из пресного ржаного или пшеничного теста «жаворонки» (рис. 1). С этими птичками ребята ходят на огороды к сараям или к речке, где кличут весну и птиц. «Жаворонки, жаворонки, / Легите к нам в Кузьменки; / Из-за синева моря / Несите нам здоровья, / Каму кусок, каму кусок, / А мне цельный кузавок, / Каму лошку, каму крошку, / А мне цельную лепёшку». Поиграв

Рис. 1. Птичка из теста «Жаворонок», д. Горки, Перемышльский район Калужская область

Рис. 2. Свистулька «Птичка» с опорной площадкой, пригубник выполняет роль головки птички. Калуга, берег р. Оки. XVI в.

с жаворонками, ребята съедают их. Этот обряд был записан в деревне Кузьменки Перемышльского уезда [1]. Знаменитый исследователь народных традиций Галина Дайн пишет, что пекли птичек из теста в Тамбовской, Рязанской, Курской, Ярославской областях. В каждой местности выпекали их по-разному, а значение обряда везде одно — призывать, «кормить» весну и её крылатых вестников. Ряды частых ямочек и полоски на спинках и крыльях птиц — знаки засеянного поля, знаки борозды [2]. Глиняные свистульки «птичка» мы повсеместно встречаем в Московской, Липецкой, Владимирской, Тверской, Ярославской, Калужской областях. В основном они имеют округлое тулово, без устойчивого основания и слабо выраженную головку. Сотрудниками музея было изучено около 40 экземпляров свистулек «птичка» без опорных ножек из Калуги, Ферзиковского, Козельского, Тарусского, Перемышльского, Медынского районов Калужской области с округлым полым туловом типа «дутьиш» в вариациях — «лежачка» (без опорных ножек), без устойчивого основания, хотя у некоторых экземпляров свистулек встречаются опорные площадки. Более ранние изученные свистульки «птичка» обычно с двумя игровыми отверстиями, позднее начали прокалывать четыре игровые отверстия. Большинство изученных калужских свистулек имеют роспись в виде креста на спинке, боках, иногда груди или в виде ячеистой сетки. На берегу реки Оки, в районе старо-калужской пристани, при земляных работах найдено три свистульки «птичка»: в 1994 г. изучено две свистульки «птичка» с опорной площадкой (рис. 2а, б); в 1995 г. одна — без опорной площадки, но с остатками росписи в виде косоугольного креста на спинке (рис. 3). У всех трёх свистулек тулово с двумя игровыми отверстиями, пригубник приподнят вверх и сформирован не в хвостовой части, а выполняет роль головки птички. Уплотнённый с боков хвост приподнят вверх под углом в 45 градусов в виде вертикального киля и похож на куриный хвост. Бытование

Рис. 4. Свистулька «Птичка», пригубник выполняет роль хвостика птички. Село Подборки, Козельский район, Калужская область. XVI в.

Рис. 5. Свистулька «Птичка» с туловом «малый пузырь», пригубник выполняет роль головки птички. Калуга, ул. Воробьевская. XVI в.

Рис. 6. Свистулька «Птичка» с тонкой шейкой, пригубник выполняет роль хвостика птички. Калуга, берег р. Оки. XVI–XVII вв.

свистулек «птичка» можно отнести к XVI в. Приверженность традиции в глиняных игрушках видна в находках историка П. Милюкова, производившего летом 1899 г. раскопки курганов XII в. под Рязанью. Современники князя Игоря забавлялись глиняными свистульками, «очень напоминающими нынешнего петушка, когда в шейке находится отверстие, в которое дуют [3]. В Подборках Козельского района (рис. 4), Богданове Ферзиковского района, в д. Тихоновке Медынского района мы встречаем свистульки «птичка» с туловом «дутьш», с двумя игровыми отверстиями по бокам, бытовавших в XVI в., но пригубник с пищиком у них находится в хвостике. К этой же категории можно отнести свистульку из Калуги, но с туловом «малый пузырь», обнаруженную в 1994 г. при сносе дома по улице Воробьёвской (рис. 5).

Следующая группа свистулек «птичка» с туловом типа «дутьш» имеет шейку с головкой в виде тонкой колбаски, сформированной в передней части тулова, и приподнятый вверх пригубник. Примером являются найденные в 1988 г. на реке Оке выше переправы свистулька с остатками росписи (рис. 6) и обнаруженная в 1987 г. на улице Воробьёвской с трудно различимыми остатками росписи полосками. Обе имеют по два игровых отверстия. К этой же группе мы можем отнести свистульку, найденную в 1986 г. на ул. Подвойского, с росписью тонкими полосками на спинке в виде сетки с косыми ячейками (рис. 7). Аналогичны две свистульки из сёл Подборки Козельского района, с росписью параллельными полосками, и Титово Ферзиковского района, с росписью красно-коричневым ангобом параллельными полосками на спине и отдельно на боках условное выделение крыльев, но у них по четыре игровых отверстия. Такие свистульки можно отнести к XVI–XVII вв., когда пригубник перешёл уже на хвостик свистульки. В этих же сёлах найдены ещё две подобные свистульки, но с короткими шейками: основу свистульки типа «дутьш» с двумя игровыми отверстиями из села Титово составляет нестандартное тулово, которое отличается от ранее изученных «дутьшей» массивным брюшком (рис. 8). Пригубник направлен вверх под небольшим углом, шейка-колбаска вытянута в виде круглого конуса вверх перпендикулярно спинке, затем повернута спирально вперёд, с прижатием пальцем носика и лёгким обжатием с боков. Подобную головку мы видим у московской свистульки «птичка», найденной в 2001 г. на улице Гончарной экспедицией Векслера [4]. Роспись у нашей свистульки тремя широкими круговыми поперечными полосками красно-коричневого цвета вокруг тулова, шейки и хвостика. Широкая продольная полоска на спинке пересекает все три поперечные, а продольная, незамкнутая у хвостика, окаймляет тулово по горизонтали через грудку и боковые поверхности. У свистульки из села Подборки пригубник направлен вверх под небольшим углом, короткая шейка переходит в отбитую головку. Выявлены неясные следы росписи (рис. 9). Ещё одна подобная свистулька типа «дутьш» из села Подборки имеет короткую шейку и роспись на левом боку в виде широкой полоски красно-коричневого цвета и небольшого креста на спинке. Интересна свистулька, найденная в 1987 г. на левом берегу реки Оки ниже старо-калужской переправы, при впадении ручья Городенки в реку (рис. 10). Её пригубник направлен вверх под углом около 40 градусов, горизонтально-уплощённая широкая шейка вытянута из верхне-передней

Рис. 7. Свистулька «Птичка», головка загнута на спинку, пригубник выполняет роль хвостика. Калуга, ул. Подвойского. XVI–XVII вв.

Рис. 8. Свистулька «Птичка» с нестандартным туловом «дутьш». Село Титово, Ферзиковский район, Калужская область

Рис. 9. Свистулька «Птичка» с короткой шейкой. Село Подборки, Козельский район, Калужская область. XVI–XVII вв.

Рис. 10. Свистулька «Птичка» с четырьмя игровыми отверстиями. Калуга, берег р. Оки. XVI–XVII вв.

Рис. 11. Свистулька «Птичка» с четырьмя игровыми и двумя тоновыми отверстиями. Калуга, около церкви Покрова на рву. XVII в.

Рис. 12. Свистулька четырьмя игровыми отверстиями. Село Кременки, Медынский район, Калужская область. XVII в.

части тулова и свёрнута спиралью вниз, образуя головку на короткой шее. Выявлена роспись широкими параллельными полосками. Тулово «дутьш» с четырьмя крупными игровыми отверстиями вылеплено так, что в целом свистулька напоминает нахохлившуюся птичку.

В XVII в. калужская свистулька «птичка» имела тулово типа «дутьш» с четырьмя игровыми отверстиями, представлена двумя экземплярами: маленькая свистулька найдена в 1997 г. недалеко от церкви Покрова на рву (рис. 11), имеет дополнительно два тоновых отверстия — на груди и брюшке, головка в виде цилиндрика вытянута вперёд, сдавлена по вертикали с двух сторон пальцами руки, расписана полосками красно-коричневого цвета, поверх которых по спинке и бокам кресты; у другой, большего размера, найденной в 2004 г. в центральной части города, головка в виде конусовидной колбаски вытянута вверх, повёрнута на спинку, сдавлена по вертикали с двух сторон пальцами руки. Подобные две свистульки типа «дутьш» с росписью из деревни Усадье Перемышльского района и села Кременки Медынского района (рис. 12) имеют цилиндрическую шейку и четыре игровых отверстия. Причём два из них у обеих свистулек просверлены по сырой глине, два отверстия — после обжига. На них похожи две свистульки из Тульской области: найденные в 2007 г. в селе Городня Щекинского района и в 2014 г. в Одоеве при земляных работах. У них более богатая крестообразная роспись на спинках. Похожа на них свистулька с четырьмя игровыми отверстиями из деревни Сушки Тарусского района.

К более позднему периоду мы можем отнести свистульку «птичка», найденную в 2010 г. в Мещовске (рис. 13). Она похожа на владимирские свистульки «птичка»: основа тулова, как и у владимирской, вылеплена из «колокольчика», но имеется два игровых и одно тоновое отверстия по спинке в один ряд, а у владимирской лишь два игровых отверстия [5]. У нашей свистульки такое же плоское основание, округлая грудь, плавно вытянутая хвостовая часть, шейка в виде круглого конуса

Рис. 13. Свистулька с двумя игровыми, одним тоновым отверстиями и плоским основанием. Мещовск, Калужская область. XVII в.

переходит в отбитую головку. Выявлена роспись широкими полосками на спинке, а на груди в виде косоугольного креста. Предположительно её можно отнести к XVII в. Находки двух свистулек летом 2019 г. археологической экспедицией, проводившей раскопки в Калуге по ул. Карпова, 22, в культурном слое XVI столетия подтверждают наши исследования. Фрагмент свистульки «птичка» округлым полым туловом, без устойчивого основания с сохранившейся головкой, с двумя игровыми отверстиями на спинке и свистулька «рог изобилия» вписываются в ряд изученных нами свистулек этого периода.

Подводя итог изучению этой категории свистулек, мы можем отметить устойчивость формы свистульки «птичка» во многих областях Центральной России. В Калужском крае наблюдается вариативность её тулова и изменение количество игровых отверстий во времени.

Список литературы

1. *Шереметева М. Е.* Хлеб и обрядовое печенье в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии. Вып. 2. Калуга, 1929.
2. *Дайн Г.* Газета «Первое сентября». 1997. № 11 (35), март.
3. *Шацков В. С.* Очерки истории мировой игрушки. М., 1990. С. 181–182.
4. *Векслер А. Г., Кондрашёв Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В.* Москва. Раскопки на Великом Посаде. Московская керамика по материалам исследований. М., 2016. С. 282.
5. *Володина Т. Е.* Глиняные игрушки XII–XVIII вв. По материалам археологических раскопок 2001–2012 гг. в 25-м квартале исторического центра г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 6. М., 2016.
6. *Арциховский А. В.* Раскопки на Славнее в 1934 году // МИА. М.-Л., 1948. № 11.
7. *Чалых Н. Е.* Глиняная игрушка XVII–XVIII вв. из фондов ЛОКМ // Верхнедонский археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 251–252.
8. *Карасёва Е. М.* Средневековая глиняная игрушка Тульского края // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 231, 238.

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ НА КАЛУЖСКИХ НАЛИЧНИКАХ

О. Н. Носов, О. В. Носова,

внештатные сотрудники Музея ремёсел¹

«Главным элементом фасада деревянного дома является наличник, который в первую очередь имеет функциональное назначение — прикрывает зазор между косяком окна и срубом, и в то же время реализует свою декоративную функцию»². Наибольшее внимание уделялось окнам, потому что сквозь щели в жилище проникали сквозняки, которые могли причинить болезни и различные несчастия. «Люди чувствовали себя беззащитными перед разрушительными силами природы ... Они просили небесного покровительства и «записывали» это графической символикой в виде декоративных мотивов орнамента»³. Поэтому символика на наличниках наполнена глубоким сокровенным смыслом. «Само слово *узор* происходит от древнеславянского «узрети» (увидеть)... Под узорочьем понимали благо, красоту...»⁴.

Мы остановим наше внимание на зооморфных и антропоморфных изображениях на калужских наличниках второй половины XIX — начала XX в. Верхняя часть наличника, называемая «очелье»⁵, или, на калужском диалекте, «кокошник» («корона»), в народном представлении связана с небом. Нижняя часть наличника, называемая «фартук»⁶, или «борода», — олицетворение земли. Вертикальное боковое обрамление окна символизирует связь неба с землёй.

В жизни древнего человека конь занимал важное место. «Поначалу он тотем, мифический предок племени, рода, потом становится символом солнца. ... По русским ведам, именно солнечные кони возят днём солнышко по голубым небесам, а оно даёт радость и счастье людям. Этот солнечный конь по небу скачет, благодатью матушку-землю орошает, семена жизни из-под копыт рассыпает»⁷. В славянских погребениях VI–VII вв. находят фигурки коней и погремушки. Сотрудники Музея ремёсел исследовали более тысячи глиняных игрушек, бытовавших в нашем городе, и среди них более 50 фрагментов и целых глиняных фигурок и свистулек «лошадка» XVI–XX вв. (рис. 1). На нескольких наличниках, которые хранятся в Музее ремёсел, и на ул. Комарова, 14

Рис. 1. Лошадки. XVI–XVII вв.

Рис. 2. Наличник с ул. Луначарского/Тульской

Рис. 3. Ул. Луначарского, 23 (очелье)

Рис. 4. Собачки. XVI–XVII вв.

Рис. 5. Кресало. Литьё,ковка. VIII–X в.

Рис. 6. Ул. Никитина, 20

Рис. 7. Ул. Луначарского, 23 (фартук)

Рис. 8. Ул. Кирова, 45/16. 1876 г.

Рис. 9. Наличник с ул. Тульской

можно увидеть солнечных коней. На наличнике дома с перекрёстка улиц Тульской и Луначарского по краям красуются два сказочных коня с пышными хвостами, головы которых обращены к центральной фигуре (рис. 2). На наличнике с ул. Луначарского, 23 чудо-кони скачут от центральной женской фигуры, но морды их обращены к ней (рис. 3).

Собака — постоянный и верный спутник человека на протяжении многих веков. «Повсеместно почиталась собака в Киевской Руси, поэтому этот образ широко встречается в декоративно-прикладном искусстве того времени»⁸. На киевских серебряных створчатых браслетах XII–XIII в., на заколках, рукоятках плетей изображается крылатое существо с собачьей головой, известное как древнеславянский бог Симаргл, который охранял древо жизни, на котором произрастало всё живое. «Симаргл (может быть, правильнее Семаргл от слова «семя»?)... — это священный крылатый пёс, охраняющий семена и посевы»⁹. В окрестностях Калуги найдены глиняные фигурки собачек XVI–XVII вв. (рис. 4), а также металлическое кресало в форме собаки (рис. 5). На наличниках дома № 20 по ул. Никитина встречается изображение летучих собак, где фантастические существа обращены к центральной женской фигуре (рис. 6). Две крылатые собаки на «борде» наличника по ул. Луначарского, 23 изображены по обеим сторонам от стоящего на задних лапах медведя в позе пахаря (рис. 7). Это значит, что мужчины данного дома должны быть здоровыми и сильными.

«Медвежий культ оказался необычайно устойчивым»¹⁰. Поэтому и сейчас в резьбе калужских наличников мы видим отголоски древнего тотемного культа. Если внимательно посмотреть

Рис 10. Фигурки медведей. XVII в.

Рис 11. Ул. Королёва, 65/17. Фото 2009 г.

Рис 12. Рукомой. XVI–XVII вв.

Рис 13. Черноморёный сосуд. XV–XVI вв.

Рис 14. Наличник из Куйбышевского района

Рис 15. Пер. Тульский, 27

на фартуки наличников дома 45/16 по ул. Кирова, то можно увидеть фигуру медведя. Треугольник в центре — это стилизованная голова медведя, а два свеса по краям фартука — это широко расставленные лапы медведя с когтями (рис. 8). Точно такое же изображение медведя встречается в металлопластике Приуралья¹¹. В центре наличника с ул. Тульской (рис. 9) изображён медведь с широко расставленными передними лапами. В мужских захоронениях на территории Центральной России нередко находят украшения из зубов, когтей или глиняных лап медведя, связанные с медвежьим культом. В статье сотрудников Музея ремесла «Медвежий культ и калужская игрушка»¹² детально рассматривается этот вопрос. Согласно исследованиям, в Калуге в XVII в. лепили медведей разного размера на четырёх опорных ножках. Их в 90-е гг. XX в. находили на берегу реки Оки около места древней переправы (рис. 10).

На наличнике с ул. Луначарского, 23 (рис. 3) по краям короны изображены рога барана. Завитки бараньих рогов, расположенные по центру, украшали наличники дома 65 по ул. Королёва (рис. 11). Академик Б. А. Рыбаков писал про обряды, выполняемые при постройке дома: «Нередко под фундамент дома, под угол, укладывалась при закладке конская голова ... или иные предметы заклинательного характера»¹³. При сносе старых домов в исторической части города В. А. Ткаченко дважды видел черепа быков под их углами. Также он рассказывал, что в пригороде Калуги (в районе ст. Садовая) ещё в 1980-х годах можно было увидеть на изгороди усадьбы бараний череп, насаженный на кол. Образ барана можно встретить на калужских рукомоях XVI–XVII в.: на сливе, найденном при земляных работах в 1988 г. на старокалужской пристани (рис. 12), и на сливе, найденном в исторической части Калуги. В с. Кременское Медынского района найден черноморёный сосуд XV–XVI вв. с головой барана (рис. 13).

Уникальна «корона» наличника из Куйбышевского района: по центру «солнышко» в виде ромба, с двух сторон от него птицы, похожие на голубей (рис. 14). Голуби на кокошнике говорят о том, что в этом доме выдали замуж первую или последнюю дочь¹⁴. Их охраняют два бегущих оленя. В данном случае это символ обилия и благополучного брака¹⁵.

Рис 16. Решетчатый перстень. XI–XII вв.

Рис 17. Ул. Мичурина, 9

Рис 18. Глиняная свистулька «Уточка». XVII в.

Птица—существо, любимое народом. Её стилизованное изображение—один из лучших орнаментальных мотивов в народном творчестве. В Калуге сюжет с птицами и яйцом можно увидеть на наличнике с пер. Тульский, 27 (рис. 15). В статье М. Е. Шереметевой «Земледельческий обряд—закликание весны в Калужском крае» говорится, что «знаки птиц, их птенцов, яиц и гнёзд—это знаки добра, счастья, благополучия»¹⁶. Сюжет с птицами издревле использовался нашими предками. Примером служит решётчатый перстень XI–XII в., найденный в окрестностях г. Серенска (рис. 16).

На фартуке наличника по ул. Мичурина, 9 (рис. 17) пара уток тянет за собой подземное солнышко. В данном сюжете воплощена идея суточного движения солнца, согласно которой днём светило везут по небу кони, а ночью по подземному океану уточки¹⁷. По этой причине глиняная игрушка «Уточка» является одной из самых популярных в Калуге с XVII в. (рис. 18).

На слуховом окне снесённого дома по краям изображены головы стилизованного дракона с зубчатой спиной (рис. 19). Академик Б. А. Рыбаков поясняет данный сюжет: «Арка символизирует небесный свод; снизу к краям неба подступают морды двух ящеров»¹⁸. «Владыка подземного—подводного мира—ящер, заглатывающий каждый вечер солнце и увозящий его в подземные пространства, хорошо известен в фольклоре многих народов»¹⁹. На наличнике с ул. Первомайская, 42 (рис. 20) два больших ящера по краям наличника охраняют центральную антропоморфную женскую фигуру, окружённую двумя птицами с огромными сложенными крыльями.

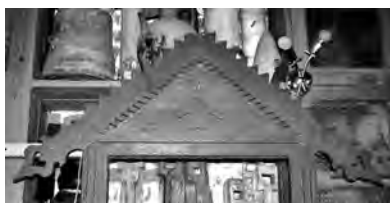

Рис. 19. Слуховое окно. Конец XIX в.

Рис 20. Ул. Первомайская, 42

Рис 21. Глиняные фигурки «Баба». XVIII–XIX вв.

Рис 22. Ул. Первомайская, 93

Рис 23. Ул. Кирова, 45/16. 1876 г.

В Калуге найдено значительное количество разнообразных глиняных фигурок, дошедших до наших дней. Среди них особой красотой и изяществом отличаются женские фигурки — бабы (рис. 21). Они бытовали в XVII–XX вв. В калужском деревянном пропильном декоре также было распространено изображение женской фигуры, которая традиционно помещается в верхней части наличника. Легко найти бабу на наличнике дома на ул. Никитина, 20 (рис. 6). Но чаще она бывает сильно стилизована и скрыта в хитросплетении узора, как на наличнике дома с ул. Первомайской, 93 (рис. 22). Традиционным для Калуги является стилизованное изображение бабы в кокошнике, как на «короне» наличника с ул. Луначарского, 23 (рис. 3). Ромб в центре наличника символизирует лик, громовые стрелки в кокошнике чередуются со струями дождя, обозначены руки. Нам встречались наличники, в которых кокошник бабы украшен только струями дождя, как на наличнике дома с ул. Кирова, 45/16 (рис. 23).

Рис 24. Ул. Первомайская, 83

Необычна женская фигура с наличников по ул. Первомайская, 83 (рис. 24), которая держит за узду двух коней по бокам. Нам встречается такая композиция на металлических мужских гребнях XVIII в.²⁰, где в центре, скорее всего, мужская фигура, которая держит диких коней, так как считается, что домашние животные поворачивают морды вовнутрь, а дикие — наружу.

Мы видим, что калужские мастера черпали вдохновение в местных творческих традициях. Устойчивость зооморфных и антропоморфных мотивов позволяет говорить о системе взглядов мастеров пропильной резьбы Калужского края. Сюжеты деревянного декора перекликаются с традиционной глиняной игрушкой г. Калуги, являющейся в настоящее время её брендом.

Примечания

- ¹ Сокращённое наименование Музея ремесла, архитектуры и быта города Калуги.
- ² *Личенко С. И.* Искусство радости. Калуга, 2013. С. 61.
- ³ *Носов С. О.* К вопросу о калужских наличниках // Краеведение в сфере культуры и искусства: материалы XII научно-практической конференции. Калуга, 2011. С. 69.
- ⁴ Там же. С. 70.
- ⁵ *Плужников В. И.* Термины российского архитектурного наследия. Архитектурный словарь. М.: Искусство–XXI, 2011. С. 250.
- ⁶ Там же. С. 358.
- ⁷ *Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В.* Калужские зооморфные глиняные игрушки: фигурки, погремущки, свистульки // Краеведение в сфере культуры и искусства. Калуга, 2011. С. 103.
- ⁸ *Боровский Я. Е.* Мировоззрение древних киевлян. Киев: Наукова думка, 1992.
- ⁹ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 435.
- ¹⁰ Там же. С. 108.
- ¹¹ *Кореньюк С. Н., Перескоков М. Л.* Эволюция образа медведя «в жертвенной позе» в искусстве населения западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 46.
- ¹² *Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., Фёдоров В. В.* Медвежий культ и калужская игрушка // Родная старина. Калуга, 2012. С. 95–96.
- ¹³ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 162.
- ¹⁴ Альманах. Русская традиционная культура. 1998. № 25. Село, улица, изба. С. 92.
- ¹⁵ *Дайн Г. П.* Русская игрушка. М., 1987. С. 20.
- ¹⁶ *Шереметева М. Е.* Земледельческий обряд — заклинание весны в Калужском крае // Сборник калужского государственного музея. Вып. 1. Калуга, 1930. С. 54.
- ¹⁷ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 344.
- ¹⁸ Там же. С. 342.
- ¹⁹ Там же. С. 64.
- ²⁰ *Моисеев С. М.* Использование гребня в личной гигиене как потребность местного населения // Калуга в шести веках: материалы X городской краеведческой конференции. Калуга, 2015. С. 157.

КАРТИНЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ЖИВОПИСНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

И. В. Гужова,

*заслуженный работник культуры Калужской области, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств*

В этом году отмечается 100 лет со дня создания одного из интереснейших музеев XX в. — Музея живописной культуры (МЖК) в Москве, который занимался экспонированием и пропагандой произведений русских художников, представителей новейших течений в живописи начала XX в. Он просуществовал совсем недолго — с 1919 по декабрь 1928 г., но оставил значительный след в истории советской культуры хотя бы потому, что открыл новую страницу в истории отечественного искусства. В музее экспонировались произведения художников так называемого левого направления в искусстве: представителей объединений «Бубновый валет», «Ослиный хвост», «Мишень», «Союз молодёжи», последователей супрематизма, абстракционизма и других направлений в искусстве. После ликвидации МЖК произведения из его собрания были переданы в Государственную Третьяковскую галерею, Государственный Эрмитаж, распределены по провинциальным музеям¹. Но ещё до закрытия Музея живописной культуры, из-за нехватки помещений для хранения многие произведения из его собрания передавались в Государственный музейный фонд и затем поступили в различные российские музеи.

Таким образом, в 1925 г. в собрание Калужского музея изобразительных искусств, который в те годы входил как художественный отдел в состав Калужского государственного областного музея, из Государственного музейного фонда в составе коллекции произведений русского авангарда поступило четыре картины из собрания Музея живописной культуры². Это пейзаж «Двор» Н. М. Григорьева, «Композиция № 2» А. А. Моргунова, датируемая приблизительно 1915 г., «Пейзаж. Околица» А. А. Маневича и «Осенний пейзаж» П. Э. Эрихсона. Они поступили из Музейного бюро отдела Наркомпроса РСФСР через Государственный музейный фонд по акту № 349 от 9 мая 1925 г.

В настоящее время в собрании Калужского музея изобразительных искусств хранится только три произведения из собрания МЖК. К сожалению, картина малоизвестного художника П. Э. Эрихсона, работавшего в России в начале XX в., «Осенний пейзаж» 1910 г. была утрачена во время немецкой оккупации Калуги в октябре — декабре 1941 г.³ Изображение этого произведения не сохранилось, но то, что его картина находилась в собрании Музея живописной культуры, даёт основание отнести её к одному из новейших течений начала XX в.

Пейзаж «Двор»⁴ Николая Михайловича Григорьева (1880–1943) представляет творчество одного из лидеров Союза художников и поэтов объединения «Маковец». Она датируется 1920 г. и относится к зрелому периоду творчества художника, когда он вёл активные поиски в области гармонии формы и цвета. Пейзаж написан с лёгкой кубизацией формы крон деревьев, которая придаёт лиризм этому городскому мотиву. Следуя живописным новациям своего времени, Н. М. Григорьев тем не менее сохранил собственное видение натурального мотива. В последующем работал в реалистической манере.

Картина была дублирована на новый холст во время реставрации в ВЦНИЛКР в 1965 году. Надписи и этикетки, бывшие на обороте холста, указаны в научном паспорте произведения. В левом нижнем углу чёрной краской подпись и дата: «*Николай Григорьев 20 г.*» На обороте холста

¹ Джафарова С. Музей живописной культуры // Великая утопия. Русский и советский авангард. 1915–1932. Берн: Бентелли; М.: Галарт, 1993. С. 64–85, 88–89, 94–95.

² Научный архив Калужского музея изобразительных искусств (Архив КМИИ). Оп. 1. Д. 2. Л. 94. Акт № 349 от 09.05.1925 г.

³ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 15. Калужский областной художественный музей. М., 2006. С. 39. № 42.

⁴ КМИИ. Ж-33. Холст, масло. 71×53 см.

Н. М. Григорьев «Двор». 1920 г.

А. А. Маневич «Околица». Не позднее 1920 г.

надпись: “*Николай Григорьев “Двор”*. Москва. Селезн. у. Суцев. туп. д. 13. к. 13”. На верхней планке подрамника правее середины этикетка с полустёртой надписью: “*Григорьев Двор х м 71×53*”. В самом верху — наполовину сорванная этикетка с полустёртой надписью: “... *ц Музейное Бюро ... зительных искусств*”. Все эти надписи подтверждают приобретение работы Музейным бюро отдела изобразительных искусств Наркомпроса и происхождение её из Музея живописной культуры.

Творчество украинского и русского, а в последующем американского художника Абрама Аншеловича Маневича (1881–1942) представлено небольшим городским пейзажем “Околица”¹. На обороте холста — фрагмент эскиза маслом. Видимо, художнику не хватало материалов и он использовал старые работы, которые его больше не интересовали. Картина не датирована автором, но определённо можно сказать, что она написана не позднее 1920 г., так как в этом году он уехал в Варшаву, а в 1921 г. он эмигрировал в США. Перед его отъездом в 1920 г. отдел ИЗО Наркомпроса приобрёл у автора несколько работ.

На пейзаже «Околица» изображён мотив, типичный для работ художника 1910-х гг., — часть улицы на окраине города. Здесь он передаёт эффект подвижного солнечного света, создающий вибрацию света и тени на стене дома. Во многом этому способствует пастозная манера письма, которая является особенностью его живописного почерка. Простота мотивов пейзажей и любовь к пастозной живописи роднит А. А. Маневича с мастерами «Союза русских художников»². Его поиски в области передачи освещения придали картине декоративное звучание, но не заслонили глубины образа. В этой работе, как и в других, А. А. Маневич предстаёт живописцем провинции, показывая в этих обыденных мотивах глубинную сущность бытия простых людей.

Одна из интереснейших работ этой коллекции — картина Алексея Алексеевича Моргунова «Композиция № 2», датируемая началом XX в.³ Картина не подписана и не датирована автором. На ней изображены абстрактные геометрические фигуры различных форм и цвета, хаотически расположенные, среди которых своим размером выделяется коричневый прямоугольник

¹ КМИИ. Ж-34. Холст, масло. 57×65 см.

² Обухов В. М. Калужский областной художественный музей. Альбом из серии «Сокровища русского искусства». М.: Белый город, 2005. С. 45, 52.

³ КМИИ. Ж-32, КП4739. Холст, темпера. 75×47 см.

А. А. Моргунов «Композиция № 2» («Чайная № 5»). Около 1915 г.

с надписями «ЧАЙНАЯ» и «№ 5». На оборотной стороне холста сохранился бумажный ярлык с надписью «Композиция № 2. А. Моргунов», остатки старой этикетки с полустёртой надписью «...60. Моргунов ...Композиция».

В инвентарной книге Музея живописной культуры, которая в настоящее время хранится в научном архиве ГТГ, она упоминается как «Беспредметная композиция № 2» под № 3038. 2 февраля 1925 г. по акту № 92 была передана из Музея живописной культуры в Государственный музейных фонд¹.

«Композиция № 2» относится к серии работ, написанных художником в течение 1915–1917 гг. в стиле супрематизма. Все эти работы объединены общим композиционным решением, которое строится на контрастах изображённых предметов: различные по форме и цвету геометрические фигуры группируются вокруг большего по размеру прямоугольника. В композицию вводились надписи, цифры, буквы, отдельные предметы. Судя по номеру, картина является вторым произведением из этой серии. «Композиция № 1» находится в собрании Краснодарского краевого художественного музея им. А. В. Луначарского. «Композиция № 3» находится в ГРМ, она носит дополнительное название «Композиция с буквой Ю». Аналогично с этим и «Композиции № 2» из калужского музея дано дополнительное название

исходя из изображённых на ней надписей — «Чайная № 5»². По документам отдела ИЗО Наркомпроса известна ещё «Композиция № 5»³.

Несколько слов о самом авторе и его творчестве. Алексей Алексеевич Моргунов родился 9 (21) октября 1884 г. в семье выдающегося русского пейзажиста А. К. Саврасова от его второго гражданского брака с Е. М. Моргуновой (ок. 1856—ок. 1920). Он окончил Строгановское училище, учился в частных студиях С. И. Иванова и К. А. Коровина. Свою творческую деятельность начинал как художник реалистического направления. Он с 1906 г. состоял в Московском товариществе художников, участвовал в выставках.

Его молодость пришлась на начало XX в., когда в мировом искусстве появляются новые художественные направления, на этой почве возникало много художественных обществ и группировок, которые привлекали прежде всего молодых художников. В 1909 г. Алексей Моргунов путешествовал по Европе, побывал во Франции, Германии, Италии на средства купца-мецената Корзинкина, которого сопровождал⁴. Во время этой поездки он посетил не только знаменитые музеи, но и выставки современных художников. Увиденное произвело на него сильное впечатление⁵. Новые направления в искусстве не оставили его равнодушным. Он увлекался то сезанизмом и кубизмом, то неопримитивизмом. В 1910 г. он сблизается с М. Ф. Ларионовым, Н. С. Гончаровой, А. В. Лентуловым, И. И. Машковым, становится членом общества «Бубновый валет»,

¹ Данные сообщены сотрудником ГТГ И. С. Кочергиной.

² Саратьянов А. Д. Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях. М., 1992. С. 190.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 665. Оп. 1. Д. 15. Л. 51.

⁴ Обольсина О. Забытые страницы советского искусства. О творчестве художника А. А. Моргунова // Искусство. 1974. № 3. С. 35.

⁵ Там же. С. 32, 33.

в 1912 г. — «Ослиный хвост», в 1913 г. вошёл в общество «Союз молодёжи», принимает участие в организованных ими выставках. В начале 1914 г. А. А. Моргунов сближается с К. С. Малевичем и становится его близким другом и единомышленником.

«Композиция № 2» А. А. Моргунова, как и другие картины этой серии, создана во время увлечения художника идеями «алогизма живописи», под влиянием идей и произведений К. С. Малевича, который определил это направление в живописи как «заумное (или кубофутуристический реализм)».

А. А. Моргунов имел самое непосредственное отношение к работе по формированию собрания Музея живописной культуры. Он принял самое деятельное участие в работе отдела изобразительного искусства (ИЗО) Наркомпроса РСФСР, в котором отбирались произведения для этого музея. Советом ответственных работников отдела ИЗО НКП от 9 октября 1920 г. во исполнение постановления этого же совещания от 23 августа 1920 г. он был назначен заведующим подотделом художественного труда и вошёл в закупочную комиссию отдела ИЗО как кандидат, имеющий право замещать членов закупочной комиссии в их отсутствие¹. Этим же советом ответственных работников В. В. Кандинский был назначен заведующим Музеем живописной культуры, а А. М. Родченко — заведующим Музейным бюро НКП². В 1921 г. А. А. Моргунов дважды принимал участие в работе закупочной комиссии отдела ИЗО по приобретению работ современных художников³. Эти произведения распределялись не только по российским музеям, но наиболее интересные из них передавались в собрание Музея живописной культуры. Таким образом, А. А. Моргунов принял участие в формировании собрания этого музея. В 1920–1921 гг. у А. А. Моргунова было приобретено более двадцати работ, в том числе и несколько картин из серии «Композиции». Одна из них — «Композиция № 2» («Чайная № 5»), а также пейзажи «Двор» Н. М. Григорьева и «Околица» А. А. Маневича хранят память о Московском музее живописной культуры.

¹ РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 15. Л. 19. Протокол № 18 от 09.10.1920 г. № 5.

² РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 15. Л. 19; Там же, №№ 8, 9.

³ РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.

ТРОИЦА-ЕКАТЕРИНИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ НА РЕКЕ ТЕЧЕ: ПРИРОДА И ЭВОЛЮЦИЯ

В. П. Новиков,

*кандидат геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник,
Национальный парк «Угра»*

Троица-Екатерининские источники подземных пресных и минеральных вод находятся в Юхновском районе Калужской области, на правом берегу р. Течи, поблизости от одноимённых деревень, расположенных на разных берегах этой реки. Родники непосредственно приурочены к оврагу, протянувшемуся вдоль западной окраины Екатериновки (рис. 1)¹.

История изучения рассматриваемых источников охватывает более чем столетний период. Первые сведения о них появились в самом начале XX в., когда по приглашению владельца имения Троица М. А. Бреждинского приват-доцент Московского университета А. М. Настюков произвёл химический анализ одного из железистых родников и сопоставил их с липецкой минеральной

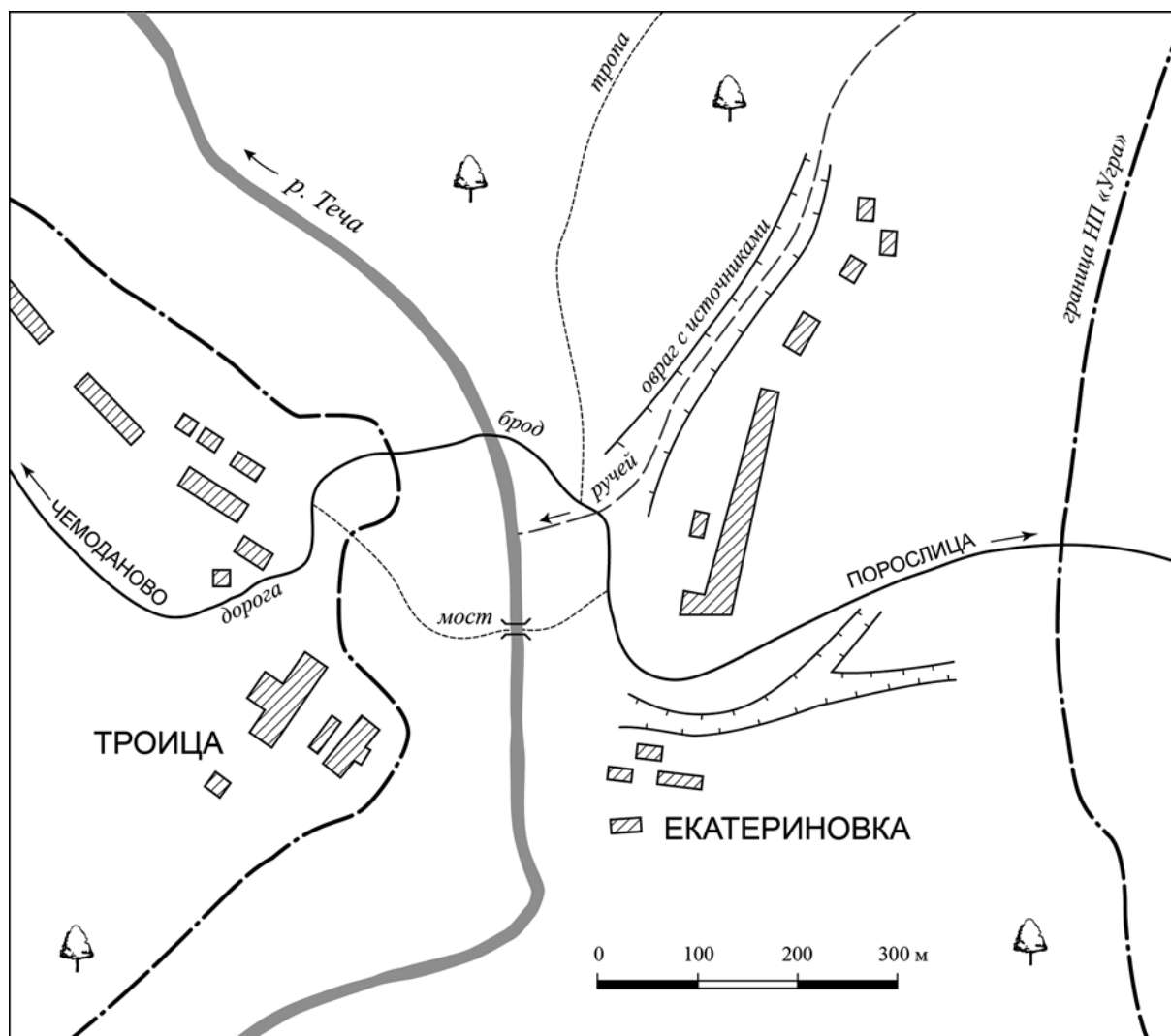

Рис. 1. Схема расположения Троица-Екатерининских источников

водой². Позднее, в 1915 г., воду двух источников (пресного и железистого) проанализировали в Агрохимической лаборатории Калужского губернского земства, а студент Физического института Московского университета Виноградов исследовал их радиоактивность. Наконец полноценное геологическое описание территории и самих «ключей» в том же году выполнил сотрудник Геологического комитета России В. Г. Хименков³.

В указанных публикациях подчёркивалось, что Троица-Екатерининские источники заслуживают самого серьёзного внимания (прежде всего с бальнеологической точки зрения) и требуют дальнейшего изучения. Но, как это ни парадоксально, вплоть до 90-х гг. прошедшего столетия, мы не находим практически никаких сведений о них даже в специальных геологических отчётах, не говоря уже об открытых изданиях. О необходимости охраны этого уникального объекта речь зашла только в период проектирования национального парка «Угра»⁴; спустя некоторое время силами сотрудников этого парка было проведено геолого-гидрохимическое обследование данных выходов подземных вод⁵.

В геологическом строении территории, занятой Троица-Екатерининскими источниками, принимают участие каменноугольные и четвертичные отложения. В стенках родникового оврага обнажаются серые микрозернистые известняки алексинского горизонта (визейский ярус нижнего отдела каменноугольной системы), в нижней части разреза массивные, выше менее плотные, плитчатые (общая видимая мощность 3–4 м; полная — ориентировочно до 6 м). Местами в них отмечаются ископаемые остатки крупных и мелких брахиопод, реже — ядра гастропод и двустворчатых моллюсков. Известняки в прежнее время кустарно разрабатывались многочисленными каменоломнями, откуда выбирались большие глыбы «кудряша» — незаменимого строительного материала. В основании известняков, по данным В. Г. Хименкова, почти повсеместно залегает маломощный прослой (первые доли метра) тёмно-синих пластичных глин, «переходящих книзу, а иногда и кверху, в желтоватую и розоватую (пёструю), также пластичную и жирную глину». Этот автор склонен относить их к «угленосному» ярусу, т. е. к отложениям нижежащего тульского горизонта. Такие глины, до сих пор обнаруживаемые в отдельных местах, в своё время добывали неглубокими «дудками» для гончарных целей.

Венчают геологический разрез описываемой территории желтовато-бурые моренные суглинки, реже пески, обогащённые кое-где некрупными валунами и галькой различных пород (московский горизонт четвертичной системы). Эти образования залегают на неровной поверхности известняков, которая иногда маркируется тёмно-бурой глинистой корой выветривания; их видимая мощность не превышает 6–7 м (в инженерно-геологической скважине, пробурённой в центре д. Екатериновка, они достигают 12,6 м). Безвалунные участки суглинков в ближайших окрестностях д. Троица (д. Салопихино и др.) ранее кустарно разрабатывались для производства кирпича⁶.

Все источники подземных вод находятся на левом берегу родникового оврага, где на протяжении 150–180 м они связаны с трещинными выходами в алексинских известняках или с покрывающими их рыхлыми делювиальными наносами. При этом сегодняшние родники ограничены в своём расположении 2,5-метровым (по мощности) интервалом этих известняков и не «поднимаются» над тальвегом оврага на высоту более 1,5 м. Большинство выходов производит впечатление нисходящих (безнапорных) и лишь в источниках, выбивающих у уреза воды в ручьях или на их дне, фиксируются восходящие струйки песка и даже надводные «буруны». Количество одновременно действующих источников в среднем составляет 13–15, хотя в целом за весь столетний период наблюдений их было не менее 20. Часть родников уже угасла (№ 1–2а в верхней части родникового оврага), но на противоположном фланге появились новые — № 11а–13; т. е. вся полоса выходов подземных вод постепенно смещается в сторону устья оврага, сохраняя примерно свою протяжённость (рис. 2).

Среди Троица-Екатерининских источников отчётливо выделяются две группы: пресные и железистые; последние легко узнаются по яркому окрашиванию камней и растительности. При этом возникает ощущение, что вода ручьёв у этих выходов тоже становится буровато-жёлтой, почти оранжевой, хотя она остаётся бесцветной и прозрачной, но обладает слабым запахом и привкусом железа, а при отстаивании в ней появляются хлопья буроватого осадка.

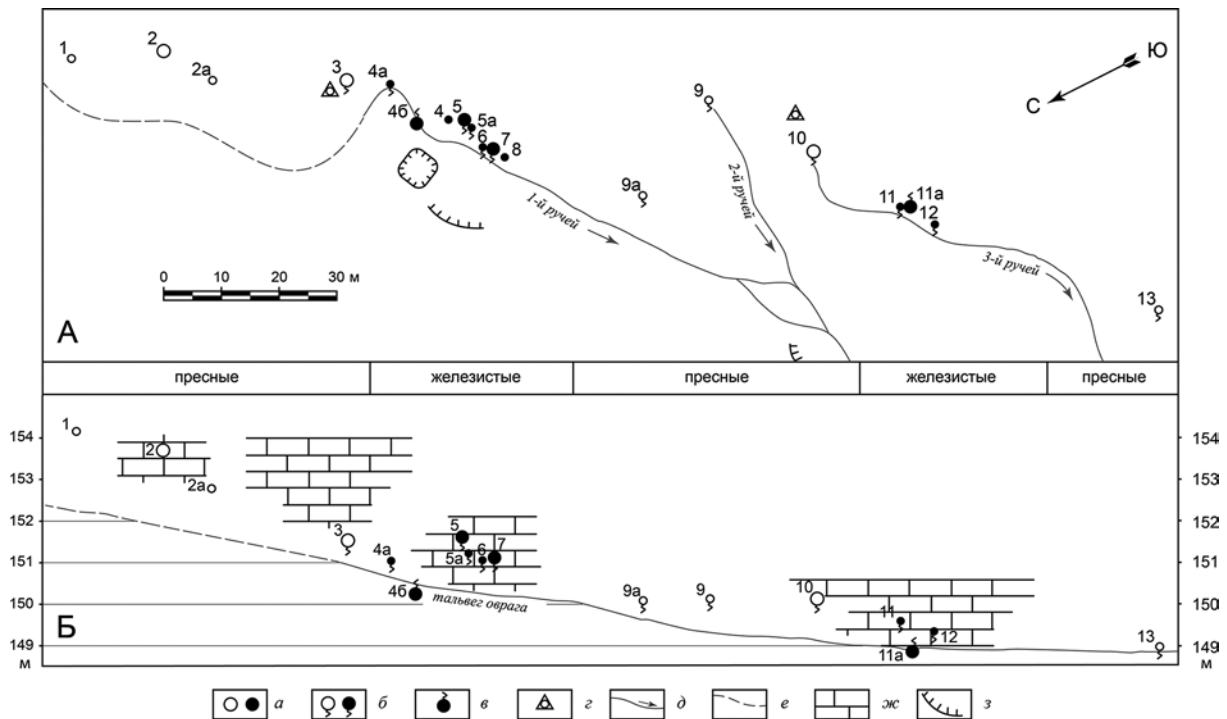

Рис. 2. План-схема (А) и гипсометрический профиль (Б) родниковой оврага у д. Екатериновка (тахеометрическая основа выполнена А. Н. Филиным).

Источники: а) пресные и железистые (чёрные) исчезнувшие (диаметр знака — по дебиту; цифры — порядковые номера); б) действующие нисходящие; в) действующие напорные; г) искусственные. Родниковые ручьи: д) действующие; е) высохшие. Прочее: ж) известняки; з) старые каменоломни

Общая картина распределения групп пресных и железистых источников достаточно необычна: они последовательно сменяют друг друга в пространстве, и такое чередование повторяется сверху вниз по оврагу минимум пять раз. Два сравнительно узких интервала (по 10–30 м длиной) образуют железистые, а ещё два более широких (до 40–60 м) принадлежат пресным родникам. Таким образом, железистые выходы располагаются весьма кучно и их «плотность» на единицу длины оврага заметно больше: с учётом угасших к сегодняшнему дню родников их количество в одном из интервалов доходит до восьми, против четырёх максимально у пресных. Ещё один, новый, участок пресных источников обозначается серией мелких родничков в южной части полосы выходов (№ 13 на рис. 2), правда, пока чаще весной, в пору наибольшей водообильности питающих горизонтов.

В ряду основных параметров наиболее близким и устойчивым для двух групп источников является температура воды, которая зависит, главным образом, от времени года. Летом она составляет в среднем около $+7^{\circ}\text{C}$ (при колебаниях от $+6,5$ до $+7,5^{\circ}$), зимой $+5,6^{\circ}\text{C}$ (от $+5,2$ до $+6,0^{\circ}$). Расходы же воды, замеренные, например, летом 2018 г., варьируются у этих групп родников в широких пределах: от 0,1 до 4,5 л/с (в среднем 2 л/с) у пресных, и от 0,4 до 7,5 л/с (3,4 л/с) у железистых. Суммарный дебит родниковых ручьёв на это время составил около 35 л/с (ручьи двумя потоками впадают в р. Течу примерно в 100 м от устья оврага).

Результаты химических анализов в общем свидетельствуют о стабильности основных показателей как у пресных, так и у железистых источников (табл. 1). Эти группы существенно различаются прежде всего по содержанию железа: в железистых тем не менее оно не превышает 2,8–3 мг/л (среднее 1,68 мг/л), в пресных — на 1–2 порядка ниже (для сравнения: предельно допустимая концентрация железа в питьевой воде — 0,3 мг/л). Другое отличие заключается в более высоком содержании нитратного азота в пресных родниках, что может быть связано с присутствием в них органики неясного происхождения (содержания NO_2 во всех пробах $< 0,01$, а $\text{NH}_4 < 0,3$ мг/л). Кроме того, более ранние анализы показывают, что в железистых источниках практически отсутствует растворимый кислород, так как он полностью расходуется на окисление железа⁷.

Т а б л и ц а 1

Результаты анализа проб воды Троица-Екатерининских источников

№ ист.	t°С	Дебит, л/с	pH	ЭП	М	Ж	ПО	НСО ₃	Cl	SO ₄	PO ₄	NO ₃	Si	Fe
3	7,0	3,4	7,19	510	293	5,67	1,06	294,8	<10	10,6	0,096	0,486	7,5	0,011
4а	7,5	0,4	7,12	577	337	6,42	0,47	344,8	<10	12,0	0,098	0,027	8,2	2,15
4б	7,2	3,0	7,19	557	333	6,16	0,55	331,4	<10	11,9	0,072	0,162	7,9	1,38
5	7,0	5,0	7,17	578	317	6,32	0,55	343,0	<10	14,6	0,089	0,029	8,4	1,806
5а	7,3	1,0	7,16	585	339	6,63	0,71	341,4	<10	12,9	0,045	0,050	8,8	1,066
6	7,3	1,0	7,11	574	342	6,49	0,63	339,7	<10	14,6	0,060	0,053	7,4	2,794
7	7,5	7,5	7,26	590	337	6,38	0,71	336,4	<10	14,4	0,058	0,032	7,6	1,514
9	7,8	0,1	7,44	592	357	6,06	0,47	326,4	<10	12,8	0,064	1,327	8,9	0,022
10	6,5	4,2	7,22	605	382	6,18	0,94	309,7	15,3	13,1	0,064	3,658	8,7	0,011
11	7,4	2,4	7,07	628	366	5,81	1,02	336,4	15,3	18,5	0,028	0,029	8,7	0,52
12	7,4	1,0	7,19	607	375	5,71	0,86	343,0	11,0	14,9	0,062	0,018	8,3	0,668

Примечания: 1) ЭП—удельная электропроводность (мк/См/см), М—общая минерализация (мг/дм³), Ж—общая жёсткость (мг. экв/дм³), ПО—перманганатная окисляемость (мгО₂/дм³); 2) все замеры проведены в августе–сентябре 2018 г; химические анализы выполнены в Институте проблем мониторинга окружающей среды (НПО «Тайфун», г. Обнинск).

Внутри группы железистых источников можно отметить различия между серией родников под № 4а–7, вода которых обладает большей жёсткостью и минерализацией в сравнении с родниками № 11–12 другого интервала (рис. 2). Такие же различия наблюдаются и в группе пресных источников: вода родника № 3 имеет меньшую минерализацию и жёсткость, нежели у выходов с № 9–10. Содержания тяжёлых металлов (Ca, Na, K, Mg, Mn, Zn), а также В и Sr, по данным оптико-иммерсионного анализа, находятся в норме. Бактериологическое состояние воды Троица-Екатерининских источников хорошее: во всех родниках общее микробное число и величины коли-индекса не превышают допустимых норм.

Долгое время не удавалось убедительно объяснить совмещение на одном гипсометрическом уровне (в одних и тех же известняках) и чередование на протяжении почти 200 м двух различных по составу групп источников. На этот счёт уже выдвигались некоторые предположения⁸, но оставались сомнения, которые полностью отпали после того, как в 2018 г. на каменистом дне основного ручья (на глубине почти 30 см) появился фонтанирующий железистый источник (№ 4б на рис. 2) с дебитом не менее 3–4 л/с, а в устье оврага — родник № 11а, выбивающий из глубокой воронки на берегу ручья с явными признаками напора и дебитом 6 л/с. При этом в нём хорошо видно, что на выходе из подземного канала (в глубине воронки) растворённое железо находится в двухвалентной форме (Fe²⁺) и образует тонкозернистый серовато-зелёный осадок, а по мере приближения к поверхности воды оно окисляется и на субстрате появляются буровато-жёлтые выделения трехвалентного (Fe³⁺) железа. Восходящий характер источников отмечался и ранее (у В. Г. Хименкова — в 5 случаях), но виделось это неотчётливо. При этом у самых мощных железистых родников (№ 5 и 7), вытекающих из известняков на 1–1,5 м выше дна оврага, напор, по-видимому, уже ослабевает, и они до сих пор воспринимаются как трещинные нисходящие.

В итоге с учётом геологической ситуации стало ясно, что в овраге у д. Екатериновка присутствуют выходы двух постоянных водоносных горизонтов: алексинского — это пресные нисходящие источники, и нижележащего тульского — восходящие железистые источники. Локальным водоупором между ними, вероятно, служит прослой тёмно-синих и пёстрых пластичных глин, залегающей в подошве известняков.

Тулеский горизонт в своей верхней части представлен глинистой толщей с частыми прослоями и линзами песков, алевроитов и известняков. Эти слои являются обычно локально водоносными, а залегание внутри глин нередко определяет развитие в них напорных вод⁹. В отличие от алексинских, эти воды обогащены железом, так как тульские глины содержат примесь «пыли» и конкреции пирита (сульфида железа), а также обуглившиеся пиритизированные растительные остатки (отложения данного горизонта являются угленосными и в них отмечаются продуктивные пласты угля). Высокое содержание железа является региональной особенностью тульских вод и заметно выделяет их в ряду прочих водоносных комплексов в каменноугольных отложениях Угорского участка национального парка¹⁰. Неоднократное же появление тульских железистых источников в одном ряду с пресными алексинскими в Троица-Екатерининском местонахождении может быть объяснено наличием разрывов, своеобразных литологических «окон» в пограничном слое водоупорных глин. Можно уверенно говорить по меньшей мере о двух «окнах», через которые тульские воды устремляются вверх и формируют свои выходы в алексинских известняках. Судя по «кучности» и изменениям дебита железистых родников, эти разрывы невелики по размерам (не более 15–20 м), но сохраняют своё положение на протяжении весьма длительного времени.

Действительно, общая картина распределения железистых и пресных источников у д. Екатериновка сохраняется уже более 100 лет. За это время их количество и взаимное расположение в соответствующих интервалах незначительно менялось, но, судя по всему, наиболее заметные изменения произошли в последние десятилетия (в период с 1995 по 2018 г., когда национальным парком «Угра» велись мониторинговые наблюдения). Так, до начала 2000-х гг. ещё существовал пресный источник № 2 (рис. 2), описанный в 1915 г. под названием «Гремячка»¹¹, но сейчас от него остался только высохший деревянный сруб-колодезь; для сравнения дебита этого родника: 1915 г. — 6,4 л/с, 1999 г. — 1,5 л/с). В этом же интервале пресных выходов исчезли ещё два источника (№ 1 и 2а), и до сегодняшнего дня сохранился лишь родник под номером 3 («Каменный», по В. Г. Хименкову), дебит которого уменьшился с 6,5 в 1915 г. до 3,4 л/с в 2018 г.

В целом же можно говорить о значительном сокращении общего расхода подземных вод в системе Троица-Екатерининских источников за более чем столетний период наблюдений. В 1915 г. дебит всех источников составлял не менее 67,5 л/с при примерно равных соотношениях между пресными (30–35 л/с) и железистыми (27–30 л/с) родниками. В 1999 г. общий расход источников сократился до 45 л/с, а соотношение объёмов воды в пресных и железистых выходах изменилось в сторону значительного преобладания последних (в 2 раза). Наконец, в 2018 г. эти показатели

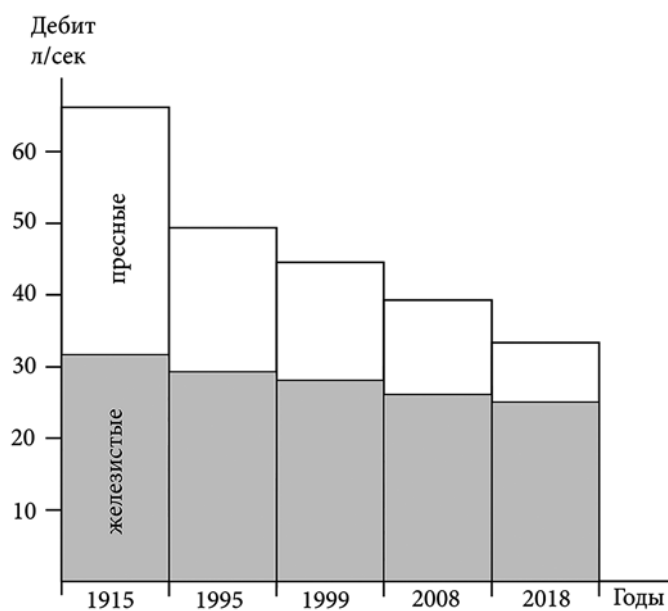

Рис. 3. Расход воды в Троица-Екатерининских источниках за период 1915–2018 гг.

оказались следующими: общий дебит всех родников — 34 л/с, пресных — 7,7 и железистых — 26,3 л/с (рис. 3). Другими словами, в вековом балансе общий расход подземных вод уменьшился в два раза, причём, главным образом, за счёт пресной воды, объём которой сократился более чем в 4(!) раза. Вне всякого сомнения — это связано с антропогенными причинами: увеличением современного потребления и отбора пресных вод алексинского горизонта многочисленными скважинами.

Представляет интерес и эволюция химизма вод Троица-Екатерининских источников, и прежде всего железистых. Имеющиеся сведения, однако, не дают пока оснований для окончательных выводов в этом отношении, кроме одного — количество железа в этой группе вод (точнее, порядок его содержания) остаётся более или менее постоянным: от десятых

долей до первых мг/л. Единственный источник, по которому были сделаны химические анализы в начале XX в., — это родник № 7. По данным А. М. Настюкова, в воде этого источника установлено содержание карбоната железа (FeCO_3), которое составило 0,0106 г/л¹². В работе же В. Г. Хименкова приводится количество определённого здесь оксида Fe_2O_3 — 6,72 мг/л¹³. В пересчёте на элементарное железо его массовая доля в Fe_2O_3 составляет 70% (т. е. содержание железа в воде в этом случае — 4,7 мг/л), а в FeCO_3 — 48,3% (железа в воде, соответственно — 0,51 мг/л). В дальнейшем в источнике № 7 железо определялось в количестве 1,4 мг/л (2008 г.) и 1,514 мг/л (2018 г.). В целом же за последние два десятилетия содержание этого элемента в группе железистых источников не превышало 3 мг/л (имевшиеся ранее указания о содержании в 6–7 и 8–10 мг/л¹⁴ сегодня подвергаются сомнению, так как оригиналы этих определений не сохранились).

Несмотря на высказанный в своё время интерес к воде Троица-Екатерининских источников как к потенциальному средству оздоровления и лечения, медицинские (клинические) исследования для них так и не проводились. Похоже, единственное практическое применение родников свелось к их использованию в качестве «холодильника» для существовавшего здесь в 70–80-е гг. прошлого века молочно-товарного производства. Кроме того, пресные (а также высокодебитные железистые) источники до сих пор используются в бытовых целях (как питьевые, хозяйственные) жителями Екатериновки и окрестных деревень.

Сегодня в условиях национального парка Троица-Екатерининские источники представляют большой интерес в качестве экскурсионного объекта, демонстрирующего далеко не рядовое, а по-настоящему уникальное явление. С этой целью они охраняются и благоустраиваются парком: здесь проложена экологическая тропа с информационным щитом, мостиками и видовой площадкой; часть источников каптирована с применением деревянных и каменных конструкций. Весь историко-природный комплекс данного участка парка, вместе с другими родниками в долине р. Течи, фрагментами дворянских усадеб и старых промыслов¹⁵, с успехом может использоваться для экологического просвещения и образования, туризма и научных целей.

Примечания

- ¹ Ещё в начале XX века деревня называлась Екатерининкой, отсюда и историческое наименование источников «Екатерининские» (Хименков, 1917).
- ² См.: *Настюков А.* К вопросу о минеральных водах в Мещовском уезде // Калужские губернские ведомости. 1902. № 10 (22 января).
- ³ См.: *Хименков В. Г.* Троица-Екатерининские минеральные источники Мещовского уезда Калужской губернии // Геологический комитет. Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 13. Петроград, 1917.
- ⁴ См.: *Новиков В. П., Крюкова Т. В.* Источники подземных вод в долине реки Угра как объекты особой охраны // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Ч. 1. Калуга, 1996. С. 22–25.
- ⁵ См.: *Новиков В. П., Семёнова И. В., Коришунуова Л. А.* Геолого-гидрохимическая и микробиологическая характеристика Троица-Екатерининских источников подземных вод // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга, 1999. С. 19–22.
- ⁶ См.: *Хименков В. Г.* Указ. соч. С. 7.
- ⁷ См.: *Новиков В. П., Семёнова И. В., Коришунуова Л. А.* Указ. соч. С. 20.
- ⁸ См.: *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Источники подземных вод в долине реки Угры (территория НП «Угра») // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. С. 317–324.
- ⁹ См.: *Петров В. Г.* Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга: ИД «Эйдос», 2003.
- ¹⁰ См.: *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Указ. соч. С. 321–322.
- ¹¹ См.: *Хименков В. Г.* Указ. соч. С. 11.
- ¹² См.: *Настюков А.* Указ. соч.
- ¹³ См.: *Хименков В. Г.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁴ См.: *Новиков В. П., Семёнова И. В., Коришунуова Л. А.* Указ. соч. С. 20; *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Указ. соч. С. 322.
- ¹⁵ См.: Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / под ред В. П. Новикова. 2-е изд. Калуга: НП «Угра», 2014.

ОХРАННАЯ ЗОНА ВОКРУГ КАПТАЖА РОДНИКА НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКА ПАФНУТЬЕВО-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

К. В. Черников,

ведущий специалист по благоустройству родников, НО «Гильдия колодезников»;

В. И. Меленчук,

кандидат географических наук, доцент кафедры географии,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

В г. Боровск и окрестностях вскрываются в виде родников воды московского аллювиально-флювиогляциального, слабоводоносного перекшинско-московского водно-ледникового, сетунско-перекшинского горизонтов и нарского карбонатного подгоризонта [6]. Их дебит изменяется от 0,2 до 1,0 л/с.

Западнее Боровска в р. Протва впадает р. Боринка. В её долине дебиты родников слабоводоносного перекшинско-московского водо-ледникового горизонта изменяются от 0,08 до 0,5 л/с. Восточнее города с севера на юг протекает р. Истерьма, впадающая в р. Протва слева. В бассейне Истерьмы вскрываются в виде источников воды нарского карбонатного подгоризонта, слабоводоносного перекшинско-московского водно-ледникового и московского аллювиально-флювиогляциального горизонтов. Дебит родников колеблется в пределах от 0,05 (совхоз «Ильинский») до 1,0 л/с (источник Дмитрия Солунского) [4].

Левый склон Протвы более пологий, террасированный, а правый более обрывистый и расчленённый оврагами. Река на большей части своей протяжённости врезана в коренные породы, по берегам нередко наблюдаются выходы известняков, мергелей, доломитов среднего и нижнего карбона.

Нисходящий родник Пафнутьево-Боровского монастыря вскрывался на высоте 141 м (родники в с. Роща — на высоте 132 м). В июне 2001 г. дебит составлял 0,17 л/с. Выше по течению р. Истерьма встречаются родники вскрывающегося слабоводоносного перекшинско-московского водно-ледникового горизонта в д. Ильино (дебит 0,2 л/с), Атрепьево (дебит 0,15 л/с). Первый расположен на высоте 175 м, второй — 165 м.

Воды московского аллювиально-флювиогляциального и слабоводоносного перекшинско-московского водно-ледникового горизонтов характеризуются пёстрым анионно-катионным составом и повышенной минерализацией. Это связано с накоплением в водах компонентов поверхностного загрязнения (неудовлетворительное состояние каптажа, попадание удобрений) [4].

Нарский карбонатный подгоризонт (источник Дмитрия Солунского) приурочен к известнякам и доломитам с невыдержанными прослоями мергелей и иногда глин общей мощностью 14–22 м. Залегает в нижней части каширского горизонта. Этот подгоризонт наиболее широко вскрыт эрозией на склонах долины Протвы (д. Ефаново, Бенницы, Сатино, Красное, Бердовка, г. Ермолино). Вдоль склонов р. Протва подгоризонт перекрыт сдренированными четвертичными отложениями и является первым от поверхности. Нижний водоупор — верейские глины. Вода гидрокарбонатного типа, группы кальция, отмечено «*низкое содержание минеральных форм азота и фосфора, легкоокисляемых органических соединений, но регулярно обнаруживается повышенное содержание нитрат-ионов, что может свидетельствовать об их связи с поверхностным стоком*» [5].

После возврата Пафнутьева Боровского монастыря Калужской епархии в нём поселились монахи, которые очень бережно относились к местному роднику. По воспоминаниям иеродьякона Лаврентия, бывшего в монастыре в 1990-е гг., у самого родника стояла огромная ракета, и когда на праздник шёл крестный ход, то о засохшие ветки цеплялись хоругви и дерево решили спилить. После этого, по его словам, количество воды стало уменьшаться.

Источник Пафнутьева Боровского монастыря представляет собой целый комплекс с использованием родниковой воды. Он расположен примерно в 140 метрах от Сторожевой башни монастыря. К источнику ведёт асфальтированная тропинка, а территория возле выхода подземных вод изначально была оборудована деревянным настилом. Нисходящий родник вскрывается

Рис. 1. Вид каптажа источника и купальни (слева) и место выхода воды (справа) в 2001 г.
Фото В. И. Меленчука

у подошвы холма высотой 9 метров. Над местом выхода воды был расположен небольшой шатёр из нержавеющей стали. Слева от источника были устроены две скамьи для отдыха (рис. 1).

Рядом, немного ниже, в месте, где из трубы вытекала родниковая вода, расположена монастырская купальня размерами 6×4 м с четырёхскатной высокой металлической крышей и с крестом на вершине. Возле купальни была выполнена подпорная стенка, отделанная камнем на цементном растворе. Здесь же были выполнены декоративные ступени.

Выход воды был каптирован трубой диаметром 8,5 см и длиной 20 м. По ней вода поступала в металлическую ёмкость, обложенную декоративными камнями. Из этого бака по другой трубе вода поступала в купальню, а из неё — в р. Истерьма. Дебит источника в 2001 г. составлял 0,17 л/с. В отдельные периоды наблюдалось его увеличение. Труба каптажа источника была изготовлена из нержавеющей стали. На поверхности водосбора преимущественно произрастали осина и клён.

Руководством монастыря в 2012 г. было принято решение о реконструкции родника и купели. Руководители этого процесса менялись, менялись проекты и общая концепция работ. На месте прежнего каптажа родника была возведена восьмигранная бетонная конструкция размерами по оси 3 м и глубиной 3,8 м. В дополнение к этому вдоль склона, у прежнего места выхода родниковых вод, были залиты 54 бетонные сваи глубиной от 3,5 до 7 м.

Замер дебита воды в роднике, произведённый в 2012 г., составлял 3,3 л/с (1 188 л/ч), но при этом много воды уходило и мимо самого каптажа. Затем функционирование водного источника прекратилось.

С 31 июня 2016 г. начались работы по реанимации родника. Были затребованы все проекты, опрошены все их участники, а также и местные жители. Удалось разыскать местного жителя Вячеслава Георгиевича Костюкова, который ещё в 1950-х гг. участвовал в ремонте каптажа

источника. Он рассказал, что 14 мая, в праздник преподобного Пафнутия Боровского, на источник приходило очень много народа, несмотря на запрет. И сами жители продолжали в течение всего года пользоваться этой водой, что и спасло источник от закрытия (в те годы иногда отмечались попытки засыпания святых источников, например Пудова Колодца близ д. Синяково Малоярославецкого района). Местные жители регулярно чистили источник и для защиты его от загрязнения, в том числе от опускания в сруб грязной посуды, закрывали крышку каптажа на замок. От каптажа к берегу реки была выведена металлическая труба, по которой вода выходила самотёком, а каждый желающий мог ею воспользоваться.

Реанимация родников— очень затратный и трудоёмкий процесс, который может затянуться на годы. При этом гарантировать 100% положительный результат невозможно. Даже правильно обустроенный каптаж не является гарантом хорошего притока воды. Причиной тому общее понижение уровня грунтовых вод, формирование депрессионных воронок и т. д.

2010 г. выдался засушливым (например, 6 августа дневная температура в Боровске достигла +39 °С), и с этого времени местные жители начали строить колодцы и бурить скважины, поскольку в общественном водопроводе не хватало воды. Выше родника по склону начинается улица, и на участке, граничащем с родником, в 2014 г. была пробурена скважина.

Самое неприятное, когда исполнители работ при бурении натываются на препятствия (валун) и делают скважину в другом месте, абсолютно не пломбуя (тампонаж) предыдущую. Дело в том, что родник и скважина получают питание из разных водоносных горизонтов. При бурении скважины нарушается водоупор горизонта, питающего родник, и вода начинает уходить вниз. Поэтому в каждом отдельном случае следует тщательно разбираться, отталкиваясь от гидрогеологии конкретной местности.

Для работ по восстановлению источника по всему склону через каждые 2,5 м были сделаны восемь углублений от 1 до 1,5 м. В некоторых из них начала просачиваться вода, но спустя некоторое время она иссякла. Насадкой на перфоратор длиной 1,2 м и диаметром 16 мм в каждом углублении были сделаны по 10 отверстий в разные стороны. Снова в некоторых местах засочилась вода, но также через некоторое время иссякла. Грунт был смешанный— глина, суглинок, известняк.

Параллельно с этими изысканиями началось строительство колодца. Его планировалось использовать в качестве стабильного источника воды, с помощью электрического насоса закачивать воду в кессон, а затем направлять самотёком в приёмную камеру для забора воды посетителями. Отступив значительное расстояние от каптажа, выкопали колодец и в него опустили бетонные кольца производства «Гильдии колодезников» высотой 0,8 м и внутренней шириной 1 м. Колодец состоит из семи таких колец и трёх венцов из доски лиственницы (50 см) на дне.

Вода начала сочиться на глубине 0,95–1,2 м от кромки шахты, глубже было сухо, а на глубине 3,5 м вода пошла обильно. Для увеличения дебита колодца в течение нескольких недель каждый день откачивают воду, исключение составляют песчаные водоносные грунты. После откачки, как правило, начинают появляться небольшие пульсирующие струйки воды из водоносных жил, вымывающие мелкие фракции песка и постепенно увеличивающие каналы, по которым идёт поступление воды.

Все прекрасно понимали, что это заключительный этап по изысканию, и неизвестно, будут ли и дальше проводиться работы. Наша бригада была уже не первой, которая искала воду, а коллеги нас уверяли, что родник вернуть невозможно.

От берега р. Истерьма в склон по направлению к колодцу был сделан прокол глубиной 7,5 м. Затем была вставлена труба диаметром 32 мм, и по ней сразу побежала вода. Первоначальный дебит на 8 августа 2016 г. составил 0,05 литров за 100 секунд, а к 29 ноября 2017 г. он составлял уже 0,25 л/с.

Технологии горизонтального бурения для увеличения количества воды на нисходящих родниках подразумевают несколько каптажных камер или одну с большим дренажным полем. В городской черте эти способы нежелательны. Многие при устройстве каптажа стараются поймать каждую каплю, что неверно. Загрязнённые грунтовые воды могут также устремляться в общий выход. Воду нужно брать только из самого «сердца» родника, отсекая загрязнённую воду из верхних слоёв грунта.

Здесь можно предложить несколько вариантов:

- механическим путём с использованием установки лучевого (горизонтального) бурения УЛБ130М. В отличие от установок ГНБ (горизонтально-направленного бурения), наконечник не требует разгрузочного колодца, бурение происходит в обсадной трубе и выходящий шлак с эмульсией не забивает, а пломбирует поры водоносного грунта.

Бурение агрегатом УЛБ130М может достигать 100 м в зависимости от грунта и технических задач. Обычно делают несколько скважин на 20–30 м в разных направлениях. В шахту вставляют дренажную трубу флд105 и вытаскивают обсадную трубу. Также необходимо отсечь верховодку с нежелательными примесями. Технология следующая:

1. От кромки до выхода за 3–4 метра наращивают цельную трубу без дренажных отверстий.
 2. У кромки скважины производят бетонирование или делают глиняный замок.
 3. Вода заводится в каптажную камеру с дном (железобетонное кольцо).
 4. В каптаже делается два отверстия: одно для подачи воды в приёмную камеру, второе – для сброса.
 5. В зависимости от грунтов выбирают материал дренажных труб (пластик, металл).
 6. После проведения работ необходим регулярный мониторинг технического состояния скважины.
- второй способ под названием «Теки же» более бюджетный. Он включает в себя проколы длинным шлямбуром диаметром трубы от 5,5 до 12 см. В толстостенной трубе вырезаются зубья, для разведки хорошо подходят строительные леса. Труба укладывается в заранее подготовленные мушки, которые будут задавать направление по горизонтали и вертикали. Внутри находится металлическая пуля длиной 15–20 см для выемки грунта и чуть меньшего диаметра, чем основной ствол. Труба углубляется в грунт кувалдой с постоянными поворотами ствола. Поворот, удар кувалдой, снова поворот ствола, но дальше 20 см углубляться не стоит. Вытаскивается ствол, ударяют в пулю шомполом (арматура 0,12 см), выходит грунт. Оба края могут деформироваться, и лучше пулю оставлять в стволе.

Дойдя до водоносного горизонта, максимально углубляются, вытаскивают пулю и, дойдя до края скважины, вставляют заранее подготовленную трубу с дренажными отверстиями. Оптимальный диаметр отверстий — не более 0,5 мм, а за 1–2 м до края выхода трубы их не делают, чтобы грунтовые воды с возможными загрязнениями не смешивались с общей массой воды. Делается глиняный замок вокруг трубы.

В процессе эксплуатации возможно появление новых проблем, связанных с засорением скважины в различных грунтах. На это стоит обратить внимание: вставить внутрь трубы меньшего диаметра и проводить её периодическое промывание. Обязательно необходимы наблюдения за дебитом. Лучше не торопиться и дать скважине разрабататься. На это может потребоваться весь годичный цикл. Подключая всё сразу, нужно отчётливо понимать, что через дренажные щели вместе с водой в трубу попадают мелкие фракции породы и проходимость воды снижается, так что на формирование такой скважины потребуется время.

После того как обильно пошла вода, работы были возобновлены и достроена часовня над местом для забора воды посетителями. 21 сентября 2017 г. митрополит Калужский и Боровский Климент совершил торжественное освящение источника.

Для естественных выходов подземных вод в виде родников, а также для колодцев необходимо соблюдение санитарных правил и норм, должна устанавливаться зона санитарной охраны источника [7]. При этом необходимо учитывать все конкретные факты и обстоятельства для каждого отдельного случая. На качество воды родника влияют вмешательства в водоносный горизонт посредством бурения, подток загрязнённых вод как с поверхности, так и при нарушенных водопорах. Нисходящие родники часто расположены на склонах в отрицательных формах рельефа, а на возвышенных участках находятся жилые и хозяйственные постройки частного сектора.

Источников с внешними загрязнителями достаточно много, и шаблонные варианты каптажа не дают качественной воды. Меры противодействия есть в сооружении дренажных каналов с отведением верховодки и других вод, влияющих на качество воды. Лучевое горизонтальное бурение установкой УЛБ-130М позволяет осуществить захват родниковой воды до её соприкосновения с загрязняющими негативными факторами.

Рис. 2. Вид часовни над источником в 2019 г. Фото К. В. Черникова

Перед проведением строительных работ по сооружению каптажа, как правило, проводят расчистку территории вокруг родника. Вырубают сорные деревья и кустарники, выполняют планировку с использованием строительной техники. При этом среди колодезников бытует мнение, что они — «хирурги земли», но следует уточнить, что благоустройство родника — это пластическая хирургия, то есть процесс очень деликатный, тонкий и многогранный.

Проводя первичный осмотр родников, определяют особенности их функционирования. Выясняют механизм источника. Не всегда сразу можно определить особенности родника и форму каптажной камеры. Перебирается множество вариантов, и единственный верный должен быть подтверждён результатами фактических изысканий. Не существует абсолютно одинаковых родников, поэтому всегда нужно учитывать особенности каждого из них: гидрогеологию, положение в ландшафте, климатические особенности территории и возможное антропогенное воздействие [2, 3]. Из всего этого должно складываться техническое задание и бюджет работ по благоустройству.

Проанализировав общий ход работ, можно сформулировать заключительный вывод. При каптаже родника следует как можно меньше вмешиваться в механизм его функционирования. Территорию по возможности сохранять слабо изменённой, поскольку в погоне за «красотой» и «удобствами» она превращается в настоящую стройплощадку, на которой работает даже тяжёлая техника в виде бульдозеров, экскаваторов, кранов и т. д. Загоняются сваи, заливается бетон, укладываются асфальт и плитка. При этом не всегда задумываются о возможных негативных последствиях. Родник подобен сердцу, которое работает благодаря сосудам, и любой тромб способен остановить его биение. Именно поэтому необходимо обязательное выделение охранной зоны вокруг каптажа по периметру не менее 15–30 м и с учётом водоносного горизонта (горизонтов), из которых получает питание родник.

Список литературы

1. *Абрамов Н. Н.* Водоснабжение. 3-е изд., перераб и доп. М.: Стройиздат, 1982. С. 200–205.
2. *Меленчук В. И., Черников К. В.* К вопросу о каптажах родников и источников Калужской области // Научные труды КГУ им. К. Э. Циолковского. Серия: Естественные науки. Калуга: Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского, 2017. С. 440–447.
3. *Меленчук В. И., Черников К. В., Жилиев Е. Е., Митрохин А. А.* Некоторые особенности изученности и использования родниковых вод на территории Калужской области // Биоэкологическое краеведение: мировые, российские и региональные проблемы: материалы 7-й международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения д. б. н., профессора С. М. Шиклеева и д. м. н., профессора, члена-корреспондента АМН СССР М. В. Сергиевского. 16 ноября 2018 г., г. Самара, Российская Федерация / отв. ред. С. И. Павлов, зам. отв. ред. А. С. Яицкий. Самара: СГСПУ, 2018. С. 115–120.
4. Отчёт о групповой геолого-гидрологической и инженерно-геологической съёмке масштаба 1:50 000, проведённой Обнинским отрядом в 1983–1988 гг. (Московская, Калужская области). В 3 тт. (13 книгах). М., 1988.
5. *Семёнов В. А., Семёнова И. В.* Водные ресурсы и гидроэкология Калужской области. Обнинск: НПЦ «Технограф», 2002. С. 200–201.
6. *Петров В. Г.* Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга: ИД «Эйдос», 2003.
7. СанПиН 2.1.4.1110–02 «Зоны санитарной охраны источников водоснабжения и водопроводов питьевого назначения». <http://02.rospotrebnadzor.ru/content/176/19546/> (19.02.2018).

ВОДРОСЛИ КАМЕНИСТОЙ ОТМЕЛИ р. ОКА НИЖЕ УСТЬЯ р. КАЛУЖКА

Н. В. Воронкина,

кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники, микробиологии и экологии;

Ю. А. Лебедева,

студентка 2-го курса магистерской программы;

А. А. Пахолюк,

Институт естествознания КГУ им. К. Э. Циолковского

В последние годы проводятся планомерные исследования флоры водорослей бассейна р. Оки. Собран и проанализирован материал с песчаных отмелей в пределах Калужско-Алексинского каньона, затона в черте г. Калуги, в нижнем течении р. Калужки, а также в материковом оз. Шелуховка (2015), относящемся к бассейну Оки. Все эти материалы доложены на международных научных конференциях. В настоящей работе представлены результаты изучения водорослей, обитающих на каменистых отмелях.

Материал и методика

Небольшая каменистая отмель расположена в пределах г. Калуги чуть ниже устья р. Калужки и представляет собой удобное место для отбора проб. Течение реки в этом месте ослаблено, но ветер создаёт небольшую рябь. Глубина небольшая. Из Калужки постоянно поступает вода, более чистая, чем в Оке и, вероятно, поэтому, здесь более многочисленны виды рода Улотрикс.

Соскрепались обрастания камней, брались илистые отложения, тина и вода непосредственно у берега.

Исследования проводились в лаборатории ботаники Института естествознания КГУ им. К. Э. Циолковского. Пробы исследовались с помощью микроскопа «Биомед С-2» вар-4. Микрофотографии сделаны фотоаппаратом «Nicon COOLPIX4500». Пробы зафиксированы в растворе формалина и хранятся на кафедре ботаники, экологии и микробиологии КГУ им. К. Э. Циолковского. Определение производилось с помощью определителей разных авторов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Результаты исследований

В результате исследования всех отобранных проб обнаружено 34 вида водорослей, относящихся к трём отделам: Зелёные — 17 видов, Диатомовые — 16 и Сине-зелёные — 1 вид. Наибольшим количеством видов представлены семейства Хлорококковые (9 видов) из отдела Зелёные и семейства Навикуловые (12 видов) из отдела Диатомовые.

I. Отдел Цианобактерии *Cyanophyta*. Класс Гормогониевые *Hormogoneae*.

Семейство Осцилляториевые *Oscillatoriaceae*: Осциллятория оросительная *Oscillatoria irrigua* (Kütz.) Gom.

II. Отдел Зелёные водоросли *Chlorophyta*. Класс Собственно зелёные водоросли *Euchlorophyceae*.

Семейство *Hydrodictyaceae*: Водяная сеточка *Hydrodictyon reticulatum* (L.) Lagerh.

Семейство Целастровые *Coelastraceae*: Актинаструм Гантцша *Actinastrum hantzschii* Lagerheim

Семейство Сценедесмусовые *Scenedesmaceae*: Сценедесмус острый *Scenedesmus acutus* Meyen., Сценедесмус четырёххвостый *Scenedesmus quadricauda* (Turp.) Bréb, Сценедесмус дву-рогий *Scenedesmus bicaudatus* Dedussenko, Сценедесмус мелкий *Scenedesmus parvus* (G. M. Smlth) Bourrelly et Mangln, Сценедесмус коротко-остроконечный *Scenedesmus apiculatus* (W. et G. S. West) Chodat, Сценедесмус вечнозелёный *Scenedesmus sempervirens* Chodat, Круцигения четырёхнож-ковая *Crucigenia tetrapedia* (Kirchn.) W. et G. S. West.

Класс Конъюгаты *Conjugatophyceae*.

Семейство Десмидиевые *Desmidiaceae*: Клостериум эборакский *Closterium eboracense* Turn.

Семейство Зигнемовые *Zygnemataceae*: Спирогира *Spirogira* sp.

Класс Улотриковые *Ulotrichophyceae*.

Семейство Улотриковые *Ulotrichaceae*: Улотрикс ровный *Ulothrix aequalis* Kütz., Улотрикс нежнейший *Ulothrix tenerrima* Kütz., Улотрикс тончайший *Ulothrix tenuissima* Kütz., Улотрикс поясной *Ulothrix. zonata* var. *zonata* (Web. et Mohr) Kütz.

Семейство Хетофоровые *Chaetophoraceae*: Стигеоклониум прелестный *Stigeoclonium amoenum* Kütz.

Класс Сифонокладовые *Siphonocladophyceae*.

Семейство Кладофоровые *Cladophoraceae*: Кладофора *Cladophora* sp.

III. Отдел Диатомовые *Diatomeae*. Класс Центричные *Centricae*.

Семейство Косцинодисковые *Coscinodiscaceae*: Мелозира *Melosira* sp.

Класс Пеннатные *Pennatae*.

Семейство Фрагилляриевые *Fragilariaceae*: Диатома обыкновенная *Diatoma vulgare* Bory., Фрагиллярия *Fragilaria* sp., Синедра звездоподобная *Sinedra actinastroides* Lemm.

Семейство Навикуловые *Naviculaceae*: Навикула ребристая *Navicula costulata* Grun., Навикула скрытоголовая *Navicula cryptocephala* Kütz., Навикула остроконечная *Navicula cuspidata* Kütz. *Craticula cuspidata* (Kützing) Манн., Навикула небольшая *Navicula exigua* (Greg.) J. Müll. var. *elliptica* Hust., Навикула грациозная *Navicula gracilis* Her., Навикула серповидная *Navicula menisculus* Schum., Навикула кукольная *Navicula pupula* Kütz., Навикула крошечная *Navicula pusilla* W. Sm., Пиннулария зелёная *Pinnularia viridis* (Nitzsch.) Her. var. *intermedia* Cl., Гиросигма заострённая *Gyrosigma acuminatum* (Kütz.) Rabenh., Ницшия венгерская *Nitzchia hungarica* Grun., Цимбелла швейцарская *Cymbella helvetica* Kütz.

Обсуждение результатов

Водоросли обитают в обрастаниях камней, в воде и илистых отложениях. На илистых отложениях была собрана Водяная сеточка *Hydrodictyon reticulatum*, ячейки колоний которой отчётливо видны невооружённым глазом. Эта заиленная часть расположена в непосредственной близости от каменистой отмели, ниже по течению. Казалось, что клетки колонии не живые, однако под микроскопом обнаружены вполне жизнеспособные колонии разных возрастов ярко-зелёного цвета. На Оке Водяная сеточка ранее отмечалась в большом количестве в Затоне в черте г. Калуги, а на песчаных отмелях не отмечалась вовсе.

Улотрикс *Ulothrix*, как правило, обитатель чистой воды. Обычно он живёт в проточных, реже в стоячих водоёмах. Согласно определителю Н. А. Мошкова и М. М. Голлербах, в род *Ulothrix*

входит 16 видов. Скопления 4 видов этого рода на известняковых камнях отмечены только в одном месте этой отмели непосредственно у устья Калужки. Это объясняется, вероятно, тем, что р. Калужка приносит достаточно чистую воду. Ранее небольшое количество нитей Улотрикса тончайшего *Ulothrix tenuissima* было отмечено на песчаных отмелях Оки.

Стигеоклониум прелестный *Stigeoclonium amoenum* ведёт прикрепленный образ жизни и относится к немногочисленным видам, обитающим в этой зоне. Этот род представлен 30 видами. Как и *Ulothrix*, *Stigeoclonium* предпочитает чистую воду. Ранее на песчаных отмелях Калужско-Алексинского каньона был отмечен *Stigeoclonium tenue* Стигеоклониум тонкий.

Хлорококковые — планктонные водоросли. В пробах их обилие невелико, по шкале Стармаха равно 1, а Актинаструм Гантцша отмечен только в одной пробе и очень редко встречается в этом месте.

Из Коньюгат большие скопления тины образуют виды рода Спиригира непосредственно в устье Калужки, в месте слияния с Окой.

Клостериум эборакский *Closterium eboracense* был обнаружен далеко не в каждой пробе ила каменистой отмели. Ранее не отмечался.

Диатомовых на каменистой и песчаных отмелях — по 15 видов, в затоне — 17 видов. Среди них на каменистой отмели доминируют представители семейства Навикуловые. Наиболее распространена Навикула серповидная *Navicula menisculus*. Другие виды встречаются реже. Навикула остроконечная *Navicula cuspidata* Kütz. отмечена в определителе Забелиной и др. (1951), однако в определителе DIATOMS of the United States этот объект указан как *Craticula cuspidata* (Kützing) Mann 1990, синонимы: *Navicula cuspidata* (Kützing) Kützing 1844 | *Navicula cuspidata* var. *heribaudii* Peragallo в Heribaud 1893. Род *Craticula* в Европейской части России не отмечен.

Отдельный интерес представляют Пинуллария зелёная *Pinnularia viridis* и Гиросигма заострённая *Gyrosigma acuminatum*. Здесь они отмечены очень редко. Пиннулария зелёная *Pinnularia viridis* найдена и на песчаных отмелях, где встречалась значительно чаще. Вместе с ней обитает Пиннулария большая *Pinnularia major*. В затоне вместе с ними была отмечена П. пальцевидная *Pinnularia dactylus*.

В обрастаниях камней и в затоне отмечены большие скопления Мелозиры *Melosira* и Диатомы обыкновенной *Diatoma vulgare*. На песчаных отмелях были обнаружены единичные экземпляры этих водорослей, а в затоне — не обнаружены вообще.

Если сравнивать видовое разнообразие водорослей, обитающих в р. Оке и в материковом водно-ледниковом озере Шелоховка, относящемся к бассейну Оки, то совершенно очевидна большая разница. В Шелоховке огромное разнообразие зелёных водорослей преимущественно из класса Коньюгат, доминирует семейство Десмидиевые — 33 вида. Диатомовые отсутствуют.

На каменистой отмели не встречены представители отделов Эвгленовые и Жёлтозелёные, отмечавшиеся на песчаных отмелях.

В дальнейшем интересно исследовать другие каменистые и песчаные отмели долины Оки и её затоны.

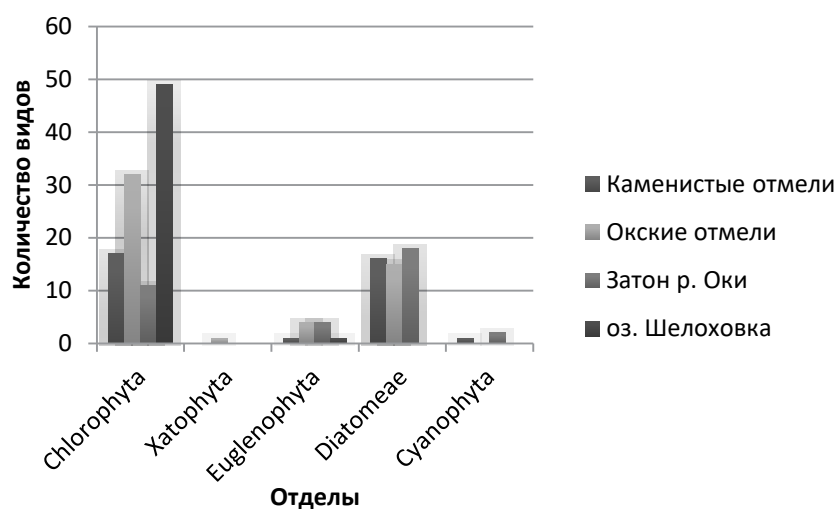

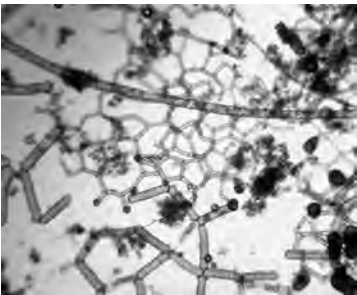

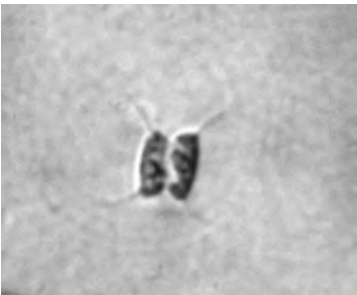

Рис. 1. Биологическое разнообразие водорослей, обитающих на песчаных и каменистой окских отмелях, в окском затоне и в материковом озере Шелоховка

Список литературы

1. *Косинская Е. К.* Конъюгаты, или Сцеплянки (2) Десмидиевые водоросли // Флора споровых растений СССР. Т. 5. М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1960.
2. *Паламарь-Мордвинцева Г. М.* Зелёные водоросли Класс Конъюгаты Порядок Десмидиевые // Определитель пресноводных водорослей СССР выпуск 11 (2). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982.
3. *Царенко П. М.* Краткий определитель хлорококковых водорослей Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1990.
4. *Забелина М. М., Кселев И. А., Прошкина-Лавренко А. И., Щещукова В. С.* Диатомовые водоросли // Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 4. М.: Государственное издательство «Советская наука», 1951.
5. *Мошкова Н. А., Голлербах М. М.* Зелёные водоросли. Класс Улотриксковые (1) // Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 10 (1). Л.: Наука, 1986.
6. *Голербах М. М., Косинская Е. А., Полянский В. И.* Синезелёные водоросли // Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 2. М.: Государственное издание «Советская наука», 1953.
7. http://westerndiatoms.colorado.edu/taxa/species/craticula_cuspidata.

Приложение 1

Микрофотографии водорослей каменистой отмели ниже устья р. Калужки

		
Осциллятория оросительная ×640	Водяная сеточка ×160	Актинаструм Гантцша ×640
		
Сценедесмус острый ×640	Сценедесмус четырёххвостый ×640	Сценедесмус двурогий ×160
		
Сценедесмус мелкий ×160	Сценедесмус коротко-остроконечный ×640	Сценедесмус вечнозелёный ×640

<p>Круцигения четырёхножковая ×640</p>	<p>Клостериум эборакский ×640</p>	<p>Спирогира ×640</p>
<p>Улотрикс ровный ×640</p>	<p>Улотрикс нежнейший ×640</p>	<p>Улотрикс тончайший ×640</p>
<p>Улотрикс поясной <i>var. zonata</i> ×640</p>	<p>Стигеоклониум прелестный ×160</p>	<p>Кладофора ×160</p>
<p>Мелозира ×640</p>	<p>Диатома обыкновенная ×640</p>	<p>Фрагилярия ×640</p>
<p>Синедра звездоподобная ×640</p>	<p>Навикула ребристая ×640</p>	<p>Навикула скрытоголовая ×640</p>

Навикула остроконечная *
Кратикула остроконечная ×640

Навикула небольшая
var.elliptica ×640

Навикула грациозная ×640

Навикула серповидная ×640

Навикула кукольная ×640

Навикула крошечная ×640

Пиннулария зелёная *var. intermedia* ×640

Гиросигма заострённая ×640

Ницшия венгерская ×640

Цимбелла швейцарская ×640

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КОМАРОВ КОМПЛЕКСА *CULEX PIFIENS* В ПОДВАЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ г. КАЛУГИ

О. Л. Васильева, энтомолог;

*В. А. Корзиков, кандидат биологических наук,
заведующий зоолого-энтомологической группой;*

Л. В. Овсянникова, главный врач,

ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калужской области»

Наибольшее эпидемиологическое значение среди кровососущих двукрылых имеют комары. Представители семейства Culicidae переносят возбудителей малярии, лихорадки Западного Нила, жёлтой лихорадки, лихорадки Денге, лихорадки Зика, карельской лихорадки, японского энцефалита, дирофиляриоза и других [4, 10].

Наблюдения за численностью, видовым разнообразием комаров и их заражённостью возбудителями опасных для человека инфекций и инвазий занимает одно из важнейших мест энтомологической работы профильных специалистов учреждений Роспотребнадзора — энтомологов и их помощников, что отражено в нормативно-методических документах [8–10].

Фауна кровососущих комаров Калужской области насчитывает 19 видов [1, 5]. На территории городов убежищами и днёвками для кровососущих комаров служат жилые постройки и хозяйственные помещения. В городах из-за высокой плотности населения вполне закономерно возрастает эпидемическое значение кровососущих комаров. Одним из массовых видов, обитающих в городской среде, является комар — *Culex pipiens* Linnaeus, 1758 [2]. В таксономическом отношении городского комара принято рассматривать как внутривидовую форму, экотип или биотип — *Culex pipiens pipiens* f. *molestus* Forskal 1775 [3, 11]. Эта форма отличается высокой экологической пластичностью и способностью развиваться в воде с высоким уровнем органического загрязнения. Она характеризуется уникальным сочетанием трёх биологических особенностей — автогенией (развитием первой порции яиц без кровососания), стеногамией (способностью спариваться в небольшом пространстве) и гомодинамным типом развития (отсутствием диапаузы) [3].

Материал и методы

Сборы комаров осуществлялись в 2015–2018 гг. На постоянной основе наблюдения проводились в двух подвальных помещениях на протяжении всех сезонов, несколько подвалов подвергались нерегулярным и рекогносцировочным обследованиям. Общее состояние одного подвала можно охарактеризовать как сухой, а второго — влажный. Отлов имаго комаров проводился пробиркой, а с 2016 г. ловушкой для сбора комаров в помещениях на потолке [7]. Всего отработано 136 стандартных учётов, отловлено 3452 экз. комаров *C. pipiens*, из них самок — 3315 особей (табл. 1). При оценке численности комаров использовали общепринятый метод учёта на единицу площади (1 кв. м).

Видовую идентификацию комаров осуществляли по определителю Р. М. Горностаевой [6]. Комаров определяли под световым стереоскопическим (МБС) микроскопом с увеличением в 8–100 раз. Таксоны приведены по А. В. Халину и Р. М. Горностаевой [11]. Статистическую обработку материалов, вычисления, построение графиков проводили в программах Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение

В подвалах жилых домов и производственных зданий г. Калуги, как правило, располагаются трубопроводы, канализационные и отопительные трубы. Часто наблюдаются прорывы канализационных стоков, что создаёт условия для круглогодичного обитания комаров. Зимой взрослые самки могут попадать из подвалов в квартиры, а при повышении температуры воздуха до 10 °С могут вылетать из подвала наружу и проникать в жилые помещения через окна. Считается, что комары *C. p. pipiens* формы *molestus* антропофилы — питаются преимущественно на людях [2]. Следует отметить, что в подвальных помещениях кроме *C. pipiens* мы также отмечали комаров родов *Anopheles* и *Culiseta*.

Анализ объёмов проведённых исследований показал, что каждый год проводилось примерно одинаковое количество учётов, но число отловленных *C. pipiens* с 2016 г. возросло в связи с использованием более эффективного метода учёта — ловушки для сбора комаров в помещениях (табл. 1). Наибольшая численность *C. pipiens* была выявлена в 2018 г. Разница с предыдущими годами уже стала нарастать в июне-июле 2018 г., а в сентябре-ноябре увеличилась ещё больше. Вероятно, сложившиеся факторы окружающей среды и благоприятные трофические связи положительно сказались на росте численности городских комаров.

Т а б л и ц а 1

Объём и результаты учётов численности комаров комплекса *C. pipiens* с 2015 по 2018 г. в подвальных помещениях г. Калуги

Год	Проведено учётов	Отловлено комаров	Отловлено самок	Численность самок (на 1 кв.м.)				
				Среднее	Мода	Медиана	max (значение, месяц)	
2015	34	226	225	0,44±0,14	0,00	0,10	2,80	Август
2016	35	667	635	1,21±0,42	0,00	0,07	10,07	Сентябрь
2017	33	527	521	1,08±0,45	0,00	0,13	13,20	Октябрь
2018	34	1988	1934	3,79±1,12	0,00	0,87	21,93	Сентябрь

В сезонном отношении наибольшая численность комаров комплекса *C. pipiens* была осенью в сентябре и октябре — $6,37 \pm 1,98$ и $6,03 \pm 1,89$ экз./кв. м соответственно (рис. 1). В последующие зимние месяцы отмечалось снижение численности паразитических насекомых с наименьшим показателем обилия в марте — $0,04 \pm 0,02$ экз./кв. м. Можно предположить, что снижение численности *C. pipiens* вызвано гибелью от низких температур, а также с проблемами в реализации гонотрофической гармонии в этот период года. В апреле обычно наблюдался незначительный рост показателя обилия, а в мае — последующее снижение на уровне февраля. В дальнейшем в июле-августе наблюдался подъём численности, достигая пика в сентябре-октябре. Также по сезонам изменялось пространственное размещение комаров. В октябре-марте скопления *C. pipiens* приурочены к центральным частям подвальных помещений, а в мае-августе к открытым окнам.

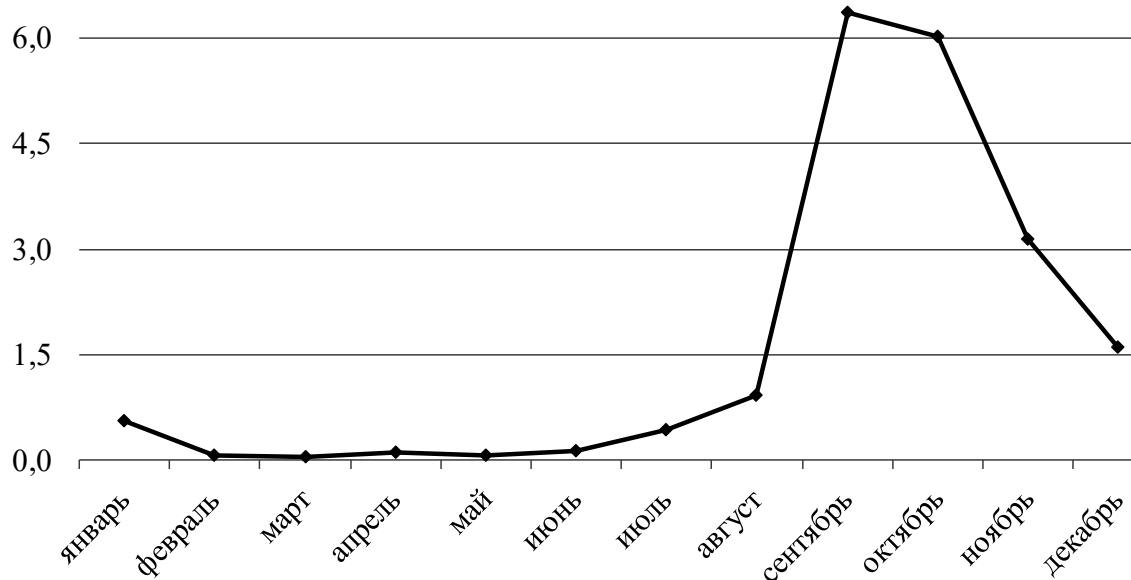

Рис. 1. Сезонный ход численности (экз./кв. м) самок комаров комплекса *C. pipiens* в 2015–2018 гг. в подвальных помещениях г. Калуги

Выводы

Наибольшая численность комаров комплекса *C. ripiens* наблюдается осенью в сентябре и октябре, в последующие месяцы происходит снижение, а с июня-июля — рост показателей обилия. Полученные данные о динамике численности комаров комплекса *C. ripiens* целесообразно использовать при анализе эпизоотолого-эпидемиологической ситуации на территории г. Калуги и Калужской области, а также при планировании дезинсекционных мероприятий. Наблюдения за кровососущими комарами — важный раздел при обеспечении эпидемиологического надзора за природно-очаговыми болезнями.

Список литературы

1. Васильева О. Л., Корзиков В. А., Рогуленко А. В. К фауне кровососущих комаров национального парка «Угра» // Природа и история Поугорья. Калуга: Национальный парк «Угра». Вып. 9. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2018. С. 67–71.
2. Виноградова Е. Б. Комары комплекса *Culex ripiens* в России. СПб., 1997.
3. Виноградова Е. Б. Экологические предпосылки расселения кровососущих комаров // Энтомологическое обозрение. 2011. № 4(90). С. 791–797.
4. Ганнушкина Л. А., Дремова В. П. Комары р. *Culex*, характеристика отдельных видов, эпидемиологическое значение, контроль численности. Сообщение 1 // РЭТ-инфо. 2006. № 4. С. 7–10.
5. Горностаева Р. М. К фауне комаров Смоленской и Калужской областей // Паразитология. 2000. № 2(34). С. 144–147.
6. Горностаева Р. М., Данилов А. В. Комары (сем. Culicidae) Москвы и Московской области. М.: КМК, 1999.
7. Корзиков В. А. Ловушка для сбора комаров в помещениях // Дезинфекционное дело. 2017. № 2(100). С. 38–41.
8. МР 3.5.2.0110–16. Организация и проведение мероприятий по энтомологическому мониторингу и регуляции численности кровососущих комаров *Aedes aegypti* и *Aedes albopictus*. Методические рекомендации. Утв. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 09.03.2016.
9. МУ 3.2.2568–09. Контроль численности кровососущих комаров рода *Culex*, места выплода которых находятся в населённых пунктах». Методические указания. Утв. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 15.12.2009.
10. МУ 3.1.3012–12. Сбор, учёт и подготовка к лабораторному исследованию кровососущих членистоногих в природных очагах опасных инфекционных болезней. Методические указания. Утв. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 04.04.2012.
11. Халин А. В., Горностаева Р. М. К таксономическому составу кровососущих комаров (Diptera: Culicidae) мировой фауны и фауны России (критический обзор) // Паразитология. 2008. № 5(42). С. 360–381.

МОРФОМЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗЕМНОГО МОЛЛЮСКА *MACROGASTRA PLICATULA* (CLAUSILIIDAE) В ГОРОДЕ КАЛУГЕ И ОКРЕСТНОСТЯХ

О. А. Рулева,

В. В. Алексанов, кандидат биологических наук, заведующий отделом,
ГБУ ДО КО «Областной эколого-биологический центр»

Благодаря малой подвижности наземные моллюски являются перспективными индикаторами условий среды (Балашов, 2016). К условиям среды чувствителен не только видовой состав, но и размерные характеристики отдельных видов моллюсков. Например, в условиях интенсивного антропогенного воздействия некоторые виды мельчают (Сверлова и др., 2006).

Клаузилииды легко отличаются от других улиток по очень высокой (веретеновидной) раковине. Другая особенность этого семейства — то, что нормой является левозакрученная раковина. Клаузилииды удобны для морфометрических исследований, поскольку у них взрослые особи легко отличаются от молодых по вооружению устья раковины. Однако исследований по этой теме не так много. В Восточной Европе, например, имеются работы по видам рода

Vestia (Abraszewska-Kowalczyk, Sulikowska, 1998; Байдашников, 2007) и *Laciniaria plicata* (Сверлова, 2000).

В ходе предыдущих исследований наземной малакофауны Калуги было обнаружено шесть видов семейства Clausiliidae. Самым массовым является *Macrogastra plicatula* (Draparnaud, 1801). Этот вид распространён в Центральной и Восточной Европе (Балашов, 2016). Известно, что распределение высоты раковины этого моллюска подвержено географической изменчивости, однако изучен этот вопрос недостаточно (Лихарев, 1962).

Сборы моллюсков и их раковин проводились в мае—июне 2016 г. Выборки *Macrogastra plicatula*, которые допускают количественную обработку, были получены из четырёх биотопов:

1. «Тимашёво»: полидоминантный лиственный лес в лесном массиве на северо-западной окраине Калуги между п. Муратовский Щебзавод, д. Карачево и д. Тимашёво (N54°35,896' E36°12,887').
2. «Филенево»: Ферзиковский район, 15 км к СВ от г. Калуги, полидоминантный лиственный лес между д. Филенево и Ястребовка (N54°37'19»E36°27'55").
3. «Северный»: массив внутри города между ул. Тепличная—ул. Московская—ипподромом (N54°35'23"E36°15'40", дубо-вязо-липняк с примесью осины и клено-липняк волосистоосоковый).
4. «Бор»: липняк волосистоосоковый в Калужском городском бору (N54°31'36,54" E36°10'50,98").

Все эти биотопы богаты валежником, на котором преимущественно и были собраны моллюски. Лес в Тимашёво можно рассматривать как наиболее влажный, а Бор—как наиболее сухой.

Определяли следующие морфометрические показатели: высота раковины (ВР), ширина раковины (ШР), высота устья (ВУ) и ширина устья (ШУ). Высоту и ширину раковины измеряли при помощи штангенциркуля, высоту и ширину устья—при помощи окуляр-микрометра под микроскопом МС-1. Статистическая обработка данных проведена в программе Past 3. В связи с отклонением данных от нормального распределения применялся тест Краскала—Уоллиса.

Длина раковины. Размах вариации в Калуге и окрестностях практически полностью охватывает диапазон изменчивости данного признака, известный для ареала вида в целом. Так, по данным И. М. Лихарева (1962), для СССР типичны раковины 10–13 мм, однако во влажных горных лесах преобладают раковины 9–11 мм; для Украины указывается высота раковины 10–14 мм (Балашов, 2016). В Бору раковины значимо крупнее, чем в Филенево (табл. 1). В последней выборке обнаруживается наибольший размах вариации и наибольший коэффициент вариации. Самая мелкая раковина обнаружена в Тимашёво.

Ширина раковины оказалась удивительно постоянным признаком, её варьирование обнаружено только в Тимашёво, где встречаются более узкие раковины, чем в других биотопах.

По *высоте и ширине устья* значимых различий между выборками не обнаружено, хотя в Бору ширина устья в среднем меньше, чем в Тимашёво. В загородных популяциях (Филенево и Тимашёво) эти признаки варьируют сильнее. Размах вариации размеров устья больше, чем указан И. М. Лихаревым (1962), причём сдвинут в сторону низких значений.

Отношение *ширины устья к ширине раковины* значимо больше в Тимашёво, чем в других популяциях.

Таким образом, представленные материалы подтверждают наличие межбиотопических различий в морфометрических признаках *Macrogastra plicatula*. Возможно, они имеют адаптивное значение. Например, уменьшение абсолютных или относительных размеров устья может быть связано с повышением устойчивости к более сухим условиям. Хотя для клаузилиид с их развитым замыкательным аппаратом это не столь очевидно.

Также некоторый интерес представляет тот факт, что внутри города в относительно небольших массивах обнаруживаются более крупные раковины. Возможно, это связано с тем, что данные местообитания более тёплые. Так, известно, что в условиях высокогорного климата некоторые представители клаузилиид мельчают. Однако нельзя исключать и случайное возникновение различий вследствие заноса основателей с определёнными свойствами.

Результаты указывают на перспективы дальнейших исследований внутривидовой изменчивости клаузилиид в условиях Калужской области.

Т а б л и ц а 1

**Морфометрические признаки *Macrogastra plicatula* в различных биотопах города Калуги.
M—среднее арифметическое, SD—стандартное отклонение, CV—коэффициент вариации**

Признак	Параметр	Филенево (n = 71)	Тимашёво (n = 74)	Северный (n = 10)	Бор (n = 12)	Тест Краскала— Уоллиса
Высота раковины, мм	Min	10,5	9,7	11	12	$\chi^2 = 9,44,$ $p = 0,019$
	Max	14	13,7	13	14	
	M	11,89	12,00	12,30	12,58	
	SD	0,82	0,76	0,67	0,63	
	Медиана	12,0	12,0	12,0	12,5	
	CV (%)	6,9	6,3	5,5	5,0	
Ширина раковины, мм	Min	3	2,5	3	3	$\chi^2 = 9,44,$ $p = 0,019$
	Max	3	3	3	3	
	M	3	2,96	3	3	
	SD	0	0,09	0	0	
	Медиана	3	3	3	3	
	CV (%)	0	3,0	0	0	
Высота устья, мм	Min	1,81	1,95	2,33	2,33	$\chi^2 = 1,81,$ $p = 0,598$
	Max	2,88	2,79	2,74	2,65	
	M	2,48	2,48	2,52	2,54	
	SD	0,21	0,17	0,14	0,10	
	Медиана	2,56	2,51	2,56	2,56	
	CV (%)	8,5	6,9	5,4	4,0	
Ширина устья, мм	Min	1,44	1,4	1,81	1,86	$\chi^2 = 3,35,$ $p = 0,325$
	Max	2,23	2,33	2,14	2,09	
	M	1,98	2,00	2,01	1,94	
	SD	0,15	0,14	0,10	0,10	
	Медиана	2,00	2,05	2,05	1,86	
	CV (%)	7,7	7,1	4,9	5,4	
Ширина устья / Ширина раковины	Min	0,48	0,47	0,60	0,62	$\chi^2 = 7,96,$ $p = 0,042$
	Max	0,74	0,78	0,71	0,70	
	M	0,66	0,68	0,67	0,65	
	SD	0,05	0,05	0,03	0,04	
	Медиана	0,67	0,70	0,68	0,62	
	CV (%)	7,6	7,2	4,8	5,4	

Список литературы

1. Байдашников А. А. Внутривидовая изменчивость видов рода *Vestia* (Gastropoda, Pulmonata, Clausiliidae) в Украине // Вестник зоологии. 2007. Т. 41. № 4. С. 291–304.
2. Балашов И. А. Фауна Украины. Т. 29. Моллюски. Вып. 5. Стебельчатоглазые (Stylommatophora). Киев: Наукова думка, 2016.
3. Лихарев И. М. Клаузилииды (Clausiliidae) (Фауна СССР. Моллюски. Т. 3, вып. 4). М.-Л., 1962.
4. Сверлова Н. В. Изменчивость раковины *Laciniaria plicata* (Gastropoda, Pulmonata, Clausiliidae) в условиях города // Вестн. зоологии. 2000. Отд. вып. № 14, ч. 2. С. 22–25.
5. Сверлова Н. В., Хлус Л. Н., Крамаренко С. С. и др. Фауна, экология и внутривидовая изменчивость наземных моллюсков в урбанизированной среде. Львов, 2006.
6. Abraszewska-Kowalczyk A., Sulikowska A. Morphometric comparison of *Vestia elata* (Rossmassler, 1836) (Gastropoda: Pulmonata: Clausiliidae) from the Swietokrzyskie Mts and the Carpathians // Folia Malacologica. 1998. Vol. 1. No 6. P. 7–14.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ БЁРДВОТЧИНГА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Киренко, магистрант,

*О. В. Швец, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник,
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого;*

*Е. В. Смирнова, кандидат биологических наук, начальник отдела,
Министерство природных ресурсов и экологии Тульской области*

В настоящее время одним из наиболее эмоционально окрашенных видов эколого-просветительской деятельности несомненно является бёрдвотчинг, получивший широкое распространение за рубежом и становящийся всё более популярным в России. К нему могут быть отнесены как любые любительские наблюдения за птицами, так и специально организованные эколого-просветительские мероприятия от орнитологических экскурсий до ежегодных Всемирных дней наблюдений за птицами, проведения соревнований по спортивной орнитологии, бёрдинг-ралли.

С 2011 г. на территории Тульской области были апробированы различные варианты проведения просветительских мероприятий в области орнитологии. Большинство из них было приурочено к территории музея-заповедника «Куликово поле».

На начальном этапе осенние и весенние Дни наблюдений птиц проводились в форме экологического праздника для местных жителей (школьников). Реализуя проект, мы искали новые формы для усиления мотивационной составляющей мероприятия. В мае 2013 г. было проведено весеннее мероприятие в форме спортивного ориентирования «Весенняя гонка».

В результате традиционным для музея-заповедника стал проект «Дни наблюдений птиц на Куликовом поле», включающий два мероприятия: межрегиональный конкурс по полевым фотонаблюдениям за птицами «На крыльях Победы» и ежегодный октябрьский учёт птиц, в последние годы «переросший» в орнитологическую фотоэкспедицию «Куликово поле». В 2016–17 гг. совместно с Некоммерческим партнёрством содействия развитию орнитологии «Птицы и Люди» были организованы бёрдинг-ралли «Под крылом зимняка — 2016» и «Полёт журавля — 2017».

Весенний Межрегиональный конкурс по полевым фотонаблюдениям за птицами «На крыльях Победы» ежегодно проводится в рамках весенних дней наблюдений и посвящён празднованию на Куликовом поле Дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Конкурс рассчитан на широкую публику, ежегодно собирает на Куликовом поле около 150 человек, проводится в форме командных соревнований. Программа включает торжественные мероприятия празднования Дня Победы (митинг Памяти, концерт-размышление у костра); образовательные мероприятия (занятия в фотомастерской «Золотой Кулик», орнитологические экскурсии, конференцию «Птицы Куликова поля»), а также конкурсные мероприятия (церемонию открытия, полевые фотонаблюдения, камеральный этап определения птиц, работу жюри, подведение итогов и награждение победителей). Дополнительно включены в программу экскурсии в музей Куликова поля.

В целом ежегодное проведение предварительно спланированных мероприятий, приуроченных к Дням наблюдений за птицами, является достаточно удачным сочетанием эколого-просветительской работы со сбором материалов о распределении и численности внегнездовой орнитофауны, фенологии, что уже отмечалось в ряде публикаций [1, 2].

По многочисленным просьбам заинтересовавшихся подобными мероприятиями учителей, школьников и студентов различных учебных заведений в последнее время апробировались и другие места проведения соревнований по спортивной орнитологии.

Материалы мероприятий 2018 года позволяют проанализировать различия между данными, получаемыми командами натуралистов-любителей с различной степенью подготовки, а также сравнить результаты наблюдений, проведённых на удалённых друг от друга участках: территориях музея-заповедника «Куликово поле» в лесостепной зоне области (5 мая) и Крапивенского лесхоза-техникума в окрестностях Тульских засек (11 мая).

В соревнованиях на Куликовом поле приняли участие 13 команд: семь — в номинации «Новички», пять — в номинации «Мастера», а также два индивидуальных участника — «Профессионалы», в прошлом уже побеждавших здесь в составе команд. К «Новичкам», по правилам соревнований, относились команды, впервые принявшие участие в данном мероприятии (в основном школьники), «Мастера» — участники мероприятий прошлых лет. Соревнования проходили в окрестностях с. Себино Тульской области, расположенного на правом берегу притока Дона р. Мокрая Табола.

В соревнованиях в Крапивенском лесхозе-техникуме приняло участие семь команд, все они участвовали впервые и состояли из школьников (в том числе окрестных сельских школ) и студентов техникума. Соревнования проходили в окрестностях с. Селиваново, памятника природы «Дендрарий Крапивенского лесхоза-техникума», участка леса «Тульские засеки», расположенного на левом берегу р. Упа.

Всего при проведении соревнований в мае 2018 г. было сфотографировано и определено 59 видов птиц: на Куликовом поле — 51 вид, в Крапивенском лесхозе-техникуме — 24. Из них два вида занесены в Красную книгу Тульской области (осоед и полевой лунь), один является исчезающим видом (чернолобый сорокопут). Ввиду некорректности сравнения общих списков, составленных с использованием материалов наблюдателей с сильно различающейся квалификацией, проведём их отдельный анализ.

Из 51 вида, встреченных на Куликовом поле, командами новичков было отмечено 32 вида (порядка 60% видового списка). Разные команды «Новичков» фотографировали и определяли от 3 до 17 видов, «Мастера» и «Профессионалы» — от 19 до 29 видов. Сходство (по Жаккару) между обобщёнными видовыми списками команд, участвовавших впервые, и постоянных участников составило 53%, что в целом свидетельствует о довольно хорошем потенциале новых натуралистов-орнитологов. Самыми часто фотографируемыми видами были луговой чекан, жёлтая трясогузка, деревенская ласточка и домовый воробей (последний по частоте съёмки с большим отрывом лидировал у «Новичков»). Хочется отметить успешную съёмку и определение школьниками таких довольно «сложных», с нашей точки зрения, видов, как луговой и полевой луни, серая куропатка, луговой конёк, серая мухоловка и даже чернолобый сорокопут, не найденный в этом году «Мастерами».

Вполне сравнимы результаты команд «Новичков», соревновавшихся на Куликовом поле и в Крапивенском лесхозе-техникуме. Разные команды в окрестностях Тульских засек фотографировали и правильно определили от 2 до 12 видов. В списках большинства команд фигурировало порядка 26–40% видов птиц из составленных на основании полученных данных общих списков местных орнитофаун (рис. 1). Самым «встречаемым видом», отмеченным большинством команд, был дрозд-рябинник.

Общими для полученных в результате проведения соревнований «Новичков» списков птиц Куликова поля и Крапивенского лесхоза-техникума были 19 видов (коэффициент сходства списков по Жаккару — 0,32). Их перечень и относительная встречаемость приведены в табл. 1.

Частота встреч различных видов, очевидно, была обусловлена как различиями в погодных условиях, так и биотопическими особенностями мест проведения наблюдений. Так, в Крапивенском лесхозе-техникуме было отмечено большее количество лесных видов — вяхирь, дрозды белобровик, певчий, чёрный, малая мухоловка, поползень, значительным количеством встреч характеризовались зяблик и рябинник. В лесостепной зоне (Куликово поле) значительной относительной встречаемостью характеризовались жёлтая трясогузка, луговой чекан.

С сильным ветром в день проведения соревнований в окрестностях Тульских засек, вероятно, было связано отсутствие встреч целого ряда широкораспространённых, довольно обычных в лесной зоне и удобных для фотосъёмки птиц, например, ворона, лугового луня и других видов сокообразных, целого ряда луговых и опушечных видов (жаворонка, чекана, трясогузок, жулана).

Соревновательные мероприятия, связанные с наблюдением за птицами в природе, привлекают как взрослых любителей природы, так и учащихся с различным уровнем подготовки (и даже совсем без неё), а также позволяют сформировать интерес к живой природе и увидеть её разнообразие.

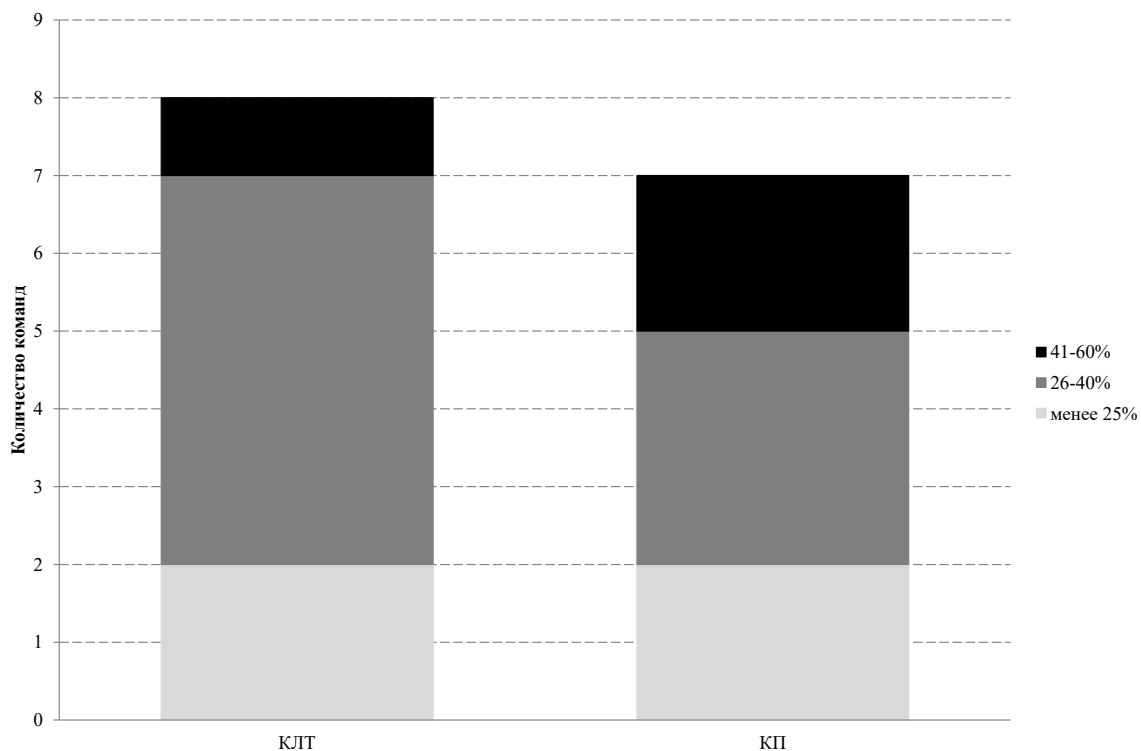

Рис. 1. Представительство видов из общих списков орнитофауны в индивидуальных списках команд «Новичков», май 2018 г. Условные обозначения:
КЛТ — Крапивенский лесхоз-техникум; *КП* — Куликово поле

Т а б л и ц а 1

Встречаемость различных видов птиц при проведении соревнований команд «Новичков» в Тульской области в мае 2018 г.

Частота встреч	Куликово поле		Крапивенский лесхоз-техникум		Общие виды	
	Кол-во видов	Виды	Кол-во видов	Виды	Кол-во видов	Виды
«Редко» — 1 встреча	16	Чёрный коршун, луговой и полевой луни, серая куропатка, белая и жёлтоголовая трясогузки, луговой конёк, жулан, чернолобый сорокопут, серая мухоловка, теньковка, садовая и серая славки, варакушка, обыкновенная каменка, большая синица, зеленушка, коноплянка, обыкновенная овсянка	10	Белый аист, сизый голубь, городская ласточка, скворец, грач, малая и серая мухоловки, соловей, зеленушка, обыкновенная овсянка	3	Серая мухоловка, зеленушка, обыкновенная овсянка
«Средне» — 2-3 встречи	9	Ворон, грач, скворец, рябинник, дубонос, полевой воробей	8	Деревенская ласточка, белобровик, певчий и чёрный дрозды, большая синица, поползень, домовый и полевой воробьи	1	Полевой воробей
«Часто» — 4-7 встреч	7	Сизый голубь, деревенская ласточка, жёлтая трясогузка, галка, луговой чекан, щегол, домовый воробей	5	Вяхирь, белая трясогузка, галка, рябинник, зяблик	1	Галка

Список литературы

1. *Гудовичева А. В., Швец О. В., Смирнова Е. В.* Дни наблюдений за птицами на территории музея-заповедника «Куликово поле» как компонент экологического просвещения // Динамика численности птиц в наземных ландшафтах. 30-летие программ мониторинга численности зимующих птиц России и сопредельных регионов: материалы Всероссийской научной конференции ЗБС МГУ. М.: КМК, 2017. С. 345–351.
2. *Швец О. В., Гудовичева А. В., Смирнова Е. В.* Дни наблюдений за птицами как компонент экологического просвещения и возможности использования полученных данных в научных целях // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность: сборник статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2017. С. 52–57.

ИЗМЕНЕНИЕ ВИДОВОГО СОСТАВА ПТИЦ В РАЙОНЕ АЭРОДРОМА КАЛУГА (ГРАБЦЕВО) В СВЯЗИ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИГОНА ТБО

Е. А. Попов,

кандидат биологических наук, инженер по орнитологическому обеспечению безопасности полётов, АО «Международный аэропорт «Калуга»

Учёт птиц в районе аэродрома Калуга (Габцево) проводился с апреля 2015 по декабрь 2018 г. Полигон твёрдых бытовых отходов (ТБО) был расположен к югу — юго-западу от аэродрома на расстоянии 1,5 км от контрольной точки аэродрома (КТА), а расстояние от свалки до оси южной глиссады составляло 0,6 км.

На рис. 1 показано расположение полигона ТБО относительно аэродрома и его взлётно-посадочной полосы.

Согласно СНиП 2.07.01–89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Приложение 2, «запрещается размещать на расстоянии ближе 15 км от контрольной

Рис. 1. Расположение полигона ТБО относительно ИВПП аэродрома Калуга (Габцево) и его глиссад

точки аэродрома места выброса пищевых отходов, строительство звероводческих ферм, скотобоен и других объектов, отличающихся привлечением и массовым скоплением птиц». В связи с этим администрацией «Международного аэропорта «Калуга» и Калужской транспортной прокуратурой был подан иск в районный арбитражный суд г. Калуги к администрации города и муниципальному унитарному предприятию «Полигон ТБО» о запрете осуществления захоронения отходов на полигоне и его закрытии. В результате арбитражного процесса полигон ТБО в п. Ждаминово был закрыт в начале 2017 г.

Ожидаемым эффектом от закрытия полигона было снижение интенсивности пролёта птиц в районе аэродрома. При реальном закрытии полигона появилась возможность количественной и качественной оценки эффективности данного мероприятия.

Фоновый видовой состав птиц, ассоциированных с полигоном ТБО, и в отношении которого существовала острая необходимость в радикальном снижении численности был представлен двумя группами: вороновыми птицами (*Corvidae*) и чайковыми (*Laridae*). Вороновые птицы (в порядке убывания): галки (*Corvus monedula*), вороны (*Corvus corax*), серые вороны (*Corvus cornix*), грачи (*Corvus frugilegus*). Другие вороновые, регулярно встречающиеся в районе полигона и аэродрома, а именно: сорока (*Pica pica*), сойка (*Garrulus glandarius*), кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) из-за своих особенностей поведения или малочисленности не представляли интереса для обеспечения орнитологической безопасности полётов воздушных судов.

Семейство чайковых (*Laridae*), в том числе сизая чайка (*Larus canus*), озёрная чайка (*Larus ridibundus*), серебристая чайка (*Larus argentatus*), клуша (*Larus fuscus*). Другие чайковые: чёрная крачка (*Hlidonias nigra*), малая чайка (*Larus (Hydrocoloeus) minutus*), речная крачка (*Sterna hirundo*) — крайне редкие в 30-километровом радиусе от аэродрома на самом аэродроме и полигоне ТБО за период наблюдений отмечены не были.

В целом, за период наблюдений с 2015 по 2018 г. интенсивность пролёта изменялась, как показано на рис. 2.

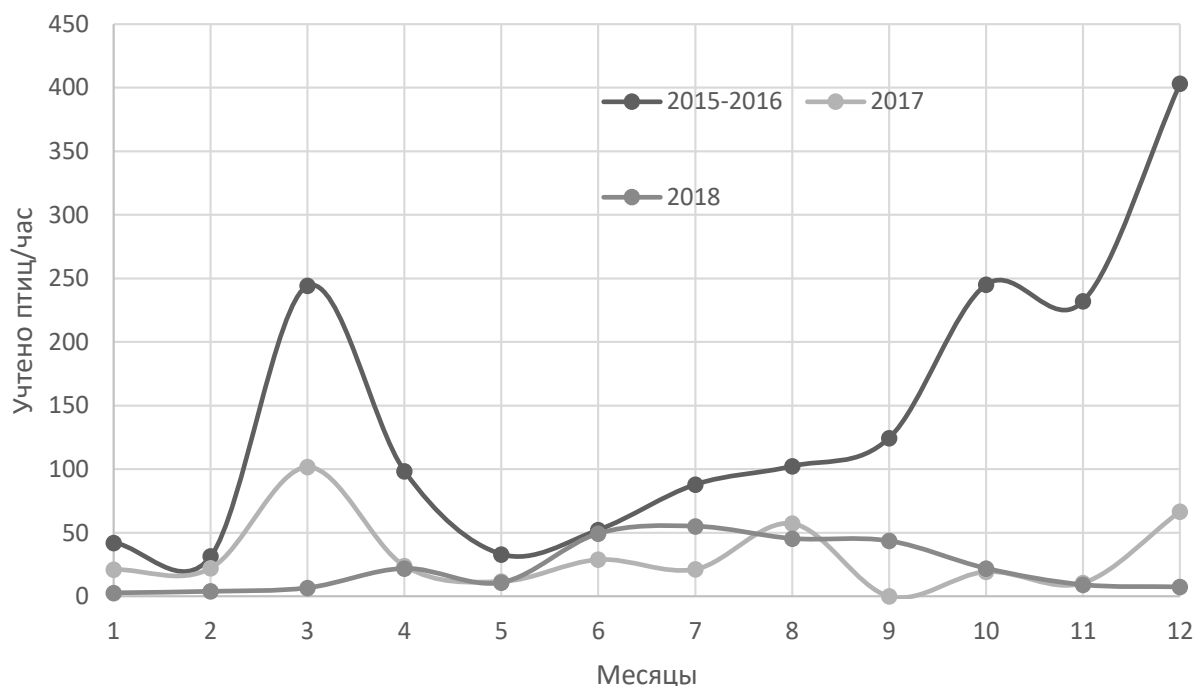

Рис. 2. Интенсивность пролёта всех птиц на аэродроме Калуга (Грабцево) до закрытия полигона ТБО в 2015–2016 гг. и после закрытия в 2017 и 2018 гг.

Снижение интенсивности перелётов в численном выражении представлено также в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Изменение частоты регистрации пролёта птиц в отдельные месяцы, по годам в процессе ликвидации полигона ТБО в п. Ждамирово, по данным учётов пролёта на постоянном наблюдательном пункте

Месяц	2015–2016	2017	2018
	интенсивность пролёта, птиц/час	интенсивность пролёта, птиц/час	интенсивность пролёта, птиц/час
I	42,33	21,15	2,80
II	31,44	22,16	3,98
III	244,22	101,70	6,77
IV	98,35	23,92	22,00
V	34,17	11,66	10,98
VI	52,27	28,90	49,48
VII	87,97	21,32	55,15
VIII	102,36	57,25	45,49
IX	124,63	–	43,62
X	245,24	19,36	22,06
XI	232,17	10,58	9,21
XII	403,21	66,78	7,47
<i>В среднем</i>	<i>141,53</i>	<i>32,07</i>	<i>23,25</i>

На рис. 2 обращает на себя внимание то обстоятельство, что наименьшая разница в численности учитываемых птиц наблюдается в мае — июне, что, вероятно, связано с репродукционным периодом и выкармливанием птенцов, не связанными как с действующим полигоном ТБО, так и с закрытым. Увеличение учтённого числа птиц с июня по сентябрь 2018 г. было связано с резким увеличением числа кормящихся над аэродромом чёрных стрижей и деревенских ласточек, прилетавших сюда с окружающих аэродром районов города, сельских поселений и ферм крупного рогатого скота (см. табл. 2 и 3).

Т а б л и ц а 2

Изменение частоты регистрации пролёта птиц в отдельные месяцы, по годам в процессе ликвидации полигона ТБО в п. Ждамирово, по данным учётов пролёта на постоянном наблюдательном пункте

Месяц	2015–2016	2017	2018
	Интенсивность пролёта, птиц/час		
Corvidae	68,74	11,39	3,19
Passeriformes	27,28	8,67	11,96
Columbidae	9,42	0,44	0,46
Laridae	6,54	2,14	0,31
Apus apus	1,50	4,01	6,23
Scolopacidae	0,86	1,29	2,23
Остальные	0,26	0,15	0,13

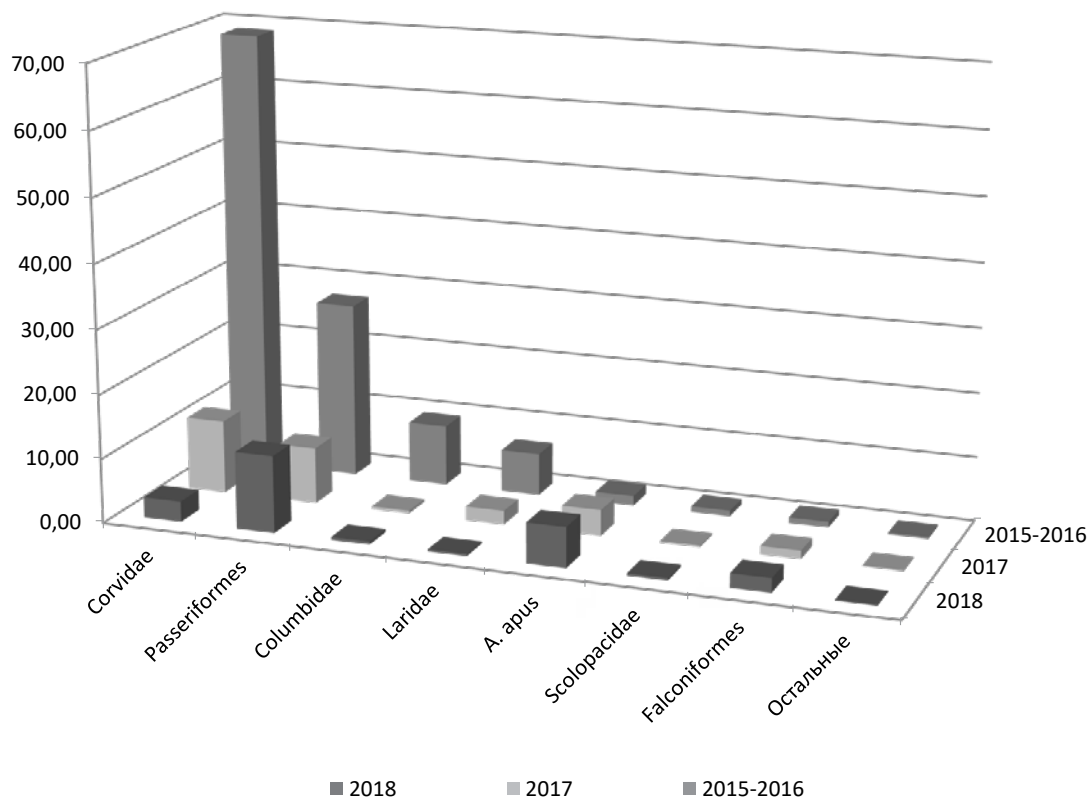

Рис. 3. Соотношение таксономических групп птиц в 2015–2016 гг. (без пересчёта) по учётам на аэродроме Калуга (Грабцево)

После прекращения деятельности полигона ТБО в 2017 г. наряду с общим снижением численности регистрируемых птиц изменялось также соотношение численности отдельных таксономических групп птиц, присутствующих на аэродроме Калуга (Грабцево) (рис. 3 и табл. 2).

Рассмотрим наиболее многочисленные и важные для безопасности полётов воздушных судов группы птиц. Изменение численности вороновых птиц представлено в табл. 3. Большое число неопределённых вороновых птиц в 2015–2016 гг. объяснялось регистрацией большого числа смешанных стай этих птиц, в которых всё же доминировали галки, но также присутствовали вороны, грачи и серые вороны.

Т а б л и ц а 3

Изменение частоты регистраций вороновых птиц, по учётам на постоянном наблюдательном пункте аэродрома Калуга (Грабцево)

№	<i>Corvidae</i>	2015–2016 гг., птиц/час	2018 г., птиц/час	Изменение численности, %
1	Неопределённые вороновые — <i>Corvidae</i>	36,55	0,19	99,47
2	Галка — <i>Corvus monedula</i>	17,69	0,44	97,53
3	Ворон — <i>Corvus corax</i>	8,01	1,17	85,39
4	Сорока — <i>Pica pica</i>	3,43	0,58	83,16
5	Серая ворона — <i>Corvus cornix</i>	2,14	0,80	62,43
6	Грач — <i>Corvus frugilegus</i>	0,69	0,01	98,55
7	Сойка — <i>Garrulus glandarius</i>	0,22	0,00	98,72
8	Кедровка — <i>Nucifraga caryocatactes</i>	0,02	0	100,00
<i>Всего</i>		<i>68,74</i>	<i>3,19</i>	<i>95,35</i>

Из табл. 2 видно, что все вороновые птицы после прекращения деятельности полигона ТБО стали встречаться реже. Общее падение их численности составило 95,4%. Максимальное падение численности среди наиболее массовых вороновых птиц наблюдается у галок, а минимальное — у серых ворон, что, очевидно, связано с особенностями филогенеза популяций этих видов в районе аэродрома (рис. 4). Частота встреч всех вороновых птиц снизилась с 68,7 птиц в час в 2015–2016 г. до 3,2 птиц/час в 2018 г., т.е. в 21,5 раза. В связи с общим сокращением численности вороновых птиц, посещающих полигон, исчезли и многотысячные смешанные стаи вороновых, поэтому число неопределённых до вида вороновых также сократилось на 99,5%.

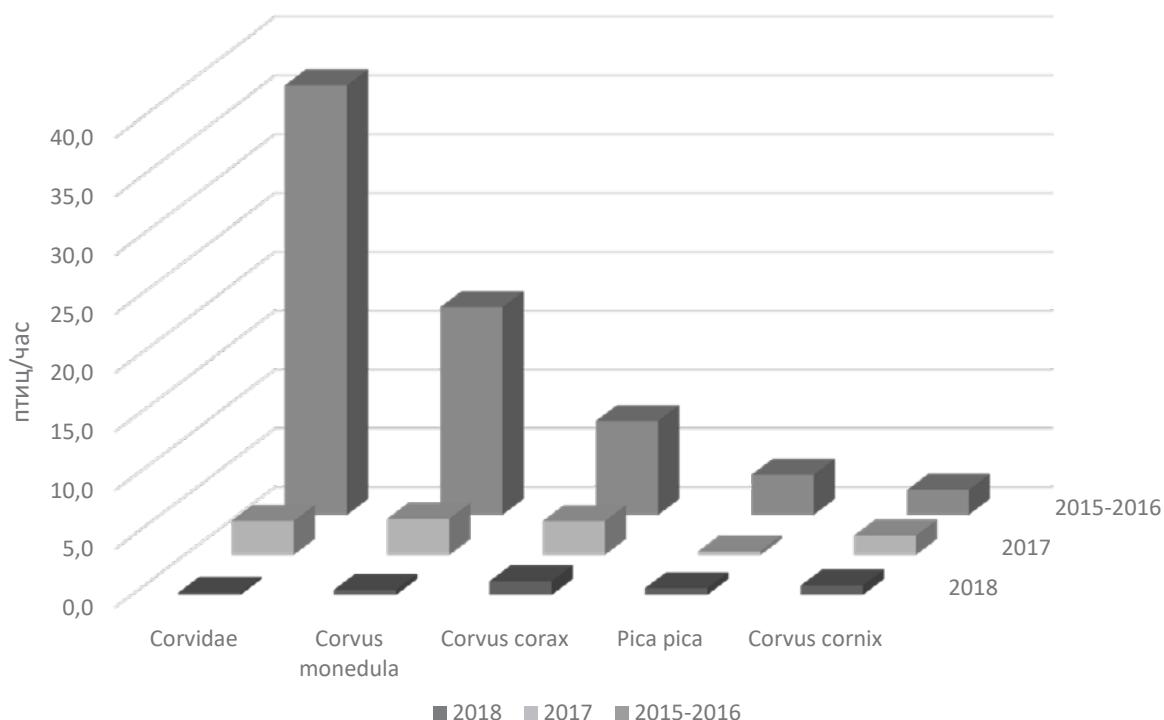

Рис. 4. Изменение встречаемости вороновых птиц на аэродроме Калуга (Грабцево) с 2015 по 2018 г.

Численность чаек после закрытия полигона ТБО значительно сократилась. Так, по отношению к периоду 2015–2016 гг. в 2017 г. она сократилась в 3,1 раза, а в 2018 г. — в 21,4 раза (табл. 4). При этом сокращается численность всех четырёх видов чаек (озёрной, сизой, серебристой и клуши), встречавшихся в районе аэродрома Калуга (Грабцево) (рис. 5). В 2018 г. чайки пересекали аэродром небольшими стаями до трёх десятков особей в период весенней миграции, в то время как в 2015–2016 гг. это были стаи до нескольких сот, а иногда и до тысячи особей. В период осеннего пролёта, происходящего преимущественно в октябре, чайки встречаются реже, чем весной, обычно поодиночке или небольшими стаями до 30 особей. Это нелогичное явление может объясняться пролётом этих птиц в ночное время либо маршрутом осеннего пролёта, отличающимся от весеннего.

Т а б л и ц а 4

Изменение частоты регистраций чайковых птиц, по учётам на постоянном наблюдательном пункте аэродрома Калуга (Грабцево)

№	Чайковые— <i>Laridae</i>	2015–2016 гг., птиц/час	2017 г., птиц/час	2018 г., птиц/час
1	Чайки— <i>Larus sp.</i>	5,43	1,27	0,205
2	Озёрная чайка— <i>Larus ridibundus</i>	0,86	0,57	0,018
3	Сизая чайка— <i>Larus canus</i>	0,303	0,27	0,058
4	Серебристая чайка— <i>Larus argentatus</i>	0,074	0,04	0,028
5	Клуша— <i>Larus fuscus</i>	0,006	0,002	0,004
<i>Всего</i>		<i>6,67</i>	<i>2,14</i>	<i>0,310</i>

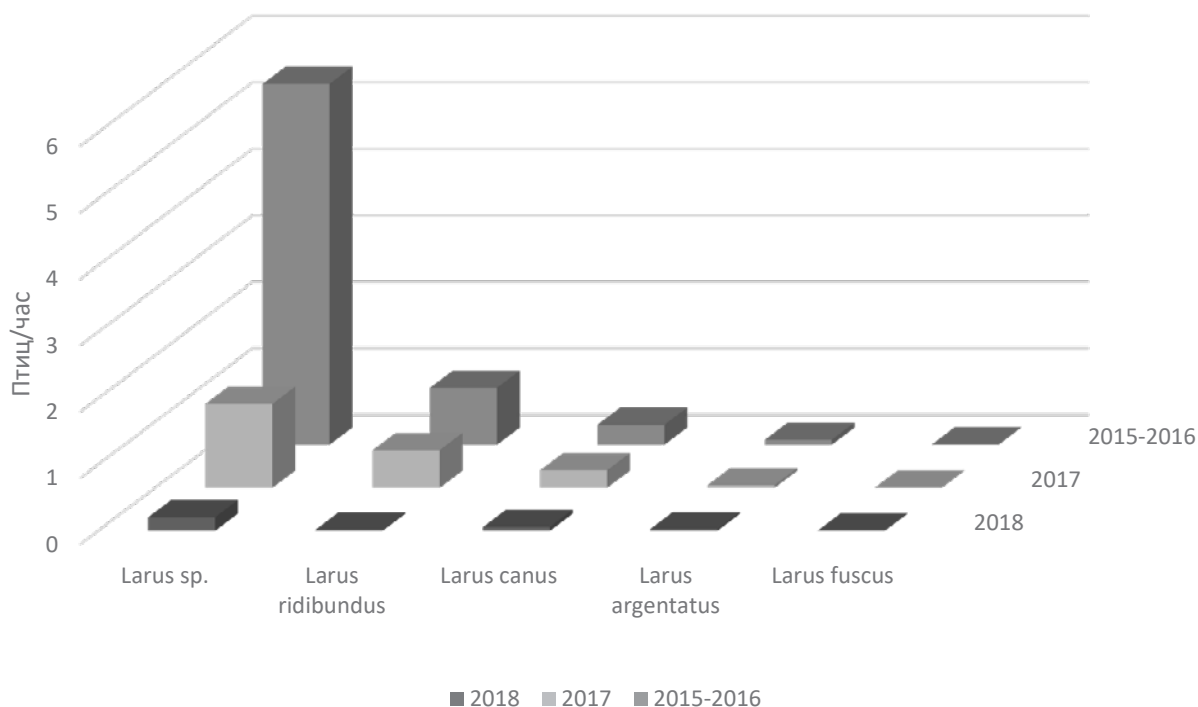

Рис. 5. Изменение встречаемости чак на аэродроме Калуга (Грабцево) с 2015 по 2018 г.

Кроме вороновых и чайковых птиц, считаем важным рассмотреть динамику численности следующих важных, с нашей точки зрения групп: мелкие воробьиные (*Passeriformes*), стрижи (*Apus apus*) и хищные птицы (*Falconiformes*), чья связь с полигоном ТБО неочевидна или вовсе отсутствует.

Т а б л и ц а 5

Изменение частоты регистрации мелких воробьиных птиц по учётам на постоянном наблюдательном пункте аэродрома Калуга (Грабцево)

№	Passeriformes	2015–2016, птиц/час	2018, птиц/час	Изменение численности, %
1	Мелкие воробьиные — <i>Passeriformes</i>	10,49	2,74	–73,91
2	Обыкновенный скворец — <i>Sturnus vulgaris</i>	2,17	2,49	14,87
3	Полевой воробей — <i>Passer montanus</i>	2,11	0,13	–93,68
4	Деревенская ласточка — <i>Hirundo rustica</i>	2,07	3,82	84,61
5	Пуночка — <i>Plectrophenax nivalis</i>	1,76	0,00	–100,00
6	Обыкновенный щегол — <i>Carduelis carduelis</i>	1,68	0,15	–90,86
7	Белая трясогузка — <i>Motacilla alba</i>	0,62	0,74	20,47
8	Обыкновенная овсянка — <i>Emberiza citrinella</i>	1,24	0,05	–96,28
9	Род дрозды и Рябинники — <i>Turdus sp. + T.pilaris</i>	1,33	0,35	–73,67
10	Луговой чекан — <i>Saxicola rubetra</i>	0,07	0,22	204,81
<i>Всего</i>		27,28	11,96	–56,16

Воробьиные — наиболее многочисленная как по числу особей, так и по числу видов группа. С точки зрения авиационной орнитологии, специфичную группу воробьиных — вороновых птиц (*Corvidae*) мы рассматриваем отдельно. Можно предположить, что динамика численности

10 наиболее распространённых групп мелких воробьиных птиц, вероятнее всего, никак или очень опосредованно связана с деятельностью полигона ТБО. Лишь обыкновенные скворцы, достаточно регулярно посещавшие полигон, лишились доступной кормовой базы и частично переместились на территорию аэродромного поля, впрочем, для подтверждения этого тезиса недостаточно имеющихся наблюдений. Поэтому изменение численности представителей этой группы птиц в учётах носят достаточно спонтанный характер и могут быть объяснены другими факторами, но неоднозначно ликвидацией деятельности полигона ТБО. Из табл. 5 следует, что число мелких воробьиных птиц в целом снизилось в 2,3 раза. Наиболее радикально снизилось число зимовавших в 2015–2016 гг. пуночек, которые в следующие две зимы не встречались на зимовке в районе аэродрома вообще. Также снизилась численность неопределённых до вида мелких воробьиных птиц, полевых воробьёв, обыкновенных овсянок, щеглов и дроздов, представленных в основном рябинниками. Выросла численность обыкновенных скворцов, деревенских ласточек, белых трясогузок и луговых чеканов, причём численность последних выросла наиболее значительно — в 3,1 раза. В абсолютном выражении в 2018 г. на аэродроме Калуга (Грабцево) доминировали деревенские ласточки, при этом их гнездование на территории аэропорта не установлено, из чего следует, что все деревенские ласточки прилетали на аэродром из окружающих аэропорт поселений.

В 2018 г. наиболее многочисленной группой птиц стали чёрные стрижи. Из табл. 6 видим, что их численность увеличилась на 327%, или в 4,3 раза.

Т а б л и ц а 6

**Изменение частоты регистрации чёрных стрижей по учётам
на постоянном наблюдательном пункте аэродрома Калуга (Грабцево)**

№	Apodiformes	2015–2016 птиц/час	2018, птиц/час	изменение численности, %
1	Чёрный стриж — <i>Apus apus</i>	1,46	6,23	326,77

Такое увеличение численности этих птиц не связывается нами с закрытием полигона ТБО, но, скорее, связано с флуктуацией биоценоза аэродромной территории и связанным с этим процессом увеличением численности летающих насекомых — кормового объекта чёрных стрижей.

Хищные птицы, в том числе чёрные коршуны, канюки, болотный и луговой луны, обыкновенная пустельга. В отдельные месяцы, обычно в период сезонных миграций, полигон ТБО посещали достаточно крупные стаи дроздов-рябинников, обыкновенных скворцов и некоторых других мелких воробьиных птиц. Очевидно, что именно на перечисленные выше группы птиц изменение статуса полигона ТБО оказало наибольшее влияние.

Для дневных хищных птиц также была выявлена вполне очевидная тенденция к изменению численности. Представленные в табл. 7 группы дневных хищных птиц составляют в отдельные годы от 83 до 98% от всех учтённых дневных хищных птиц.

Т а б л и ц а 7

**Изменение частоты регистрации дневных хищных птиц (*Falconiformes*)
по учётам на постоянном наблюдательном пункте аэродрома Калуга (Грабцево)**

Таксономическая группа	2015–2016 гг.	2017 г.	2018 г.
	Птиц/час		
Обыкновенная пустельга — <i>Falco tinnunculus</i>	0,127	0,628	0,983
Канюки — <i>Buteo sp.</i>	0,261	0,421	0,725
Чёрный коршун — <i>Milvus migrans</i>	0,287	0,153	0,165
Луны — <i>Circus sp.</i>	0,059	0,058	0,314

Из табл. 7 и рис. 6 видно, что встречаемость обыкновенной пустельги выросла в 7,75 раза, численность луней (лугового, полевого и болотного) выросла в 5,35 раза, а канюков (обыкновенного и зимняка)— в 2,77 раза. Частота регистрации чёрных коршунов, наоборот, снизилась в 1,73 раза. Можно предположить, что с прекращением деятельности полигона ТБО на его территории началось интенсивное снижение численности крыс и других мышевидных грызунов — основного кормового объекта перечисленных групп птиц и эти птицы могли переместиться на территорию аэродромного поля, где условия существования для мышевидных грызунов наиболее оптимальны по сравнению с другими прилегающими к свалке ландшафтами.

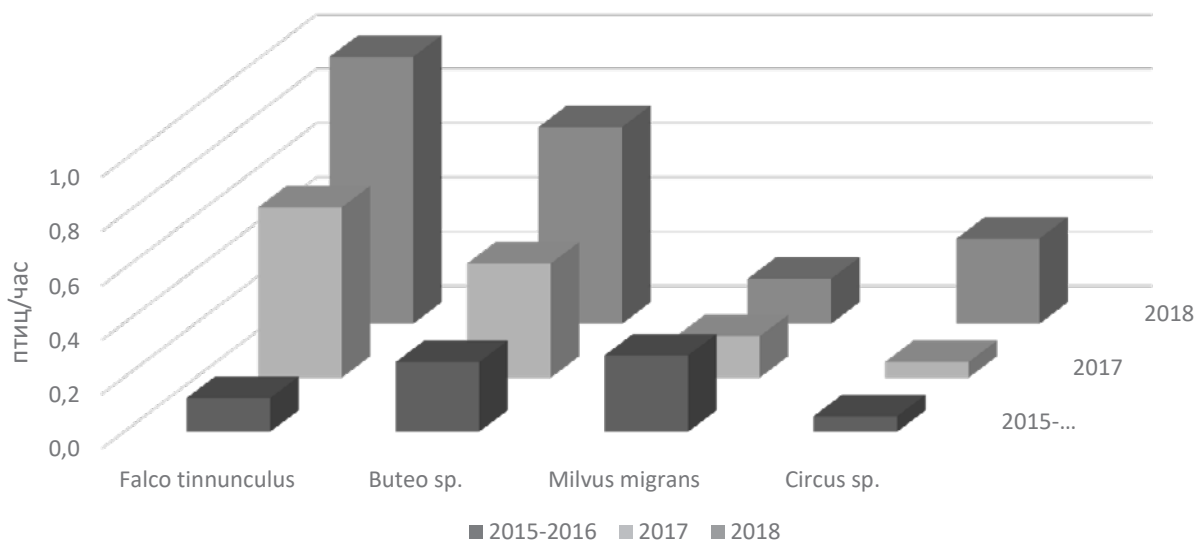

Рис. 6. Изменение встречаемости некоторых групп дневных хищных птиц на аэродроме Калуга (Грабцево) с 2015 по 2018 г.

С другой стороны, имеют право на существование и другие гипотезы о наблюдаемых тенденциях в изменении численности дневных хищных птиц.

Таким образом, после закрытия полигона ТБО рядом с аэродромом Калуга (Грабцево) общее число птиц, пересекающих аэродром, сократилось в 6,1 раза. При этом количество птиц наиболее массовых и опасных для движения воздушных судов, а именно: чаек и вороновых — сократилось радикально: вороновых в 21,5 раза, чаек — в 21,4 раза. Общее число хищных птиц, составлявших от 0,75% от всех зарегистрированных птиц в 2015–2016 гг., на фоне общего снижения численности птиц в 2018 г. составило 8,96%, т.е., наоборот, выросло в 2,5 раза. При этом основной рост произошёл за счёт увеличения численности обыкновенной пустельги в 7,8 раза, луней — в 5,4 раза. Также выросло в 2,7 раза число канюков. Число чёрных коршунов, наиболее тесно связанных с полигоном ТБО трофическими связями, сократилось в 1,7 раза. Рост числа хищных птиц, представленных в основном видами, в питании которых доминируют мелкие мышевидные грызуны, наряду с фактом взрывного роста популяции этих грызунов на аэродроме в 2016 г., вероятно, не связанном с деятельностью полигона ТБО, свидетельствует об отсутствии выраженной связи между изменением численности хищных птиц и прекращением деятельности полигона в 2017 г.

Взаимосвязь между другими группами птиц и деятельностью полигона ТБО прослеживается слабо или вообще не прослеживается. Так, общая численность регистрируемых на аэродроме десяти наиболее многочисленных видов мелких воробьиных птиц снизилась за рассматриваемый период в 2,3 раза. Но некоторые виды увеличили свою численность: белая трясогузка в 1,2 раза, деревенская ласточка в 1,8 раза, луговой чекан — в 3 раза; другие резко снизили: полевой воробей — 15,8 раза, обыкновенная овсянка — в 26,9 раза. Пуночка многочисленная на зимовке 2015–2016 гг. в другие зимы не отмечена. При этом против полевого воробья

и деревенских ласточек в аэропорту были проведены мероприятия по снижению количества доступных для гнездования мест. И если в отношении полевого воробья мероприятия имели очевидный успех, то в отношении деревенских ласточек эффекта не дали. Последнее, очевидно, связано с тем, что на территории аэродрома кормились птицы, гнездившиеся в ближайших окрестностях, в посёлках и на фермах, окружающих аэропорт. Такая же ситуация сложилась и с чёрными стрижами, частота регистрации которых увеличилась в 4,3 раза. Гнездование этих птиц в аэропорту не выявлено, в то же время стрижи активно гнездятся в городских постройках и многочисленны во всех микрорайонах г. Калуги с многоэтажной застройкой, а пространство над территорией аэродромного поля, очевидно, представляет для них интерес из-за обилия летающих насекомых. Это косвенно подтверждалось и тем, что число ласточек и стрижей на аэродроме увеличивалось по мере роста дневной температуры, с которой тесно связана активность летающих насекомых.

Список литературы

1. <http://magazin.aero/reviews/239-airport-domestic-waste-and-poultry> Аэродром: бытовые отходы и птицы. «АЭРОПОРТЫ. ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ».
2. <https://regnum.ru/news/accidents/1968745.html>—ИА REGNUM. В Калуге птицы с мусорной свалки угрожают авиаперелётам.

**ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ
И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Материалы
XVIII Всероссийской научной конференции,
посвящённой 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина
и 220-летию образования Калужской епархии

Корректор *Н. Г. Любомудрова*
Компьютерная вёрстка *С. И. Захаров*

Издатель Захаров С. И. («СерНа»)
Тел. 8-910-914-95-30
E-mail: sergeizah@gmail.com

Подписано в печать 18.08.21. Формат 60×84^{1/8}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 38 п. л.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42–29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75